

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Сборник научных статей

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2021

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

A43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке
и их изучение в российской и венгерской лингвистике»*

Рецензенты:

д-р филол. наук, гл. науч. сотрудник Института языкознания Российской академии наук
Н.В. Васильева;

д-р филол. наук, главный научный сотрудник
Института лингвистических исследований Российской академии наук *М.Н. Приемьшева;*
д-р филол. наук, профессор, профессор Департамента иностранных языков
и межкультурной коммуникации Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации *Н.В. Юдина*

Научный редактор

д-р филол. наук, проф. Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского *Л.В. Рацибурская*

Редакционная коллегия:

С.Г. Бусарева, Е.А. Жданова, В.А. Куликова, Е.В. Щеникова

**Активные процессы в современном русском языке: национальное и ин-
A43 тернациональное** : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. — Москва :
ФЛИНТА, 2021. — 940 с.

ISBN 978-8-9765-4550-2

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе материалов Международной научной конференции «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 30 октября 2020 г.). В статьях ведущих российских и зарубежных ученых активные процессы в разных коммуникативных сферах функционирования современного русского языка рассматриваются в лингвокогнитивном, прагмалингвистическом и лингвокультурологическом аспектах с учетом взаимодействия установки на сохранение национально-обусловленных способов языковой концептуализации мира и актуальных тенденций к глобализации и интернационализации национальных языков.

Для специалистов в области лингвистики, журналистики, студентов и аспирантов гуманитарных направлений, а также всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

ISBN 978-8-9765-4550-2

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство «ФЛИНТА», 2021

Содержание

<i>Агорен А.</i> Лексико-фразеологическое поле «трудолюбивость» в русском и турецком языках	8
<i>Алтабаева Е.В.</i> Концепт ЖЕЛАНИЕ в языке и концептосфере романа Е.И. Замятина «Мы» (к 100-летию создания произведения)	16
<i>Анисимова Е.В.</i> Некоторые вопросы вариантности деепричастий совершенного вида в документальном романе Бориса Ширяева «Неугасимая лампада»	26
<i>Арискина О.Л.</i> Концепт «ЭНЕРГИЯ» в дискурсе коучей XXI века	35
<i>Ару А.</i> Концепт «ДРУЖБА» в лицейской лирике А.С. Пушкина	44
<i>Бабюк А.П.</i> Функционирование активных синтаксических процессов в дискурсах СМИ	53
<i>Бергер О.Л.</i> Сопоставительный анализ русской и чешской лингвистической терминологии (на материале терминов, связанных с односоставным предложением)	62
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> ТАК СКАЗАТЬ — рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи)	73
<i>Буинь Цимике</i> Выражение обозначения промежутков времени в русском и китайском языках	86
<i>Бурменкова Ю.А.</i> Обращение <i>брат</i> в современной речевой практике носителей русского языка	94
<i>Бусарева С.Г.</i> Поликодовые тексты в пространстве интернет-коммуникации (на материале рекламной коммуникации)	105
<i>Буцева Т.Н.</i> Некоторые наблюдения о неологических процессах в русском языке 2000—2020-х годов	112
<i>Буцева Т.Н., Зеленин А.В.</i> Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей	125
<i>Виноградов С.Н.</i> Метаязыковая функция местоимений (на материале русских местоимений-существительных и местоимений-прилагательных)	138
<i>Вэнь Сунь</i> Чистота речи: эволюция термина с XVIII века до наших дней	148
<i>Геккина Е.Н.</i> Тенденции современного русского словообразования в зеркале инноваций	157
<i>Глазанова Е.В., Руднева Е.А.</i> Социолингвистический опрос о понятности официального языка: принципы типизации ответов	166

Грачев М.А. Процесс и пути перехода криминальных пиктограмм в законопослушную среду русскоязычного населения	175
Громенко Е.С. О некоторых тенденциях терминологических заимствований в русском языке начала XXI века	184
Давыдова О.А., Чапаева Л.Г. ДИВА — одно из возрожденных слов	195
Дурнева А.А. Жаргон как объект описания в толковом словаре (на материале «Словаря русского языка XXI века»)	206
Жантурина Б.Н. Лингвокогнитивная интерпретация субъектной организации текста при переводе на русский язык	214
Жданова Е.А. Словообразовательные неологизмы в интернет-словарях	222
Жуковская Л.И. О репрезентативных контекстах концептуальной метафоризации лексем <i>МЕНТАЛИТЕТ</i> и <i>МЕНТАЛЬНОСТЬ</i> в современной русской речи	230
Изместьева И.А. Язык песенных хитов начала XXI века	239
Исмаилова А.Ф. Ойкодомонимы как составная часть архитектурного образа и исторического портрета Уфы	248
Калинина Л.В. Конструкция <i>(не) уметь/(не) мочь</i> в + <i>вин. падеж</i> в языке Интернета: особенности семантики и функционирования	259
Климова Л.А. Заимствование vs национальная идентичность	270
Козинец С.Б. Семантические трансформации в метафорическом поле «музыка»	282
Козловская Н.В. Актуальная политическая лексика в русской оперативной неографии XXI века	293
Корнилова Е.В. Языковая игра как конструирующий принцип современной речевой практики СМИ (на материале заголовков прессы)	304
Кристиано Н.О. К вопросу о семантико-грамматическом описании газетизмов и их функционировании в российских СМИ	316
Круглова Н.Г. Активные языковые и речевые средства выражения концептов ‘честь’, ‘совесть’, ‘трудолюбие’, ‘справедливость’, ‘бескорыстие’ в дискурсе школьного сочинения	326
Кузнецов И.А. Национально обусловленные модели конфликтной коммуникации в русских диалогических вопросно-ответных единствах	338
Кузницина Е.С. Функционирование прецедентных феноменов в рекламном тексте	347
Куликова В.А. Новообразования как средство формирования иронии в заголовках текстов интернет-СМИ	357
Кун Чунься. Об антиэкономии языковых средств в неподготовленном чтении китайцев на русском языке	365

<i>Лазуткина Е.М.</i> Исследование активных грамматических процессов в различных направлениях интерпретативной лингвистики	377
<i>Левина С.Д.</i> Иноязычная неоморфема <i>-инг</i> в современном русском словообразовании	380
<i>Ма Цзянь</i> Особенности эмоциональных высказываний в аспекте лингвокультурологии у русских	398
<i>Макшанцева А.Л.</i> Концепт «УДАЧА» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении и его рецепция современными носителями русского языка	406
<i>Малеева Е.С., Цинкерман Т.Н.</i> Особенности функционирования безэквивалентной лексики (на материале рассказа «Судьба человека» М.А. Шолохова)	415
<i>Мальшев А.А.</i> «Умные слова» в спортивной публицистике Отара Кушанашвили	426
<i>Меркулова И.А.</i> Активизация социофолизмов в современной русской речи	434
<i>Минеева З.И.</i> Феминитивы с суффиксом <i>-к(а)</i>	446
<i>Митурска-Бояновска Й.</i> Словообразование в русском языке в эпоху коронавируса	459
<i>Михайлова И.Д.</i> Радиксоиды современного русского языка: продуктивное и непродуктивное, национальное и интернациональное	470
<i>Наговицына Н.В.</i> Фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта «ПАТРИОТИЗМ» в русской языковой картине мира	485
<i>Нефляшева И.А.</i> Оценочные ресурсы русской антропонимической системы (на материале окказиональных прозвищ Меган Маркл)	494
<i>Никифорова О.В.</i> Диалектная обрядовая лексика как средство формирования лингвистической компетенции иностранцев — будущих лингвистов	501
<i>Озерова Е.Г., Казютина Е.С.</i> Национальные коды в художественных текстах о войне	511
<i>Окунева А.А.</i> Специфика узуальной и неузуальной лексики в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова	520
<i>Осинчук А.Е.</i> Функционирование речевого жанра приказа в военном и художественном дискурсах	529
<i>Павлова А.С.</i> К проблеме ассимиляции прилагательных «гибридного» типа (на примере неолексемы <i>криповый</i>)	552
<i>Палоши И.</i> О семантическом соотношении приставок <i>недо-</i> и <i>пере-</i> в зеркале лексики последних месяцев	560
<i>Парахонько Л.В.</i> Тавтология и плеоназм с точки зрения активных способов деривации	561

<i>Перслегина Е.Р., Самсонова А.В.</i> Объективация концепта ИНТЕРНЕТ в текстах массмедиа (на материале сайта «Лента.ру»)	571
<i>Петрова М.Ю.</i> Вербальный конфликт: стадии протекания и коммуникативные особенности	582
<i>Плесник Л.</i> Аналитические прилагательные современного интернет-пространства (русско-чешский сопоставительный анализ)	592
<i>Плотникова Л.И.</i> Повседневная речь: языковой стандарт и словотворчество	604
<i>Плотникова Ю.В.</i> Словесное творчество в поэтическом пространстве региона (на материале произведений белгородских авторов)	613
<i>Полидовец Н.И.</i> Некоторые особенности использования графического оформления синтаксических конструкций в интернет-коммуникации	622
<i>Померанцева Т.П.</i> Синтагматические особенности языковой экспликации концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ	630
<i>Радбиль Т.Б.</i> Лексема самоизоляция как семантический неологизм в русской речи новейшего периода	640
<i>Радченко М.В.</i> Особенности современного медийного словотворчества в русском и хорватском языках	649
<i>Рацибурская Л.В.</i> Словообразовательные неологизмы в электронных СМИ	661
<i>Ридецкая Ю.С.</i> Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке 2010—2020-х годов	670
<i>Романенко А.П.</i> Лингвокультурологический взгляд на современную деловую аббревиацию	680
<i>Романик А.</i> «Латинизация» языка глянцевого журналов в условиях глобализации	690
<i>Рылов С.А.</i> Активные процессы в современном русском синтаксисе (на материале медиатекстов)	700
<i>Самыличева Н.А., Бинштейн М.М.</i> Речевые средства реализации стратегии дискредитации в современном политическом ток-шоу	711
<i>Сандакова М.В.</i> Дешёвый до безобразия (о развитии одной группы интенсификаторов в русском языке XXI века)	719
<i>Санджи-Гаряева З.С.</i> Стилистический аспект изучения советизмов	731
<i>Сандлер Ю.Н.</i> Проблема межязыковой лакунарности при переводе художественных текстов: глаголы с результирующим подсобытием в испанском переводе романа «Мастер и Маргарита»	738
<i>Сахарова А.В.</i> Функции и особенности семантики модального слова вероятно в естественно-научном дискурсе	749

Северская О.И. Универсальное и национально-специфическое в коронавирусной лексике	755
Сергеева Т.С. Стилистическая стратификация лексики в жанре современной проповеди	753
Сидорова Т.А., Болгова Н.С. Фразеологизация семантики производных от имён собственных	770
Синелева А.В. Синтаксические категории словесных позиций как единицы функционально-стилевого синтаксиса	779
Сирота Е.В. Проявление слабых связей в современном художественном дискурсе	788
Степанова Л.Ю. Возможности применения корпусного анализа в процессе изучения номинации минералов (на материале сказов П.П. Бажова)	799
Сюй Лили Фразеологическая репрезентация концепта «УПОРСТВО» в русском языке	810
Фивейская Е.А. Официальный язык: исконное и заимствованное (анализируя материалы «Словаря русского языка XXI века»)	822
Фуфаева И.В. Пилотесса, френдесса, готесса: активизация суффикса женскости <i>-есс(а)</i> в XXI веке	832
Хегедюш И. К вопросу о функции диминутивов в разговорной речи	841
Шавлюк В.Б. Варьирующиеся термины исторической грамматики русского языка в аспекте культуры терминопотребления	851
Шаповаленко Е.В. Функционирование дериватов с иноязычными препозитивными элементами в рекламном дискурсе	860
Шетэля В. Фразеологические обороты с компонентом сердце в тексте романа Г. Сенкевича «Огнём и мечом» в их переводе на русский язык	872
Широкова Е.Н. Метаграфемика поэзии А. Вознесенского: коммуникативно-прагматический аспект	879
Шмелева Т.В. Делибератив на фоне активных процессов в русской грамматике	888
Щеникова Е.В. Некоторые особенности отклонения от нормы при употреблении собирательных числительных в интернет-дискурсе (на материале словосочетаний с именами существительными <i>кот/кошка</i>)	899
Янурик С. Вопросы регистрации псевдоанглицизмов в современной русской лексикографии	914
Ясаи Л. Заметки об универбации и диминуции на основе их формального сходства	920

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ТРУДОЛЮБИВОСТЬ» В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается лексико-фразеологическое поле «трудолюбивость» в русском и турецком языках. Актуальность настоящего исследования обусловлена общекультурной значимостью лексико-фразеологического поля «трудолюбивость» в русском и турецком языках. Цель данной работы — выявить русские и турецкие фразеологизмы с значением 'трудолюбивость' как фрагмент лексико-фразеологического поля и описать их национально-культурную оригинальность, т.е. рассмотреть в лингвокультурологическом аспекте. В качестве вывода можно отметить, что идиомы не всегда имеют эквивалент в другой культуре. Данное исследование ставит целью оказать помощь при работе с фразеологизмами туркам, изучающим русский язык, и русским, изучающим турецкий язык.

Ключевые слова: русский язык, турецкий язык, фразеология, фразеологическая единица, словосочетание, семантика, идиома, сопоставительное исследование, лингвокультурология, сравнительный оборот.

Статья посвящена лексико-фразеологическому полю «трудолюбивость» в русском и турецком языках.

Язык, который определяется как устное и письменное выражение чувств и мыслей, является наиболее важным элементом общения. Язык страны является самым важным инструментом в передаче ее социальных и культурных ценностей. Язык в первую очередь является важнейшим средством человеческого общения, но это не единственная его функция: он одновременно выступает и в качестве зеркала национальной культуры. Язык в полной мере является хранителем народной культуры. Различные языковые единицы фиксируют содержание, которое в определенной мере восходит к условиям жизни народа как носителя языка.

Национально-культурная специфика присутствует на всех уровнях языка; но, безусловно, наиболее ярко она проявляется в фразеологических средствах, а также в пословицах и поговорках.

Фразеологизмы и пословицы, которые мы очень часто используем в разговорной речи, являются одними из самых важных языковых элементов, которые указывают на богатство языка. Для того чтобы осознать лексико-фразеологическое поле, сначала надо определить значение фразеологии. Для понятия фразеологии сначала нужно знать культуру и то, что эта культура дает языку.

Во фразеологии национальный дух, специфика и разного рода особенности семантики прослеживаются наилучшим образом. Во фразеологии отражены поэзия языка и мышление народа.

Фразеология — это раздел языкознания, изучающий фразеологический состав какого-либо языка; это синтаксис стереотипных слов, т.е. фраз, которые часто несут в себе различные значения, отличающиеся от их реальных значений. Фразеологизмы не могут быть изменены, поскольку они являются стереотипами. В словаре Д.Н. Ушакова, фразеология определяется так: «Совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных данному языку. Отдел языковедения, изучающий эти обороты и выражения (лингв.)» [Толковый словарь].

Постоянно познавая мир и общаясь друг с другом, люди обязательно дают всему оценку, выражают свои эмоции и чувства, при этом трудно переоценить роль фразеологических единиц (ФЕ). Имеется еще одно свойство фразеологических единиц, о котором нельзя ни в коем случае забывать — это их национально-культурная маркированность.

Так, Т.З. Черданцева пишет, что «идиоматика любого языка представляет собой ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [Черданцева 1996: 58].

Некоторые ученые, которые настаивают на расширительном толковании лексико-семантического уровня языка, постулируют

присутствие такой интегративной вариации семантических полей, как **лексико-фразеологическое поле (ЛФП)**. О способности подобного осмысления в шестидесятые годы двадцатого века писал, например, Е.А. Ножин: «Можно предположить, что семантические группы лексики и фразеологии сосуществуют, т.е. подавляющим большинством общих понятий соотносятся определенные круги как лексики, так и фразеологии. Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических семантических полей» [Ножин 1966: 117]. Не выходя из этого контекста, в этой работе будут рассмотрены идиомы и фразы, связанные с трудолюбием на русском и турецком языках.

Согласно принятой концепции исследования, для полноты описания лексико-фразеологического поля «трудолюбивость» необходимо рассмотреть его паремиологические, а также фразеологические составляющие. Пословицы и поговорки, фразеологизмы являются языковым воплощением эмоционально-образного, экспрессивного и оценочного компонента, присущего данному лексико-фразеологическому полю. Они вербализуют различные грани отношения к труду, оценки процесса и трудовой деятельности в целом, субъекта трудовой деятельности и результата, выработанных в русской культуре и отраженных в русском языке.

Фразеологическая составляющая как неотъемлемая часть общей системы языковых средств обладает своими отличительными особенностями, прежде всего вследствие наличия специфических признаков, которые характеризуют её как особый языковой феномен. Ниже приведем основные из них:

- 1) фразеологическая система — одна из самых образных систем;
- 2) она в отличие от лексики меньше подвержена изменениям;
- 3) многие фразеологические единицы связаны с различными реалиями народного быта, фактами истории (народными верованиями, обычаями и обрядами);
- 4) это особый феномен, с яркой выразительностью и эмоциональностью (например, фразеологизм *не лаптем щи хлебать*).

Актуальность настоящей статьи обусловлена общекультурной значимостью лексико-фразеологического поля «трудолюбивость» в русском и турецком языках.

Цель работы — выявить русские и турецкие фразеологизмы с значением ‘трудолюбивость’ как фрагмент лексико-фразеологического поля и описать их национально-культурную оригинальность, т.е. рассмотреть в лингвокультурологическом аспекте.

В настоящей статье впервые рассматриваются русские и турецкие фразеологизмы с значением трудолюбости как фрагмент лексико-фразеологического поля русского и турецкого языков, впервые выявляется их национально-культурная оригинальность как фразеологических единиц.

Как и в любой культуре, в русской и турецкой культурах особое внимание уделялось трудолюбию. В обоих языках есть много выражений, обозначающих трудолюбие, изобретательность, мастерство, эти выражения активно используются в литературе и повседневной жизни.

Идиомы турецкого языка очень важны в повседневной разговорной речи, а также в литературе. Существует множество идиом, связанных с работой и успехом. Один из самых важных источников этих идиом — это словарь пословиц О.А. Аксой [Aksoy 1971]. Другим важным источником является словарь ТДК, российским аналогом которого можно считать национальный корпус русского языка.

В русском языке имеются следующие фразеологизмы означающие, что человек трудолюбивый, хорошо выполняет свою работу: *мастер своего дела, работает, засучив рукава, золотые руки, трудиться не покладая рук*. Сначала разберём значение первого фразеологизма.

Мастер своего дела — человек, который хорошо выполняет свою работу. К примеру: *Говорили, что это добродушный, обаятельный и страшиноватый человек. Великий мастер своего дела. Остряк! Эрудит!* (Ю.О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978).

Работает, засучив рукава, человек, который работает старательно и усердно. Например, нужно сделать генеральную уборку

ку. В этом случае можно применить фразу *работать, засучив рукава*. Есть синонимы данного фразеологизма: *не покладая рук, до седьмого пота, не зная продыху и гореть в работе*. Все эти фразеологизмы означают, что человек трудолюбив. Это фразеология — значит буквально ‘kollagını sıvaıır çalıřmak’, но в турецком языке есть эквивалент этого выражения. Это значит ‘iřgüzar olmak’, т.е. это пример для эквивалентного фразеологизма.

Выражение *золотые руки* означает, что человек умеет делать практически все. Синоним данного фразеологизма — выражение *мастер на все руки*. Для примера: *а какие среди них есть даровитые поэты, музыканты, физики, врачи, какие среди них умельцы — слесари, плотники, те, о которых народ с восхищением говорит: золотые руки* (В. Гроссман, Все течет, 1955—1963 // Октябрь, 1989).

Выражение *трудиться не покладая рук* говорит о том, что человек много работает и не отвлекается от работы даже на обед. Это синоним вышеуказанных выше выражений. Например: *для того чтобы стать богатым, ты должен трудиться, не покладая рук* (Н.Л. Захаров, 2002).

Кроме этих выражений, конечно, есть много идиом о трудолюбии. К примеру: *работать как каторжный; трудиться в поте лица; работать (вкалывать) как черт; трудиться (работать), не разгибая спины; работать до седьмого пота* и др. У всех этих фразеологизмов одинаковое значение — это значит очень много и тяжело работать, света белого не видеть; добросовестно выполнять тяжелую работу; усердно трудиться, тяжким трудом добывать хлеб.

Примеры из национального корпуса русского языка: для фразеологизма *работать как каторжный* — *Понимаете, один только год передышки, а затем я снова примусь работать, как каторжный!* (И.Л. Леонтьев-Щеглов, Из воспоминаний об Антоне Чехове, 1904—1911); для фразеологизма *трудиться в поте лица* — *Раз мне ничего не дают на трудодень, думал колхозник, за мою работу, зачем же я буду трудиться в поте*

лица? (В.А. Солоухин, Капля росы, 1959); для фразеологизма *работать (вкалывать) как черт* — *Ты будешь работать, как черт* — *ведь ты это можешь, можешь!* (Дина Рубина, Белая голубка Кордовы, 2008—2009).

Исходя из всего выше сказанного можно сделать вывод, что все эти фразеологизмы имеют одно значение — значение трудолюбивости и часто применяются в разговорной речи русского языка. Происхождение этих фразеологизмов уходит корнями вглубь истории русского языка, но по сегодняшний день эти фразы используются в разговоре.

Перечислим турецкие идиомы, имеющие похожее значение, и переведем их на русский язык: *ekmeğini kazanmak* — ‘зарабатывать себе на хлеб’, *ekmeğini taştan çıkarmak* — ‘добывать хлеб из камня’, *geceyi gündüze katmak* — ‘работать день и ночь, работать сутки’, *amaç gütmek* — ‘преследовать цель’, *baş koşmak, baş koymak* — ‘положить голову’, *kafayı çalıştırmak* и *kafası işlemek* — ‘соображать, шевелить мозгами’, *ırgat gibi çalışmak* — ‘работать как вол, выполнять тяжёлую работу’.

Следует понимать, что далеко не все и не всегда возможно перевести с одного языка на другой. Именно поэтому проблема перевода — это основная задача, которая встает при сопоставлении фразеологических систем различных языков, а также в ходе обучения иностранным языкам.

В ходе сопоставления фразеологические единицы могут быть условно подразделены на два основных типа: так называемые эквивалентные — это фразеологические единицы, поддающиеся переводу, и непереводаемые. Можно наблюдать в среде переводчиков тенденцию к сильному преувеличению непереводаемости определенных фразеологических единиц с одного языка на другой, но здесь стоит вспомнить, что можно встретить и переходный тип ФЕ, который является относительно, или частично, эквивалентным. В этой связи следует отметить, что близкое родство языков дает наиболее высокий процент полных эквивалентов.

Ниже приводятся основные принципы сопоставительного изучения.

I. Принцип эквивалентности/безэквивалентности. Фразеологизмы необходимо сопоставлять в первую очередь по их функциональному, а также семантическому аспектам. Кроме того, фразеологические единицы следует сопоставлять с точки зрения грамматической структуры, стилистических характеристик и образа, лежащего в основе фразеологической единицы, а также принимать во внимание происхождение и источники.

II. Сопоставление языков по два (а не всех языков).

В качестве вывода в настоящей статье можно отметить, что идиомы не всегда имеют эквивалент в другой культуре. Однако, поскольку русская и турецкая культура имеют определенное сходство, то имеется целый ряд идиом и ФЕ, имеющих полный эквивалент. Так, например, исконно турецкое выражение *ekmeğini kazanmak* полностью соотносится с русским выражением *зарабатывать себе на хлеб*, а идиома *baş koymak* — с выражением *положить голову*. Имеется также очень часто употребляемое выражение *irgat gibi çalışmak* — оно полностью соотносится с русским *работать как вол*.

В заключение отметим, что данное исследование ставит целью оказать посильную помощь туркам, изучающим русский язык, и русским, изучающим турецкий язык. Другими словами, цель нашей работы — это создать ресурс, который поможет учащимся в изучении иностранных языков.

Список литературы

1. Ножин Е.А. Англо-русский словарь по семантическим группам // Иностранные языки: сб. ст. М., 1966. № 2. ВИИЯ. С. 101—124.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940.
3. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 381 с.
4. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров;

- под ред. А.И. Молоткова, 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. 544 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.
 6. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58—70.
 7. Aksoy Ö.A. Atasözleri Sözlüğü. Ankara 1971. 392 s.
 8. TDK Yayınları: 325/1/Deyimler Sözlüğü, Ankara, 392—968 s. TDK Yayınları: 325/2.
 9. <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
 10. <https://sozluk.tdk.gov.tr/>

© *A. Agoren*

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL FIELD “TRUDOLYUBIVOST” (HARD WORK) IN THE RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES

This article examines the lexical and phraseological field “hard work” in the Russian and Turkish languages. The relevance of this study is due to the general cultural significance of the lexical and phraseological field “hard work” in the Russian and Turkish languages. The purpose of this work is to identify Russian and Turkish phraseological units with the meaning of hard work as a fragment of the lexical and phraseological field and to describe their national and cultural originality, that is, to consider them in the linguocultural aspect. As a conclusion, it can be noted that idioms do not always have an equivalent in another culture. This study aims to provide assistance in working with phraseological units for Turks who study Russian and Russians who study Turkish.

Keywords: Russian language, Turkish language, phraseology, phraseological unit, word combination, semantics, idiom, comparative research, linguoculturology, comparative turnover.

© *Алтабаева Елена Владимировна*
Московский педагогический
государственный университет

КОНЦЕПТ ЖЕЛАНИЕ В ЯЗЫКЕ И КОНЦЕПТОСФЕРЕ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ» (к 100-летию создания произведения)

Предметом рассмотрения в работе является репрезентативная система концепта ЖЕЛАНИЕ, представленная в пространстве замятинского текста, в частности в языке и концептосфере романа Е.И. Замятина «Мы». Исследование проводится в русле концептуального анализа, с учетом когнитивных оснований и концептуальных признаков концепта ЖЕЛАНИЕ — одного из фундаментальных концептов русского языкового сознания. Устанавливается связь способов выражения желания (грамматического и лексико-синтаксического) с эмоциональным и рациональным компонентами в структуре концепта и с эволюцией сознания главного героя романа. Делается вывод о значимой роли концепта ЖЕЛАНИЕ в индивидуально-авторской модели мира, воплощенной в концептосфере романа «Мы», и в раскрытии образа его главного героя.

Ключевые слова: замятинский текст, индивидуально-авторская модель мира, концептуальный анализ, концепт ЖЕЛАНИЕ, концептуальные признаки, языковые репрезентации, концептосфера, идиостиль.

Сегодня, в эпоху глобализации и цифровых технологий, роман Евгения Замятина «Мы», созданный столетие тому назад, приобретает новое, еще более актуальное звучание. Он относится к кругу тех произведений, которые пережили свое время и вошли в новое тысячелетие, а его автор занимает место в первом ряду тех писателей, которые отразили жизнь человеческую в «иных мирах» — антиутопических, фантастических, но вполне уже возможных в не столь отдаленном будущем. «Мы» —

роман-предупреждение, роман-провозвестник, роман-призыв в любых условиях сохранить, сберечь человеческое в человеке. Поэтому его глубинный смысл — отнюдь не узкополитический, как пытались толковать его современники, но общемировой и общечеловеческий. Этим произведением Евгений Замятин проложил дорогу антиутопиям, снискавшим, может быть, большую популярность, чем «Мы», но появившимся именно благодаря ему. Не стоит забывать, что первопроходцем был непосредственно Замятин — писатель-новатор, писатель-экспериментатор, писатель-первооткрыватель, своим пророческим творением обусловивший появление антиутопий Дж. Оруэлла, Д. Даллоша, Р. Брэдбери, О. Хаксли.

В наше время особенно востребованы объективные, беспристрастные подходы к изучению творческого наследия Евгения Ивановича Замятина. Действительно, хотя минуло уже более восьмидесяти лет со времени ухода писателя из жизни (1884—1937), мы еще не можем утверждать, что представление о его творческом методе сложилось во всей полноте, непредвзятости и непротиворечивости. Замятинский стиль, в котором блестяще реализовано изобразительное мастерство автора — принципиально актуальный объект научных изысканий, осуществлять которые реально только на междисциплинарном уровне с использованием различных областей знания, т.е. на основе многоаспектного подхода, вбирающего в себя и органически сочетающего новейшие научные парадигмы с классическими направлениями филологической науки, а также с учетом существенных характеристик самого объекта исследования, среди которых выделяется, прежде всего, его антропоцентрическая направленность и национально-культурная специфичность, многоплановость концептосферы замятинского текста, с одной стороны, и его структурно-функциональная целостность, с другой.

На основании общности концептуальных, языковых, стилистических свойств разнообразных в жанровом отношении текстов произведений Е.И. Замятина были выявлены объединяющие их признаки, позволяющие говорить о феномене замятин-

ского текста как целостном в художественном плане и системно организованном в языковом отношении явлении (см.: [Алтабаева 2011: 27—30]). Одним из важнейших признаков замятинского текста выступает его концептосфера, специфицированная в художественном пространстве и отражающая индивидуально-авторскую модель мира.

В этой работе мы хотели бы обратиться к концептосфере романа «Мы» в одном из ее актуальных фрагментов, связанных с формированием и выражением желаний личности: это концепт ЖЕЛАНИЕ и система его языковых репрезентаций. Концепт ЖЕЛАНИЕ — один из ключевых для русского языкового сознания, целостное ментальное образование с собственными философскими, логическими, когнитивными, лингвopsихологическими, прагматическими и лингвокультурологическими основаниями. В нем концептуализируется особый элементарный смысл желательности осуществления предпочитаемой ситуации, формирующий, в числе прочих, фундамент нашей языковой личности. На основе данного концепта в сознании говорящего формируется языковая категория оптативности, располагающая широким спектром способов представления. Специфика понятийного содержания этой категории и средств ее языковой репрезентации определяется когнитивными основаниями концепта ЖЕЛАНИЕ и его концептуальными признаками.

Решение вопроса о месте и роли концепта ЖЕЛАНИЕ в национальной языковой картине мира оказывается непосредственно связанным с ментальной и языковой природой этого феномена, а также с необходимостью определения лингвистической сущности той категории, основу которой он составляет, — категории желательности-оптативности [Алтабаева 2007б: 73—105].

Единицы данной категории (оптативные предложения) обладают функционально-коммуникативной спецификой, а в художественном тексте выступают ярким выразительно-изобразительным средством.

Антропоцентрический подход к языку выдвинул на первый план субъекта речевой деятельности — говорящего. Антропоцен-

тричность является одной из важнейших характеристик концепта *желание*: если индивидуум испытывает какие-либо желания, то это происходит в строгом соответствии с той системой ценностей, которой он руководствуется. Поэтому в зависимости от того, как человек выстраивает собственную, лично ориентированную систему ценностей и целеустановок, он осознает и оформляет (концептуализирует и категоризирует) свои желания. Безусловно, здесь важно различать содержательный и формальный планы данного явления, а именно: что желает индивидуум и как, какими средствами он выражает свое желание. Вследствие этого одной из главных задач современной теории оптативности является установление закономерностей соотношения содержания желания и его языкового выражения или, иными словами, взаимосвязи и взаимозависимости обобщенного представления языковых и неязыковых знаний в структуре концепта ЖЕЛАНИЕ, с одной стороны, и различных языковых интерпретаций содержания этого концепта в разных типах текста, с другой. Тем самым возникает необходимость выявления и описания когнитивных оснований концепта ЖЕЛАНИЕ и его концептуальных признаков.

Это такие признаки, как отвлеченность содержания концепта; наличие гедонистической оценки; субъективность концепта в той его части, которая связана с выбором желаемого предмета; потенциальность желаемой ситуации; адресованность желания при отсутствии реального или потенциального исполнителя. Присутствие выделенных признаков во всех, без исключения, репрезентациях концепта свидетельствует о четких когнитивных основаниях данного концепта, имеющих системную организацию. Все эти параметры в отдельности или вместе взятые детерминируют способы материального воплощения концепта желание в языке, и поэтому важно установить участие значимых единиц различных уровней языковой системы в репрезентации категориальной семантики желательности, а также их соотношение и взаимодействие в конкретном высказывании, в тексте, выяснить механизм взаимодействия элементов оптативной ситуации со средствами ее представления.

Кроме того, специфическими чертами концепта желание являются, во-первых, его сугубо обобщенный, абстрактный характер и, во-вторых, то, что категоризируется он через способ языкового представления, а конкретизируется через предмет желания, занимающий определенное место в системе отношений объективного мира.

Очевидно, что желается преимущественно то, чего не имеет данный конкретный субъект, но то, что существует вокруг нас. Даже желая то, что есть только в нашем воображении, мы соотносим желаемое с какими-то объективными реалиями. В концепте сочетаются источник наших желаний — внешний материальный мир во всех его проявлениях, мир «не — Я», с одной стороны, и мыслительная сфера — сфера желаний как принадлежность внутреннего мира индивидуума, мира «Я», часть его личностной системы ценностей и целеустановок, с другой стороны. Вербализация желания, снабженная системой регуляторов прагматического плана, возникает как бы на стыке этих двух миров, связывает их воедино, одновременно символизирует мир «Я» и обозначает мир «не — Я», осуществляет перевод содержания концепта в область речевой коммуникации и языкового знака.

При этом следует учитывать, что неоднородность организации и содержания разных типов концептов, а также многообразие способов их репрезентации в сознании человека отражает столь же неоднородный характер предметов и явлений окружающего мира [Болдырев 2014: 42]. Какими средствами языка будет представлен концепт в каждом конкретном случае, зависит от тех микроконцептов, которые отвечают за способ репрезентации соответствующих понятийных областей желательности: ЖЕЛАНИЕ ГОВО-РЯЩЕГО (грамматический способ репрезентации) и ЖЕЛАНИЕ СУБЪЕКТА (лексико-синтаксический способ репрезентации).

Все вышеприведенные характеристики концепта ЖЕЛАНИЕ находят свое проявление в разных типах текста, в том числе и в художественном. В силу «субъектонаправленности» данного концепта, в его репрезентациях отражаются не только сиюминутные «хотения», но и, весьма часто, жизненные установки и ценностная иерархия. Для Е.И. Замятина использование такого

способа представления системы ценностей своих героев — это черта идиостиля, последовательно проявляющаяся в пространстве замятинского текста [Алтабаева 2007а: 48—52]. В романе «Мы» прослеживается та же закономерность, но с некоторыми особенностями.

В системе оптативных предложений романа, насчитывающей около 200 примеров, обращает на себя внимание довольно четкая дифференциация способов репрезентации концепта ЖЕЛАНИЕ. Лексический (лексико-синтаксический) способ используется при выражении более рационального желания (намерения, попытки), тогда как выражение желания эмоционального происходит посредством грамматических репрезентаций. Все репрезентации, естественно, включены в систему дневниковых записей героя Д-503 и связаны с описанием ситуации или ощущений героя.

Пока, в соответствии с сюжетом, герой пытается логически, с математически точной выверенностью анализировать происходящее, его желания получают эксплицитное, лексико-синтаксическое, выражение, например: *Хотел зачеркнуть все это...; Хотелось наговорить ей очень резких вещей; Не могу, не хочу его видеть; Послушайте, вы, ясно, хотите оригинальничать, но неужели вы...; Я хотел уже поставить точку...* (здесь и далее цитируется издание: [Замятин 2003, т. 2]). Но такого рода репрезентации в монологах Д-503 преобладают до определенного момента, когда его максимальная оцифрованность вступает в конфликт с подсознательной тягой к жизни иной, человеческой, к естественным, не регламентируемым Единым Государством, ощущениям, к нормальным чувствам и их проявлениям: *И я знаю: до сих пор мой мозг был хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом, а теперь... Да теперь именно так: я чувствую там, в мозгу, — какое-то инородное тело — как тончайший ресничный волосок в глазу: всего себя чувствуешь, а вот этот глаз с волоском — нельзя о нем забыть ни на секунду...*

Как только «всё это сумасшествие — любовь, ревность...» начинает проникать в незамутненное ранее ничем подобным сознание героя, его желания приобретают иную направлен-

ность — внутрь себя — и становятся более интенсивными и эмоционально окрашенными, что отражается и в грамматическом способе их репрезентаций: *Я — один. Вечер. Легкий туман. Небо задернуто молочно-золотистой тканью, если бы знать, что там — выше? И если бы знать: кто — я? Какой — я?* В примере используются инфинитивно-оптативные предложения, опирающиеся на форму инфинитива с частицей *бы* или одной из ее модификаций, обладающие особой модальной и эмоциональной нагрузкой и составляющие ядерную зону в системе средств категории оптативности. Инверсия и пунктуационное оформление предложения актуализирует объект желания: *...кто — я? Какой — я?* В тексте романа также функционируют инфинитивно-оптативные предложения с независимым инфинитивом без частицы *бы*, передающие особенно сильное, интенсивное желание говорящего — героя Д-503: *Нет! Увидеть ее! Только еще раз увидеть ее!*

Автор использует и другие способы грамматической репрезентации концепта, например, морфолого-синтаксический: *Ах, если бы в самом деле это был только роман, а не теперешняя моя, исполненная иксов, V-1 и падений жизнь; Если бы у меня была мать — как у древних: моя — вот именно мать. И что бы для нее я не Строитель «Интеграла», и не номер Д-503, и не молекула Единого Государства, а простой человеческий кусок ее же самой — истоптанный, раздавленный, выброшенный...*

Отсутствие в подобных примерах модальных глаголов типа *хотеть*, предназначенных для экспликации, лексикализации и, на наш взгляд, рационализации желания, свидетельствует об интерпретирующей природе репрезентативных возможностей концепта ЖЕЛАНИЕ, с одной стороны, и о глубинной языковой интуиции автора романа «Мы». Избирая среди обширных ресурсов именно грамматический, имплицитный способ передачи желаний героя, Е.И. Замятин показывает эмоциональное состояние Д-503, степень противоречивости его ощущений и высокое напряжение его чувств. А желание избираемого и единственно-го в соединении с семантикой неосуществимости желаемого,

репрезентируемое частицей *бы* модификацией *если бы*, соответствует высшей степени интенсивности проявления признака.

Грамматические средства репрезентации концепта ЖЕЛАНИЕ в оптативных предложениях не только связаны с эмоциональным желанием, но и выполняют важную смысловую нагрузку в пространстве замятинского текста. Они участвуют в трансляции ключевых текстовых смыслов произведения. Можно сделать вывод, что передача ключевых смыслов посредством оптативных предложений с грамматически выраженной желательностью — прием, характерный для всего замятинского идиостиля и встречающийся в целом ряде текстов. Так, ключевой смысл в рассказе «Пещера» выражен оптативным безглагольным предложением *Где бы дров — Где бы дров — Где бы дров*, а в «Рассказе о самом главном» — инфинитивно-оптативным предложением с модификацией *если бы*: *Если б не быть человеком — если бы не знать жалости к человеку!*

Показательно, что после «Великой Операции» — уничтожения у героя романа прежней болезни — души — меняется модальный план его дневниковых записей. Полностью отсутствуют предложения с модальностью желательности, равно как и сами желания, чувства, эмоции, но появляется модальность долженствования: *...я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить*. Убить в человеке его душу для Замятина значит убить личность в ее истинных, а не оцифрованных проявлениях. Финал произведения демонстрирует крах личности, павшей под гнетом механического цифрового режима, и побуждает читателей задуматься о собственном будущем и настоящем.

Наблюдения над особенностями репрезентационной системы концепта ЖЕЛАНИЕ в романе Е.И. Замятина «Мы» позволяют сделать следующие выводы.

1. При всей разножанровости и многоплановости произведений Замятина их объединяющим началом выступают индивидуально-авторская концептосфера и ее языковое воплощение в пространстве замятинского текста. Автор конструирует оригинальную текстовую модель мира, которая в романе «Мы»

приобретает общечеловеческую значимость и прогностическую силу.

2. Роман «Мы», созданный столетие тому назад, является, по сути, произведением о нашем сегодня и о возможном завтра всего человечества, если оно, человечество, вовремя не задумается о последствиях того, что привыкли именовать научно-техническим прогрессом и «цифровой революцией».

3. В романе развернут конфликт наполнения и содержания концептов ЖЕЛАНИЕ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РАЗУМ — СЕРДЦЕ, ЛОГИКА — ОЩУЩЕНИЕ, ЦИФРА — ДУША, ЛИЧНОСТЬ — ГОСУДАРСТВО и других. Оцифрованное сознание Д-503 вступает в борьбу с собственным носителем — человеком, его пробудившейся душой, ощущениями, чувствами, желаниями.

4. Репрезентация желаний личности главного героя романа играет важную роль в создании его образа. Использование грамматических и лексико-синтаксических репрезентаций концепта ЖЕЛАНИЕ отражает соотношение эмоциональной и рациональной составляющей и демонстрирует интерпретирующий характер репрезентативных возможностей концепта ЖЕЛАНИЕ.

5. Анализ особенностей репрезентации концепта ЖЕЛАНИЕ в романе «Мы» дает возможность увидеть ценностную ориентацию личности, реализующейся в своих желаниях и устремлениях, специфику восприятия героями окружающего мира. Таким образом, концепт ЖЕЛАНИЕ в пространстве замытинского текста может выполнять сюжетообразующие и текстообразующие функции, а его языковые средства выступают как выразители ключевых текстовых смыслов. Обращение к концептосфере и языку романа «Мы» подтверждает тезис о неисчерпаемых выразительных возможностях русского слова в пространстве художественного текста.

Список литературы

1. Алтабаева Е.В. Замятинский текст как лингвокультурный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. Т. 1. С. 27—30.

2. Алтабаева 2007а — Алтабаева Е.В. Картина желаний героя в художественной прозе Е.И. Замятина // Русская словесность в контексте мировой культуры: мат-лы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 48—52.
3. Алтабаева 2007б — Алтабаева Е.В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в русском языке. Мичуринск: Изд-во МГПИ, 2007. 191 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
5. Замятин Е.И. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. Русь. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

© *E. V. Altabaeva*

**THE CONCEPT OF DESIRE IN THE LANGUAGE
AND CONCEPTOSPHERE OF THE NOVEL “WE”
BY YEVGENY ZAMYATIN**

(to the 100th anniversary of the creation of the work)

The subject of this work is the representative system of the DESIRE concept, presented in the space of Zamyatin’s text, in particular, in the language and conceptosphere of the novel “We” by Yevgeny Zamyatin. The research is carried out in line with conceptual analysis, considering cognitive foundations and conceptual features of the DESIRE concept — one of the fundamental concepts of Russian linguistic consciousness. The author has stated the connection between the ways of expressing desire (grammatical and lexical-syntactic ways) with emotional and rational components in the structure of the concept and with the evolution of consciousness of the protagonist of the novel. We make a conclusion about the significant role of the DESIRE concept in the individual-author’s model of the world, embodied in the conceptosphere of the novel “We”, and in the disclosure of the image of its protagonist.

Keywords: Zamyatin’s text, individual-author’s model of the world, conceptual analysis, concept of DESIRE, conceptual features, linguistic representations, conceptosphere, idiostyle.

© *Анисимова Елена Валерьевна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВАРИАНТНОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ РОМАНЕ БОРИСА ШИРЯЕВА «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»

Целью данного исследования является описание употребления деепричастий совершенного вида и выявление вариантных форм с последующим установлением их типологии и характера использования в речи. Основным методом является описательный метод, включивший приемы наблюдения, сопоставления и обобщения. Изучение употребления варьирующихся единиц привлекает лингвистов в аспекте теоретического осмысления сущности явления и в плане практическом. Исследованный на предмет наличия вариантных деепричастных форм текст дает практический материал для дальнейших системных описаний данного вопроса.

Ключевые слова: вариантность, деепричастие, деепричастие совершенного вида, вариантная форма, норма, единицы языка, грамматические варианты, фонематические варианты, типология.

Вариантность определяется как фундаментальный способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. Варианты — различные проявления или реализации, манифестации одной и той же языковой сущности (единицы). Все единицы языка вариативны и реализуются в речи в виде достаточного количества модификаций.

Исследования вариантности языковых единиц являются одними из приоритетных в языкознании. Изучение употребления варьирующихся единиц привлекает лингвистов как в аспекте теоретического осмысления сущности самого явления, так и в плане практическом, поскольку описание конкретного мате-

риала предполагает характеристику особенностей и правил использования в речи модификаций одних и тех же единиц разных уровней, различающихся формально или семантически. Достаточно полно описаны варианты грамматические и варианты фонетические. Деепричастия совершенного вида относят к грамматическим и все время их существования в языке деепричастия так или иначе были связаны с варьированием. И потому многие вопросы, связанные с употреблением разных форм деепричастий в современной русской речи, а именно: состав вариантных форм, их соотношение, степень употребительности в различных стилях литературного языка, стилистическая окраска некоторых из данных форм — требуют изучения на более широком языковом материале. В данном исследовании источником языкового материала послужил документальный роман Бориса Николаевича Ширяева «Неугасимая лампада».

Вариантность языковых единиц в современном языкознании рассматривается в качестве неотъемлемого свойства системы языка. По своей коммуникативной природе язык представляет собой набор материальных единиц, использующихся для передачи конкретного содержания. Двусторонняя природа языкового знака и его асимметричность допускают наличие различных в плане выражения языковых единиц с одинаковым содержанием. Сущностью вариантности считается возможность передачи близкого или даже одного и того же содержания несколькими формальными способами [Букчина 1981: 215]. Но в такой интерпретации не учтена возможность лексико-семантического варьирования слова [Немченко 1998: 3], при том, что асимметричность языкового знака вполне допускает возможность использования одного и того же знака для передачи разного содержания.

Причины возникновения вариантности определяются условиями функционирования языка и заложены в самой его системе. Вариантность рассматривается как следствие эволюции языка как системы, постоянного контакта общеупотребительного языка и диалектов, сосуществования национального и за-

имствованного, книжного стиля и разговорного, нейтрального типа речи и экспрессивного. Вариантность — свойство любого развитого литературного языка, демонстрирующая его гибкость, богатство и постоянное развитие.

Параллельное существование нескольких способов выражения одного и того же содержания связано с тем, что новые явления функционируют при сохранении старых, в языке, таким образом, накапливаются однозначные явления, что может выглядеть как некая избыточность форм. Но и эта избыточность является естественным свойством живого языка. Она свидетельствует об изменениях, происходящих на тех или иных участках языковой системы. Можно говорить о том, что взаимодействие нового и старого на каждом этапе развития языка обеспечивает преемственность речевых навыков, а конкуренция вариантов приводит к постепенному закреплению в качестве основной одной из вариантных форм. Как правило, эта форма обладает определенными внутрисистемными свойствами и максимально обеспечивает потребности социальной коммуникации в данный момент развития и функционирования языка.

Конкретные причины возникновения вариантов не объясняют всех особенностей, условий и возможностей функционирования в синхронном срезе. Процесс сосуществования вариантных форм может быть достаточно длительным, а варьирующиеся элементы могут различаться частотностью, стилистической окраской и сферой использования. Конечно, равнозначные формы представляют собой некоторый недостаток, но далеко не всякая вариантность избыточна — стилистическая или экспрессивная функция отдельных вариантов очевидна.

Учитывая принадлежность вариантов к тому или иному уровню языка, выделяют варианты фонем, варианты морфем, словоформ, варианты грамматических форм [Немченко 1990: 80]. Имеющиеся дефиниции говорят о разном понимании вариантности. По-видимому, представляется целесообразным различать формальные и семантические варианты слов. Семантический вариант — это многозначное слово в одном его значении

[Немченко 1990: 89], а формальный вариант — это все внешние видоизменения слова, не обусловленные законами современной фонетики. Речь идет о внешнем оформлении слова при общности семантики, лексических и грамматических значений. Нас интересовали варианты фонематические как формальные видоизменения слов, различающиеся составом фонем в разных грамматических формах при сохранении морфемного тождества и совпадении грамматических и лексических значений, и грамматические. Грамматические варианты могут быть определены как семантически тождественные видоизменения слов или словоформ, различающиеся грамматическими признаками, выраженными словоизменительными или формообразовательными морфемами или выраженными определенной сочетаемостью в рамках рассматриваемого контекста.

Содержание понятия «грамматический вариант слова», как и разграничение грамматических и фонетических вариантов, имеет, с нашей точки зрения, принципиальное значение для системного описания вариантных форм деепричастий совершенного вида, так как при различных подходах формы типа *сказав* — *сказавши*, *попав* — *попавши*, *назвав* — *назвавши* могут оказаться в разных группах. Придерживаясь классификации вариантов, предложенной профессором В.Н. Немченко, считаем, что различия между фонематическими и грамматическими вариантами заключается в характере этого отличия. Если разные манифестации представляют собой морфы одной морфемы, есть повод говорить о фонематических вариантах, например, интересующие нас формы на *-в/-вши/-ши*. Если же нет фонематического тождества морфемы при наличии различий в звуковом составе суффиксальных элементов, то перед нами грамматические (морфологические) варианты, например, формы деепричастий совершенного вида на *-а*, образующиеся от некоторых глаголов наряду с формами на *-в/-вши/-ши*: *остановясь* — *остановившись*, *выйдя* — *вышедши*.

Обращаясь к рассмотрению репрезентации вариантных форм деепричастий совершенного вида в художественных кон-

текстах, мы напрямую связываем данное исследование с понятием языковой нормы. При употреблении тех или иных форм ведется постоянный отбор языковых средств для разных аспектов языкового общения. Усвоение языка носителем и дальнейшее использование языка в целях социальной коммуникации носит избирательный характер. Обязательным является знание моделей языковых единиц, правил сочетания слов и их изменения, знание общеупотребительной лексики данного языка. Что касается произносительных вариантов, вариантов словоизменения, выбора синонимической парадигмы, то эта сторона речевой деятельности индивида имеет не столь обязательный характер. Речевая деятельность носителя языка ни в коей мере не является зеркальной реализацией усвоенной системы языка во всех аспектах ее функционирования. Речевая деятельность человека динамична, избирательна и опосредована определенными целями и конкретными задачами. И хотя такой выбор не является абсолютно свободным и связан с регулируемыми его правилами, составляющими языковую норму, но все же даже неосознанный выбор «Как это лучше сказать?» в целом определяет речевую деятельность каждого человека.

Наблюдения над употреблением деепричастий совершенного вида в произведениях писателей XX века показали, что современные грамматики, описывая функционал грамматической языковой системы, не в состоянии ответить на вопросы, связанные с употреблением деепричастий совершенного вида и их вариантных форм. Так, ни в грамматиках, ни в словарях нет удовлетворяюще полных сведений о том, какие формы типа *возвратясь и заметя, взяв — взявши, озябнув — озябнувши — озябши, принеся — принесши* могут быть употреблены в речи без нарушения нормы.

Образование вариантных форм, исключая формы на *-в/-вши* связано с характером аффикса и с используемой основой. Но при оценке нормативного аспекта функционирования вариантных форм лингвистами допускаются маркеры, не лишённые субъективизма и не всегда прозрачные. Например, при оценке форм на

-в/-вши отмечается просторечный или разговорный характер последней, носящей отпечаток устаревания. Посему они объявляются нежелательными в письменной речи. Варианты с суффиксом *-а* от невозвратных глаголов обычно оцениваются как варианты, устаревающие, но нейтральные. Формы на *-вши* и на *-а* (последние от возвратных глаголов) признаются употребительными, с приоритетом форм на *-а*: *прищурясь, возвратясь, обидясь*.

В художественной литературе, по нашим наблюдениям, деепричастные формы встречаются в три раза чаще, чем в публицистике. Деепричастия совершенного вида способны выражать различные оттенки временных и обстоятельственных значений и достаточно емки в смысловом плане [Недялков 1990: 36], что и является объяснением их востребованности.

Личность Бориса Ширяева, написавшего «Неугасимую лампаду», привлекла внимание прежде всего непримиримостью позиции автора, нетривиальностью его жизненного пути, филологическим образованием и, без всякого сомнения, писательским талантом. Документальный роман «Неугасимая лампада», рассказывающий о Соловках, писался с середины 1920-х годов по 1950 год. Эпиграфом слова художника Михаила Нестерова, в день вынесения Ширяеву приговора, сказавшего: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко».

В романе было отмечено 155 словоупотреблений деепричастий совершенного вида: 137 с суффиксом *-в/-вши/-ши*: 97 с морфом *-в*, 37 с морфом *-вши*, 3 с морфом *-ши* и 18 с суффиксом *-а*. Остановимся на наиболее интересных примерах.

Особо обращают на себя внимание зафиксированные разные формы деепричастия *собрав* и *собравши*: *Она пришла в женбарак и, **собрав** его обитательниц, уговорила их идти добровольно, обещая жалование и хороший паек; Не далее как к осени, урожай **собравши**, во всем свете этот Ленин полный порядок установит*. Форма *собравши* употреблена в несобственно-прямой речи и является стилистически сниженной по сравнению с формой *собрав*, что позволяет говорить о косвенной характеристике персонажа. Деепричастия от глаголов *понять*,

сказать и прижать употреблены только с морфом *-вши*: *Посумневались мы, но все же порешили меж собой его не кончать, а, связавши, с собой везти; Чего не посмел коснуться даже сам Павлов, сказавши об этом в лицо большевику Бухарину; Кланялись, прижавши руки к животу*. В двух последних предложениях формы употреблены в речи автора и в них стилистическая маркированность отсутствует. Форма *сказавши* зафиксирована в речи персонажа и, как видим, имеет просторечную окраску, но даже не сама по себе, а за счет наличия просторечной формы *посумневались*. От глагола *заснуть* образована форма с морфом *-вши*: *Засыпать он мог только будучи очень пьяным, но заснувши, метался и кричал во сне*. Эта форма встретилась в речи автора и воспринимается как стилистически нейтральная. От возвратных глаголов зафиксированы формы с суффиксом *-а*: *Русским уставом жили в Урени, отгородясь лесами и болотами от ошалевшей, потерявшей лицо России; Пожевал, перекрестясь на восток, испил водички болотной и дал побрел*. Невозвратные глаголы дают больше форм на *-в*, но была отмечена диалектная форма *выпимши* наряду с *выпив*: *Любил отец выпить, но и выпив сверх меры, молчал; Конечно, выпимши я был, осмелел*. Форма *выпимши*, как видим, является речевой характеристикой персонажа.

В обследованном романе зафиксированы деепричастия совершенного вида, образованные при помощи разных морфов суффикса *-в/-вши/-ши* от одних и тех же глаголов. Фонематические варианты деепричастных форм можно разделить на три группы: формы на *-в/-вши*, на *-в/-ши* и на *-вши/-ши*.

Деепричастия с морфами *-в* и *-вши* образованы от невозвратных глаголов с основой инфинитива на гласный, которая обычно совпадает с основой формы прошедшего времени. Если основы форм инфинитива и основы прошедшего времени не совпадают, то деепричастие совершенного вида образуются от основы прошедшего времени. Таким образом, варьирующиеся формы деепричастий совершенного вида на *-в/-вши* всегда имеют одну и ту же основу. У Ширяева это: *дав, догнав, понявши, понав, по-*

теряв, похлебав, прижавши, приняв, связавши, сдав, сказавши, собрав — собравши, став, узнав, получив, утопив, заснувши; Вышел из кельи царь Петр, дав там ответ Богу; Тогда, обогнув кремль и сдав топор дежурному, я вошел в свою келью.

Деепричастия на *-в/-вши* представлены единичным примером. Деепричастная форма образованная от глагола с основой инфинитива на *-ере*: *заперев*.

Деепричастные формы с морфами *-вши/-ши*, образованные от одного глагола, в обследованном тексте не встретились.

Грамматические варианты деепричастных форм совершенного вида, в частности, деепричастия на *-вши* и *-а*, которые образуются от возвратных глаголов, представлены формами *перекрестясь* и *отгородясь*.

Деепричастия, на *-в* и *-а*, также относимые к вариантам грамматическим, образуются от невозвратных глаголов с основой на *-и*, *-е*, *-а* и представлены формами *оставив, схватив, увидев*: *Немногим позже ушел... расстрелянный ими Давиденко, оставив в залог грядущему горячо любимую красавицу жену и первенца под ее сердцем.*

Что касается варьирующихся деепричастных форм совершенного вида с суффиксом *-а* и суффиксальным морфом *-ши*, то в «Неугасимой лампаде» зафиксированы единичные формы *выйдя* и *придя*.

Проведенное исследование находится в рамках описания синхронной картины употребления деепричастий совершенного вида в современной русской речи. Как уже говорилось, деепричастия совершенного вида и их вариантные формы достаточно активно используются авторами художественных произведений. Но в целом говорить о перенасыщенности текста документального романа Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» вариантными формами не приходится, по сравнению, например, с произведениями М. Алексеева и Дм. Балашова, что связано с особенностями авторского стиля. Даже при наличии небольшого количества маркированных форм, употребление варьирующихся деепричастных форм в романе Б. Ширяева представляется до-

статочно свободным и в стилистическом отношении нейтральным.

Список литературы

1. Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981.
2. Неद्याлков В.П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика: сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 36—59.
3. Немченко В.Н. Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 178 с.
4. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. 222 с.
5. Крысин Л.П. Вариативность норм как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 2011. Т. 70. № 4. С. 3.

© *E.V. Anisimova*

SOME ISSUES OF VARIANCE OF PERFECT ADVERBIAL PARTICIPLES IN BORIS SHIRYAYEV'S DOCUMENTARY NOVEL "THE UNQUENCHABLE LAMP"

The aim of this study is to describe the use of perfect adverbial participles and to identify variant forms and then determine their typology and nature of their use in speech. The main method is the descriptive method, which includes methods of observation, comparison and generalization. The study of the use of variable units attracts linguists both in terms of theoretical understanding of the essence of the phenomenon and in terms of practicality. The text examined for variant adverbial participial forms provides practical material for further systematic descriptions of the issue.

Keywords: variance, adverbial participle, perfect adverbial participle, variant form, norm, language units, grammar variants, phonemic variants, typology.

© **Арискина Ольга Леонидовна**
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева

КОНЦЕПТ «ЭНЕРГИЯ» В ДИСКУРСЕ КОУЧЕЙ XXI ВЕКА

Целью данной статьи является анализ концепта «Энергия» в дискурсе современного коуча как отражение важного лингвокогнитивного компонента в структуре данной совокупной языковой личности. Языковая картина, формируемая коучем, очень важна, так как коуч — это наиболее популярная в XXI веке профессия, коуч — это человек, который влияет на миллионы слушателей и читателей, меняя их шкалу ценностей и картину мира. Поэтому представляется актуальным описать общие характеристики языковой личности коуча, чтобы увидеть вектор в изменении картины мира современного человека. В качестве методологии при исследовании языковой личности использованы приемы из когнитивной метафорологии Дж. Лакоффа, анализ структуры языковой личности согласно теории Ю.Н. Караулова, концепция социокода философа и историка науки М.К. Петрова. Материалом исследования послужил дискурс наиболее ярких коучей наших дней: И. Хакамады, Р. Гандапаса, К. Иноземцевой и Т. Джумма. В результате исследования проанализированы понятийный, образный и ценностный компоненты в структуре концепта «Энергия».

Ключевые слова: концепт, энергия, языковая личность, коуч, метафора, ценность, картина мира.

Считается, что одна из самых престижных профессий нашего времени — коуч (иногда используются как синонимы слова *ментор*, *фасилитатор*, *тьютор*, *тренер личностного роста*). На самом деле, это, конечно, близкие понятия, соотносимые в определенной степени, но неидентичные. Подробный анализ сигнификативного компонента данных номинаций представлен в работе Е.И. Соколовой [Соколова 2013]). Объектом нашего

исследования является дискурс коучей XXI века, т.е. людей, которые занимаются тренингом личностного роста, которые ставят задачу изменить мировосприятие многих и мотивировать аудиторию на реализацию цели.

Как известно, антропоцентрическая парадигма — отличительная особенность гуманитарной науки XXI века. Взаимодействие личности и языка интересует ученых: активно развиваются когнитивная лингвистика [Богданович, Тарасюк 2018; Попова, Стернин 2007; Болдырев 2014], дискурс-анализ [Карасик 2001; Макаров 2003; Чернявская 2006], учение о языковой личности (ЯЛ) [Караулов 1987; Богин 1998; Карасик 2001; Арискина, Дрянгина 2011] и др.

Данное исследование выполнено в рамках антрополингвистики и является логическим продолжением изучения ЯЛ представителей различных социальных групп: ученых [Арискина, Дрянгина 2013; Ariskina, Pulov 2020], философов и писателей [Сивцова, Арискина 2013; Ariskina, Yurina 2020], педагогов [Ariskina, Dryangina 2020], политиков, представителей священства [Арискина 2020]. Актуальность проведенной работы видится в том, что анализ ЯЛ коуча пополнит нашу исследовательскую «копилку» и позволит понять, как меняются национальные и общечеловеческие ценности в диахронии.

Цель данной статьи — проанализировать концепт «Энергия» в дискурсе таких коучей, как Радислав Гандапас, Ирина Хакамада, Катя Иноземцева и Татьяна Джумма. Материалом для анализа послужили тексты электронной рассылки, направляемой командой коучей потенциальным слушателям/зрителям/покупателям курсов (поэтому в ссылке мы обозначаем фамилию коуча и дату получения электронного письма).

Анализ материала будет основываться на методологии когнитивной метафорологии [Лакофф 2004], теории ЯЛ [Караулов 1987], концепции социокода [Петров 2004].

В рамках настоящей статьи мы ограничимся анализом только одного концепта, который, однако, «высвечивает» особенности лингвокогнитивного уровня данной *совокупной* [Сентенберг

1994: 15], или *групповой* [Ворожбитова 2005: 139] языковой личности. Традиционно мы будем рассматривать концепт в единстве трех его компонентов: понятийного, образного и ценностного [Карасик 2001].

В русской языковой картине мира (по данным толковых словарей) «энергия» включает в себя следующие когнитивные характеристики: 1) одно из основных свойств материи, мера её движения, а также способность производить работу. *Солнечная, тепловая, электрическая, механическая, ядерная э. Э. воды. Затрата энергии;* 2) решительность и настойчивость в действиях. *Полон энергии кто-н.*

Рассмотрим, как концепт «Энергия» отражается в дискурсе коуча XXI в.

Особенностью вербально-семантического уровня ЯЛ современного коуча можно считать доминирование глагольных лексем: *менять, выходить, контролировать, действовать, учиться, применять, перепрограммировать, идти, находить, бороться, мотивировать, совершать, делать, мечтать/исполнить мечту/попробовать исполнить мечту, тормозить (себя), открыть, организовать, управлять, спасти, помочь, разбудить, развиваться, прокачать, прокачивать, импровизировать, практиковаться, разгрузить, успеть, приобретать, эксплуатировать, подготовиться, стартовать, монетизировать, перестроить, завоевывать, блистать, побеждать.* Этот глагольный ряд регулярно дополняется словами с частицей *не*: *не дожидаться, не останавливаться, не свихнуться, не усложнять, не накручивать, не бояться.* А как известно из курсов физики, действие всегда сопровождается энергией.

Как антонимы к этим рядам используются единицы *останавливаться, довольствоваться, потерять, задумываться, находиться в энергосбережении, плыть по течению, не сражаться, не охотиться, иссякнуть, устать.*

Привлекают внимание и экспрессивные прилагательные: *взрывной, бомбический, ядерный, мощнейший.* Все эти примеры, безусловно, входят в концептуальное поле «Энергия».

Общее представление об энергии находим в дискурсе И. Хакамады: *Все вокруг содержит специфическую энергию, которая постоянно находится в движении* (Хакамада, 30 июня 2020). Как известно, в физике энергию называют мерой движения материи. В дискурсе коучей энергия, движение, мощь, скорость и т.п. выступают в качестве синонимов: *Замечали, что мир стал быстрее? Кто-то явно увеличил скорость воспроизведения* (Иноземцева, 14 июля 2020). Противопоставление движения кризису находим в дискурсе Р. Гандапаса: *Постоянный отдых и расслабление может привести только к кризису. Чтобы сохранять внешнюю форму и мыслительные способности — надо постоянно двигаться* (Гандапас, 30 июля 2020).

Далее коуч вводит в обиход понятие «внутренняя энергия», которая есть не только у человека, но и у окружающих его вещей: *Ничего не берется просто так. Гнев, деньги, вы сами — все содержит свою собственную энергию* (Хакамада, 25 июня 2020); *понять, как работает энергия денег, творчества, секса и самореализации...* (Хакамада, 30 июля 2020) Наличие/отсутствие энергии в человеке иллюстрируется таким примером: *Вам встречались 25-летние «старрики»? Те, кто в столь молодом возрасте просыпаются уставшими, задумываются о скоротечности времени, находятся в постоянном энергосбережении и ленятся. А как насчет зрелых, 50—60—70-летних людей, которые энергичнее своих детей и внуков? Люди, которые открыли в себе источник энергии, не имеют возраста* (Хакамада, 16 мая 2020). Здесь мы уже выходим на анализ образного компонента концепта «Энергия».

Много иллюстраций о пустом растрачивании энергии: *Тратим годы на нелюбимую работу в ожидании повышения и увеличения зарплаты, терпим токсичные отношения, думая, что в какой-то момент они изменится, стесняем себя рамками, чтобы не выделяться и нравиться окружающим. При этом тратим свою энергию и остаемся опустошенными* (Хакамада, 30 июля 2020). И конечно, здесь мы выходим на ценностный уровень концепта «Энергия»: подобная растрата энергии — это антиценность.

Есть аналогии и с природными явлениями: *Самое опасное состояние океана — это не **шторм**, как многие могли бы подумать, а **штиль**. Со **штормом** все ясно: кругом хаос и беспорядок — достаточно держаться, чтоб не вывалиться за борт. А **штиль** — это состояние стагнации, длящееся дни, недели, месяцы* (Хакамада, 25 июня 2020). Море и река — яркие компоненты образного уровня концепта «Энергия»: *Есть действие и бездействие. В первом случае мы сами делаем выбор, во втором — **плывем по течению**...* (Джумма, 10 августа 2020). Очень яркий морской образ (с использованием прецедентных текстов) бездействия, т.е. полного отсутствия энергии создает Р. Гандапас, при этом давая негативную (тоже образную, метафорическую — *завоете*) оценку этому образу: *Бананы, кокосы, апельсиновый рай. Идеальная жизнь часто транслируется на обложках как отдых в гамаке у моря. ...не нужно брать ответственность, развиваться, расти, знай себе лежи на острове всю жизнь, чунга-чанга. А теперь представьте, что вы лежите так неделю. Две. Месяц. Да вы **завоете от бездействия** и идентичности происходящего* (Гандапас, 30 июля 2020).

Далее коучи любят говорить об уникальной энергии каждого человека, хотя повсеместно стараются выделить ее типы, виды, стили и т.п. (в физике, как известно, выделяют потенциальную и кинетическую энергию): *Каждый человек содержит в себе **уникальную форму энергии**. Чтобы добиваться успеха, чувствовать в себе силы и заряжать окружающих на поступки и действия, важно определить свой **тип*** (Хакамада, 22 июня 2020); *Вчера посредством образов из животного мира участники определяли **свой тип энергии*** (Хакамада, 23 июня 2020); *начали сразу с главного — с определения вашего **стиля генерации энергии*** (Хакамада, 22 июня 2020).

Интересно, что энергия может быть «полезной» и «неполезной»: *Доступно секретное видео от Ирины Хакамада о том, как вырабатывать **полезную энергию*** (Хакамада, 29 июня 2020). Интересно, что в дискурсе коучей в концепт «Энергия»,

сопровожаемый яркими положительными образами и являющийся непререкаемой ценностью современного мира, включаются понятия, которые всегда имели негативную окраску: «взрыв», «бомба» и др.: *Пролистала записи со своими инструкциями, сценариями и заданиями, которые приготовила к бесплатному Онлайн-кэмпу, и поняла, что это будет бомба. Взрыв продуктивности и активности, который покажет, что вы можете больше!* (Иноземцева, 21 июля 2020); *Мощнейший курс по выходу в онлайн! 13 бомбических вебинаров курса...* (Джумма, 23 июля 2020).

Собственно говоря, далее все коучи акцентируют внимание на том, что именно они знают источник энергии и знают, как ею управлять, и могут научить этому всех желающих: *Хакамада расскажет, где взять энергию и как ей управлять* (Хакамада, 26 июня 2020); *Как получить энергию ядерного реактора и эффективно ее использовать?* (Хакамада, 29 июля 2020); *Управляй своей энергией!* (Хакамада, 24 июля 2020); *Хакамада учит управлять энергией: находить, сохранять, преумножать* (Хакамада, 30 июля 2020); *в прямом эфире Радислав Гандапас расскажет, как взвешивать решения и взять ответственность за их принятие, чем отличается рациональная и интуитивная способность делать выбор, какие техники и упражнения существуют для того, чтобы взглянуть на любое решение с разных углов и найти эффективную, победную стратегию движения вперед* (Гандапас, 10 июля 2020). Иногда все воздействие коуча сводится к своеобразному «энергичному пинку», с помощью которого начинается движение: *если вы находитесь в начале своего бизнес-пути или на старте блога, но нуждаетесь в добром «пинке», чтобы делать и не опускать руки* (Иноземцева, 20 июля 2020).

Есть и рекомендации для тех, кто уже научился «управляться» с собственной энергией. Перед такими людьми ставятся задачи высшего уровня, выполнение которых без энергии, по мнению коуча, невозможно: *если вы уже умеете действовать и чувствуете в себе внутреннюю энергию, то пора перепрограм-*

мировать свой мозг и научиться везде применять творчество и воображение, в том числе в общении с людьми (Хакамада, 10 августа 2020).

Итак, концепт «Энергия» на понятийном уровне представлен как движение, активность, скорость, решительность, ответственность. Здесь выделяются такие составляющие, как «внутренняя энергия», «уникальная энергия», «тип/вид/стиль энергии», «генерация энергии», хотя данные номинации не получили дефиниции в дискурсе коучей. Образный уровень концепта «Энергия» формируется посредством метафор *штурм, море, река, взрыв, бомба, пинок* (как позитивные явления). На ценностном уровне подчеркивается важность энергии для успеха в финансовой, сексуальной сферах, а также в творчестве и самореализации.

Список литературы

1. Ariskina O. Formation of value orientations in modern education on the axiological basis of XVI—XVIII centuries grammars // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. T. 214. S. 825—832.
2. Ariskina O.L., Dryangina E.A. Expressiveness in the structure of the teacher's linguistic personality (a case study of K.D. Ushinsky) // *REVISTA INCLUSIONES. Chile-WoS. Julio–Septiembre 2020. Vol. 7. Número Especial*. P. 153—165.
3. Ariskina O.L., Pulov E.V. Terminological metaphors in V.A. Bogoroditsky's scientific discourse // *REVISTA INCLUSIONES. Chile-WoS. Julio–Septiembre 2020. Vol. 7. Número Especial*. P. 52—62.
4. Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (on material of his speech “Three forces”) // *UTOPIA Y PRAXIS LATINOAMERICANA. AÑO: 25, n° EXTRA 5. 2020*. P. 39—50.
5. Арискина О.Л. Концепт «Смирение» в письмах игумена Никона Воробьева // *Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. IV Междунар. симпозиума (9—11 июня 2020 г.): в 2 т. Т. 1. Симферополь, 2020*. С. 397—403.
6. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Роль языковой личности грамматистов XVI –XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 84 с.

7. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского гос. университета. 2011. № 25 (240). С. 15—18.
8. Богданович Г.Ю., Тарасюк Д.В. Картина мира сквозь призму языкового сознания крымской молодёжи (на примере русского, украинского, польского языков) // Межкультурные коммуникации: Русский язык в современном измерении. Симферополь, 2018. С. 15—17.
9. Богин Г.И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки. Тверь: Просвещение, 1998. 164 с.
10. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
11. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
12. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3—16.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
14. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гносиз, 2003. 280 с.
15. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСИ, 2007. 314 с.
17. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14—15.
18. Сивцова Н.В., Арискина О.Л. Языковые средства выражения знания в лекционной речи М.М. Бахтина // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 91. С. 137—144.
19. Соколова Е.И. Анализ терминологического ряда «коуч», «ментор», «тьютор», «фасилитатор», «эдвайзер» в контексте непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 4. DOI: 10.15393/j5.art.2013.2171
20. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 136 с.

THE CONCEPT «ENERGY» IN THE DISCOURSE OF COACHES OF THE XXI CENTURY

The purpose of this article is to analyze the concept of “Energy” in the discourse of a modern coach as a reflection of an important linguo-cognitive component in the structure of this intergrated linguistic personality. The language picture formed by the coach is very important, because the coach is the most popular profession in the 21st century. Coach is a person who influences millions of listeners and readers, changing their scale of values and worldview. Therefore, it seems relevant to describe the general characteristics of the coach’s linguistic personality in order to see the vector in changing the picture of the world of a modern person. As a methodology in the study of a linguistic personality, techniques from the cognitive metaphorology of J. Lakoff, analysis of the structure of a linguistic personality according to the theory of Yu. Karaulov, the concept of the sociocode of the philosopher and historian of science M.K. Petrov. The material of the research is the discourse of the brightest coaches of our days: I. Khakamada, R. Gandapas, K. Inozemtseva and T. Jumm. As a result of the research, the conceptual, figurative and value components in the structure of the concept “Energy” are analyzed.

Keywords: concept, energy, linguistic personality, coach, metaphor, value, picture of the world.

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

Целью работы является сравнительное описание концепта «дружба» в русском языке и в языке поэзии А.С. Пушкина. Используются методы анализа концептов культуры, разработанные в Нижегородской научной школе. Материалом исследования являются данные русских словарей и тексты лицейской поэзии А.С. Пушкина. По данным словарных толкований выявлено два когнитивных признака концепта «дружба»: дружба как добрые отношения между людьми и дружба как доброе чувство человека по отношению к другим людям. В художественной речи А.С. Пушкина обнаружено восемь авторских когнитивных признаков концепта: дружба — любовь; дружба — счастье; дружба — надежда; дружба — молодость; дружба — совокупность друзей; дружба — конкретный объект или вещество; дружба — человеческое существо; дружба — сверхъестественное существо. Делается вывод, что в поэзии А.С. Пушкина содержание этого концепта представлено более емко, но при этом оно сохраняет свою преемственность по отношению к общеязыковому представлению о дружбе в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт «дружба», язык А.С. Пушкина, лицейская лирика, русская языковая картина мира, лингвокультурология, анализ концептов, когнитивный признак.

В современной науке о языке на первый план выходит проблема соотношения языка и культуры. Эта проблема изучается в рамках лингвокультурологического направления [Вежицкая 1997; Ковшова 2013]. В центре современных лингвокультурологических исследований находится изучение ключевых идей языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбиль, Рацибурская 2017], которые отражаются в концептах национальной

культуры [Степанов 1997]. Одним из значимых концептов в русской языковой картине мира является концепт «дружба».

Всесторонний анализ этого концепта может помочь нам понять важные особенности мировоззрения русского народа, его менталитета и национального характера. Это позволяет нам сформулировать цель нашего исследования — описать концепт «дружба» в русском языке на материале языка поэзии А.С. Пушкина, который по праву считается олицетворением духа русского народа. В нашей работе используются методы анализа концептов культуры, разработанные учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского [Горшкова, Ручина 2011; Русский язык 2014; Радбилл 2018]. Материалом для исследования стали данные основных русских толковых словарей [БАС 1954; МАС 1985; СУ 1996; Даль 1999] и тексты лицейской поэзии А.С. Пушкина.

В соответствии с принятой методикой анализа концептов, сначала мы рассматриваем словарные толкования лексемы *дружба* в основных русских толковых словарях. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова дается следующее толкование: «Близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения. *Долголетняя дружба. Сделай мне это по дружбе. Водить дружбу с кем-нибудь*» [СУ 1996]. Сходные словарные толкования встречаем и в других словарях: «Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.» [МАС 1985]; «Взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу; отношения, свойственные друзьям // Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между народами, странами, государствами. *Дружба народов*» [БАС 1954].

На основе приведенных словарных толкований лексемы *дружба* получаем следующий набор когнитивных признаков концепта «дружба»: (1) отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. (= отношения, свойственные друзьям); (2) взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу (= чувство дружбы); (3) дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между на-

родами, странами, государствами (= *дружба народов*). В целях нашего исследования нам особенно важны первые два близких по смыслу, но несколько различающихся когнитивных признака, отражающие две стороны представления о дружбе в русском языке: дружба как особый тип добрых отношений между людьми и дружба как доброе чувство человека, которое он испытывает к другим людям. Третий когнитивный признак на основе метафорического переноса появился гораздо позднее и связан уже не с отношениями между людьми, а с отношениями между странами, т.е. отражает политические реалии.

Чтобы подтвердить реальность выявленных когнитивных признаков и, по возможности, обнаружить новые, в принятой методике анализа концептов изучают текстовую реализацию слов — репрезентантов концепта. В нашей работе мы выбрали тексты А.С. Пушкина, образцового русского поэта, который считается создателем русского литературного языка. Тема дружбы занимает достойное место в творчестве Пушкина, ибо этот идеал оставался неизменным для поэта на протяжении всей его жизни.

Мы остановили свое внимание на ранней, лицейской лирике А.С. Пушкина, потому что в ней, как нам кажется, концепт «дружба» имеет особое художественное значение. Из 63 стихотворений, написанных в лицейские годы, 33 посвящены дружбе. Причиной выбора именно этого текстового материала для исследования концепта «дружба» послужило то, что именно в 1811—1817 годы, в годы обучения в Царскосельском лицее, А.С. Пушкин по-настоящему открывает для себя чувство товарищества, преданность друзьям, братским узам. Все эти качества воспитал в А.С. Пушкине Царскосельский лицей, ведь именно там он обрел верных, искренних и настоящих друзей. Поэта с его лицейскими товарищами объединяли кипение ума, вольность мысли, живые чувства, любовь к прекрасному, к искусству. Бездушному светскому обществу А.С. Пушкин всегда предпочитал тесный круг друзей. Юный поэт призывает друзей наслаждаться жизнью, воспевает дружбу как счастливый союз радости, освобождения от тягот учения, от «хладных мудрецов». Он призывает друзей объединиться в настроении беззаботной радости.

Мы предположили, что, с одной стороны, в поэзии А.С. Пушкина должно отразиться общеязыковое представление о дружбе, а с другой стороны, его стихи воплощают индивидуальное осмысление этого концепта, которое определяется своеобразием художественной речи вообще и особенностями поэтического мировоззрения А.С. Пушкина в частности. В лицейских стихах А.С. Пушкина мы обнаружили примеры, в которых отражаются первые два выявленных нами когнитивных признака концепта «дружба»:

(1) отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. (= отношения, свойственные друзьям): *Ты не забудешь дружбы нашей, О Пушин, ветреный мудрец* («Воспоминание»); *В любви ли, в дружбе обнимает он измену* («Безверие»);

(2) взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу (= чувство дружбы): *Но дружбою одною Я ныне вдохновлён, // Мой друг, я счастлив ею* («Городок»); *Вспомни... и дружбу первую и первую любовь* («В альбом Пушину»).

Однако, как и следовало ожидать, концепт «дружба» в поэзии А.С. Пушкина имеет более богатое смысловое наполнение, более развернутое и детальное осмысление. Это связано с особой ценностью дружбы для А.С. Пушкина, представление о которой сформировалось еще в юные годы и сопровождало поэта на протяжении всей его жизни. Согласно принятой методике исследования, обогащение концептуального содержания связано с парадигматическими и синтагматическими связями и отношениями слов — репрезентантов концепта, отраженными в текстах.

Парадигматические отношения концепта определяются особенностями контекстной синонимии и антонимии, а также ассоциативных приращений смысла в художественном употреблении слова. Анализ синонимических связей лексемы *дружба* выявил однокорневой синоним *дружество*: *Любовью, дружеством и ленью // Укрытый от забот и бед* («Дельвигу»); *Дни дружества, любви, надежд...* («К ней»). Этот синоним следует признать общеязыковым, потому что в словаре В.И. Даля слово *дружба* толкуется именно через синоним *дружество*: «Друж-

ба — ж. **дружество** — ср. взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; с добрым помыслом, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на взаимных выгодах» [Даль 1999]. Также выявлено контекстуальное синонимическое сближение со словом *любовь*, что можно видеть из этого же примера из стихотворения «Дельвигу». Это сближение подчеркивается возможностью их взаимозамены: *Мне **дружба** заменяет умершую любовь* («***»), а также наличием общего для слов *дружба* и *любовь* контекстуального антонимического противопоставления — со словом *измена*: *В любви ли, в **дружке** обнимает он измену* («Безверие»). Ср. также употребление этих двух слов в сопоставительной конструкции: *Пускай мне **дружба** изменила, // Как изменяла мне *любовь** («Ф.Н. Глинке»). Кроме лексемы *измена*, также отметим в лицейских стихах А.С. Пушкина контекстуальную антонимию *дружбы* и таких слов, как *война*, *неприязнь*, *вражда*. В отличие от слова *измена*, эта антонимия представляется общеязыковой, не обнаруживая никаких индивидуально-авторских приращений смысла. Также отметим ассоциативное сближение *дружбы* со такими понятиями, как «молодость»: *Дружба, Грация и **Младость** // Имениницы у нас* («Именины»); «счастье»: *Но **дружбою** одною Я ныне вдохновлён, Мой друг, я **счастлив** ею* («Городок»); «надежда»: *Дни дружества, любви, **надежд**...* («К ней»).

Синтагматические связи концепта отражены в моделях типовой сочетаемости лексемы *дружба*. В роли логического субъекта действия слово *дружба* сочетается со следующими глаголами: (1) глаголы отношения: *изменила*, *заменяет*; (2) глаголы физического действия: *плетёт*; (3) глаголы контакта: *подала (руку)*. Как видно из приведенных выше примеров, со значением действия логического субъекта выступают глаголы прошедшего и настоящего времён. Прилагательные, характеризующие *дружбу*, немногочисленны, выявлено только одно — *молодая*. Данный факт может свидетельствовать о том, что для А.С. Пушкина в ранний период его творчества концепт «дружба» самодостаточно и не нуждается в уточняющих определениях. Конкретные

признаки и оттенки значений понимаются читателем с помощью контекста и использования автором довольно широкого ассоциативного ряда данного слова, а не с помощью использования имен прилагательных, обозначающих признак данного слова.

Согласно принятой методике исследования, обогащение концептуального содержания также связано с особенностями индивидуально-авторской метафоризации и метонимизации. В текстах А.С. Пушкина интересно метонимическое употребление слов *дружба* и *дружество* в собирательном значении 'друзья' (метонимический перенос 'отношения → субъекты отношений'): *Пушкай мне дружба изменила, // Как изменяла мне любовь* («Ф.Н. Глинке»). В этом плане примечателен пример, когда в одном контексте *дружба* означает отношения между друзьями, а *дружество* — совокупность друзей, т.е. синонимы разводятся по семантике: *Иль дружбе плёл венок, и дружество зевало* («Шишкову»).

В индивидуально-авторских метафорических употреблениях наше внимание привлекают модели овеществления и одушевления. В контекстах метафорического овеществления дружба предстает как конкретный объект или вещество: *Это веселье не веселит, // Дружбы похмелье грома бежит* («Здравный кубок»). Значительно более распространены в текстах А.С. Пушкина контексты одушевленного представления дружбы в качестве живого существа: *Когда на голос мой унылый // Мне дружба руку подала* («Стансы»); *...и дружба молодая венки ему плетёт* («Послание к Юдину»). Олицетворение дружбы подчеркивается написанием этого слова с прописной буквы. Это означает, что дружба представляется как имя собственное, возможно, сверхъестественного существа (богини, музы и пр.): *Дружба, Грация и Младость // Именинницы у нас* («Именины»).

В целом, сопоставляя смысловое наполнение концепта «дружба» в концептосфере русского языка и в лицейской лирике А.С. Пушкина, мы можем увидеть отражение в лирике А.С. Пушкина таких общеязыковых когнитивных признаков, как (1) отношения между кем-л., основанные на взаимной привя-

занности, духовной близости, общности интересов и т.п. (= отношения, свойственные друзьям), и (2) взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу (= чувство дружбы).

К числу специфических, уникальных когнитивных признаков можно отнести следующие индивидуально-авторские приращения смысла: (1) дружба — любовь; (2) дружба — счастье; (3) дружба — надежда; (4) дружба — молодость; (5) дружба — совокупность друзей; (6) дружба — конкретный объект или вещество; (7) дружба — человеческое существо; (8) дружба — сверхъестественное существо. Как видим, индивидуально-авторских когнитивных признаков в четыре раза больше, чем общеязыковых, что позволяет говорить о важности и большой значимости данного концепта в художественной речи А.С. Пушкина, воплощенной в его лицейской лирике.

Мы видим, как в лицейской лирике А.С. Пушкина представление о дружбе олицетворяется, что является вполне обычным стилистическим приемом для поэзии вообще. С философской точки зрения, для А.С. Пушкина дружба — это большая ценность, ее нужно беречь и без нее никак нельзя обойтись. Можно сделать вывод о том, насколько более глубоко и вместе с тем емко концептуальное содержание этого концепта в сознании великого художника. Оно формируется и выражается посредством речевых значений, ассоциаций, контекстуальных синонимов и антонимов, метонимий и метафор. Это подчеркивает богатство языка писателя и выявляет всю сложность его мировосприятия. Но при этом индивидуально-авторское содержание концепта сохраняет свою преэминентность по отношению к общеязыковому представлению о дружбе в русской языковой картине мира, не порывает с традиционным восприятием дружбы, присущим русской культуре в целом.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы рус-

- ской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130—135.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. 1. 699 с.
 4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
 5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
 6. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 375 с.
 7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
 8. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
 9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой [МАС]. М.: Русский язык, 1985—1988. Т. 1. 1985. 696 с.
 10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [БАС]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 3. 1954. 700 с.
 11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академпроект, 1997. 989 с.
 12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова [СУ]. М.: Терра, 1996. Т. 1. 842 с.

© *Aru Adem*

THE CONCEPT “DRUZHBA” (“FRIENDSHIP”) IN A.S. PUSHKIN’S LYCEUM LYRICS

The aim of the work is a comparative description of the concept “druzhba” (“friendship”) in Russian and in A.S. Pushkin’s poetic language. The methods of analysis of the concepts of culture, developed in the Nizhny Novgorod scientific school, are used. The research material is the data of Russian dictionaries and the texts of the A.S. Pushkin’s lyceum poetry. According to the dictionary interpretations, two cognitive features

of the concept were revealed: friendship as good relations between people and friendship as a good feeling of a person in relation to other people. In A.S. Pushkin's poetry eight author's cognitive features of the concept are discovered: friendship is love; friendship is happiness; friendship is hope; friendship is youth; friendship is a collection of friends; friendship is a specific object or substance; friendship is a human being; friendship is a supernatural being. It is concluded that in the A.S. Pushkin's poetry, the content of this concept is presented in a more capacious manner, but at the same time it retains its continuity in relation to the reception of friendship in the Russian language picture of the world.

Keywords: concept "druzhba" ("friendship"), A.S. Pushkin's language, Lyceum lyrics, Russian language picture of the world, linguo-culturology, conceptual analysis, cognitive feature.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АКТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДИСКУРСАХ СМИ

Рассматривается одно из наиболее частотных синтаксических явлений — парцеллированные конструкции. Материалом для исследования послужили дискурсы печатных СМИ, доступные на территории Республики Молдова. Целью исследования является выявление дифференциальных признаков парцелляции, определение функций данного явления в публицистических дискурсах. Применялись такие методы исследования, как описание, наблюдение, метод сопоставительного анализа. В результате проведенного исследования установлено, что парцеллированные конструкции в дискурсах СМИ способны выполнять широкий спектр функций, среди которых повышение экспрессии сообщаемой информации, информативно-усилительная функция, шокирование читателя неожиданностью факта или информации, противоречащей предыдущему содержанию статьи.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллят, базовая часть, экспрессивность, рема, дискурс СМИ, языковая игра.

В современном мире огромную роль играют средства массовой информации, вследствие чего язык публицистики нацелен, в первую очередь, привлечь внимание к определенным новостям или проблемам. Решить эту задачу позволяют ресурсы активных синтаксических процессов в современном русском языке. Рассматривая такие процессы и явления как средства экспрессивного синтаксиса, среди наиболее частотных можно назвать вставные конструкции, парцеллированные и сегментированные конструкции, синтаксическую редукцию и синтаксическую компрессию. Однако в языке печатных СМИ особое место занимают парцеллированные конструкции, позволяющие актуализи-

ровать наиболее важную информацию, выделить ее визуально, провоцируя читателя остановиться и задуматься о прочитанном.

Вопрос о функциях парцелляции в дискурсах СМИ, бесспорно, уже поднимался в лингвистике, им занимались многие ученые, но в связи с тем, что некоторые вопросы до сих пор остаются дискуссионными, исследование парцелляции является актуальным и по сей день. Можно выделить работы таких исследователей, как Ю.В. Ванников, Н.Ю. Шведова, Е.И. Иванчикова, Г.Н. Акимова, Я.Н. Пинегина и др. Предметом их исследования являлись самые разные аспекты парцеллированных конструкций (дефиниция, функционирование, структура, отграничение от сегментации, присоединения, эллипсиса и т.д.).

Исследовав современные работы, мы принимаем точку зрения М.О. Ступкиной и выделяем следующие дифференциальные признаки данного явления:

— наличие в парцеллированной конструкции базовой части и парцеллята (одного и более);

— оформление каждого значимого элемента конструкции (базовой части, парцеллят) одним из финальных знаков препинания;

— наличие и у основной части, и у парцеллята синтаксической самостоятельности, сохранение при этом между ними грамматической связи, что позволяет парцелляту при проверочной «депарцелляции» стать полноценной частью базового предложения.

Парцелляция рассматривается как прием экспрессивного синтаксиса, хотя современные постмодернистские произведения дают материал к размышлению о том, что парцелляция становится узуальным явлением, хотя и, действительно, в ряде случаев выполняет и экспрессивную функцию.

Цель нашего исследования — изучить особенности функционирования парцеллированных конструкций в дискурсах печатных СМИ. Материалом для исследования послужили тексты российских изданий, доступные и в Республике Молдова: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Труд».

Язык публицистики направлен на массового читателя и подстраивается под его языковую компетенцию. Ему не свойственна консервативность, он подвижен и крайне восприимчив к новым тенденциям.

В настоящее время практически все новшества, которые входят в систему письменной и разговорной форм речи, апробируются в ежедневной периодической печати. Языку газет характерна значительная упрощенность проблемы стилистической дифференциации языковых единиц. Тенденции общеязыкового вектора развития реализуются в языке публицистики более ясно и непосредственно, чем в жанрах художественного стиля или более узких, специальных сферах языковой коммуникации.

Парцелляция представляет собой уникальный прием экспрессивного, актуализирующего синтаксиса, обладающий комплексом дифференциальных признаков, позволяющих отграничить парцеллированные конструкции от ряда близких к ним синтаксических конструкций: эллиптированных, присоединительных, сегментированных, усеченных конструкций, обрыва. Дополнительное паузирование в устной форме речи и отделение финальным знаком препинания в письменной речи не препятствуют тому, что парцелляция формирует с основной структурой грамматическое, смысловое и коммуникативное единство и, взаимодействуя с этой структурой, выполняет информативную и аппеллятивную функции. Это приводит к четкому разделению структуры на актуально значимые и не актуально значимые компоненты (активные и неактивные).

Как справедливо отмечает Я.Н. Пинегина, возможность конструировать речи предоставляет автору достаточно широкие возможности использовать законы языка, модифицируя и трансформируя их, учитывая собственные интенции. Чрезмерные синтаксические построения, как правило, обладают информационной насыщенностью, в результате чего воспринимающий субъект подвергается ментальному и эстетическому воздействию. Сегментированные, парцеллированные конструкции способствуют ослаблению данного воздействия, создавая фраг-

ментарность и динамизм в результате передачи «потока сознания» индивида, который характеризуется спонтанностью и расчлененностью [Пинегина 2005: 16].

Можно констатировать, что парцелляция проявляется и на уровне монопредикативных, и на уровне полипредикативных структур. Парцелляция в монопредикативной структуре заключается в том, что любой сегмент подвергается выделению в синсемантическую структуру. Функция парцеллянта в этом случае заключается в уточнении и распространении основного компонента или одного из его компонентов. Парцелляция частей полипредикативной конструкции обусловлена изменением коммуникативной цели сообщения.

Г.Н. Рыбакова справедливо отмечает экспрессивные потенции парцеллированных структур в передаче различных эмоциональных состояний, что обусловлено способностью парцелляции к освобождению компонентов благодаря интонационной самостоятельности, именно этот факт и дает возможность парцеллянтам передавать эмоциональность дискурса. Парцеллированные конструкции обладают еще одной важной функцией — придавать высказыванию новые модальные значения [Рыбакова 1969].

Следовательно, с позиции коммуникативной перспективы высказывания парцелляция является аналитическим коммуникативным приемом акцентуации информации ремы в письменных дискурсах, тогда как парцеллят — это элемент ремы с актуально значимой информацией, принадлежащий базовой структуре и включающий тему и рему, частотнее — рему.

Для большинства парцеллированных конструкций характерна позиция ремы. Именно содержание ремы создает компрессию смысла, которая достигается использованием в структуре предложения нескольких пропозиций, а значит, нескольких рем.

Основная задача парцелляции — преодоление консервативности языковых структур, выработка новых образцов, приспособленных в дискурсах СМИ, в частности, подавать информацию и воздействовать на читателя формой ее подачи.

В лингвистической литературе многие ученые рассматривали сходные с парцелляцией явления, вырабатывая критерии их разграничения. Можно отметить определенное сходство между парцеллированными, присоединительными и сегментированными конструкциями. Все указанные построения представляют собой интонационное, пунктуационное выделение фрагмента информации, который благодаря этому выделению приобретает особую экспрессию. Данное явление приводит к простоте синтаксической конструкции и к синтаксической подвижности самого высказывания. И сегментированные, и парцеллированные структуры стилистически маркированы, они являются принадлежностью кодифицированного языка. Тем не менее в результате парцелляции актуализируется отчлняемый компонент, тогда как в случае сегментации — оба элемента структуры (тема и рема): *Или вот. Стаи аистов по пути на юг останавливаются на южной окраине Сахары и отдыхают там, где размножается саранча* (Труд. 2020. № 67—68).

Следовательно, несмотря на определенное сходство, эти структуры находятся в состоянии оппозиции. В случае парцелляции наблюдаются равноправные отношения.

Что касается присоединения, то в его основе лежит восстановление, так как к уже законченному высказыванию прибавляются развивающие и дополняющие его содержание элементы смысла: *Пострадавшая и ее спасатели стали стучать, звать на помощь. Без толку* (Труд. 2020. № 67—68).

Грамматические связи, нарушенные в результате присоединения, не восстанавливаются. Кроме того, для присоединения характерны разные средства репрезентации категории модальности компонентов. Основная часть репрезентирует объективную модальность, модальность присоединяемого компонента субъективна. *Из этого и надо исходить: воду Днепра на российский полуостров они не дадут. Значит, мы должны надеяться и рассчитывать на собственные силы* (Труд. 2020. № 67—68).

Таким образом, бесспорным является факт, что парцеллированные конструкции вносят в современный русский язык элемен-

ты разговорной речи, расчленяют выражение, делая информацию актуализированной за счет суперпозиции и дополнительного паузирования. Обратимся теперь непосредственно к функционирующим парцеллированным конструкциям в дискурсах СМИ.

В области простого предложения отмечается парцелляция практически любых членов предложения, при этом наибольшая частотность и экспрессивность наблюдается при парцеллировании дополнений и обстоятельств. Ю.В. Ванников отмечает, что парцелляция второстепенных членов предложения представляет собой речевой разрыв, сущность которого заключается в «нарушении временного и, возможно, пространственного единства и непрерывности синтаксических связей между членами предложения» [Ванников 1965].

Парцелляция обстоятельств в рамках монопредикативных структур разнообразна по морфологическому составу выделяемого сегмента. Наиболее частотными являются парцеллаты, содержащие наречия и словоформы наречного типа, что обусловлено широкими ресурсами данной части речи в выражении обстоятельственных значений.

Вынесение атрибутивов в парцеллат провоцирует фразовый разрыв определительных связей, который играет роль средства эмоционально-экспрессивного выделения признака, выражаемого парцеллируемым определением. Рассматривая парцеллируемые определения, необходимо подчеркнуть, что их вклад в обогащение фразы осуществляется путем выделения, подчеркивания индивидуальной черты объекта описания.

Парцеллированию в языке СМИ подлежат согласованные и несогласованные атрибутивы, даже если парцеллированный сегмент развернут: *В самом крупном городе Кузбасса — Новокузнецке — идет охота. На людей* (Труд. 2002. № 53) — в данном примере несогласованное одиночное определение вынесено в парцеллат.

Следует отметить, что союзная связь не затрудняет парцелляцию однородных определений, первое из которых функционирует в базовой части высказывания: *Это была красивая*

история. И немного грустная (КП. 2002. № 48); *Самоуверенный растёт парнишка. Но ранимый* (КП. 2002. № 166).

Особую экспрессию приобретают дискурсы СМИ, содержащие парцеллированные конструкции с лексическими повторами. При этом можно выделить несколько групп лексических повторов в публицистической речи:

— повтор атрибутива, относящегося к разным определяемым членам: *Им нет дела до чужой боли. Чужой беды* (Труд. 2002. № 23) (задача такого повтора — заставить читателя сопереживать);

— контактный повтор отдельных лексем: *Это, по мнению экономистов, «убитые» капиталы. Капиталы, которые не «работают», не преумножают каждый день и час состояние своих владельцев* (КП. 2004. № 155);

— комплексный повтор (копирование нескольких элементов из базовой части в парцелляте): *Он до последнего не верил, что родная мать «сдаст» его милиции и доведёт дело до суда. Не верил, что она откажется от него. До последнего думал, что она не сможет произнести: «Настаиваю на самом суровом наказании»* (Труд. 2002. № 23).

Таким образом, в дискурсах печатных СМИ доминируют парцелляты, которые реализуют актуализирующую функцию, что можно объяснить информативно-воздействующим характером жанров публицистики, привлекательностью печатных газет для читателя. Акцентирование внимания на отдельном сегменте вводимой информации провоцирует повышение коммуникативной инициативы реципиента, так как он расшифровывает закодированное в парцелляте эмоциональную авторское отношение к сообщаемому. Из этого следует, что актуализирующая функция парцеллированных конструкций в дискурсах средств массовой информации пересекается с эмоционально-экспрессивной функцией.

Нестандартность, привлечение внимания, доступность, творческий характер каждой парцеллированной конструкции — данные факторы обусловили их широчайшее использование в дискурсах современных печатных СМИ. При этом следует отметить,

что частотность парцеллированных конструкций в различных жанрах публицистики значительно различается. Так, авторы аналитических статей, сближающихся по характеру языковых структур с научной речью, используют минимальное количество расчленяющих структур, в том числе парцеллированных. Количество рассматриваемых структур резко возрастает в других газетных жанрах — статьях с выраженным оценочным элементом.

Важно отметить, что парцелляция, призванная избавить читательское восприятие от автоматизма, нередко выступает средством языковой игры: *Даже с бедствующей старушки, сдающей квартиру внаем, скоро будут драть шкуру. Налоговую* (КП. 2003. № 27). В конструкциях подобного типа отмечается грамматическое единство, в котором одинаковой значимостью обладают и первый, и второй компоненты: базовая часть не до конца понятна без парцеллята, а парцеллят является синсемантическим. Грамматическая основа такой конструкции содержится в базовой части и является общей для обоих компонентов высказывания. Нередко языковая игра в парцеллированных конструкциях реализуется за счет парадокса, основанного на полисемии: *Победа эта стоила ему миллион. Нервных клеток* (КП. 2004. № 26).

Парцеллированные конструкции дают автору дискурса СМИ возможность реализации целого перечня интенций:

- сделать акцент на обобщающем характере высказывания;
- выделить и актуализировать тему;
- пояснить и дополнить определенный сегмент информации;
- выразить эмоциональную оценку информации в сообщении;
- шокировать читателя неожиданностью факта или информации, противоречащей предыдущему содержанию;
- отобразить спонтанность мыслительного процесса, желая имитировать «поток сознания»;
- придать высказыванию обобщающе-усилительный характер;
- вновь обратить внимание на события, которые предшествовали данному.

Таким образом, парцеллированные конструкции используются в жанрах средств массовой информации наряду с други-

ми активными синтаксическими процессами, выполняя информативно-усилительную и выразительную функции, демонстрируя тенденцию всех функциональных стилей русского языка к расчлененности.

Список литературы

1. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
2. Пинегина Я.Н. Парцеллировавшиеся конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2005. 151 с.
3. Рыбакова Г.Н. Парцелляция сложноподчинённых предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1969. 22 с.

© *A.P. Babyuk*

ACTIVE SYNTACTIC PROCESSES FUNCTIONING IN THE MEDIA DISCOURSES

The article deals with one of the most frequent syntactic phenomena — parceled constructions. The material for the study was the discourses of print media available on the territory of the Republic of Moldova. The aim of the study is to identify the differential features of parceling, to determine the functions of this phenomenon in publicistic discourses. Such research methods as description, observation, method of comparative analysis were applied. Our study concludes that parceled constructions in media discourses are capable of performing a wide range of functions, including increasing the expression of the information being reported, an informative-amplifying function, shocking the reader with the unexpectedness of a fact or information that contradicts the previous content of the article.

Keywords: parceling, speech unit attached during parceling to the main part of the utterance, basic part, expressiveness, rheme, media discourse, language game.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале терминов, связанных с односоставным предложением)

Цель работы — с помощью сопоставительного метода найти различия в терминах, связанных с односоставным предложением. Было выявлено, что термины *предикат* и *односоставное предложение* требуют специального комментария для чешских студентов, изучающих русский язык, и русских студентов, изучающих чешский язык: из-за различия синтаксических школ возможна межязыковая интерференция. Термин *предикат* в русской синтаксической традиции понимается уже, чем в чешской, а объем понятия *односоставное предложение* в русском языке больше чешского. В чешской синтаксической традиции у терминов, называющих односоставное предложение, развита синонимия: чешские богемисты и чешские русисты используют несколько терминов в отличие от русских синтаксистов, пользующихся устоявшейся терминологией. Полученные результаты помогут не только студентам и преподавателям, но и переводчикам, работающим с лингвистической терминологией.

Ключевые слова: сопоставительное терминоведение, русский язык, чешский язык, синтаксис.

Лингвистическая терминология — это метаязык лингвистики. При обучении студентов языку лингвистическая терминология становится важным инструментом: преподаватель объясняет языковые явления и закономерности, пользуясь специальной терминологией. Однако может возникнуть целый ряд проблем, связанных с тем, что студенты не всегда владеют терминологией; перевод терминов иногда оказывается ложно

ориентирующим: сказываются различия национальных школ. В лингвистической терминологии достаточно высок процент терминов с латинскими и греческими корнями, такие термины в языке-реципиенте оформляются по его правилам, но значения таких терминов, несмотря на очевидное сходство формы, могут различаться. Особую сложность вызывают многозначные термины.

Спорным и принципиальным вопросом в теории односоставного предложения является проблема главного члена односоставного предложения. Если мы сопоставим подход к этому вопросу русских лингвистов, чешских русистов и чешских богемистов, то выявятся следующие закономерности.

Авторы *АГ-60* («Грамматика русского языка» под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, 1960) рассматривают классификацию членов предложения в главе, посвященной двусоставным предложениям, применительно к односоставным предложениям не рассматривается вопрос о членах предложения. При описании односоставных предложений они пользуются термином *главный член предложения*. В более современных русских учебниках по синтаксису, как правило, выделяется *единый главный член предложения* (анализируемый нами учебник «Современный русский литературный язык» под ред. П.А. Леканта или «Синтаксис современного русского языка» Н.С. Валгиной). В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» указывается, что «главный член (односоставного предложения. — *О.Б.*) не может быть отождествлен со сказуемым (как, впрочем, и с подлежащим)» [Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий 2008: 123].

Если обратиться к работам чешских русистов, то в самой старой из анализируемой нами грамматик русского языка для чехов *Příruční mluvnice ruštiny Skladba II* считается, что в односоставном предложении главный член имеет особый характер: «*Věty jednočlenné naproti tomu na část podmětovou a přísudkovou členit nelze. Vyjadřují základ myšlenky nerozčle-*

něně a základní část je v nich pouze jedna» [Mrázek a kol. 1960: 86]. В примечании авторы указывают, что «Přísudek věty dvojčlenné a základní člen věty jednočlenné se někdy nazývají obecněji *predikát* (čili «výrok») [Mrázek a kol. 1960: 86]. Далее в тексте при упоминании главного члена односоставного предложения используется термин *predikát*.

Следующие два учебника по русскому синтаксису для чехов написаны по-русски.

В учебнике «Русский синтаксис в сопоставлении с чешским» в качестве особого члена предложения выделяется единый главный член предложения. «Единым главным членом называется главный член односоставного предложения, выражающий действие (состояние, явление), не соотносимое с подлежащим. Единый главный член двусоставного предложения аналогичен сказуемому двусоставного предложения. Он представляет собой структурный центр односоставного предложения, с которым синтаксически сочетаются все остальные его конститутивные члены» [Kubík a kol. 1982: 51]. Классификация единого главного члена проводится на основании его частеречной принадлежности, всего выделяется восемь типов, для их обозначения автор вводит новые термины: *простой глагольный единый главный член, составной именной единый главный член, сложный глагольный единый главный член, инфинитивный единый главный член, экзистенциально-инфинитивный единый главный член, субстантивный единый главный член, наречный и партикулярный единый главный член, междометный единый главный член* [Kubík a kol. 1982: 51—52]. В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи для обозначения единого главного члена односоставного предложения используется термин *предикат*.

Чешские богемисты используют разные термины. Ф. Копечны в «Základy české skladby» (1962) не акцентирует внимание на этом вопросе, детально не анализирует односоставные предложения, не использует специальный термин для обозначения единого главного члена предложения.

М. Грепл и П. Карлик упоминают о проблеме единого главного члена односоставного предложения: «Tradičně se o přísudku mluví jen v korelaci s podmínem. Takový přístup vede pak k tomu, že např. ve větě *Občané nakonec dosáhli nápravy* se výraz *dosáhli* považuje za přísudek, ve větě *Občany bylo nakonec nápravy dosaženo* se výraz *bylo dosaženo* za přísudek nepovažuje: jde podle školských mluvnic o „(jediný//jeden) základní větný člen“. Ale ve větě *Občany byla nakonec náprava dosažena* se též výraz hodnotí zase jako přísudek» [Grepl, Karlík 1986: 235]. Детальнее авторы не рассматривают вопрос о едином главном члене, но, классифицируя типы сказуемого, в качестве примеров приводят и односоставные предложения.

Подытоживая, можно заметить, что проблема различения главных членов в двусоставном и односоставном предложении является очень важной и решается в зависимости от авторской концепции по-разному. В «Русском синтаксисе в сопоставлении с чешским» *единый главный член* выделяется и характеризуется по его морфологической принадлежности. В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи авторы работают с термином *предикат*, М. Грепл и П. Карлик также выделяют в односоставных предложениях один главный член предложения — *прísudek*. Это приводит к тому, что главный член в предложениях типа *Тишина*. в разных анализируемых грамматиках и учебниках будет классифицироваться по-разному.

Очевидно, что термин *предикат* является потенциально «опасным» в работе с чешскими студентами, он может спровоцировать межязыковую интерференцию, интернациональность и общность происхождения термина только усложняют восприятие. Чешский термин *predikát* шире русского термина *предикат*, потому что он обозначает не только сказуемое двусоставного предложения, но и единственный главный член в односоставном предложении.

Если мы обратимся к терминам, называющим односоставное предложение и его типы, то здесь мы столкнемся с еще большей сложностью: несмотря на то что большинство

синтаксистов признает односоставные предложения, есть различия в трактовке как односоставного предложения, так и его типов.

В русском синтаксисе проблема грамматической двусоставности/односоставности предложений является одной из самых дискуссионных: с 1980-х годов стала подвергаться сомнению целесообразность выделения односоставных предложений в русском языке (в работах представителей коммуникативного или семантического синтаксиса Г.А. Золотовой, Г.П. Дручининой и Н.К. Онипенко). Большая часть синтаксистов по-прежнему признает реальность существования русских односоставных предложений, в работах этих лингвистов, как правило, представлена проработанная классификация типов односоставных предложений (В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Е.С. Скобликова). В чешских учебниках и грамматиках, как русского, так и чешского языка, к которым мы обращались для анализа, авторы не отрицают существования односоставных предложений.

Как известно, выделение односоставных предложений как особого типа в русской грамматической традиции связано с именем А.А. Шахматова, в «Синтаксисе русского языка» он противопоставил односоставные предложения двусоставным (по наличию главных членов предложения). Он разработал достаточно детальную и подробную классификацию односоставных предложений, что отражается как на количестве, так и на многоуровневости микросистемы терминов *Односоставное предложение*: например, для описания структурных типов односоставного предложения автор использует 28 терминов, все они организованы в четкую четырехуровневую иерархию.

В русской синтаксической традиции закрепился термин *односоставное предложение*, под ним подразумевается предложение с одним главным членом, такие предложения противопоставлены двусоставным предложениям, в которых есть состав подлежащего и состав сказуемого.

Для чешской синтаксической традиции, которая нашла отражение в работах чешских богемистов и русистов, характерен переход от противопоставления односоставного предложения двусоставному к противопоставлению предложений подлежащих и бесподлежащих, именно этим и объясняется разница в терминах, используемых для обозначения единого главного члена предложения. В чешских грамматиках мы можем встретиться с терминами *jednočlenná věta* и *bezpodmětá věta*, чаще они используются как синонимы. Внутренняя форма термина *jednočlenná věta* акцентирует внимание на том, что в таком предложении представлен только один главный член, тогда как само название *bezpodmětá věta* свидетельствует о том, что это предложение без подлежащего.

В работах чешских русистов также наблюдается терминологический разнобой. Авторы «Příruční mluvnice ruštiny Skladba II» пользуются термином *jednočlenná věta*. В учебнике «Русский синтаксис в сопоставлении с чешским» употребляется термин *односоставное предложение*, в учебном пособии «Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским» авторы оперируют термином *предложение без подлежащего*.

Рассмотрим определения и классификации односоставных предложений.

В АГ-60 была представлена следующая концепция: выделялись неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, инфинитивные, номинативные, а также слова-предложения (предложения, «выраженные одним словом или целым неразложимым словосочетанием, не распадающиеся на отдельные члены предложения и не распространяющиеся при помощи пояснительных слов»). Первые 5 типов до сих пор широко используются и в школьных учебниках по русскому языку.

В учебнике Н.С. Валгиной односоставное предложение определяется так: «это особый семантико-структурный тип простого предложения. В отличие от двусоставных они имеют один главный член, который одновременно

и называет предмет, явление, состояние и указывает на наличие его в действительности, передает отношение к действительности, т.е. оформляет значение синтаксического времени и объективной модальности. Этот главный член является единственным организующим центром предложения. Отсутствие второго главного члена отнюдь не свидетельствует о неполноте предложения (ср. двусоставные неполные), это его семантико-структурная специфика» [Валгина]. В этом учебнике представлена чуть более сложная классификация: с точки зрения частеречной принадлежности главного члена односоставного предложения выделяются именные и глагольные типы. А конкретные разновидности могут быть глагольными и/или именными: определенно-личные (глагольные), неопределенно-личные (глагольные), обобщенно-личные (глагольные), безличные (глагольные и именные), инфинитивные (глагольные), номинативные (именные) и генитивные (именные).

В учебнике П.А. Леканта односоставное предложение определяется так: «самостоятельный структурно-семантический тип простого предложения, противопоставленный двусоставным. Специфика их заключается в том, что предикативная основа предложения представлена одним главным членом» [Лекант 2013: 648]. В этом учебнике выделяются два основных типа: глагольные односоставные предложения и субстантивные. В глагольные односоставные предложения входят определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, инфинитивные, безличные предложения, к субстантивным относятся номинативные и генитивные. Особняком стоят нечленимые предложения, они также рассматриваются в главе, посвященной односоставным предложениям.

В результате анализа было выявлено, что в более поздних работах определенно-личные предложения стали включаться в число односоставных, тогда как в АГ-60 такие предложения считались двусоставными неполными.

В чешской синтаксической традиции, как отмечалось выше, используется несколько терминов для обозначения

односоставного предложения. Как правило, предложения с единственным главным членом, выраженным не глагольной формой, чаще всего выносятся за рамки предложений: они классифицируются как эллиптические высказывания, не имеющие характер предложения (*eliptické nevětné výpovědi*) или нечленимые предложения (*větné ekvivalenty*). Таким образом односоставными предложениями становятся только те предложения, в которых единственный главный член выражен глагольной формой.

Грепл и Карлик делят предложения на *podmětové věty* (подлежащные) и *bezpodměté věty* (бесподлежащные). Авторы указывают, что для обозначения односоставных предложений в чешских учебниках и грамматиках используются синонимичные термины *jednočlenná věta* и *bezpodmětá věta*, но они считают термин *jednočlenná věta* ложно мотивирующим, поскольку в таком предложении может быть не один член предложения, а несколько, и настаивают на использовании термина *bezpodmětá věta*, определяя его так: «Bezpodměté větné struktury jsou budovány na predikátových výrazech, které nepřipouštějí syntaktickou pozici podmětu» [Grepl, Karlík 1986: 113]. Авторы предлагают достаточно сложную и разветвленную систему бесподлежащих предложений: они выделяют предложения с полнозначным глаголом и с предложения с глаголом-связкой. Бесподлежащие предложения с полнозначным глаголом в свою очередь делятся на два типа: *primární* и *sekundární*. Jako sekundární chápeme takové struktury, které představují transformační derivaci nějaké výchozí struktury podmětové: *Lidé teď o tom často diskutují* → *O tom se teď často diskutuje*» [Grepl, Karlík 1986: 113]. Авторы не дают четкой дефиниции, что такое *primární bezpodmětá věta*, но описывают их с помощью пяти разных моделей предложения.

В работах чешских русистов в понимании односоставного предложения наблюдается тенденция к следованию чешской синтаксической традиции, однако авторы разрабатывают собственные типологии односоставных предложений. В грамматике Р. Мразека, Я. Бауера и С. Жажи употребляется

термин *jednočlenná věta*. Под односоставным предложением они понимают предложение с одним главным членом предложения, в котором выражается предикативность в широком смысле слова [Mrázek a kol. 1960: 98]. Они выделяют два типа предложений: *věty slovesné, tj. s určitým tvarem slovesa* и *věty bez určitého tvaru slovesa*. К глагольным предложениям (*věta slovesná*) относятся предложения с полнозначным глаголом и предложения с глаголом-связкой. К типу предложений с неличной формой глагола (*věty bez určitého tvaru slovesa*) они относят инфинитивные предложения и предложения, в которых главный член выражен другой частью речи.

В учебнике «Русский синтаксис в сопоставлении с чешским» авторы не дают дефиницию односоставного предложения, но выделяют односоставные предложения, к которым относят восемь типов: *односоставные предложения с простым глагольным главным членом, односоставные предложения с составным именным главным членом, односоставные предложения с составным количественным главным членом, односоставные предложения со сложным глагольным главным членом, односоставные предложения с инфинитивным главным членом, односоставные предложения с субстантивным главным членом, односоставные предложения с наречным и партикулярным главным членом, односоставные предложения с междометным главным членом*. Эта классификация тесно связана с предложенной в данном учебнике классификацией единственного главного члена предложения. Также авторы выделяют два типа предложений, которые считают переходными типами между двусоставными и односоставными: *неопределенно-личные предложения и обобщенно-личные предложения*.

Односоставные предложения в учебнике Г. Флидровой и С. Жажи называются *предложениями без подлежащего*, всего они выделяют семь типов: неопределенно-личные предложения (*В зале танцуют*), обобщенно-личные предложения (*Здесь не курят*), предложения с простым глагольным предикатом в форме

3-го лица (*Светает. На улице моросит. Мне не спится, Дорогу замело снегом*), предложения со связочно-именным предикатом (*Было холодно. Лене стало грустно*), предложения со сложным предикатом (*Начинает светать. Надо будет посоветоваться. Ему было лень одеваться*), предложения с инфинитивным предикатом (*Молчать! Мне комнату убирать. Поговорить бы с ним*), предложения с неглагольным предикатом (*Темная ночь. Отлично! Ах!*).

Подытоживая, можно сделать вывод, что термин односоставное предложение является сложным для усвоения: объем понятия в разных синтаксических школах отличается. Что касается типологии односоставного предложения, то очевидно, что особенно у чешских русистов она сильно зависит от авторской концепции, они часто вводят новые термины, свойственные скорее чешской синтаксической традиции. При работе с темой «Односоставное предложение» необходима внимательная, кропотливая терминологическая работа и знание сходств и различий национальных синтаксических школ.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/>
2. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
3. Долин Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). 2-е изд. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. 129 с.
4. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 766 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов и др. М.: ФЛИНТА, 2008. Т. 2. 816 с.
6. Flídrová H., Žaža S. Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским. Olomouc, 2005. 157 с.
7. Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. Praha: SPN, 1986. 474 с.
8. Kopečný F. Základy české skladby. Praha: SPN, 1962. 359 с.

9. Kubík M. a kol. Русский синтаксис в сопоставлении с чешским. Praha: SPN, 1982. 282 c.
10. Mrázek R., Žaža S., Bauer J. Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. D. 2, Skladba. Praha: SPN, 1979. 528 c.

© **O.L. Berger**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN
AND CZECH LINGUISTIC TERMINOLOGY
(on the material of terms
connected with a one-part sentence)**

The aim of this article is to identify differences in terms associated with a one-part sentence using the comparative method. It was found that the terms predicate and one-part sentence require a special comment for Czech students studying Russian and Russian students studying Czech: due to the difference in syntactic schools, interlingual interference is possible. The meaning of term "*predicat*" (predicate) in the Russian syntactic tradition is narrower than in Czech, and the concept "*odnosostavnoye predlozheniye*" (one-part sentence) in Russian is larger than the Czech one. In the Czech syntactic tradition, the terms naming a one-part sentence have many synonyms: Czech Bohemians and Czech specialists in Russian philology use several terms, in contrast to Russian syntaxists who use an established terminology. The results obtained will help not only students and teachers, but also translators working with linguistic terminology.

Keywords: comparative terminology, Russian language, Czech language, syntax.

ТАК СКАЗАТЬ — РОЖДЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА (об активных процессах в русской устной речи)¹

Показано, как в результате последовательно действующих в нашем языке и речи активных процессов грамматикализации и прагматикализации рождается новая единица, не попавшая пока в поле зрения лексикографов, хотя уже и замеченная исследователями, — выражение *так сказать*. В толковых словарях оно приводится в периферийной части словарной статьи на глагол *сказать*, толкуется как вводное словосочетание со значением 'если можно так выразиться' и являет собой несомненный результат процесса грамматикализации: вместо глагола с полным набором грамматических форм в языке и речи выступает «застывшая» форма, лексическое значение которой значительно ослаблено, а способность к грамматическому изменению полностью утрачена. На следующем витке эволюции это выражение подвергается действию еще одного активного процесса — прагматикализации, и в устной речи на месте бывшего глагола и бывшего вводного словосочетания появляется (рождается) новая единица — прагматический полифункциональный маркер. Этот маркер «заимствовал» у вводной единицы функцию рефлексива (оценки сказанного) и добавил к ней еще функции хезитатива, навигатора по тексту, ксенопоказателя, маркера самокоррекции и даже декоратива («никчемутива»), которые выявляет контекстный анализ корпусного материала. Эта новая единица достойна занять свое место в словаре прагматических маркеров русской повседневной речи, который уже готовится к изданию в СПбГУ.

Ключевые слова: грамматикализация, прагматикализация, прагматический маркер, хезитатив, рефлексив, маркер-навигатор, ксенопоказатель, маркер самокоррекции, устный дискурс.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»).

Нет сомнения, что язык в сознании рядового его носителя ассоциируется прежде всего со *словом*, ср.: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр 1933: 111]; «слово выступает <...> как центральная, узловая единица вообще языка (рядка автора. — Н. Б.-Б.)» [Смирницкий 1952: 183]; «язык как орудие общения — это прежде всего “словесное орудие”, это “язык слов”» [Реформатский 1967: 54]. Не случайно поэтому, что именно слово стало основной единицей лексикографического описания, особенно в академических словарях прескриптивного типа, таких как БАС, МАС или БТС. Однако уже и в этих словарях единицей описания часто становится не слово как лексема (лемма), а та или иная конкретная его *словоформа* (токен): *кажется, скажем, в смысле* и под. При этом отдельному толкованию в рамках словарной статьи подвергается не любая словоформа, а лишь такая, которая — в определенном контексте — приобретает черты самостоятельной единицы, со своим набором значений, среди которых семантика часто уступает место прагматике, а грамматика словно «застывает», лишая единицу (исходное слово) способности изменяться в соответствии с теми или иными исходными ее грамматическими категориями. Такие употребления фиксируются обычно в конце словарной статьи, в периферийной, в отличие от основной, «ядерной», ее зоне, которая представляет для исследования особенный интерес: думается, что именно здесь лежат истоки различных изменений, происходящих со словом в его реальном употреблении (о соотношении ядра и периферии лексико-грамматической характеристики русского слова и судьбе периферийных единиц см.: [Богданова-Бегларян 2020]). По примерам такого рода можно судить, насколько велик истинный функционально-семантический потенциал многих лексических единиц и сколь незначительная его часть реализуется в том, что мы привыкли называть «словарным» словом. Одним из свидетельств такого функционально-семантического потен-

циала является судьба в нашем языке и речи выражения *так сказать*.

В периферийной зоне словарной статьи на глагол *сказать*, среди многого другого (*Скажешь! (Да) и то сказать; как сказать; кстати сказать, легче/вернее/проще/точнее сказать; нечего сказать; с позволения сказать* и под.), упоминается и употребление этой конструкции «в значении вводного слова» — «для смягчения какой-л. формулировки или указания на ее неточность в значении: если можно так выразиться (рядка авторов. — Н. Б.-Б.)» [МАС 1988: 101]. Глагол *сказать* в таком употреблении явно грамматикализован (подвергся процессу *грамматикализации*, в результате которого «одно грамматическое превращается в другое грамматическое», т.е. рождается новая грамматическая единица) (теория грамматикализации представлена в лингвистике многочисленными публикациями: [Bybee et al. 1994; Lehmann 1995; Heine, Kuteva 2002; Heine 2003; Norpeter, Traugott 2003] и др.): связь с глагольной семантикой еще сохраняется, хотя частеречный статус уже утрачен, а с ним и способность глагольной формы изменяться по каким бы то ни было категориям.

Процесс грамматикализации в устной речи тесно связан с другим активным процессом — *прагматикализацией*, в результате которой определенные лексико-грамматические формы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка, где единицы становятся сугубо прагматическими, начинают выражать не пропозициональное содержание предложения, а различные реакции говорящего на устный дискурс [Graf 2011: 296; Günthner, Mutz 2004]. Именно такому процессу подверглось в русской устной речи — на новом витке эволюции — и выражение *так сказать*, что пока никакими словарями не отмечено. Однако некоторые упоминания о новом статусе этой единицы в литературе все же встречаются.

Так, «Русская грамматика», описывая вводные слова и словосочетания, отмечает, что многие из них иногда употребляются в нашей речи в роли почти *пустых вставок*, и среди прочих

(знаете, знаешь, значит, понимаете, понимаешь, в общем, главное, собственно, собственно говоря и под.) относит к их числу и единицу *так сказать* [Русская грамматика 1980, т. II: 229]. В специальной лингвистической литературе *так сказать* также рассматривается обычно в ряду «слов-паразитов», которые «свидетельствуют <...> о недостаточной речевой культуре» говорящего (см., например: [Земская 1987: 91; Козлов 1997: 298]), таких как *значит, как бы, в принципе, в общем, это, это самое* и под. Но дальше «упрека в паразитизме» в адрес таких слов дело обычно не идет, тогда как в результате прагматикализации в нашей речи зачастую рождаются новые единицы — *прагматические маркеры* (ПМ), — обладающие своим набором прагматических значений, своими особенностями функционирования в устном дискурсе и заслуживающие специального лексикографического описания, в том числе и маркер *так сказать*, которому и посвящена настоящая статья.

Действительно, выражение *так сказать*, помимо кодифицированных словарем употреблений как вводного словосочетания, может функционировать в устной речи и в роли прагматического маркера. Выявить такие употребления, впрочем, помогает только детальный контекстный анализ материала, предоставляемый объемными корпусами. Источником материала для настоящего исследования стали два речевых корпуса, созданных и разрабатываемых в СПбГУ: корпус монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (общее представление о них см.: [Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016]).

Однако аннотирование ПМ в корпусном материале затруднено тем обстоятельством, что все они (в том числе и *так сказать*) внешне ничем не отличаются от значимых (пусть даже грамматикализированных) речевых единиц и лишь в контексте реализуют свой новый статус (сходные выводы о дискурсивных словах/маркерах (ДС/ДМ) находим у К.Л. Киселевой и Д. Пайара: ДМ часто «сливаются» с контекстом, их анализ

требует более «длинных» контекстов; наряду с дискурсивными, у этих слов есть и другие, недискурсивные, употребления; их «можно изучать только через их употребление» [Дискурсивные слова... 1998: 8—10]), ср.:

1) *вот на этом небосклоне / описываются очень красиво / облака // - // в первую очередь / всеми красками* † **так сказать** (САТ);

2) *а может ли вот / сейчас какая-нибудь страна *В так сказать третьего мира живущая () старинном укладом / вдруг взяться и через пятьдесят лет (э) создать (э) авианосцы и тому подобное / это невозможно* (ОРД);

3) *у нас так сказать специализация *П из одного человека получилась* (ОРД).

Знаком (†) в расшифровках САТ обозначается физическая пауза хезитации. О других особенностях орфографического представления материалов САТ см., например: [Куканова 2009]. Знак (*В) в расшифровках ОРД означает шумный вдох, () — заминка говорящего. О других особенностях орфографического представления материалов ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242—243].

В контекстах (1)—(3) сочетание *так сказать* употреблено в словарном значении ‘если можно так выразиться’, т.е. в роли вводной единицы. Нельзя, впрочем, не отметить, что это значение близко к функции прагматических маркеров-рефлективов (подробнее о типологии прагматических маркеров и одновременно о трудностях их аннотирования в речевом корпусе см., например: [Богданова-Бегларян и др. 2019]), с помощью которых говорящий производит своеобразное мета-языковое комментирование: оценивает сказанное, реагирует на произнесенное слово или выражение, используя (в данном случае) единицу *так сказать* в роли «индикатора субъективной оценки <...> собственной речевой деятельности» [Шилихина 2013: 717]. В приведенных выше примерах это реакция на вполне устойчивые, хотя порой и несколько модифицированные, или просто «нетривиальные» выражения (в контекстах подчер-

кнуты): *описываются всеми красками* (ср.: *играть/переливаться всеми красками*), *страна третьего мира* и *специализация из одного человека*. Именно на такой почве и рождается в нашей речи собственно ПМ. Уже по этим примерам видно, что такое вводное словосочетание, как и собственно маркер-рефлексив, может занимать любое положение по отношению к объекту рефлексии: стоять в *препозиции* (так называемый «упреждающий» рефлексив) (3), *постпозиции* (1) или «*интерпозиции*» (2), что позволяет проводить и дальнейшую их систематизацию.

См. еще ряд примеров с *так сказать*, где функция прагматического маркера уже достаточно очевидна:

4) *больше всего на меня произвёл впечатление это Каир // т.е. город как это называется ну вот сейчас бы сказала город контрастов // ха-ха вот т.е. там там нищета роскошь / э-э вот этот вот / м-м так сказать / грязь и в то же время шикарные / парки (САТ);*

5) *а когда язык уйдёт / либо / так сказать / мы э... / сколько есть возможности / поднима... / я не знаю технологически / каким / через ролики // можно пропускать / и монтировщики тянут это дело / ну / это всё тоже будет так // # слушайте / мы это уже придумаем (ОРД);*

6) *это вот (э-э) / так сказать / (м-м) и есть те самые объекты (ОРД);*

7) *ну правда вдоль побережья Нила / там конечно / более такая / так сказать живут более богатые люди и там кварталы / для более богатых и обеспеченных людей // конечно там и банки и музеи (САТ);*

8) *да / да / да / причём эти зубцы с наваркой идут // допустим (...) вот так вот / да ? которые опять же / так сказать это (а-а) идёт от самих историй // которые // @ вот так может / да / вот по всему периметру колючая проволока (ОРД);*

9) *хорошо / это я с этим я разберусь / там будет мне нехрена делать / я там регистрируюсь / значит включу / регистрируюсь / и буду так сказать / ну там будут //*

теперь () слушай / если обновление будет / оно (э-э) будет русифицировано / да / или что ? (ОРД);

10) *ну я прислушаюсь / естественно к вам / но я же могу выразить свое # можешь // так сказать / мнение / если мне что-то категорически не нравится (ОРД).*

В примерах (4)—(6) *так сказать* выступает в роли вербального *хезитатива*, чему в немалой степени способствует окружающий *хезитативный* контекст (подчеркнуто): *э-э вот этот вот / м-м; з..., поднимает...; это вот (э-э) / (м-м)* (видно, что *Короля делает (играет) свита...* — см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян 2019а]).

В контексте (7) *хезитацию*, т.е. колебания, говорящего выражает фрагмент *более такая* (подробнее о способности слова *такой* выступать в роли *хезитатива* см., например, в [Шклярук 2018]), который далее оказывается брошенным, и маркер *так сказать* служит фактически *навигатором*, помогающим говорящему продвинуть монолог вперед после речевого сбоя, и одновременно *маркером самокоррекции*, поскольку следующий фрагмент фразы оказывается грамматически никак не связан с предыдущим (скорректирован).

В такой же роли полифункционального маркера — одновременно *навигатора* и *самокоррекции* — выступает *так сказать* и в примерах (8)—(9).

Выражение *так сказать* в примере (10) функционирует уже как несомненный маркер-*рефлексив*, маркирующий в данном случае эвфемизм *мнение*, употребленный вместо более резких слов (*несогласие* или *недовольство*). Не случайно сразу после этого употребления говорящий все же проясняет, что именно он хотел сказать: *если мне что-то категорически не нравится*. Заметим, что в данном случае мы видим не просто неуверенность и рефлексивность говорящего на сказанное ('если можно так выразиться'), что свойственно уже и вводному словосочетанию (см. выше), но рефлексивность иного рода, характеризующую именно прагматический маркер: оценку сказанного как эвфемизма или чего-то иного

«нетривиального», к чему говорящий хочет привлечь внимание собеседника.

Обнаружилось в корпусном материале и довольно редкое употребление выражения *так сказать* в роли маркера-кенопоказателя, вводящего в повествование чужую речь (в контексте подчеркнута), ср.:

11) *ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет так сказать ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей и они скажут идите в ж-ж*пу может быть # <C> # <C> нет ? не хотите ? *Н мы вам сто рублей дадим* (ОРД).

Встретились в материале исследования и случаи совсем немотивированного использования говорящим рассматриваемого маркера — исключительно в целях украшения своей речи («для красного словца»), что позволяет определить их в дополнительный, не вошедший в общую типологию, класс ПМ-декоративов (в рабочем обиходе — «никчемутивов») (подробнее об этом см.: [Богданова-Бегларян 2019а; Богданова-Бегларян 2019б]), ср.:

12) *ну здорово / ну всё будет зависеть от моего так сказать нового графика* (ОРД);

13) *хорошо / значит (э) / короче говоря / если я сейчас закрою / то он / так сказать / подвигать(?) уже не будет // # да / всё* (ОРД);

14) *и(:) / в связи с этим вопрос / так сказать к Марине_ Дробышевой% / которая вот клубный секретарь* (ОРД);

15) *и в конце так сказать напишите* (ОРД);

16) *очень хорошо живописует девушку / её грацию / стройность / её / определённый испуг // э-э молодой человек / м-м находится где-то на / втором плане / явно так сказать [а] не в центре здесь картины / является / если можно так сказать [б] / ну каким-то служебным элементом для воплощения замысла картины* (САТ).

Трудно сказать, с какой целью, кроме желания говорить красиво, употребил говорящий маркер выражение *так сказать* в примерах (12)—(15) и (16[а]). Употребление же *так сказать* в

случае (16[б]) к ПМ не относится и почти дословно повторяет формулировку значения вводного словосочетания, данную словарем (см. выше): *если можно так сказать*.

В роли подобных декоративов-«никчемутивов» в повседневной речи носителей языка с не самым высоким уровнем речевой компетенции, которые определенно имеют представление, как может звучать литературная речь, но сами навыками такой речи не обладают, часто используются и другие вводные единицы, предназначенные выражать рефлексию говорящего на сказанное: *как говорится, собственно говоря, что называется* и под. (см. о них в этой роли подробнее: [Прагматические маркеры... 2020]).

Итоговая характеристика прагматического маркера *так сказать* как новой, сугубо функциональной, речевой единицы, рожденной в результате последовательно действующих процессов грамматикализации и прагматикализации, получается в результате довольно богатой и разнообразной: это может быть, в зависимости от контекста и в первую очередь, *рефлексив*, максимально близкий по функции к значению вводного словосочетания, а также *хезитатив*, разграничительный маркер-*навигатор*, *маркер самокоррекции* и — редко — маркер-*ксенопоказатель*.

Именно такой набор прагматических значений (функций) составил основу словарной статьи на выражение *так сказать* в словаре прагматических маркеров, который готовится сейчас к изданию (см.: [Прагматические маркеры... 2020]) и, по мнению его создателей, «может быть полезен специалистам самого разного толка: собственно лингвистам, исследователям повседневной русской речи (коллоквиалистика когнитивистика, социо- и психолингвистика); создателям грамматики речи (или модели языка, основанной на употреблении — *usage-based theory*), которая, вне всякого сомнения, отличается от грамматики языка; специалистам по корпусной лингвистике, разрабатывающим системы автоматического аннотирования и анализа корпусного материала на разных уровнях; переводчикам спонтанных текстов на другие языки, хотя бы в рамках художественного произведения, при передаче речи персонажей; преподавателям

русского языка иностранцам, которые вынуждены учиться воспринимать и правильно понимать нашу спонтанную речь как устно, так и письменно, при чтении русскоязычных текстов. В ряду других словарей, построенных на материале устных корпусов, Словарь ПМ даст максимально полное представление о лексической и дискурсивной специфике повседневной русской речи» [Прагматические маркеры... 2020: 3].

Список литературы

1. Богданова-Бегларян 2019а — Богданова-Бегларян Н.В. *Короля делает свита*: о дополнительных условиях прагматикализации языковых единиц в повседневной речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019». 24—28 июня 2019 г., Санкт-Петербург / В.П. Захаров (отв. ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 317—324.
2. Богданова-Бегларян 2019б — Богданова-Бегларян Н.В. Трудно всем...: о разных источниках «спасительных конструкций», используемых в ходе спонтанного речепорождения // V междунар. конф. «Культура русской речи» (Гротовские чтения) (21—23 февраля 2019 г., ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН). М., 2019. URL: <https://sites.google.com/site/grotconf/>
3. Богданова-Бегларян Н.В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова, 2020. В печати.
4. Богданова-Бегларян 2019 — Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д., Попова Т.И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.) / гл. ред. В.П. Селегей. Вып. 18 (25). М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 72—85.
5. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К.Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 448 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: колл. монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред.

- Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
7. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. 237 с.
 8. Козлов Н.И. Истинная правда, или учебник для психолога по жизни. М.: АСТ-ПРЕСС, 1997. 480 с.
 9. Куканова В.В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 224 с.
 10. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. Том IV. С—Я / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 790 с.
 11. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб., 2020. В печати.
 12. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
 13. Русская грамматика. Т. II / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.
 14. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: колл. монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
 15. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. С. 182—203.
 16. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.
 17. Шилихина К.М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.): в 2 т. Вып. 12 (19). Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 710—717.
 18. Шклярук Е.Я. Единица ТАКОЙ в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 1598—1605.

19. Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994. 420 p.
20. Graf E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main: Lang, 2011. 328 p.
21. Günthner S., Mutz K. *Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian* // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77—107.
22. Heine B. *Grammaticalization* // *The Handbook of Historical Linguistics* / B. Joseph, R. Janda (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 575—601.
23. Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 387 p.
24. Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 300 p.
25. Lehmann C. *Thoughts on Grammaticalization*. Revised and expanded version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. 230 p.

© *N.V. Bogdanova-Beglarian*

**TAK SKAZAT' (SO TO SAY) —
THE BIRTH OF A PRAGMATIC MARKER
(about active processes in Russian speech)**

The article shows the creation of the new unit as a result of the active processes of grammaticalization and pragmaticalization, consistently operating in our language and speech. This unit — an expression ‘tak skazat’ (‘so to say’) — has not yet entered the field of view of lexicographers, although already noticed by researchers. In explanatory dictionaries, it is given in the peripheral part of the dictionary entry for the verb skazat’ (to say), is interpreted as an introductory phrase with the meaning ‘if I may say so’ and is an undoubted result of the grammaticalization process. Instead of a verb with a full set of grammatical forms in language and speech, there is a “frozen” form, whose lexical meaning is significantly weakened, and the grammatical mutability is completely lost. On the next round of evolution, this expression is subjected to the action of another active process —

pragmaticalization, and in the speech in place of the former verb and the former introductory phrase a new unit appears (creates) — a pragmatic multifunctional marker. This marker “borrowed” from the introductory unit the function of reflexive (assessment of what was said) and added to it the functions of hesitation, text navigator, xenomarker, self-correction marker and even decorative (“word-to-nothing”), which the contextual analysis of corpus material reveals. This new unit deserves its place in the dictionary of pragmatic markers of Russian everyday speech, which is already being prepared for publication at St. Petersburg State University.

Keywords: grammaticalization, pragmaticalization, pragmatic marker, hesitation, reflexive, navigator marker, xenomarker, self-correction marker, oral.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОМЕЖУТКОВ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются способы выражения промежутков времени в русском и китайском языках в аспекте преподавания русского языка в китайской аудитории. Обозначаются сходства и различия в логике номинации промежутков времени в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: выражение времени в русском языке, преподавание русского языка в китайской аудитории, национально ориентированная методика, русский язык как иностранный.

Содержание грамматической темы «Выражение времени в русском языке» представляет собой трудность для китайских учащихся, что обусловлено различиями как в строе русского и китайского языков, так и в целом в восприятии времени носителями этих языков.

Практика преподавания русского языка как иностранного в моноэтнических учебных коллективах привела к пониманию того, что носителями разных языков русский язык изучается по-разному, поэтому выявление этих особенностей на разных уровнях и последующий их учет при формировании программ обучения для этих моноэтнических групп привели к формированию национально ориентированной методики. Основным преимуществом разработки национально ориентированной методики для моноэтнических учебных коллективов является то, что она «позволяет повысить эффективность преподавания, т.е. уменьшить время обучения и увеличить объем изучаемого материала за счет использования межъязыкового сходства и снижения влияния интерференции» [Азимов, Щукин 2018].

Представленный в статье материал связан с изучением лингводидактической проблемы транспонирования грамматических конструкций родного языка в модальность изучаемого языка. Этот процесс одинаково сложен как для иностранных студентов, так и для преподавателей, не владеющих родным языком студентов. Однако преподавателю всегда полезно знать, каков путь размышления студентов при осуществлении преобразований грамматических структур из одного языка в другой.

В данной статье сопоставляются способы обозначения промежутков времени в русском и китайском языках, и выполняется это путем перевода грамматической модели с русского языка на китайский, а затем выполняется последовательный возвратный перевод на русский язык полученной китайской конструкции. Подробно данный метод представлен в статье «Выражение точного времени в русском и китайском языках» [Буинь, Ильина 2019]. В данной работе будут рассмотрены наиболее трудные для китайских учащихся конструкции русского языка: конструкции с предлогами *за, на, через, после, спустя*, а также беспредложная конструкция, используемая для обозначения времени протекания процесса.

Необходимо отметить, что полных коррелятов русских конструкций в китайском языке нет.

Сопоставим обозначение продолжительности действия в русском и китайском языках:

- *Я работаю всю неделю;*
- *我工作了整整一周.* (кит. *Я работать вся неделя*).

Приведенные примеры позволяют сделать следующие выводы. Для обозначения продолжительности действия в русском языке используются конструкции, в которых слово со значением времени употребляется в форме винительного падежа, при этом предлоги не добавляются. В китайском языке при выражении и обстоятельственного (временного), и номинативного значений изменений в формах не происходит, однако важен порядок слов:

конструкция с обозначением периода продолжения действия помещается после глагола.

Далее рассмотрим, как выражается идея срока действия, необходимого для достижения результата действия, в русском и китайском языках:

— *Студент решил задачу за три часа;*

— 大学生在三小时内解完了题. (кит. *Студент 在 三小时 内 решить задачу*).

Результаты сравнения данных языковых моделей показали, что в обоих языках действительно существует специальная модель для выражения указанного значения. Однако если в русском языке значение передается с помощью конструкции «предлог *за* + название интервала времени», то в китайском языке эта идея передается моделью «*在* + время + *内*», где к слову, обозначающему время, добавляются специальные слова [Ли Ван 1954].

Рассмотрим, как в китайском и русском языках обозначается срок, в течение которого сохраняется результат действия:

— *Я взял книгу в библиотеке на неделю;*

— 我在图书馆借的书可以用一周. (кит. *Я в библиотеке взять книгу и ее можно использовать неделю*);

— *Я приеду в город на месяц;*

— 我将到城市呆一个月. (кит. *Я приехать город и останусь месяц*).

Русская грамматическая конструкция «*на* + винительный падеж» для обозначения срока сохранения результата не имеет точного грамматического эквивалента в китайском языке. При необходимости выразить идею «продолжительности использования результата» китайцы применяют лексические модели «*и останусь там период*», «*и буду находиться там период*», «*и можно использовать объект период*» и др. Выбор лексической модели зависит от идеи предложения и от окружающих слов. Так, в предложении *Я взял книгу в библиотеке на неделю* выбирается модель «*и ее можно*

использовать неделю», а в предложении *Я приехал в город на месяц* выбирается модель «и останусь месяц».

Рассмотрим три конструкции, которые обозначают время, по простейшему из которых начнётся какое-либо действие:

- *Встретимся через два часа*;
- 我们两个小时后见. (кит. *Мы два часа через встретиться*);
- *Встретимся после двух часов*;
- 我们两点之后见. (кит. *Мы два часа после встретиться*);
- *Встретились спустя два часа*;
- 我们过了两天见了面. (кит. *Мы спустя два дня встретиться*).

Сопоставительный анализ показал, что конструкции данного раздела семантически эквивалентны в двух языках. Однако синтаксический порядок слов в китайском языке требует постановки служебных слов после слов, выражающих значение времени. Исключение — конструкция со словом *спустя*.

Далее рассмотрим конструкцию, которая обозначает момент начала и конца действия.

- *Работаем с осени до весны*;
- 从秋天劳动到春天. (кит. *С осень работать до весна*);
- *Магазин работает с восьми утра до восьми вечера*;
- 商店从早上八点工作到晚上八点. (кит. *Магазин с утро восемь часов работать до вечер восемь часов*).

Таким образом, приходим к выводу, что для передачи идеи периода с указанием на его начало и конец в русском языке используется модель с предлогами *с* и *до* и существительным в родительном падеже. В китайском языке существуют предлоги-эквиваленты русским предлогам *с* и *до*, однако в предложениях важен порядок слов: если предикат выражает идею осуществления действия, а не его отрицания, то конструкция момента начала периода помещается перед глаголом, конструкция момента конца периода — после глагола; если предикат имеет семантику отрицания действия, то глагол помещается после всех конструкций времени.

Проанализируем конструкции с обозначением идеи временного предшествования (в этом случае в русском языке используются конструкции с предлогами *перед* и *до*):

- *Встретимся перед обедом;*
- 我们快午饭时见. (кит. *Мы близко к обеду встретиться*);
- *Встретимся до обеда;*
- 我们午饭前见. (кит. *Мы раньше обед встретиться*).

В случае если необходимо выразить идею, что одно событие происходит по времени раньше другого, то используется слово *前*, что приблизительно значит 'раньше, чем'. В случае если необходимо показать близость двух моментов, то используются два слова *快... 时*, которые можно перевести как *близко к моменту*. Таким образом, обе идеи имеют самостоятельное выражение в китайском и русском языках, т.е. имеют структурные эквиваленты.

Далее проанализируем конструкции с обозначением идеи срока, разделяющего действия:

- *На пять минут раньше меня;*
- 比我早五分钟. (кит. *Чем я раньше пять минут*);
- *На пять минут раньше, чем я;*
- 比我早五分钟. (кит. *Чем я раньше пять минут*);
- *На пять минут позднее меня;*
- 比我晚五分钟. (кит. *Чем я позднее пять минут*);
- *На пять минут позднее, чем я;*
- 比我晚五分钟. (кит. *Чем я позднее пять минут*).

Синтаксически грамматическая модель в китайском языке выглядит зеркально по сравнению с русской грамматической моделью: в китайском языке грамматические маркеры времени помещаются перед числовым выражением, а в русском языке после:

- *Встретимся через пять минут после звонка;*
- 我们电话铃后五分钟过后再见面. (кит. *Мы звонок после пять минут через встретиться*);
- *Встретимся за неделю до отпуска;*
- 我们假期前一个星期内见. (кит. *Мы отпуск до неделя за встретиться*).

Для передачи значения ...*через...после...* в китайском языке используется одинаковая с русской модель со словом ...*后...过后*, что дословно переводится ...*после...через...*, но порядок служебных слов противоположен по сравнению с русским языком. Во втором случае для передачи значения ...*за...до...* используется модель ...*前...内...*, в которой порядок служебных слов также противоположен русскому — в китайском языке ...*до...за*.

Рассмотрим конструкции, обозначающие одновременность действий:

- *Встретимся во время работы*;
- 我们工作时见. (кит. Мы работа **во время** встретиться);
- *Нельзя использовать лифт при пожаре*;
- 火灾时不能使用电梯. (кит. Пожар **во время** нельзя использовать лифт).

В китайском языке слово 时 означает ‘во время’, нет соответствующей конструкции времени со словом *при*.

Стоит также сопоставить конструкции, обозначающие приблизительное время в китайском и русском языках:

- *Он родился году в восемьдесят пятом*;
- 他大概是八五年出生的. (кит. Он **大概** восемьдесят пятый год родиться);
- *Я приеду часов в шесть*;
- 我大概六点到. (кит. Я **大概** шесть час приехать);
- *Он вышел минут на пять*;
- 他大概出去五分钟. (кит. Он **大概** выйти находится где-то пять минута);
- *Я прочитаю новость минут за пять*;
- 我大概五分钟能读完新闻. (кит. Я **大概** пять минут прочитать новость);

В русском языке для выражения приблизительного времени используется синтаксическая инверсия, а в китайском используются специальные слова **大概**, что значит ‘приблизительно’ и ‘примерно’.

Таким образом, рассмотренные выше грамматические конструкции русского языка, переведенные на китайский язык с последующим возвратным переводом на русский язык позволяют показать преподавателю русского языка, не владеющему китайским языком, как китайскоговорящий студент воспринимает данные конструкции. Очевидно, что для китайского студента наиболее трудной для изучения из рассмотренных выше конструкций является конструкция с предлогом *на*, так как в китайском языке ее смысл передается семантически, а не грамматически. Однако другие русские конструкции, хотя и имеют грамматические эквиваленты в китайском языке, имеют отличную от китайской синтаксическую структуру, что осложняет их усвоение.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 496 с.
2. Буинь Цимике, Ильина О.А. Выражение точного времени в русском и китайском языках // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. ст. / гл. ред. М.Н. Русецкая. М.: ГИРЯП, 2019. 83 с.
3. Ли Ван. Основы китайской грамматики: Книга. М.: Грамматика, 1954. 236 с.
4. Тань Я. Этнопсихологические особенности обучения китайских учащихся // Молодой ученый. 2017. № 17. С. 288—291.
5. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
6. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / под ред. А.Н. Щукина. М.: Русский язык, 2003. 301 с.
7. 戴耀晶. 现代汉语时体系统研究. 杭州浙江教育出版社, 1997: 53 / Дай Яоцзин. Исследование современной китайской системы времени. Ханчжоу: 1997. 53 с.
8. 李向农. 现代汉语时点时段研究. 武汉: 华东师范大学出版社, 1997: 22—50 / Ли Сяньнун. Исследование современного китайского периода времени. Ухань: 1997. С. 22—50.

EXPRESSING TIME INTERVALS FOR RUSSIAN AND CHINESE

The paper is devoted to analysis of means of expressing time intervals in the Russian and Chinese languages in the aspect of teaching Russian for Chinese students. The author considers similarities and differences in the logics of time intervals nomination in the two linguocultures.

Keywords: time expression in Russian, teaching Russian for Chinese students, nationally oriented methods, Russian as a foreign language.

© **Бурменкова Юлия Александровна**
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ОБРАЩЕНИЕ БРАТ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Обсуждается проблема употребления лексемы *брат* в роли обращения к людям, не связанным отношениями семейного родства. Материалом исследования являются контексты употребления лексемы в современной русской речи, в том числе в интернет-коммуникации. Выявлено, что на сегодняшний день в русском языке отсутствует нейтральное обращение к незнакомым людям. Установлено, что употребление вокатива *брат* по отношению к кровному родственнику в современном русском языке ограничено. Типовыми коммуникативными ситуациями, в которых может употребляться выражение *брат*, являются обращение за помощью к незнакомым людям и общение в кругу единомышленников. Показано, что в русской лингвокультуре эта модель обращения обладает определенной национальной специфичностью, хотя в целом обращение *брат* к другу или приятелю является коммуникативной универсалией.

Ключевые слова: обращение, брат, вокатив, коммуникация, речевой этикет, современная русская речь.

Обращение представляет собой одно из основных языковых средств, использующихся для обслуживания коммуникации между людьми [Гольдин 1987: 4]. С точки зрения языковых особенностей, обращение — это грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [Кручинина 1990: 340].

Обращение выполняет ряд функций: задает тональность коммуникации, позволяет подчеркнуть особенность отношений между говорящими, привлекает внимание собеседника, выражает отношение к партнеру по диалогу.

На разных этапах развития русского языка утверждались и какое-то время употреблялись обращения типа *сударь*, *гражданин*, *товарищ*, но остались в прошлом как не принятые языком и обществом. Так, до революции 1917 года в речи использовались такие обращения, как: *сударь*, *Ваше сиятельство*, *барыня*, *господин* и др. Все они имели сословно-иерархический характер, поэтому после революции ушли из употребления вследствие исчезновения социальных предпосылок их употребления. Позднее появилась новая, демократичная форма обращения — *товарищ*, ставшая, по мнению М. Кронгауза, «первым феминистским вкладом в развитие языка» [Кронгауз 2009: 108] и снявшая различия по социальному статусу и гендерному признаку говорящих. В настоящее время обращение *товарищ* осталось в речи членов партии КПРФ и в военной среде. Обращение *гражданин* также не стало устоявшимся и официальным. По мнению Т.С. Жуковой, это может быть связано с негативными ассоциациями данного слова с тюремной средой, где такое обращение употребляется заключенными по отношению к сотрудникам правоохранительных органов [Жукова 2015].

В современном русском языке универсальное и общепринятое обращение к незнакомым людям отсутствует. Распространены обращения по имени (*Марина, ну ты идешь?*); по степени родства (*Ну, мать, ты даешь!*); по возрасту и полу (*Молодой человек, вы последний?*; *Женищина, я за вами буду*); по положению в обществе (*Господин президент! У меня такой вопрос*); по профессии (*Профессор Иванов, добро пожаловать в наш университет!*); по должности (*Товарищ полицейский, можно спросить?*); по социальной роли (*Уважаемые телезрители, мы начинаем!*) и др.

Для привлечения внимания часто используются глагольные конструкции типа *Извините...*, *Простите...*, *Вы не подскажете...?*, *Можно вас спросить?*, поскольку они не имеют эмоциональной окраски и не могут вызвать неудовольствия собеседника. Подобные формы обращения Н.И. Формановская называет «неизбирательными» [Формановская 2009].

Обращения *ваше величество*, *ваше превосходительство*, *господин* в настоящее время остались только в дипломатическом дискурсе как формулы международной вежливости.

Выбор формы обращения в современном русском языке, таким образом, зависит от ряда факторов: степени официальности ситуации, степени знакомства собеседников, отношения между ними, места коммуникации и др.

На отсутствие в русской этикетной системе нейтральных обращений, которые призваны обеспечивать бесконфликтность общения, обращает внимание А.В. Зеленин [Зеленин 2002: 85]. Об этом же говорит и Н. Гладышев: «В эпоху безвременья, когда непонятно, какой на дворе политический строй, трудно ждать языкового прогресса. Ведь язык — отражение жизни. А обращение — зеркало культуры. И культурный человек в эпоху, когда «товарищи», к сожалению, остались только на митингах, а «господа» или вымерли, или еще не подросли, — в эту эпоху, пожалуй, выберет нейтральность» [Гладышев 2020].

Можно согласиться с мнением В.В. Колесова, который отмечает, что в природе русского человека — различать каждого, к кому он обращается, с каждым по-особому выстраивать коммуникацию. Поэтому в русском языке нет универсальных обращений: богатство русского языка позволяет его носителям выбирать самые разные формы включения в разговор [Колесов 2008: 314]. Недостаток общих вокативов компенсируется специальными обращениями, к которым относится и лексика родства [Карасик 2002: 196], в частности, *брат*.

Индоевропейский термин *bhrāter обозначал не кровное родство, а объединение мужчин по мистическому родству.

Последующее выделение степени кровного родства было обусловлено установлением связи между зачатием и рождением, а также развитием брачного и наследственного законодательства. Однако в древнерусском лексико-семантическом поле родства, в отличие, например, от иберо-романского, сохранялись первоначальные термины с их сакральной сущностью. Как отмечает Т.Е. Владимирова, после Крещения Руси они постепенно приобрели православные «приращения» смысла и прочно вошли в повседневное общение носителей языка [Владимирова 2015: 48].

Слово *брат* в функции обращения долгое время было характерно для русского повседневного общения. Черты внутрисемейного речевого поведения проникли в общение за рамками дома и до сих восстанавливают в сознании носителей языка «память культуры» о доброжелательных отношениях и соучастном бытии [Владимирова 2015: 51].

По мнению Е.В. Орловой, в современном русском языке обращение *брат* используется редко и в определенных ситуациях: между кровными родственниками, между монахами или лицами с Кавказа или из восточных республик бывшего СССР по отношению друг к другу и к незнакомым людям. Обращение, по мнению исследователя, является не этикетным и обладает коннотативной окраской — «не наш», «нерусский» [Орлова 2020].

Ряд утверждений Е.В. Орловой представляется спорным. Во-первых, обращение *брат*, несомненно, может использоваться для нейтральной номинации родственных связей, без оценки. Однако чаще в русском семейном общении использование вокатива *брат* может быть уместно только в возвышенно-эмоциональной речи либо же сигнализировать о начинающемся конфликте. Братья и сестры также могут обращаться соответствующим образом друг к другу, но в шутовском, ироничном тоне.

Употребление вокатива *брат* по отношению к кровному родственнику в современном русском языке ограничено: родные

братья обычно обращаются друг к другу по именам или же используют домашние прозвища.

Во-вторых, действительно, обращение *брат* характерно для речи лиц из Средней Азии и Кавказа, но это уже речевая особенность народа, не имеющая отношения к современному русскому языку. Что касается русских, то в бытовом общении наиболее распространена практика обращения с использованием термина родства *брат* не по отношению к реальной родне, что подтверждает, в частности, исследование А. Лихачевой [Лихачева 2011].

Интересно проследить, как часто и в каких ситуациях вокатив *брат* употребляется за пределами семьи. Материалом для исследования послужили публикации в блогах социальных сетей «Вконтакте» и «Facebook», молодежные форумы в интернете, а также живая речь нижегородцев и гостей города.

Личные наблюдения позволили сделать вывод о том, что в живой речи современных носителей языка обращение *брат* по-прежнему употребляется, но гораздо реже, чем это было, скажем, 20—30 лет назад. Кроме того, изменились и семантика, и цели такого обращения, но, как и раньше, обращение *брат* остается формой дружеского или фамильярного обращения к собеседнику.

Наблюдения за речевой практикой носителей современного русского языка позволили выделить типовые коммуникативные ситуации, в которых может употребляться выражение *брат*:

— пассажир маршрутного такси просит водителя подвезти его без оплаты проезда: *Братишка, правда, денег вообще нет, подбрось до Красных Зорь, а?*;

— водитель на дороге не может завести машину и останавливает проезжающий мимо автомобиль: *Братан, у тебя проводков нет? Дашь прикурить, а то никак не заведу;*

— молодой человек подходит к другому на остановке общественного транспорта и просит: *Брат, не будет прикурить?*

Примеры подобных коммуникативных ситуаций встречаются и в публикациях пользователей социальных сетей: *Реальный*

случай со мной. Шел как-то вечером через парк, темно. Было мне тогда что в районе 25 и уже и забыл, что такое гопники. ...Подходит и томно спрашивает закурить. А я как раз бросил и мучался дико от этого. Говорю: «**Братан**, сам неделю, как бросил, ломает страшно» (из публикации «ВКонтакте»); Подлетает наглухо тонированная семерка, из которой слышен адский рэп. ...Оттуда высовывается лысая голова паренька лет 20: «**Братан**, тебе таксо надо?» (из публикации «ВКонтакте»).

Также следует упомянуть ставшее устойчивым выражение *Работаем, брат!*, которое возникло как ответ на призыв лейтенанта полиции М. Нурбагандова. Вместе со своим младшим братом он погиб от рук террористов, отказавшись нарушить присягу. Когда выяснилось, что Нурбагандов — сотрудник МВД России, террористы приказали ему: «Обратись к своим, скажи, чтобы уходили из силовых структур», на что полицейский ответил: «Работайте, братья!». Наклейки с выражением *Работаем, брат!* и сейчас можно увидеть на задних стеклах полицейских автомобилей.

Обращение *брат* имеет ограниченную сферу употребления. Во всех указанных ситуациях обращение *брат* используется лицами мужского пола; в ситуации, когда одному из них требуется помощь; участники коммуникации схожи по социальному статусу и возрасту. Используя обращение *брат*, мужчины словно включают родственный код, который позволяет убрать барьер отчужденности и начать диалог. Как отмечают А. Зализняк и др., «даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств» [Зализняк 2002].

Обращение *брат* общепринято в церковной среде, среди монахов. И. Рокицкая отмечает, что верующие в храме, независимо от возраста, называют друг друга *брат* или *сестра* [Рокицкая 2020]. В религиозном медиадискурсе чаще всего

используются обращения *брат* и *братец* (*братцы*): **Братец**, помолись, тяжелые жизненные ситуации (из публикации «ВКонтакте»); **Братцы**, помолимся о здравии — Сергей 48 лет. Инсульт, в реанимации без сознания, в голове нашли гематому... (сообщество «Русский православный муж» во «ВКонтакте»).

В медиадискурсе обращение *брат* употребляется в тех же коммуникативных ситуациях, что и в устной речи, а именно:

— потребность в помощи незнакомых людей: **Братан**, пропусти. Ищу эту красотку, познакомились на сайте знакомств, больше не сидит она, не могу найти ее (обращение к администратору группы во «ВКонтакте»); **Братцы**, помогите с поиском, посылка имеет два трека 99990002474429 и ZF176135411HK (из публикации «ВКонтакте»); Всем привет, **братцы**, ищется на уаз: железная крыша, рамка лобового стекла, капот и надставка дверей, за адекватную цену (из публикации внедорожного сообщества «ВКонтакте»);

— общение с единомышленниками, людьми, близкими по духу, увлечениям и т.п.: Как делишки, **братишки**? Как проходят деньки? Сидите на дистанционке или еще нет? Я вот с понедельника выхожу на дистант, буду в зуме заниматься (из публикации «ВКонтакте»); Всем привет, **братишки**! (из группы «Зеленые фуражки» во «ВКонтакте»); Привет, **братишки**. У нас открыт набор в файму. Залетайте хелповать (из публикации «ВКонтакте»).

В социальных сетях обращение *брат* также употребляется по отношению к представителям близких славянских народов, в свете последних событий — преимущественно по отношению к белорусам: Держитесь **братья-белорусы**, вы достойны демократии и достойного правителя! (из публикации «Facebook»).

Из английского языка в русский пришло обращение *бро* (от англ. *brother*, усеченная форма *bro*), распространенное в языке афроамериканцев и рэперов, реже встречающееся среди белой либеральной молодежи, им подражающей. *Brother* также является официальным и формальным обращением у

евангелических (деноминационных) христиан, особенно к проповеднику и его жене. У преподавателей теологии иногда заменяет обращение по ученой степени (вместо *доктор, профессор*).

В медиадискурсе лексема *бро* часто употребляется как обращение к подписчикам с целью привлечения внимания, установления и поддержания контакта с аудиторией: *Привет, бро и сис! У меня трабл, на канале ~ 1200 подписчиков и я не могу вести прямой эфир с тел.* (из публикации «Facebook»); *Бро, у меня акция с отличными призами!* (из публикации «Facebook»); *Привет, бро! Я рад видеть тебя на странице моей бургерной. Это место, где ты можешь быть собой, поэтому давай сразу на «ты»: я уверен, ты тоже устал от этого приторного напускного уважения от всех остальных. Скоро я тебе все расскажу. Следи за новостями, бро* (из публикации «Facebook»); *Хэй, Бро! Мы Cpa Bro. Наша партнерская программа работает на рынке России, СНГ и всего мира по моделям CPA и Revenue Share* (из публикации «Facebook»).

Обращение *бро* обладает положительной эмоциональной окраской, но его статус в медиадискурсе не вполне ясен. С одной стороны, по своей форме и функции это обращение, что осознается как автором, так и его аудиторией, а с другой — оно имеет налет фамильярности.

Чаще встречается обращение *бро* в значении ‘брат по несчастью’, ‘собрат’, ‘свой’: *Кто-то сегодня проснулся в облаке и вынужден был паковать мокрую палатку, облепленную песком. Знаете, как это противно? Хуже только утром после морозной ночи надевать замороженный гидрокостюм, отмачивая его кипятком из крана. И так хочется, чтобы сказали: да, бро, понимаю, бро!* (из публикации «Facebook»); *А еще очень хочется обнять Николая Валуева — я тебя понимаю, бро! Нельзя судить о человеке исключительно по внешности* (из публикации «Facebook»).

В.И. Карасик считает, что использование терминов родства в коммуникации между людьми, приписывающее ей соответству-

ющие «семейные» признаки (обращения *внучка, бабушка, отец* и др.), является спецификой русского общения, нехарактерной для западной коммуникации, где человек «мыслит себя отдельно от всех» [Карасик 2002: 199]. Однако именно применительно к лексеме *брат* мы встречаем ее в функции обращения к человеку, не связанному узами семейного родства, и в других лингвокультурах. Видимо, в этом случае можно говорить об определенной универсалии.

По данным нашего опроса, проведенного в сообществах профессиональных переводчиков социальной сети «Facebook» среди инофонов (респондентов разных национальностей, представляющих разные лингвокультуры), было установлено, что в значении ‘друг, приятель’ (как и в русском языке) обращение *брат* употребляется в иврите, киргизском, казахском, бурятском, таджикском, грузинском, латышском, румынском, арабском, турецком, сингальском, неаполитанском языках, испанском языке Латинской Америки, английском и ряде других языков; редко — в немецком, венгерском, болгарском, финском языках.

В китайском языке такое обращение чаще всего используется по отношению к уже знакомым людям, а в сербском языке — к лицам женского пола, например, муж может таким образом обратиться к жене. В чешском языке значение слова *брат* как обращения в толковых словарях не фиксируется, оно также не употребляется в устной речи.

На хинди это обычное обращение к другу или более или менее равному по возрасту и положению — *bhai*. К обслуживающему персоналу и таксистам и водителям рикш часто обращаются *братишка* — *bhaiya*. В Индии обращаться по имени не очень принято: для каждого есть соответствующее возрасту и положению обращение.

Таким образом, функционирование вокатива *брат* в современном русском языке можно объяснить следующим. Во-первых, оно не имеет яркой социальной окраски. С другой стороны, обращение *брат*, употребляемое исключительно мужчинами, позволяет понять их отношение к собеседнику:

это скрытая эмоциональность, теплота, сердечность, обычно не выставляемые напоказ, даже если это простая формальность. Во-вторых, мы можем предположить, что носители русского языка, обращаясь к незнакомому человеку как к *брату*, на какое-то время искренне начинают считать его таковым и ждут от него в ответ взаимности.

Список литературы

1. Владимирова Т.Е. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 47—53.
2. Гладышев Н. Как много девушек хороших... URL: http://www.mosoblpress.ru/38/8160/?sphrase_id=64796
3. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 125 с.
4. Жукова Т.С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 232 с.
5. Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 248—261.
6. Зеленин А.В., Ряйсянен В. Как живете, господа-товарищи? // Русский язык в школе. 2002. № 6. С. 85—89.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 330 с.
8. Колесов В.В. Гордый наш язык... СПб.: Азбука, 2008. 352 с.
9. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2009. 232 с.
10. Кручинина Ч.Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 340—341.
11. Лихачева А. Лексика родства в русской коммуникативной культуре // Studies about languages. 2011. № 19. С. 106—112.
12. Орлова Е.В. Явление этикетных формул обращения в русском и непальском речевом общении. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gyzt/tzt2002-02/28_377
13. Рокицкая И. Вежливое обращение. URL: <http://www.pravpokrov.ru/Articles/index/355>
14. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика. М.: ВК, 2009. 334 с.

**FORM OF ADDRESS “BROTHER”
IN THE MODERN SPEECH
OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS**

The article considers the topic of usage of the lexeme “brother” as a form of address to people, who are not connected by family relationships. The research material is contexts of usage of the lexeme in modern Russian speech, including ones in Internet communication. It is recognized that currently there is no neutral form of address to strangers. It is found that usage of the vocative “brother” in case of addressing a blood relative in modern Russian is limited. Common communicative situations when the expression “brother” may be used are asking for help from strangers and communication among like-minded persons. It is shown that this form of address in the Russian linguistic culture has certain national specificity, although, in general, the form of address “brother” to a friend or a mate is a communicative universal.

Keywords: form of address, brother, vocative, communication, speech etiquette, modern Russian speech.

© *Бусарева Сабина Гадир-кызы*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (на материале рекламной коммуникации)

В данной статье даётся краткий обзор исследований, посвящённых проблеме мультимодальности коммуникации и порождения креолизованного текста и поликодового текста. Визуализация общения выделяется автором как основная тенденция современной коммуникации. На примере рекламной коммуникации рассматриваются особенности функционирования знаков искусственного графического языка эмодзи в структуре поликодовых текстов. Делается вывод о мотивированности функционирования этих графических знаков в поликодовом тексте.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, орализация общения, визуализация общения, рекламная коммуникация, поликодовый текст, эмодзи.

Технологические основания современной коммуникации оказывают значительное влияние на способы общения и получения информации. Новые технические средства и программные алгоритмы, выступая посредниками информационного обмена, тесно связаны с тем, насколько успешной окажется коммуникация. В исследованиях известных ученых коммуникация определяется как «интегративное речемыслительное пространство, природа которого не сводится к языку» [Шарандин 2019: 118].

С начала XXI в. многие лингвисты в своих работах освещают проблему взаимодействия устного и письменного типов коммуникации в пределах естественного языка [Стернин 2004; Лысенко 2007; Лысенко 2008; Лысенко 2009; Активные процессы 2015] и исследуют особенности общения в рамках интернет-

коммуникации [Трофимова 2009; Интернет-коммуникация 2012; Нежура 2012; Горошко 2012; Тихонова 2016; Матусевич 2017].

Следует отметить и повышенный интерес исследователей к проблемам неоднородности коммуникации и её мультимодальности [Кибрик 2010; Шарандин 2019 и др.] и аспектам анализа языковых и невербальных средств порождения креолизованного текста, поликодового текста [Гаузенблаз 1978; Сорокин, Тарасов 1990; Анисимова 2003; Чернявская 2009; Ариас 2015 и др.].

Исследователи взаимодействия устного и письменного типа коммуникации отмечают, что в результате подобного взаимодействия формируется новая гибридная форма существования естественного языка, характеризующаяся увеличением степени «синхронности, разговорности и эмоциональности» [Лысенко 2010: 6] и преобладанием черт устного типа коммуникации.

В последнее время мы наблюдаем другую тенденцию — визуализацию общения (этот термин автор даёт по аналогии с термином «орализация общения», введённым в научный оборот И.А. Стерниным [Стернин 2004]), которая проявляется в функционировании большого количества поликодовых текстов, включающих в себя элементы искусственного графического языка эмодзи.

Эмодзи как компоненты многочисленных поликодовых текстов значительно расширяют сферу своего функционирования. По мнению зарубежных исследователей, «эмодзи главным образом являются не только частью цифровой коммуникации, но и активно используются в общественных дебатах, экономике, искусстве и даже литературе» (переведено нами. — С.Б.) [Emoticons... 2020: 1]. По мнению автора, одной из сфер коммуникации русскоязычного интернета, в которой наблюдается активное использование эмодзи, можно считать рекламную коммуникацию.

Как известно, рекламная коммуникация является разновидностью массовой коммуникации, «имеющей конечной целью воздействие на адресата для изменения его потребительского

мнения; она целенаправленна, ориентирована на массу людей, отличается множественностью каналов передачи информации» [Гирняк 2011: 8—9].

Наше исследование посвящено изучению особенностей функционирования эмодзи как элементов рекламной коммуникации на материале аккаунтов Университета ИТМО в социальных сетях «Facebook», «Instagram», «ВКонтакте» и на сайте Университета ИТМО. Глубина исследования составила три месяца (с 20 ноября 2018 года по 20 февраля 2019 года), в результате исследования проанализирован 61 источник.

Отметим, что в новостном разделе сайта Университета ИТМО эмодзи не были обнаружены. Логично предположить, что отсутствие данных визуальных элементов связано с разной степенью официальности и эмоциональности каналов интернет-коммуникации.

Веб-сайт предполагает больше официальности и минимальное количество эмоциональности, здесь очевидно влияние особенностей официально-делового общения и официально-делового стиля в принципе: на веб-сайтах университетов должны быть размещены официальные сведения об образовательной организации, нормативные документы и прочие обязательные элементы.

Социальная сеть в отличие от веб-сайта обладает большей эмоциональностью и является эффективным инструментом воздействия за счёт использования визуальных элементов, используемых в ситуации повседневного общения — знаков эмодзи.

Эмодзи как неотъемлемые элементы современной визуальной культуры присутствуют в аккаунтах Университета ИТМО в социальных сетях «Facebook», «Instagram», «ВКонтакте», так как они актуализируют идею непрерывной и ускоренной коммуникации, которая непосредственно воплощается в использовании социальных сетей, мессенджеров и т.д.

Самое частотное употребление эмодзи за анализируемый период оказалось на странице Университета ИТМО в социальной сети «Instagram», что весьма логично, так как из всех трёх соци-

альных сетей «Instagram» претендует на звание самого визуального источника информации: данная социальная сеть возникла как площадка для размещения фото- и видеоконтента, затем стала мощным рекламным инструментом, позволяющим привлечь большое число пользователей.

Можно сказать, что эмодзи в рамках рекламной коммуникации выполняют ряд важных функций:

— аттрактивную функцию (привлечение внимания пользователя за счёт ярких визуальных образов);

— функцию дублирования информации (знаки эмодзи дублируют посредством графических знаков информацию, переданную вербально);

— функцию рубрикации (эмодзи выступают в качестве элементов маркированного списка, приобретают временный статус типографского знака, тем самым одновременно привлекают внимание пользователя и упорядочивают излагаемую информацию).

На втором месте по частотности использования эмодзи в аккаунте Университета ИТМО — паблик университета в социальной сети «ВКонтакте».

Отметим, что материал, публикуемый в группе, во многом схож с материалом, который мы обнаружили в Instagram. Можно сделать вывод о том, что эмодзи выполняют аттрактивную функцию, функцию дублирования информации и функцию рубрикации соответственно.

Меньше всего эмодзи встретились в публикациях Университета ИТМО на страницах социальной сети «Facebook», причём эти публикации почти полностью дублировали материалы публикаций на странице «ВКонтакте». Возможно, это связано с тем, что Facebook претендует на статус более интеллектуальной социальной сети со сложной структурой и как другая социальная сеть использует иные средства привлечения внимания пользователей, и этим средством, как правило, выступает более чёткая проработанность текстового материала и степень сложности его восприятия.

Наиболее частотным в данном случае оказалось использование эмодзи в аттрактивной функции, где знаки эмодзи используются как невербальный комментарий к вербальной части сообщения, и в функции дублирования вербальной информации, когда знак эмодзи отсылает к части вербального сообщения.

Можно сказать, что использование эмодзи как визуальных элементов повседневности в пространстве социальной сети «Facebook» не является основной стратегией осуществления рекламной коммуникации и прагматического воздействия на пользователей именно за счёт актуализации визуального восприятия сообщения.

Таким образом, функционирование знаков графического искусственного языка эмодзи в структуре рекламных поликодовых текстов в интернет-коммуникации не является случайным: нелинейная организация текста позволяет свёртывать содержание, одновременно увеличивая эффект воздействия. Текст создаётся с учётом условий современной коммуникации (минимизация смысловых потерь, экономия речевых средств, удержание и привлечение внимания).

Список литературы

1. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени / Н.А. Кузьмина. М.: ФЛИНТА, 2015. 256 с.
2. Ариас А.-М. Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты изучения: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та управления и экономики, 2015. 126 с.
3. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 57—78.
4. Гирняк, Е.М. Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.
5. Горошко Е.И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 9—52.

6. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 328 с.
7. Лысенко С.А. Следы устной речи в языке Интернета // Коммуникативные исследования. Воронеж, 2007. С. 182—185.
8. Лысенко С.А. Изображение интонации в Интернете // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2008. Вып. 11. С. 163—167.
9. Лысенко С.А. Устная и письменная речь, вопросы взаимодействия // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2009. Вып. 12. С. 131—137.
10. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
11. Матусевич А.А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: дис. ... канд. филол. наук. URL: <https://diss.unn.ru/670>
12. Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47—52.
13. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180—186.
14. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание. Воронеж, 2004. 93 с.
15. Тихонова Т.А. Маркеры лингвистической искусственности интернет-коммуникации (на материале англоязычных чат-ботов): выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск: СФУ, 2016. 82 с.
16. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: РУДН, 2009. 436 с.
17. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
18. Шарандин А.Л. Коммуникация как особый тип интегративной когнитивной деятельности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингви-

стике: мат-лы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 116—120.

19. Emoticons, kaomoji and emoji. The Transformation of Communication in the Digital Age / Ed. by Elena Giannoulis and Lucas R.A. Wilde. New York: Routledge, 2020. 260 p.

© **S.G. Busareva**

POLYCODE TEXTS IN THE INTERNET COMMUNICATION SPACE (BASED ON ADVERTISING COMMUNICATION)

The article provides a brief overview of studies devoted to the problem of multimodality of communication and the generation of creolized text and polycode text. Communication visualization is highlighted by the author as the main trend of modern communication. The author examines the features of the functioning of signs of emoji language in the structure of polycode advertising texts. The author makes a conclusion about the motivation of the functioning of these graphic characters in the polycode text.

Keywords: Internet-communication, oralization of communication, visualization of communication, advertising communication, polycode text, emoji.

© *Буцева Таисия Николаевна*
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О НЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 2000—2020-х ГОДОВ¹

Статья посвящена наблюдениям о процессах неологизации лексики русского языка в первые два десятилетия XXI века на материале тематической группы «Еда, питание», описанной в выпуске словарной серии аспектных неологических словарей «Неологизмы XXI в.», подготовленной по проекту РФФИ. Рассматриваются внеязыковые причины, влияющие в данный период на появление лексических инноваций этой тематики, делаются выводы относительно особенностей неологизации этой тематической группы, связанные с процессом деэкзотизации заимствований, с появлением ряда новых начальных компонентов сложных слов, активных в производстве новой лексики данной тематики.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, экзотизмы, деэкзотизация, словообразование, тематическая группа, неология, неография, словари новых слов, современный русский язык.

Развитие разных сфер жизни сопровождается потребностями в новых номинациях. Их лексикографическое представление наглядно демонстрирует экстралингвистические и лингвистические факторы в развитии языка, выявляет используемые для неониминаций языковые средства. По проекту РФФИ подготовлена серия аспектных неологических словарей «Неологизмы XXI в.» (см. [Буцева 2019]). Один из аспектов словарного представления неологизмов — тематический. По данному проекту составлены тематические выпуски «Спорт» (см. [Ридецкая, Кожевников 2020]), «Мода, одежда, обувь, аксессуары», «Еда, на-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-012-00743 а.

питки, питание», «Транспорт». Поскольку изменения в последние два десятилетия происходят практически во всех областях нашей жизни, ряд тематических словарей неологизмов может быть весьма широким. Другой аспект описания — семантико-словообразовательный — воплотился в выпуске «Графические кентавры в современных массмедиа» (см. [Буцева 2019; Буцева 2020]). Семантико-грамматический аспект представлен в выпуске, посвященном новым глаголам (о характеристике неологизмов-глаголов этого периода см. статью Т.Н. Буцевой, А.В. Зеленина в настоящем сборнике).

Рассмотрим влияние внеязыковых факторов на неологические процессы на материале одной из активно пополняемых групп лексики, связанной с едой и питанием. Активизация ее роста и распространение этой лексики среди носителей языка обусловлена следующими **внеязыковыми факторами**.

1. Развитие в нашей стране индустрии питания, бизнеса общепита, которое сопровождается появлением многочисленных заведений разных форматов, различающихся по ассортименту и качеству блюд и напитков, скоростью обслуживания, кругом их посетителей, совмещением питания с отдыхом и разными занятиями (например, чтением книг, слушанием музыки, танцами, игрой в боулинг или компьютерные игры, стиркой и т.д.) (Доля бизнеса общепита в России равна чуть более 1 млрд долларов. Статистические данные составляли на основе мониторинга 16 тысяч российских предприятий индустрии. Москва в данном списке, к примеру, представлена 1800 заведениями [статистика за 2019 г.]. Тренды ресторанного бизнеса в России. URL: <https://welcometimes.ru/opinions/trendy-restorannogo-biznesa-v-rossii>). Эти названия часто заимствуются из других языков или создаются на русской почве, например: *алкопаб*, *антикафе* — ‘кафе, в котором оплачивается время, проведенное в заведении, независимо от количества и вида заказа’, *аперитив-бар* — ‘бар, основной ассортимент которого составляют аперитивы’, *гурме-ресторан* — ‘ресторан с изысканной кухней’, *библиобар* — ‘бар с книгами для

чтения их посетителями’, *бигмачечная* — ‘закусочная, специализирующаяся на приготовлении и продаже бигмаков’, *боулинг-бар*, *боулинг-ресторан* — ‘бар, ресторан с оборудованием для боулинга’; *брассерии/брассерия* — ‘особый тип городского пивного ресторана, популярного в Бельгии и Франции, где собираются представители всех слоев общества’ (*Новая уютная брассерия <...> открылась дверь в дверь с Театром на Малой Бронной* // ОК, 2019, 46); *бургерный ресторан*, *виски-бар* — ‘бар или часть ресторана, закуской, клуба и т.п., основной ассортимент которых составляет виски’, *гастрономическое бистро*, *гастрономическое кафе*, *гастрономический ресторан*, *гастропаб* — ‘разновидность паба, в котором к спиртным напиткам помимо традиционных холодных закусок предлагают горячие блюда из ресторанного меню’, *диджей-кафе* — ‘кафе с дискотеккой и танцполом’, *кафе-прачечная*, *бар-прачечная*, *прачечная-бар* (*[В Санкт-Петербурге] кафе-прачечная «Стирка 40 градусов», где действительно можно постирать, а заодно послушать поэтов и диджеев и перекусить, конечно* // Реальное время (realnoevremya.ru) (Казань), 11.06.2018), *киберспорт-бар*, *кибер-бар* — ‘бар, в котором устраиваются турниры по компьютерным играм’, *лаунж-бар*, *лаунж-кафе* — ‘бар, кафе с легкой фоновой музыкой’, *митерия* — ‘ресторан, кафе, специализирующиеся на мясных блюдах’ (*Что такое митерия, и как правильно заказывать стейк — узнаем из интервью с учредителем заведения Евгением Макеевым* // Новости Кемерово (news.vse42.ru), 01.03.2019), *мотобар*, *мотокафе* — ‘кафе ‘бар как место встреч и общения любителей мотоспорта’, *пон-ап-бар*, *пон-ап-ресторан/пон-ап ресторан* — ‘бар, ресторан с блюдами сложного приготовления, с демонстрацией работы известных приглашенных поваров, организованное на непродолжительное время (от нескольких часов до нескольких месяцев) на любой удобной для этого территории’; *поркеттерия* — ‘ресторан быстрого питания, меню которого состоит из блюд на основе итальянской поркетты — жареного свиного рулета с запеченной корочкой’ (*Поркетты, уже готовые, лежат на*

открытой кухне крошечного зала поркеттерии Zizo [в Москве, недалеко от метро Баумановская] // Vashdosug.ru 20.10.2016), просекко-бар — ‘бар, в котором главный напиток — просекко (итальянское сухое игристое вино)’ (Два просекко-бара почти одновременно открылись в Москве // Ком-Weekend, 15.06.2018), ресторан активного отдыха (В Приморском парке Победы, на берегу Южного пруда, находится ресторан активного отдыха «Русская рыбалка» // Rzhevnews.ru, 18.09.2019); ресторан-аттракцион — ‘ресторан с оригинальными развлечениями’ (Омский ресторан-аттракцион «Вкус темноты» возобновляет работу // Новый Омск (newsomsk.ru), 10.03.2017), сидрерия — ‘небольшой ресторан, предлагающий разные сорта бутылочного и бочкового сидра’ (Наше любимое место — испанская сидрерия недалеко от Третьяковской галереи // Банк Тинькофф (tinkoff.ru), 04.09.2020), сити-бар/ситибар — ‘предприятие общественного питания, с универсальной кухней, располагающееся обычно в центре города и предлагающее проведение у себя различных общественных мероприятий, музыкальных вечеров, благотворительных акций и пр.’ (Артем Шахметов, управляющий гастробаром Barrel bar: Открываясь в 2009 году, мы хотели сделать из этого места настоящий сити-бар для всех: тем, кто хотел выпить бокал вина, мы предлагали <...> (и предлагаем до сих пор) бокальные вина, тапас, микрозакуски // Ресторановед (restoranoved.ru), 20.02.2016), фуд-корт/фудкорт — ‘зона питания в торговом центре, аэропорту или в отдельном здании, где посетителям предлагают услуги сразу несколько предприятий питания, имеющих общий зал для питания’ (Рядом с метро «Ботаническая» появятся автовокзал, стоянка, ТРЦ и фуд-кор // Деловой квартал. Екатеринбург. Новости, 01.03.2012), фудплейс (В Петербурге на месяц закрываются фудкорт и фудплейсы — ресторанные комплексы с общими посадочными местами, обычные для торговых центров // Seldon News (news.seldon.com), 06.11.2020).

Группа неономинаций, связанных с обозначением заведений питания, довольно многочисленна. Среди них преоб-

ладают заимствования, используемые для обозначения реалий, привнесенных в нашу жизнь, что свидетельствует об их деэкзотизации [Маринова 2008]. Наличие денотатов в российской действительности подтверждают цитаты из массмедиа, приведенные выше при ряде названий. Некоторые новые заимствования из этой сферы остаются экзотизмами, используясь исключительно при описании реалий зарубежной жизни, например: *брюнаб* — ‘пивоварня ресторанный типа’, *псаротаверна* — ‘небольшой рыбный ресторан в Греции, обычно расположенный недалеко от гавани или морского побережья, специализирующийся на блюдах из свежельовленных морепродуктов’. По нашим наблюдениям, для первых десятилетий XXI в. характерно ускорение процесса деэкзотизации заимствований. Приведем примеры неологизмов этой тематической подгруппы, не являющихся экстралингвистически обусловленными: *быстроежка* — ‘заведение быстрого питания’, *закусерий* — ‘закусочная’, *рестик* — ‘ресторан’ и т.д.

2. Появление множества печатных изданий и блогов, посвященных вопросам питания, кулинарии («Афиша-Еда», «Гастроном», «Готовим дома», «Едим дома», «Кулинарный Эдем», «Линия Вкуса», «Мир Продуктов», «Общепит в России», «Стол», «Первое, второе, третье», «Поварёнок», «Ресторанные Ведомости», «Рестораны Москвы», «Ресторанные ведомости», «Ресторановед», «Хлебопечка», «Хлеб-соль», «Хрумка» и мн. др.), а также разделов о еде во многих не специализирующихся на данной теме изданиях, переводных и отечественных книг по кулинарии, телепредач на разных телеканалах о продуктах, их качестве и способах приготовления еды.

3. Популярность туризма, и в частности гастрономического (кулинарного), для разновидностей которого появились даже названия: *виски-тур* — ‘туристическая поездка, в программу которой входит дегустация различных сортов виски в местах его производства и знакомство с процессом его производства’, *гастропутешествие* — ‘путешествие,

цель которого — знакомство с национальной кухней какого-л. региона (с дегустацией блюд, мастер-классами по кулинарии и пр.), *гурман-тур, гурме-круизы/гурмэ-круиз, гурме-туризм/гурмэ-туризм, гурме-тур/гурмэ-тур, жор-тур* (разг., шутл.). Туризм способствует знакомству с зарубежными кухнями, заведениями питания, их блюдами, их названиями.

4. Развитие технологий производства питания, связанных с агротехнологиями, генной инженерией и появление благодаря им продуктов питания с новыми свойствами и их обозначений: *беби-баклажаны/бэби-баклажаны, беби-морковь/бэби-морковь* — ‘очень мелкая морковь’, *беби-картофель/бэби-картофель, беби-кукуруза/бэби-кукуруза, беби-овощи/бэби-овощи, ГМ-молоко, ГМ-мясо, ГМ-продукт* — ‘продукт, содержащий ГМО’, *минеола/миннеола* — ‘гибрид мандарина и грейпфрута’, *мини-овощ, мини-морковь, мясо из пробирки* — ‘искусственно выращенная мышечная ткань, аналогичная по своим свойствам и строению настоящему мясу’, *помидофель* — ‘гибридное овощное растение, плодами которого являются помидоры, а клубнями — картофелины’.

5. Популяризация здорового образа жизни, правильного питания, которая стимулировала появление модных диет, особых продуктов питания, стиля питания, форумов и блогов для общения сторонников правильного питания, предметов, используемых при таком питании: *безглютеновая диета, веган-бургер, веганизация* — ‘приведение питания, образа жизни, производства товаров и развлечений в соответствие с принципами веганства’; *джусинг, джусинг-диета* — ‘питьевая диета, предполагающая употребление в течение недели исключительно соков’; *веганствовать, витграсс* — ‘свежая пророщенная пшеница и сок из нее’, *ЗОЖ-еда, ЗОЖ-коктейль, ЗОЖ-питание* — ‘правильное, здоровое питание’, *ЗОЖ-хлеб, иньская еда* — ‘еда, угнетающая все виды активности (ментальной, физической, духовной) и вызывающая вялость, сонливость и подавленность при ее переизбытке’, *локаворес* — ‘стиль питания, построенный на употреблении только продуктов

местного происхождения’, *ППП-блюда* (*ППП* — сокр. *правильное питание*), *ППП-конфеты*, *ППП-мороженое*, *умная еда* — ‘еда, которая может приучить людей к умеренности в питании на химическом уровне’); *ППП-блог*, *ППП-форум*; *ППП-контейнер*, *ППП-лённка*, *ППП-стакан*, *ППП-упаковка*.

6. Технический прогресс, повлиявший на создание новых приборов для приготовления пищи, автоматов для продажи еды, предметов для хранения продуктов и т.п.: *антисковорода* (*Аппарат Antigriiddle* для придания замороженной корочки готовым блюдам под маркой *PolyScience*, иначе называемый *антисковорода*, разработан в Америке 3 года назад, но в России появился только в 2010-м по заказу петербургского Колледжа туризма и гостиничного сервиса // Торговое оборудование. 2010. № 5), *гейзерная кофеварка*, *бутылкомат* — ‘автомат для продажи бутылок для разливного молока, пива, кваса и т.п.’, *ИИ-повар* — ‘устройство на основе искусственного интеллекта (ИИ) для автоматического приготовления еды’; *икромат* — ‘автомат по продаже красной и черной икры’, *лапшевварка* — ‘емкость для приготовления лапши’, *молокомат* — ‘автомат по продаже молока в бутылках’, *мультиварка*, *мультиповар* — ‘кухонный прибор, который готовит одновременно несколько блюд’, *мультихоттер* — ‘электрическая универсальная кастрюля, предназначенная для приготовления различных блюд разными способами и поддержания нужной температуры’, *овощемойка*, *пароконвектомат*, *скороварка-мультиповар*, *тестозамешивающая машина*.

7. Развитие маркетинга и рекламы. Маркетологами, например, было раскрыто понятие, обозначенное словом *суперфуд* — ‘продукт растительного происхождения, обладающий самой высокой концентрацией полезных веществ’) (в русском языке оно появилось в начале нулевых годов, с 2014 года его употребительность год от года резко стала расти). Тренд на здоровое и полезное питание набирает обороты, и в этот период маркетологами внедряются такие слова, как *супереда*, *суперпродукт*. С некоторых пор в странах Европы, странах Северной

Америки и у нас стали модными экологически чистые продукты. Производители, стремясь привлечь внимание покупателей к своей продукции, вводят такие понятия, как *фермерские продукты, экологически чистые продукты, экопродукция, продукты здорового питания, функциональные продукты*, на которые вводятся соответствующие маркировки. ГОСТ пытается развести эти понятия, хотя четких критериев натуральности в нормативах и стандартах нет (см. Мосов А.В. Что на самом деле означают слова «БИО», «ЭКО», «ОРГАНИК», «НАТУР» // <https://roscontrol.com/community/article/nezakonnyaya-ekologicheskaya-markirovka>). Появляются слова с начальными компонентами *био...* (*биомолоко, биомясо, биотворог, биояйцо*), *эко...* (*экоколбаса, экомолоко, экомясо, экопродукты, экосыр, экояйцо*), *органик-...* ‘изготовленный из натуральных продуктов высокого качества; связанный с продажей таких продуктов; предназначенный для маркировки таких продуктов’ (*органик-водка, органик-молоко, органик-сыры; органик-бар, органик-магазин; органик-маркировка*); *Биосыр и экоколбаса — маркетинговый ход и попытка обмануть покупателя «Органик», «био», «эко» — такие надписи на упаковке сразу привлекают внимание сторонников здорового питания* // Вечерняя Москва, 11.09.2018.

В рекламных целях проводятся различные мероприятия, связанные с едой и напитками, получившие свои названия, некоторые из которых являются именами собственными: *Актимелиада* — ‘массовая кампания по рекламе Актимеля’, *Алкосаммит* — ‘Международный фестиваль алкогольных напитков’, *гастропраздник* — ‘праздник, посвященный кулинарному искусству (или какой-либо одной кулинарной теме), с дегустациями, конкурсами, концертными программами, мастер-классами и т.п.’; *гастрофестиваль* — ‘смотр, показ достижений кулинарного искусства, который сопровождается дегустациями, мастер-классами, демонстрациями новых приспособлений для приготовления еды и т.п.’; *гурме-фестиваль/гурмэ-фестиваль* — ‘фестиваль кулинарного искусства, на который приезжают поделиться опытом и посорев-

новаться в приготовлении изысканных блюд лучшие повара со всего мира, а гости попробовать эти блюда'; *пельмениана*, *пельмениада* и т.д.

Развитие зарубежных контактов в последние десятилетия усилило иноязычное влияние, которое можно наблюдать и на примере этой тематической группы. Многие новые слова и устойчивые словосочетания являются или прямыми заимствованиями, или кальками английских лексем. Обозначения блюд и кондитерских изделий в этот период были привнесены в русский язык (или актуализированы) из многих европейских и восточных языков: **из английского**: *бейге/бейгель* — 'популярная в Америке и Канаде выпечка в форме бублика с начинкой из предварительно обваренного дрожжевого теста'; *брауни/брауниз* — 'шоколадное пирожное характерного коричневого цвета, традиционное для американской кухни'; *митбол* — 'мясной шарик наподобие фрикадельки или тефтели'; **из арабского**: *муттабаль* — 'в арабской кухне: тушеные баклажаны, протертые с кисло-молочным продуктом'; **из венгерского**: *пёркёльт* — 'блюдо венгерской кухни, разновидность гуляша'; **из грузинского**: *аджансандали/аджансанда* — 'блюдо грузинской кухни: смесь тушеных овощей (баклажаны, сладкий перец, репчатый лук, помидоры и чеснок'; **от тюркских корней**: *настрама/настрами* — 'блюдо еврейской кухни: деликатес из замаринованной в специях копченой и отваренной грудинки, подаваемый тонко нарезанным как закуска'; **из испанского**: *мокека* — 'блюдо бразильской кухни: тушеные в глиняном горшочке с луком, помидорами, чесноком и кинзой морепродукты'; **из итальянского**: *моккачино* — 'разновидность латте с добавлением шоколада'; *прошутто* — 'традиционная итальянская сыровяленая ветчина из свиного окорока, натертого солью; пармская ветчина'; **из китайского**: *дим-сам* — '1. Китайские пельмени; 2. Традиционные легкие китайские закуски, обычно завернутые в тесто'; **из немецкого**: *берлинер* — 'популярные в Германии и Австрии сладкие дрожжевые пончики с начинкой'; *дениши* — 'вид австрийской булочки с начинкой, популярной в Дании и распространившейся

оттуда по Европе и Северной Америке’; *маульташен* — ‘немецкий аналог русских пельменей различной формы (чаще в форме квадратиков-подушечек) с мясной, рыбной, овощной начинкой и с пряностями, размер которых зависит от способа приготовления (варка, запекание, жарка)’; **из французского:** *бенье* — ‘французские пончики из заварного теста’; *демиглас* — ‘крепкий (обычно говяжий) бульон с добавлением красного вина и розмарина’; **из турецкого:** *дондурма* — ‘турецкое тягучее мороженое из козьего молока, в состав которого входит экстракт орхидей’; **из японского:** *мисо-паста* — ‘пастообразная масса из перебродивших соевых бобов, используемая в японской кухне’ и мн. др.

Достаточно большую группу составляют прилагательные, указывающие на ингредиенты блюда и имеющие обобщенное значение ‘приготовленный с использованием...’: *апельсиново-перечный*, *апельсиново-черничный*, *белково-сливочный*, *бруснично-ореховый*, *имбирного-луковый*, *луково-имбирный*, *имбирно-медовой*, *медово-имбирный*, *йогуртово-миндальный*, *миндально-йогуртовый*, *монорыбный* — ‘приготовленный из одного вида рыбы’, *сливочно-белковый*, *сливочно-тимьяновый* и т.д. Имеются прилагательные и другой семантики: *безглютеновый* — ‘лишенный клейковины (глутена)’, *биоовсяный* — ‘содержащий пробиотики и имеющий свойства овсяной каши и йогурта’; *винно-закусочный* — ‘состоящий из вин и закусок’, *ликёристый* — ‘десертный (сладкий или полусладкий) (о спиртном напитке)’, *лимонно-мятный* — ‘имеющий привкус, запах лимона и мяты’, *мятно-лимонный*, *молокосодержащий* — ‘произведенный из молока и (или) молочных продуктов и (или) побочных продуктов переработки молока и немолочных компонентов, в том числе немолочных жиров и (или) белков, с массовой долей сухих веществ молока в сухих веществах готового продукта не менее чем 20 процентов’, *мясосодержащий* — ‘такой, который содержит до 60% мяса’ и т.д.

Кроме новых слов в данный период появляются и **новые словообразовательные форманты**, нередко привязанные

к той или иной тематической группе. Например, в данной тематической группе активны следующие новые начальные компоненты: **веган-...** — ‘связанный с веганством’ (*веган-активист, веган-бар, веган-бургер, веган-движение, веган-меню, веган-оливье, веган-пицца, веган-ролл, веган-снеки, веган-сыроед, веган-фест, веган-френдли, веган-фрип, веган-шоколадье, веган-экстремистка*); **веджи-...** (предназначенный для вегетарианцев, вегетарианского питания) (< англ. *veggie* — вегетарианец, вегетарианский) (*веджи-бар, веджи-кафе; веджи-карри, веджи-мороженое, веджи-роллы, веджи-сэндвич, веджи-фудкорт* — ‘зона питания с вегетарианской едой (в торговом центре, гостинице, аэропорте на вокзале)’, *веджи-шашука, веджи-ужин*; **гурме-.../гурмэ-...** — ‘относящийся к гурманам, деликатесам’ (< англ. *gourmet*) (*гурме-блины, гурме-бистро, гурме-блюда, гурме-боулы, гурме-бранч, гурме-бургерная, гурме-буфет, гурме-версия (домашнего салата), гурме-впечатление, гурме-гид, гурме-завтрак, гурме-зона, гурме-индустрия, гурме-кафе, гурме-киоск, гурме-колбаски, гурме-комплимент, гурме-концепция, гурме-культура, гурме-кухня, гурме-лаборатория, гурме-лавка, гурме-ланч, гурме-ликбез (по кавказской кухне), гурме-маркет, гурме-маршрут, гурме-меню, гурме-обозреватель, гурме-отдел, гурме-отель, гурме-паитет, гурме-пикник, гурме-питание, гурме-подарок, гурме-презентация, гурме-программа, гурме-путешествие, гурме-рай (на Мальдивах), гурме-рацион, гурме-ресторан, гурме-сафари, гурме-сет, гурме-стритфуд, гурме-супермаркет, гурме-трапеза, гурме-тренд, гурме-тур, гурме-туринг, гурме-туристы, гурме-удовольствия, гурме-ужин, гурме-фушет, гурме-хот-доги, гурме-экскурсия, гурме-экспресс-кафе/гурме-экспресс кафе (На Арбате заработало гурме-экспресс кафе *Chicken Run* // Москва 24 (m24.ru), 28.04.16), гурмэ-вечеринка, гурмэ-десерт, гурмэ-диета, гурмэ-еда, гурмэ-заведение, гурмэ-закусочная, гурмэ-изыски, гурмэ-новинки, гурмэ-обеда, гурмэ-паитет, гурмэ-пицца (одна пицца, оформленная сразу несколькими начинками), гурмэ-Петербург, гурмэ-поезд, гурмэ-рейтинги, гурмэ-ресторан, гурмэ-соревнования, гурмэ-сэндвич, гурмэ-тур, гурмэ-ужин, гурмэ-эксперимент и т.д.;*

ЗОЖ... ‘относящийся к здоровому питанию’ (*ЗОЖ-бар, ЗОЖ-батончик, ЗОЖ-блюда, ЗОЖ-гуакомоле, ЗОЖ-десерт, ЗОЖ-диета, ЗОЖ-еда, ЗОЖ-кафе, ЗОЖ-коктейль, ЗОЖ-комплекс, ЗОЖ-кулич, ЗОЖ-лакомства, ЗОЖ-магазины, ЗОЖ-маркировка продуктов, ЗОЖ-меню, ЗОЖ-напиток, ЗОЖ-печенье, ЗОЖ-питание, ЗОЖ-попкорн, ЗОЖ-портал, ЗОЖ-привычка, ЗОЖ-продукты, ЗОЖ-рацион, ЗОЖ-ресторан, ЗОЖ-рецепты, ЗОЖ-шашлык, ЗОЖ-шоколад, ЗОЖ-эмблемы (на продуктах) и т.д.*);

ПП... ‘относящийся к правильному питанию, сторонникам такого питания; предназначенный для использования при таком питании’ (*ПП-блины, ПП-блог, ПП-блюда, ПП-борщ, ПП-бургеры, ПП-вкусоности, ПП-выпечка, ПП-десерты, ПП-контейнер, ПП-конфеты, ПП-кулич, ПП-мороженое, ПП-мученица, ПП-печенье, ПП-пирог, ПП-пицца, ПП-повар, ПП-продуктов, ПП-рацион, ПП-рецепты, ПП-рыба, ПП-сласти, ПП-стакан (одноразовые стаканы), ПП-упаковка (для разогрева в микроволновой печи), ПП-торт, ПП-форум, ПП-шаурма и т.д.*).

Можно сказать, что пополнение разных тематических групп и их подгрупп имеет свои особенности (это конкретные факторы, обуславливающие их развитие, иностранные языки, пополняющие эти группы и подгруппы, специфический набор старых и новых словообразовательных средств). Для тематической группы «Еда, питание» актуальна деэкзотизация заимствований (прежде всего это относится к группам неонаминаций, связанных с обозначением названий заведений и блюд), которая происходит в описываемый период достаточно быстыми темпами.

Список литературы

1. Буцева Т.Н. Презентация словаря-справочника «Графические кентавры в современных медийных текстах» // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докл. Междунар. науч. конф. (10—12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск): в 2 ч. / науч. ред. Н.В. Патроева; предисл. Н.В. Патроевой и О.В. Никитина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 296—298.

2. Буцева Т.Н. Аспектная неография // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке

и литературе». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 22—31.

3. Буцева Т.Н. Особенности адаптации англицизма *e-mail* в текстах русскоязычных массмедиа // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сб. ст. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 11—19.

4. Ридецкая Ю.С., Кожевников А.Ю. Неологизмы XXI века: спортивная лексика // Наука России: Цели и задачи: сб. науч. тр. по материалам XXI междунар. науч.-практ. конф. (10 июня 2020 г.). Ч. 4. Самара: Л-Журнал, 2020. С. 82—88.

5. Маринова Е.В. Деэкзотизация лексики как источник семантического обновления лексики на рубеже XX—XXI вв. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 3. С. 16—26.

© *T.N. Butseva*

SOME OBSERVATIONS OF THE NEOLOGICAL PROCESSES IN MODERN RUSSIAN FROM 2000s TO 2020s

The article is devoted to describing the processes of neologizing of the Russian language vocabulary on the material of the thematic group 'Food, Nutrition' in the first two decades of the XXI century. This group is described in one of the issues of the series of aspect neological dictionaries 'Neologisms of the XXI century', prepared by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project. The article has the following goals: 1. to consider the extralinguistic reasons influencing the emergence of lexical innovations in this topic during this period, 2. to identify features neologizing of this thematic group, associated both with the process of deexotization of borrowings, and with the appearance of a number of new initial components of compound words which are active in the production of new vocabulary items.

Keywords: neologisms, borrowings, exoticisms, deexotization, word formation, thematic group, neology, neography, dictionaries of new words, modern Russian.

© *Буцева Таисия Николаевна*
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

© *Зеленин Александр Васильевич*
Университет Тампере

ГЛАГОЛЫ КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ АСПЕКТНЫХ НЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ¹

Статья посвящена общей характеристике глаголов, появившихся в русском языке в первые два десятилетия XXI в., которые будут представлены в выпуске серии аспектных неологических словарей, готовящейся по проекту РФФИ. Дается их количественная оценка в неологическом потоке (около 1000 лексем), рассматриваются способы их образования, словообразовательные аффиксы и производящие, приводятся неологизмы-глаголы, у которых в этот период зафиксированы новые значения, выделяются тематические группы, активно пополняемые глаголами-неологизмами (прежде всего группа глаголов-неологизмов, связанных с развитием компьютерных технологий и интернет-коммуникацией), демонстрируются окказиональные и индивидуально-авторские глагольные новообразования.

Ключевые слова: глаголы, неологизмы, словари новых слов, словообразование, способы производства, тематическая группа, современный русский язык.

Современный неологический поток весьма обширен, и в силу этого актуальным представляется его дифференцированное описание по различным актуальным аспектам, дающее возможность рассмотреть его более подробно. «Сложность и противоречивость лексико-семантической системы требует дифференцированного, тщательно продуманного подхода к ее

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-012-00743 а.

изучению», «одновременный анализ всей системы, очевидно, невозможен», поэтому представляется целесообразным «отдельное, монографическое изучение таких больших классов слов, как глаголы движения, глаголы психической деятельности, глаголы речи и др.» [Васильев 1981: 183].

По проекту РФФИ с 2018 г. ведется работа по разработке типов аспектных словарей на материале неологизмов 2000—2020-х годов и их практической реализации. В процессе этой работы сложились три типа этого серийного издания: **тематический** (подготовлены выпуски «Спорт», «Мода, одежда, обувь, аксессуары», «Транспорт», «Еда, питание»); **семантико-словообразовательный** (подготовлен выпуск «Графические кентавры в современных медийных текстах»); **семантико-грамматический** (ведется работа над выпуском «Глаголы») (об аспектной неографии см. [Буцева 2018; Буцева 2019]). Данная статья посвящена характеристике глаголов-неологизмов, которые являются материалом для выпуска аспектного словаря последнего типа.

Количественная оценка глагольных новообразований. В свое время Н.З. Котелова на основании анализа 15 тыс. неологизмов, зафиксированных к 1988 г. в словарях новых слов ИЛИ РАН, сделала следующее наблюдение о доли глаголов в неологическом потоке и об одной их особенности: «**Подавляющее большинство неологизмов — существительные, прилагательных в несколько раз меньше, глаголов меньше тысячи, из них стилистически нейтральных меньше половины** (выделено нами. — *Т.Б., А.З.*), инновации остальных частей немногочисленны <...> Неравномерный охват неологизацией разных частей речи связан с существенными различиями слов по частеречному параметру» [Котелова 1988: 57].

Е.А. Жданова сделала статистику по 1-му тому словаря-справочника «Новые слова и значения», посвященного 1990-м годам (НСЗ-90), в котором среди более 2600 **словообразовательных** неологизмов насчитала около 130 новообразований-глаголов

(5% от общего числа) [Жданова 2016: 287]. По нашим подсчетам, проведенным по всем трем томам этого словаря, в НСЗ-90 зафиксировано 463 глагола (**словообразовательные неологизмы-глаголы и глаголы с новыми значениями**), что составляет примерно 4,4% от словника этого словаря (10,5 тыс. словарных статей).

В период с 2000 по 2020 гг. в разных источниках (СМИ, Интернет) зафиксировано около 1000 новых глаголов, которые в своей совокупности еще не были описаны словарями. Таким образом, на основании приведенных цифр, демонстрирующих частеречное распределение в неологических процессах в русском языке в последние 70 лет, можно констатировать, что глагольная неологическая лексика составляет примерно 5—6% всех лексических инноваций.

Обратимся к представлению и характеристике глаголов-неологизмов последних двух десятилетий.

Словообразовательная характеристика (производящие, аффиксы, способы образования). Среди новых глаголов преобладают словообразовательные неологизмы. Обычно они образованы от стилистически нейтральных существительных, обозначающих понятия той или иной языковой сферы. Часто **производящими** для них выступают освоенные русским языком англозаимствования: *вайберить*, *вайбериться* < *вайбер* — ‘мессенджер израильской компании Viber Media’; *вейнуть/вайнуть* < *вейн/вайн* — ‘электронная сигарета, мини-кальян’. Иногда глаголы образуются на русской почве от слов или словосочетаний, взятых непосредственно из английского языка (*андейтить* < англ. *to update* — ‘обновлять, совершенствовать’, *аппрувить* < англ. *to approve* — ‘утверждать, одобрять, санкционировать’, *ассемблировать* < англ. *to assemble* — ‘собирать, монтировать’, *делитнуть* < англ. *to delete* — ‘удалить’, *дигитализировать* < англ. *to digitalize* — ‘оцифровать’ — или от сочетания слов: *копипастить* < англ. *to copy-past* — ‘скопировать-вставить’, *даблкликнуть* < *дабл-клик* — ‘двойное нажатие левой клавишей мыши’.

Часто в качестве производящих выступают глаголы (префиксальные и постфиксальные, значительно реже — суффиксальные: *тренить* < *тренироваться*; *тренировать*). Достаточно редко производящими могут выступать прилагательные: *высокопарничать* < *высокопарный*, *легкомыслить* < *легкомысленный* (*Президент* <...> *предостерег* <...> «не *легкомыслить* вопросом обороноспособности страны» // Planetanews.ru — Планета новости, 23.09.2007). Иногда в качестве производящих новых глаголов используются аббревиатуры: *СМСить* < *СМС*, *жежешить* < [же-же] — произношение аббревиатуры ЖЖ (*Живой журнал*, имя собств.).

Е.А. Земская отмечала характерную для 1990-х годов тенденцию к образованию новых слов от имен собственных, «в чем обнаруживается тесная связь языка с современной действительностью» [Земская 1996: 99]. В 2000—2020 гг. эта тенденция сохраняется, что можно наблюдать и на глаголах, которые чаще всего образуются от **фамилий известных людей**, являющихся нашими современниками или историческими персонажами. Для семантики этих производных глаголов важен род деятельности этих людей, а также личные качества: *бандериться*, *забандериться*, *обандериться* < *С. Бандера*; *ванговать* < болгарская ясновидящая *Ванга*; *депардировать/депардьировать* < *Ж. Депардьё*; *закургиянить*, *кургиянить* < *С. Кургиян*; *мазепить* < *И. Мазепа*; *навальничать* < *А. Навальный*; *петросянить*, *петросяниться* < *Е. Петросян*; *псакнуть* < *Дж. Псаки* — помощница президента США по связям в 2009—2011, 2015—2017 годах; *скуинджить* — ‘присвоить, украсть у всех на глазах’ < *А. Куинджи*; *собянить* < *С. Собянин*; *чегеварить* < *Э. Че Гевара*. Отметим два глагола, связанных с определенными персонами, которые появились в русском языке под влиянием английского и немецкого языков: *кержаковить* < *А. Кержаков* (*После чемпионата Европы по футболу появился глагол «кержаковить» («to ker-*

zhakov», от фамилии нашего футболиста Кержакова), обозначающий промах по воротам // Рязанские ведомости, 15.11.2012), меркельничать и меркелить < А. Меркель (< нем. *merkeln*) (В немецком языке три года назад появился глагол *merkeln* — меркелить. Как определил его издатель словарей немецкого языка *Langenscheidt*, меркелить — это ничего не делать, не принимать никаких решений, не делать никаких заявлений // Православие и Мир (*pravmir.ru*), 23.10.2018). Образуются глаголы и от названий сетевых поисковых сетей, социальных сетей, приложений и мессенджеров (Гугл, Инстаграм, Facebook, WhatsApp, Яндекс): гуглить, инстаграммить, фейсбучить, фейсбукнуть, вотсапить, яндексить. В качестве производящих новых глаголов используются также и другие имена собственные. Это названия литературной премии (гонкурировать < Гонкуровская премия и конкурировать); организаций, государственных органов (гринписить < Гринпис; думствовать < Государственная Дума — ‘заседать в Государственной Думе России’); телепередачи (камедиклабить < Комеди клуб); праздника (новогодиться < Новый год), географических объектов (донбассить < Донбас; размосковать < Москва; скрымздить < Крым. В основном это экспрессивно окрашенная или оценочная лексика, иногда единичного употребления.

При образовании новых глаголов активны **суффиксальное образование:** айподить, айподничать < айпод; байтить, байтнуть < англ. *bait* ‘наживка, приманка’; банить, бануть < бан ‘лишение или ограничение каких-л. прав пользователя’; вирусовать, вирусить, вируснуть < вирус, компьютерный вирус; геймерничать, геймерить < геймер; дефейсить < дефейс ‘тип хакерской атаки’; дислайкать, дислайкнуть < дислайк ‘кнопка, с помощью которой выражается неодобрение кого-, чего-л.’; кибератаковывать < кибератака; постить < пост ‘короткое сообщение в соцсетях’; резинить < резина; тапать (по сенсорному экрану) < англ. *to tap* ‘стучать, постукивать’;

текстовать < *текст*; *флудить*, *флудировать* < *флуд* ‘бессмысленные потоки информации на форуме, в чате и т.п.’); *хакать* < *хак* ‘временное или остроумное решение для обхода какой-л. проблемы’), *эльфить* < *эльф* ‘представитель интернет-субкультуры, который выводит собеседника из себя, во всем с ним соглашаясь, всячески восхищаясь им и постоянно делая ему комплименты’ и **префиксальное**: *завирусовать* < *вирусовать*; *загуглить* < *гуглить*; *зазиповать* < *зиповать*; *запикивать* < *пикивать*; *заспамить* < *спамить*; *затроллить* < *троллить*; *закопипастить*, *откапипастить*, *перекапипастить* < *копипастить*, *соскайпиться* < *скайпиться*. Используются и другие способы: **префиксально-суффиксальный**: *размосковить* < *Москва*; **постфиксальный**: *апгрейднуться* < *апгрейднуть*, *жежешиться* < *жежешить*.

Е.А. Земская отмечала активность в середине 1980-х — 1995 гг. суффиксального производства книжных глаголов на *-ировать*, *-изировать* и меньшую активность разговорных глаголов на *-ить*. Сейчас эта ситуация существенно изменилась: по нашим наблюдениям, в 2000—2020 годах активность образования глаголов на *-ить* высока (более 300 ед.), образования на *-ировать* более продуктивны (74 ед.), чем образования на *-изировать* (12 ед.).

Образование сложных глаголов идет не столь активно. Это отмеченные ранее Е.А. Ждановой глаголы с компонентом *само...*, например: *самопиариться*, *самоутилизироваться*, *самофоткаться*. Сдвиг слов с компонентом *само-* из более периферийных зон ближе к центру медийного поля лежит в рамках начавшегося в 1990-е годы усиления антропоцентризма в языке.

Встречаются также глаголы-неологизмы, образованные путем **сложения двух глаголов**: *пошутить-поиронизировать*, *попеть-поорать*, *разделить-умножить*, *рубиться-молиться*, *семенить-семенить*, *сказать-написать*, *увидеть-потрогать*, *читать-листать* и др.

Имеются случаи образования глаголов (обычно это окказионализмы) путем **контаминации**: *трудоустроит* < *трудоустроить* и *расстроит* (‘привести в плохое, подавленное настроение’), *трампировать* < *Д. Трамп* и *травмировать*. Такие образования находятся в зоне языковой игры и обычно встречаются на сайтах, куда лексикографы, как правило, не заглядывают или где редко бывают.

Отмечены редкие случаи образования глаголов путем **сращения слов**: *импортзамещать* < *импорт* *замещать*.

Часто от одной корневой основы образуются пучки и цепочки производных, среди которых регулярны образования с приставками *де-*, *за-*, *на-*, *недо-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *про-*, *раз-/рас-*, *ре-*, *с-*, с суффиксами *-а(ть)*, *-и(ть)*, *-ива(ть)*, *-изир(ова)(ть)*, *-нича(ть)*, *-ну(ть)*, *-ану(ть)*, *-ова(ть)*, *-ствова(ть)* и т.д., с постфиксом *-ся*: *банить*, *забанить*, *забаниться*; *блогить/бложить*, *блогизировать*, *блогерить*, *блогерствовать*, *блогеризироваться*; *гуглить*, *выгуглить*, *загуглить*, *загуглиться*, *нагуглить*, *нагуглиться*, *нагугливаться*, *погуглить*, *прогуглить*; *емелить*, *заемелить*, *отъемелить*, *переемелить*; *коннектить*, *коннектиться*, *законнектить*, *законнектиться*; *копипастить*, *откопипастить*, *скопипастить*; *лайкать*, *лайкаться*, *лайкнуть*, *залайкать*, *налайкать*, *недолайкать*, *облайкать*, *отлайкать*, *полайкать*; *постить*, *репостить*, *репостнуть*, *перепостить*; *спамерить*, *спамерничать*, *спамерствовать* (< *спамерство*), *спамить*; *фейсбучить*, *фейсбучиться*, *фейсбукнуть*, *фейсбукнуться*, *фейсбукничать*; *хайпить*, *хайповать*, *хайпануть*; *хостить*, *захостить*, *захоститься*; *интернетить*, *интернетничать*, *интернетствовать* и т.д.

В этот период, у старых глаголов появились новые значения (семантические глаголы-неологизмы), например: *выгрести** и *выгрести** — ‘справиться (справляться) с трудностями, финансовыми затруднениями’; *довернуть** — ‘доработать, усовершенствовать’; *докручивать** и *докрутить** — ‘доводить (довести) до какого-л. уровня, надлежащего вида, совершенства’; *допиливать** и *допилить** — ‘завершать

(завершить) раздел, передел чего-л. (денег, предприятия, власти, государства и т.п.); *запикать** и *запикивать* — ‘скрыть (скрывать) на видео-, аудиозаписи нежелательные (нецензурные) слова с помощью наложения звукового сигнала (писка, короткого и высокого звука и т.п.); *заточиться** — ‘1. Настроиться на совершение какого-л. действия; 2. Сосредоточить свое внимание на какой-л. проблеме’; *контрабасить** (< *контрабас* ‘контрабандный товар, разг.-проф.’); *назначать** — ‘объявлять кого-л. кем-л. без достаточных оснований, доказательств’; *обесточиться** — ‘лишиться какого-то важного ресурса, источника’, *перезагрузить** — ‘обновить, усовершенствовать’ *скрутить** и *скручивать** — ‘уменьшить (уменьшать) показатели каких-л. приборов с мошеннической целью’, *торкать** — ‘1. Производить сильное впечатление, впечатлять; 2. Волновать, возбуждать сексуально; 3. Придавать бодрость, возбуждать силы, энергию и т.п.; 4. Вызывать состояние опьянения или сходное с ним состояние эйфории (об алкоголе или наркотиках)’; *цитировать** — ‘повторять в новой модели отдельные дела предыдущей’; *шизовать** — ‘поддерживать свою команду (о фанатах того или иного спортивного клуба, жарг.)’ и т.д.

Среди глаголов-неологизмов последних двух десятилетий встречаются **окказиональные и индивидуально-авторские глаголы**: *гитлериться* (Ю. Мориц), *перебуржуазить*, *себячить* — ‘фотографировать себя на телефон’, *скипидарить** (*подталкивал, скипидарил процесс*); *уйкнуться* и т.д.

Одним из мощных внеязыковых факторов неологизации русского языка последних трех десятилетий является развитие компьютерных технологий и интернет-коммуникации (Д. Айдачич, Е.В. Какорина, О.В. Лутовинова, Е.В. Маринова, Г.Т. Трофимова, Н.К. Рябцева, Л.П. Крысин, М.А. Кронгауз и др.). Интернет стал новой коммуникативной средой, у которой появились свои языковые средства общения, находящиеся в непрерывном развитии. Разговорный стиль, как отмечают

лингвисты (см., например, статьи в книге «Современный русский язык в интернете», 2014), — отличительная черта интернет-языка, в котором представлены и глаголы.

Глаголы данной группы обычно обозначают действия, связанные с поиском, хранением, передачей, распространением информации (*гуглить*, *постить*, *шерить*, *яндексить*), общением в сети (*жежеешиться*, *скайпиться*, *емелить*), взаимодействием с компьютерной техникой (*кликать*, *тапить*), оцениванием кого-, чего-л. (*лайкать*, *дислайкать*), оказывать на кого-л. моральное воздействие (*троллить*), отказом от общения (*игнорить*, *банить*, *забанить*).

Лексемы, наиболее активно употребляемые в массмедийном интернет-пространстве, довольно быстро проникают в общее употребление, семантически преобразуясь (расширение, сужение, перенос значения) и утрачивая связь с интернет-средой (*фейк*, *фейковый*, *фейковать*, *лайкать*, *лайковый*, *троллить*, *троллинг*, *репост*, *репостить*, *запостить*, *твит*, *твиттер*, *ретвит* и т.д.) [Тошович 2015; Интернет-коммуникация 2018; Маринова 2020]. Эти слова пока не зафиксированы в «Русском орфографическом словаре» (см. Грамота.Ру), но все-таки в него уже включены глаголы *гуглить* (*сниж.*), *спамить*, *чатить(ся)* (от *чат*, *сниж.*). Обратим внимание на помету *сниж.* при некоторых из них, с которой трудно согласиться. Скорее всего, изначально это профессиональный сленг, а теперь разговорный профессионализм.

Кроме этой группы лексики в данные два десятилетия появилась новая глагольная лексика как более широкого употребления, так и привязанная к разным профессиональным или социальным сферам, некоторые из этих глаголов можно отнести к «модным» словам. Приведем примеры: *бранчевать*, *бранчеваться*, *вегетарианствовать*, *веганствовать*, *волонтерствовать*, *гаджетировать* — ‘оснащать гаджетами’, *гламурить*, *дауншифтить* — ‘сознательно переходить на более низкую социальную ступень, чтобы снизить темп жизни’, *квестить*, *крафтить* — ‘изготавливать что-л. своими руками’,

лузерствовать, нагламурить, накреативить, педикюрить — ‘делать себе педикюр; зарабатывать педикюром’; *скрабировать, скреативить, сыроедить, схомячить, уютничать, фрилансить, химчистить* — ‘чистить вещь с применением химических очистителей’, *шопить, шопиться* и т.д.

Также в текстах встречаются новые глаголы из жаргона, профессиональной и официальной речи, публицистического стиля: *агрить* — ‘раздражать’ (*жарг.*), *агриться* — ‘ругаться или злиться на кого-л.’ (*жарг.*), *алармировать* (*публ.*), *апрувить* — ‘одобрить’ (*разг.-проф.*), *блистировать* (таблетки) (*проф.*), *бонусировать* — ‘вознаграждать, премировать’ (*разг.-проф.*), *брендировать* — ‘давать фирменное название, создавать фирменный дизайн, имидж, демонстрировать, рекламировать бренд’ (*проф.*), *валидировать* — ‘делать валидным, утверждать, обосновывать, придавать законную силу’ (*офиц.*), *вдиктовывать* (правку) (*проф.*), *веганить* (*жарг.*), *гомосечить* (*жарг.*); *глистогонить, проглистогонить* (кота, собаку) (*разг.-проф.*); *ёфицировать* (*публ.*), *закошмарить* (*жарг.*), *карманить* — ‘незаконно присваивать’ (*жарг.*), *запринтовать* — ‘нанести на ткань изображение, принт’ (*разг. проф.*), *менеджерить* (*разг. проф.*), *объЕГЭрить* (*публ.*), *няшничать* — ‘быть чрезвычайно милым, миловидным’ (*жарг.*); *обнимаать, обнимааться* (*жарг.*); *стикировать* — ‘наносить штрих-код’ (*разг.-проф.*), *скотчевать* — ‘упаковывать с помощью скотча’ (*разг.-проф.*); *целоваать, целовааться* (*жарг.*); *чипировать, шеймить* — ‘предавать публичному позору, стыдить’ (*жарг.*) и т.д.

Многие из этих неолексем относятся к социолектам, для них в современной лексикографии (везде, не только у нас) пока нет системы помет, ибо внедрение их чрезвычайно дробит и без того перенасыщенную систему. Общая «шапочная» (зонтиковая) помета тоже уже не может отражать реальное существование и функционирование слов в разных социолектах. Например, пометы *жарг.*, *разг.-проф.*, *публ.*, несомненно, требуют пересмотра или уточнения. Идет ломка, перераспределение стилистико-нормативных границ между

понятиями «профессионально-сленговые», «разговорно-профессиональные» и «разговорно-возрастные», «разговорные» лексемы. Проникновение (причем быстрое, связанное с постоянной сменой информационно-передающих устройств) таких быстро рождающихся и быстро отмирающих номинаций не было характерно для 1970—1990-х годов. Это вновь ставит вопрос о критериях окказиональности — неологичности, процентуальных соотношениях таких лексем в корпусе.

Можно выделить группы глаголов, связанных **со спортом** и с тем или иным видом спортивной активности: *джиббить* (*джибббить*), *дюльферять* — ‘спускаться по отвесной стене способом дюльфер’; *дрифтовать*, *зорбить* — ‘перемещаться в зорбе’, *паркурить*, *песколыжить*, *подвесить** — ‘поставить соперника в невыигрышное, опасное положение в ходе или в финале матча’, *синтолить* — ‘делать себе инъекции синтола для наращивания мышечной массы’, *тренить* — ‘тренироваться; тренировать кого-л.’; *фриранить*; **музыкальной, танцевальной культурой**: *баттлиться* — ‘участвовать в баттле’, *биббоксить* — ‘исполнять биббокс’, *гроулить* — ‘издавать рычащий звук при пении’ (<англ. *growl* — ‘рычание’), *джемить* — ‘импровизируя, участвовать в совместном концерте’; *слэповать* — ‘использовать особую технику игры на музыкальном инструменте, например, на бас-гитаре’, *твёркать* — ‘танцевать твёрк, совершать активные движения бедрами, ягодицами’; **экономикой, финансами, менеджрингом**: *апрувить* — ‘подтверждать, утверждать что-л.’; *деофшоризировать*, *офшоризовать*; *детенизировать*, *дисконтировать* — ‘произвести (производить) дисконт, дисконтную операцию’; *запрувить* — ‘согласовать’ (*жарг.*), *проапдейтить* — ‘обновить’, *фоллоуапить* — ‘выполнять комплекс мер, сопровождающих выполнение задачи’, *форкастить* — ‘делать нереалистичный (как правило, долгосрочный) прогноз для презентации совету директоров, акционерам и др.’, *чарджить* — ‘взимать комиссию; работать на клиента’; **приготовлением пищи, питанием**: *гратинировать* — ‘запечь румяную корочку на каком-л. блюде, смазав его или

присыпав каким-л. плавящимся продуктом’, *отфритюрить*; *смюзить*, *читмилить* — ‘иногда есть неправильную еду’; **наукой**: *генотипировать*, *геотезгировать*, *терроформировать*; **политикой**: *бандерить*, *забандериться*, *обандериться*, *демаргинализировать*, *заединороссить*, *зиговать* — ‘делать жест нацистского приветствия’, *майданить*, *майданничать*, *майдануть*, *майдануться*, *митинговаться*, *наединоросить*, *нареферендить*, *обдемократить*, *партизироваться*, *размандачить*, *размандачиваться*, *скрымить* и т.д.

Как видим, представленный материал разнообразен по способам образования, набору задействованных словообразовательных средств, принадлежности к разным функциональным сферам языка, отношению к узусу и т.д. Во многом он демонстрирует тенденции в образовании глаголов, наметившиеся в 1990-е гг. Словарь, создаваемый на этом материале, является толковым, иллюстративным, с этимолого-словообразовательной справкой и датой первой фиксации в медийных текстах, имеющихся в Интегруме.

Список литературы

1. Буцева Т.Н. Презентация словаря-справочника «Графические кентавры в современных медийных текстах» // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докл. Междунар. науч. конф. (10—12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск): в 2 ч. / науч. ред. Н.В. Патроева; предисл. Н.В. Патроевой и О.В. Никитина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 296—298.
2. Буцева Т.Н. Аспектная неография // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе». Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 22—31.
3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая Школа, 1981. 184 с.
4. Жданова Е.А. Глагольные новообразования в русском языке рубежа веков и проблема их лексикографической фиксации // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного

- языкознания: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. к 100-летию Б.Н. Головина. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 287—291.
5. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Язык русской культуры, 1996. С. 90—141.
 6. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 4-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 328 с.
 7. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография М., 1988. С. 46—63.
 8. Маринова Е.В. Ключевые идеи интернет-пространства и особенности их вербализации // Русский язык за рубежом. 2020. № 2. С. 78—83.
 9. Современный русский язык в интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 328 с.
 10. Тошович Б. Интернет-стилистика: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 238 с.

© *T.N. Butseva, A.V. Zelenin*

VERBS AS THE OBJECT OF DESCRIPTION IN ASPECT NEOLOGICAL DICTIONARIES

The article gives a general presentation of new verbs in Russian emerged in the first two decades of the 21st century. They will be presented in the issue of a series of aspectual neological dictionaries prepared under the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project. The article presents neologisms in following aspects: 1. quantitative assessment in the neological stream (about 1000 lexemes); 2. derivational methods of their forming; 3. analysis of word-formation affixes and derivative stems; 4. semantic derivation of (existing) verbs. In the branched thematic classification special attention is drawn to the activity of a group of verbs associated with the development of computer technologies and Internet communication. Occasional and individual author's neologisms are also of interest for analysis and possible presentation in the upcoming dictionary.

Keywords: verbs, neologisms, dictionaries of new words, derivation, word-forming tools, thematic group, the modern Russian language.

© *Виноградов Сергей Николаевич*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ (на материале русских местоимений-существительных и местоимений-прилагательных)

Цель статьи — рассмотрение русских местоименных существительных и местоименных прилагательных в аспекте их метаязыковых свойств в грамматической системе русского языка. При анализе материала использовались когнитивный метод, описательная методика, методика внутриязыкового и межязыкового соотнесения. Охарактеризованы метаязыковые свойства местоимений. Местоименные существительные и местоименные прилагательные являются единицами (фрагментами) метаязыка, описывающего грамматические и лексико-грамматические классы в русском языке. В результате изучения метаязыковых свойств местоимений наблюдается некоторое упрощение морфологических свойств местоимений по сравнению с репрезентирующими их существительными и прилагательными. Особую значимость приобретают свойства местоимений как лексических единиц, обобщающих лексико-грамматические классы слов, традиционно не выделяемые в русской грамматике. По-видимому, местоимения отражают роль некоторых элементов грамматической системы в создании языковой картины мира, своеобразие которой обнаруживается при сравнении репрезентаций местоимений в разных языках.

Ключевые слова: местоимения, части речи, метаязык, репрезентация, языковая картина мира.

Современные теоретические представления о языке, основанные на семиотических и культурологических идеях, не предполагают резкого различения языка-объекта и метаязыка. В философских, общелингвистических и семиотических трудах

отсутствие такого различия выражено достаточно отчётливо: «переход от интуитивно-описательных форм к понятийным формам и их предельное обобщение вовсе не потребует от нас противопоставлять <...> язык и метаязык» [Лосев 1982: 152]; в тексте совмещаются язык и метаязык [Лотман 1981]; «во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения её языков» [Лотман 2000: 251]. «Самоописание системы» [Лотман 2000: 255] — проявление функционирования метаязыка, «встроенного» в языковую систему. Если рассматривать систему естественного языка, то «встроенный» метаязык «консубстанционален» с языком-объектом, т.е. имеет тождественную с ним субстанцию, или материальное выражение [Гвишиани 1986: 25]. Иными словами, метаязык, так же как язык-объект, имеет звуковую, письменную или иную форму воплощения.

Наличие метаязыков, «встроенных» в состав языка-объекта, обусловлено иерархическим строением языка как семиотической системы. По Ю.С. Степанову, иерархия проявляется в том, что всякий класс семиотических элементов (знаков) в свою очередь составляет элемент высшего класса [Степанов 1971: 101]. Процесс создания обобщённых языковых единиц (языковых категорий) приводит к созданию иерархической структуры языка. Уровни языковой иерархии — результат процессов обобщения и категоризации. При этом единицы более высокого уровня представляют собой обобщённое описание, упрощённую модель множеств единиц более низкого уровня и в этом качестве выступают как метаязык для описания языковых единиц более низкого языкового уровня.

Элемент более высокого уровня имеет инвариантный характер по отношению к элементам класса более низкого уровня, которые являются вариантами своего инварианта. Инвариантная единица является единицей метаязыка. Отношения между инвариантом и его вариантами назовём отношением репрезентации (см. также использование термина «репрезентация» в [Степанов 1975: 221]). Например, фонема, будучи инвариантной единицей,

репрезентируется своими вариантами, а морфема репрезентируется своими морфами.

Понятие метаязыка традиционно отражало процесс и результат описания исследователем языка-объекта и имело гносеологический характер. Однако если единицы метаязыка являются наблюдаемыми элементами семиотической системы, то могут рассматриваться как объективно существующее явление, элемент онтологии исследуемого объекта [Виноградов 2020: 80]. Актуальность изучения уровневых единиц языка как метаязыковых средств связана с исследованием когнитивных процессов категоризации, отразившихся в системе языка.

Проявления указанных когнитивных процессов — множественность выделяемых признаков понятия, различная группировка наблюдаемых фактов языка-объекта, выбор различных инвариантов, воплощённых в единицах метаязыка, выбор различных номинаций (метаноминаций) для групп языковых фактов. Поэтому в пределах языковой иерархии обнаруживается сложная система метаязыков, реализуемая в различных дискурсах, в которых функционирует язык. Метаязыками в грамматике языка являются названия частей речи, которые репрезентируются группировемыми словами и словосочетаниями, фонемы, которые репрезентируются вариантами фонем, звукотипами, звуками речи, лексемы, которые репрезентируются представителями слова в тексте — словоформами, и т.д. Рассмотрим в качестве метаязыка некоторые русские местоимения, относящиеся к местоименным существительным и местоименным прилагательным.

Чем репрезентируются местоимения? Местоимение как языковая единица имеет обобщённый характер, является словом-указателем, словом-заменителем, замещает множество других слов, относящихся к определённой части речи, имеющих определённые грамматические свойства. Общность значений замещаемых слов представляет инвариант, который воплощён в замещающем их местоимении. Тогда замещаемые слова являются вариантами, в которых выражен данный инвариант. Местоимение — номинативная единица, номинация определённой

совокупности, группы, класса грамматических фактов. Местоимения — языковые средства, служащие для выражения и описания других языковых средств и поэтому по определению являющиеся элементами некоторого метаязыка (или метаязыков). Наглядность существования подобного метаязыка проявляется в том, что местоимения образуют отдельную, довольно изолированную группу слов. Благодаря этому при изучении местоимений легко разграничить факты языка-объекта и метаязыка. Ярким дискурсным проявлением местоимений как метаязыковых средств является частный дискурс грамматических дефиниций, в которых части речи определяются с помощью «грамматических вопросов», выражаемых вопросительными местоимениями, например: «Существительное — часть речи, отвечающая на вопросы *кто? что?*». Здесь вопросительные местоимения *кто, что* выступают как элементы метаязыка — мыслительного инструментария, с помощью которого учащиеся осуществляют определение и классификацию анализируемых фактов в процессе анализа морфологических единиц в языке и речи.

Метаязыковая функция языка обнаруживается в процессах речевого общения [Мечковская 2004: 241—242]. Но местоимение является не речевым явлением, а языковой единицей (хотя, разумеется, реализует свой метаязыковой потенциал в высказываниях, в речи). Нетривиальность, своеобразие местоимений как метаязыковых единиц определяется тем, что они обобщают грамматические и лексические явления несколько иначе, чем, например, части речи. В этом отражается своеобразная «местоименная рефлексия» носителей языка, фрагменты их языковой картины мира. Рассмотрим план содержания некоторых местоимений русского языка как метаязыковых единиц.

Местоименные существительные репрезентируются словами, обозначающими предметы в грамматическом смысле слова: предметом в грамматике называется «всё то, чему наше сознание может приписать качества, свойства, действия» [Головин 1983: 117]. Система классификаций существительных и прилагательных опирается главным образом на грамматические свой-

ства этих частей речи. Но группы местоимений и отдельные местоимения выделяют такие подклассы предметов, которых, строго говоря, нет в грамматических классификациях существительных и прилагательных. Так, личные местоимения выделяют предметы, имеющие различное отношение к участникам высказывания. Местоимение *я* обозначает некоторый единичный объект — автора высказывания, т.е. самого говорящего. Это объект, единственный в своём роде. Поэтому местоимение *я* имеет грамматические свойства некоторого имени собственного (отсутствие числового противопоставления). Местоимение *мы* не является множественным числом местоимения *я*, так как имеет другое лексическое значение — не ‘совокупность предметов, обозначенных словом *я*’, а ‘совокупность предметов, один из которых обозначен словом *я*’. Местоимение *мы* имеет грамматические свойства существительного *plurallia tantum*, аналогичные грамматическим свойствам слов *деньги*, *деньжата*. Таким образом, оппозиция *я* и *мы* носит не грамматический, а лексический характер.

Оппозицию «единичность — множественность» могут образовывать местоимения *ты* и *вы* (‘единичный собеседник’ и ‘множество собеседников’). Вежливое «Вы» следует рассматривать как особое лексическое значение — ‘форма вежливости для обозначения одного лица, собеседника’. Оппозиция «единичность — множественность» выражается супплетивно — с помощью разных корней. В морфологии супплетивизм редок. Кроме того, при супплетивизме система значений разных корней не полностью совпадает. Например, лексическое значение у номинаций *человек* и *люди* совпадает лишь частично [Ожегов, Шведова 1992: 344, 911—912]. Поэтому оппозиция *ты* и *вы* не является в полной мере грамматической.

Личные местоимения *он*, *она*, *оно* обозначают предмет, не участвующий в коммуникации, выражаемый существительным соответствующего грамматического рода. Это существительное может принадлежать к разным лексико-грамматическим разря-

дам, в которых нет нормального числового противопоставления. Поэтому форма множественного числа *они* может репрезентироваться по-разному: или формой множественного числа существительного с числовым противопоставлением, или существительным *pluralia tantum*. Подобная грамматическая омонимия встречается при образовании числовых форм существительного; например, *сливки* — 1) множественное число слова *сливка* ‘уменьшительно-ласкательное образование к слову *слива*’, 2) существительное *pluralia tantum сливки* ‘густой жирный верхний отстой молока’. Такая омонимия репрезентирует значения личного местоимения 3-го лица множественного числа *они*. Разрешение этой омонимии происходит в речевом контексте употребления данного местоимения.

Вопросительно-относительное местоименное существительное *кто* соотносится с одушевлённым существительным по особенностям склонения (формы родительного и винительного падежей совпадают) и по речевому употреблению (данное местоимение замещает одушевлённое существительное, репрезентируется им). Морфологическое числовое противопоставление и морфологически выраженный род у местоимения *кто* отсутствует; число и род у него выражаются только синтаксически в речевых употреблениях (*кто такой...*, *кто такая...*, *кто такие...*).

Вопросительно-относительное местоименное существительное *что* соотносится с существительными, обозначающими неодушевлённые («неживые») предметы (имеются в виду не только неодушевлённые существительные, но и существительные, находящиеся вне разрядов одушевлённых и неодушевлённых, например, многие отвлечённые). Морфологическое числовое противопоставление и морфологическое выражение рода у данного местоимения отсутствует, так же как у местоимения *кто*.

Таким образом, местоименные существительные по своим языковым свойствам отличаются от репрезентирующих их существительных. В местоименных существительных почти отсутствует морфологическое противопоставление числовых форм, которое отчасти есть только в оппозиции *он, она, оно* ↔

они, ты ↔ *вы*. Ср. аналогичную оппозицию у некоторых одно-коренных существительных разного рода: *супруг, супруга* ↔ *супруги* и у существительных, числовое противопоставление у которых выражается разными корнями: *человек* ↔ *люди*. Но для существительных русского языка такая оппозиция нехарактерна: существительные разного рода обычно не имеют омонимию во множественном числе, а супплетивизм грамматических форм встречается редко. В личных местоименных существительных единичность и множественность выражается в основном лексическими значениями местоимений. Например, *я* и *мы* — это не морфологическая, а лексическая оппозиция. То же самое относится к местоименным существительным *он, она, оно*: местоименное существительное *они* не означает множества предметов, обязательно выражаемых существительными только мужского, только женского или только среднего рода; ср. пример со словами *супруг* и *супруга*. Чтобы в речевом использовании выразить отношение к грамматическим категориям числа или рода, при местоименных существительных широко используются синтаксические средства — согласуемые слова.

Местоименные прилагательные *какой, который, чей, каков, этот, каждый, другой, самый* и др. обладают главными свойствами прилагательных — морфологическими словоизменительными категориями числа, падежа, рода. Формы степеней сравнения у этих местоимений отсутствуют. Ослаблено противопоставление полной и краткой форм в пределах одного слова. Это проявляется в том, что местоимение *каков* передаёт указание на качество и вопрос о качестве, а местоимение *какой* передаёт не только это значение, но и значение указания на любой, не обязательно качественный признак. Ср. сходное отношение, например, между личными местоимениями *он* и *они*: *они* может указывать не только на множество предметов, но и на предмет, выраженный существительным *pluralia tantum*. Местоимения *чей, мой, твой, наш, ваш, свой* с морфологической точки зрения репрезентируются относительно-притяжательными прилагательными типа *волчий, лисий*, с которыми совпадают по типу

склонения и которые по семантике выражают принадлежность. Местоимение *который* по морфологическим свойствам и по семантике соответствует порядковым числительным (со значением 'какой по порядку или какой именно из нескольких').

Неочевидность, своеобразие грамматического соотношения русских местоимений с репрезентирующими их словами других частей речи обнаруживаются при сравнении репрезентаций местоимений в разных языках. Так, детализация выражаемых значений личных местоимений различна в разных языках [Майтинская 1969: 141—142]: в американском черокезском языке употребляется девять разных местоимений 3-го лица (в зависимости от того, стоит ли, сидит ли, ходит ли и т.д. лицо, о котором говорится); в североамериканском языке квакиутль имеется одно личное местоимение для 1-го лица, одно для 2-го лица, но семь личных местоимений для 3-го лица, которые различаются по указанию на степень удалённости, по видимости или невидимости лиц, а также по их присутствию или отсутствию. Противопоставления по видимости — невидимости, известности — неизвестности в личных местоимениях отсутствуют в русских личных местоимениях, но встречаются в личных местоимениях других языков. В английском языке разделение денотатов на людей и не-людей выражается разными личными местоимениями 3-го лица: *he, she* (люди) ↔ *it* (не-люди) [Майтинская 1969: 165]. Очевидно, эти различия влияют на метаязыковые особенности местоимений разных языков и отражают некоторые особенности разных языковых картин мира.

Таким образом, при рассмотрении русских местоимений в их соотношении со словами других частей речи обнаруживаются следующие факты.

С одной стороны, наблюдается некоторое упрощение морфологических свойств местоимений по сравнению с репрезентирующими их существительными и прилагательными (ослабленные свойства местоимений как форм морфологического словоизменения у слов *он, она, оно, они, какой, каков*; отсутствие морфологических форм словоизменения у некоторых местоименных существительных).

С другой стороны, особую значимость приобретают свойства местоимений как лексических единиц, обобщающих лексико-грамматические классы слов (местоимение *я* обозначает класс, состоящий из одного объекта, т.е. единичный уникальный объект — говорящий с точки зрения себя самого; местоимение *ты* обозначает также единичный уникальный объект — единственный собеседник говорящего; местоимение *мы* обозначает множество лиц, включающее говорящего; и т.д.). По-видимому, данные местоименные лексические единицы выделяют и подчёркивают роль некоторых элементов грамматической системы в создании языковой картины мира. В этом проявляется метаязыковая функция местоимений по отношению к репрезентирующим словам разных частей речи. С точки зрения носителей языка важно выделить единичные объекты, обозначающие говорящего и его собеседника, множества объектов, сформированные по разным принципам, признаки объектов, которые могут выражать качества объектов, принадлежность объектов, порядковый номер объектов в некотором их наборе. Возможно, метаязыковые свойства местоимений могут быть использованы для изучения когнитивных процессов формирования, бытования и функционирования языка.

Список литературы

1. Виноградов С.Н. Процессы категоризации в системе частей речи // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: колл. монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 76—99.
2. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии): монография. М.: Высшая школа, 1986. 280 с.
3. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1983. 231 с.
4. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
5. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1981.

- Вып. 515. Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам XII. С. 3—7.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
 7. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 307 с.
 8. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Академия, 2004. 432 с.
 9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. 960 с.
 10. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
 11. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 167 с.

© *S.N. Vinogradov*

METALANGUAGE FUNCTION OF PRONOUNS (based on russian pronominal nouns and pronominal adjectives)

The purpose of the article is to consider Russian pronominal nouns and pronominal adjectives in the aspect of their metalanguage properties in the Russian grammatical system. The material was analyzed using a cognitive method, a descriptive method, and a technique of intra- and inter-language correlation. Metalanguage properties of pronouns are characterized. Pronominal nouns and pronominal adjectives are units (fragments) of the metalanguage that describes grammatical and lexical-grammatical classes in the Russian language. As a result of studying the metalanguage properties of pronouns, there is some simplification of the morphological properties of pronouns in comparison with their representative nouns and adjectives. The properties of pronouns as lexical units that generalize lexical and grammatical classes of words that are not traditionally distinguished in Russian grammar are of particular importance. Apparently, pronouns reflect the role of certain elements of the grammatical system in creating a language picture of the world, the peculiarity of which is revealed when comparing representations of pronouns in different languages.

Keywords: pronouns, parts of speech, metalanguage, representation, language picture of the world.

ЧИСТОТА РЕЧИ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА С XVIII ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Основной целью работы является характеристика понятия «чистота речи». Рассматривается эволюция термина с XVIII века до наших дней, подробно анализируются отношения между чистой речью и правильностью. Делается вывод о том, что чистота речи связана с ее правильностью и базируется на ней. Используются описательный и сравнительно-исторический методы критического освоения научной литературы, в которой описаны коммуникативные качества и достоинства речи.

Ключевые слова: чистота речи, правильность речи, коммуникативные качества речи, эволюция термина.

1. Понятие «чистота речи»

Лингвисты-русисты выделяют чистоту как особое качество речи, но, в сущности, чистота — это одно из проявлений правильности, которая влияет на соблюдение лексических, синтаксических и произносительных норм, потому что чистой называется речь, свободная от лексики, находящейся вне русского литературного языка: паразитических слов, варваризмов, диалектизмов, жаргонизмов, ошибочно построенных синтаксических конструкций, нарушений норм произношения. Чистота как коммуникативное качество или достоинство речи основывается на языковых нормах, проявляясь обычно на речевом уровне.

Чистота — это качество речи, которое оказывается самым заметным для слушателей, если его не соблюдать. Чистая речь — это речь, в которой отсутствуют не только языковые элементы, чуждые литературному языку, но также слова и словосочетания, отвергаемые нормами морали. Чистота речи

предполагает соблюдение не только языковых (прежде всего стилистических в области словоупотребления и произношения), но и этических норм.

Чистота речи предполагает стилистически обоснованное использование литературных норм языка и отсутствие неоправданного использования иноязычных слов и выражений, речевых штампов, внелитературных языковых элементов (диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы, вульгаризмы и т.д.).

Отсутствие чистоты речи может вызывать раздражение, так как употребление определенных «нечистых» средств вызывает этическое и эстетическое «отвращение» и неприятие, а это, безусловно, сказывается на коммуникативных отношениях и взаиморасположенности партнёров общения друг к другу.

На современном этапе развития общества нарушение чистоты речи может указывать на ее шаблонность, ведущую к обеднению речи, косноязычию и засорению нелитературными элементами. Это относится и к ненужному употреблению иностранных слов, и, как это ни парадоксально, к редуцированным элементам речи. Известный лингвист Б.Н. Головин указал данную особенность этих полярных слоев. По его мнению, чистота как коммуникативное качество речи может быть интерпретирована и описана на основе соотнесения речи с литературным языком и нравственной стороной человеческого сознания. Чистой можно назвать такую речь, которой свойственны элементы хорошего литературного языка (в первую очередь слова и словосочетания) и элементы языка, утверждаемые нормами морали.

Эволюция коммуникативных качеств речи от античности до наших дней с подробным описанием основных из них прослежена в фундаментальной работе В.И. Аннушкина «Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции», где исчерпывающе перечислены классические термины, претендующие на названия качеств речи, новые терминологические именованья, а также не-термины, способные обозначать свойства и характеристики речи [Аннушкин 2019].

2. Чистота речи в XVIII веке

В зарождающейся науке о русском языке в XVIII веке теория качеств речи представлена, скорее, имплицитно, чем явно, но многие качества уже называются в разделе риторики, касающемся украшения речи.

Так, чистота речи обсуждается в работах М.В. Ломоносова. Его «Краткое руководство к красноречию» явилось первой научной книгой по риторике как науке и искусству хорошей (убедительной, украшенной) речи. Он полагал, что чистота зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые «говорят чисто» [Ломоносов 1952: 236]. Первое требует «изучения правил грамматических», для второго нужен выбор из книг «хороших речений, пословиц и поговорок», для третьего — старание о «чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают» [Ломоносов 1952: 236—237].

3. Чистота речи в XIX веке

В конце XVIII — начале XIX века ситуация сильно изменилась с появлением словесности. В России риторика получила быстрое развитие. Такие учёные, как А.И. Галич, И.И. Давыдов, А.Ф. Мерзляков, Я.В. Толмачев, Н.Ф. Кошанский, И.С. Рижский, М.М. Сперанский и др., систематически писали в учебниках риторики о качествах (достоинствах, совершенствах) речи, которые должны быть в образцовых литературных и ораторских текстах. В конце XVIII — начале XIX века наибольшее внимание чистоте речи было уделено в трудах И.С. Рижского и Н.Ф. Кошанского.

Профессор Санкт-Петербургского Горного Шляхетного корпуса И.С. Рижский являлся одним из первых реформаторов новой словесности и автором фундаментального «Опыта риторики» 1796 года. Среди главных «совершенств слова» он перечислял следующие: чистота языка, правильность слов и выражений, точность, ясность, плавность, благоразумное

использование орнаментов. Эти совершенства происходят от «выражений», а сами совершенства являются «украшениями» речи.

Первое, к чему призывает И.С. Рижский, — «досконально знать свой родной язык», о котором он считает «говорить излишним». Это знание «нарушается, когда мы употребляем»: 1) вместо естественной речи иностранную, например, *моральный* вместо *нравственный*; 2) сочетание слов, противное грамматическим правилам русского языка; 3) чрезмерное употребление иностранных выражений, общеупотребительных, новых и даже после «славянорусского» — «чисто российское» [Граудина 1996: 91—92]. Несмотря на то, что ряд требований выглядит преувеличенным, в их перечне нетрудно увидеть те требования к правилам и нормам употребления, которые до сих пор присутствуют в современной русской теории речи.

Н.Ф. Кошанский, основной профессор российской и латинской словесности в Царскомесельском лицее, продолжал традиции М.В. Ломоносова и И.С. Рижского. В своем учебнике «Общая риторика» 1829 г. (этот учебник выдержал 10 переизданий до 1849 года) Н.Ф. Кошанский исчерпывающе описал качества речи, выделив следующие шесть «достоинств слога»: ясность, приличие, чистота, плавность, гармония и украшение. Очевидно, что они являются тем, что мы называем сегодня коммуникативными качествами речи.

Некоторые называют чистоту речи правильностью, а другие — отделкой. Но Н.Ф. Кошанский четко разграничивает их роли: правильность — «основание чистоты», а отделка служит «средством достижения чистоты, состоящей в словах и выражениях» [Кошанский 1829: 99]. Чистота слога требуется в «словах лучших», выражениях и способах соединения слов наилучшим образом. Как И.С. Рижский, Н.Ф. Кошанский замечает, что чистота нарушается словами низкими, или площадными; обветшалыми (архаизмами) или вышедшими из употребления;

чужестранными; провинциальными; техническими; новыми или неудачно составленными; славянскими «не у места» [Кошанский 1829: 86—99].

4. Чистота речи в начале XX века

Теория коммуникативных качеств речи, представленная в современных отечественных исследованиях, берёт своё начало в работах предшественников. Например, известные советские лингвисты В.И. Чернышев, Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, А.Н. Гвоздев и др. касаются вопросов качества речи в большей или меньшей степени.

Книга «Правильность и чистота русской речи: опыт русской стилистической грамматики» В.И. Чернышева впервые была опубликована в 1909 г., переиздана в 1911 и 1914 гг. Эта книга явилась новаторской и стала классикой для последующих поколений специалистов по культуре речи. Чтобы понять, какую революцию совершил В.И. Чернышев, необходимо сопоставить суждения «словесников» начала века и концепцию В.И. Чернышева. Он обобщил в полной и законченной теории основные случаи «правильности/неправильности» в русской речи [Чернышев 1909].

Новаторство В.И. Чернышева заключалось в том, что он предложил новое название этой дисциплине, назвав её «стилистической грамматикой» [Основы культуры речи 1984: 44]. Начало книги В.И. Чернышева характерно: «Первоначально стилистика не затрудняется решением вопроса о правильности и чистоте русской речи» [Основы культуры речи 1984: 45]. Но слово «чистота» встречается только в названии книги В.И. Чернышева, а в дальнейшем он нигде не упоминает его в тексте.

Учёный-методист начала XX века В.Я. Яковлев также высказал свое мнение о чистоте речи. По мнению В.Я. Яковлева, «совершенно чистым» считается язык, когда «все слова и выражения принадлежат к родной речи, общеприняты и общепонятны» [Яковлев 1907: 18]. Вместе с тем для учёных и педагогов начала XX века было очевидно, что «язык постоянно развивается по

количеству слов, что одним из средств его развития является заимствование иностранных слов: следовательно, с самых первых этапов народной жизни в язык начинают проникать инородные примеси, не относящиеся к родной речи. С течением времени количество этих инородных примесей все более и более увеличивается, служа обогащению языка, выражению новых понятий, усваиваемых народом» [Яковлев 1907: 18]. В.Я. Яковлев сделал оригинальный вывод: совершенная, безусловная чистота литературного языка недостижима, и стремление к такой чистоте может принести гораздо больше вреда, чем пользы... Но если абсолютная чистота языка невозможна, то относительная чистота не только возможна, но даже обязательна [Яковлев 1907: 18—19].

5. Взаимоотношения между чистотой с правильностью речи

При оценке речи часто используют следующие характеристики: точное, ясное, выразительное, неточное и др. Это свидетельствует о том, что речь объективно содержит признаки, которые в теории речевой культуры называются коммуникативными качествами речи. К коммуникативным качествам речи в современной русистике принято относить правильность, ясность, точность, чистоту, логичность, выразительность, насыщенность и уместность. Все эти качества речи взаимосвязаны и взаимозависимы, но каждое из них проявляется в речи в различных пропорциях с другими свойствами речи.

Профессор Б.Н. Головин предложил теорию объяснения основных коммуникативных качеств речи и их системных связей. Теория основана на систематическом отношении речи к тому, что находится за ее пределами. Это отношение речи к языку, мышлению, действительности и условиям общения [Головин 1988: 16].

Правильность речи — это структурное коммуникативное качество речи, первый этап речевой культуры. Если соблюдаются правила и законы современного литературного языка, то речь будет являться правильной. Наверное, самое главное качество

речи — это правильность, хотя и не единственное, но главное коммуникативное качество, потому что именно правильность речи обеспечивает взаимопонимание между участниками коммуникации. Если нет правильности, то не могут срабатывать другие коммуникативные качества: точность, логичность, чистота, уместность и т.д.

Правильность речи — это соблюдение общепринятых, устойчивых, упорядоченных установок, правил или принципов использования всего арсенала средств русского языка в речи. Иными словами, правильность — это соблюдение всех норм русского литературного языка. Правильность речи уравнивает всех носителей данного языка и тем самым обеспечивает универсальность и легкость общения. В то же время правильность речи является показателем престижа: владение литературной нормой свидетельствует не только о высокой культуре речи говорящего, но и о высокой общей культуре, об уважении к родной культуре в целом.

Правильность речи составляет основу, фундамент культуры речи личности, но не её жёсткие рамки. Нормативность высказывания корректируется конкретными этическими, ситуативными, эстетическими факторами, которые могут влиять на правильность, чтобы уступить место неправильности.

Определение правильности речи как ее основного коммуникативного качества можно считать общепризнанным в науке и вполне понятным: «правильность речи — это соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам» [Головин 1988: 20]. «Правильность как качество речи понимается на основе отношения “речь — язык”, потому что оно основано исключительно на лингвистических факторах. Правильная речь — это та структура, которая соответствует нормам литературного языка» [Головин 1988: 80].

Как отмечалось выше, критерием правильности является соответствие речи системе языка, ее законам и нормам. «Языковые нормы коммуникативно ориентированы, т.е. их цель — сделать общий языковой код единым и тем самым способствующим

наиболее полному взаимопониманию» [Ипполитова, Князева, Савова 2008: 285]. Одной из основных функций правильности речи в общении является то, что она делает речь понятной, т.е. облегчает восприятие информации адресатом; другая функция заключается в создании образа языковой личности путем отражения уровня ее знаний о языке.

Правильность речи является главным условием речи, обеспечивающим взаимопонимание в процессе успешного общения.

Русский язык — один из тех языков, которые обладают наибольшей информативностью и коммуникативным удобством, богатой литературной традицией и огромным словарным запасом. Однако следует отметить, что при выборе слов необходимо учитывать такое особое качество речи, как чистота. Чистота — это структурное коммуникативное качество речи, второй этап речевой культуры. Чистота речи является показателем не только речевой культуры человека, но и его общей культуры в целом. Нарушение чистоты речи вызовет засорение речи нелитературными элементами, развитие нежелательных речевых навыков и бедности речи. Это относится к употреблению неоправданного количества иностранных слов, особенно варваризмов, лишаящих речь общего понимания, например, когда употребление иностранного слова, не принятого литературным языком, идет в пользу моды.

Это качество речи неразрывно связано с ее правильностью и основано на ней. Эта связь выражается в том, что чистота речи в произношении достигается строгим соблюдением орфоэпических норм: то, что соответствует нормам орфоэпии, признается правильным и чистым.

Список литературы

1. Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 88 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988. 320 с.
3. Граудина Л.К. Русская риторика: хрестоматия. М.: Просвещение, 1996. 559 с.

4. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи. М.: Проспект, 2008. 448 с.
5. Источники и причины засорения речи. URL: <https://www.skachatreferat.ru/refekaty/Istochniki-i-Prichiny-Zasoreniya-Rечи/207438.html>
6. Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1829.
7. Культура речи и деловое общение. URL: http://culturarechi.blogspot.com/2020/05/blog-post_27.html
8. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. М.; Л., 1952. Т. VII.
9. Основы культуры речи: хрестоматия / сост. Л.И. Скворцов. М.: Высшая школа, 1984. 312 с.
10. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1909.
11. Яковлев В.Я. Учебный курс теории словесности. 7-е изд. СПб., 1907.

© Wen Suya

PURITY OF SPEECH: THE EVOLUTION OF THE TERM FROM THE 18th CENTURY TO THE PRESENT DAY

The main purpose of this paper is to characterize the concept of “speech purity”, consider evolution of the term from the XVIII century to the present day, and also analyze in detail the relationship between purity of speech and correctness. The article uses descriptive and comparative-historical methods of critical development of scientific literature, which describes the communicative qualities and dignity of speech. A detailed description is given to the term purity of speech, which was described by the outstanding Russian philologists M.V. Lomonosov, N.F. Koshansky, V. Yakovlev and others. It is concluded that the purity of speech is related to its correctness and is based on it.

Keywords: purity of speech, correctness of speech, communicative qualities of speech, evolution of the term.

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИННОВАЦИЙ¹

Цель статьи — рассмотрение ярко выраженных тенденций в области современного русского словообразования. Выявление тенденций осуществлено на основе анализа тематической группы неологизмов с идеографическим маркером «пандемия ковид-19». Объем тематической группы (1000 неолексем) и разнообразие словообразовательных способов и средств, при помощи которых созданы новые лексические единицы, представляются релевантными для решения исследовательских задач. Общий удельный вес дериватов свидетельствует о том, что словопроизводство остается главным ресурсом лексического обновления русского языка. Прочность и гибкость системы аффиксальных словообразовательных типов подтверждается корпусом производных слов, образование которых осуществлено с помощью разнообразного ассортимента аффиксов, в том числе новых формантов. Безаффиксное словопроизводство представлено значительным количеством сложных слов. Основной вывод исследования заключается в том, что сложение слов на основе различных моделей занимает ведущие позиции в системе русской деривации и становится стандартной процедурой процесса номинации.

Ключевые слова: неологизм, словообразование, деривация, сложные слова, аффиксы, семантика, тематическая группа.

Наблюдения за процессами лексического обновления в современном русском языке убеждают в необходимости специального внимания к большим и целостным тематическим группам

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века»).

инноваций. Грамматические и семантические свойства входящих в состав такой группы языковых единиц, их функциональные характеристики, а также особенности процедуры пополнения группы новыми тематизмами выступают в качестве признаков, очерчивающих направления и содержательные рамки основных векторов языковой динамики. Перспектива результативного анализа такой тематической группы как отражающей важнейшие тенденции современного русского словообразования видится несомненной.

Базовым материалом для нашего анализа служит тематическая группа неологизмов, появившихся в русском языке в *эпоху коронавируса* и принадлежащих семантическому полю *«пандемия ковид-19»*.

Можно отметить несколько преимуществ названной группы, формирующейся с высокой скоростью, буквально на наших глазах, в течение нескольких месяцев 2020 года. Прежде всего, эта группа имеет хорошую референтную основу, которая в самом общем виде есть модель жизнедеятельности общества в определенных условиях и на протяжении определенного отрезка времени. Поэтому тематическая группа структурно представляет собой объединение нескольких подгрупп, выступающих как проекция профильных (медицинских) и внепрофильных (социальных и бытовых) категорий концепта «жизнедеятельность общества во время пандемии».

Весомым преимуществом группы являются ее количественные показатели, поскольку объем анализируемых инноваций измеряют 1000 неолексем (выборка произведена А.Ю. Кожевниковым; работа по структурированию и пополнению словаря продолжается). Неолексемы извлечены из широкого круга письменных источников, представляющих как официальный институциональный дискурс, так и неофициальный дискурс межличностной коммуникации.

Словник включает лексические единицы, получившие распространение и тяготеющие к узуальности, и лексические единицы, имеющие статус окказиональных и индивидуально-

авторских. Неолексемы демонстрируют широкий диапазон словотворческих возможностей и русского языка, и говорящих на нем.

Показательны общие статистические данные материала, предусматривающие исходное типологическое разделение неолексем на заимствованную лексику, словообразовательные и семантические дериваты.

Состав заимствованных лексем с иноязычными основами представлен небольшим перечнем. В него входят интернациональные номинации *ковид*, *коронавирус* (по сведениям А.Ю. Кожевникова, термин *коронавирус* употребляется в специальной литературе начиная с 1954 года; термин *коронавирус* используется с 1971 года; номинации обозначают группы вирусов). Из английского языка заимствованы сложные слова с основой *ковид*: контаминанты *ковидиворс* (от *covidivorce*, соединения *covid* и *divorce*, номинации развода супругов во время пандемии); *ковидиот* (от *covidiot*, негативно-оценочной номинации человека); *локдаун* (от *lockdown*, номинации режима ограничений для действий людей); *думскроллинг* (от *doomscrolling*, словосложения *doom* [‘гибель, судьба, рок’] и *scrolling* [‘прокрутка’], номинации поведения человека, занятого просматриванием негативных новостей); *зум* (от *Zoom*, наименования коммуникационной интернет-платформы), *корониал* (от *coronial*, номинации ребенка, зачатого или рожденного во время пандемии коронавируса), *карантье* (от соединения *quarantine* и *rentier*, обозначающего человека, сдающего собаку в аренду для прогулок) и др.

Значительную часть словника, свыше 800 единиц (более 80%), образуют дериваты, созданные от новых и известных основ при помощи аффиксальных моделей или при помощи безаффиксных способов (сложения, сокращения и контаминирования компонентов слов, конверсии), в том числе смешанных. Таким образом, материал анализируемой тематической группы, а точнее большой удельный вес в ней дериватов, свидетельствует в пользу заключения о том, что словопроизводство остается главным ресурсом лексического обновления русского языка.

Красноречивы и статистические данные о соотношении рядов производных слов.

Дериваты, при создании которых были задействованы аффиксальные способы, составляют долю в 15%. Здесь кратко отметим, что производные имена существительные, прилагательные и глаголы образованы с помощью разнообразного ассортимента аффиксов, при этом можно фиксировать факты наличия новых формантов (ср. новообразование *зуминар*, подобно лексеме *вебинар*, апеллирующей к *семинар*, содержит компонент, обретающий признаки аффиксоида) и активизацию морфем, используемых при образовании экспрессивных производных (ср.: *ковидец*, *ковидаст*). Все это говорит о том, что русская система аффиксальных словообразовательных типов сохраняет свою прочность и гибкость, а главное — способность удовлетворять разнообразные номинативные потребности носителей языка.

Объем производных единиц, образованных путем сложения слов (в том числе с использованием смешанных способов и путем контаминирования компонентов слов), измеряется долей, равной 85%. Этот высокий показатель поддерживают и «внутренние» статистические данные о количестве производных с учетом их морфологической принадлежности. Сложные существительные образуют самую большую группу — около 85% от всего состава производных существительных. Преобладание сложных прилагательных выражено пятой частью всех производных единиц в группе. Сложные глаголы также входят в словник, что заслуживает упоминания, поскольку глаголы не принадлежат категории слов, при создании которых практикуется хотя бы сравнительно активное соединение двух основ.

Очевидно, что различные типы сложных слов высвечивают магистральную линию русского словообразования, или мощное, сильное течение, аккумулирующее влияние образцов из европейских языков и продуктивность собственного потенциала.

Если обращаться к анализу семантических и функциональных особенностей сложных дериватов, то вновь укажем на ко-

личественные значения, немаловажные для начального этапа наблюдений. Дело в том, что тематическая группа включает протяженные ряды дериватов разных типов, восходящие к нескольким активным основам. Среди них первенствующие позиции предсказуемо занимают основы ключевых номинаций: *ковид*, *коронавирус*, *карантин*. В многочисленных гнездах, объединяющих производные от этих основ, заметно выделяются именно сложные слова.

Как показывает анализ рядов, сложные слова могут быть сгруппированы в зависимости от того, к какой категориальной или тематической идее концепта, обозначенного основами или одной из основ, они тяготеют.

В частности, сложные дериваты с основой *ковид* эксплицируют такие аспекты, как характеристики инфекционного заболевания, его симптомы и последствия (*ковид-инфекция*, *ковид-пневмония*, *ковид-обморок*, *ковид-летальность*); этапы пандемии (*ковид-волна*, *ковид-вспышка*, *ковид-затишье*, *ковид-пауза*); пациенты (*ковидоносите́ль*, *ковидопереносчик*, *ковид-пациент*, *ковид-больной*, *ковид-подозрительный*, *ковид-чистый*); медицинские учреждения (*ковид-больница*, *ковид-госпиталь*, *ковид-отделение*, *ковид-реанимация*, *ковид-обсерватор*); диагностика заболевания (*ковид-тест*, *ковид-положительный*, *ковид-плюс*, *ковид-позитивность*, *ковид-подобный*); профилактика заболевания (*ковид-вакцинация*, *ковид-карантин*, *ковид-дистанция*, *ковид-ограничения*); поведение, социальная позиция и профессиональная деятельность людей во время пандемии (*ковид-этикет*, *ковид-диссидент*, *ковид-нарушитель*, *ковид-отрицание*, *ковид-психоз*, *ковид-истерика*, *ковид-вечеринка*, *ковид-дискотека*).

Сложные слова с основой *коронавирус* с меньшей четкостью, но последовательно репрезентируют те же аспекты: *коронавирус-возбудитель*, *коронавирус-изоляция*, *коронавирус-памятка*, *коронавирус-эпидемия*, *коронавирус-отрицательный*, *коронавирус-инфицированный*, *коронавирус-кризис*, *коронавирус-экономика*, *коронавирус-удаленный*. Одновременно производные

ряда соотносятся с иными референтными участками, например «СМИ, средства массовой коммуникации»: *коронавирус-новости, коронавирус-обзор, коронавирус-мониторинг, коронавирус-тематический*, в том числе научные термины *коронавирус-дискурс, коронавирус-дискурсия*, используемые применительно к публицистической речи.

Сложные образования с аббревиатурным формантом **КВИ** (сокращение сочетания *коронавирусная инфекция*) демонстрируют такую же аспектную категоризацию, как и производные с основами *ковид* и *коронавирус*: *КВИ-больной, КВИ-госпиталь, КВИ-инфекция, КВИ-лаборатория, КВИ-отделение, КВИ-палата, КВИ-пациент, КВИ-пневмония, КВИ-положительный, КВИ-тест*.

Сложные слова, образованные от основы **карантин**, пополняют список уже существующих производных, в основном прилагательных, среди которых есть слова с длительной историей и слова, появившиеся совсем недавно. Основа *карантин* выступает в них как обозначение комплекса профилактических мер, применяемых в разных сферах и в отношении разных объектов (людей, предметов и т.п.): *карантинно-таможенный, карантинно-провизорный, карантинно-санитарный, санитарно-карантинный, ветеринарно-карантинный, карантинно-профилактический, карантинно-изоляционный [пруд], карантинно-ограничительный [мероприятия], карантинно-пограничный, охранно-карантинный [пояс]*, в том числе *карантинно-пересыльный [пункт], карантинно-прогонный, карантинно-распределительный*.

Лексема **карантин** в эпоху *коронавируса* употребляется в качестве узкоспециального медицинского термина, обозначающего комплекс мероприятий лечебно-профилактического назначения, а также в качестве номинации повсеместных ограничительных мер, применяемых во время пандемии в разных сферах общественной и частной жизни людей. Основа *карантин*, таким образом, реализует широкое понятийное значение, а, соответственно, сложные слова, включающие эту основу, экс-

плицируют множественные аспекты названного понятия. Отметим некоторые из них: суть, происхождение, предназначение карантина (*ковид-карантин, коронавирус-карантин, карантинорежим, санитарно-карантинный, карантинно-изоляционный*); карантин как период времени и отрезки этого периода (*карантинно-высокосный, карантинovýchодные, карантинобудни, карантиночас, карантинолето*); человек как субъект карантина (*карантинизолированный, карантинобязанный*); карантин как период времени в жизни человека и общества (актуализированное производное *карантикулы*, контаминация компонентов слов *карантин* и *каникулы*; *карантино-каникулы*); отношение людей к карантину, его восприятие и оценка (*карантинопаника, карантиноапокалипсис, карантиноистерия, карантиностресс, карантиноцирк; карантиномайдан*); человек с точки зрения его отношения к карантину (*карантинопоклонник, карантинострадалцы, карантинонарушитель*); поведение и образ жизни людей во время карантина (*карантиноотсиживать, карантиновирусовать, карантиновремяпрепровождение*); виды занятий людей, мероприятия во время карантина (*карантинокурсы, карантинотуризм, карантинотворчество, карантинопрогулка, карантинопати, карантинолук* [номинация внешнего вида человека; частных интерьеров], *карантинооке*); экономика в период карантина (*карантинокризис, карантинозамещение*).

Таким образом, при анализе сложных производных, входящих в состав тематической группы, проясняются существенные предпосылки их образования: любой из дериватов эксплицирует какой-либо аспект концептуальной сферы, заданной основой (основами). Это означает, что семантическая «раскладка» (категоризация) сложных дериватов системно предопределена. Эта системная ориентация проявляет себя и в тех случаях, когда определяющую роль играют дискурсивные факторы и появляются сложные новообразования (в частности, в медиатекстах), соединяющие названные основы с разнообразными корневыми или аффиксоидными морфемами.

В свете комплексного рассмотрения сложных дериватов не случайным видится появление и необычных производных, условно обозначенных нами как конструкторы: *ковид-как-он-есть*, *корона-сами-знаете-что* (обычно в изолированном употреблении в виде заголовка или в качестве компонента предложения: *По всем симптомам — ковид-как-он-есть*). Это окказиональные образования, но они выполняют типовую для сложных дериватов номинативную функцию: представляют — только в самом общем виде — референт как сущностное явление в совокупности характерных признаков.

Получает объяснение и наблюдаемый функциональный дрейф контаминированных производных — от экспрессивных новообразований, созданных в рамках языковой игры (ср.: *зумерничать*, *карантикулы*, *коронавасия*, *самоизоленга*, *расхламинго*, *вжоперти*), к новообразованиям, способным стать компонентом системно организованного лексикона (*зуминар*).

Анализ позволяет отметить и другие особенности процесса образования сложных слов, например активизацию моделей, отличающихся структурными особенностями и конкурирующих с синтаксемами. Так, сложные производные единицы появляются от основ причастных форм, по типу единиц терминологического вокабуляра медицинской сферы: *ковид-заболевший* (ср. *заболевший ковидом*), *ковидневерящие* (ср. *не верящие в ковид*), *коронаубивающий*.

Итак, магистральная линия современного словообразования формируется сложными словами и в результате совокупного действия сразу нескольких факторов. Это функциональные факторы, имеющие отношение к общей для европейских языков тенденции активного использования сложных слов разных типов. Это факторы, предопределяющие выбор экономных и при этом семантически насыщенных единиц в текстах массовой коммуникации. Это факторы, связанные со способностью именно сложного слова стать дифференцирующим наименованием для тех или иных объектов референтной базы. Сложные производные успешно выполняют номинативные и номинативно-

экспрессивные функции, и это во многом возможно благодаря композиционной семантике. При этом сложные производные, что отчетливо показывают единицы тематической группы, тяготеют к системности, системной мотивированности и языковых единиц, и процесса номинации. Сложение слов на основе различных моделей занимает все более прочные позиции в системе русской деривации и становится стандартной процедурой процесса номинации.

© *E.N. Gekkina*

MODERN RUSSIAN WORD FORMATION TENDENCIES IN THE MIRROR OF INNOVATIONS

The article describes modern trends in the Russian word formation. The trends were identified by analysis of the thematic group of neologisms with the ideographic marker “pandemic covid-19”. The volume of the thematic group (1000 neolexemes) and the variety of word-formation methods and means by which new lexical units are created seem to be relevant for solving research problems. The total share of derivatives indicates that word production remains the main resource for lexical renewal of the Russian language. The strength and flexibility of the system of affix word-formation types is confirmed by the corpus of derived words, the formation of which is carried out using a diverse assortment of affixes, including new formants. Affix-free word production is represented by a significant number of complex words. The main conclusion of the study is that the addition of words based on various models occupies a leading position in the Russian derivation system and becomes a standard procedure for the nomination process.

Keywords: neologism, word formation, derivation, compound words, affixes, semantics, thematic group.

© **Глазанова Евгения Валентиновна**
Санкт-Петербургский
государственный университет;
Институт лингвистических
исследований РАН

© **Руднева Екатерина Алексеевна**
Санкт-Петербургский
государственный университет;
Институт лингвистических
исследований РАН

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОПРОС О ПОНЯТНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА: ПРИНЦИПЫ ТИПИЗАЦИИ ОТВЕТОВ¹

Многочисленные работы, посвященные изучению языка официальных документов, базируются на анализе текстов, в первую очередь, их синтаксической композиции и лексики, а не на опросах обычных граждан, сталкивающихся с данными документами в реальной жизни. В рамках настоящего исследования изучалось восприятие носителями русского языка локальных актов в аспекте их перцептивной сложности. Респонденты отвечали на вопросы по фрагментам трех текстов, представляющих основные социальные сферы (здравоохранение, культура, образование): 1) информированному согласию на медицинское вмешательство, 2) правилам поведения в музее-заповеднике, 3) правилам поступления в вуз. Рассматриваются принципы типизации и кодирования ответов, полученных в ходе проведенного социолингвистического опроса 400 респондентов, а также стратегии заполнения анкеты и некоторые установки респондентов, выделенные в ходе предварительного анализа.

Ключевые слова: понятность официального языка, социолингвистический опрос о понятности языка, язык документов.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

В последнее время в большом количестве стали появляться «переводы» с официального языка на «простой» (например, в Интернете можно встретить «налоговый кодекс для чайников» или «44-ФЗ простым языком»). Это свидетельствует о сложностях, с которыми сталкиваются обычные носители при восприятии юридических документов. Помимо законов, к которым граждане вынуждены обращаться не так часто, в медицинских, культурных, образовательных учреждениях каждый неизбежно сталкивается с так называемыми «локальными актами» — различными правилами, договорами, соглашениями, изданными в конкретном месте.

Проблематика сложности официальных документов находится в центре внимания современных исследователей — юристов, лингвистов, социологов (см., напр., [Ткаченко 2017; Дмитриева 2017; Шашек 2017; Савельев 2018; Кучаков, Савельев 2018; Сложность российских законов... 2020], см. обзор в [Белов и др. 2018]). Опубликовано значительное количество работ, посвященных изучению стилистики, документальной/документной лингвистики, см., напр., [Муравьёва 2016]. Однако все эти исследования базируются на анализе именно текстов самих документов, в первую очередь с точки зрения их синтаксической композиции и лексики (см., напр., [Сложность российских законов... 2020; Кучаков, Савельев 2018]), а не на опросах носителей, имеющих дело с данными документами. Так, отмечается, что законодательные тексты усложняются с каждым годом [Сложность российских законов... 2020]. Между тем, говоря о том, что тексты являются сложными, можно задаться вопросом, для кого именно. Кроме того, в центре исследовательского внимания оказываются, как правило, законодательные акты, а не различные локальные документы, с которыми постоянно сталкиваются обычные граждане в общественных местах (нам не известны корпуса локальных актов, за исключением другого направления исследования, выполняемого в рамках гранта РФФИ № 19-18-00525 [Белов и др. 2018]).

Целью настоящего исследования является выяснить, насколько хорошо граждане РФ понимают тексты документов, а именно локальных актов. Представлялось интересным выявить перцептивно сложные языковые явления в документах; измерить компетенцию носителей; проверить наличие корреляции компетенции с социальными параметрами, опытом работы с документами и актуальной занятостью; описать установки и отношение носителей к вышеозначенным документам.

Анкета, использованная в данном исследовании, состояла из трех частей и содержала вопросы по фрагментам трех документов, представляющих основные социальные сферы, где взаимодействуют государство и граждане (здравоохранение, культура, образование): 1) информированное согласие на медицинское вмешательство, 2) правила поведения в заповеднике, 3) правила поступления в вуз. Анкету заполнило 400 респондентов (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 86 лет): 300 человек — в бумажном виде и 100 — он-лайн (https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc_2ROAWyJS9v6WYgfQ6rt3iewKNUqFpCFngydmHzO3QAejg/viewform).

В настоящей статье рассматриваются типизация и принципы кодирования ответов, полученных в ходе данного социолингвистического опроса. В анкету были включены вопросы разного типа:

1) вопросы по тексту, направленные на проверку понимания документа;

2) вопросы о языковых особенностях текстов, которые вызывают затруднения при чтении;

3) вопросы, направленные на проверку понимания более общих характеристик текста, как-то: его юридического смысла, организации информации, которая определяется более широким контекстом (например, о ходе лечения и возможности его изменения);

4) вопросы оценочного характера, выявляющие отношение носителей языка к документу в целом и его конкретным языковым особенностям;

5) вопросы, проверяющие отношение к правилам поведения в общественных местах и запретах.

Ответы на вопросы первых двух типов оцениваются в баллах, на основе суммы которых определяется компетенция респондента. Например, рассмотрим вопрос № 7 анкеты «Медицина»: *Какие риски угрожают Вам как пациенту, если Вы даете согласие на лечение, предлагаемое по договору? Перечислите их, пожалуйста, дайте ссылку на пункт.* За наиболее полный ответ по данному вопросу (со ссылкой на соответствующий пункт документа) респондент получал 2 балла (к примеру, за ответ типа *Осложнения после приема антибиотиков, анестезии, возможное перелечивание и потеря зуба. Пп. 2.7, 2.8, 2.9, 2.10, 2.11, 2.12*). Некоторые респонденты под рисками понимали, прежде всего, только финансовые, т.е. не считывали именно медицинский контекст данного вопроса, поэтому за ответ подобный следующему: *Увеличение платы, п. 2.14, навязывание услуг, п. 2.16,* — получали только 1 балл. Часть респондентов отвечала на вопрос, исходя из неких общих представлений, не ориентируясь в принципе на представленный им документ; за подобные ответы (например: *Никаких, если врач компетентен*) они получали только 0,5 балла. Кроме того, многие ответы содержали оценочные суждения и обобщения, например: *На основании пунктов 2.9, 2.10 и 2.11 халатность или ошибочные непрофессиональные действия лечащего врача, приведшие к отрицательным последствиям, могут быть необоснованно оправданы, якобы, объективными причинами: индивидуальными особенностями строения зубов пациента или последствиями прежних лечений зубов в других клиниках; на основании пункта 2.14 лечащий врач может без особой на то необходимости назначать новые лечебные процедуры, прежде непредусмотренные, и таким образом необоснованно повышать стоимость лечения,* но так как респондент ответил развернуто и со ссылкой на соответствующие пункты из документа, он тоже получал за подобный ответ 2 балла.

Приведем пример вопроса второго типа, выявляющего сложности, возникающие у респондента при чтении и восприятии документа, и его умение описать специфические языковые осо-

бенности: «Какие из пунктов этого Соглашения вызвали у Вас затруднения при чтении?» (вопрос № 2, анкета «Медицина»). Ответы большинства респондентов, прежде всего, включали примеры терминов, а также выражений, понимание которых было затруднено либо вызывало у них сомнение по причине отсутствия медицинского образования, например: *Возможность коррекции намеченного плана лечения в зависимости от ситуации, сложившейся в процессе его проведения, о чем меня уведомит врач; 2.9. Возможные осложнения: — определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики; Термины: эндодонтического лечения, 2.10. с сильной калификацией корневых каналов, 2.16. — ортопантомограмма; 2.2. Допустимость уточнения диагноза.* Подобные ответы, как уже говорилось выше, также оценивались в баллах, но помимо баллов получали еще и соответствующую кодировку txt или contxt в зависимости от того, отвечал ли респондент буквально по тексту (т.е. он ориентируется в документе и может найти необходимую информацию, сослаться на пункт) или отвечал, исходя из фоновых знаний и личного опыта.

Ответы на вопросы третьего типа, проверяющие понимание общих характеристик текста, обобщались в виде версий, которые отражают разброс мнений участников по определенной проблеме, а также работают как показатели уровня осмысления сложных тем. Например, среди ответов на вопрос № 6, анкета «Медицина» (*Какой смысл Вы видите в подписании подобного документа?*), выделялись следующие кодировки:

— *Подробное описание и побочные эффекты лечения* — версия «информировать пациента» (inform);

— *Снять с врача ответственность в случае осложнений или недовольства пациента, Врач со всех сторон положил себе соломку* — версия «обезопасить врача/клинику» (obezop);

— *Закрепление условий на бумаге, подспорье в возможных конфликтах между врачом и пациентом; Защита себя и своего здоровья* — версия «создать юридическую защищенность для пациента» (jur);

— *Смысла для меня нет* — версия «нет смысла» (critic).

В каждую из трех частей анкеты вошли вопросы четвертого типа, ответы на которые представляли мнения и оценочные суждения участников. Например, после прочтения информированного согласия, респондентам предлагалось указать: *Какое эмоциональное впечатление осталось у Вас после прочтения документа?* (вопрос № 5). За ответы на подобные оценочные вопросы баллы не выставлялись, но различные варианты распределялись на следующие три типа, отражающие определенное отношение респондента к прочитанному:

— негативное (negat) — например, ответы типа *После слов «калификация корневых каналов» готова на любое лечение (но здесь ли?), настолько страшно...; Страх. Очень много осложнений;*

— нейтральное (neutr) — например, ответы типа: *нормальный, никакого;*

— позитивное (posit) — например, ответы: *Четкий, конкретный документ. Эмоциональное впечатление — уверенность; вполне дружелюбный к человеку текст.*

Ответы на оценочные вопросы несут важную информацию о восприятии и интерпретации соответствующих документов и понимании их содержания. В зависимости от личного опыта респонденты обращают внимание на разные аспекты текста (его организацию, имплицитные значения, языковые особенности) и по-разному их оценивают. При этом зачастую конкретные эпитеты, которые представлены в ответах, являют собой некий континуум, который лишь условно можно разбить на означенные выше категории оценки (негативная, нейтральная или положительная). Так, например, среди ответов на вопрос № 13, анкета «Культура (Как бы Вы охарактеризовали тон обращения администрации музея к посетителям?)», встречались следующие характеристики: *абсолютно неуважительный; тон старой злой советской вахтерши; хамско-командный, официально-бессмысленный административный зуд; адекватно нейтральный, типичный тон для русского информационного листка; стандартный тон, ничего необычного; уважительный, доброжелательный, вежливый.*

По вопросам 5-го типа, которые были представлены только в анкете «Культура», выявлялась информация об отношении участников опроса к правилам поведения в общественных местах. По результатам анализа ответов было выявлено две основных стратегии: респондент а) ощущает себя обязанным следовать правилам, присоединяется к позиции органов учреждения культуры или б) имеет свое мнение, выражает несогласие в отношении тотальной запретности. Например, на вопрос № 10 (*Какие запреты, Вы считаете, можно было бы исключить ввиду малой вероятности таких действий? Может быть, какие-нибудь запреты стоило бы снять?*) четверть респондентов посчитали все запреты из длинного списка обязательными, т.е. демонстрируют стратегию первого типа.

Следует отметить, что одним из важным принципов типизации и кодирования всех ответов по всем трем анкетам стал «сквозной», т.е. на содержательно разные вопросы ответам могла присваиваться одна и та же кодировка, например, txt и contxt, jur, posit, neutr и negat, упоминавшиеся выше, а также critic (респондент критикует документ и его особенности (в вопросах, проверяющих понимание) или анкету), formal (респондент дает «пустой» ответ для отписки, который, тем не менее, нельзя признать неправильным, при этом баллы не «начисляются») и некоторые другие.

В ходе предварительного анализа ответов респондентов можно выделить следующие стратегии заполнения анкеты и некоторые установки респондентов:

— *Не имею право судить текст*, уважительное отношение к официально-деловому языку;

— *Официальный документ не обсуждается*, нейтральное отношение, отвечает строго по тексту, *эмоций нет*;

— формальное заполнение;

— критическое отношение к языку и формулировкам;

— не знакомы с форматом анкетирования (например, путают текст анкеты и текст документа).

Предварительный анализ полученных ответов также позволяет выделить некоторые определенные типажи респондентов на основании их отношения к запретам и языку официальных документов (например, считают обязательным соблюдение правил и считают, что правила необходимо оформлять в строгой форме; критически относятся к правилам, не считают обязательным их соблюдение, предпочитают краткие перечни в некатегоричной, вежливой форме). Дальнейший анализ результатов анкетирования позволит выявить языковые явления (термины, особенности структурной организации текста, стилистические особенности), сложные для восприятия, измерить понимание каждого из документов в баллах, оценить индивидуальную компетенцию респондентов, а кроме того проследить корреляцию всех данных характеристик с социолингвистическими параметрами участников, их опытом работы с документами и актуальной занятостью.

Список литературы

1. Белов С.А., Блинова О.В., Гулида В.Б., Зубов В.И., Ларионова Е.Ю., Толстикова П.С. Корпус русских локальных документов и актов CoRIDA: цели формирования, состав, структура // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2: тр. XXI Международ. объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество» (31 мая — 2 июня 2018 г.): сб. науч. ст. СПб.: НИУ ИТМО, 2018. С. 112—120.
2. Дмитриева А.В. «Искусство юридического письма»: количественный анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. Т. 118. № 3. С. 125—133.
3. Кучаков Р., Савельев Д.А. Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов / под ред. Д. Скугаревского. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.
4. Муравьева Н.В. Документная лингвистика. М.: Термика, 2016. 612 с.
5. Савельев Д.А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 26—44.

6. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
7. Ткаченко Н.В. Статистический анализ федерального законодательства. М., 2017. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf
8. Шашек В.В., Харченко Н.А. Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов (на материале статей Гражданского Кодекса Российской Федерации) // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1191—1196.

© *Glazanova E.V., Rudneva E.A.*

SOCILONGUISTIC SURVEY ON OFFICIAL LANGUAGE CLARITY: PRINCIPLES OF CODING ANSWERS

Numerous works devoted to the study of the language of official documents are based on the analysis of texts, first of all, their syntactic composition and vocabulary, and not on surveys of ordinary citizens who come across these documents in real life. Within the framework of this study, the perception of local acts by native speakers of the Russian language in terms of their perceptual complexity was studied. The respondents answered the questions about fragments of three texts representing the main social spheres (health, culture, education): 1) informed consent to medical intervention, 2) rules of conduct in a museum-reserve, 3) rules of admission to a university. The article discusses the principles of typing and coding answers received during a sociolinguistic survey of 400 respondents, as well as strategies for filling out the questionnaire and some of the respondents' attitudes, highlighted during the preliminary analysis.

Keywords: understandability of official language, sociolinguistic survey of understandability, language of documents.

© *Грачев Михаил Александрович*
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

ПРОЦЕСС И ПУТИ ПЕРЕХОДА КРИМИНАЛЬНЫХ ПИКТОГРАММ В ЗАКОНОПОСЛУШНУЮ СРЕДУ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Рассматриваются характеристики русских криминальных татуировок, их иерархическое значение для уголовного мира; криптолалическое значение для непосвященных и необходимость знания для правоохранителей. Цель статьи — анализ условий и путей перехода уголовных татуировок в общенародную молодёжную среду, степень влияния на криминогенную обстановку части законопослушного населения. В статье подчёркивается факт смешения молодёжных татуировок с уголовными. В исследовании также указывается на трудности при изучении татуировок. Особое место пиктограммы занимают при проведении судебной лингвистической экспертизы. Для подтверждения своих наблюдений автор приводит данные анкетирования различных групп студентов с ответами на вопросы о татуировках.

Ключевые слова: татуировка, пиктограмма, субкультура, профессиональная преступность, вор в законе, опознавательная функция, автороведческая экспертиза, проблема.

Уголовная субкультура — это образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся законов и традиций профессиональных преступников [Александров 2001: 8]. Изучение субкультуры помогает понять внутренние законы, по которым живёт криминальное сообщество, выявить определённую их эволюцию и духовные ценности [Александров 2008: 10].

К криминальной субкультуре относятся коммуникативные атрибуты: воровские правила поведения, арго, татуировки, клич-

ки (криминальные прозвища), условные обозначения, тарабарские языки, ношение одежды и проч.

Большинство криминальных татуировок имеет агрессивную направленность. Они изначально нацелены на стремление к лидерству в криминальном мире и обособлению от законопослушного общества. Несмотря на коммуникативную сущность и близость к арго (а то и переkreщивания с ним), мы считаем татуировки особой разновидностью субкультуры преступного мира. Поэтому и не включали их в арготические словари (см. [Грачев 1996; Грачев 2003]).

Пиктографические рисунки (татуировки), нанесённые на тело, являются частью криминальной субкультуры. Несомненно, ряд криминальных татуировок потерял своё значение и не воспринимается современным уголовным миром на свободе, особенно молодёжью, но их значения ещё твёрдо удерживаются в исправительных учреждениях. Для осуждённых они играют роль воровского закона, запрета-разрешения. Особенно это касается татуировок, которые наносятся насильно, или татуировок, имеющих отношение к высшей касте преступников — *ворам в законе*. И для осуждённых данные татуировки являются показателем определённого закона подчинения. В то же время криминальные татуировки являются знаком братства между *ворами в законе*. Перед кастами нижнего ранга *воры в законе*, благодаря своим татуировкам-регалиям на религиозную тему, в местах лишения свободы ведут пропаганду, оправдывающую действия профессиональных преступников и унижающую законопослушное общество. По их мнению, *воры в законе* — страдальцы за рядовых уголовников, незаконно отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Степень воздействия татуировок уголовника на окружающих зависит от среды. Наиболее концентрированно преступная среда имеет место в пенитенциарных учреждениях. Именно там носитель *воровских* татуировок может быть равным в группе *воров в законе* и хозяином над низшими кастами. И татуировки *вора в законе* могут воздействовать устрашающе (см. примеры: кинжа-

лы, воткнутые в голову, кресты, могилы, кладбища), на новичков, осуждённых в ИУ. Кроме того, данные татуировки имеют и воспитательно-идеологический характер. Например, у одного из *воров в законе* имелись следующие пиктограммы: знаки мастей карт — крести, распятый на кресте Иисус Христос, воин с флагом, на котором написано *ЧЕЛОВЕК* (в аргю — это ‘вор в законе’); афоризмы: *человек человеку волк*. Всё это показатели принадлежности к высшей касте криминального мира.

В то же время татуировки связаны с другими атрибутами уголовной субкультуры: аргю (см. лексическое значение слова *ЧЕЛОВЕК* — ‘вор в законе’), воровскими правилами, пословицами и поговорками.

В настоящее время элементы субкультуры преступного мира активно переходят в молодёжную законопослушную среду. Именно элементы криминальной субкультуры способствовали образованию таких сообществ, как АУЕ (арестантско-уркаганское единство). До сих пор в учебных заведениях в принудительном порядке собирают средства на помощь осуждённым, точно так же на рынках, в торговых киосках и т.д. Раньше изображение свастики у профессионального уголовника имело значение ‘ненавижу советскую власть’. Эту татуировку в интерпретированном виде наносят на тело представители ряда неформальных молодёжных объединений.

В целом их пиктограммы имеют агрессивный характер: у *скинхедов* они связаны с фашистской (националистической или расистской) символикой, см., например, изображение свастики, лозунги, направленные на уничтожение или изгнание представителей ряда народов с определённой территории; у *готов* татуировки связаны с некрофилией, у *панков* нательные изображения нередко перекрещиваются с тату уголовников, чаще представителей АУЕ, у фанатов футбола — агрессия против болельщиков других футбольных команд.

Криминальные татуировки имеют определённую систему, направленную на позиционирование как криминального авторитета и *вора в законе* (см. значение татуировок с изображением

Христа на фоне храма, распятого на кресте; воина, на флаге которого написано *человек*, т.е. вор в законе). Могут быть использованы целые композиции, например, щит норманнской формы, на котором зафиксирован орёл с распахнутыми крыльями и три короны — знаки, которые могут иметь только криминальные иерархи, в том числе и *воры в законе*.

На телах авторитетных профессиональных преступников отсутствуют пиктограммы, отражающие слабые стороны человеческой души. Их тату-изображения, высказывания и аббревиатуры — паспорт, который рисует образ криминальных иерархов, способных воровать, расправляться с низшими тюремными кастами, мстить. Данные татуировки крайне необходимы владельцам в тех местах, где осуждённые не знают их как *воров в законе*. Хотя это и маловероятно, так как осуждённые до прихода *авторитетного преступника* по своим каналам связи (*дороге*) уже получили информацию, что у них в ИУ будет отбывать наказание *вор в законе*.

Подводя итог, можно констатировать: криминальные татуировки представляют собой целостную систему, чтобы воздействовать на окружающих, показать себя как одного из иерархов криминального мира — *вора в законе*.

Если идеологические аспекты сходны у жертвы и представителя криминального мира, то последнему легче навязать представителю законопослушной части общества свою субкультуру. Особенный вред молодёжи наносит увлечение татуировками, в том числе и криминальными. Между тем значение ряда уголовных татуировок ещё является устойчивым: это касается тех рисунков, аббревиатур и высказываний, которые наносятся на тело насильно (например, изображение *бабочек* на теле женщины (что означает проститутку), *воровской короны* на спине (знак низшей касты в местах лишения свободы) и проч.).

Следует констатировать тот факт, что изучение криминальных татуировок лингвистами почти не проводится, несмотря на то что значительная их часть известна многочисленным оперативным работникам. Но здесь приходится говорить лишь о

внешней и количественной стороне вопроса. Качественную сторону пиктограмм должны изучать исключительно лингвисты.

Но имеются определённые трудности для изучения татуировок.

1. Это пиктографическое письмо требует непосредственного объяснения от самих носителей, для которых обмануть сотрудника правоохранительных органов считалось высшей доблестью. Например, изображение В.И. Ленина расшифровывалось как *Вождь Октябрьской революции*. Но если это выражение поставить следующим образом:

В

О

Р,

то получится *ВОР* — татуировка, характерная для воров в законе.

2. Сбор материала представляет определённую организационную трудность для лингвистов.

3. Для понимания точного смысла татуировок необходимо хорошо знать и другие элементы субкультуры преступного мира: арг, кинесику (жесты и мимику), условные и тарабарские языки, клички, блатные песни и особенно *воровские* законы. Эти элементы настолько тесно связаны между собой, что наблюдается проникновение из одной системы в другую.

4. Учётные карточки в местах лишения свободы ведутся с перечислением всех татуировок. Но документы с приметам преступников хранятся в ИУ не более десяти лет. Хотя у известных уголовников их надо хранить больше, так как система татуировок на теле профессиональных преступников — своеобразный паспорт его биографии.

5. Татуировка является характерной приметой внешности человека. Содержание, название, место расположения на теле учитываются в информационных центрах (ИЦ) и центрах оперативно-розыскной информации (ЦОРИ) УВД и МВД субъектов РФ и Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России. Однако в настоящее время самостоятельного учёта преступников только по татуировкам не существует.

6. Совершают ошибки и некоторые оперативные работники. При проведении одной из лингвистических экспертиз оперативный работник предложил автору статьи описать не только регалии профессионального преступника (*вора в законе*), но и татуировки, отражающие его слабые стороны, унижающие достоинство в криминальной среде. Я ответил, что если бы было что-то подобное, то он не мог бы получить статус *вора в законе*. Иными словами, чтобы правильно и качественно изучать криминальные татуировки, нужно хорошо знать историю преступности, в частности её законы. Это поможет избежать ряда ошибок.

«Рассматривая криминальную татуировку, приходится констатировать, что она является признаком социальной деформации личности. Преступная среда является опасной и агрессивной, вынуждает приспосабливаться, адаптироваться определённую часть спецконтингента, оказывающегося в её окружении» [Дубягина, Дубягин, Смирнов 2003: 78]

Главным отличием татуировок, сделанных профессиональными преступниками, от гражданских пиктограмм является то, что в них есть система: показан рост их авторитета. Это связано с тем, что *воры в законе* распространяют и защищают так называемую *воровскую идею*. Именно это отличает их от остального криминального мира. *Вор в законе* не имеет права допустить ошибок даже в татуировках. А ещё татуировки *вора в законе* и *авторитета* отражают временное нанесение татуировок, тогда как в системе гражданских тату этот диахронический аспект отсутствует.

Часть современной молодёжи считает, что татуировка — это разновидность *боди-арта*, т.е. вид авангардного искусства (**Боди-арт** (англ. *body art* ‘искусство тела’) — одна из форм авангардного искусства, сложившаяся в 1960-е годы. Главным объектом боди-арта становится тело человека, а содержание раскрывается с помощью невербального языка: поз, жестов, мимики, нанесения на тело знаков, «украшений» (см. [Википедия])).

Выпуск таких книг, как «Маникюр и татуаж для девочек», [Маникюр и татуаж для девочек 2000], говорит о том, что про-

блема нательных пиктограмм зашла слишком далеко. В книге, между прочим, используются и такие типы тату, которые имеют двусмысленность, например, изображения *бабочки* и *розы*. И это как для совершеннолетних, так и для несовершеннолетних девушек. Кроме того, некоторые правоохранители совершают ошибки, когда описывают криминальные татуировки как часть уголовной субкультуры, например, указывая на то, что сейчас в криминальных кругах за ложную татуировку не наказывают. Это не соответствует действительности [Тулегенов 2003]

Чтобы получить объективные знания об отношении молодёжи к татуировкам, автор статьи провёл анкетирование студентов юридического и филологического факультетов (итога — около 200 человек). Анкетирование анонимное, что создаёт объективные ответы по заданным вопросам. Были предложены следующие формулировки:

1. Как они относятся к татуировкам?
2. Знают ли они историю татуировок?
3. Смогут ли они отличить гражданские татуировки от криминальных?
4. Является ли система татуировок искусством?
5. Наносят ли татуировки вред?

На первый вопрос были получены, в основном, ответы: «положительно», «нейтрально», «безразлично, но наносить их на тело не буду». Были и такие ответы: «нанесение тату — это индивидуальное решение каждого человека». Лишь два утверждения из 200 были отрицательными. На второй вопрос был ответ у всех отрицательным. На третий вопрос часть будущих юристов отнеслась утвердительно («некоторые рисунки смогу отнести к уголовным, другие нет»), тогда как большинство будущих филологов историю татуировок не знала. Разнообразными были ответы на четвёртый вопрос: в целом большинство ответило положительно, но с дифференцированными ответами: «тату — искусство, несмотря на то что относится к субкультуре, считаю, что это культурный феномен», «это символ искусства (!)»; «это и мода и искусство», «тату — способ искусства; это и мода, и искусство», «тату может

быть украшением»; некоторые говорили, что это способ самовыражения. Среди них выделялась группа студентов, которые не считают тату ни модой, ни искусством. В основном, такие ответы принадлежали юристам. Были и такие формулировки: «отношусь к татуировкам отрицательно, но считаю их искусством»

Вред татуировок, по мнению студентов, заключается в следующем: «они мешают карьерному росту» (при разговоре со студентами о вреде татуировок они называли профессии, для которых тату являются неприемлемыми), «они вредят здоровью»; «некоторые впадают в зависимость от тату».

Это были ключевые вопросы. Группы студентов были выбраны не случайно: одна группа — будущие юристы, для которых знание татуировок необходимо в процессе работы, для других, филологов, это часть русского языка — пиктографическая. И знания о русском языке, да и о фольклоре были бы неполными без знания татуировок. Проблемы относительно татуировок, поставленные ещё в конце XX века (см. наши труды: [Грачев 1996; Грачев 1998; Грачев 2000]), не решены до сих пор.

Список литературы

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001. 152 с.
2. Грачев М.А. Жаргон и татуировки наркоманов: краткий словарь-справочник. Н. Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 1996. 89 с.
3. Грачев М.А. Язык смерти: жаргон и татуировка // Человек и здоровье. 1998. № 1.
4. Грачев М.А. Аббревиатуры-татуировки деклассированных элементов как лингвистический объект исследования // Виноградовские чтения: Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики: тезисы докл. науч. конф. (2 февраля 2000 г.). М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2000. С. 24—25.
5. Грачев М.А. Татуировки деклассированных элементов как лингвистический объект исследования // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. Вып. 4. Ч. 1. С. 29—37.

6. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ-Классик, 2003. 1190 с.
7. Грачев М.А. Лингво-юридический аспект изучения татуировок преступного мира // Право лінгвістика // Мат-ли междунар. науково-практ. конф.: у 2 ч. (18—21 вересня 2003 р.). Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. Ч. I. С. 41—49.
8. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Культ тату. М.: Юриспруденция, 2003. 240 с.
9. Маникюр и татуаж для девочек. М.: АСТ, 2000. 176 с.
10. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. 30 с.

© *M.A. Grachev*

THE PROCESS AND WAYS OF TRANSITION OF CRIMINAL PICTOGRAMS TO THE LAW-ABIDING ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION

The article discusses the characteristics of Russian criminal tattoos, their hierarchical significance for the criminal world, cryptolalic significance for the uninitiated, and the need for knowledge for law enforcement. The author analyzes the conditions and ways of their transition to the national youth environment, the degree of influence on the criminal situation of a part of the law-abiding population. The article highlights the fact that youth tattoos are mixed with criminal ones. The study also points to difficulties in studying tattoos. Pictographs have a special place in forensic linguistic expertise. To confirm his observations, the author provides data from a survey of various groups of students with answers to questions about tattoos.

Keywords: tattoo, pictographism, subculture, professional crime, thief in law, identification function, auto-expert examination, problem.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА¹

Выявлены и проанализированы основные тенденции в области терминологического заимствования в русском языке новейшего периода. Анализ выборки, полученной в результате обзора массовых источников и проверки первичного списка при помощи поисковой медийной системы «Интегрум», электронных ресурсов «Яндекс.Новости», «Google Books», «Национального корпуса русского языка», научной электронной библиотеки eLIBRARY с целью установления времени появления и динамики распространения новых терминологических номинаций в специализированной и общеупотребительной сферах, позволяет сделать ряд выводов. В начале XXI века развивается процесс интернационализации терминологических систем разных областей знания, усиливается роль английского языка в языке науки, что обуславливается социокультурными факторами, а также влиянием глобализации на языковые процессы. Основными тенденциями в новейшем терминологическом заимствовании являются: 1) переход от ориентации на интернациональную греко-латинскую базу к ресурсам английского языка; 2) возрастающая продуктивность 'кентаврического' способа образования терминологической лексики; 3) рост вовлеченности заимствованных компонентов на языке-источнике в деривационных процессах русского языка.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствования, термин, терминологическая лексика, специальная лексика, неологизм, неология.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта №20-512-23009 «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков».

Двумя наиболее активными тенденциями, характеризующими русский язык конца XX — начала XXI века, являются интенсификация процессов заимствования [Крысин 2006: 66] и насыщение универсального языка терминологическими новообразованиями. В частности, в словаре новых слов, отражающем период 50—60-х годов XX века («Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.»), содержится около 50% терминов [Котелова 2015: 197], что по словам Н.З. Котеловой «объективно отражает действительную картину» [Котелова 2015: 197]. По подсчётам В.М. Лейчика, в этом лексикографическом издании специальная лексика составляет около 80% словника [Лейчик 2007: 8], а в словаре, фиксирующем языковые изменения 70-х годов («Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов») — 74,4% [Лейчик 2007: 8]. Также, по разным данным, специальная лексика, вовлечённая в процессы неологизации общего языка, к концу XX века составила 80% [Сенько 1994: 79] — 90% [Липатов 1993: 4].

Предметом этого небольшого исследования являются заимствованные неотермины первых двух десятилетий XXI века, относящиеся к широкому спектру наук, таких как: биохимия, биоинженерия, генетика, геномная инженерия, микробиология, компьютерные, аддитивные технологии, экология, экономика и др. Лексика этих сфер была впервые собрана и проанализирована с целью выявления основных тенденций, характерных для специальных неологизмов иноязычного происхождения начала XXI века.

Ввиду того что в рамках работы над статьёй интерес вызывала специальная лексика, участвующая в процессах неологизации общего языка, источниками исследования послужили такие массовые, научно-популярные электронные версии газет, журналов, как «Аргументы и факты» (aif.ru), «Вечерняя Москва» (vm.ru), «Известия» (iz.ru), «Комсомольская правда» (kp.ru), «Московский комсомолец» (mk.ru),

«Независимая газета» (ng.ru), Рамблер-Новости (news.rambler.ru), «Лента» (lenta.ru), «N+1» (nplus1.ru), Хайтек+ (hightech.plus), Экология и жизнь (ecolife.ru) и др. После первичного отбора полученный словник был проверен при помощи поисковой медийной системы «Интегрум», электронных ресурсов «Яндекс. Новости», «Google Books», «Национального корпуса русского языка», а также научной электронной библиотеки eLIBRARY на предмет первичного упоминания в русскоязычных массовых и научных источниках и характера распространения. Те наименования, которые относились к предшествующему описываемому в статье периоду или упоминались только в специализированных источниках, были исключены, оставшиеся единицы были использованы для дальнейшего анализа.

Как показывает выборка, в период первых двух десятилетий XXI века в русском языке наиболее продуктивным способом адаптации иноязычных терминов и терминологических номинаций становится калькирование. К этой группе относятся: *биоzub* (от англ. biotooth), *бионические контактные линзы* (от англ. bionic contact lenses), *биопломба* (от англ. biofilling), *бумагофуга* (от англ. paperfuge), *генетический принтер* (от англ. gene printer), *генетический профайл* (от англ. genetic profile), *генетическое редактирование* (от англ. gene-editing), *генный драйв* (от англ. gene drive), *ДНК-нанобот* (от англ. DNA nanobot, DNA nanorobot), *ДНК-ножницы* (от англ. DNA-scissors), *ДНК-оригами* (от англ. DNA origami), *ДНК-профайл* (от англ. DNA-profile), *жидкая биопсия* (от англ. liquid biopsy), *зеркальные нейроны* (от англ. mirror neurons), *микрофлюидные технологии* (от англ. microfluidic technology), *микрофлюидные чипы* (от англ. microfluidic chips), *молекулярные ножницы* (от англ. molecular scissors), *протез-щупальце* (от англ. prosthetic tentacle), *таблетка-камера* (от англ. Pill Cam), *умный термометр* (в англ. smart thermometer) и др.

К семантическим заимствованиям, например, относятся лексемы *умный*, *единорог* (о компаниях), *социальный* (*социальный пластик*), *чистые* (*чистое мясо* 'о выращенном

в лаборатории мясе') и др. В частности, лексема *умный* под воздействием английского слова *smart* начинает характеризовать различные высокотехнические устройства, часто основанные на методах искусственного интеллекта. Так, с возникновением нового значения слово *умный* значительно расширяет синтагматический потенциал, появляются сочетания *умная капсула, умная пилюля, умная электрическая сеть, умная энергетика, умные алгоритмы управления, умные биосовместимые материалы, умные контактные линзы, умный градусник, умный термометр, умный экзоскелет* и т.д. Также под влиянием английского специализированного употребления лексемы *cloud* слово *облако* приобретает новое значение 'сеть удалённых серверов, размещённых в интернете и используемых для хранения, управления и обработки данных', распространившееся в русскоязычных массовых источниках в конце 2000-х — начале 2010-х годов.

Несколько меньшее количество единиц насчитывается в группе лексических заимствований, в частности: *биопринт* (от англ. bioprint), *биопринтинг* (от англ. bioprinting), *брэйнемэппинг* (от англ. brain mapping), *брейнет* (от англ. brainet) и др.;

Кроме этого, актуальной для начала XXI века остаётся тенденция использования препозитивных частей с терминологическим значением. В частности, к продуктивным формантам относятся:

1) **био-**, служащий частью терминов, функционирующих в медицинской сфере: *биоармирование, биопечать, биопломба, биопринтер* и др.; в сфере биологии: *биокод, биокопирование* и др.; в сфере сельского хозяйства: *биофундамент, биокеросин* и др.;

2) **крипто-**, ставший конструктом для финансовой терминологии: *криптоденьги, криптовалюта, криптовалютный, криптоденежный, криптоденьги, криптоблаготворительность, криптообменный* и др.;

3) **нано-**, составляющий первую часть медицинских терминов: *наноантибиотики, нанобиоматериал, нанолекарство, на-*

ноловушка и др.; физики: *наноантенна*, *наноуглеродный* и др.; биологии: *нанобиосенсор*, *нанокожа* и др.;

4) **нейро-**, ставший конструктом для терминов нейротехнологий: *нейроассистент*, *нейрокоммуникация*, *нейролента*, *нейропротез*, *нейротренажер* и др.; искусственных нейронных сетей: *нейромашинный интерфейс*, *нейромобиль* и др.

Особого внимания требует продуктивная группа новообразований, а именно слов-кентавров [Крысин 2010: 77]. Так, продуктивными композитами, сохранившими графику языка-источника, являются:

1) **3D-**... (от англ. 3-dimensional ‘относящийся к трём измерениям’): *3D-промышленность*, *3D-сканер*, *3D-снимок*, *3D-ткань* и др.;

2) **4D-**... (от англ. 4-dimensional ‘относящийся к четырём измерениям’): *4D-горячий воздух*, *4D-принтер*, *4D-принтерный*, *4D-структура* и др.;

3) **5D-**... (от англ. 5-dimensional ‘относящийся к пяти измерениям’): *5D-очки*, *5D-печатный*, *5D-печать*, *5D-принтер* и др.;

4) **AI-**... (сокр. от англ. artificial intelligence ‘искусственный интеллект’): *AI-евангелист*, *AI-инструмент*, *AI-творчество* и др.;

5) **AR-**... (сокр. от англ. augmented reality ‘дополненная реальность’): *AR-приложение*, *AR-технологии*, *AR-шлем*, *AR-элемент* и др.;

6) **CRISPR-**... (сокр. от англ. clustered regularly interspaced short palindromic repeats ‘короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами’): *CRISPR-зона*, *CRISPR-кассеты*, *CRISPR-комплект*, *CRISPR-культуры*, *CRISPR-ножницы*, *CRISPR-повторы*, *CRISPR-последовательность*, *CRISPR-проект*, *CRISPR-итрихкодирование* и др.;

7) **VR-**... (сокр. от англ. virtual reality ‘виртуальная реальность’): *VR-гарнитура*, *VR-контент*, *VR-приложение*, *VR-революции*, *VR-технология*, *VR-тренажёр* и др.;

8) *другое*: *Aufbau*-подобный, *big-data*-система, *bitcoin*-кошелёк, *CAR*-технология, *digital*-реклама, *digital*-художник, *DMP*-компания, *DPI*-технология, *ECR*-источник, *EDF*-вентилятор, *IoT*-решения, *IoT*-устройства, *MVNE*-платформа, *QKD*-решение, *recycle*-материал, *RFID*-метка, *SMART*-квартира, *SSD*-накопитель, *VPN*-шлюз и др.

Часть наименований здесь составляют ложные термины, имеющие вхождения исключительно в публицистический дискурс: *4D*-горячий воздух, *AI*-творчество, *CRISPR*-близнецы, *CRISPR*-иммунитет, *CRISPR*-капуста, *CRISPR*-картофель, *CRISPR*-овоци, *CRISPR*-пшеница, *CRISPR*-растения, *CRISPR*-сорта, *CRISPR*-тематика, *CRISPR*-эпопея, *VR*-девайс, *VR*-контент, блокчейн-форум и др.

Однако присутствуют и собственно термины: *CRISPR*-зона, *CRISPR*-кассеты, *CAR*-технология, блокчейн-система и др., которые, помимо вхождения в публицистические тексты, употребляются в научных статьях, например: 1) ***CRISPR-кассеты***: Шестая статья [Кулуев и др., 2017a] посвящена прочим применениям *CRISPR*-локусов, исторически первым среди которых явилось генотипирование штаммов отдельных видов бактерий, в первую очередь патогенных, с помощью *CRISPR*-кассет [Чемерис 2017: 125]; 2) ***CAR-технологии***: Кроме того, возможно применение трансгенеза для создания клеток, обладающих определенной программой и специфичностью действия, например, с помощью *CAR*-технологии [Медведев 2017: 9].

В текстах, фиксирующих новый термин иноязычного происхождения, часто можно обнаружить дискурсивные маркеры, такие как: наименование на языке-источнике, слова, подчеркивающие новизну явления, кавычки и др. Например, цитата для терминов *генетическое редактирование*, *генетическая корреляция* (выделено нами. — Е.Г.): Лаборатория ***шотландского Рослинского института***, в которой клонировали легендарную овцу Долли, заявляет о ***научном прорыве*** — появлении на свет поросенка, созданного по

новейшей технологии под названием «генетическое редактирование» или «генетическая коррекция» (gene-editing) (Infan.ru, 17.04.2013).

Как показывает имеющаяся выборка, основным ресурсом для современной терминологической лексики является английский язык. Появление иноязычной лексики рассматриваемых сфер в русском языке в первую очередь связано с первичным обозначением нового объекта действительности в сфере английского языка, так как новая технология, метод и т.д. оказываются впервые названы зарубежными специалистами, для которых английский язык является родным.

Однако первопричиной, думается, является не столько ведущее положение специалистов рассматриваемых областей знаний стран, где английский язык является официальным, сколько глобальное доминирование английского языка в современной науке. Подтверждением этой идеи служат данные о тенденциях в сфере публикации научных текстов, приведённые Н.Г. Поповой и Т.А. Бивитт (перевод наш. — *Е.Г.*): «По разным данным 96% мировой научной литературы издаётся на английском языке. Доля опубликованных в европейских странах англоязычных статей, индексируемых *Scopus*, во много раз превышает количество публикаций на всех других национальных языках вместе взятых. Особый рост числа англоязычных статей был зарегистрирован в период с 2008 по 2011 гг., например, в Нидерландах, Италии и России... Около 80% научных журналов, индексируемых *Scopus*, в настоящее время публикуют содержание полностью на английском языке. Кроме того, по данным аналитического журнала *SCImago Journal* и ресурса *Country Rank*, 50 ведущих мировых журналов не только представляют контент полностью на английском языке, но все они издаются либо в Великобритании, либо в США» [Попова, Бивитт 2017: 55—56].

Также происходит переориентация международной базы терминологических терминоэлементов с греко-латинской на английскую. В частности, абсолютное большинство терминов

«Словаря новых слов русского языка» [Котелова 1995], отражающего языковые изменения в период 50—80 годов XX века, составляют наименования, в основе которых лежат греко-латинские корни, аффиксы: *флюороз* (лат. *fluorum* + *osis*), *суггестология* (лат. *suggestio* + др.-греч. *λόγος*), *тетрациклин* (лат. *tetra* + *cyclin*), *анестезиология* (др.-греч. *άν-* + *αἴσθησις* + *λόγος*), *гериатрия* (др.-греч. *γέρων* + *ιατρεία*), *канцероген* (лат. *cancer* + др.-греч. *γεννά*), *гистохимия* (др.-греч. *ἵστός* + химия), *нейролептик* (др.-греч. *νεῦρον* + *ληπτικός*), *кардиохирургия* (др.-греч. *καρδιά* + хирургия), *барокомплекс* (др.-греч. *βαρύς* + комплекс). немецкого языка.

Если обратиться к выборке за первые два десятилетия XXI века, то обнаруживаются единичные случаи обращения к греко-латинским терминологическим элементам, в частности, активным остаётся формант *био...* (*биозуб*, *биопечатный*, *биопломба*, *биопринт*, *биопринтинг*, *биопринтинговый*, *биопринтный*, *биопринтовый* и др.), можно найти единичные термины, заимствованные в русский язык из английского, но образованные из греко-латинских корней, например, *мизофония* (др.-греч. *μίτος* + *φωνή*). В основном же терминологические и профессиональные наименования образуются на основе английского языка, его баз, элементов, например: *3G-модуль*, *4,5G-интернет*, *5G-система*, *5G-частота*, *SAR-инженерия*, *SAR-клетка*, *SAR-модификация*, *RFID-метка*, *аддитивные технологии*, *биткоин*, *газлайтинг*, *генеративно-состязательные сети*, *графен*, *грид-компьютинг*, *квир*, *крауд-фандинг* и др.

Представляется возможным сделать предварительные выводы относительно новой заимствованной терминологической лексики.

Начиная с конца XX века и на протяжении двух первых десятилетий XXI века ключевым языком-источником становится английский язык. Кроме этого, при создании терминов учёные опираются на ресурсы английского языка, а не на интернациональную греко-латинскую базу терминологических элементов,

свой родной язык. Причина подобной переориентации заключается в ключевой роли английского языка в науке.

Заемствованная терминологическая лексика в основном адаптируется в русскоязычной сфере путём калькирования.

Устойчивыми тенденциями первых двух десятилетий XXI века остаются образование терминологической лексики за счет присоединения к слову иноязычного терминологического элемента (*криптоденьги, наногранула, нейролента*), использование формантов иноязычного происхождения на языке-источнике (*5D-печать, AR-шлем, CAR-технология, CRISPR-диагностика, IoT-устройства, MVNE-платформа*) и не употребляющихся самостоятельно заимствованных слов в кириллической графике (*крипто-валюта, дамплинг-соединение*).

Терминологические новообразования активно употребляются в публицистических текстах и в ряде случаев имеют окказиональную природу и представляют околонаучные понятия (*AI-творчество, CRISPR-ножницы, биоzub, биофундамент*). Также образуются профессионализмы (*IoT-решение, QKD-решение, блокчейн-код*) и собственно термины (*CAR-технологии, CRISPR-кассеты, нейролента, криптовалюта*).

Список литературы

1. eLIBRARY. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>
2. Google Books. URL: <https://books.google.ru>
3. Интегрум. URL: <http://www.integrumworld.com>
4. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Избранные работы. СПб., 2015. С. 181—200.
5. Крысин Л.П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 66—72.
6. Крысин Л.П. Слова — ‘кентавры’ // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 76—81.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007. 256 с.
8. Липатов А.Т. Метаязык лингвистики и метатаксонимия лингвистических терминов // Вопросы терминологии. Н. Новгород, 1993. С. 3—17.

9. Медведев С.П. Редактирование генов и трансгенез при создании биомедицинских клеточных продуктов // *Гены и Клетки*. 2017. Т. 12. № 3. С. 9.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/>
11. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1971.
12. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
13. Попова Н.Г., Бивитт Т.А. Английский язык как инструмент научной коммуникации: лингвистический империализм или «интерлингва»? // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21. № 1. С. 54—70.
14. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х гг.) / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, С.И. Алаторцева, Т.Н. Буцева, Э.Р. Сальмин, Н.З. Котелова; под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.
15. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ, 1994. 185 с.
16. Чемерис А.В. CRISPR/CAS системы // *Биомика*. 2017. Т. 9. № 3. С. 148—154.
17. Яндекс Новости. URL: <https://news.yandex.ru>

© *E.S. Gromenko*

ON CERTAIN TRENDS OF TERMINOLOGICAL BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EARLY XXI CENTURY

The article identifies and analyzes the main trends in terminological borrowing in the language of modern times. Analysis of the sample obtained by reviewing mass sources and verification of the primary list using the search media system Integrum, electronic resources Yandex. News, Google Books, The National Corpus of the Russian Language, the scientific electronic library eLIBRARY in order to establish the time of appearance and dynamics of the spread of new terminological nominations in specialized and common language, allows us to draw the

following conclusions. At the beginning of the XXI century, the process of internationalization of terminological systems of different areas of knowledge is developing, the role of the English language in the language of science is increasing, depending on socio-cultural factors and the influence of globalization on language processes. The main trends in recent terminological borrowings are: 1) the transition from an international Greek-Latin base to English-language resources; 2) increasing productivity of “centaur” derivation in terminological vocabulary; 3) an increase in the involvement of borrowed components in the source language in Russian language derivative processes.

Keywords: foreign language vocabulary, borrowings, term, terminological vocabulary, special vocabulary, neologism, neology.

© **Давыдова Ольга Андреевна**
Московский педагогический
государственный университет

© **Чапаева Любовь Георгиевна**
Московский педагогический
государственный университет

ДИВА — ОДНО ИЗ ВОЗРОЖДЕННЫХ СЛОВ

Слово *дива* — заимствование начала XX века. Первоначально оно означало самых известных оперных певиц. За годы существования в русском языке слово все время расширяло объект номинации (от оперных певиц, до певиц разных стилей, а затем до актрис разных жанров, а в последние годы до красивых известных женщин разного рода занятий). В современных авторитетных толковых словарях у слова есть помета *устар.*, которая не соответствует состоянию языка, так как слово активно употребляется, особенно в публицистическом дискурсе, в котором активно повторяются сочетания с компонентом *дива*, часто в форме композитов, которые далеко не все отмечены в словарях неологизмов. Дефиниция слова должна быть изменена.

Ключевые слова: дива, устаревшее слово, язык СМИ, толковый словарь, словарь неологизмов, устойчивые сочетания.

Слово *дива* в современном русском языке не только не является устаревшим, как его маркируют авторитетные толковые словари, но и является одним из активно употребляющихся и образующих многочисленные и разнообразные сочетания (компози́ты).

Приведем дефиниции из академических словарей: «ДИВА. *Устар.* ‘Знаменитая артистка, певица и т.п.’» [ССРЛЯ 3: 7760]. Примерно такую же дефиницию и помету *устар.* сохранили и составители современного академического словаря: «*Устар.* ‘Знаменитая артистка’» [БАСРЯ 5: 85].

Примечательно, что помету *устар.* слово приобрело (повидимому, из-за идеологических соображений) через довольно короткое время после появления в русском языке.

Слово *дива* (от итал. *diva* — ‘божественная’) появилось в русском языке в начале XX века, впервые отмечено энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона: Дива (итал. богиня, властительница) — эпитет, даваемый меломанами первоклассным певицам, напр. Патти, Нильсон, Лукка, Зембрих. И толковым словарем Грота-Шахматова: *дива* (лат. *diva* — божественная). ‘Прозвание, придаваемое знаменитым сценическим певицам’ [СРЯ 95, Вып. 3: 1026].

Данные корпуса русского языка свидетельствуют о первых употреблениях слова с конца 70-х годов XIX в.: — *Нет. — Пойми — дива Патти поет соловьем. — Хоть чем ей угодно. Некогда* (А.А. Шкляревский, Секретное следствие (1872)) и др. Причем, *дива* (употребление слова без уточняющего определения) обозначала именно оперную певицу, и слово было синонимично лексеме *примадонна*: *Когда заболела примадонна Бозио, тысячи людей, в особенности молодежи, простаивали до поздней ночи у дверей гостиницы, чтобы узнать о здоровье дивы* (П.А. Кропоткин, Записки революционера (1902)); и др. Поэтому в первые годы существования в русском языке устойчивого словосочетания *оперная дива* (одного из частотных в современном дискурсе: *На сегодняшний день Джесси Норман — единственная оперная дива в мире в полном смысле этого слова* (С. Спивакова, Не всё (2002)); *А в результате Образцова заслужила свое место главной оперной дивы страны* (КП, 18.12.2010) и др. не было. Однако слово довольно быстро вышло из рамок номинации самых известных оперных певиц и начало называть певиц других жанров, прежде всего оперетты. В конце XIX — начале XX века употребительным становится сочетание *опереточная дива*: *Опереточная дива, вытившая несколько более шампанского, чем следует, плясала перед хором, а знаменитый каскадный тенор, вырвав у Степки Долганова гитары, подыгрывал своей подруге по сцене* (Вас.И. Немирович-

Данченко, Цари биржи (Каиново племя в наши дни) (1886) и др. Словосочетание активно употребляется и в наше время: *И Верочка промелькнула по сцене эффектно, хотя замечена была лишь наметанным глазом старых любителей опереточных див* (Ю.М. Нагибин, Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана (1972—1979)) и др.

В начале XX века популярными были и другие *дивы*, именованные которых вышли из активного употребления: **кафешантанная дива** (*кафешантан* ‘В буржуазных странах — увеселительное заведение, кафе с эстрадой для выступлений обычно пошлого, непристойного характера’; *кафе-шантан*. — Франц. *café chantant* — кафе с пением, поющее. Кафешантанский ‘Относящийся к кафешантану’. *Кафешантанная певица*. // ‘Имеющий характер или пошиб кафешантана; пошлый’. [ССРЛЯ 5: 884], дефиниция несколько смягчена в современном издании: ‘В некоторых странах — кафе или ресторан с эстрадой для выступления артистов, исполняющих песенки или танцы легкого, развлекательного, часто фривольного характера’ [БАСРЯ 7: 718], *кафешантанский* // ‘Такой, как в кафешантане; пошлый, фривольный’ [там же]: *Кроме того, сыскной выяснена деятельность некоего М., устраивавшего свидания и любовные связи с кафе-шантанскими дивами и приобретшем в этом отношении большую популярность* (Утро России, 14.09.1911); *Все, что было известно в Европе в области садовой эстрады, начиная с кафешантанских див и кончая эксцентриками и гипнотизерами, — все перебивало в «Эрмитаже»* (К.С. Станиславский, *Моя жизнь в искусстве* (1925—1928)) и др. Ближким по значению было устойчивое сочетание *кабаретная (кабареточная) дива* (*Кабаре* 1. ‘В буржуазных странах — кабачок или кафе, место сбора артистической или литературной богемы, в котором даются увеселительные представления с пением и музыкой’. — Франц. *Sabaret* [ССРЛЯ 5: 619]. В современном издании: ‘Небольшой ресторан или кафе с эстрадной программой’ [БАСРЯ 7: 515]. В последнем издании БАС появилось и прилагательное *кабаретный*: ‘Свойственный кабаре, такой как в каба-

ре' [БАСРЯ 7: 515], но без устойчивого сочетания: *Во сне увидел Ермилов свою дочь на конфетной бумажке — облагораживающее действие Вареньки распространилось и на конфетные бумажки, вместо безвкусного танца апашией, кабареточных див* — появилась Варенька в высоком классическом танце, безукоризненно чистом по своему рисунку (К.К. Вагинов, Бамбочада (1931)); *Настасья Филипповна — кабаретная дива гренадерского роста в мейк-апе немого кино — набеленное лицо и алые губы, в черной шубе мехом наружу* (Новая газета, 13.01.2016). Еще более экзотично для современного читателя вышедшее из употребления, а в начале XX века употребительное сочетание *каскадная дива: дива каскада (каскадный 2. Устар. 'Опереточный, шансонетный' [ССРЛЯ 5: 852; БАСРЯ7: 693], связанный с одним из значений слова каскад 4. 'В оперетте — быстрый танец, сопровождаемый пением' [БАСРЯ 7: 693]: Вы ее называете актеркой, но она не актерка, а артистка, она дива... дива каскада...* (Н.А. Лейкин, В ожидании наследства (1889)); *М.В. Миронова рассказывает, что когда она служила в Харькове, то у примадонны спросили: «Что такое каскадная дива?» — «Ну, это когда артистка пулей вылетает на сцену, уся в брильянтах!»* (В. Катанян, Лоскутное одеяло (1990—1999)) и др. Тем не менее, уже в 30-х годах XX века *дива* была признана устаревшим словом, что отразил словарь Д.Н. Ушакова: (итал. *diva*, букв. божественная) (*театр. арг. устар.*). 'Знаменитая, первоклассная певица' (ТСРЯ1:706). Такая же дефиниция отражена в словарях иностранных слов: *Дива* (итал. *diva*, букв. божественная) (*театр. арг. устар.*). 'Знаменитая, первоклассная певица' (БСИСРЯ).

Попробуем доказать, что, с одной стороны, слово не стало устаревшим, так как все время расширяло «вид» певиц, поэтому устойчивыми являются многочисленные сочетания, где определяющее прилагательное образовано от существительного, называющего стиль современной музыки, но чаще определяющим компонентом являются существительные, в результате чего появляются композиты: *эстрадная дива: Здесь останавливались*

американский джазовый пианист Эрл Хайнс и блюзовый гитарист Би Би Кинг, поэтесса Белла Ахмадулина и эстрадная **дива** Алла Пугачева (И., 27.05.2002) и др.; поп-дива: Эпатажная **поп-дива** (Лолита. — О.Д.) собирается дебютировать на театральной сцене и сыграет не абы кого, а Агафью Тихоновну из гоголевской «Женитьбы» (МН, 26.08.20): Как сообщает НМЕ, перевоплощение в **джазовую диву** может стать далеко не последней метаморфозой Леди Гаги (gazeta.ru, 2014.10.04); Гости собрались в Спасо-хаусе — уютной резиденции посла США в Москве, чтобы послушать хиты Эллы Фицджеральд в исполнении лучших американских **джаз-див** современности (МК 14.04.17); Главные награды ушли молоденьким **соул-дивам**, имена которых (Alicia Keys или R. Kelly) в России не особенно известны (И., 10.01.2002) (**соул** — (от англ. *soul* — ‘душа’) — жанр популярной музыки афро-американского происхождения, возникший в южных штатах США в 1950-е годы на основе ритм-энд-блюза) и др. Без примеров перечислим композиты с компонентом **дива**: *R-n-b-дива*, *фанк-дива*, *хаус-дива*, *электро-дива*, *диско-дива*, *рэп-дива*, *панк-дива*, чрезвычайно популярное в современном дискурсе **рок-дива** (особенно часто применяется по отношению к Земфире): *Одна из самых неординарных отечественных рок-див Земфира Рамазанова возвращается на большую сцену* (РБК Daily, 06.06.2007) и др.

Лексема **дива** расширяла семантический охват и стала обозначать не только поющих актрис, а и актрис в целом. Рассмотрим на примере движения лексемы от *фильмовой дивы* 30-х годов к *кинодиве*: *Избалованная Холливудом, **фильмовая дива** оказалась слишком капризной и притязательной для французских *фильмовых ателье* (Театр и Жизнь (Париж), 1929, № 14); *Каким-то образом путь от *натурицицы* до **фильмовой дивы** оказался очень коротким* (В.В. Набоков, *Камера обскура* (1933)), через многочисленных *див* разного периода развития кинематографа: *Не только Самойлова, но и многие ее сверстницы, звезды 1—2 фильмов, оказались в том же положении, в каком побывали до них **дивы немого кино** в наступившую эпоху зву-**

ка (И., 05.05.2014); *А следом за ними — и великолепные дивы первых цветных кинолент* (lenta.ru, 01.09.2016); *Для главной дивы российского кино это не первый опыт работы с большим европейским режиссером (Литвинова снималась в «Чемоданах Тулса Люпера» Питера Гринуэя, а для Стеллинга — не первая русская звезда в его фильме* (И., 16.04.2013); *повторяющихся голливудских див: У идеальной женщины, на их взгляд, также должны быть глаза, как у актрисы Анжелины Джоли, а скулы, как у другой голливудской дивы Кэтрин Зеты-Джонс* (КП, 26.12.2001) и др. и, наконец, *кинодива: Крайне теплые отношения связывают американскую кинодиву Шарон Стоун с ее младшей сестрой Келли* (Т., 25.09.2003); *Французская кинодива Фанни Ардан представила в северной столице фильм Тома Вольфа «Мария до Каллас». ...С момента ухода всемирно известной оперной дивы Марии Каллас прошло 40 лет* (Рос. Газ., 27.09.2018) и др. многочисленные примеры.

Сочетание *театральная дива* представлено немногочисленными примерами: *Теперь Урмас Отт будет опрашивать не поп-звезд и не театральных див, а кандидатов в президенты Эстонии!* (КП, 17.05.2001); *Константин Крюков — внук кинорежиссера Сергея Бондарчука и актрисы Ирины Скобцевой, сын театральной дивы Алены Бондарчук и крупного бизнесмена, племянник режиссера, актера и продюсера Федора Бондарчука* (Т., 30.03.2006) и др. А балетная, цирковая, телевизионная и другие (театральные) дивы представлены единичными употреблениями: *Популярная балетная дива* (А. Волочкова. — О.Д.) *использовала для своего бенефиса в Новой опере приемы новых презентаций* (И., 13.11.2001); *А однажды телевизионных див из разных стран пригласили в Монте-Карло на прием к королеве* (И., 07.11.2007); *И то не факт, поскольку Яна наша Рудковская в основном «первоканальная» дива* (СС, 11.02.2013); *Когда-то неотразимое лицо цирковой дивы избородили морщины, столь характерные для женщин, неумеренно употребляющих косметику* (А. Шиманский, Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются); *Очередная «фотожа-*

ба» вдохновлена разницей мощного тела на снимке и романтического выражения лица **интернет-дивы** (Ким Кардашьян. — О.Д.) (lenta.ru, 15.02.2018); частотным является сочетание шоу-дива: *Эпатажная шоу-дива* (Lady Gaga. — О.Д.) — самая упоминаемая персона в интернете, а ее годовой доход достигает 62 миллиона долларов (РИА Новости, 21.10.2010) и др.

В современном газетном дискурсе лексема *дива*, которая обозначает, прежде всего, самых разных популярных певиц, часто употребляется с определениями, называющими страну дивы: *Смотрелись актрисы очень здорово — дамы обыграли показ, представ в образе итальянских див, которых так любил снимать в своих фильмах Федерико Феллини — чувственных и раскованных* (КП 04.11.2013); *Украинская дива София Ротару проводила вместе со своей невесткой Светланой в первый класс любимую внучку Сонечку* (КП, 03.09.2007) и др.

Но главное, что семантический потенциал лексемы *дива* вышел за пределы называния артисток и стал именовать известных красивых спортсменок: *Впрочем, несомненно, следует сделать оговорку, что после избрания депутатами спортивные дивы вряд ли позволили бы себе столь откровенные съемки* (КП, 26.12.2007); *Но только пока... Прекрасная русская дива Елена Исинбаева* (СС, 27.08.2008); и особенно часто употребляется сочетание *теннисная дива* применительно к А. Курниковой и М. Шараповой: *Любопытно, что теннисные дивы внесли раскол в стан игроков московского «Спартака»* (КП, 15.10.2005); *Повторение судьбы другой теннисной дивы, Анны Курниковой, не выигравшей за карьеру ни единого турнира, Шараповой уже не грозит* (Т., 15.06.2004); *О прежней Шараповой напоминали только фирменные стоны, которые теннисная дива, как обычно, издавала на корте, отражая атаки соперницы* (КП, 13.11.2006) и др.

Дивами именуют звезд модельного подиума: дива индустрии моды, дива глянцевых обложек и др.: *Шупетт живет на широкую лапу, как и положено звезде социальных сетей и fashion-диве* (lenta.ru, 15.08.2017) и др.

Дивами именуют и потребителей глянцевої продукции — известных тусовщиц: *Спустя две недели после громкого скандала на журналистку и светскую диву Божену Рынска завели уголовное дело* (КП, 23.09.2013); *Но все равно в тайную, скороспелую и «антигламурную» свадьбу светской дивы* (Ксении Собчак. — О.Д.) *по-прежнему верится с трудом* (КП, 03.02.2013); *Гламурная дива* (Кира Пластинина. — О.Д.) *приезжала в Саратов для рекламы своего бутика — Вот это да!* (КП, 28.04.2009); *Мягкая, красивая, сексуальная дива Моника* (Белуччи. — О.Д.) *и неуправляемый сатир Венсан* (Кассель. — О.Д.) — *казалось, общего между ними ничего не может быть* (КП, 26.08.2013); *Как удалось узнать «Комсомолке», друзья олигарха договорились с организаторами визита в Россию секс-дивы Памелы Андерсон, что королева «Плейбоя» отужинает с Керимовым в одном из питерских ресторанов* (КП, 13.03.2007) и др.

Дивы активно захватывают все новые и новые профессии известных сексуальных женщин, и на страницах СМИ появляются все новые сочетания (композицы) с компонентом дива: *Несмотря на то, что Соня* (Ганди. — О.Д.) *всячески старается следовать индийским национальным традициям — постоянно носит сари, избирателю с завидным постоянством напоминают, что эта политическая дива в свое время щеголяла в короткой юбке, выставляя на обозрение широкой общественности свои ножки* (Т., 07.03.2006); *Думская дива Наталья Поклонская опровергает сообщение о том, что у нее есть квартира в Донецке, заканчивая свою гневную отповедь словами «тьфу на вас»* (МК, 03.07.2017); *Генпрокурорская дива В силовых и правоохранительных структурах красивых молодых женщин тоже немало* (КП, 29.11.2002) и др.

Ну и, наконец, дивами в современном дискурсе принято называть дам полусвета: *Теперь каждый старается сделать другому какую-нибудь изошренную пакость: в цветы благоверной написать или пригласить к супругу на вечеринку толпу полуголых див легкого поведения* (Т., 08.05.2008), *Он* (Берлускони. — О.Д.) *мечтает о триумфальном возвращении и не прочь в ожи-*

дании триумфа скоротать ночь с юными дивами, для которых у ювелира уже заказаны десятки золотых бабочек (Новая газета, 30.10. 2018) и др., хотя, возможно, именование таких дам потенциально было у слова *дива* с момента возникновения: *Отцу в это время подъезжал к яхт-клубу на Морской, чтоб провести ночь за зеленым столом, или, может быть, входил в ресторан Кюба, чтоб встретиться там с одной из полных див* (К.К. Вагинов, Козлиная песнь (1928)).

По-видимому, в русском языковом сознании выработалось представление о стереотипе облика и поведения дивы: [Примадонна Суми Чо]: *Сейчас в мире всего несколько настоящих див, у которых есть имя. Быть дивой — подразумевает очень многое, и не только в художественном смысле. Во-первых, нужно кропотливо работать, во-вторых — многое отдавать миру. Артисты очень важны для людей, которые в них верят* (И., 15.04.2013); Скажем, **отнюдь не дивой** выглядела в юные годы та, кого сегодня по-прежнему считают символом красоты французской жещины, — Катрин ДЕНЕВ (Т., 05.02.2004); *Она сказала, чтобы я не нервничала на кинопробе и не суежилась, а главное — не строила из себя диву и не задавала много вопросов. Я так и сделала и в результате получила эту роль* (И., 24.12.2007). Первоначально див, которых в мире всегда было немного, даже называли на итальянский манер, вспоминая об этимологии слова: *Правда, культ Жозефин Беккер, которую во Франции называли на итальянский манер, как оперных див, — La Векер, обошел стороной наше отечество* (И., 24.12.2007).

Только некоторые из устойчивых сочетаний отражены в Словаре новых слов и значений 90-х годов: *поп-дива, порно-дива, секс-дива*.

Об истории слова образно выразился (по другому поводу) С.С. Аверинцев: *Именно то, что Италия для традиционного европейского восприятия, вполне усвоенного послепетровской Россией, — страна искусства par excellence, а значит, и территория исполненного гордыни артистизма, край, где сначала великих художников кощунственно именуют «божественными»,*

а там уже и любая стяжавшая успех певица может называться «дива», — усугубляет контраст (С.С. Аверинцев, Цветики милые брата Франциска // Православная Община, 1997).

Итак, слово *дива* за век существования в русском литературном языке прошло значительные семантические изменения, от именованя самых известных оперных певиц до известных в обществе красивых женщин, чья жизнь привлекает СМИ. Слово, вопреки временной характеристике, данной в авторитетных толковых словарях, не стало устаревшим, оно продолжает активно употребляться на страницах СМИ, образуя все новые сочетания (композицы): *поп-дива, рок-дива, рэп-дива* и др., далеко не все из которых нашли отражение даже в словарях неологизмов.

Не думаем, что слово пережило уже расщепление на омонимы, как представлено оно в словаре Т.Ф. Ефремовой, где дивы-певицы противопоставлены сексуальным дивам, но слово *дива* нуждается в фиксации в современных толковых словарях с измененной дефиницией (может быть, такой: ‘Наиболее известные в своей профессии (роде занятий) и сексуально привлекательные женщины — объекты светских журналистов (прежде всего, певицы)’).

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка / отв. ред. К.С. Горбачевич. М.: СПб., 2004.
2. Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B0.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>
4. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
5. Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. Вып. 3. СПб., 1895.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948—1965.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1939.

Источники

И. — Известия;

КП — Комсомольская правда;

МК — Московский комсомолец;

МН — Мир новостей;

СС — Советский спорт;

Т. — Труд-7.

ruscorgora.ru — Национальный корпус русского языка

© O.A. Davydova, L.G. Chapaeva

DIVA — ONE OF THE REVIVED WORDS

The word *diva* is a borrowing from the early twentieth century. Originally, it meant ‘the most famous Opera singers’. Over the years, the word has always expanded the subject of the nomination in the Russian language (from Opera singers, to singers of different styles, and then to Actresses of different genres, and in recent years to beautiful famous women of various occupations). In modern authoritative explanatory dictionaries, the word has an *obsolete* litter, which does not correspond to the state of the language, since the word is actively used, especially in journalistic discourse, in which combinations with the *diva* component are actively repeated, often in the form of composites, which are not all marked in the dictionaries of neologisms. The definition of the word must be changed.

Keywords: *diva*, obsolete word, media language, explanatory dictionary, dictionary of neologisms, stable combinations.

© *Дурнева Анна Александровна*
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

ЖАРГОН КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (на материале «Словаря русского языка XXI века»)¹

Рассматривается современная жаргонная лексика и ее место в толковых словарях русского языка. Отношение лингвистов к жаргону весьма неоднозначно. Однако нельзя отрицать тот факт, что жаргон, проникая практически во все языковые стили, оказывает огромное влияние на состояние современного русского языка. Жаргон как объект лексикографического описания исследован на материале «Словаря русского языка XXI века». Словарь включает в свой состав все виды современного жаргона: молодежный, блатной, армейский, компьютерный, а также профессиональный жаргон музыкантов, спортсменов, автомобилистов, медицинских работников и т.п. Учитывая современные тенденции жаргонизации языка, необходимо отметить важность лексикографического описания жаргонной лексики; однако жаргонную лексику очень сложно фиксировать и систематизировать вследствие ее нечеткости, размытости границ и динамической природы. Сделана попытка классификации жаргонной лексики с точки зрения сферы ее употребления, а также приведены примеры из словарных статей «Словаря русского языка XXI века».

Ключевые слова: жаргон, толковая лексикография, лексикология, толковые словари, современный русский язык.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект №20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г.Н. Складневской)».

The work was supported by RFBR grant 20-012-00122.

Тема жаргона всегда волновала лингвистов. Интерес к ней особенно возрос в 90-х годах XX века и не утихает до сих пор. Существует огромное количество работ и лексикографических изданий, посвященных этой теме. Большинство современных исследований посвящено молодежному жаргону, поскольку он является наиболее употребительным и социально значимым. В работах рассматриваются проблемы формирования и функционирования школьного и студенческого жаргона [Матюшенко 2007; Береговская 1996; Анищенко 2007; Цибизова 2006], анализируется вариативность молодежных жаргонов в зависимости от возраста, пола и места проживания их носителей [Миралаева 1994; Андросова 2005; Любицкая 2005], изучаются особенности жаргонной фразеологии [Козьякова 2003; Семенова 2006].

Жаргон активно функционирует в языке и затрагивает практически все сферы жизни современного общества, являясь одним из основных ресурсов обновления речи. Он оказывает огромное влияние не только на устную, но и на письменную речь. Многочисленные группы жаргонов, ранее бывшие обособленными системами, теперь становятся открытыми и вступают в активное взаимодействие со стандартным литературным языком, поскольку «жаргон способен самостоятельно реализовывать не только свою ведущую эмоционально-экспрессивную функцию, но и главные общеязыковые функции: коммуникативную, социальную, прагматическую, информационную и др.» [Хроленко, Бондалетов 2004: 128]

Проблема исследования жаргона заключается, прежде всего, в отсутствии его четкой дефиниции в языкознании и трудностью разграничения таких понятий, как «сленг», «арго», «жаргон» [Липатов 1994]. Также в научной литературе существует термин «общий жаргон», который был впервые введен в 1999 г. [Ермакова, Земская, Розина 1999]. Однако, несмотря на разные точки зрения на терминологию в сфере жаргонной лексики, всеми исследователями признается, что рассматриваемый материал обладает единством в контексте противопоставления общеупотребительным словам. Для общей лексикографии вну-

треннее разделение анализируемой лексики не является принципиальным.

Учеными ставятся вопросы о влиянии жаргона на литературный язык, о необходимости включать или не включать жаргон в словари общего типа, об отнесении жаргонизма к той или иной жаргонной группе. Учитывая современные тенденции жаргонизации языка, необходимо отметить важность лексикографического описания жаргонной лексики.

Жаргон как объект лексикографического описания исследован на материале «Словаря русского языка XXI века» (далее Словарь), создаваемого сотрудниками Лаборатории компьютерной лексикографии Института прикладной русистики РГПУ им. А.И. Герцена под руководством проф. Г.Н. Скляревской. В настоящее время опубликованы «Проект Словаря» и 1-й том, 2-й том сдан в издательство. Первый том (буква А) насчитывает 39 жаргонных единиц, во втором томе зафиксировано 179 жаргонизмов.

Словарь ориентирован на отражение живого реального словоупотребления, поэтому в словаре представлены разные типы лексики, в том числе и жаргонная (маркируемая пометой *Жарг.*), которая разрабатывается в соответствии с принципами общей лексикографии. Под жаргоном в Словаре традиционно понимается речь социально обособленной группы людей.

Поскольку толковый словарь общего типа не в состоянии описать все многообразие данного пласта лексики, то в Словарь включаются прежде всего жаргонизмы, соответствующие следующим критериям:

- 1) жаргонизмы, вышедшие за рамки узкой социальной сферы, употребительность которых удостоверяется современными «нейтральными», т.е. общими для всего языкового коллектива текстами (материалы Электронного фонда современного русского языка, тексты периодики и художественной литературы, ресурсы Интернета);

- 2) слова, имеющие помимо жаргонных обычные значения;

3) жаргонизмы, имеющие омонимы в области общеупотребительной лексики;

4) жаргонизмы, имеющие большие словообразовательные гнезда и широко используемые в публицистических текстах.

В Словаре широко описывается **молодежный жаргон**, внутри которого можно выделить:

— лексику школьников, студентов, учащихся (*абитура* ‘абитуриенты’, *бомба* ‘шпаргалка’, *ржачный* ‘веселый’, *тормозить* ‘замедленно реагировать и упускать возможность’, *трабл* ‘проблема’, *зачепато* ‘отлично’);

— лексику представителей молодежных субкультур (*аскер* ‘человек, собирающий деньги у прохожих за игру уличных музыкантов’, *гады* ‘ботинки на толстой подошве’, *диггать* ‘заниматься диггерством’, *клабер* ‘постоянный посетитель ночных клубов’, *хайратник* ‘в ролевых играх: повязка на голове’).

Словарь фиксирует также **блатной жаргон**, который давно вышел за пределы закрытого круга, и в настоящее время даже существует мода на использование блатного жаргона не только в речи молодежи, но и в СМИ, публицистике. Сегодня такая лексика вполне обычна и понятна. В Словаре находят отражение:

— уголовный жаргон (*браток* ‘член преступной группировки’, *чалиться* ‘отбывать срок’, *замести* ‘арестовать’);

— жаргон картежников (*катала* ‘профессиональный игрок’, *жир* ‘карта, не дающая очков’);

— жаргон наркоманов (*варить* ‘готовить раствор наркотика’, *движок*, *баян* ‘шприц’, *пыхнуть* ‘выкурить косяк’, *задвинуться* ‘принять наркотик’);

— жаргон, связанный с употреблением алкогольных напитков (*лакировать* ‘запивать один спиртной напиток другим’, *нахлобучиться* ‘напиться’, *синяк* ‘алкоголик’, *жахнуть* ‘выпить’).

Тесно с уголовным жаргоном связана лексика, используемая в речи сотрудников правоохранительных органов (*жмурик* ‘труп’, *серийник* ‘серийный убийца’, *глушняк* ‘нераскрытое преступление’).

Значительное место в Словаре отведено **компьютерному жаргону**. Бурный рост со второй половины XX века компьютерных технологий внес в русский язык громадное количество специальных слов и выражений, богатую разветвленную терминологию, что в свою очередь повлекло за собой и образование огромного количества жаргонных слов. Компьютерный жаргон можно условно можно разделить на:

— жаргон, применяемый пользователями компьютеров (*вар'ез* ‘программное обеспечение’, *кракнутий* ‘взломанный’, *пишишка* ‘персональный компьютер’, *дока* ‘документация к программе’);

— жаргон интернет-пользователей и пользователей соцсетей (*флеймить* ‘устраивать перепалки, ругаться’, *сабж* ‘тема электронного сообщения, обсуждаемый предмет’, *комментить* ‘оставлять комментарий’, *борда* ‘доска объявлений’);

— жаргон геймеров (*бафф* ‘временное усиление характеристика персонажа’, *ассист* ‘помощь игроку’).

Далее следует отметить, что в любой относительно обособленной **профессиональной** сфере появляется своя жаргонная лексика. Например, **жаргон музыкантов** (*посуда* ‘тарелки на ударной установке’, *лабать* ‘играть на каком-л. инструменте’, *открывашка* ‘первая песня в альбоме или на концерте’), **армейский жаргон** (*косить* ‘уклоняться’, *увал* ‘увольнение’, *салабон* ‘молодой солдат’, *черпак* ‘военнослужащий от 1 года до 1,5 лет службы’), **биржевой жаргон**, **жаргон финансистов** (*лежачий* ‘находящийся в сложной экономической ситуации, убыточный’, *медведь* ‘получающий прибыль за счет снижения курсовой стоимости акций’, *серый* ‘незарегистрированный’), **жаргон автомобилистов** (*двиг* ‘двигатель’, *сверчок* ‘посторонний звук’, *слипон* ‘глушитель’), **спортивный жаргон** (*сушить* ‘делать мускулатуру более рельефной’, *подковать* ‘в речи футболистов: ударить по ноге, чтобы вывести из строя’, *битки* ‘боксерские перчатки’, *качалка* ‘тренажерный зал’), а также **жаргон футбольных фанатов** (*роетка* ‘шарф болель-

щика’, *железнодорожник* ‘спортсмен или спортивная команда клуба «Локомотив»’).

Помимо собственно вокабул, в Словарь включаются также устойчивые неидиоматические словосочетания и фразеологизмы.

— устойчивые словосочетания (*гнилой базар* ‘беспольный, пустой разговор’, *ответить за базар* ‘ответить за свои слова’, *гастрольный чес* ‘чрезвычайно насыщенные выступлениями гастролью артистов, обычно с целью заработка или рекламы’);

— фразеологизмы (*на бровях* ‘в пьяном виде’, *выпасть в осадок*¹ ‘прийти в восторг или испытать крайнее изумление’, *выпасть в осадок*² ‘отключиться, потерять сознание, силы’).

В Словаре зафиксированы и жаргонные сокращения, обычно это сокращения, используемые в письменном общении в сети (*БМП* ‘без малейшего понятия (обычно в ответном сообщении в онлайн-переписке’), *ББ* ‘бай-бай (прощание при завершении текстового онлайн-сообщения)’).

Несмотря на обилие материала и большое количество исследований, жаргонную лексику очень сложно фиксировать и систематизировать вследствие ее нечеткости, размытости границ и динамической природы. Ее представление в толковых словарях требует всестороннего рассмотрения семантических особенностей данной лексики с позиций современной теоретической и практической лексикографии и анализа ее места в общей структуре словаря. Только лексикографически квалифицировав жаргонную лексику (в первую очередь с точки зрения стилистической характеристики), можно предотвратить ее неумеренное и неуместное использование.

Список литературы

1. Андросова О.Е. Студенческий жаргон как объект лингвосоциологического исследования // Сб. науч. тр. «Стирая грани»: мат-лы междисциплинарного гуманитарного семинара «Стирая грани». Ульяновск, 2005. URL: http://sodmu.narod.ru/t_and.htm

2. Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: ЭЛПИС, 2007. 365 с.
3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32—41.
4. Буцева Т.Н., Ваулина Е.Ю., Генералова Е.В., Грачкова М.А., Дурнева А.А., Крылова И.А., Складаревская Г.Н., Ткачева И.О., Федотова А.К., Фивейская Е.А. Словарь русского языка XXI в. Проект. СПб.: Изд-во РГПУ, 2019. 143 с.
5. Быков В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с.
6. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.
7. Козьякова А.Б. Фразеология молодежного жаргона // Русская речь: Научно-популярный журнал. 2003. № 6. С. 116—119.
8. Липатов А.Т. Русский сленг и его соотношенность с жаргоном и арго // Семантика и уровни ее реализации. Краснодар, 1994. С. 35—41.
9. Матюшенко Е.Е. Современный молодежный сленг: формирование и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 188 с.
10. Миралаева О.Д. Современный русский молодежный жаргон (социолингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 19 с.
11. Любичкая Е.В. Сленг: региональные черты и процессы англизации. На материале речи молодежи г. Ставрополя: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 282 с.
12. Семенова Н.В. Фразеология молодежного сленга: на материале немецкого языка: дис. ... канд. фил. наук. Иваново, 2006. 194 с.
13. Словарь русского языка XXI в. 1 том. «А». 8000 слов. СПб.: Изд-во РГПУ, 2019. 734 с.
14. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка: учеб. пособие для студентов вузов филол. и гуманитар. профилей. М.: ФЛИНТА: Наука, 2004. 509 с.
15. Цибизова О.В. Современный молодежный жаргон: проблемы лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2006. 183 с.

**JARGON AS AN OBJECT OF DESCRIPTION
IN AN EXPLANATORY DICTIONARY
(based on the material
of «The dictionary of the Russian language
of the XXI century»)**

The article deals with the modern slang vocabulary and its place in explanatory dictionaries of the Russian language. The linguists' attitude to jargon is highly controversial. However, one cannot deny the fact that jargon, affecting almost all language styles, has a huge influence on the modern Russian language. Jargon as an object of lexicographic description was investigated on materials of the "Dictionary of the Russian language of the XXI century". The dictionary includes all types of modern jargon: youth, thug, army, computer, and also professional jargon of musicians, sports jargon, medical jargon, etc. Active jargonization of the language indicates the importance of lexicographical description of jargon vocabulary. However, slang vocabulary is very difficult to capture and systematize because of its fuzzy, blurry borders and dynamic nature. This paper attempts to classify jargon in terms of the scope of its use, as well as examples from the entries "Dictionary of Russian language of the XXI century".

Keywords: jargon, explanatory lexicography, lexicology, explanatory dictionaries, modern Russian language.

© Жантурина Бахыт Нурмухановна

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

С лингвокогнитивных позиций рассматриваются свойства русского переводного поэтического текста на материале пяти вариантов перевода на фоне исходного стихотворения Эмили Э. Дикинсон *We never know how high we are*. Комплексный анализ семантики, синтактики и прагматики субъектной организации исходного английского и русских переводных текстов показал, что замена коллективно-личностного субъекта на обобщенно-личностный субъект приводит к изменению «семантического узла»; при описании предметной ситуации в русском переводном тексте меняется количество участников ситуации. При преобразовании залоговой глагольной категории актива и пассива происходит перераспределение семы креативности предикативного признака между двумя субъектами, что было показано при обосновании смены нарративной категории точки зрения и замены внутренней точки зрения на точку зрения отстраненного наблюдателя-рассказчика.

Ключевые слова: переводной текст, субъектная организация, персональный дейксис, коллективно-личностный субъект, обобщенно-личностный субъект, семантический узел, точка зрения, признак креативности глагольного действия.

Язык как общий когнитивный механизм есть система знаков, играющих роль в кодировании и трансформации информации. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкова, эта система, в противоположность другим семиотическим инструментам человека, одновременно является объектом и внешним, и внутренним для субъекта, конституированным независимо от него и подлежащим усвоению в онтогенезе [Кубрякова, Демьянков и др. 1996: 53]. Способы концептуализации мира пред-

ставлены в языковых формах и выражениях различного уровня сложности [Попова, Стернин 2007: 8]. Объектом концептуального анализа являются смыслы, «передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями» [Болдырев 2004: 26].

Свойства переводных текстов, переводных поэтических текстов в том числе, обнаруживаются при сопоставлении переводного текста и его оригинала при выявлении общности определенных параметров двух текстов. Преследуя цель описать семантико-смысловые свойства русского переводного поэтического текста на фоне исходного текста, рассмотрим субъектную организацию высказываний и средства языковой репрезентации концептуальной, синтаксической и прагматической категории субъекта в пяти вариантах поэтического перевода стихотворения № 1176 “*We never know how high we are*”, выполненных с 1983 по 2017 годы разными переводчиками.

Исходный поэтический текст (ИПТ) Эмили Э. Дикинсон содержит рассуждение о физическом, личностном и социальном статусе человека:

<i>We never know how high we are</i>	<i>The Heroism we recite</i>
<i>Till we are asked to rise</i>	<i>Would be a normal thing</i>
<i>And then if we are true to plan</i>	<i>Did not ourselves the Cubits warp</i>
<i>Our statures touch the skies</i>	<i>For fear to be a King —</i>

[Дикинсон 2001: 326].

ИПТ представлен двумя четверостишиями в размере 8-6-8-6 с чередованием мужской неполной перекрёстной рифмы в строках 2 и 4 первого катрена *rise — skies* и полной мужской рифмы в 6 и 8 строках во втором катрене *thing — king*. Первая строка выступает в качестве развернутого заголовка-предложения *We never know how high we are*, выделяя композиционный зачин в первой строфе, размещенной парно на двух строках. Весь текст содержит 4 строфы, каждая из которых парно развернута, обеспечивая упорядоченный композиционный ритм в каждом катрене и связность всего текста.

Ключевые знаки когниции также выделены в первом четверостишии локальной аллитерацией на звук **n** в первой строке *never know*, сквозной аллитерацией на звуки **s — z** *asked, rise — statures, skies* в двух строфах и перекрёстной рифмой *rise — skies* во всем четверостишии. Во втором четверостишии сходную функцию выполняют сквозная аллитерация на звуки **s — z** *heroism — recite* в строке 5, *ourselves — cubits* в строке 7, локальная аллитерация на звук **f** *for fear* и перекрёстная рифма *thing — king*. Рифмы вводят два ряда смыслов, соединяя *rise* ‘вставать’ — *skies* ‘небеса’, *thing* ‘ничто, никто’ — *king* ‘король’; аллитерации добавляют понятия о *росте, физическом, личностном и социально-статусном развитии человека — до небес, из никто, ничто — до короля*.

Пунктуация в ИТ не озадачивает повсеместным употреблением тире вместо привычных знаков препинания (как это обычно наблюдается в текстах Эмили Дикинсон): тире применяется для межстрофической паузы в 4 строке вместо точки или запятой, а также — в строке 8, где оно употребляется вместо вопросительного знака после риторического вопроса, маркируя незавершенность диалога, отсутствие ответа на заданный вопрос и «висячую» концовку всего стиха.

Рассмотрим субъектную организацию текста в первом четверостишии. В ИПТ *We never know* высказывание субъектно организовано английским личным местоимением *we* и эквивалентно передано русским *мы* в поэтических переводных текстах В. Марковой (ППТ 1 *Мы не знаем*), А. Гаврилова (ППТ 2 *не знаем мы*), В. Авсияна (ППТ 3 *не знаем мы*), Л. Вагуриной (ППТ 4 *не знаем сами*):

ППТ 1 *Мы не знаем — как высоки*
Пока не встаём во весь рост.
Тогда — если Мы верны чертежу,
Головой достаём до звёзд

[Маркова 1983: 177]

ППТ 2 *Каков наш рост — не знаем мы*
Пока не просят встать,
Но если плану мы верны,
Нам до Небес достать

[Дикинсон 2001: 327]

ППТ 3 *Не знаем мы, как высоки,
Пока не встанем с мест,
Но если помыслы чисты,
Коснёмся мы небес*

[Избранница... 2017: 197]

ППТ 4 *Пока нам не прикажут встать,
Свой рост не знаем сами,
Но если замыслу верны,
Упрёмся в небеса мы*

[Избранница... 2017: 327]

Исключение составляет перевод Г. Кружкова (ППТ5 *не понимает Человек*), где для *мы* предложена лексическая замена *человек*.

ППТ 5 *Не понимает Человек,
Как он велик, пока
Не выпрямится во весь рост,
Восстав под облака*

[Кружков 2013: 126].

Личное местоимение *we мы*, подобно *я*, выражает дейктическую функцию и указывает на личностного субъекта действия, который, в отличие от *я*, представлен двумя партнерами по коммуникации *я и ты* или более двух *я и вы* по функции первого и второго лица. *We* в ИПТ и *мы* в ППТ 1—4 создают конкретно-личный персональный дейксис [Бондарко 2017: 238]. В русском и английском языках говорящее лицо вступает в диалог с известными ему партнерами [Hornby 1974; Ожегов 1978]. Кроме этого, личностный субъект предполагает референцию ко всему, что связано с ним в коллективно-личной сфере, например *our (stature) наш (рост), свой (рост)*. Важным семантическим признаком является указание на «определенность», т.е. известность отдельному лицу или группе лиц как в ИПТ, так и в ППТ 1—4.

Лексическая замена в ППТ 5 (*человек*) снимает «определенность» в дейксисе первого лица, сужая широкую местоименную семантику *мы* до лексемы *человек* — ‘живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда’ [Ожегов 1978]. В речи лексема *человек* соотносится с местоимением третьего лица *он* с дополнительными значениями неопределённо-личной и обобщённо-личной референции. Количество партнеров по коммуникации и деятельности безгранично расширено

до масштабов всего человечества. Персональный коллективный субъект из ИПТ *we* изменен в ППТ 5 и приобретает значения неперсонального неопределенного множества третьих лиц *человечество*, но с единичным производителем действия *человек* — *он*. Такое преобразование семантики субъекта в ППТ 5 сопровождается изменением статуса *я*: персональный дейксис заменен на зону ‘принадлежащего всем и никому в частности’ при увеличенном количестве участников предметной ситуации в переводном тексте *человек* — *человечество*. По мнению Б.Ю. Нормана [Норман 2013: 52], представления о количестве и качестве участников в одной и той же референтной ситуации являются своего рода «семантическим узлом» языковой категории.

На уровне предложения концептуальная категория субъекта служит когнитивным основанием синтаксической категории подлежащего. Типы синтаксических субъектов, по мнению Н.Н. Болдырева, прототипически восходят к субъекту-агенту, обозначая инициатора действия. В предикативном ядре предложения из ИПТ *We never know* и его эквивалентах в русском языке местоимение *мы* как субъект состояния *know* *знать* обладает признаками нереперентной активности, одушевленности и креативности предикативного признака [Болдырев 2009: 224].

В реальности текста субъект является естественным центром ориентации, определяет правила комбинаторики и выбор языковых средств, прагматически направляя модальность высказывания, что, согласно Г.Я. Солганику [Солганик 2010: 123], в *Я*-субъекте соотносится с наивысшей модальностью, а в *Он*-субъекте — с наименьшей степенью представления индивидуальной версии происходящего. Так, субъект речи участвует в передаче точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи, определяя тип рассказчика. Аналитическим инструментом внутренней точки зрения заинтересованного рассказчика является личностный субъект *we* *мы* в ИПТ и ППТ 1—4; субъект третьего лица *человек*, *он* в ППТ 5 направляет точку зрения внешнего отстраненного наблюдателя-

рассказчика в обобщенной неличной сфере; рассказчик при этом не заинтересован в событиях в той мере, в какой он проявляется в личной сфере говорящего Я-субъекта.

Прагматика субъекта выражена и в оппозиции глагольных залоговых форм в целой строфе ИПТ и переводах; эти формы прямо и непосредственно связаны с субъектным полем говорящего, а глагольный признак акцентирован в ядре актива и пассива по отношению к его носителю [Бондарко 2017: 264].

Из ИПТ *We never know — we are asked* оппозиция активного — пассивного ядра в строках 1 и 2 сохранена в ППТ 2 у А. Гаврилова *не знаем мы — (они) просят встать* и в ППТ 4 у Л. Вагуриной *(нам) прикажут — (мы) не знаем сами*; семантический признак креативности действия распределен между двумя субъектами. Только активное ядро высказывания представлено в ППТ 1 у В. Марковой *мы не знаем — (мы) не встаём*, в ППТ 3 у В. Авсияна *не знаем мы — (мы) не встанем с мест*, с одним источником действия — коллективно-личным субъектом *мы*. В ППТ 5 у Г. Кружкова *не понимает человек — (он) не выпрямится во весь рост* в непассивном ядре участвует один неличный субъект действия *он*.

В ИПТ пассивная конструкция вводит в субъектное поле ещё одного субъекта действия, инициированного другим лицом *we are asked*. Так появляется третье лицо, отдающее приказы встать, лицо, у которого есть план, замысел, божественный промысел для каждого человека и человечества, как например, Бог и божественное в наследии Эмили Дикинсон [Love 2013]. Совершенно очевидно, что активные структуры с *Мы*-субъектом, преобладающие в трёх переводных русских текстах ППТ 1, ППТ 3, ППТ 5, трансформируя пассивную конструкцию в активную, выводят из предметной ситуации имплицитное указание на третье, дополнительное к *мы*, лицо, тем самым изменяя общий смысл: нет никакой третьей силы и ничто не управляет судьбой человека, кроме него самого.

Таким образом, субъектная организация цельного фрагмента текста была рассмотрена с точки зрения семантико-смысловых

отношений в исходном тексте и его пяти переводных вариантах. Было показано, что изменение типа повествователя в ППТ 5 иницировано заменой субъекта и сопровождается изменением «семантического узла» с указанием на количество и качество участников описываемой предметной ситуации. При рассмотрении глагольных залоговых форм сема креативности глагольного признака также маркирует изменение количества участников предметной ситуации.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ, 2004.
2. Болдырев Н.Н. Категория подлежащего и его типы // Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие / Н.А. Кобрин, Н.Н. Болдырев, А.А. Худяков. М.: Высшая школа, 2009. С. 220—238.
3. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.
4. Дикинсон Эмили. Стихотворения: сб. / сост. М. Гавриловой. М.: Радуга, 2001. На английском языке с параллельным русским текстом.
5. Избранница в белом. Стихотворения / пер. с англ. Л. Вагуриной и В. Авсияна. М.: Звонница-МГ, 2017.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Когнитивная лингвистика. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический ф-т МГУ, 1996. С. 53—55.
7. Кружков Г. Кенгуру в чертогах красоты // Новый мир. 2013. № 10. С. 122—127.
8. Маркова В. Переводы Э. Дикинсон // Американская поэзия в русских переводах. XIX—XX вв. / сост. С.Б. Джимбинов. На английском языке с параллельным русск. текстом. М.: Радуга, 1983. С. 158—179.
9. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 12-е изд., стер. М.: Русский язык, 1978.

11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивные черты семантико-когнитивного подхода к языку. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
12. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010.
13. Hornby A.S. with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1974.
14. Love D.C. Life in the Woods. A Study of Emily Dickinson. Waterloo, Ontario, Canada, 2013.

© **B.N. Zhanturina**

LINGUOCOGNITIVE INTERPRETATION OF TEXTUAL SUBJECT-ORGANIZATION WHEN TRANSLATED INTO RUSSIAN

Features of a poetic text translated into Russian are considered in 5 Russian poetic translation variants with respect to the original poetic text by Emily E. Dickinson *We never know how high we are*. A complex analysis comprising semantics, syntax and pragmatics has shown that with the transformation of the collective-personal subject into a generic-personal subject in a translated text the "semantic knot" changes; the number of participants of the situation increases in a cognitive pattern of the situation described. It has also been shown that transformation of the verbal category of active and passive voice results in a change of the semantic feature of verbal action creativity; it is subdivided between two subjects; the results proved useful in the analysis of the narrative category of the point of view and transfer of the internal point of view into that of a detached external observer-narrator.

Keywords: translated text, Subject-organization, personal deictics, collective-personal subject, generic-personal subject, semantic knot, point of view, semantic feature of verbal action creativity.

© *Жданова Елена Александровна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЯХ

Анализируются разнообразные интернет-ресурсы как источники лингвистической информации. Выявляются словообразовательные неологизмы, зафиксированные в интернет-словарях, описываются использованные словообразовательные способы и форманты. Делаются выводы о продуктивности и востребованности конкретных словообразовательных типов и формантов в русском языке новейшего периода.

Ключевые слова: интернет-неография, словообразовательные неологизмы, способы словообразования, словообразовательные форманты.

В современном мире Интернет становится не только удобным и практически повсеместно распространенным средством коммуникации, но и достаточно важным источником получения информации, несмотря на то что качество представленной во Всемирной сети информации может быть весьма разным: с одной стороны, это данные, размещенные на официальных сайтах государственных структур или научных учреждений, которые, несомненно, заслуживают доверия, а с другой стороны — откровенно ложная, ошибочная информация, искажающая факты. Важно понимать, что материалы, полученные через сеть Интернет, требуют при анализе особого критического подхода, в частности весьма осторожно следует подходить к разного рода справочно-образовательным ресурсам, представленным в сети, в том числе к интернет-словарям.

Активное внедрение Интернета в повседневную жизнь людей отразилось и в области толкования лексических единиц. Как отмечает Е.Г. Лукашанец, «новая форма комму-

никации сделала возможным появление так называемых онлайн-словарей — словарей принципиально нового типа, существование которых не было возможно ранее» [Лукашанец 2014: 17]. «Наивную лексикографию» как форму языковой рефлексии говорящих анализирует и В.А. Ефремов: «Интернет-пользователь имеет возможность быть не только потребителем словарной продукции, но и ее творцом <...>. В эпоху интернета активный лингвист-любитель может и наблюдать за изменениями в языке, и предлагать те или иные единицы для включения в словарные издания, и собственноручно создавать словарные статьи» [Ефремов 2015: 28]. Языковые единицы, в том числе неологизмы, зафиксированные в такого рода непрофессиональных словарях, представляют известный интерес для лингвистического анализа. «Огромные языковые ресурсы Интернета, мощность которых трудно переоценить, имеют особенно большое значение при изучении образования и употребления новых слов в разнообразных текстах, представленных в Сети. Языковой материал, полученный в результате интернет-поиска, позволяет также анализировать соотношение потенциальных моделей деривации и реальных лексем, образованных по этим моделям» [Петрухина, Дедова 2019: 141].

В рамках данного исследования мы опирались на материалы, полученные из трех источников: сайт wordsonline.ru (<https://wordsonline.ru/lexis/neologisms.html>), сайт Myslang. Словарь современного языка (<https://myslang.ru/words/new>) и запись в одном из блогов ЯндексДзен (<https://zen.yandex.ru/media/id/5d34ec7df2df2500ae87a3a2/20-slov-iz-molodejnogo-leksikonakotorye-navriatli-5d5089561d656a00addc4e4>). Данные источники были указаны в числе первых в ответ на поисковый запрос «Словари новых слов» на yandex.ru. Однако ресурсов, на которых так или иначе представлены новообразования русского языка или единицы, представляющиеся говорящим новообразованиями, значительно больше (см. также интернет-страницы <https://likbez24.ru/index.php/leksika/item/246-leksicheskijslovarik>; slovarik; <https://>

zen.yandex.ru/media/id/5aa108e1fd96b18c6b4760c1/slovar-novyh-slov-i-vyrajenii-5aca294b482677a4ef050a04; <https://blog.tutoronline.ru/kratkij-slovar-neologizmov>; проекты М. Эпштейна и др.).

Наибольшее количество словообразовательных неологизмов было обнаружено на сайте <https://myslang.ru/>, что в целом не удивительно, так как данный ресурс представляет собой пополняемый любым пользователем интернет-словарь, в то время как два других проанализированных ресурса дают закрытые списки лексических единиц. В ходе работы мы выбирали те из представленных лексических единиц, при образовании которых были задействованы словообразовательные ресурсы русского языка. При этом не учитывались узуальный или окказиональный характер единиц, их возможная принадлежность к сленгу или разного рода жаргонам.

Наибольшую часть зафиксированных нами словообразовательных неологизмов составляют имена существительные — среди 175 проанализированных единиц было обнаружено около 100 субстантивов, что составляет около 55% от общего числа новаций: *бичпакет*, *блогерша*, *гифка*, *дьютик*, *поравалитик*, *школота* и др. Полученные данные в целом согласуются с общеязыковыми тенденциями: преобладание имен существительных является общей тенденцией современных процессов неологизации: «субстантивы в разных языках мира являются самой неогенной частью речи» [Попова 2004: 44].

В то же время материалы интернет-неографии демонстрируют очень небольшой процент новых прилагательных — обнаружено только 7 единиц, т.е. 4%: *зожный*, *нерукопожатный* и др.; но значительное количество новых глаголов — более 50 единиц, т.е. более 30%: *донатить*, *кликать*, *лайкать*, *юзать* и мн. др., а также ряд новых междометий (*сян*). Такое частеречное соотношение отличается от частеречного соотношения, полученного по материалам академических неографических словарей: согласно последним, новообразования-прилагательные значительно преобладают над новообразованиями-глаголами. Возникшее расхождение объясняется,

на наш взгляд, тем, что составители интернет-словарей — непрофессиональные неографы, пользователи Сети, опирающиеся на собственное языковое чутье и относящие к неологизмам единицы с «эффектом новизны». Видимо, новые глаголы, образованные в первую очередь от иноязычных производящих, оказываются ярче и «заметнее», чем новые прилагательные.

Обратимся к анализу конкретных новообразований, а также словообразовательных способов и формантов, которые были использованы при конструировании новаций. Так, фиксируются новые имена существительные, образованные как узуальными, так и окказиональными способами: способом словосложения (в том числе аббревиации и контаминации), суффиксации, сложно-суффиксальным способом, а также в результате неморфемного усечения и изменения фонемного состава слова.

При этом наибольшее число зафиксированных новообразований создано путем суффиксация (в том числе и суффиксации в сочетании с усечением): *дьютик*, *кинцо*, *ключевик*, *юрик*, *сервак*, *шавуха* и др. Использованные форманты весьма разнообразны: это и новые заимствованные суффиксы *-(йз)инг*, *-мейкер* (*улучшайзинг*, *клипмейкер*), и продуктивные исконные суффиксы *-к(а)*, *-ик*, *-ш(а)* (*гифка*, *ключевик*, *юрик*, *стримерша*). Обращает на себя внимание исконно русский суффикс *-от(а)*, долгое время описывавшийся в научной и учебной литературе как непродуктивный: в настоящее время он начинает демонстрировать продуктивность, с его помощью образуются слова *милота* ‘что-то невероятно милое и трогательное’, *крипто* ‘что-либо очень страшное’ (фильм, картинка, ситуация и т.д.; произошло от слова *крипи* — англ. *creepy* ‘страшный, ужасный’), *толсто* ‘явный троллинг, направленный вызвать исключительно отрицательные эмоции у наивных людей, откровенная провокация’ (толкования даны по: [<https://myslang.ru/words/new/>]). Можно предположить, что возрождающаяся продуктивность этого суффикса обусловлена стремлением говорящих создать выразительную номинацию с помощью малораспространенного, но все же знакомого форманта и за счет этого как бы «освежить» речь.

Достаточно распространена, по данным проанализированных интернет-ресурсов, аббревиация: *МЧ* — ‘молодой человек’, *ЛС* — ‘личное сообщение’, *ИБД* — ‘имитация бурной деятельности’ и под. Интересна аббревиатура *ОБС*, возникшая на базе устойчивого сочетания ‘одна баба сказала’.

К аббревиатурам примыкают образования, созданные в результате неморфемного усечения: *движ*, *жиза*, *разраб*.

Словосложение, в том числе контаминация, также востребованы говорящими при конструировании новообразований, найденных на обследованных ресурсах: *зомбоящик*, *фанзона*, *кетчунез* ‘смесь кетчупа и майонеза’, *шива* ‘автомобиль Шевроле Нива (Chevrolet Niva) в народе’ [<https://myslang.ru/words/new>] и под. К ним примыкают новации, при создании которых были использованы аффиксоиды, например *ксенофоб*, *мимиметр* ‘виртуальный измеритель показателя мимимишности (милоты и трогательности), единица измерения — мимими’ [<https://myslang.ru/words/new>] и др. Однако надо отметить, что новообразований с аффиксоидами было обнаружено совсем немного.

Исследователи неоднократно отмечают возросшую в русском языке новейшего периода активность именной префиксации. Однако в наших материалах было зафиксировано только одно префиксальное производное — *антикафе* ‘кафе, клуб, где оплачивается не услуги и еда, а время’ [<https://myslang.ru/words/new>].

Интересную тенденцию отражают новообразования типа *илита* от *элита*, *одмен* от *админ*, *посоны* от *пацаны*, в которых наблюдается изменение фонемного или графического состава мотивирующего слова. Образования, получившиеся в результате искажения внешнего облика производящих, обладают новой, в первую очередь негативной, семантикой: *илита* ‘уже устоявшееся идиоматическое выражение, которое характеризует людей, не являющихся элитой, но старающихся ею казаться; или людей, которые явно деградируют и получают от этого удовольствие’; *одмен* ‘унизительное слово для мамкиных админов, которые делают абы что и банят ни за что’ [<https://myslang.ru/words/new>].

Как было отмечено выше, новые производные глаголы весьма широко представлены на интернет-ресурсах: *агриться*, *батониться*, *инстаграмить* и др. Причем надо отметить, что среди глаголов преобладают либо производные от заимствований (*зугл* — *зуглить*, *шазам* — *шазамить*), либо заимствования, с помощью словообразовательных формантов адаптированные к русской грамматике, своеобразные «глаголы-гибриды (иноязычная основа + русские грамматические показатели)» (см. подробнее: [Земская, Ермакова, Rudnik-Karwat 2008]) (*донатить*, *рофлить*, *хантить* и мн. др.).

При создании новых глаголов наиболее востребован суффиксальный способ, используется суффикс *-и(ть)*, реже — *ова(ть)*, *-ну(ть)* и *-а(ть)*: *ддосить*, *крополить*, *френдить*; *лайкать*, *чекать*, *дрифтовать* и др.

Кроме суффиксальных производных, были встречены производные, образованные смешанными способами: префиксально-суффиксальным (*заданчить*, *заментовать*), суффиксально-постфиксальным (*апнуть*, *хилиться*). Небольшое число представляют описанные в отдельных словарных статьях префиксальные производные: *заинстаграмить*, *зачекиниться*, *пофиксить*. При этом надо отметить, что префиксальные производные в ряде случаев не выносятся в качестве заголовочного слова, но присутствуют внутри словарных статей: *блочить* ‘в самом широком значении блокировать что угодно. Заблочить — заблокировать что-либо. Разблочить — разблокировать, снять блок’ [<https://myslang.ru/words/new>].

Любопытным представляется шутовое новообразование *развидеть* ‘стереть из памяти, навсегда забыть увиденное’ [<https://myslang.ru/words/new>], образованное от глагола *видеть*.

Среди зафиксированных нами на интернет-ресурсах новых глаголов преобладают слова, созданные на базе заимствований и относящиеся к области компьютерного (в том числе геймерского) жаргона, интернет-коммуникации. Однако фиксируются и единичные отантропонимические образования,

относящиеся к другим тематическим группам: *петросянить*, *псакнуть*, *ванговать*.

В современном русском языке состав междометий пополняется в первую очередь за счет конверсии. Однако данные интернет-словарей показывают, что могут быть использованы и другие пути: графическое искажение — *азаза* вм. *ахаха* (закрепившееся смешение клавиш «х» и «з»), расположенных рядом), фонетическое искажение — *дотвидания* вм. *до свидания*, фонетическое искажение в результате стяжения — *ничоси* вм. *ничего себе*; стяжение — *сяп* вм. *спасибо*, заимствование в сочетании с суффиксацией — *сорян*. При этом новые междометия явно обладают шуточной окраской.

В заключение отметим, что отдельные неологизмы описываются на нескольких интернет-ресурсах (*ванговать*, *гуглить*, *рофлить*, *сорян* и др.). Это, несомненно, является показателем их высокой частотности, востребованности, активного вхождения в язык.

Анализ словообразовательных неологизмов, зафиксированных в интернет-словарях, позволил выявить продуктивные пути пополнения лексики, востребованные словообразовательные способы и форманты, продемонстрировал возможное направление движения языковой эволюции.

Очевидно, что описание рассмотренных образований может быть более глубоким и подробным, с привлечением разнообразных лексикографических источников (толковых словарей литературного языка, словарей сленга и жаргона). Вместе с тем, не вызывает сомнений и тот факт, что «интернет-технологии оптимизируют изучение условий и этапов вхождения новых слов в лексическую систему» [Петрухина, Дедова 2019: 154].

Список литературы

1. Ефремов В.А. Наивная лексикография как форма неографии: интернет-извод // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): тезисы Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 28—29.

2. Земская Е.А., Ермакова О.П., Rudnik-Karwat Z. Особенности русского и польского языков на рубеже XX—XXI вв. // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10—16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 225—248.
3. Лукашанец Е.Г. Вариативность как специфическая черта онлайн-словарей сленга и разговорной лексики // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 16—31.
4. Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137—159.
5. Попова Т.В. Новые явления в русском словообразовании конца XX — начала XXI в. // Филологический класс. 2004. № 12. С. 42—47.

Источники

1. <https://wordsonline.ru/lexis/neologisms.html>; <https://myslang.ru/words/new>; <https://zen.yandex.ru/media/id/5d34ec7df2df2500ae87a3a2/20-slov-iz-molodejnogo-leksikona-kotorye-navriatli-5d5089561d656a-00adddc4e4>; www.yandex.ru.

© *E.A. Zhdanova*

DERIVATIONAL NEOLOGISMS IN INTERNET-DICTIONARIES

Various internet-dictionaries as a source of linguistic information are analyzed. Some word-formation neologisms, which were fixed on the websites, are elicited, and used word-formation methods and formants are described. We conclude about productivity and demand of particular word-formation types and formants in the modern Russian language.

Keywords: internet-neography, word-formation neologisms, word-formation methods, word-formation formants.

© Жуковская Лариса Игоревна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

О РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЛЕКСЕМ *МЕНТАЛИТЕТ* И *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Целью исследования является анализ репрезентативных контекстов метафорического овеществления и одушевления лексем *менталитет* и *ментальность* в моделях концептуальной метафоризации абстрактного понятия через призму проблемы культурного освоения иноязычных и инокультурных элементов в современной русской речи. Используются методы лингвокультурологического анализа языковой картины мира, концептуального анализа, анализа концептуальной метафоры и лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка. Исследованы метафорические модели овеществления, представляющие менталитет в качестве чувственно-воспринимаемого объекта, вещества, физической среды и вместилища, и модели одушевления, представляющие менталитет в качестве живого, активно и целесообразно действующего существа. Сделан вывод о значительной культурной разработанности концепта «менталитет/ментальность» в речевой практике носителей русского языка.

Ключевые слова: концепт «менталитет/ментальность», репрезентативные контексты, модели метафорической концептуализации, овеществление, одушевление, культурная апроприация заимствований.

Предпринятое нами комплексное исследование концепта «менталитет/ментальность» в современной русской концептосфере и его языковой объективации в русской речи предполагает

на своем завершающем этапе изучение семантического расширения лексем *менталитет* и *ментальность* как основных репрезентантов соответствующего концепта. Указанные лексемы в ряде контекстов употребления демонстрируют значительные семантические преобразования и коннотативно-оценочные приращения смысла, которые свидетельствуют об их культурной освоенности в речевой практике современных носителей языка. В соответствии с концепцией «культурной апроприации заимствований» Т.Б. Радбиля [Радбиль, Рацибурская 2017; Радбиль 2019], рефлексам определенной степени культурной апропрированности заимствований на лексико-семантическом уровне является приобретение заимствованным словом многозначности, появление у него окказиональных метафорических употреблений, смысловой многоплановости и «идиоматичности». Все это в полной мере характерно и для лексем *менталитет* и *ментальность* [Жуковская 2015], функционирование которых в современной речи вполне отвечает критериям «культурной работанности» того или иного понятия в том или ином языке, согласно А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997].

Наиболее ярким показателем культурной освоенности лексем *менталитет* и *ментальность* на лексико-семантическом уровне, на наш взгляд, является их вхождение в разнообразные модели концептуальной метафоризации, посредством которой эти абстрактные понятия подлежат конкретно-чувственному переосмыслению по линии овеществления и/или одушевления [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004]. Конкретизация абстракции является универсальным когнитивным и культурным механизмом рецепции отвлеченных понятий в языковом сознании носителей языка и в их речевой практике [Жуковская 2015; Радбиль 2018].

Таким образом, мы можем сформулировать цель исследования — рассмотреть репрезентативные контексты метафорического овеществления и одушевления лексем *менталитет* и *ментальность* в моделях концептуальной метафоризации абстрактного понятия через призму проблемы культурного осво-

ения иноязычных и инокультурных элементов в современной русской речи.

Поставленная задача потребовала применения комплексной методики исследования. С одной стороны, в работе использованы методы лингвокультурологического анализа языковой картины мира [Вежбицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Ковшова 2013] и методы концептуального анализа Нижегородской научной школы [Горшкова, Ручина 2011; Радбиль 2018]. С другой стороны, в выявлении и последующей интерпретации моделей метафоризации мы применили научный инструментарий теории концептуальной метафоры [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004]. Также в целях нашего исследования оказалось необходимым использовать методику и технику лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке, апробированную в работах [Русский язык 2014; Радбиль, Рацибурская 2017; Радбиль 2019]. Исследование социально значимых концептов подобного рода не может не быть актуальным, поэтому его практическая востребованность может найти разнообразные прикладные приложения: в создании словарей концептов нового типа [Горшкова, Ручина 2011], в медийной практике, рекламных кампаниях и PR-проектах [Русский язык 2014; Жуковская 2015], в лингвистических экспертизах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014] и др.

На первом этапе анализа было необходимо выявить основные модели концептуальной метафоризации, значимые для речевой реализации лексем *менталитет* и *ментальность* в свете изложенной выше тенденции к конкретизации абстракции. Прежде всего это модели овеществления (реификации), в соответствии с которыми менталитет представлен в качестве чувственно-воспринимаемого объекта (вещи), в качестве вещества (субстанции), в качестве физической среды или пространства и в качестве трехмерного контейнера (вместилища) и модели одушевления, в рамках которых менталитет осмысливается как живая, активно и целесообразно действующая инстанция, человеческое существо или

сверхчеловеческая сущность [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004; Радбиль 2018].

На следующем этапе, в соответствии с логикой предпринятого исследования, следует задать исходные типы репрезентативных концептов, в которых наиболее явственным образом реализуются указанные выше модели концептуальной метафоризации лексем *менталитет* и *ментальность*. Эмпирическим путем мы определили три модели сочетаемости, значимых для нашего исследования, которые продемонстрируем ниже, на материале выборки контекстов из Национального корпуса русского языка.

I. Модели атрибутивной сочетаемости по типу «прил. + сущ.»

Интересующие нас контексты концептуальной метафоризации по линии овеществления или одушевления реализуются в сочетаниях лексем *менталитет* и *ментальность* с прилагательными, обозначающими физическое свойство/качество объекта или явления, а также какую-либо характеристику, в норме присущую живому существу (в том числе атрибут человека):

— **контексты метафорического овеществления:** *Ущербный менталитет*. Вообще, схема инвестор-заказчик-подрядчик, где каждую из сторон строительного процесса представляют профессиональные участники рынка, является классической (НКРЯ — Баланс интересов (2004) // Мир & Дом. Residence, 15.03.2004); *Испорченная ментальность*: миазм извращает, деформирует, портит рассудок, хочет все скрывать, даже собственные болезни (НКРЯ — коллективный. Форум: Классическая гомеопатия и шарлатанство (2008—2010)); *Попытками выбраться за пределы столь деревянной ментальности* (НКРЯ — Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997));

— **контексты метафорического одушевления:** *О нашем образе жизни, специфическом, но задуманном и добром*

менталитете (НКРЯ — коллективный. Форум: Любовь и голуби (2007—2011)); *Близорукая стратегия Японии — трусливый менталитет самообмана* (НКРЯ — Заголовок статьи // Жэньминь жибао. 13.07.2012); *Ментальность в нашем смысле — нечто душевно-мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его и не дает* (НКРЯ — В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006).

Использование лексем *менталитет* и *ментальность* в контекстах подобной метафорической атрибутивной сочетаемости отражает достаточно высокую степень культурной апроприации этого концепта в дискурсивных практиках современных носителей русского языка, потому что, будучи изначально воспринятыми как «когнитивно далекие» (Ч. Осгуд) от носителей языка, чуждые их миру абстрактные явления, иноязычные лексемы переосмысляются как обычные вещи или существа, начинают представляться языковому сознанию в качестве уже чего-то знакомого, привычного (как исконные лексемы с отвлеченным значением типа *совесть, грех, мнение, чувство* и пр.), приобретают несвойственную им ранее позитивную или негативную оценочность и пр.

II. Модели генитивной сочетаемости субстантивного типа «сущ. + сущ. в род. пад.»

Контексты генитивного сочетания «сущ. + сущ. в род. пад.» для лексем *менталитет* и *ментальность*, согласно Л.О. Чернейко, обнаруживают «глубинные проекции» абстрактного имени, потому что они выступают основой так называемой «генитивной метафоры», в которой как раз и реализуются разнообразные когнитивные модели овеществленного или одушевленного представления абстракции [Чернейко 1997], что проявляется в разного рода строительных, технологических, военных биологических, антропологических и пр. метафорах:

— **контексты метафорического овеществления:** *В одежде, которую совершенно справедливо можно считать витринной менталитета, французы, в том числе и совсем юные, в полной мере сохранили свою самобытность* (НКРЯ — Элла Бакшеева. Быть модным с пеленок // Европа, 15.06.2001); *Разумеется, что современные модели, описывающие молекулярные механизмы ментальности (и, в особенности. ее патологий) имеют не детерминистский, а вероятностный характер* (НКРЯ — Василий Вельков. По ту сторону эволюции: второе изгнание из рая // Интернет-альманах «Лебедь», 05.05.2003);

— **контексты метафорического одушевления:** *Жизнь кончается не завтра, сила менталитета проверяется на прочность веками, а в чем-то сокровенно важном Семенов был истинно русским человеком* (НКРЯ — Евгений Ю. Додолев. Отца Штирлица убили из-за поисков «золота партии»? // Комсомольская правда, 19.09.2013); *Правила такого рода составляют скелет ментальности населения, в свою очередь тесно связанной со стилем его повседневной жизни* (НКРЯ — Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015).

Подобные явления отражают осмысление менталитета как становящегося во времени явления с определенным устройством и определенными свойствами (порою — самыми неожиданными), как живого и активно действующего существа с сознанием, волей и телом (сила, скелет), что также свидетельствует о значительной «культурной разработанности» концепта «менталитет/ментальность» в русской языковой картине мира.

III. Модели субъектно-предикатной сочетаемости по типу «сущ. в им. пад. + глаг.»

Контексты употребления лексем *менталитет* и *ментальность* в их сочетании с предикатами, которые в норме могут быть приписаны овеществленным или одушевленным сущно-

стям чувственно-воспринимаемого характера выступают ярким признаком концептуальной метафоризации по линии овеществления или одушевления [Чернейко 1997]:

— **контексты метафорического овеществления:** *Вероятно, коммунистический менталитет Ельцина тормозил давно назревшее решение о предании земле основателя советского государства* (НКРЯ — Анатолий Собчак. Дюжина ножей в спину (1999)); *Ментальность налагает отпечаток. Древние термины, означавшие особей одного вида разного пола, даже базировались на разной основе, словно быки, селезни, кони прилетели с одной планеты, а коровы, утки, лошади с другой* (НКРЯ — Владимир Иваницкий. Поэтесса // Знание — сила, 2008);

— **контексты метафорического одушевления:** *Российский менталитет немедленно перевел термин на родной язык и придал ему ироническую окраску* (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)); *В языке отражается то, что русская ментальность не предписывает человеку бороться с враждебными силами и привлекать позитивные силы на свою сторону* (НКРЯ — Т.Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999)).

Подобные контексты также являются весьма репрезентативными с точки зрения оценки степени культурной освоенности заимствованных лексем, потому что, употребляясь в этих контекстах, изначально инокультурное понятие вписывается в типично русские модели мифологического переосмысления менталитета как вещи, вещества или живого существа, т.е. опять же становится чем-то родным, близким, понятным.

В целом проведенное исследование продемонстрировало достаточно высокую степень культурной апроприации абстрактных иноязычных по происхождению лексем *менталитет* и *ментальность*, принадлежащих к фонду интернациональной лексики. В качестве перспектив дальнейшего исследования отметим, что эмпирическим путем был выявлен еще один «кандидат» в репрезентативные контексты — модель

предикатно-объектной сочетаемости по схеме «глагол + существительное», которую, применительно к употреблению лексем *менталитет* и *ментальность*, мы и предполагаем рассмотреть в будущем.

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130—135.
3. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2015. 198 с.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
7. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146—149.
8. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 375 с.
9. Радбиль Т.Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. 2019. Вып. 20. С. 218—226.
10. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.

11. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18—21.
12. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
13. Чернейко О.Л. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

© *L.I. Zhukovskaya*

ON REPRESENTATIVE CONTEXTS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION OF THE LEXEMES “MENTALITET” AND “MENTALNOST” IN MODERN RUSSIAN SPEECH

The object of the study is to analyze the representative contexts of metaphorical reification and animation of lexemes “mentalitet” and “mentalnost” in models of conceptual metaphORIZATION of an abstract concept through the prism of the problem of cultural appropriation of foreign language and foreign cultural elements in modern Russian speech. The methods of linguo-culturological analysis of the language picture of the world, conceptual analysis, analysis of conceptual metaphor and linguo-culturological interpretation of active processes in the modern Russian language are used. The research material is the data of the Russian National Corpus. Metaphorical models of reification, representing mentality as a sensually perceived object, substance, physical environment and container, and models of animation, representing mentality as a living, actively and purposefully acting creature, have been investigated. The conclusion is made about the significant cultural development of the concept “mentalitet/mentalnost” (“mentality”) in the Russian native speakers’ speech practice.

Keywords: concept “mentalitet/mentalnost” (“mentality”), representative contexts, conceptual metaphor models, reification, animation, cultural appropriation of foreign words.

ЯЗЫК ПЕСЕННЫХ ХИТОВ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Рассматривается проблема вербального содержания песенного текста на примере лексики одежды. Сравнительный анализ текстов советских и современных песен показал, что лексика одежды отражает культурные и нравственные ориентиры общества. Так, в советской песне номинации типично русской одежды (*валенки, платочек, варежки, шаль* и др.) передают национальные нравственные эталоны. В современной молодежной песне на первый план выходят материальные ценности, отмечены брендовые номинации одежды и стремление продемонстрировать возможности ее потребления. Лексика одежды и ее атрибуты указывают на модные торговые дома, имеют своей целью отразить европейские модные тенденции, продемонстрировать стремление к хорошему настроению, сексуальной открытости и материальному превосходству.

Ключевые слова: советская песня, современная молодежная песня, лексика одежды, номинации брендовых товаров одежды, ценностные ориентиры общества.

Современное языкознание, развивающееся в рамках антропоцентрического направления, обратило пристальное внимание на осмысление основных концептов русской картины мира, отраженной в песенном творчестве. Так, Е.А. Карапетян описала экспрессивно-семантическую структуру русской лирической песни как жанровой формы художественной речи и лексические средства её формирования [Карапетян 2001]; Е.В. Нагибина исследовала содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен как произведений массового искусства [Нагибина 2003]; Т.А. Григорьева дала характеристику основным лексемам-существительным, которые раскрывают тематику песен (*любовь, ночь, день, сердце, глаза, сон, небо,*

дождь, свет, слово, ветер, друг, звезда, год, жизнь, окно, слеза, душа, дом, огонь, судьба, снег, песня, море, лето, весна, мир, счастье, земля, солнце) [Григорьева 2003: 10—11]; О.С. Кострюкова описала образы-символы, отразившиеся в песенном тексте (Любовь, Судьба, Счастье, Время, Разлука) [Кострюкова 2007] и др.

Наименования одежды в советских песнях и современных хитах не становились предметом широкого научного интереса лингвистов, хотя лексика одежды изучена, например, в контексте исторического подхода в работах П.К. Степанова (История русской одежды. Пг., 1915), М.Н. Мерцаловой раскрыта художественная ценность русского народного костюма, отдельных его частей и орнамента (Поэзия народного костюма. М., 1988), Г.С. Масловой осмыслена тесная связь народного костюма с духовной жизнью народа (Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984), Г.Н. Лукиной описана лексика материальной культуры с конкретно-бытовым значением: названия тканей, одежды, головных уборов, обуви, мехов, украшений, сосудов, различной утвари (Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990), Л.А. Полищук рассмотрела номинацию одежды в говорах (Название одежды и обуви в говорах камчадалов. Петропавловск-Камчатский, 2007) и др.

Функционированию лексики одежды в художественных текстах посвящены изыскания Р.М. Кирсановой (1995), о принципах наименования одежды в русском языке рассуждает Е.В. Маркова (1990), поэтике костюма в прозе А.П. Чехова посвящена монография Н.М. Абиевой (2018). Я.С. Матосян исследовала лексическую подсистему «одежда и мода» на материале лексики русского языка XX—XXI веков в аспекте глобализации моды в сфере одежды [Матосян 2008] и др.

Материалом настоящего исследования послужили тексты советских песен и произведения, которые занимали ведущие позиции в хит-парадах «МузТВ», «Русское радио» и др. Привлекло внимание использование лексики одежды в песенном творче-

стве. Не вызывает сомнений тот факт, что яркой приметой национальной картины мира выступает одежда. Одежда воплощает в тексте песен русский этический код, ценностные ориентиры общества. На внешней простоте и непритязательности атрибутов русской одежды, переданной в основном лексемами с русскими корнями (*платочек, косынка, рубаха, бескозырка, валенки, варежки, сапожки* и др.) или производными от заимствованных корней (*сарафан, бушлат, шинель, гимнастерка, ботинки* и др.), уже потерявшими налет иноязычности, основана нравственная модель мира, наполненная трудом, подвигом и любовью.

Например, платок олицетворяет духовное богатство русской женщины: *синенький, скромный платочек, синий платочек* (Я. Галицкий, 1940), *оренбургский пуховый платок* (В. Бокков, 1958), *подари мне платок, голубой лоскуток* (М. Агашина, 1970), *а со мной вместо милого друга только светло-лиловый платок* (Ю. Энтин, 1981), *Только много и много напомним эта темно вишневая шаль* (В. Бакалейников, первая четверть XX века), *белая шаль, атласная шаль, старомодная шаль* (исполнитель Сергей Дикий, 1998) и др.

Понимание женской судьбы раскрывается при помощи определяющих атрибутов женской одежды — русского сарафана, рубашки, валенок, сапожек и варежек: *красный сарафан* (Н.Г. Циганов, 1832), *Валенки* (начало 1910-х годов), *Шиты золотом сапожки русские* («Русские сапожки» Н. Кудрин), *Много варежек теплых связали* («Варежки» 1941), *шить сарафаны и легкие платья из ситца* (Никитины, 1971), *сарафан зеленый* (Н. Хачатурова, 1998), *родилась я в рубашке, домотканое было шитьё* (М. Распутина), *сарафан* (Palina, 2015) и др.

Современные песни, созданные в русских народных традициях, передают образ русского человека, война посредством лексем-символов *бушлат, шинель, гимнастерка, бескозырка: Мы в бескозырках и в морских бушлатах* («Песня о бушлате» 1941), *Во фронтовых бушлатах и шинелях* («Бушлат» 1942), *На нем защитна гимнастерка. Она с ума меня сведет* (записана в 1952 г.), *Из камня его гимнастерка* («Алёша»), *Чёрные бушла-*

ты (В. Высоцкий, 1973), *В кармане моей гимнастерки* (армейская песня, 1990-е), *гимнастерка* (С. Морозов) и др. Символ «рубаша» отражает семантику трудового подвига, поиска жизненного пути: *ты сотки мне матушка рубаху* (Южный Ильдар); бродяги и странника: *я сошью себе рубаху из крапивного листа* (Пацаны), *в рубашке был рожден я* (Н. Емелин) и др.

В настоящее время наряду с традиционными образами, сложившимися в советский период, появилась новая молодежная система ценностей, сформировались эстетические ориентиры, которые отразились в текстах песен XXI века. Т.А. Григорьева, отмечая особенности песенной культуры XXI века, подчеркивает, что шлягер выступает продуктом массовой культуры, «который приучает людей смотреть на мир через призму распространенных стандартов», языковое состояние молодежно-разговорной песенной культуры содержит «обиходно-бытовые формулы повседневного общения, фамильно-разговорные, а также разговорные и жаргонные единицы» [Григорьева 2003: 3, 12]. А.Н. Полежаева рассуждает о проблемах языковой и речевой деградации на материале лирической современной песни [Полежаева 2011]. А.В. Пузырев и И.В. Крашенинникова обращают внимание на роль популярного песенного текста в формировании речевой культуры подростковой молодежи, «закладающей стандарты культуры будущего» [Крашенинникова 2018: 133]; приходят к выводу, что в песнях военных лет и современных «экологичных» песнях транслируется общая созидательная устремленность общества, отсутствующая в «неэкологичных» песнях, в которых отмечена ненормативная лексика [Крашенинникова, Пузырев 2018].

Подтверждает восприятие современной молодежной песенной культуры и лексика одежды, которая выступает показателем уровня жизни и модных тенденций, значимых для молодежной среды. Отмечено, что в современной песне присутствует лексика одежды вне отнесенности к каким-либо торговым маркам (*кроссовки, джинсы, майка, платье, юбка* и др.).

Атрибуты одежды включены в семантическое поле любви: *И пускай капает, капает с неба/ Иду в мокрых кроссах к тебе, где бы я не был* («Мокрые кроссы» Тима Белорусских); веселья: *Синие джинсы, белая майка/ Идем веселиться, это моя Ямайка* («Ямайка» Алексей Воробьев feat. Коля Коробов), раскрепощенности и секса: — *Юбка-мини — ты почти доволен* («ROLLIN» Aziza); *Пальцами сжимаю платье в темноте, в темноте* («Е, бой» Время и Стекло); *Снимай своё платье!* («Black» GAZIROVKA), *Нежно стянешь ты белье, как хочу тебя, эй, йоу* («Кошка» RASA); *Внутри мартини, а в руках бикини* («Цвет настроения синий» Филипп Киркоров) и крайне редко олицетворяет тепло и заботу: *А пока в твоей худи не модной, но тёплой* («Не модные» Елена Темникова).

Лексика одежды становится социальным маркером: *Ты носишь Луи, а я — парень с улиц* («ST» Луи-Луи) — и средством выделения из толпы: *Рокерские джинсы, чёрная кожа — это принцип. / Светит камень на мизинце, мы на чёрных конях принцы* («Цвет настроения чёрный» Егор Крид, Филипп Киркоров), *я в новых кроссах* («Гучи (Сусси)» Тимати feat. Егор Крид) и др.

Номинации торговых марок (Шанель, Армани, Найк, Дольче Габбана, Лабутен, Cucci, Prada, Jimmy Choo, Iphon, La Costa) определяют песенную культуру молодежи, соотносят новые эстетические идеалы с европейской модой и лишают отечественную песню национального колорита. Лексемы современных торговых марок, которые имеют высокую репутацию у потребителя, становятся символами красивой, богатой и успешной жизни. Например, лексемы одежды и модных атрибутов выступают неким эталоном жизненного уровня: *Эта ... Шанель, ... как Гучи; Я пошел их тратить в ЦУМе, / Взял себе Ролексы, Гучи* («Гучи (Сусси)» Тимати feat. Егор Крид); *Птицы летают стайками остро, а я иду-пинаю «найками» воздух / Кепка, шорты, майка «La Costa» — плаваю по району, плаваю просто* («Найки» Пицца); *Я богатый, весь в Versace* («Ролекс» DAVA & Филипп

Киркоров); *Всё, что скоро выйдет в Луи, мы уже купили* («Цвет настроения чёрный» Егор Крид, Филипп Киркоров).

Одежда становится желанной целью: *Я, я хочу, нет, я хочу, / Туфли Jimmy Choo и Iphone хочу* («Хочу» Kristina Si); *Я хочу такскать Hermes и ролить, как Aziza; Prada, Cucci, мы роллим, rollin / Moschino, Louis, мы роллим, rollin / Birken, Burberry, мы роллим, rollin* («ROLLIN» Aziza).

При этом в современной песне нередко отмечается ироническое отношение к брендам и желанию быть «упакованным»: *А я иду такая вся в Дольче Габбана* («Дольче Габбана» Верка Сердючка, 2010); *Шанель от сглаза, Шанель от порчи* («Chanel от сглаза» Сергей Зверев); *Сидела Афродита в платье от Армани* («Армани» ЮрКисс); *Загорелые плечи, / На спине Versace; Норка, сапоги, золотой обвес; Gucci, Versace, Prada, Dolce & Gabbana, Armani. / А мы клали на вас и Roberto Cavalli. / Мои джинсы стоят 150 долларов максимум. / Мои кеды — это Lacoste за 200 баксов* («Около клуба» CENTR); *Платье Сен-Лоран от душевных ран* («Платье» Ленинград); *Я главный экспонат / На лабутенах нах / И в ...штанах* («Лабутены» Ленинград); *Ты вся упакована, вся нашпигована* («Алкоголичка» Артур Пирожков).

В современной молодежной песне отразилась смена культурных стереотипов в одежде. Романтические образы платочка, варежек, сапожек, валенок, гимнастерки, бескозырки и др., в которых воплотились нравственные идеалы советского времени, вытеснили образы модников и модниц, чьи переживания любви и восприятия мира связаны с материальным достатком и социальным положением: *Она смотрит на мои часы, но не чтобы узнать время* («Сердцеедка» Егор Крид).

Песенный текст передает новый портрет современника — успешного, раскрепощенного, сексуального и стильного. Большое значение для такого образа имеют атрибуты модной одежды и обеспеченной жизни, например, сумки: *Кожаная сумка Prada / Полюбила, как мне быть?* («Сумка» Ленинград); духи: *Лёгкий ночной бриз, как дорогой парфюм* («Lovi» Сергей Лаза-

рев); *Твой аромат закружил / Одурманила на куражи* («Кошка» RASA); очки: *очки как у Собчачки* («Очки» Ленинград); *Модные очки, Сисси Сисси мне нужны* («Модные очки»); галстук: *Стильный оранжевый галстук* (Браво); *Модный галстук повяжу и сегодня посижу до упада* (С. Наговицын); часы: *Это мои Ролексы звонят* («Ролекс» DAVA & Филипп Киркоров); *Вот тебе от бати на память часы, сын, / Роле-роле-ролексы* («Ролексы» БАСТА|НОГГАНУ); помада: *Она рисует на стекле помадой от dior* («Армани» ЮрКисс); автомобили: «Кабриолет» (Л. Успенская), «Черный бумер» (Сергея), «Девочка в Пежо» (Ёлка) и др.

Атрибуты одежды позволяют авторам передать душевное состояние лирического героя: *Парни погибают от твоего каблука* («Кошка» RASA); настроение: *Топчим на ногах Найки, навалим к ним в танце* («Пустите меня на танцпол» HammAli & Navai); *Я стою, втыкаю, протыкая каблуками пол* («Е, бой» Время и Стекло); жажду романтики: *Там, где тихая гавань забытой мечты / Будет так близко, но через очки* («Зелёные волны» Zivert) и настоящей любви: *Ты именно та, не подделка из Китая* («Голоса» Звонкий).

В молодежной песне увеличилось количество номинаций одежды, лексемы одежды и моды выступают в качестве изобразительно-выразительного средства, использование которого позволяет эстетически воспринимать овеществленный мир. Номинации одежды получают образное осмысление, типичное для своего времени, например: *брюки галифе, ботиночки он носит нариман* («Я милого узнаю по походке») — *Туфли Jimmy Choo и Iphon хочу* («Хочу» Kristina Si). Смысловое поле песенных текстов, оформленное лексикой одежды, усиленное лексическими повторами и поддержанное музыкальным сопровождением, вне всякого сомнения отражает определенный период культурно-исторического развития общества. Песня нередко передает кризисную ситуацию культурного-нравственных ориентиров молодежи, когда ценности модной одежды становятся определяющими, и в языковом сознании слушателей закрепляются эстетические стереотипы одежды и моды современного

общества. Как показывает исследование, с одной стороны, в современной песне отразилась массовая психология потребления, которая «характеризуется установками на поддержание статуса путем приобретения брендовых товаров и перманентным желанием индивида демонстрировать свою возможность потреблять как можно больше в угоду соответствию бытующей потребительской культуре» [Михайлова 2015: 92]. С другой стороны, за лексикой модной одежды, проникшей в современную молодежную песенную культуру, усматриваются общечеловеческие стремления к любви, добру и счастью.

Таким образом, художественный взгляд на окружающий мир сквозь призму одежды и моды в текстах современных песен может стать предметом системного анализа в культурно-лингвистическом аспекте.

Список литературы

1. Григорьева Т.А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.
2. Карапетян Е.А. Экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни как жанровой формы художественной речи и лексические средства её формирования: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001. 254 с.
3. Костюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
4. Крашенинникова И.В. Лингвоэкологические аспекты изучения современных массовых песен // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: мат-лы XVIII-й Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 16—18 мая 2018 г.) / отв. ред. А.В. Пузырев. М., 2018. С. 132—134.
5. Крашенинникова И.В., Пузырев А.В. Эколингвистичность текстов массовых песен: лексические и фоносемантические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2018. Т. 4(70). № 2. С. 198—216.
6. Матосян Я.С. основные тенденции формирования и функционирования номинаций понятийной сферы «одежда и мода» в русском языке XX—XXI вв. Краснодар, 2008. 25 с.

7. Михайлова А.И. К вопросу о сущности музыкально-поэтического текста в контексте массовой культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 1 (13). С. 91—95.
8. Нагибина Е.В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 219 с.
9. Полежаева А.Н. проблемы современного песенного текста: лингво-экологический аспект: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иваново, 2011. 24 с.

© *I.A. Izmestieva*

THE LANGUAGE OF SONG HITS OF THE EARLY XXI CENTURY

The article examines the problem of the verbal content of the song text using the example of vocabulary of clothing. A comparative analysis of the texts of Soviet and modern songs showed that the clothes vocabulary reflects the cultural and moral orientations of society. Thus, in the Soviet songs are conveyed national moral standards by the categories of typical Russian clothes (felt boots, headscarf, mittens, shawl and others). In the modern youth songs are highlighted material values, branded nominations of clothing and the desire to showcase the possibilities for its consumption. The vocabulary of clothing and its attributes point to fashionable trading houses, which have aims: to reflect European fashion trends, to demonstrate the desire for good mood and sexual openness as well as material superiority.

Keywords: Soviet song, modern youth song, vocabulary of clothing, nominations of branded clothing products, the values of society.

© *Исмагилова Алсу Флюровна*
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы

ОЙКОДОМОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА И ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА УФЫ

Анализируются архитектурные имена г. Уфы, функционирующие на протяжении всей ее истории. Цель работы — установить основные периоды развития г. Уфы, а также выявить ключевые архитектурные сооружения, имена которых закрепились в городском тексте и в устной и письменной речи горожан. Использовался метод лингвистического наблюдения и описания, при помощи которого была установлена история возникновения устоявшихся в уфимском тексте ойкодомонимов, а также дана интерпретация их употребления. Установлено, что архитектура — это один из самых важных инструментов в городской семиотике, при помощи которого создаются разные образы города, репрезентирующие его в различных аспектах. Подтверждено, что язык архитектуры воспринимается горожанами метафорически сквозь различные устоявшиеся в культуре коды и знаки, что необходимо учитывать не только лингвистам, изучающим урботекст, но и современным градостроителям, от которых напрямую зависит развитие города.

Ключевые слова: городской текст, урботекст, язык архитектуры, филологическая урбанология, ойкодомоним, урбаноним, ономастика, ономасиология, городское ономастическое пространство.

Феномен города как одного из основных «культурообразующих» элементов в развитии человеческой цивилизации интересует представителей самых разных наук, в том числе и лингвистики. Интерес лингвистов к городской семиотике и разнообразным письменным и устным языкам города стал причиной возникновения новой отрасли в языкознании — филологической урбанологии [Яковлева 2019]. Предтечей тому является

повышенное внимание к городу со стороны как западных лингвистов, так и отечественных. Западных языковедов интересовала семиотика города и символика архитектуры. К примеру, архитектура мыслилась У. Эко как модель семиотической структуры и являлась неким универсумом, который представлял собой совокупность значащих форм и кодов, формирующихся под влиянием узуса и выдвигающихся в качестве структурной модели коммуникации, а также из денотативных и коннотативных значений [Эко 2006]. Интересным является подход к изучению символики архитектуры Ч. Дженкса, который утверждал, что в археологии так же, как в языке, имеются «слова», «фразы», «синтаксис» и «семантика». Он считал, что люди воспринимают здания посредством метафор, а это значит, что необычные здания они ассоциируют с прочно закодированными в культуре знаками. В качестве примера Дженкс приводит порицания современной архитектуры того времени критиками: «картонная коробка», «упаковка для яиц» и пр. Для Ч. Дженкса «архитектура как язык более податлива, чем язык разговорный, и подчинена изменениям краткоживущих кодов» [Дженкс 1985: 52], поскольку способ восприятия и использования здания людьми может постоянно меняться за всё время его существования.

Отечественных лингвистов интересовал феномен города с позиции взгляда Ю.М. Лотмана на город как на «котел» гетерогенных и разно устроенных текстов и кодов, которые принадлежат разным языкам и разным уровням [Лотман 2010].

Уфимских языковедов также интересуют городской текст в целом и разные его уровни и языки в частности. Проведенное исследование посвящено изучению такой составной части урботекста, как язык архитектуры, который анализируется сквозь призму ключевых ойкодомонимов, функционирующих в рамках уфимского текста с момента основания г. Уфы и до настоящего времени.

Ойкодомонимами принято считать названия зданий и сооружений [Подольская 1988; Врублевская 2016]. Однако на сегодняшний день лингвистические дискуссии по поводу того, что

входит в понятие ойкодомонима, продолжают. В частности, по мнению А.В. Суперанской, не все здания получают индивидуальные наименования, а только те, которые являются наиболее интересными, привлекательными и художественными [Суперанская 2011: 75]. Р.В. Разумов отмечает, что под ойкодомонимами ошибочно понимаются и наименования коммерческих предприятий, поскольку под именем здания может подразумеваться и учреждение, и в таком случае имя здания будет относиться к эргонимам. Также к ойкодомонимам он не относит неофициальные наименования зданий, принадлежащие субстандарту и закрепившиеся исключительно в разговорной речи горожан [Разумов 2014].

В проведенном исследовании под ойкодомонимами понимаются все наименования зданий, в том числе и те, которые относятся к наименованию учреждений, находящихся в здании, поскольку они функционируют в обиходной речи горожан в качестве обозначения определенной категории зданий (например, кинотеатр *Родина*, ТРК *Семья* обозначают не только учреждения, но и сами архитектурные сооружения). Помимо всего прочего, к ойкодомонимам в данной работе относятся и неофициальные наименования зданий, поскольку их принадлежность к субстандарту не противоречит их существованию и функционированию в живой речи горожан.

Исследование имен архитектуры уфимского текста полностью соответствует трём основным этапам развития ойкодомонимов, которые были предложены Р.В. Разумовым: дореволюционный, советский и постсоветский.

Дореволюционный этап характеризует Уфу как среднестатистический губернский город царской России. Его появление было обусловлено разработкой нового генплана города в конце XVIII — начале XIX века, который был окончательно утвержден в 1819 году. В этот период начинают появляться новые улицы, новые каменные здания, деревянные и каменные церкви, в связи с чем и растет число ойкодомонимов.

Р.В. Разумов выделил три основные группы ойкодомонимов дореволюционного периода: указывающие на владельца здания, содержащие указание на месторасположение объекта и указание на функциональное предназначение здания. Названия архитектурных сооружений губернской Уфы также можно разделить на три вышеупомянутые группы. К первой группе относятся такие известные дома, как *Дом Ф.Е. Чижова*, *Демидовский дом*, *Дом-особняк Е.А. Поносовой-Молло*, *Дом-особняк П.И. Костерина* и *С.А. Черникова*, *Архиерейский дом* и пр. Стандартный деревянный особняк того периода описывается Н. Лермонтовым и М. Сахаутдиновой следующим образом: «это, обычно, небольшой домик, в большинстве случаев с тремя окнами на улицу, с удлинённым дворовым фасадом в средней части и обязательно с мезонином. На выступах мезонина, расположенных иногда по обеим, а иногда по одной стороне домика, устраивались крытые террасы с фронтоном, опирающимся на четыре угловые колонки с аркой в середине. Под аркой обыкновенно размещались два окна с застекленной дверью между ними. Терраса опиралась на холодную входную часть здания в нижнем этаже, и, таким образом, мезонин с террасой был как бы вкомпонован во всю конструкцию постройки. В этих особняках парадные двери во входное кольцо или сени устраивались в виде лоджии с арочным деревянным же покрытием. Фасад карниза особняка богато украшался резьбой. Так же богатой резьбой украшались окна и ворота» [Лермонтов, Сахаутдинова 1948: 19—20]. Подобного типа дома до сих пор стоят на старых улицах Уфы.

Вторая и третья группы ойкодомонимов, содержащих указания на месторасположение объекта и на функциональное предназначение здания, также присутствовали в ономастическом пространстве Уфы: *Михайловская башня*, *Никольская башня*, *Наугольная башня*, *Ильинские ворота*, *Успенские ворота*; *Гостиный двор*, *Покровская церковь*, *Александровская церковь*, *Уфимская епархия Русской православной церкви для подготовки*

церковно- и священнослужителей, здание Общества взаимного вспоможения частному и служебному труду и пр.

Примечательно, что имена некоторых зданий губернской Уфы прочно вошли в разговорную речь горожан в качестве неофициальных названий и обозначают различные городские локации. Например, *Архиерейка, Гостинка* — районы Уфы (также *Гостинкой* называют сам торгово-деловой комплекс «Гостиный двор»), *Вспоможёнкой* называли клуб Уфимского общества взаимного вспоможения частному и служебному труду.

В 1922 г. Уфу купеческую сменяет Уфа-столица, что было обусловлено созданием Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. С этого момента начинается советский период в архитектурном пространстве города, который оставил в наследство множество различных имён, характеризующих данный этап развития.

Отныне Уфа, ставшая центром политической, экономической и культурной жизни республики, стала стремительно меняться в архитектурном плане. Новый статус города, а также его индустриальное развитие повлекли за собой стремительный рост населения, которое нуждалось в новых жилищных условиях. Так, к концу 1920-х годов в городе насчитывалось 10 тысяч домов, подавляющее большинство которых представляло собою одноэтажные деревянные постройки, а в середине 1930-х гг. началось строительство не только культурных и административных зданий, но и жилых домов. Меняется и характер ойкодомонимов, они начинают обозначать имена коллективных собственников: *Дом Наркомфина, Дом специалистов, Аксаковский народный дом, Дом кооперации, Дом актёра, Дом печати* и пр. Вместе с тем продолжают появляться в ономастическом пространстве Уфы и ойкодомонимы, указывающие на функциональное предназначение здания: *Дворец Труда, Башхлеб, Башкиргеология, Дворец спорта, Дворец Орджоникидзе, кинотеатр «Родина», фабрика «МИР»* и др. Все перечисленные здания объединяет господствующий в те годы

стиль конструктивизма, входивший в часть интернационального стиля, инициаторами которого являются такие архитекторы, как Вальтер Гропиус, Петер Беренс, Ханс Хопп, Ле Корбюзье и пр.

Вместе с возникновением новых ойкодомонимов, являющихся официальными названиями зданий, продолжали появляться и их субстандартные варианты, которые в некоторых случаях представляли единственный вариант наименования. Так, в городе-спутнике Уфы Черниковске в 1954 году был сдан первый из двух восьмиэтажных домов по проспекту Сталина (ныне ул. Первомайская), которые были построены в стиле «сталинский ампир». Появление восьмиэтажных домов с лифтами, установленными специально для постоянного пользования жильцами, вызвало ажиотаж среди населения, которое воспринимало такую высотность как что-то из ряда вон выходящее. Моментально данный район получил название *Восьмиэтажка*, а оба дома — название *Восьмиэтажки*.

Существовали и другие неофициальные названия зданий — например, Дворец Труда, переоборудованный с 1941 года по 1985 год под завод низковольтной аппаратуры, получил впоследствии прозвище *Горелый завод*, поскольку пережил несколько сильных пожаров. Еще одно известное имя Уфы советских времен, связанное с его архитектурным обликом, — *Дунькина фабрика*, под которой подразумевалась швейная фабрика под названием «Мир», открывшаяся в 1961 году. На фабрике трудились приезжие из деревень девушки, отчего завод и получил данное название.

Интересным является факт, что жилые дома, стремительно возводившиеся в то время, продолжают получать наименования, закрепленные лишь в разговорной речи горожан, тем самым активно пополняя ономастическое пространство Уфы. С. Синенко в своей книге «Прогулки по Уфе» отмечает, что Уфа с 1960-х годов начинает расти ввысь [Синенко 2010]. Появляются девятиэтажные, четырнадцатиэтажные дома. В этот период, по свидетельствам автора, город активно строится, поскольку произошло объединение Черниковска с

Уфой. В связи с этим стал активно застраиваться Сибирский тракт, соединявший оба города, который впоследствии был переименован в проспект Октября. Именно здесь появились первые в городе двадцатипятиэтажные дома, которые прозвали *Двадцатипятиэтажками*, а также был построен дом по прозвищу *Пентагон*, представляющий собой группу сблоченных домов, которые визуальнo выглядели как замкнутый пятиугольник (необходимо отметить, что у данного имени два значения: *Пентагоном* также на сленге называют здание Правительства Республики Башкортостан). Однако строился не только проспект Октября, продолжала строиться и Черниковка, и другие районы. Например, в 1981 году на улице Вологодской был построен новый двенадцатипятиэтажный дом круглой формы, который так и стал называться в народе — *Круглый дом*. Он сразу же привлек к себе внимание общественности и пополнил ряды достопримечательностей города. Появление подобного здания — единичный случай в Уфе, поскольку до настоящего времени таких сложных круглых построек больше никто не возводил.

В постсоветский период, как отмечает О.В. Врублевская, происходит ономастический бум, который был вызван появлением множества жилых домов, торговых центров, кафе и ресторанов, остро нуждавшихся в возникновении новых имен [Врублевская 2016]. За этот период построены такие общественные архитектурные сооружения, как ГБУ РБ «Конгресс-холл Торатау», уфимская соборная мечеть «Ляля-Тюльпан», ТРК «Галерея ART», семейный торговый центр «Мега» и пр. Данные архитектурные объекты также закрепились в разговорной речи уфимцев. *Конгресс-холл* обозначает само здание и прилегающую к нему парковую зону, *Ляля-Тюльпан* обозначает район города, где находится мечеть, *Мега* и *Галерея ART* обозначают торговые комплексы.

Проведенные в 2015 г. в Уфе саммиты БРИКС и ШОС вывели ее на международный уровень и послужили причиной строительства в Уфе различных гостиниц, характерных для

современного мегаполиса: *Crown Plaza Ufa Congress Hotel, Holiday Inn Ufa, Hilton Garden Inn Ufa Riverside, Hampton by Hilton Ufa*. Появление новых ойкодомонимов, имеющих в своем лексическом составе англоязычные слова, свидетельствуют о том, что Уфа вышла на новый виток развития в архитектурном аспекте. Однако подобная тенденция, ориентированная на западную культуру, стирает с лица национальной столицы уникальность и самобытность, превращая её в стандартный, ничем не отличающийся от других современных городов, мегаполис.

Отдельный интерес вызывают у лингвистов имена жилых комплексов. Как показывает анализ ойкодомонимов Уфы, жилые дома, представляющие собой яркие и интересные архитектурные сооружения, требуют номинации, которая выделила бы их среди прочих построек в городском тексте. В связи с этим напрашивается вывод, что массовое появление имен жилых комплексов обусловлено метафоричностью человеческого восприятия зданий и трактовкой архитектурных сооружений горожанами сквозь различные культурные коды, как о том писал Ч. Дженкс.

Так сложилось, что на сегодняшний день нет единого определения ономастического статуса наименований жилых комплексов. С одной стороны, они, будучи неотъемлемой частью урботекста, относятся к ономастике с точки зрения классификации имен по характеру именуемого объекта (антропонимы, фитонимы, зоонимы, космонимы и пр.) [Суперанская 1973] в качестве новых урбанонимов, а некоторыми исследователями выделяются и в категорию ойкодомонимов. С другой стороны, наименования жилых комплексов функционируют в современном урботексте также и в качестве рекламных имен, которые выделяются в отдельную категорию ономастики наряду с эргонимами, прагматонимами и пр. и рассматриваются как имена собственные, поскольку их категориальная семантика определяется общей функциональной нагрузкой [Крюкова 2004: 10]. Отнесенность наименований

жилых комплексов к рекламным именам обусловлена также тем, что они выполняют в отличие от традиционных урбанонимов (ойкодомонимов) рекламную функцию.

В проведенном исследовании, вслед за О.В. Врублевской, наименования жилых комплексов относятся к ойкодомонимам. Интерес к данным именам продиктован тем, что их массовость и языковая мода на них, наблюдающаяся в городском пространстве за последние несколько лет, участвуют в формировании различных образов города. Так, при детальном исследовании названий жилых комплексов нами установлено, что сфера жилой недвижимости Уфы начала XXI века и её выражение во внешней рекламе города содержат в себе образы губернской Уфы, национальной Уфы и Уфы-мегаполиса. Например, Уфа купеческая отражена в таких рекламных именах жилых комплексов, как *Уфимский кремль*, *Старый Центр*, *На Успенской* (бывшее название улицы Коммунистической), *Аксаковский*, *Нестеровский*, *VIDINEEVSKY*. Последние 3 ойкодомонима получили свои названия от имен собственных писателя С.Т. Аксакова, художника М.В. Нестерова и известного купца В.И. Видинеева, проживавших в прошлом в Уфе. Символы купечества позволяют современным жителям ближе познакомиться с прошлым города, проникнуться губернским духом и сохранить исторический портрет Уфы.

Образ национальной Уфы также присутствует на рынке строящейся жилой недвижимости: *IDEL'TOWER* 'башня Большая река', *Йорт* 'дом', *Йондоз* 'звезда', *Юлай* 'имя отца национального героя Салавата Юлаева'. Рекламные имена жилых комплексов, отражающие национальную культуру, подчеркивают неоднородность лингвокультурной среды Уфы и ее полиэтничный статус, что придает городу уникальность и выделяет его на фоне остальных городов России.

Уфа-мегаполис представлена в ряде имен жилых комплексов, которые рисуют образ современного развитого города, оснащенного последними технологиями: *Edison*, *Риверсайд*, *Михайловка Green Place*, *Менделеев Сити*, *Green Дом*, *Зубово*

Life 2 Garden, Верхняя Торговая Residence, Шервуд, Smart Plaza, Лайт, ULTRA и пр.

Таким образом, можно сделать вывод, что язык архитектуры является одной из существенных семиотических составляющих городского текста и способен не только сохранить исторический портрет города, но и создавать различные образы, подчеркивающие его уникальность. Подробное изучение ойкодомонимов наглядно демонстрирует все этапы развития города, что представляет интерес для лингвистов, изучающих семиотику и символику в рамках городского текста. Однако язык архитектуры, его возможности и особенности восприятия его горожанами должны учитывать также урбанонологи и современные градостроители, которые напрямую влияют на развитие города.

Список литературы

1. Врублевская О.В. Названия жилых комплексов: признаки модного имени // Одиннадцатые Поливановские чтения: сб. ст. по мат-лам докл. и сообщений Междунар. науч. конф. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 36—41.
2. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
3. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2004. 40 с.
4. Лермонтов Н., Сахаутдинова М. Город Уфа. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. 29 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2010. 704 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
7. Разумов Р.В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // IX Святогорские ономастические чтения. URL: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2014/09/Razumov-R.-V..pdf>
8. Синенко С.Г. Неторопливые прогулки по Уфе. Городской путеводитель. Уфа: Китап, 2010. 375 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: монография. М.: Наука, 1973. 366 с.

10. Суперанская А.А. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 178 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
12. Яковлева Е.А. Лингвистическое градоведение: достижения, проблемы, перспективы (на примере полиэтничной Уфы) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 6. С. 419—434.

© *A.F. Ismagilova*

OYKODOMONYMS AS AN INTEGRAL PART OF ARCHITECTURAL IMAGE AND HISTORICAL PORTRAIT OF THE CITY OF UFA

The article analyzes the architectural names of Ufa throughout its history. The aim of the work is to establish the main periods of development of the city of Ufa, as well as to identify the key architectural constructions whose names have been consolidated in the city text and in the speech and writing of the citizens. The study used the method of linguistic observation and description, which established the history of the origins of the Ufa text oykodomonims, as well as the interpretation of their use. The study found that architecture is one of the most important tools in urban semiotics, creating different images of the city, representing it in different ways. It has also been confirmed that the language of architecture is metaphorically understood by city dwellers through various culturally established codes, which need to be taken into account not only by linguists studying urbotext, but also by modern urban planners, on which the development of the city depends directly.

Keywords: urban text, urbotext, architecture language, philological urban science, oykodomonym, urbanonym, onomastics, onomasiology, urban onomastic space.

КОНСТРУКЦИЯ (НЕ) УМЕТЬ/(НЕ) МОЧЬ В + ВИН. ПАДЕЖ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Целью статьи является рассмотрение неправильной грамматической конструкции *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. падеж* в языке Интернета, например: *(не) уметь в юмор, в дипломатию, (не) мочь в физику, в диету*. С помощью методов компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа автор исследует особенности строения, семантики и функционирования данной конструкции, а также характеризует основные сферы её употребления. Показано, что смысловое и функциональное своеобразие данной конструкции обусловлено пропуском инфинитива, необходимого после глаголов *уметь* и *мочь*. Из-за этого словоформа *в + Вин. падеж* приобретает способность выражать не только присущие ей значения, но и значения других падежей, которые должны были бы употребляться при опущенном инфинитиве. Автор приходит к выводу, что конструкция *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. падеж* вряд ли способна выйти за пределы экспрессивно-игрового употребления в Интернете, так как в языке есть специализированные и потому более удобные средства для выражения тех смыслов, которые пересекаются и объединяются в рассматриваемой конструкции.

Ключевые слова: активные процессы в русской грамматике, нарушение грамматической сочетаемости, падежные словоформы, язык Интернета.

Язык Интернета является постоянным источником появления ненормативных грамматических форм. С «житейско-школьной точки зрения» (выражаясь словами А.М. Пешковско-го) любое нарушение грамматической нормы оценивается как

ошибка и порча языка, но лингвисты, анализируя причины появления неправильных конструкций, склонны видеть в них развитие потенциала языковой системы, заполнение имеющихся грамматических лагун за счёт использования нелитературных и иноязычных моделей, проявление креативности носителей языка (ср., напр.: [Активные процессы в современной грамматике 2008; Бодэ 2020; Калинина 2018а, 2018б, 2019; Русский язык и новые технологии 2014; Словарь языка интернета.ru 2016 и др.]).

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей семантики и функционирования одной из неправильных грамматических конструкций, получивших распространение в интернет-коммуникации в последние несколько лет: *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж*. Материалом исследования послужили более 100 примеров, извлечённых из различных интернет-источников: сайтов, форумов, телеграм-каналов. При приведении примеров орфографию и стиль авторов сообщений мы сохраняем. Ср., напр.: *Пока журналисты ждут решения суда по УДО Кокорина и Мамаева, из-за забора поют Род Стюарт, Стинг и Брайан Адамс — «All for love» (всё ради любви). ФСИН умеет в иронию* (Мэш, 07.09.2019); *Какие требования: Продвинутое чувство юмора, **уметь в мемы*** (Конь на работе, 22.08.2020); *Поляки **умеют в Telegram** без интернета* (Катарсис, 08.09.2020); *ничоси у вас в школе учителя **не умеют в русский язык?*** (<http://www.gamedev.ru/flame/forum/?id=209011>); *я не могу в физику* (<https://polandball.fandom.com/ru/wiki>).

Грамматическая неправильность данной конструкции объясняется самим её происхождением. В 2009 году немецкими интернет-пользователями был создан комикс, персонажами которого выступают различные страны, условно изображаемые в виде шаров, окрашенных в цвета государственного флага. Обобщённо любой такой персонаж называется *countryball* (*страношар*); конкретная страна-персонаж называется по типу *Ukraineball*, *Polandball* и т.д. Сюжет комикса, ставшего источником оборота *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж*, состоит в сле-

дующем: «Гигантский метеорит движется к Земле и грозит её уничтожить, отчего все страны с космическими технологиями покидают Землю и начинают вращаться в виде шаров на орбите планеты. И только Polandball остаётся на Земле и в конце комикса со слезами на глазах произносит каноничную фразу-мем на ломаном английском языке: “*Poland cannot into space*” (*Польша не может в космос*)» [Polandball, [http](http://)]. Неправильность данной конструкции и для английского, и для русского языка состоит в том, что глаголы *can/мочь/уметь* требуют после себя другого глагола в форме инфинитива и не могут непосредственно управлять именем существительным.

Рассматриваемая конструкция часто вызывает раздражение у носителей русского языка. Ср., напр.: *Что происходит, граждане? Что не так с русским языком?.. Я категорически не понимаю того, как сейчас пишут. Смотрю, вакансия. Написано: Кандидат должен **уметь в цифры**. Я сижу, и полчас туплю в эту строчку. Уметь в цифры что? Уметь в цифры превращать слова? Уметь в цифры поставить буквы? Что, блин, уметь в цифры? Или вот, заголовок сегодняшний тут же: Ксения Анатольевна **не может в химию**. Не может в химию что?.. Бомбит чо-то.* (https://pikabu.ru/story/umet_v_6045996). Ср. также: *Немного трясёт уже от чудовищно расплзшегося надругательства над языком. Почему каждый второй внезапно перестал **«уметь в русский»**?* (<http://www.gamedev.ru/ flame/forum/?id=209011>).

Несмотря на явную неправильность, конструкция (*не*) *уметь/(не) мочь в + Вин. надеж* активно употребляется в Интернете, в том числе в информационных сообщениях публичных каналов, ср.: *Роскосмос не был бы Роскосмосом, если бы не рассказал о недостатках американского корабля Crew Dragon. **В объективность** ребята **умеют**, поэтому всё же признали его более надёжным, чем старые шаттлы, и более вместительным, чем Союз* (Код Дурова, 28.06.2020); *Спасатели Миасса проиллюстрировали новость о смерти жителя шутиливой картинкой. Все хотят **уметь в SMM**, но не надо так* (РегДурдом,

09.07.2020). Ср. также пример, где в рамках данной конструкции использована форма глагола совершенного вида: *В субботу Анастасия встретила с Тарзаном-Глушко, чтобы решить вопрос мирно. Но мачо-мэн не сумел в дипломатию: по словам Насти, он схватил её и сильно толкнул, она упала* (Мэш, 08.10.2020).

Обратимся к непосредственному рассмотрению особенностей семантики и функционирования конструкции *(не) уметь/ (не) мочь в + Вин. падеж*, чтобы установить, предоставляет ли она какие-то дополнительные возможности для выражения смысла и имеются ли какие-то предпосылки для её закрепления в русской речи.

Прежде всего отметим, что данная конструкция носит явно игровой характер. Она может употребляться: а) в шуточных утверждениях о неспособности к чему-либо той или иной страны, территории (возникших по аналогии с оригинальной фразой-мемом и отражающих стереотипные представления об этих «локациях»), ср.: *Ватикан не может в размер; Норвегия не может в тепло; Земля не может в экологию; Плутон не может в планеты* и т.д. (<https://polandball.fandom.com/ru/wiki>); б) в высказываниях, содержащих характеристику какой-либо личности или иного объекта обсуждения, ср.: *Автор не умеет в юмор* (<http://www.gamedev.ru/flare/forum/?id=209011>); *Я не могу в диету* (<https://polandball.fandom.com/ru/wiki>); *Кинопоиск умеет в иронию* (<http://reactor.cc/post/3932328>); в) в требованиях к претендентам на какую-либо вакансию, ср.: *Требования: Продвинутое чувство юмора, уметь в мемы* (Конь на работе, 22.08.2020); *Требуются копирайтеры. Необходимые скиллы: уметь в инфостиль; уметь в LSI-копирайтинг; уметь в SEO-копирайтинг; уметь в дедлайны* (Фриланс Таверна, 01.06.2019).

Обобщённая семантика рассматриваемой конструкции складывается из нескольких близких друг другу значений и связанных с ними коннотаций. Часть этих значений относится только к примерам с отрицанием (*не уметь/не мочь во что-то*), часть допускает употребление и с отрицанием, и без отрицания. Обычно

речь идёт о некоторой постоянной способности или неспособности что-либо делать или чем-либо обладать, но иногда широкий контекст говорит о «разовом» или «периодическом» проявлении этой (не)способности. Перечислим основные значения и коннотации, которые могут передаваться словосочетанием (*не*) *уметь*/(*не*) *мочь в + Вин. падеж*:

— ‘не отличаться указанным признаком, свойством, способностью в принципе’: *СССР не может в нерушимость* ‘СССР не способен сохранять нерушимость, так как он уже распался’; *Беларусь не может в море* ‘в Беларуси нет моря и никогда не появится’;

— ‘не быть способным достичь желаемой цели, желаемого уровня или статуса’ («желанность» указанной цели или статуса субъекту приписывается на основании некоторой широко известной экстралингвистической информации): *Техас не может в независимость* ‘штат Техас в настоящее время не может стать независимым от США (несмотря на желание жителей Техаса)’; *Плутон не может в планеты* ‘с точки зрения современной науки Плутон не может считаться планетой (несмотря на его «желание» по-прежнему считаться планетой)’;

— ‘(не) разбираться в чём-либо, (не) быть сведущим в чём-либо’: *я не могу в физику* ‘я не знаю физику и не разбираюсь в ней’; *я могу в ВИКИ* ‘я знаю, что такое Википедия и разбираюсь в том, как ею пользоваться’;

— ‘(не) иметь навык делать что-либо, (не) уметь, (не) мочь что-либо делать’: *уметь в дедлайны* ‘уметь соблюдать установленные сроки’; *я не могу в друзья* ‘я не умею дружить, не умею заводить друзей’;

— ‘время от времени проявлять некоторое качество, способность’: *я могу в пожрать* ‘я порой могу съесть слишком много’ (в данном примере вместо существительного в Вин. п. употреблен инфинитив); *Кинопоиск умеет в иронию* ‘сайт «Кинопоиск» порой публикует ироничные материалы, может сыронизировать’.

В некоторых контекстах могут совмещаться несколько значений, ср.: *Губернатор Калининградской области умеет в иронию*

и соцсети (<https://ru.telegram.one/mediatech/10305>) — ‘губернатор порой может быть ироничным и разбирается в соцсетях, демонстрирует навыки общения в соцсетях’.

Какой же компонент данной конструкции — глагольный или именной — играет ведущую роль в формировании и выражении перечисленных значений?

Семантика глаголов *уметь* и *мочь* подробно исследована в работах С.В. Черновой и определяется следующим образом: «*уметь* — ‘овладеть навыком (научиться делать что-либо), быть носителем навыка, будучи готовым применить его в нужный момент’; <...> *не уметь* — ‘не владеть навыком, не быть его носителем, не научившись делать что-либо’; <...> *мочь* — ‘считать возможным осуществление действия (удовлетворение потребности) с опорой на внутренние потенции субъекта или при содействии кого-либо или чего-либо’; *не мочь* — ‘не считать возможным осуществление действия (удовлетворение потребности), не имея для этого ни внутренних, ни внешних возможностей’» [Чернова 2008: 66, 68]. Можно сказать, что при употреблении в составе конструкции *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. падеж* рассматриваемые глаголы передают именно указанные значения.

Следовательно, креативный потенциал данной конструкции заключается не в обогащении семантики глаголов *уметь* и *мочь*, а в их «запретной» сочетаемости с предложно-падежной словоформой — без посредства инфинитива. Нормативное словосочетание должно было бы иметь вид *(не) уметь/(не) мочь + инфинитив + падежная словоформа*, причём последний компонент вовсе не обязателен, ср.: *я умею вязать, я не умею плавать, я могу помочь, я не могу подняться*. Если падежная словоформа всё же используется, то она может быть представлена самыми разными падежами в их предложном и беспредложном употреблении, ср.: *я умею вязать спицами, я не умею рисовать ёжика, я могу помочь с уборкой, я не могу подняться на лестницу / в гору / без помощи* и т.д. В рассматриваемой конструкции *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. падеж* нарушается сразу два грамматических требования: во-первых, опускается инфинитив,

называющий действие, к которому способен субъект, во-вторых, словоформа *в + Вин. надеж* употребляется как обязательная и единственно возможная. В результате возникает необычное словосочетание, функционирование которого обусловлено семантическим потенциалом именного компонента. На функциональный приоритет именных компонентов словосочетания над глагольными указывает Г.А. Золотова: «Изучение функциональных свойств именных синтаксем обнаружило разнообразие их конструктивно-смысловых возможностей, не сводимых к зависимости от глагола <...>. Именные, а не глагольные синтаксем оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка» [Золотова 1988: 11—12].

Какие же следствия вызывает сочетаемость глаголов *уметь* и *мочь* непосредственно со словоформой *в + Вин. надеж*? На наш взгляд, благодаря данной сочетаемости конструкция *(не) уметь/ (не) мочь в + Вин. надеж* обретает способность выступать сразу в нескольких значениях, свойственных как самой словоформе *в + Вин. надеж* (ср. [Золотова 1988: 159—179]), так и другим падежным словоформам, которые могли бы употребляться при опущенном инфинитиве. В результате конструкция *(не) уметь/ (не) мочь в + Вин. надеж* допускает различные, множественные, пересекающиеся интерпретации.

Например, исходную фразу-мем *Польша не может в космос* можно интерпретировать как содержащую директив (направление действия, движения) при пропущенной части сказуемого: ‘Польша не может [выйти] в космос’. Ср. также: *Беларусь не может [выйти] в море*; *Эстония не может [войти] в Скандинавию*; *Ватикан не может [войти] в ООН* и др. В последних двух примерах значение директива пересекается со значением принадлежности к определённой группе, категории: ‘Эстония не может войти в категорию скандинавских стран’, ‘Ватикан не может войти в категорию стран-членов ООН’.

В выражениях типа *(не) уметь в юмор, в цифры, в SMM* и др. можно усмотреть значение орудия действия (инструментив) или способа действия (медиатив): ‘(не) быть способным

пользоваться, владеть данным средством/инструментом'. Однако нельзя не учитывать, что основным падежом, предназначенным для выражения такого значения, в русском языке является творительный, причём в беспредложном употреблении: *писать пером, чистить щёткой; добиться совместными усилиями, возвращаться поездом* (ср.: [Золотова 1988: 233—234]). В анализируемых конструкциях словоформа *в + Вин. падеж* словно вбирает в себя указанные значения творительного падежа, работает и за себя, и за творительный падеж. Ср.: *Автор не умеет в юмор* — 'автор не умеет «пользоваться юмором»'; *Тарзан-Глушко не сумел в дипломатию* — 'Тарзан-Глушко не смог «воспользоваться дипломатией»'; *Требования: уметь в инфостиль, уметь в копирайтинг, уметь в дедлайны* — 'требуется владеть инфостилем, копирайтингом, умением соблюдать дедлайны'. Однако данные примеры можно интерпретировать и как '(не) разбираться в чём-либо' (в юморе, в мемах, в инфостиле, в копирайтинге...). Ср. в связи с этим также примеры типа *я (не) могу в физику, в математику, в химию, в цифры...* — 'я (не) разбираюсь в физике, математике, химии, цифрах'. В этом случае на первый план выходит выражаемое предложным падежом «обозначение сферы деятельности, области, положение в которой оценивается предцицирующим компонентом», так называемый тематив [Золотова 1988: 306]. Наконец, большую часть приведённых примеров можно пояснить и как '(не) понимать кого-что': '(не) понимать юмор, мемы, физику, химию' и т.д. В этом случае можно говорить об объектном значении именной словоформы.

В примерах типа *Ватикан не может в размер, Якутия не может в жару* можно наблюдать употребление словоформы *в + Вин. падеж* для обозначения невозможности «превращения», изменения субъектом своего качества (ср. [Золотова 1988: 168]). Нужный смысл должен был бы передаваться с помощью прилагательного в форме творительного предикативного: *Ватикан не может стать большим, Якутия не может стать жаркой* и т.д. Но поскольку используется словоформа *в + Вин. падеж*,

то её значение можно передать как ‘Ватикан не может превратиться в государство большого размера’, ‘Якутия не может превратиться в территорию с жарким климатом’.

Как видим, словоформа *в + Вин. надеж*, сочетающаяся непосредственно с глаголами *уметь* или *мочь*, способна сконцентрировать в себе целый комплекс значений: а) свойственных ей как самостоятельной конструктивной единице языка; б) «делегированных» ей теми падежными словоформами, которые в нормальном случае должны были бы употребляться при требующемся по смыслу, но опущенном инфинитиве. В результате конструкция *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж* оказывается экономичной по форме, ёмкой по содержанию и обладающей особой экспрессией. Но есть ли при всех этих «достоинствах» у данной конструкции шанс выйти за пределы игровой интернет-коммуникации и закрепиться в общем употреблении?

С одной стороны, грамматическая система русского языка могла бы оказать новой конструкции некоторую «поддержку», так как известно вполне оправданное употребление сочетаний *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж* в определённых типах неполных предложений, где опущенный инфинитив явно подразумевается или легко восстанавливается из контекста, ср.: *я (не) умею в футбол [играть]; я (не) могу в понедельник [встретиться, прийти]; я (не) умею в последнюю минуту [принимать решение, менять планы]*. С другой стороны, за пределами интернет-жаргона неправильная конструкция *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж* пока не получает заметного распространения. Очевидно, в настоящее время данная конструкция для русской грамматики может рассматриваться лишь как игровая, пробная, «тестовая». Потенциально она способна выражать целый ряд смыслов, будучи лаконичной и экспрессивной, но в данный момент она является «грамматическим излишеством», так как в русском языке достаточно имеющихся нормативных средств для дифференцированной и точной передачи всех необходимых значений.

Таким образом, мы рассмотрели источник происхождения, особенности строения, сферы употребления, набор выражаемых значений и выполняемых функций неправильной грамматической конструкции *(не) уметь/(не) мочь в + Вин. надеж.* Проведённый анализ позволяет заключить, что сочетания типа *я (не) умею в юмор, я (не) могу в диету*, обладающие определённым семантическим и функциональным потенциалом, вряд ли способны выйти за пределы экспрессивно-игрового употребления в Интернете.

Список литературы

1. Активные процессы в современной грамматике: мат-лы междунар. конф. 19—20 июня 2008 года / под ред. С.В. Иванова, О.В. Фокиной. М.; Ярославль: Ремдер, 2008. 296 с.
2. Бодэ А. «Всё равно на»: лишний ли предлог «на»? URL: <https://gzom.ru/sukha-teoriya/vsyo-ravno-na-lishnij-li-predlog-na/>
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
4. Калинина Л.В. О ненормативной конструкции *«есть пару + суц. Р.п. мн.ч.»* в современной речи // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018): сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф., 2—28 апр. 2018 г.: в 3 т. Киров: Изд-во ВятГУ, 2018а. Т. 3. С. 346—352.
5. Калинина Л.В. *На стиле и на позитиве*: об одной активной конструкции современной речи // Лингвистические традиции и современность: сборник статей, посвящённый 90-летию профессора В.Н. Немченко. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018б. С. 41—47.
6. Калинина Л.В. *Пояснить за + Вин. надеж* как экспрессивная конструкция современной речи // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2019: сб. тр. Междунар. науч. конф., посв. памяти профессора П.А. Леканта. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 62—67.
7. Русский язык и новые технологии: колл. монография; сост. Г.Ч. Гусейнов; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 256 с.
8. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
9. Чернова С.В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 213 с.
10. Polandball. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Polandball>

**CONSTRUCTION CAN/CAN'T INTO + ACC. CASE
IN THE LANGUAGE OF THE INTERNET:
FEATURES OF SEMANTICS AND FUNCTIONING**

The purpose of the article is to examine the semantics and functioning of the incorrect grammatical construction *can/can't into + Acc. case* in the language of the Internet, for example: *can/can't into humour, into diplomacy, into physics, into diet*. Using the methods of component, distributive and contextual analysis, the author explores the features of the structure, semantics and functioning of this construction, as well as characterizes the main areas of its use. It is shown that the semantic and functional originality of this construction is due to the ellipsis of the infinitive required after the verb *to can*. Because of this the wordform *into + Acc. case* acquires the ability to express not only its inherent meanings, but also the meanings of other cases that should be used with the missed infinitive. The author concludes that the construction *can/can't into + Acc. case* is unlikely to go beyond the limits of expressive and game usage on the Internet, since the language has specialized and therefore more convenient means for expressing those meanings that intersect and combine in the construction under consideration.

Keywords: active processes in Russian grammar, violation of grammatical compatibility, case wordforms, the language of the Internet.

© *Климкова Людмила Алексеевна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ЗАИМСТВОВАНИЕ VS НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

После напоминания о важности языка как этнического признака, о путях обогащения его словарного состава в статье акцентируется внимание на заимствовании. Признавая его одним из источников пополнения лексики русского языка, автор выступает против неоправданного заимствования, когда иноязычное слово появляется и функционирует в речи как эквивалент уже существующей в языке номинанты, а также — против увлечения иноземными словами, предпочтения их как более престижных, чем свои, против чрезмерного употребления их в речи. Высказываемые положения иллюстрируются примерами при использовании методов семантической идентификации, сравнительно-сопоставительного, контекстуального. В заключение дается вывод о недопустимости неоправданного заимствования в русской речи и языке, о необходимости противостоять этому процессу, поскольку такая ксенофилия в условиях глобализации угрожает самобытности языка и тем самым — национальной идентичности.

Ключевые слова: этнический признак, национальная идентичность, исконное слово, иноязычное слово, оправданность/неоправданность заимствования, эквивалент, эвфемизм, ксенофилия.

Общеизвестно, что язык является одним из этнических признаков, наряду с такими, как традиционная материальная культура, традиционная духовная культура, направленность и тип этнического сознания, модально-оценочные аспекты этноса и др. (см.: [Герд 1995: 6]). Язык, можно сказать, главный, основной идентификатор этноса, нации, поскольку всё бытие, все сферы бытия человека отражаются именно в языке. Поэтому состояние языка, состояние речи как реализации языка всегда волновало

цивилизированное общество. О состоянии русской речи, русского языка в конце XX — начале XXI века, в постсоветский период, сказано, написано немало, в том числе о такой их составляющей, как заимствование (и мы неоднократно обращались к этой проблеме (см.: [Климкова 2011: 274—275; Климкова 2017: 223 и др.])). Тревожная ситуация в этом плане сохраняется, если не сказать — усугубляется, что заставляет возвращаться к этому вопросу, акцентировать на нем внимание, актуализировать отношения к нему.

Общеизвестно также, что язык не обходится без заимствованных слов. Заимствование предстает свидетельством контактов народов и тем самым языков. Однако в норме оно играет и должно играть второстепенную роль в процессе и результате обогащения словарного состава языка. Язык вбирает в себя и осваивает только самые необходимые единицы, только для обозначения новых реалий, приходящих от других народов, из других культур. Иначе говоря, заимствование должно быть оправданным, не отодвигающим, не затмевающим свое, исконное слово, имеющее, как правило, свою историю в языке и культуре, связанную с историей жизни народа, более или менее обширные связи с другими словами в языке и поэтому легко запоминающееся каждым приходящим в этот мир членом общества еще в детстве, легко познаваемое и узнаваемое им со всеми значениями, со всей гаммой коннотаций. В своем, исконном слове заключена родовая, генетическая память, оно незримыми нитями даже на подсознательном уровне связывает человека не только с современниками, но и с предками, в том числе далёкими, значительно отдаленных времен, проявляя, в частности (в нашем случае), соборность русского народа как этническую черту — единение народа на основе православия и высоких нравственных идеалов. Иноязычное слово, как чужеродное явление, лишено всего этого.

Язык как этнический феномен имеет собственные законы обогащения словарного состава, его количественного и качественного роста. Качественный рост выражается в расширении

значения (внутренней структуры) слова, в превращении моносемантов в полисеманты, в увеличении эпидигм полисемантов. Это соответствует действующему в языке закону экономии. Иноземное слово в противоположность своему, исконному нарушает данный закон, поскольку в принимающем языке, как уже было сказано, лишено внутренней формы, связей — внешних и внутренних, и требует запоминания как отдельная единица, отвлекая от коммуникативного акта поиском, иногда мучительным, его значения. С необходимостью заимствованное слово в большинстве своем легко встраивается в язык, подчиняясь его законам, получает права гражданства.

Современное состояние русской речи характеризуется рядом негативных явлений (о чем мы уже говорили [Климкова 2011: 276—279; 2018: 133—144]), к которым относятся вульгаризация, арготизация, оскудение словарного запаса носителей языка, несоблюдение, незнание норм литературного языка, неумеренное использование заимствованных слов, или, по-другому, — «вестернизация», «неукротимая американизация», «галопирующая американизация» (В.Г. Костомаров). Речь, насыщенная словами-чужеземцами, «непереваренными американизмами», превращается, по некоторым признаниям, в «кентаврообразную речь» (см.: [Савельева 1997: 41—55]). Все названные негативные речевые явления, прежде всего неумеренное заимствование, оказывают свое влияние и на язык, на частотность использования исконных, общенародных слов, точнее — на снижение их частотности, на превращение их в агнонимы. Еще в конце прошлого века В.В. Колесов говорил о том, что русский язык лишился около тысячи слов-концептов русской культуры, утратил свой высокий слог, а это, по нашему мнению, одна из ступеней к примитивизации.

Конечно, лексика, обслуживающая те сферы жизни, где наша страна отнюдь не на передовых позициях в мире, заимствуется с необходимостью. Так обстоит дело, например, с новыми информационными, компьютерными технологиями. Здесь приход иноземного слова оправдан, и с этим приходится мириться. Всё

понятно также с экономикой, экономическими терминами: их потребовало разрушение прежнего социально-экономического уклада, внедрение нового — капитализма, с которым пришли и слова, отражающие чуждые русскости императивы жизни. Однако заимствование (помимо выхода иноязычных терминов в широкое коммуникативное пространство) охватило и другие сферы жизни общества, стремясь войти в повседневную, обыденную речь. Поэтому проблема нужности/ненужности, оправданности/неоправданности заимствования сейчас не только не снимается, но и обостряется, актуализируется. Еще почти десять лет назад исследователи говорили о появлении в конце XX — начале XXI века в русском языке около 30 тысяч заимствованных слов, американизмов (см.: [Козырев, Черняк 2012: 50]). Это огромный лексический пласт. С тех пор количество слов-иноземцев возросло. И вот уже высказывается предложение о включении этих слов в словари русского языка — не в словари иностранных слов, а русского языка.

Можно привести огромный ряд слов, без которых вполне может обойтись русский человек, поскольку есть исконные слова, а также заимствованные, но давно усвоенные русским языком для называния соответствующих реалий и выражения соответствующих понятий. См.: *менеджер* — управляющий; *мерчендайзер* — товаровед; *корнер* — отдел (в магазине); *фалловер(ы)* — подписчик(и) в Интернете; *лайфхак* — ухищрение, полезный совет; *хейт* — ненависть; *сейл* — распродажа; *паб* — пивная, бар; *хостел* — мини-гостиница, пансионат; *хостес* — администратор; *хоспис* — больница, приют, богадельня; *лейбл* — фирменная метка; *мейнстрим* — направление; *бренд* — знак, символ; *офис* — контора, канцелярия, служба; *троллинг* — издевательство (пусть даже в соцсетях); *хайтек* — высокие технологии; *тюнинг* — доработка; *конс(ь)юмеризм* — потребительство; *спичрайтер* — референт, помощник; *ресепш(е)н* — стойка (администратора), приёмная; *портфолио* — досье; *проктор* — наблюдатель; *прокторинг* — наблюдение, контроль; *брейн-дрейн* — утечка мозгов; *брейн-ринг* —

телевизионная игра; *брифинг* — информационное совещание, пресс-конференция; *стейкхолдер* — заинтересованное (причастное, действующее) лицо; и др. Как уже видно, для некоторых слов есть ряды своих или давно ставших своими синонимов. См. также: *хайп* — шумиха, ажиотаж; *мониторинг* — опрос, наблюдение, отслеживание, контроль; *хейтер* — недоброжелатель, ненавистник, злопыхатель; *тренд* — направление, тенденция; *тьютор* — наставник, репетитор; *гайд* — инструкция, руководство; *девайс* — устройство, прибор, приспособление; *локдаун* — карантин, изоляция; *секьюрити* — служащий охраны, охранник, телохранитель; *модератор* — организатор, ведущий, руководитель, координатор, председатель (председательствующий на форуме); *хара(с)смент* — дискриминация, преследование, домогательство, издевательство, насилие; *фейк* — ложь, обман, враньё, подделка, фальсификация, дезинформация, подлог, подмен, небылица, липа, утка; и др. (см.: [Савельева 1977: 42—55; ср.: Улуханов 1994: 70—75]).

Чужое слово, особенно если оно воспринимается как более престижное и получает частотность в употреблении, в речи, внедряет в русское сознание чужие императивы поведения (такова сама доминирующая идея потребления, потребительства), терпимое отношение к отрицательным и даже безобразным явлениям социальной действительности, можно сказать, возвеличивает их, выступая эвфемизмом к издавна существующему, исконному русскому слову или словосочетанию. Таковы, например, *киллер*, *рекет*, *рекети́р*, *рейдер*, *кидне́тинг*, *чайлдфри*, *чайдлесс* и *чайдлхейт*; огромный ряд слов с английским элементом *квир* ('любая, не соответствующая традиционной модели поведения и идентичности'), образованных аналитическим способом номинации, соположением и вторичной субстантивацией: *квир-фест*, *квир-фильм*, *квир-культура*, *квир-сообщество*, журнал «*Квир*» (российский гей-журнал), *ООО «Квир»* и др., — свидетельствует не только об активности в современной социальной жизни соответствующего явления, но и о его агрессивности. Засилие иностранщины грозит переключением на другие ценности, за-

меной ими исконных этнических, что влечет за собой утрату национальных приоритетов, в конечном счете — национальной идентичности.

У нормального человека все эти бесконечно эксплуатируемые слова-иноземцы типа *гаджет*, *имидж*, *онлайн*, *оф(ф)лайн*, *кешбэк*, *топ-менеджер*, *интерфейс*, *трейлер*, *брокер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *тик-ток*, *скрайбинг*, *скрайбер*, *скетчбук*, *флипчарт*, *форсайт*, *лайфстайл*, *сторителлинг*, *майнд-фитнес*, *мем(ы)*, *хит(ы)*, *дайджест*, *офшор(ы)*, *бутик*, *рейв*, *прайм-тайм*, *консалтинг*, *мудл(ы)* и мн. др. вызывают досаду, неприятие, отторжение. См. некоторые реакции: *По задумке авторов проекта ведущий Дмитрий Шепелев с помощью полиграфолога Романа Устюжанина и профайлера (психолога?) Сабины Пантус должен был распутывать коллизии главных героев программы <...>. На самом деле она работает мастером по микроблейдингу (по бровям — по-русски) и перманентному макияжу* (Бобров А. «Татьяна Ларина» и «графиня Каролина» // Сов. Россия. 05.09.2020); *Ну и Навальный тут же откликнулся в благословенной Германии без всякой тени соболезнования семье: «Преступление, за которое должны ответить не только «силовики» Нижнего Новгорода, устроившие многомесячный непрекращающийся харасмент оппозиции (русского словечка уже не может подобрать?!)* (Бобров А. «Назвалась «капитанской дочкой» // Сов. Россия. 06.10.2020). В поэтической форме: *У торговцев, у послов / (да в любой газете) / Появилось много слов, / Вот таких, как эти: / Ноу-хау, чартер, / Тюнер, плейер, бартер, / Имидж, саммит, зомби, / Картер, брокер, лобби, / Сервис, ксерокс, принтер, / Блейзер, сканер, спринтер, / Фьючерс, дайджест, рейтинг, / Имидж, спонсор, серфинг, / Шоу, таймер, бизнес, / Брифинг, картридж, клиринг, / Селинг, лизинг, дилинг, / Плоттер, триллер, дилер, / Пейджер, рэкет, киллер... / Нет от них покоя мне / Наяву, да и во сне, / И никак я не пойму, / Что к чему и почему...* (Н.П. Колесников // Сов. Россия. 13.08.2020). Помнится, в одной из публикаций 2013 года М. Задорнов остроумно высмеял использование слов *spellchecker*,

ланч-бокс, секвестр. Отторжение вызывает эксплуатация чужеродного междометия *вау!* Разве в русском языке нет слов, тех же междометий, выражающих положительные эмоции — крайнюю степень удивления, изумления, одобрения, радости: *о-о-ох!* (с эмфазой), *ах! ой! ай! вот это да! ух! ух ты! батюшки! господи! мать божья!*, предикативно-характеризующих слов: *чудо! восторг! здорово! великолепно! прелесть!* и др.?! Зачем же *вау!*? Чтобы блеснуть? Из этой же серии словечко *о'кей*, а то и *ок*, в интернет-источниках квалифицируемое как международное. Чем же оно лучше для нас своих *да, хорошо, непременно, согласен* и под.? Или его употребление придает, по мнению говорящего, речевому поведению особый шик?!

Ксенофилия в языке (тем самым не только в языке) активно, усердно насаждается СМИ, а также чиновничеством на всех уровнях в его опусах как продукте якобы деятельности в виде указов, приказов, распоряжений, рекомендаций, программ и т.д. и т.п. Чиновничество, непомерно размножившееся, превратившееся в особый класс, породило, порождает свой язык. Язык советской бюрократии, советский новояз, обвиняли в идеологизации, шаблонизации, клишировании, но он, по крайней мере, имел общерусскую лексическую основу. Современный же новояз — чиновяз (удачное название! (см.: [Ковалёв 2015; 2017])) произрастает, сформировался и живет на чужеродной почве, на западных образцах, на заимствовании и тем самым представляет собой явление более неприемлемое, разрушающее истинные основы, истинность русского языка и русской жизни, культуры в целом. Новые обозначения-иноязычия используются и в педагогике, методике преподавания дисциплин: *кейс, кластер, скетчноутинг, скетч(и)* и др. Любят иноязычные властные структуры. Так, в одном из выступлений В.В. Путина слышим-читаем: *В Госсовете собраны губернаторы, его усиление является ключевым моментом транзита власти, драйвером этого процесса.* Оставим здесь без комментария сомнительное «ключевой момент транзита власти». Но вот *драйвер!* Слово специ-

альное, многозначное, это, без детального описания реалий, и ‘компьютерная программа’, и ‘элемент задней втулки велосипеда’, и ‘ключка в гольфе’, и ‘сервоусилитель как устройство преобразования каких-либо сигналов’, и ‘специальная программа для какого-либо устройства компьютера, которая нужна как прослойка между оборудованием и операционной системой’, и, наконец, ‘наемный водитель, перегоняющий автомобиль клиента из одного места в другое’. Так что имел в виду Президент, говоря о Госсовете, состоящем из губернаторов? Это усилитель? прослойка? передатчик? преобразователь? Если же исходить из узкого смысла слова, то *драйвер* — это еще и ‘источник высоких напряжений или токов, управляемый малым напряжением или током’. Явно неудачное использование слова. Плохую услугу оказал президенту его референт (спичрайтер!).

В русском языке, по разным мнениям, от 1 до 6 миллионов слов. Имен собственных до 200 миллионов. Лексический запас рядового носителя языка — 10 тысяч слов и более. У современного молодого человека, по недавним подсчетам, в лексиконе, в оперативной памяти 2—3 тысячи слов. А если в этом скудном запасе значительна доля современных англицизмов-займований, то о какой национальной идентичности можно вести речь, не говоря уж о духовной, интеллектуальной деятельности на исконной почве?! Кроме всего прочего, чужое слово, «выполняя роль суррогата, лишено памяти и нравственного потенциала» [Савельева 1977: 45], разобщает поколения, народ. Поэтому в школе надо активнее работать с учащимися над усвоением богатств русского языка, увеличением объема лексикона молодого человека, тогда он сможет в родном языке найти эквивалент чужому слову, а не вводить чужое, инородное бездумно в свою речь; надо усилить воспитательный аспект учебной деятельности именно в этом плане.

Мне могут возразить, вспомнив, например, Петровскую эпоху или XIX век с его засилием в дворянской среде французского языка. Но в те времена русский язык с честью вышел из ситуа-

ции, оставив в себе необходимые единицы, так или иначе адаптировав их. Кроме того, засилие чужого языка характеризовало космополитическое дворянство (XIX век), основная же часть общества оставалась в стихии народного языка, которая была сильной, животворящей. Современная ситуация в корне другая. Сейчас русская речь, русский язык, как и русская жизнь в целом, в условиях новейших информационных технологий, систем, глобализации испытывают мощнейшее давление со стороны языка страны, возомнившей себя единственной сверхдержавой, считающей себя вправе диктовать всему миру свою волю и навязывать свои порядки («галопирующая американизация»!). И хотя русский язык — самобытная, богатейшая, синергетическая система, но такому давлению в полной мере в конце концов не сможет противостоять, может не выдержать, поступившись своим богатством, самобытностью.

Обычно называют три основополагающие ценности, цементирующие Россию: русский народ, русская семья, русский язык. Сейчас, однако, и русский народ разобщен, и традиционная русская семья модернизируется в различные союзы — гостевые, территориальные («браки выходного (воскресного) дня»), открытые, двухкарьерные, групповые и др., — в фамильон (по А. Иванову), и русский язык интенсивно изменяется под влиянием извне, вот уже и отчество наше не в чести... (ср.: [Ковалев 2015: 201—207]).

Засилие американизмов не сигнал ли того, что Россия теряет (если уже не потеряла) свое лицо, превращаясь в полуколонию (с перспективой стать колонией). Во всяком случае, правы те представители русской культуры, патриоты, что считают такое засилие холуйством, лакейством. Правы и те патриоты, кто причисляет это явление к поведенческому оружию. Давно настала пора противостоять ему как чреватому переключением русского сознания, русской жизни на другой код и в конечном счете — заменой национального кода. Данная проблема насущная, более серьезная, решение ее является более необходимым, чем в оче-

редной раз носиться с идеей реформирования русской орфографии, недавно снова запущенной в наше информационное пространство.

Давайте прислушаемся к нашим великим соотечественникам, например к И.И. Срезневскому: «Думать о духовно-нравственном воспитании человека и не думать в то же время о его родном языке... невозможно...». Или к О.Э. Мандельштаму: «Отлучение от языка означает для нас отлучение от истории». Или к В.И. Белову: «Вне памяти, вне традиций истории и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека». Память же концентрируется, сохраняется и передается языком, выполняющим свою кумулятивную функцию. Или к К.Д. Ушинскому: «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь из родимой груди родного слова. Оно объясняет природу, как не мог бы объяснить ни один естествоиспытатель; оно знакомит с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей, с его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает логические понятия и философские воззрения, которые, конечно, не мог сообщить ребенку ни один философ».

Л.Н. Гумилев в своих трудах предупреждал: «Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но

стоит помнить, что это именно чужой опыт». Тем более это относится к американскому опыту.

Особую силу обретает сейчас завет Н.М. Карамзина: «Должно приучать россиян к уважению собственного».

Список литературы

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, Языковой центр, 1995. 86 с.
2. Климова Л.А. Ключевые идеи эпохи через призму языка (к проблеме национальной идентификации) // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности; сб. ст. участников Всероссийской науч.-практ. конф. (25—27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков; отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2017. С. 219—224.
3. Климова Л.А. Язык как дом нашего бытия // Саровский летописец: мат-лы IX исторической конф., посвященной 320-летию образования первого поселения на Саровском городище (21—22 апреля 2011 г.) / отв. ред. В.А. Степашкин; администрация г. Саров; Городской музей; ЦРК и Ис. Саров-Арзамас: АГПИ, 2011. С. 266—281.
4. Климова Л.А. Русская речь: тревоги сегодняшнего дня // Русский язык в славянском мире: история и современность: сб. ст. Междунар. науч. онлайн-конф., посвященной памяти известного лингвиста, исследователя истории русского языка Н.Д. Русинова (26—27 сентября 2018 г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. С. 130—144.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 184 с.
6. Ковалёв Г.Ф. Чем страшен чинояз // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (Воронеж, 28—29 окт. 2017 г.) / отв. ред. А.Д. Черенкова. Воронеж: Изд. Воронежского гос. пед. ун-та, 2017. С. 39—48.
7. Ковалёв Г.Ф. Уничтожение экологии русской речи, или уже русофобия? // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. № 4 (18). 2015. С. 201—207.

8. Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997. 144 с.
9. Улуханов И.С. О новых заимствованиях в русском языке // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 70—75.

© *L.A. Klimkova*

BORROWING VS NATIONAL IDENTITY

After reminding us about the importance of the language as an ethnic characteristic, about the ways of its vocabulary development, the article concentrates on borrowing. Acknowledging borrowing as one of the sources that enriches the Russian vocabulary, the author argues against unjustified borrowing, when a foreign word appears and functions in speech as an equivalent of a word that already exists in the language, and against the enthusiasm for foreign words, when they are preferred as carrying more prestige than our own ones, against their excessive use in speech. The points made in the article are illustrated with examples using the method of semantic identification, contrastive-comparative and contextual methods. To summarize, the author draws the conclusion about the inadmissibility of unjustified borrowing in the Russian language and speech, about the necessity to take a firm stand against this process, since xenophilia in the globalized world threatens the identity of the language and, thus, the national identity.

Keywords: ethnic characteristic, national identity, native word, borrowed word, justified/unjustified borrowing, equivalent, euphemism, xenophilia.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ «МУЗЫКА»

В статье описывается процесс метафоризации музыкальных терминов, служащих для различной характеристики звука: способ извлечения, сила, темп, гармония. Цель работы — выявить метафорический потенциал указанных терминов, степень семантических трансформаций при образовании переносного значения. Основные методы, используемые в работе, — метод компонентного анализа и описательный метод. В результате анализа материала мы обнаружили, что метафорическое поле «музыка» в последние годы существенно расширилось за счёт включения специальных терминов, которые в процессе метафоризации часто подвергаются значительным семантическим трансформациям, выводя слова из поля звучания в другие лексико-семантические поля. Это говорит как о весьма большом образном потенциале музыкальных терминов, так и о безграничных возможностях самого языка.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, семантические трансформации, музыкальные термины.

Как известно, метафорическому переосмыслению могут подвергаться слова самой разнообразной семантики. Существующие ограничения отчасти обусловлены лексико-грамматической характеристикой лексемы: например, гораздо реже поддаются метафоризации абстрактные существительные и большинство терминов, хотя вопрос образного переосмысления последних — дело времени. И как показывает материал, метафоры, возникшие на базе отвлеченной лексики, в частности различных терминов, являются если не одними из самых ярких, то, безусловно, самыми «заметными». Это утверждение проиллюстрируем примерами из музыкальной терминологии.

Уже неоднократно отмечалось, что музыкальная терминология в последние десятилетия является достаточно продуктивным и регулярным источником метафоризации [Козинец 2011]. Анализ художественной литературы и публицистики показал, что в метафорическую сферу вовлекаются различные музыкальные термины, как общеупотребительные (например, названия музыкальных инструментов и их частей — *скрипка, виолончель, флейта, струна*), так и специальные, обозначающие темп, ритм, особенности извлечения звука (*стаккато, аллегро, престо, легато, глиссандо*) и под., т.е. в переносном значении часто стали употребляться музыкальные термины, известные, в основном, музыкантам.

В настоящей статье рассматривается метафорическое употребление музыкальных терминов, обозначающих способ извлечения звука, силу звука, темп, а также связанных с понятием гармонии. Значения музыкальных терминов приводятся по энциклопедическому словарю [Музыка 2003].

Особенностью указанной группы терминов является то, что подавляющее большинство из них относится к неизменяемым словам и в предложении употребляется в позиции разных частей речи: наречия, прилагательного и существительного — *играть (как?) престо, темп (какой?) престо, поработать (над чем?) над престо*. В переносном значении они выступают в основном в роли существительного и наречия.

Термины, обозначающие **способ извлечения звука**, в метафорическом употреблении актуализируют ядерную сему, которая, однако, может подвергнуться значительной трансформации.

Так, слово *легато* ‘связное исполнение нескольких звуков, при котором один плавно переходит в другой’, метафоризируясь, приобретает значение ‘плавность’: *Черное платье, облитая им талия, долгие бедра, колени, полные смуглой матовости, тонкие щиколки, утлые туфли, она легко ступает, поворачиваясь слитно на пролете, кончиками пальцев касаясь перил, довершая телесное легато* (А. Иличевский, Облако).

Характеризуя отвлечённые понятия, слово может полностью нейтрализовать сему ‘звук’, перемещаясь в иное лексико-семантическое поле, например, характеризовать отношения между людьми. В следующем примере прилагательное *легато* употребляется в значении ‘ровный’: *Младенца, который плавал внутри и уже начал первые разминки, ударяя изнутри то ножкой, то кулаком, они боялись обеспокоить, и любовь их, пианиссимо и легато, была совсем иной, чем та, первая, бурная и беспамятная* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого).

Образное употребление может сочетать в себе и метонимический перенос, когда *легато* обозначает не только плавное исполнение, но и дугообразную линию, указывающую на связанное исполнение (лигу). В этом случае слово *легато* приобретает значение ‘плавная линия’, т.е. происходит овеществление понятия: *Выписанный ветром, этот город то уклоняется от человека, то льнет к нему. Город, выстроенный по нагорью замысловато, будто письменным легато, раскрытый струями воздуха, поставленный ловушкой ветра, путаницей закоулков, укрывающих от продувного набега хазри* (А. Иличевский, Перс).

Термином *стаккато* обозначается ‘отрывистое исполнение звуков, при котором они чётко отделяются один от другого’. Сема ‘отрывистый’ становится основой метафорического значения ‘резкий, отрывистый звук, издаваемый каким-л. предметом’: *Лёгкой птицей порхала она по улице, и перестук колёс, громы хавших по булыжнику мостовой радостным стаккато, вторил ей* (Б. Кремнев, Шуберт); *Дожди забренчали сонаты / По клавишам мокнувших дней, / И труб водосточных стаккато / Органных тонов не бедней* (А. Дольский, Сентябрь. Дожди). Образность слова усиливается за счет аллитерации — употребления ряда взрывных согласных и импловзивного к: *т — к-к — т*.

Музыкальный термин может использоваться не только для обозначения отрывистого звука, но и для характеристики резкого, неровного ритма движений: *Его уложили на первом этаже, в гостиной, на твердой скамье. Вся вновь потрясенная семья двигалась вокруг, то ровно, то стаккато — Анка, старческая*

*Ритка, младшая двадцатидвухлетняя дочка Марина-Былина и старшая красавица Полина (В. Аксенов, Таинственная страсть); Ваши руки, грудь и все тело высылают излучения в различных направлениях по вашему желанию. Меняйте характер движений и излучений: **стаккато**, легато, медленно, быстро; высылайте излучения на далекое или близкое расстояние непрерывно, с паузами и т.п. (М. Чехов, О технике актера).*

Более яркая метафора возникает, когда слово употребляется для характеристики внешности человека: *Пэнкс в «Крошке Доррит» Диккенса. Нервный, **стаккатированный** и синкопированный человек, очень темпераментный (Е. Весник, Дарю, что помню). Прилагательное **стаккатированный**, на наш взгляд, выражает целый комплекс признаков: очень подвижный, нервный, резкий, энергичный.*

*Глиссандо — особый способ исполнения нот, при котором происходит плавное скольжение от одного звука к другому. Сема 'скольжение' становится основой для формирования различных метафорических значений, например 'быстрые, скользящие движения': Нож мелко-мелко шинковал податливую плоть, нежно переворачивал с боку на бок, совершал какие-то **глиссандо** вдоль и поперек куска, — все в ритме стремительного танца, недоставало лишь музыкального сопровождения (Д. Рубина, Белая голубка Кордовы).*

Очень близко к прямому значению употребление слова в следующем предложении: *На этот раз, прежде чем выдернуть новое перо, он пробежал дрожащими пальцами по всему крылу **глиссандо** и только тогда выбрал и выдернул упругое, опущенное белой остью, не слишком мягкое и не слишком жёсткое перо (С. Кржижановский, Гусь) —* здесь описываются действия, напоминающие движения пальцев пианиста по клавиатуре.

Скользить, т.е. быстро просматривать ряд каких-либо предметов, может взгляд: *Эти люди, как и мой отец, относятся с уважением к количеству, им доставляет удовольствие пробегать взглядом по этим клавишам: А. Толстой, Фадеев, Павленко, Серебрякова, Вера Панова... Серо-зеленое **глиссандо** Золя,*

бордовое Маяковского, малиновое Ромена Роллана, бирюзовое Бальзака. *Собрание сочинений. Звучит внушительно* (И. Полянская, Прохождение тени). Помимо значения ‘быстрый, скользящий взгляд’, существительное *глиссандо* реализует в данном случае и другое — ‘цветовая однородность’, поскольку однотонные обложки собрания сочинений сравниваются с клавишами фортепиано.

Актуальным может становиться смысловой компонент ‘быстрота’ (при *глиссандо* пальцы обычно быстро скользят по клавиатуре), например в значении ‘быстрый темп беседы’: — *Винты решили ставить на «Аврору», — радостно оповестил Ольховский, задавая глиссирующий темп беседы, чтоб проскочить над неприятными подводными рифами* (М. Веллер, Гонец из Пизы).

Глиссандо может обозначать не скорость как таковую, а быструю смену каких-либо предметов, явлений и т.д.: — *Вот об этом-то я не подумал. Послышались: сначала ругательства глиссандо по одиннадцати языкам, потом удар дверной створы о створу* (С. Кржижановский, Материалы к биографии Горгиса Катафалаки).

Достаточно распространёнными являются метафорические употребления терминов, обозначающих **силу звука**: *форте* (громко), *фортиссимо* (очень громко), *пиано* (тихо), *пианиссимо* (очень тихо), *крецендо* (постепенно усиливая звучание), *диминуэндо* (постепенно затихая).

В переносном значении они употребляются прежде всего для обозначения силы/интенсивности любого звука, чаще всего для характеристики звучащей речи: *Он читал спокойно, грустно, все понижая голос, замедляя темп, сводя звук на полное пиано* (Г. Катанян, Азорские острова); — *Сдала? Голос мужчины сразу упал до полнейшего пианиссимо. Затем послышался оживлённый, сдержанный шепот* (К. Баранцевич, Кляч); *При виде бумажки, подписанной начальником главного управления милиции СССР — лицом совершенно недостижимым, каким-то олимпийским сверхначальством для рядового милиционера, — рыжий*

сразу перешел с **фортиссимо** на **пианиссимо** (Ю. Елагин, Укрощение искусств); Однако перед Филиппом пришлось раскрыться. Не слишком откровенно и никакого напряжения — ни в голосе, ни в наших профессиональных планах; все на **меццо-пиано** (то есть спокойно, негромко. — С.К.), все светски-оживленно (Д. Рубина, Русская канарейка).

Слово **пианиссимо** может использоваться и для описания каких-либо процессов, явлений. В этом случае актуальной становится сема ‘незначительно’: *И уж во всяком случае разговор этот подтвердил бы в полной мере те сногшибательные слухи, которые ползли по городу. Началось с **пианиссимо**: будто Сергей Андреич в связи с семейной и идеологической перестройкой бросает академическую работу и идет — по одной версии — директором строительства будущего электромашинного комбината, по другой же — якобы уполномоченным по хлебозаготовкам на Северный Кавказ* (Л. Леонов, Скутаревский).

Слова-антонимы **крецендо** и **диминуэндо**, обозначающие увеличение и уменьшение интенсивности звучания соответственно, употребляются в переносном значении для характеристики нарастания или угасания каких-либо действий, процессов, например, для описания развязки художественного произведения, следующей, как мы помним, после кульминации: *Убийца уже уличен, значит, скоро конец. Я понимаю, что по законам композиции после бурного апофеоза должно следовать лирическое **диминуэндо**, но, надеюсь, оно не будет слишком долгим* (Л. Юзефович, Костюм Арлекина) — или для характеристики разгорающегося спора, превращающегося в конфликт: *Поскольку каждый оратор хотел превзойти других в бдительности, то обсуждение превратилось в **крецендо** обвинений* (Ю. Боров, Сталиниада).

Метафоры могут использоваться для описания каких-либо процессов, протекающих в обществе: *И завершит 2001 год вновь пожаро-аварийно-взрывное **крецендо*** (В фокусе событий // Дело, 12.01.2001); *Классическая музыка — высочайшее достижение человеческой культуры, и её надо беречь. Сейчас,*

к сожалению, всё это идёт **диминуэндо** (М. Воскресенский, Из интервью Российскому радио). Этот пример интересен тем, что именно музыкант употребил музыкальный термин в переносном значении.

Термины, характеризующие звучание, нередко участвуют в формировании синестетических метафор, обозначая, в частности, интенсивность цвета: *На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков* (А. Беляев, Продавец воздуха); *В гармоничных композициях комбинируют посадки из нежно окрашенных сортов с разной интенсивностью тона в одной цветовой гамме, например, желтой, розовой, абрикосовой. При этом фокусной точкой может послужить самый светлый или самый яркий сорт, с постепенным «крещендо» или «диминуэндо» по мере отдаления от него* (А. Рубина, Nemerocallis — дневная красавица // Ландшафтный дизайн, 15.09.2003).

Музыкальные термины, обозначающие **темп** (*адажио, модерато, аллегро, престо*), в переносном значении употребляются, прежде всего, для описания скорости или интенсивности действий, процессов. Так, слово *аллегро* (быстро, весело, живо) приобретает значение ‘сильный, интенсивный’: *Это утро казалось мне лиловым вопреки резкому аллегро дождя, нарушавшему минорную симфонию полдня* (С. Довлатов, Дорога в новую квартиру).

Очень быстрый темп обозначается словом *престо*, оно используется, например, для характеристики речи: *Спрягая с нами, первокурсниками, греческие глаголы, он выдерживал темп престо, претиссимо, пользуясь школьной указкой как дирижерской палочкой* (С. Аверинцев, Попытки объясниться).

Нередко, описывая динамику каких-либо процессов, авторы употребляют несколько терминов из этого ряда: *Далее их знакомство то скакало галопом, то кружилось вальсом, то жеманничало в котильоне. Аллегро, модерато, престо* — они зна-

комы чуть более полугода, а сколько оттенков (М. Баконина, Девять граммов пластита).

Интересный пример употребления терминов, обозначающих темп, находим у М.Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель сравнивает процесс зарождения и развития любви с музыкальным произведением, используя для этого развёрнутую метафору: *Какую роль может играть здесь любовный вопрос? Какое средство, при подобной обстановке, провести поэму любви через все фазисы, начиная с томного **анданте**, переходя в бурное **аллегро** и кончая сладостным **ададжио**, в котором и небо, и земля, и все стихии разом сливаются в один высокоторжественный, полный небесных гармоний аккорд? Очевидно, что для современного человека процесс любви и отношения, которые из него вытекают, уже не представляют достаточно разнообразия* (М. Салтыков-Щедрин, Неоконченное. Благонамеренные речи).

К музыкальным терминам, связанным с понятием **гармония**, относятся слова *мажор*, *минор*, *аккорд*, *арпеджио*, *гамма*, *модуляция*, *контрапункт* и др. Поскольку термины *мажор*, *минор*, *гамма*, *аккорд* достаточно часто употребляются в переносном значении и неоднократно описаны (см., например, [Козинец 2005; 2009]), остановимся на характеристике менее употребительных слов — *арпеджио* и *контрапункт*.

Термин *арпеджио* обозначает разложение аккорда, т.е. последовательное воспроизведение, извлечение звуков аккорда. Быстро исполненное арпеджио напоминает дрожание, именно эта сема ложится в основу переносных значений, например ‘вибрация’: *Два или три прохожих приостановились. Манжета вспорхнула над параллелями телеграфных струн, и металлическое **арпеджио** прозвучало над улицей* (С. Кржижановский, Бокковая ветка) — или ‘храп’: *Уж постоялый двор заснул и Балаганов с Козлевичем выводили носами **арпеджио**, а Паниковский с новым галстуком на шее бродил среди подвод, ломая руки в немой тоске* (Е. Петров, И. Ильф, Золотой теленок).

Слово *контрапункт* имеет несколько значений: 1) ‘полифония’, 2) ‘мелодия, сопровождающая главный мелодический

голос’, 3) ‘научная и учебная дисциплина, посвященная полифонии как виду многоголосия’. На базе первых двух ЛСВ развиваются метафорические значения. В образном употреблении слово может обозначать ‘единство чего-либо’. Это значение варьируется в конкретной речевой ситуации, обозначая ‘речевое единство’: *Речь с берега была построена на оперном **контрапункте** в три односложных слова, перевитых в трос* (М. Веллер, Гонец из Пизы) — последнее сочетание, представляющее собой развёрнутую метафору, усиливает значение единства; ‘единство разнообразных звуков’: *Девочка остановилась против бабки. Минуты две неподвижно хищно следила за развитием увертюры: по мере того как голова старухи запрокидывалась все дальше, рот открывался все шире, в **контрапункте** храпа заплескались подголоски, трели, форшлаги, и вскоре торжествующий этот хорал, даже в ровном гуле аэропорта, обрёл поистине полифоническую мощь* (Д. Рубина, Синдром Петрушки); ‘стилевое единство’: *Режиссер работает на стилистических **контрапунктах**: с одной стороны, балет летающих меченосцев, где каждый одержим собственным представлением о чести, долге и справедливости, с другой — безликая императорская машина войны, готовая обрушить миллионы стрел на воинов-бунтарей* (А. Артюх, Император и герой // Искусство кино, 30.06.2003).

Основой метафоры становится и второе ЛСВ, на базе которого развиваются два образных значения — ‘то, что сопровождает что-либо’: *Все это разнообразие требует спокойного обрамления, где **контрапунктом** проходит свет, то вычленивая отдельные предметы, то рассеиваясь в воздухе* (К. Аксельрод, Госпожа-оформитель у себя дома // Мир & Дом. City, 15.05.2003) — и ‘то, что идет вразрез с чем-либо, противостоит чему-либо’: *Как элегантный интеллектуальный Плюшкин, он демонстрирует вам из ящичков подлинники писем Карла XII, Кафки, Толстого, Ленина, Троцкого, Джойса. Поэзия для него — **контрапункт** масскультуре. «Два кусочка к-о-л-баски»... (А. Вознесенский, На виртуальном ветру).*

Анализ музыкальных терминов в образном употреблении позволяет сделать вывод о том, что метафорическое поле «музыка» в последние годы существенно расширилось за счёт включения специальных терминов, которые в процессе метафоризации часто подвергаются значительным семантическим трансформациям. При этом слово выходит за пределы семантического поля «звучание» и обогащает другие лексико-семантические поля, в частности пополняя группу слов, обозначающих общественные процессы. Это говорит как о весьма большом образном потенциале музыкальных терминов, так и о безграничных возможностях самого языка.

Список литературы

1. Козинец С.Б. Лексико-семантические процессы в метафорическом поле «музыка» // Русский язык и литература рубежа XX—XXI веков: специфика функционирования. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. С. 71—74.
2. Козинец С.Б. Расширение метафорического поля «музыка» в русском языке XX века // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 24—29.
3. Козинец С.Б., Соломатин К.А. Метафоризация музыкальных терминов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. Т.1. С. 276—279.
4. Музыка: энциклопедия / под ред. Г.В. Келдыш. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 672 с.

© **S.B. Kozinets**

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN A METAPHORICAL FIELD «MUSIC»

The article describes the process of metaphorizing musical terms that serve for different characteristics of sound: extraction method, strength, tempo, harmony. The purpose of the work is to reveal the metaphorical potential of these terms, the degree of semantic transformations in the formation of a figurative meaning. The main methods used in the work are the component analysis method and the descriptive method. As a result of

the analysis of the material, we found that the metaphorical field “music” in recent years has expanded significantly due to the inclusion of special terms, which in the process of metaphorization often undergo significant semantic transformations, bringing words out of the sound field into other lexical-semantic fields. This speaks of both the very large figurative potential of musical terms, and the limitless possibilities of the language itself.

Keywords: metaphor, metaphorization, semantic transformations, musical terms.

АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ ОПЕРАТИВНОЙ НЕОГРАФИИ XXI ВЕКА¹

В статье проанализирован качественный состав лексики политического дискурса, представленной в выпусках «Новое в русской лексике» и в электронной неологической базе Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН за пятилетний период (2014—2019). На основе методов сплошной выборки, анализа дефиниций и семного анализа установлено, что появление и функционирование в русском языке новых единиц политического дискурса в полной мере соответствует основным тенденциям развития русского языка в XXI веке: создание слов на словообразовательной почве русского языка, активное использование механизмов языковой игры, образование новых слов от имен собственных. Показано, что внешние заимствования пополняют лексическое ядро современного политического дискурса в значительно меньшей степени, чем слова, возникшие на словообразовательной почве русского языка. Обоснована значительная роль словаря-ежегодника в лексикографическом отражении расширения деривационного потенциала актуальной политической лексики. Приведены примеры перехода терминов в политический дискурс, сопровождающегося процессами изменения структуры фрейма. Сформулированы проблемы своевременного и полного отражения семантических сдвигов в значениях актуализированных слов.

Ключевые слова: актуальная политическая лексика, новые слова и значения, словообразовательный потенциал, заимствование, дискурсивная миграция термина, семантический сдвиг.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00494 (Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века).

Цель статьи — проанализировать содержательное наполнение понятия «актуальная политическая лексика», сформулировать проблемы адекватного отражения актуальной лексики в рамках точных хронологических параметров и наметить контуры профессиональной дискуссии по этому вопросу.

Понятие «современная оперативная неография» включает две составляющих: во-первых, это возобновленная (и значительно обновленная) в Институте лингвистических исследований РАН серия словарей-ежегодников, разработанная Н.З. Котеловой и хорошо известная под названием «Новое в русской лексике». Во-вторых, это новый электронный ресурс — неологическая база данных «Русская академическая неография» с системой поиска по опубликованным словарям новых слов, а также по неологической базе отдела лексикографии современного русского языка. Материал для статьи извлечен из неологической базы и словников словарей-ежегодников за пять лет (2014—2019). В статье использован лексический материал отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН.

Политическая лексика — это совокупность слов, в интенционал значений которых входит содержательный компонент «политика», реализующийся очень многообразно. Это обозначения реалий и процессов, обращенных к проблемам политики (как мировой, так и внутренней) и деятельности по ее проведению; обозначения явлений, связанных с государственно-правовым устройством, а также с анализом политической системы. В составе политической лексики выделяется политическая терминология, которая может становиться объектом оперативной неографии под влиянием ряда экстралингвистических и собственно лингвистических факторов: повышение актуальности, значимости для жизни общества, рост параметра частоты в устном и письменном употреблении, дискурсивная миграция.

Зависимость политической лексики от внелингвистических факторов проявляется в процессе самого общего коли-

чественного анализа. Так, из словника 2014-го года, включающего более 1200 слов, методом сплошной выборки извлекается 214 слов и словосочетаний, относящихся к лексико-семантическому полю «политика». Словник 2017-го года меньше по объему: в него включена 481 словарная статья, но даже относительный показатель частоты здесь существенно ниже — 19 единиц.

Основную часть лексических инноваций в политической сфере второй половины 2010-х составляют слова, возникшие на словообразовательной почве русского языка (а в 2014 году количество новообразований на русской почве в сфере политики составляет почти 100%). Количественный анализ свидетельствует о продолжающемся периоде активности современной деривации: с помощью своего собственного морфемного инвентаря русский язык постоянно порождает новые наименования, прагматическая коннотация в значениях которых отражает наличие в коллективном сознании ряда глубоких противоречий.

Актуальность лексики рассматривается в двух аспектах. В рамках первого аспекта нетерминологически (или не строго терминологически) актуализация слова рассматривается как следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности. Реалия, а вслед за ней и слово становятся важными, существенными для решения (обсуждения) проблем, задач настоящего времени; злободневными, современными. Второй аспект изучения актуальной лексики обозначается термином актуализация: возвращение в активное употребление ушедших на периферию коллективного языкового сознания слов, как правило сопряженное с семантическими сдвигами в значениях.

В лингвистике проблема лексикографической фиксации «бега времени» является одной из самых обсуждаемых. Слово, становящееся особенно важным для коллективного языкового сознания в конкретный временной отрезок, получило в лите-

ратуре статус «ключевого слова текущего момента» (см.: [Шмелева 1993]).

Исследовательский интерес к ключевым словам текущего момента позволил Т.В. Шмелевой выделить их определяющие признаки: 1) резкое возрастание частотности употребления; 2) появление актуальных слов в качестве заголовков газетного текста и хэштегов; 3) реализация грамматического и словообразовательного потенциала; 4) расширение сочетаемости; 5) формирование новых синонимических и антонимических связей; 6) онимическое употребление; 7) языковая рефлексия по поводу актуального слова (в том числе его дефиниция); 8) языковая игра с актуальным словом [Шмелева 1993: 33—39]. К этой классификации признаков в последние годы добавилось появление актуальных слов в качестве вербальных составляющих интернет-мемов.

Обратимся к лексической составляющей политического дискурса с проекцией на возобновленный словарь-ежегодник. Анализ подготовленных выпусков позволяет сделать вывод о том, что именно ежегодник — словарь неологизмов одного года — наиболее объемно и точно отражает процессы, связанные с реализацией грамматического и словообразовательного потенциала актуального слова. Это обусловлено базовым принципом словаря: включение единиц однократного употребления, каждая из которых, не представляя (как правило) самостоятельной лексикографической ценности, позволяет отразить доминирующие процессы в стихийном словообразовании — механизмы языковой игры и связанное с ней значительное расширение деривационного потенциала актуального слова.

Большое количество однокоренных слов, относящихся к одному гнезду, — это яркий показатель актуальности. Актуальное словообразовательное гнездо, включающее окказионализмы, часто отражает связи, которые оказываются шире реального деривационного потенциала мотивирующего

слова. Расширение деривационного потенциала происходит, как правило, за счет механизмов языковой игры, осознанного и целенаправленного манипулирования грамматическими ресурсами с целью достижения комического эффекта.

В качестве примера приведем ряд производных слов, образованных от неологизма *скрепный* ('ценностно и духовно скрепляющий, объединяющий'). Прежде чем привести примеры, сделаем необходимую оговорку. В интернет-дискурсе слово употребляется, как правило, с иронической коннотацией, например: *Затем начинается строительство теплиц,.. в прессе идёт массивированная пропаганда что-де скоро русский ананас завоюет весь мир, что он весь из себя духовный, **скрепный**, ультрананотехнологичный и вообще — соответствует канонам Шестого техноуклада, в отличие от бездуховного африканского ананаса, произведённого трудом угнётенных негров.* Русский Обозреватель (rus-obr.ru) 20.05.2014 [Интегрум, http].

Это вызвало среди составителей серьёзную дискуссию о способах лексикографического отражения подобной лексики. В выработке способов словарного описания спорных слов политического дискурса группа руководствуется принципом научной объективности, который — применительно к словарной картотеке — был сформулирован Н.З. Котеловой: «Главное требование к ней — объективность. Создатели картотеки должны накапливать материалы, “добру и злу внимая равнодушно”» [Котелова 2015: 79].

Не отражая в словарных статьях своих личных политических пристрастий, составители ежегодников в целях корректного отражения конфликтного потенциала лексики, размещают дополнительную информацию в зоне энциклопедических справок, например: «*Духовные скрепы*» — мем, вошедший в обиход 12 декабря 2012 года благодаря Посланию Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию, который стал символизировать концепцию духовного объединения нации в

условиях охлаждения отношений с западом. Мем используется в речи противников политики В.В. Путина с иронией и негативной оценочностью.

С 2013 года по 2017 год словники ежегодников отражают всплеск и разнообразие деривационной активности переосмысленного корня *скреп-*:

2013 год — 2 неологизма: *скрепостроительство*, *скрепно* (наречие).

2014 год — 2 неологизма: *скрепно-инновационный*, *скреповый*.

2015 год — 9 неологизмов: *духовно-скрепный*, *правоскрепный*, *скрепаться*, *скрепануться*, *скрепанутый*, *скрепно-духовно*, *скрепно-духовно-чекистский*, *скрепоносный*, *скрепоразрывный* (автор выражает глубокую признательность С.Д. Левиной за предоставленные данные).

2016 год — 13 неологизмов: *антискрепный*, *антискрепно*, *высокоскрепный*, *духовно-скрепно-казацкий*, *исконно-скреповый*, *патриотично-скрепный*, *по-скрепному*, *скрепно-воодушевляющий*, *скрепно-державный*, *скрепозабиватель*, *скрепоносный*, *скрепоохранитель*, *скрепость*.

2017 год — 5 неологизмов: *скрепно-мракобесный*, *народно-скрепный*, *русско-скрепный*, *скрепно-тоталитарный*, *скрепно-конституционный*.

В зоне иллюстраций представлены примеры, отражающие функционирование слов с корнем *скреп-* в качестве заголовков: ***Скрепный*** гвоздь имперских ножниц — Саша Сотник; ***Самый скрепный*** суд в мире. Кроме того, иллюстративный материал отражает разнообразие парадигматических и синтагматических связей актуальных слов: *Это праздник, который совсем не скрепный*; *поступать скрепно*; *скрепно донести*; *Советский, нквдшный, православно-скрепный, фанатичный средневековый русский мир* и др.

Анализ списков однокоренных слов в подготовленных ежегодниках подтверждает существование и развитие тенденции, возникшей в политическом дискурсе еще в 90-е: образование новых слов от имен собственных — как рус-

ских, так и иностранных. В настоящее время образование от иноязычных имен собственных часто отражает игровое, карнавальное, юмористическое начало — как правило, такая номинация реализует социальную оценку обозначаемого: *кадыринг, медведизация, сердюковщина, сеченизация, трампец, трампнашевский, трампнашист, трампокалипсис, фургаломобиль, чубайсовщина*.

Приведем фрагменты словарных статей, раскрывающих семантику новых слов, образованных от имен собственных:

МИХОМАЙДАН, а, м. Публ. Об акциях протеста против официальной украинской власти и ее политики, устроенных сторонниками Михаила Саакашвили. — Михо́ (имя собств. грузинская форма мужского имени Михаил; прозвище Михаила Саакашвили) + майда́н (политическая акция протеста, 2005).

ТРАМПНА́Ш, неизм. и а, м. Публ. О Д. Трампе как о политически предпочтительном для России президенте США. — От популярного хэштэга #трампнаш или #трамп_наш (по аналогии с крымнаш, 2014).

ТРАМПНАШИ́СТ, а, м. Публ. О том, кто считает американского президента Д. Трампа хорошим партнером для России. — Трампна́ш (см.) + -ист.

Как уже было отмечено, в проекции политического дискурса на ежегодники — в экспертной выборке и в базе — относительно небольшое количество слов заимствованных. Отличительной особенностью современной социокультурной ситуации является одновременное формирование и вхождение в широкое употребление в русском языке (а в большинстве случаев это отражение мировой тенденции) целых лексических парадигм новых заимствованных слов: *брекзит, грекзит, икзит (иксит), меззит, фрекзит* и др., *аутеры — ливеры*. Особенностью функционирования этих слов является их неучастие в культурной апроприации [Радбиль, Рацибурская 2017]: своеобразный запрет налагают ядерные семы значения, обусловленные экстралингвистическими факторами.

Яркой особенностью современной языковой ситуации является дискурсивная миграция терминов. Переход специальной лексики в общественно-политический дискурс сопровождается ростом актуальности: например, слово *мельдоний*. В сетевой базе периодики «Интегрум» слово впервые зафиксировано в 2007 году как терминологическое обозначение, которое использовалось только в медицинском дискурсе. С 2016 года слово стало употребляться в СМИ как обозначение допинга, что обусловило резкий рост параметра частоты: 2007 (4), 2008 (21), 2009 (25), 2010 (61), 2011 (62), 2012 (30), 2013 (33), 2014 (32), 2015 (69), 2016 (54823) [по данным базы «Интегрум»].

Вхождение медицинского термина в политический дискурс сопровождается изменением фреймовой структуры: деактуализация слота ‘лечебный препарат’ с заменой на слот ‘допинг’. Изменение содержательной структуры термина в политическом дискурсе не затрагивает понятийного ядра, включающего базовые слоты, сохраняющиеся во всех без исключения терминосистемах. Приведем фрагменты словарных статей к слову *мельдоний* и образованных с ним устойчивых словосочетаний:

МЕЛЬДО́НИЙ*, я, м. Сердечный лекарственный препарат, признанный допинговым. — Впервые в 2007 г. (*Мед.*) Активизация и детерминологизация в связи с мельдониевым скандалом в 2016 году.

МЕЛЬДО́НИЕВЫЙ, ая, ое. Мельдониевое дело, мельдониевый скандал. О скандале, связанном с использованием российскими спортсменами мельдония в качестве допингового препарата. — Мельдо́ний (см.) + -ев(ый). — Весной 2016 года более 140 атлетов Российской олимпийской сборной были отстранены от участия в Олимпийских играх в Бразилии на основании обнаружения в их допинг-тестах мельдония (милдроната), что послужило причиной длительных судебных разбирательств, ряда крупных международных скандалов, что привело к запрету Российской олимпийской сборной участвовать в Олимпийских

играх. В число запрещенных для спортсменов препарат был внесен 1 января 2016 года.

Еще один важный процесс, который отражается в оперативной неографии, — это явление активизации, обусловленное экстралингвистическими факторами. Информация о процессе активизации помещается в справочную зону словарной статьи, например, в выпуске 2017 года:

ДИПОБЪЕКТ*, а, м. Находящееся на территории какой-л. страны консульство, торговое представительство или другое дипломатическое учреждение, принадлежащее другому государству. — Впервые: Сег 27.11.98 (МИД РФ не собирается предпринимать адекватных мер в отношении американских дипобъектов). **Активизация** в связи с распространением в СМИ информации о закрытии ряда дипломатических объектов России на территории США и американских — в Москве.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что семантические и деривационные процессы, связанные с новой актуальной политической лексикой, отражаются в оперативной неографии очень объемно, полно и точно. Как уже говорилось выше, этому в полной мере способствует реализация принципа фиксации всех лексических новаций, в том числе однократных. Однако процессы, связанные с актуализированной лексикой (семантические сдвиги, изменение коннотаций, расширение синтагматики) отражаются менее последовательно и менее ярко. Например, в материалах группы не получило отражение появление новых коннотаций и значительные семантические сдвиги в значениях слов *либерал*, *патриот*, *православный* и многих других; не попало в базу слово *белорусский*, синтагматика которого вследствие употребления в ранее невозможных контекстах значительно трансформировалась (*белорусские мидии*, *устрицы*, *белорусский хамон*, *белорусское манго*). Этот вопрос требует, на наш взгляд, уточнения и усовершенствования методик сбора лексического материала.

Исследование языкового материала позволило вскрыть основные механизмы экстралингвистической детерминации лексической составляющей политического дискурса и выявить основные процессы в области актуальной политической лексики.

Список литературы

1. Котелова Н.З. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
2. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
3. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41.
4. Интегрум — электронная база данных периодических изданий. — URL: <https://integrum.ru/>

© *N.V. Kozlovskaya*

ACTUAL POLITICAL VOCABULARY IN RUSSIAN ANNUAL NEOGRAPHY OF THE 21ST CENTURY

The article analyzes the qualitative structure of the vocabulary of political discourse presented in the annual neological dictionaries and in the electronic database of the Institute for Linguistic Studies of the RAS for a five-year period (2014—2019). Based on the methods of continuous selection, analysis of definitions and semantic analysis, it has been established that the word formation in modern political discourse fully corresponds to the main trends of the development of the Russian language in the 21st century: derivation based on Russian roots and affixes, intensification of word game, the formation of new words from the proper names. It is shown that external borrowings replenish the lexical core of modern political discourse to a much lesser extent than the words that appeared on the word-forming soil of the Russian language. The

significant role of the annual dictionary in the lexicographical reflection of the expansion of the derivation potential of actual political vocabulary is justified. Examples of the transition of terms into political discourse, accompanied by processes of changing the structure of the frame, are given. Problems of timely and complete reflection of semantic shifts in the meanings of actualized words are formulated.

Keywords: actual political vocabulary, new words and meanings, derivation potential, language game, discursive migration of term, changes in the semantics of words.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК КОНСТРУИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ СМИ (на материале заголовков прессы)

Статья посвящена феномену языковой игры в современном медиатексте. Цель работы — уточнение термина «языковая игра» в узком и широком понимании, анализ основных форм и способов языковой игры в заголовках центральной и региональной российской прессы. Данный феномен представлен в контексте особой игровой функции языка, для реализации которой могут быть задействованы языковые ресурсы всех уровней. В результате анализа «нестандартных» заголовков, извлеченных методом сплошной выборки, предлагается сгруппировать их по следующему принципу: в основе языковой игры находится языковой феномен (собственно языковые средства) или феномен интертекстуальности (цитация, обыгрывание прецедентных текстов). Сделан вывод о том, что языковая игра стала конструирующим принципом современной речевой практики СМИ, эксплицирующим изменения в общественной психологии и русском литературно-языковом стандарте.

Ключевые слова: языковая игра, публицистический дискурс, медиатекст, газетный заголовок, речевые импликатуры, каламбур, интертекстуальность, прецедентный текст, лингвокультурологическая компетенция.

Проблема исследования языковой игры, цитации, различных проявлений интертекстуальности в газетно-публицистическом дискурсе (в виде аллюзий, реминисценций, артоцитат и др.) в современной лингвистике является одной из наиболее популярных и активно разрабатываемых, хотя интерес к ней начал проявляться относительно недавно. Всеохватывающая мода на обновление, стремление журналистов уйти от литературно-

языковых стереотипов к разнообразию средств выражения привели к тому, что в настоящее время уже почти невозможно найти статью, даже на очень серьезную тему, где автор не прибежал бы к обыгрыванию устойчивых выражений, окказиональному словоупотреблению, подменам по созвучию, каламбурам, необычным лексико-стилистическим объединениям, семантическим сдвигам и приращениям, перестройке синтаксических связей, графическим и словообразовательным играм, ритмизации и рифмовке и др. В условиях почти полного отсутствия речевой цензуры все эти разнообразные средства используются как «прививка» от ложного пафоса, официоза, как новый языковой стандарт современного публицистического дискурса.

Языковая игра стала характерным признаком языка средств массовой информации с конца 90-х годов XX века. Тенденция к распространению языковой игры на газетной полосе была отмечена В.Г. Костомаровым еще в начале 1970-х годов: в поисках экспрессивных средств выражения журналисту «непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» [Костомаров 1971: 153]. Ярче всего лингвокреативный потенциал языковой игры проявляется в газетных заголовках: занимая сильную позицию в тексте и маркируя его начало, заголовок призван реализовать не только информативную функцию, но и аттрактивную (привлечение внимания читателя), а также прагматическую (воздействие на массовую аудиторию) и гедонистическую (получение удовольствия от чтения медиатекста).

Языковая игра присутствует как в центральных, так и в региональных печатных СМИ — в этом плане значительная их часть представляет собой парадоксальное стилистическое единство. В нашей картотеке насчитывается значительное количество «игровых заголовков», собранных с начала 2000-х годов на материале центральных российских газет («Российская газета», «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и др.), а также региональных печатных органов (анализ проводился на основе общественно-политических газет Ивановской области — «Рабочий край», «Ивановская газета», «Комсо-

мольская правда (Иваново)» и др.). Различные приемы языковой игры обнаруживаются во всех традиционных тематических рубриках данных газет, включая политику и экономику, науку и образование, культуру, социальную жизнь, спорт.

Увлечение журналистов нестандартными способами конструирования заголовков прессы, которое буквально захлестнуло страницы газет в так называемый постперестроечный период, ничуть не убавилось и сейчас. В этом нетрудно убедиться, обратившись к любому номеру той или иной газеты (методом случайного выбора). Например, в «Российской газете» от 2 сентября 2020 года «игровые» заголовки составляют 30% от общего числа заголовков данного номера, причем языковая игра в них представлена в самых разнообразных формах: паронимическая аттракция, нарушение лексической сочетаемости, рифмовка, смысловая аллюзия, грамматическая деформация цитаты и другие преобразования интертекстуальных элементов. Например: «*Ферма гарантирует*» (о господдержке фермерских хозяйств), «*Дома подстроятся*» (о выходе застройщиков из кризиса), «*Ребенок до востребования*» (о мерах по защите семей от необоснованного вмешательства чиновников), «*Кеноша и предвыборная ноша*» (о поездке Д. Трампа в г. Кеноша в связи с межрасовыми противоречиями), «*Золотая Ордынка*» (об изменении движения на Большой Ордынке — скоростной магистрали Москвы), «*Знаниям — силу*» (о правительственной поддержке сферы высоких технологий), «*“Спасибо” булькает*» (о создании терминала для оплаты чаевых), «*Пир книголюбов на весь мир*» (о Московской международной книжной ярмарке), «*Всем пандемиям назло*» (об открытии Московского международного фестиваля «Спасская башня» в период пандемии), «*Я погиб под Харбином*» (о захоронении 15 тысяч красноармейцев на территории Китая) и др.

Следует отметить, что сам термин «языковая игра», широко употребляемый и «растиражированный» именно в контексте исследования стилиобразующих черт современной речевой практики СМИ, в отечественной филологии имеет многочисленные

и далеко не однозначные определения. Языковая игра — явление многоаспектное, имеющее одновременно стилистическую, психолингвистическую, прагматическую и эстетическую природу. Начиная с 70-х годов XX века термин «языковая игра» вышел за пределы философии языка и начал рассматриваться в собственно лингвистическом аспекте. Так, Е.А. Земская предложила обозначать данным термином все явления, когда субъект «играет» с формой речи в эстетических целях [Земская 1983: 175]. Впоследствии появилось немало исследований с целью уточнения понятия «языковая игра». В узком понимании она отождествлялась с каламбурным словотворчеством, семантическими трансформациями слов. Однако со временем утвердилось широкое понимание данного термина: языковая игра — это способ «оживления» речи на фоне «стандартного» языка. Для этого можно не только обыграть разные значения слов или созвучные слова, употребить окказионализм, но и трансформировать хорошо известные выражения, совместить разные стили (например, официально-деловой и разговорный) и т.д.

В настоящее время языковая игра трактуется как определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренной *деструкции языковой нормы*. Этот подход лежит в основе определения А.П. Сковородникова: «Языковая игра — творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе — комического характера» [Сковородников 2010: 52]. По мнению многих отечественных лингвостилистов, уместно рассматривать языковую игру в контексте особой *игровой функции языка*, для реализации которой могут быть задействованы языковые ресурсы всех уровней — фонетического, графического, словообразовательного, лексико-фразеологического, морфологического, синтаксического. При этом с системно-языковой точки зрения данный феномен рассматривается как *запрограммированная аномалия* (в отличие от разного рода речевых ошибок).

Кроме разнообразных функционально-прагматических функций, важно отметить *смыслообразующую функцию* языковой игры, которую отдельные исследователи считают основной [Редькина 2012]. Эта функция в обязательном порядке реализуется в газетном заголовке, поскольку он является структурно-информативным компонентом медиатекста, который в предельно компрессированном виде содержит отсылку к содержанию публикации и придает ей дополнительную смысловую нагрузку, дает оценку излагаемым в статье фактам (в газетном заголовке особенно ярко отражается *оценочность* как основная черта современной публицистики). В результате происходит «расширение семантического объема как отдельных единиц в составе заголовочной конструкции, так и всей конструкции в целом» [Редькина 2012: 6]. В ходе языковой игры привычные значения единиц языка трансформируются в новые смыслы, формирующиеся в сознании адресата в качестве *речевых импликатур* (выводных знаний).

В настоящее время исследователи в основном идут по пути накопления все новых данных об арсенале приемов языковой игры, введения в научный оборот многочисленных примеров их реализации в текстах — в первую очередь, газетно-публицистических. Проанализированный нами массив заголовков центральной и региональной прессы позволяет выявить основные формы и способы языковой игры, которые мы предлагаем сгруппировать по следующему принципу: в основе языковой игры может находиться *языковой феномен* (собственно языковые средства) и *феномен интертекстуальности* (цитация, обыгрывание прецедентных текстов). Причем нередко эксплуатируются обе названные формы, например: «*От суммы спасет сумма, вложенная в дело*» (языковая игра на основе паремии *От суммы и от тюрьмы не зарекайся* и квазиомонимов *сума* и *сумма*).

В первой группе «игровых заголовков» наиболее частотны каламбуры, основанные на эксплуатации многозначности, омонимии, паронимии, паронимазии и др. Например: «*Граждане*

пошли на поправку» (в статье речь идет о законе, который упрощает получение российского гражданства), *«Всход и выход»* (о рекордном экспорте продукции АПК), *«Как код на сметану»* (об обязательной маркировке молочной продукции), *«Экзамен зигзагом»* (об особенностях организации ЕГЭ в период пандемии). Особую выразительность придает заголовкам столкновение слов в разных значениях: *«Фунт сахара и фунт стерлингов»*, *«Добрый хлеб пекут добрые люди»*, *«Боевая граната против боевой женщины»*.

Парономазия выполняет роль звукового курсива, выделяя наиболее важные в контексте слова: *«Для миллионеров — буттики, для пенсионеров — ботики»*, *«Деды воевали, внуки обворовали»*, *«Утрем нос или утремся?»*. Игра созвучиями делает заголовки более «выпуклыми», действенными: *«Константа Конституции»*, *«Выборы без выбора»*, *«Мина для министра»*, *«Беззаконие узаконено»*. При этом наблюдается ритмизация словесного материала, неожиданная рифма: *«Велик он или мал — пенсионный капитал»*, *«Говорят, растет зарплата. Отчего же мы в заплатах?»*, *«Деньги есть, но не про нашу честь»*.

Многие заголовки построены по принципу антитезы: *«Нефтяные цены — вниз, доллар — вверх»*, *«В кошельках — пусто, на ценниках — густо»*, *«Мертвая система не слышит живых людей»*, *«Холодная война и теплые объятия»*. Противопоставление созвучных слов с целью показать их смысловое отличие при кажущемся подобии позволяет выразить мысль точнее, ярче: *«Не быт, но бытие...»*, *«Награждены лица? Нет, личности!»*, *«Честолюбив, но не тщеславен»*.

Распространенным приемом моделирования заголовков современной прессы является нарушение лексической сочетаемости (в большинстве случаев существительного и прилагательно-го): *«Сытый террор»*, *«Бюджетная мина»*, *«Интеллектуальные инвестиции»*, *«Реформа совести»*. Часто используется и такой яркий стилистический прием, как оксюморон: *«Честная взятка»*, *«Дорогая дешевизна»*, *«Наступательная оборона»*, *«Беззащитная защита»* (о проблеме безопасности АЭС). Всеобщая

настроенность на изобретательство проявляется в активизации окказионализмов: «*Квартрасплата*», «*Фальшивотаблетчики*», «*Лоббиринт*» (о лоббизме, который должен ограничить коррупцию в высших эшелонах власти), «*Вертопад*» (о причинах участвовавших катастроф российских вертолетов).

Графические игры в заголовках становятся все более популярными: необычное разделение слов, смешанное употребление прописных и строчных букв (иногда с нарушением норм орфографии), кириллицы с латиницей и т.д. Например: «*Нас снова ОСКАРбили*» (о неудачной попытке режиссеров из стран СНГ получить премию «Оскар»), «*Леди Ди-версия*» (о гибели принцессы Дианы), «*Не надо делить Европу на НАТО и НЕ-НАТО*», «*ПРОИЗВОЛЬНОЕ повышение*», «*Не подорвитесь на витаМИНАХ*» (о подделке фармацевтических продуктов), «*ПроПЛЕСкались*» (о судьбе туристического г. Плес), «*Поймай свою FISHку*» (советы бывалого рыбака), «*МиГ солнца в дождливый день*», «*МАКСимальное напряжение*» (об авиасалоне МАКС), «*Отцам-одиночкам заплатят за ЭКЗОТуку*» (об изменениях в Трудовом кодексе).

Как видим, выразительные ресурсы собственно языковых средств, используемых в современной публицистике, весьма разнообразны. Однако наиболее многочисленной является вторая группа заголовков, которые можно назвать *интертекстуальными*. Подавляющее большинство игровых заголовков в нашей картотеке базируется на *прецедентных текстах* (фразеологических, паремиологических, литературно-художественных, фольклорных, песенных, кинематографических, анимационных, рекламных и др.). Будучи клишированными и в то же время раздельно оформленными образованиями, данные речевые единицы могут подвергаться разнообразным структурно-семантическим трансформациям. В результате рождаются окказиональные конструкции, способные экспрессивно, лаконично и точно выражать новое концептуальное содержание и представлять его в различных эмотивно-оценочных ракурсах.

Наиболее продуктивным способом языковой игры с прецедентными текстами является изменение их компонентного состава — чаще всего происходит замена одного или нескольких ключевых компонентов языкового прототипа: «*Лес рубят — деньги летят*», «*Хождение по справкам*», «*Страшнейшим из искусств для нас является кино*», «*Финита ля приватизация*», «*Сердце инвестора склонно к измене*», «*Семнадцать мгновений зимы*», «*Какой же русский не любит вкусной еды?*». При этом широко используются подмены по созвучию: «*Воры от ума*», «*Аты-баты шли дебаты*», «*У семи нянек дитя без газу*», «*Рожденные эволюцией*», «*Дамоклов мяч*», «*Слушать подано*». Продуктивны антонимические замены: «*Квартирный ответ*», «*Товарищи по счастью*», «*Богатство не порок*», «*Бой вели одни пацаны!*». Преобразование устойчивого выражения в газетном заголовке может заключаться в расширении его состава, помещении его в необычный контекст: «*Троянский конь мэрии*», «*А лучшие судьбы кто?*», «*В ежовых рукавицах рынка*», «*Молочный камень преткновения*». Реже наблюдается сокращение компонентного состава прецедентного текста: «*Птица завтрашнего дня*» (об инфляционных ожиданиях россиян), «*Доживем до...*», «*Пока гром не грянет...*».

Способы языковой игры на базе прецедентных текстов настолько многочисленны и разнообразны, что в рамках одной статьи их невозможно представить достаточно полно (см., например: [Корнилова 2017]). Обратим внимание на наиболее интересные случаи. Например, нередко наблюдается деструкция прецедентных текстов, когда на основе их ключевых компонентов образуется заголовочная фраза, коренным образом отличающаяся по своей структуре от базовой конструкции: «*Министров пересчитают осенью*» (ср.: *Цыплят по осени считают*); «*Тернии теннисных звезд*» (ср.: *Через тернии к звездам*); «*Посеют деньги. Что пожнут?*» (ср.: *Что посеешь, то и пожнешь*); «*Два зайца: убить обоих*» (ср.: *убить двух зайцев*); «*С погодой в первом российском доме все в порядке*» (ср.: *Погода в доме — песня на стихи М. Танича*). К данному приему примыкает апли-

кация — вкрапление в заголовок общеизвестных выражений: «Новая Россия пока сидит на печи», «Дети пойдут учиться в избушки на курьих ножках» (об аварийном состоянии некоторых школ в Санкт-Петербурге), «Сядет ли Россия в нефтяную лужу».

Наивысшая степень обыгрывания прецедентных текстов в газетных заголовках достигается при их контаминации: «На Сеньке шапка не горит» (объединение фразеологизмов: по Сеньке и шапка; на воре шапка горит); «Готовь пенсию смолоду» (объединение паремий: Готовь сани летом, а телегу зимой; Береги <платье снова, а> честь смолоду). Иногда заголовки, построенные на контаминации устойчивых выражений, разворачиваются в целый микротекст. Например, статья о трудоустройстве российских студентов в Великобритании имела название: «“Унесенные ветром”, или почему фунт сыра в платной мышеловке?». В нашей картотеке зафиксированы также игровые заголовки, в основе которых лежит эпифраз — присоединение к устойчивому выражению пунктуационно отграниченного «актуализирующего компонента», формально увязывающего заголовков с корпусом статьи. Например: «Копейка рубль бережет. А кто бережет копейку?»; «Вот и лето прошло. А было оно рабочим»; «А ларчик просто открывался? Просто, да не вдруг».

Интертекстуальные реминисценции на фразеологизмы, поговорки и пословицы могут проявляться в форме заимствования модели прототипа, его ритмического рисунка: «Между бомбой и бюджетом», «Между вкладом и законом» (ср.: между жизнью и смертью, между молотом и наковальней, между небом и землей, между Сциллой и Харибдой); «Что одному доход — другому бедствие» (ср.: Что русскому здорово, то немцу смерть); «Шторм в рюмке водки» — о введении государственной монополии на производство алкоголя (ср.: Буря в стакане воды). От исходной конструкции может остаться одно знаменательное слово: «Доллар не рухнет — коммунист не перекрестится», «Баррель тонну бережет», «Евро гульдену не товарищ», «Не боги бомбы создавали», «Рожденный думать должен помнить».

Данные примеры свидетельствуют о том, что *лингвокульту-ремы*, т.е. единицы «языка культуры», хранящие стереотипы народного сознания, могут существовать и в невербализованной форме — в виде интертекстуальных моделей и схем. Однако ориентация печатных СМИ на массовую аудиторию приводит к тому, что некоторые «наиболее освоенные» модели начинают использоваться авторами публикации как трафарет, т.е. происходит тиражирование однажды найденных интертекстуальных приемов. В результате возникают целые вариативные ряды заголовков, в которых мы наблюдаем «языковую игру ради языковой игры». К таким штампам можно отнести модели типа «*Особенности национальной(-ого)...*», «*Богатые тоже...*», «*Унесённые...*» и др., где вместо многоточия можно подставить любое тематическое слово. Например: «*Особенности национального спорта/быта*», «*Богатые тоже платят/прячут*», «*Унесенные нефтью/налогами*» и т.д.

К неудачным примерам языковой игры можно отнести не только «трафаретное» использование прецедентных текстов, но и диаметрально противоположные случаи, когда среднестатистический читатель не способен разгадать «аллюзийный ребус». Например, в статье под названием «*Немного солнца в... атональном пространстве*» рассказывалось о выставке художника Валерия Бахарева, в картинах которого «все высвечено солнцем, которого так не хватает в «холодной воде» нашей жесткой действительности» («Ивановская газета», 14.12.2001). Однако даже актуализация интертекстуальной ссылки в тексте статьи (заглавие романа Франсуазы Саган «*Немного солнца в холодной воде*») не делает ее более узнаваемой для массового читателя, который к тому же вряд ли поймет, что скрывается за термином «атональный» (в музыке это отказ от гармонической тональности; вероятно, автор имел в виду некую «дисгармонию»). В подобных случаях имеет место коммуникативная неудача, причиной которой является *интертекстуальная лакунарность* персоносферы.

Таким образом, в медийном тексте языковая игра, в первую очередь с интертекстуальными элементами, становится неор-

динарным способом взаимодействия между автором газетной публикации как творческим субъектом и читателем. При этом производимый языковой игрой эффект зависит от лингвокультурологической компетенции адресата (в противном случае происходит коммуникативная неудача). В целом различные проявления «словотворчества» журналистов существенно повышают энергетику печатного слова и позволяют с известной долей юмора, характерного для русского человека, раскрыть суть отражаемого в публицистическом материале явления. Языковая игра проявляется на всех структурных уровнях языка в самых разнообразных формах и становится одной из безусловных находок и отличительных черт современной публицистики: можно сказать, что языковая игра стала конструирующим принципом современной речевой практики СМИ. Особенно ярко феномен языковой игры проявляется в газетных заголовках — своего рода «лингвокультурных барометрах», эксплицирующих изменения в общественной психологии и русском литературно-языковом стандарте.

Список литературы

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. М.: Наука, 1983. С. 172—214.
2. Корнилова Е.В. Способы трансформации цитат в заголовках современного медиатекста // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во Горного ун-та, 2017. С. 61—65.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. 267 с.
4. Редькина О.В. Языковая игра в газетном заголовке начала XXI в. как способ семантического приращения // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. Т. 2. С. 6—12.
5. Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 50—62.

**THE LANGUAGE GAME
AS A CONSTRUCTIVE PRINCIPLE
OF MODERN SPEECH PRACTICE IN THE MEDIA
(based on the material of press headlines)**

The article is devoted to the phenomenon of language game in the modern media text. The purpose of the work is to clarify the term “language game” in a narrow and broad sense, to analyze the main forms and methods of language game in the headlines of the central and regional Russian press. This phenomenon is presented in the context of a special game function of the language, which can be implemented using language resources at all levels. As a result of the analysis of “non-standard” headlines extracted by the continuous sampling method, it is proposed to group them according to the following principle: the basis of the language game is a language phenomenon (actually language means) or the phenomenon of intertextuality (quoting, playing on precedent texts). The conclusion is made that language game has become a constructive principle of modern speech practice in the media, which explicates changes in social psychology and the Russian literary and language standard.

Keywords: language game, publicistic discourse, media text, newspaper headline, speech implicatures, quibble, intertextuality, precedent text, linguo-culturological competence.

© *Кристиано Никола Отелло*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ГАЗЕТИЗМОВ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В РОССИЙСКИХ СМИ

Исследование лексики современных СМИ весьма важно для детального описания состояния русского языка и тщательного изучения происходящих в нем процессов. В данной статье проведены анализ функционирования и семантическая классификация газетизмов, отобранных из представительных печатных изданий, таких, как «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «РБК», «Российская газета», и также представленных в Основном и Газетном корпусах Национального корпуса русского языка. Проводилась оценка языковых единиц по частотности их представления в корпусе текстов НКРЯ, по количеству текстов, где они были использованы, по времени их появления и по характеру распределения по текстам различных функциональных стилей русского языка. Делается вывод, что газетизмы в современных российских СМИ используются не только для оперативного информирования, но и для формирования общественного мнения. В этой связи газетизмы позволяют нейтрализовать информацию о персональной ответственности, выразить модальность неотвратимости, эвфемистически описать те или иные события или действия. Были также выделены следующие семантические группы газетизмов: «Действие», «Документ», «Метафорическое место» и «Физическое место», к которым были отнесены анализируемые лексические единицы.

Ключевые слова: газетизм, стилистика, СМИ, современная русская речь, социолингвистика.

Введение

Предлагаемая статья посвящена вопросу семантико-грамматической классификации газетизмов и их функционирования в российских СМИ последних десяти лет.

Средства массовой информации, без сомнения, играют большую роль в жизни современного человека, в формировании общественного сознания, поскольку они влияют на мировоззрение и коллективное восприятие фактов.

Рассмотрение языка газеты, как одного из видов языка СМИ, а конкретнее — функционирования газетизмов, представляет значительный интерес для детального описания состояния языка и тщательного изучения происходящих в нем процессов.

Под газетизмом мы понимаем слово, выражение, оборот или конструкцию, типичную для газетно-публицистического стиля и обладающую в нём сравнительно высокой частотностью (*алармист, больной вопрос, плутократ, массив, акробаты благотворительности*) [Солганик 2014]. Эти слова неоднородны с тематической точки зрения: они относятся к общественно-политической, официально-деловой, военной, спортивной лексике. Они также неоднородны и стилистически. Газетизмы включают разговорные, просторечные выражения и слова, канцеляризмы и многие другие виды стилистически маркированной и эмоционально окрашенной лексики. Газетизмы, как правило, обладают социально-оценочной окраской (*шестая держава, индивидуал, инструктаж, восьмидесятник, болезнь левизны, вандал, желтая пресса, жупел, зубр, кликуша*) [Полякова, Солганик 1971; Солганик, 1981]. Это объясняется тем, что основной их функцией, наряду с функцией оперативного информирования, является функция воздействия и формирования общественного мнения. Единственное, что объединяет эти слова и выражения — восприятие их как типичных для газетной, публицистической сферы.

История вопроса

Работы 20-х годов XX века отражают языковую политику того времени: они имели задачу воспитания и культурного роста читателя. Таким образом они изучали язык газеты с социологической и лингвистической точек зрения [Лысакова

1981]. Работы, вышедшие в свет в то время, такие, как труды Я. Шафира [Шафир 1927; Шафир, Сосновский 1927], касались вопроса о непонятности, недоступности языка газет для народных масс, о воспитании и культурном росте человека.

В последующие годы газетный язык стал исследоваться в рамках двух подходов: нормативно-стилистического и функционально-стилистического (начало которому было положено в книге Г.О. Винокура «Культура языка» [Винокур 1929], где один из разделов посвящен именно языку газеты).

Стоит отметить, что с 1960-х годов газетный язык стал активно изучаться в рамках преподавания русского языка как иностранного. Рассматривались конкретные факты, черты, которые вызывают затруднения у иностранца при чтении газет (например, модальные частицы).

Методика исследования

Материалом нашего исследования являются газетные тексты, которые опубликованы в ряде представительных всероссийских газетных изданий — таких, как «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «РБК», «Российская газета», и также представленных в Основном и Газетном корпусах Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

Стоит подчеркнуть, что среди специальных сайтов, содержащих базы данных научного и учебного характера в области гуманитарных наук, Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/new/>) занимает особое место: «Национальный корпус, в отличие от электронной библиотеки, — это не собрание “интересных” или “полезных” текстов, это собрание текстов, интересных или полезных для изучения языка» [НКРЯ].

В задачи нашей работы входило следующее:

- 1) отбор представительных федеральных печатных изданий;
- 2) отбор статей, затрагивающих международные события, общественно-политическую жизнь;

- 3) выделение газетизмов и проверка их частоты по НКРЯ;
- 4) функциональная и семантическая классификация газетизмов;
- 5) грамматическая классификация газетизмов.

Для достижения поставленных задач были использованы общенаучные методы (сравнительно-сопоставительный метод, метод моделирования и др.) и математические методы, обеспечиваемые компьютерными технологиями.

Что касается работы с НКРЯ, мы использовали Основной корпус (далее ОК), накапливающий тексты с примерами наиболее общих языковых явлений, и Газетный корпус (далее ГК), собирающий газетные тексты и квалифицирующий характерные для них языковые явления.

Тексты СМИ включаются как в Основной корпус, так и в Газетный корпус, в котором представлены статьи из средств массовой информации 1990—2000-х годов. В корпус газетных текстов включены тексты одиннадцати СМИ — как печатных газет («Известия», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Труд»), интернет-изданий («Газета.ру», «Коммерсант», «Лента.ру», «Московский комсомолец», «Новая газета»), так и электронных агентств («Новый регион», РИА «Новости», РБК). Принцип отбора СМИ для исследования основан на наибольшем количестве текстов, посещаемости электронных ресурсов и тиражности соответствующих бумажных изданий; использовались только издания федерального уровня. Были отобраны СМИ с наибольшим тиражом и охватом читательской аудитории.

Анализ материала

Структура НКРЯ разработана таким образом, что дает возможность получить данные, касающиеся фактов существования и функционирования какого-либо языкового средства как в литературном языке в целом, так и в его отдельных подъязыках.

Тексты СМИ включаются как в ОК, так и в ГК, в котором представлены статьи из средств массовой информации 1990—2000-х годов. В корпус газетных текстов включены тексты семи СМИ — как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»).

Результатом нашего исследования является анализ лексем, предварительно отобранных из газетных публикаций, проверенных аналитическими средствами НКРЯ на соответствие определению «газетизма» по вышеуказанным параметрам.

Для настоящей статьи мы выбрали несколько, на наш взгляд наиболее показательных, примеров использования газетизмов.

1) Так, в статье под названием «О спиртном начистоту», опубликованной в «Российской Газете» 27-го декабря 2019 года, используется лексическая единица *постановление правительства: Всего, с 2015 года, когда вступило в силу **постановление правительства о реализации мер по пресечению незаконных производства и оборота этилового спирта** [...]*.

Осуществим поиск по Основному корпусу старой версии НКРЯ. На странице поиска выбираем: Лексико-грамматический поиск → Слово: *постановление* → На расстоянии: *от 1 до 1* от → Слово: *правительство*. Получаем следующий результат:

— 706 документов, 1113 вхождений.

Эти количественные данные НКРЯ свидетельствуют о высокой частотности рассматриваемой единицы.

На странице «Результаты поиска» опция «Статистика» фиксирует следующие данные по сферам функционирования: художественная — 1,62%; публицистика/нехудожественная — 66,76%; учебно-научная/нехудожественная — 14,91%; остальные случаи единичны.

На той же странице в опции «Распределение по годам» представлен график, отражающий время возникновения и интенсив-

ность использования конструкции в речи. Так, газетизм *постановление правительства*, редко встречающийся до 90-х годов, резко увеличил частоту с конца 90-х годов и достиг пика в 2001 году.

Осуществив поиск такой единицы в Газетном корпусе НКРЯ, покрывающем период 2000—2020 гг., мы получили следующий результат:

— 4372 документа, 5264 вхождения.

Опция «Распределение по годам» показывает пик использования этой единицы в прессе в 2004 году.

Сравнительный анализ результатов поиска в Основном и Газетном корпусах с учетом сферы функционирования рассматриваемой единицы позволяет нам считать ее газетизмом и перейти к семантической ее характеристике в рамках СМИ.

Рассматриваемая лексическая единица относится к тематической группе «Документ», как и следующие выделенные нами газетизмы, показывающие высокую частотность: *допуск на российскую территорию, кредитное досье, международные права, протокол лечения, регламент*.

2) В статье «Урожай с гарантией», опубликованной в «Российской Газете» 27 декабря 2019 года, используется словосочетание *достигнуть результатов: Достигаются результаты, которыми мы все гордимся [...]*. Поиск в Основном корпусе дает следующие результаты:

— 509 документов, 591 вхождение.

Сфера функционирования:

публицистика/нехудожественная — 57,02%;

художественная — 11,17%.

В Газетном корпусе получаем:

— 821 документ, 847 вхождений.

Эти количественные данные НКРЯ свидетельствуют о высокой востребованности рассматриваемой конструкции в СМИ.

Пик использования рассматриваемой единицы достигнут в 2009 году по данным Газетного корпуса НКРЯ.

Что касается особенностей функционирования данной единицы в СМИ, следует сказать, что она позволяет создать положительный эффект безличности в целях сообщения о чем-то массовом, едином (иногда иллюзорно едином) при собирательном субъекте.

Рассматриваемый газетизм можно отнести к тематической группе «Действие», как и следующие единицы, выделенные нами на основании частотного критерия и сферы функционирования: *взять на вооружение, военная интервенция, воплощение в жизнь, вступить в силу, вступить в дискуссию, давать wow-эффект, измерение температуры, комментировать, комплаенс, нарушение карантина, подвергнуть опасности, полное обследование, санкции, совершить нападение.*

3) Рассмотрим еще один пример из той же статьи в «Российской Газете» — газетизм *внутренний рынок: Удельный вес отечественной продукции на **внутреннем рынке** предполагался в рамках этой доктрины 95 процентов, а будет 99,7 процента [...].*

Поиск в Основном корпусе НКРЯ дает следующие результаты:

— 566 документов, 922 вхождения.

Сфера функционирования:

публицистика/нехудожественная — 80,69%;

художественная — 1,41%

В Газетном корпусе получаем:

— 3364 документа, 4689 вхождений.

Пик использования данного словосочетания достигался в 2004 и 2012 годах по данным Газетного и Основного корпусов соответственно.

Словосочетание *внутренний рынок* может использоваться как экономический термин либо как газетный штамп. Если оно выполняет функцию термина, оно позволяет не только оперативно сообщить информацию, но и обеспечить точное экономическое наименование.

Что касается семантической классификации газетизмов, анализируемая единица может быть отнесена к тематической группе «Метафорическое место», к которой относятся и следующие единицы: *в изоляции, внешняя политика, внутренняя политика, военно-политическое руководство, пессимистичный сценарий, служба безопасности, туристический рынок, мировой рынок, профессиональная среда.*

Следует отметить, что была выделена и тематическая группа «Физическое место», к которой были отнесены такие газетизмы, как *внутренние границы, инфекционная больница, инфекционное отделение, общественный транспорт, стерильная зона.*

Выводы

Исследование, проведенное на материале текстов, извлеченных из представительных федеральных газет, которые были проверены аналитическими средствами НКРЯ, позволило выделить следующие семантические группы газетизмов:

- «Действие»;
- «Документ»;
- «Метафорическое место»;
- «Физическое место»;

и также выявить три постоянно появляющиеся функции газетизмов в рамках СМИ:

- нейтрализация информации о персональной ответственности того или иного лица;
- выражение модальности неотвратимости того или иного события;
- эвфемистическое описание тех или иных событий или действий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты смогут использоваться в вузовских курсах «Современный русский язык», «Лексикография», а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Культура языка. М.: ЛЕНАНД, 1929. 352 с.
2. Лысакова И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 102 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
4. Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газеты. М.: МГУ, 1971. 326 с.
5. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М.: Высшая школа, 1981. 179 с.
6. Солганик Г.Я. О современной культурно-речевой ситуации // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 23—30.
7. Солганик Г.Я. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2014. 852 с.
8. Шафир Я. Очерки психологии читателя. М.: ГИЗ, 1927. 86 с.
9. Шафир Я., Сосновский Л. Вопросы газетной культуры. Гос. изд., 1927. 51 с.

© *N.O. Cristiano*

ABOUT A SEMANTICO-GRAMMATICAL DESCRIPTION OF “GAZETIZMS” AND THEIR FUNCTION IN RUSSIAN MEDIA

The study of the vocabulary of modern media is extremely important for a detailed description of the state of the Russian language and a thorough study of the processes taking place in it. This article analyses the functioning and semantic classification of several of the most illustrative examples of the use of gazetteers selected from representative print media — such as Vedomosti, Izvestia, Kommersant, RBC, Rossiyskaya Gazeta, and also presented in the Main and Newspaper Corporuses of the National Corpus of the Russian Language. The assessment of linguistic units was carried out by the frequency of their representation in the corpus of texts collected in the RLNC databases, by the number of texts where they were used, by the time of their occurrence and by the nature of the distribution of various functional styles of the Russian language over the texts. It is concluded that newspaper ‘gazetizm’ in modern Russian media is

used not only for operational information, but also for the formation of public opinion. In this regard, 'gazetizm' makes it possible to neutralize information about the personal responsibility of a person, express the modality of the inevitability of an event, and euphemistically describe certain events or actions. The following semantic groups were also identified: "action", "document" and "metaphorical place", to which the analysed lexical units were allocated.

Keywords: gazetizm, stylistics, mass media, стилистика, СМИ, contemporary Russian speech, sociolinguistics.

© *Круглова Наталья Генриховна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

АКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОВ 'ЧЕСТЬ', 'СОВЕСТЬ', 'ТРУДОЛЮБИЕ', 'СПРАВЕДЛИВОСТЬ', 'БЕСКОРЫСТИЕ' В ДИСКУРСЕ ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

Цель статьи — описание языковых и речевых средств выражения концептов 'честь', 'совесть', 'трудолюбие', 'справедливость', 'бескорыстие' в дискурсе школьного сочинения. Основными методами исследования являются описательный метод, методы когнитивного и дискурсивного анализа. В работе использовались методика концептуального анализа, адаптированная для «оттекстового» изучения аксиологических концептов в частном дискурсе школьного сочинения, методики наблюдения и описания, методика интерпретации текстов, контекстуального анализа, количественная методика.

Дискурс школьного сочинения-рассуждения на всех стадиях и во всех составных частях связан с ценностями и оценками и содержит аксиологические концепты как в процессе их становления, так и в виде результата когнитивной деятельности участников дискурса. В качестве «входов» в содержание концептов в дискурсе школьных сочинений-рассуждений используются языковые и речевые знаковые единицы, отражающие нравственно-ценностный компонент обыденного сознания как идеальное образование. Рассматривается активность наиболее часто употребляемых корней, а также часто употребляемых слов, к которым относятся названия концептов, слова, входящие в одно и то же словообразовательное гнездо с этими названиями, а также оценочная лексика с общеположительной коннотацией, слова, выражающие общие понятия (категории), слова, часто используемые

в определениях. Оценочные слова с отрицательной коннотацией малоактивны.

Ключевые слова: концепт, аксиологические концепты, нравственно-ценностный компонент языкового сознания, текст, лексика с экспрессивно-эмоциональной коннотацией, дискурс школьного сочинения-рассуждения.

Основная методика работы — методика концептуального анализа, разработанная на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики (филологического факультета) ННГУ им. Н.И. Лобачевского на основе идей Воронежской школы анализа концептов и адаптированная для «оттекстового» (З.Д. Попова, И.А. Стернин) изучения аксиологических концептов в частном дискурсе школьного сочинения-рассуждения.

В области современного гуманитарного знания все большую значимость приобретают стратегии научного поиска, основанные на антропоцентрическом подходе к изучению языковых и текстовых явлений. В процессе данного исследования, посвященного изучению аксиологических концептов русской языковой картины мира школьников на материале текстов сочинений-рассуждений учащихся и языковой экспликации концептов в современном русском языке, были выявлены некоторые черты школьного дискурса методом сравнения употреблений вышеназванных концептов в текстах школьных сочинений-рассуждений и в энциклопедических и лексикографических источниках. В связи с этим определяются следующие задачи исследования: 1) выделить языковые и речевые средства выражения аксиологических концептов 'честь', 'совесть', 'трудолюбие', 'справедливость', 'бескорыстие' в текстах сочинений; 2) выявить активность функционирования языковых единиц, выражающих эти концепты, в дискурсе школьного сочинения.

В качестве материалов для исследования использовались:

- 1) данные современных философских словарей, словарей по этике, энциклопедий, научных гуманитарных трудов;
- 2) данные различных лексикографических источников — русских толковых и этимологических словарей;
- 3) данные паремиологического и фразеологического материала (фразеологические словари, словари пословиц и поговорок, в том числе электронные словари пословиц, поговорок, фразеологизмов);
- 4) тексты школьных сочинений, посвящённые рассуждениям об аксиологических концептах. Использовались только те словари, которые фигурируют в дискурсе сочинений, являются «эталонными» материалами, содержащими информацию о концептах.

Лексикографическое описание понятий ‘честь’, ‘совесть’, ‘трудолюбие’, ‘справедливость’, ‘бескорыстие’ относится к 80-м годам XIX века и встречается в «Толковом словаре живого великорусского языка» в 4 томах В.И. Даля и в словаре по этике И.С. Кона, а также в научных трудах Ф.И. Булаева.

Концепты ‘честь’, ‘совесть’, ‘трудолюбие’, ‘справедливость’, ‘бескорыстие’ являются важными элементами русской языковой картины мира, и их изучение необходимо для понимания русской ментальности, что весьма актуально. Данные концепты исследуются либо в лексикографическом аспекте (в частности, с использованием толковых и энциклопедических, фразеологических и паремиологических словарей, словарей сочетаемости), либо в сравнении разноязычных языковых картин мира (также с использованием лексикографических изданий) [например: Спивакова Е.М., Спивакова М.М. 2015; Ерёмкина 2014; Муфазалова 2011; Гневашева 2014]. Данные концепты рассматриваются также в дискурсе их употребления [например: Бочкарёв 2016; Гаврилова 2006; Наградова 2016], но дискурсный анализ этих концептов носит либо обобщённый, либо фрагментарный характер [Болдырев 2014: 77].

Дискурс включает динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее ре-

зультат (т.е. текст). Результаты интеллектуально-оценочной деятельности закрепляются в словах с определенным оценочным смысловым содержанием, с особыми коннотациями, на основе которых возникают аксиологические концепты. Сочинения носят творческий характер, и в них обнаруживаются индивидуальные черты языковой картины мира (ЯКМ). Примерами конкретного содержания (смысла) текста являются интерпретации лексических единиц, обозначающих концепты, в школьных сочинениях. Так, интерпретируя слово *честь*, учащиеся в основном акцентируют внимание на почете и уважении, которые связаны с честью, но почти не обращают внимания на идею доблести и жертвенности, которые также связаны с понятием чести [Круглова 2015]. Выбранные элементы содержания языковых знаков — часть конкретного содержания (смысла) текста. Эти элементы содержания могут сильно отличаться от лексического значения слова и значений других языковых единиц. Неправильное понимание языковых значений — это также смысловое явление, проявление смысла, возникающего в определенном тексте. В отличие от значения, смысл носит вариативный, динамический характер. Изучаемые тексты школьных сочинений отражают результаты интерпретации аксиологических концептов, выраженных словами *честь*, *совесть*, *трудолюбие*, *бескорыстие* и *справедливость* в сознании школьника и участвуют в формировании картины мира, присущей авторам сочинений. Данные тексты представляют собой высказывания, созданные в процессе доэкзаменационной подготовки к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку, оформленные как сочинения-рассуждения. Эти сочинения созданы на базе исходного текста (отрывка из художественного или публицистического произведения), который должен быть подвергнут комментарию, и ряда исходных материалов (толкования в словарях, паремиологические единицы, слово учителя и др.). Данные сочинения входят в частный дискурс, который можно назвать дискурсом школьных сочинений-рас-

суждений. Описание смыслового содержания концептов в толковых словарях, энциклопедических пособиях, паремиях являлось своего рода «эталоном», с которым сравнивалось содержание сочинений.

Проведенный анализ текстов школьных сочинений-рассуждений, содержащих исследуемые концепты, позволяет обобщить полученные результаты использования учащимися языковых и речевых средств при выполнении заданий ОГЭ и ЕГЭ по созданию текстов сочинений-рассуждений на базе исходного. Изучаемый дискурс характеризуется активностью языковых единиц (слов, словосочетаний, корней слов) с положительной оценочной коннотацией, что является диагностическим признаком аксиологического содержания данного частного дискурса, показателем наличия в нем аксиологических концептов. Для сочинений характерна положительная оценка концептов 'честь', 'совесть', 'трудолюбие', 'справедливость', 'бескорыстие', выраженная с помощью лексики с положительной коннотацией в толкованиях (определениях), литературных примерах, цитатах, рассуждениях самих авторов сочинений. Изучение текстов школьных сочинений позволяет увидеть фрагменты языковой картины мира школьников. Тексты сочинений являются «входами» в эту картину мира, включающими знаковые (знакодержательные) единицы, к которым относится в первую очередь лексика. В составе языковых и речевых средств выражения изучаемых концептов выделяются: 1) лексические единицы, являющиеся именами концептов, а также лексика, связанная с ними по смыслу; 2) лексические единицы, антонимичные словам из первой группы; 3) любая другая лексика, имеющая экспрессивно-эмоциональную коннотацию; 4) паремиологические и фразеологические единицы. Наиболее активными в употреблении являются: 1) слова — имена концептов; 2) слова, входящие в одно и то же словообразовательное гнездо с именами концептов; 3) лексика

с общеположительной коннотацией (при малой активности лексики с отрицательной коннотацией); 4) слова, выражающие общие понятия (категории); 5) слова, часто используемые в определениях понятий. Анализ языковых и речевых средств проводится по текстам сочинений, в которых были обнаружены изучаемые концепты. Выделяются следующие группы языковых и речевых средств: 1) лексические единицы (слова, реже словосочетания), являющиеся названиями данных концептов, а также синонимичные этим названиям, связанные с ними родо-видовыми и ассоциативными отношениями; 2) лексические единицы, выражающие значения, антонимичные значениям лексики из первой группы; 3) лексика с экспрессивно-эмоциональной коннотацией безотносительно к ее смысловым связям с лексикой из первой и второй групп; 4) паремиологические и фразеологические единицы (поговорки, пословицы, фразеологизмы); 5) подтексты, в которых выражены изучаемые концепты. В процессе сбора материала некоторые выявленные языковые и речевые единицы могут попадать в разные группы. В конце анализа языковых средств для каждого текста даются комментарии по его содержанию. Лексика с экспрессивно-эмоциональной коннотацией обладает коннотативностью. Коннотативность лексики (экспрессивно-эмоциональная окраска, особая оценочность и т.д.) может 1) выражаться особыми словообразовательными средствами; 2) быть присуща семантике отдельных слов и закреплена в словарях; 3) входить как элемент в общую семантическую структуру слова (наряду с его основной, предметно-логической отнесенностью) [Фомина 1983: 197].

Оказалось, что наиболее активны не только названия концептов и лексика, входящая в их толкования, но и оценочная лексика. По частоте употреблений во всем массиве сочинений лексика распределяется следующим образом (табл. 1) (взяты частоты, равные 5 и более):

Таблица 1

**Частоты наиболее активной оценочной лексики
в массиве сочинений**

Лексика	Частота	Лексика	Частота
Уважение	18	Добрый	8
Честь	14	Справедливость	7
Хороший	11	Качество	7
Заслуживать	10	Важный	6
Совесть	10	Помогать/помочь	6
Человек/люди	10	Ценить/оценить	6
Помощь	9	Честный	6
Труд	9	Уважать	5
Трудолюбие	9	Чистый	5

Как видно из таблицы 1, среди наиболее активных лексических единиц встречаются как названия некоторых аксиологических концептов (*честь, совесть, трудолюбие, справедливость*), так и оценочные слова. Слово *заслуживать* оказалось часто употребляемым, так как несколько раз встретился оборот *заслуживать уважения*. Слова *уважение, уважать* часто употребляются потому, что именно в этом аспекте многие авторы сочинений рассматривают обсуждаемые концепты. Слова *помощь, помогать* часто используются при написании сочинений о бескорыстии (речь идет о бескорыстной помощи). Слово *качество* часто используется в толковании (определении) абстрактных понятий, каковыми являются слова, называющие концепты. Слово *чистый* имеет большую частотность, потому что нередко употребляется в словосочетании *чистая совесть*. Оценочные слова *хороший, добрый, важный, ценить/оценить*, по-видимому, являются наиболее типичными средствами оцен-

ки, которые употребляются учащимися в данном частном дискурсе.

Среди часто повторяющихся слов встречаются однокоренные: *уважение, уважать; честь, честный; помощь, помогать/помочь; труд, трудолюбие*. Это позволяет говорить об активности некоторых корневых морфем. По сравнению со служебными морфемами корень в слове играет особую роль, выступает как носитель «вещественных, реально-вещественных или предметно-логических значений» [Немченко 1994: 51]. Корни выражают общую часть значений однокоренных слов, и по этой причине корни выполняют объединяющую роль для родственных слов, выражающих различные аспекты одного и того же понятия или концепта. Поэтому целесообразно рассмотреть активность не только слов, но и наиболее часто употребляемых корней (табл. 2).

Таблица 2

Частоты наиболее активных корней в массиве сочинений

Корень	Однокоренные слова с частотой их употребления	Частота корня
актуал	актуальность 1, актуальный 4	5
корыст	бескорыстие 2, бескорыстно 5, бескорыстный 4, корыстный 1	12
благ(о)род	благородный 4, благородство 2	6
важн	важный 6	6
добр	добро 6, добрый 8, добродетель 1	15
достойн	достоинство 2, достойно 2, недостойный 2	6
дух/душ	духовно 1, духовный 1, душа 3, душевный 1, малодушие 1, равнодушный 1	8
служ	заслуживать 10	10
качеств	качество 7	7

Таблица 2 (окончание)

Корень	Однокоренные слова с частотой их употребления	Частота корня
люб	любить 3, любовь 4	7
положительн	положительно 1, положительный 4	5
помог/помоч-	взаимопомощь 1, помогать 3, помочь 3, помощь 9	16
прав	правда 2, правильно 1, правильный 1, неправильно 1, неправильность 1, неправильный 1, несправедливость 1, справедливо 2, справедливость 7, справедливый 2	19
совест	совестливость 1, совестливый 2, совестный 2, совесть 10	15
труд	труд 9, трудиться 3, трудолюбивый 4, трудолюбие 9	25
уваж	уважать 7, уважение 18, уважительный 2	27
хорош	хороший 11, хорошо 2	13
цен	оценить 1, ценить 5, цениться 4, ценность 3	13
человек/люд	человек 6, люди 4	10
чест	честно 1, честный 6, честь 14	21
чист	чистый 5	5

Таблица 2 показывает активность словообразовательных связей слов, выражающих обсуждаемые концепты. Кроме того, активность корней выявляет некоторое количество оценочных слов, не отраженных в таблице 1: *актуальный, благородный, достойный, душевный, любить*. Можно отметить, что среди ча-

сто повторяющихся оценочных слов встречаются только слова с положительной оценкой. Слова, выражающие отрицательную оценку, малоактивны. Это отражает восприятие обсуждаемых концептов, характер рассуждений о них и, по-видимому, связано с анализируемым частным дискурсом.

Изучение полученных данных позволяет утверждать, что во всех сочинениях отражены лишь некоторые признаки концептов. Например, при сравнении каждого отдельного концепта с «эталонным» описанием его смыслового содержания было выявлено присутствие в сочинениях следующих «эталонных» сведений: честь связывается с чистой совестью и вызывает уважение людей. Совесть выступает как проявление внутренней природы человека, как чувство нравственной ответственности, встречается характерное словосочетание — *чистая совесть*, способная доставлять душевные муки. Трудолюбие — любовь к труду, хорошее качество человека, оно пользуется уважением, приобретает высокую оценку. Справедливость — положительное качество человека, черта его характера. Бескорыстие учащиеся характеризуют как качество — *бескорыстный (человек или поступок)* и рассматривают разные проявления бескорыстия — нежелание наград за добрые дела, помощь людям, отсутствие жадности (щедрость), проявление добра, отсутствие эгоизма в сфере отношения людей к материальным благам, в сочинениях его значение обычно сужается до понятия бескорыстной помощи.

Таким образом, изучение текстов школьных сочинений-рассуждений позволяет обнаружить особенности в активности употребления языковых единиц (в первую очередь лексических), что может быть использовано при изучении и описании языковой картины мира учащихся.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

2. Бочкарёв А.Е. К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 41—53.
3. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: бр. Салаевы, 1867. 472 с.
4. Гаврилова М.В. Концепт «Справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика, 2006. № 17. С. 77—88.
5. Гневашева В.А. Добродетель и ценность как тезаурусные константы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 117—123.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. М.; СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1880—1882.
7. Ерёмина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
8. Кон И.С. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
9. Круглова Н.Г. Лексико-семантическая структура аксиологических концептов в школьных сочинениях // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/131-23360>
10. Муфазалова Л.С. Концепт совесть в русской языковой картине мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 11 (58). С. 352—357.
11. Наградова Л.С. Особенности фразеологической репрезентации концепта «корысть, расчёт» в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 1 (22). С. 155—158.
12. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 296 с.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
14. Спивакова Е.М., Спивакова М.М. Национальная специфика русского концепта «честь» // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4 (2). С. 416—419.
15. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. М.: Высш. школа, 1983. 335 с.

**ACTIVE LANGUAGE AND SPEECH MEANS
OF EXPRESSING THE CONCEPTS
'HONOUR', 'CONSCIENCE', 'DILIGENCE',
'JUSTICE', 'SELFLESSNESS'
IN THE DISCOURSE OF A SCHOOL ESSAY**

The purpose of the article is to describe the active linguistic and speech means of the concepts 'honor', 'conscience', 'diligence', 'justice', 'selflessness' in the discourse of school essay. The main research methods are the descriptive method, methods of cognitive and discourse analysis. The work used the method of conceptual analysis adapted for the "textual" study of axiological concepts in the private discourse of school essay, methods of observation and description, method of interpretation of texts, contextual analysis, quantitative method. The discourse of school writing-reasoning at all stages and in all its constituent parts is associated with values and evaluations and contains axiological concepts both in the process of their formation and as a result of the cognitive activity of the participants in the discourse. As "inputs" to the content of concepts in the discourse of school essays-reasoning, linguistic and speech sign units are used, reflecting the moral and value component of everyday consciousness as an ideal education. It is advisable to consider the activity of the most frequently used roots in the significant parts of speech. The most frequently used words are the names of concepts, words included in the same word-formation nest with these names, as well as evaluative vocabulary with a generally positive connotation, words expressing general concepts (categories), words often used in definitions. The presence of some "reference" information in the compositions was also revealed.

Keywords: concept, axiological concepts, moral and value component of linguistic consciousness, text, vocabulary with expressive-emotional connotation, discourse of school writing-reasoning.

© *Кузнецов Игорь Александрович*
Российский химико-технологический
университет им. Д.И. Менделеева

НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВАХ

В работе представлено описание речевых стратегий некооперативной (конфликтной) фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации и их последующая лингвокультурологическая интерпретация через призму национальной обусловленности. Методы исследования базируются на комплексном подходе к анализу диалогического взаимодействия (совмещающем методы коммуникативно-прагматического анализа, лингвокогнитивного анализа и дискурса-анализа). Материалом исследования выступают текстовые данные Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. Описаны модели вербальной агрессии в диалогах со стороны инициатора диалога (инициативная агрессия), со стороны отвечающего (реактивная агрессия), с обеих сторон (взаимная, обоюдная, интерактивная агрессия). Делается вывод, что проанализированные модели конфликтного речевого взаимодействия относятся к такой национально обусловленной модели, как «выяснение отношений», когда собеседники, вместо того чтобы обсуждать суть возникшей проблемы, переходят на личности.

Ключевые слова: фатика, конфликтная диалогическая коммуникация, вопросно-ответные единства, национальная обусловленность речевых стратегий, русская устная речь.

В работе представлен фрагмент комплексного исследования национально-обусловленных моделей диалогической коммуникации в речевой практике носителей русского языка. В центре нашего исследовательского внимания — русские двучленные вопросно-ответные диалогические единства конфликтного типа.

Цель исследования — описание речевых стратегий некооперативной (конфликтной) фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации и их последующая лингвокультурологическая интерпретация через призму национальной обусловленности.

Методология исследования определяется научными принципами современной теории языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] и концептуальным инструментарием лингвокультурологического направления в анализе фактов языка и текста [Вежбицкая 1997; Радбиль 2018]. Методы исследования базируются на комплексном подходе к анализу диалогического взаимодействия (совмещающем методы коммуникативно-прагматического анализа, лингвокогнитивного анализа и дискурс-анализа) [Матвеева 2014; Кузнецов 2020]. Материалом исследования выступают текстовые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собственного интернет-мониторинга автора (ИМ). Практические результаты исследования могут быть востребованы в медийной практике и PR-проектах [Русский язык 2014; Радбиль, Рацибурская 2017], а также в лингвистических экспертизах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

В общем виде конфликтный дискурс (в том числе — диалогический) характеризуется столкновением коммуникативных целей участников коммуникации, при котором одному или обоим участникам наносится коммуникативный ущерб [Ширяев 2000 и др.]. По иллокутивной доминанте выделяются самые разнообразные типы конфликтных диалогических интеракций: оскорбление, вербальная грубость, враждебное замечание, недовольство, раздражение, угроза, грубое требование, обвинение, упрек, насмешка (колкость), клевета, сплетня, ссора и пр. [Щербина 2018].

Многие из выявленных нами разновидностей конфликтного речевого взаимодействия можно, на наш взгляд, отнести к такой национально обусловленной модели, как «выяснение отношений», когда собеседники, вместо того чтобы обсуждать суть воз-

никшей проблемы, переходят на личности. Причем подобный «выход на метауровень» зачастую не вытекает из логики ситуации, т.е. конфликт вырастает как бы «на пустом месте».

По источнику вербально-агрессивного поведения исследователи обычно разграничивают: (1) вербальную агрессию со стороны инициатора диалога (инициативная агрессия); (2) вербальную агрессию со стороны отвечающего (реактивная агрессия); (3) взаимную, обоюдную агрессию (интерактивная агрессия) [Щербинина 2018 и др.].

(1) Инициативная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. В работе В.Ю. Апресян выделяется группа так называемых «агрессивных» вопросов, используемых в определенном круге ситуаций и задающих определенный тип агрессивного отношения к адресату. «А именно, они используются, когда, по мнению говорящего, адресат недостаточно наблюдателен или не сообразителен, не замечает очевидного или же не делает того, что от него требует ситуация. Их цель — упрекнуть или задеть адресата» [Апресян 2003: 33]. Такие вопросы сами по себе задают конфликтную иллюкутивную доминанту в вопросно-ответном единстве, независимо от типа ответа (т.е. независимо от того, поддерживает ли отвечающий установку на конфликт или нет): — *Ну живей!.. Кому я говорю! // — Вылезай, Яношка, — забеспокоился Янкель. — Запоролись, вылезай* (НКРЯ — А.И. Пантелеев, Г.Г. Белых. Республика ШКИД (1926)).

Специфика таких вопросов заключается в том, что они не предполагают вообще никакого ответа. По сути, это косвенное выражение упрека, недовольства, стремления инициатора к провокации или эскалации вербального конфликта и пр. Поэтому единственной стратегией ухода от такого конфликта является вообще молчание, отказ от коммуникации: *Елена молчит.// — Кому я говорю — стене, што ли? А?! // Елена молча повернулась к нему лицом* (НКРЯ — Ф.М. Решетников. Горнорабочие (1866)).

Крайне агрессивной разновидностью конфликтных инициальных вопросов являются вопросы с ложными или бессмысленными альтернативами [Стешов 1991], в которых говорящему предлагается выбрать между двумя заранее неподходящими и даже невозможными в реальности вариантами: *Другой раздраженно спросил: — Ты дурак или притворяешься? // — Нет, я не дурак* (НКРЯ — А.А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) / Части 1—3 (1940—1956)). Как показывают эти примеры, корректного адекватного ответа и в этих случаях дать невозможно. Ведь ответные реплики *Нет* или *Нет, не дурак* отсекают только один негативный вариант, тогда как второй остается неотвеченным. Поэтому здесь возможна только тактика ухода от ответа: — *Блаженным считаешь или шизиком? // — Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ — Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

(2) Реактивная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. Здесь имеются в виду случаи, когда реакция отвечающего не мотивирована инициативной агрессией спрашивающего (т.е. когда задан вполне нейтральный вопрос, и ситуация в общем не предполагает негативной реакции): — *Ты меня любишь? // — А хрен его знает! В общем, надеюсь, Александра Николаева вы себе уже представляете* (НКРЯ — Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание замечательных личностей) // «Сибирские огни», 2012). Так, в работе В.Ю. Апресян приводятся примеры «псевдо-императивов» в агрессивной функции — типа *поговори у меня, поспорь со мной, только попробуй* и пр., когда они выражают не побуждение, а угрозу. Эта же иллокутивная сила появляется в ответных репликах с «псевдо-императивами» как реакциях на нейтральные информативные вопросы: — *Или ты не жнешь, не сеешь, а только карман подставляешь?! // — Поговори у меня! — стукнул кулаком по столу Мотяков. — Семен Иванович!* (НКРЯ — Борис Можжев. Живой (1964—1965)).

К отдельной группе средств выражения агрессии в ответной реплике можно отнести и **устойчивые фразеологизованные**

конструкции. Так, для выражения сомнения в правдивости или уместности слов спрашивающего используется конструкция *с чего ты взял/взяла*: — *Ты что-то еще хочешь спросить? // С чего ты взяла?* — удивился Стась (НКРЯ — Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)). Устойчивая конструкция *(Да) откуда я знаю* используется для выражения раздражения по поводу уместности инициальной реплики: *Через минуту он снова спросил: — Ну и где же они? // — Да откуда я знаю?! — раздраженно крикнула Мира* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)). Возражение или несогласие косвенно выражается также идиоматичной конструкцией *Скажешь тоже*: — *Ты что, бывал там? // — Скажешь тоже! Кто ж меня туда пустил? Краем уха слышал* (НКРЯ — Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)). Устойчивая конструкция *Да ну тебя/вас* используется для выражения невежливого нежелания отвечать: — *Честно говоря, не очень. И кто тебе сказал про блат? Гарик? // — Да ну тебя* (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012)). Резкий отказ от продолжения коммуникации выражен устойчивой конструкцией *тебя/вас не касается*: — *Что ты сказал? Повтори. // — Тебя это не касается* (НКРЯ — Владимир Козлов. Гопники (2002)).

Ярким средством выражения реактивной агрессии выступает **полный или частичный повтор инициальной реплики** (с сохранением иллокутивной силы вопроса или с ее изменением). Так, например, это может быть выражение раздражения: — *Вот послушай... // — Да что нам тебя слушать!* — махнул рукой Армагиргин. — *Все твои сказки знают даже малые дети* (НКРЯ — Юрий Рытхэу. Когда киты уходят (1970—1977)); выражение недовольства: *Лэсси мгновенно насторожилась. — Что ты хочешь сказать? // — А ты что хочешь сказать? — фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Девочки из колодца (2004)); выражение возражения: — *Что ты об этом думаешь? // — А что я могу думать? Я — мелкая сошка* (НКРЯ — Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)).

Разные виды упреков, возражения, недовольства выражаются еще одним значимым средством фатической диалогической коммуникации — **экспликацией в ответной реплике самой иллюкутивной силы вопроса спрашивающего или самого факта его говорения**: — *Как дела? // — Ты спрашиваешь, как у меня дела? Это как у тебя дела, с таким сильным приворотом?* (НКРЯ — Ю.И. Андреева. Многозначие сборки (2009)). Часто стратегия агрессивного возражения, недовольства, возмущения распространяется не столько на слова спрашивающего, сколько на его личность в целом. Подобная коммуникативная направленность может быть выражена устойчивой эмфатической конструкцией *Кто ты такой, чтобы...: — Это кто же не даст нам его найти? — любопытствовал Гуров. — Не ты ли, случайно? // — Мы с ним кореша были, — оскорбленно привычившись, сказал Гайворонский. — Я за помин его души пью. А ты кто такой, чтобы мне это говорить?* (НКРЯ — А. Макеев, Н. Леонов, Гроссмейстер сыска (2003)).

(3) Взаимная (интерактивная) вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. Взаимная агрессия в фатических вопросно-ответных единствах наибольшим образом отражает установку на «выяснение отношений», в котором принимают участие обе стороны. Конфликтные иллюкутивные доминанты диалогической интеракции в свою структуру включают самые разные типы согласованности/несогласованности инициальной и ответной реплик. Например, вопрос-угроза соотносится с реакцией — обобщающим негативно-оценочным суждением: — *Вы хорошо подумали? Ваш выбор может иметь для вас самые серьезные последствия...* // — **Вы — эгоист, Лева,** — усмехается Гвоздилова (НКРЯ — И. Шевцов, Леонид Филатов. Сукины дети (1992)); ответной угрозой косвенного типа, по модели псевдо-согласия: — *А по морде за такие слова?* // — **А дай! Слушай, в самом деле, ты вот получал по морде?** (НКРЯ — Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

Вопрос-упрек соотнесен с реакцией — возмущением: — *Что ты за мужик после этого?! // Оська возмутился: — Я имел больше женщин, чем ты съел котлет* (НКРЯ — Сергей Довлатов. Компромисс (1981—1984)); обидой: — *За кого ты нас принимаешь? // — Обижает, начальник. Мы не уголовники какие-нибудь, — сказал Корнеев. — Мы работаги* (НКРЯ — Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Сказка о Тройке (1967—1968)); реактивным упреком: — *Не можете? Это еще что за глупости? — нахмурился сэр Чарльз. // — Вы стали слишком упрямы, ваше высочество* (НКРЯ — Б.А. Лавренев. Крушение республики Итль (1925)); категорическим требованием: — *Смотри, что ты наделал? — расплакалась девочка. // — Дети, идите отсюда, — прикрикнула на них женщина, — человек умер, а вы так себя ведете* (НКРЯ — Маша Трауб. Плохая мать (2010)).

В научной литературе по вербальной агрессии указывается, что вербальная агрессия может проявляться на уровне содержания, на уровне формы и на уровне содержания/формы вместе [Щербинина 2018]. В частности, агрессивным может быть и вербальное наполнение реплик, в которых используются негативно-оценочные слова и выражения инвективного характера: — *Вы что, самоубийцы? // — Заткнись! — трясясь в горячке несостоявшейся перестрелки, скомандовал пэпэссник* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)). — Здесь в вопросе содержится скрытое утверждение — негативная характеристика свойств субъекта, а в ответе — грубое требование прекратить коммуникацию.

Во всех подобных случаях мы можем говорить о максимальном выражении иллюкутивной доминанты «выяснения отношений», когда объективная сторона речевого общения вообще сведена к минимуму: оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф.

- «Диалог-2003» / под ред. И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, В.П. Селегея. М.: Наука, 2003. С. 32—35.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
 3. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
 4. Кузнецов И.А. Псевдотавтологические вопросно-ответные единства в русской диалогической речи: к проблеме национальной обусловленности моделей фатической коммуникации // Научный диалог. 2020. № 5. С. 78—96.
 5. Матвеева Т.В. Ведение диалога как сфера лингвоэкологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 121—131.
 6. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146—149.
 7. Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 375 с.
 8. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
 9. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18—21.
 10. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
 11. Стешов А.В. Как победить в споре. О культуре полемики. Л.: Лен-издат, 1991. 191 с.
 12. Ширяев Е.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 80—85.
 13. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: ФЛИНТА, 2018. 224 с.

**THE NATIONALLY-CONDITIONED MODELS
OF CONFLICT COMMUNICATION
IN RUSSIAN DIALOGIC
QUESTION-REPLY ADJACENCY PAIRS**

The paper presents a description of speech strategies of non-cooperative (conflict) phatic dialogic question-reply communication and their subsequent linguo-culturological interpretation through the prism of national conditioning. The research methods are based on an integrated approach to the analysis of dialogical interaction (combining the methods of communicative-pragmatic analysis, linguo-cognitive analysis and discourse-analysis). The research material is the text data of the Russian National Corpus and the author's own Internet monitoring. Models of verbal aggression in dialogues on the part of the initiator of the dialogue (proactive aggression), on the part of the respondent (reactive aggression), on both sides (mutual, reciprocal, interactive aggression) are described. It is concluded that the analyzed models of conflict speech interaction refer to such a nationally determined model, as a "showdown", when the interlocutors, instead of discussing the essence of the problem, become personal.

Keywords: fatigue, conflict dialogic communication, question-reply adjacency pairs, national conditioning of speech strategies, Russian speaking.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Целью статьи является рассмотрение потенциала прецедентных феноменов с точки зрения их функционирования в рекламном тексте. В исследовании дана краткая характеристика рекламной деятельности, перечислены особенности языка рекламы, описана структура рекламного текста, освещены научные определения теории прецедентности, проанализированы современные рекламные тексты. Используются метод теоретического анализа и обобщения, метод анализа составляющих рекламного текста, метод сопоставления языковых средств и метод прогнозирования информативно-воздействующей функции созданного текста. В результате исследования было выявлено, что прецедентные феномены в рекламном тексте могут занимать как позицию онима, слогана, так и встраиваться в основной текст. Источниками прецедентности могут служить разные сферы искусства; в рекламе функционируют как прецедентные тексты, так и имена, выражения, ситуации в исходном и трансформированном виде. Использование прецедентных феноменов отвечает основным требованиям к рекламному тексту и является продуктивным приемом создания эффективного увещательного сообщения.

Ключевые слова: язык рекламы, рекламный текст, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное выражение, прецедентный текст, рекламный оним, слоган.

Реклама — коммерческая деятельность, целью которой является побуждение адресата к действию — выбору и приобретению определенного товара или услуги. Удачное рекламное сообщение привлекает внимание потребителя, вызывает эмоциональный отклик, запоминается, формирует положительное

отношение к рекламируемому объекту, мотивирует к действию. В ситуации информационного шума, широкой конкуренции товаров и услуг для выполнения своих функций реклама берет курс на креативность и игровой характер. Реклама представляет собой отдельную сферу массовой коммуникации, имеет свои приемы построения и особый язык.

Язык рекламы — средство выражения содержания рекламного сообщения, его речевая организация, особенности которой обусловлены функционированием рекламы. Рекламный язык имеет две стороны: рациональную — информативную, доказательную — и эмоциональную, которая выделяет рекламное сообщение из общего потока информации. Язык рекламы имеет ряд характеристик, обусловленных специфическими особенностями рекламной деятельности:

1. Краткость и лаконичность. Экономия рекламного пространства объясняется, с одной стороны, затратами на рекламное объявление, а с другой — особенностями рекламного воздействия: у адресата нет намерения воспринимать рекламное сообщение, он вынужден его получить, следовательно, у кратко сообщения выше вероятность быть воспринятым целиком.

2. Креативность в рамках стандартизованности. В современной массовой коммуникации обнаруживается стремление к максимальной свободе, к проявлению творческой индивидуальности автора, а также активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет соотнести текст с существующими традициями [Нахимова 2007, [http](#)]. Это объясняется ориентацией на адресата: с одной стороны, необходимо привлечь его внимание, выделить текст из ряда аналогичных, с другой стороны, важно оформить свое новаторство в привычном для адресата виде, чтобы текст был прочитан и понят.

3. Выразительность, экспрессивность. Манипулятивный текст в первую очередь обращает на себя внимание, вызывает интерес и симпатию. Поэтому в рекламе активно используются выразительные языковые средства, различные виды языковой игры.

Одним из приемов создания оригинального рекламного текста является включение в его содержание прецедентных феноменов, характеризующихся сжатой формой и лингвокультурной ценностью.

Рекламное сообщение состоит из рекламного имени (онима), слогана, основного текста (уникального торгового предложения) и контактов фирмы. Использование языковых средств художественной выразительности, в том числе прецедентных феноменов, возможно как в основном тексте, так и в ониме и слогане, которые являются базовыми константами рекламного текста. В статье мы рассмотрим функционирование прецедентных феноменов в рекламных онимах, слоганах и уникальных торговых предложениях, так как рекламный текст — это не только единство всех составляющих его элементов, но и каждый компонент в отдельности.

В 1986 году в статье Ю.Н. Караулова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» впервые был употреблен термин «прецедентный текст». Прецедентными ученый называет тексты, широко известные в обществе, обладающие эмоциональной и ценностной значимостью, неоднократно воспроизводимые в виде отсылок и упоминаний в дискурсе конкретной языковой личности [Караулов 2010: 216]. К прецедентным ученый относит не только художественные тексты, но и другие — эмоционально значимые, узнаваемые и реинтерпретируемые. Знание прецедентного текста индивидом указывает на его принадлежность культурной эпохе. Основной способ существования прецедентного текста ученый называет семиотическим: в дискурсе конкретной языковой личности прецедентный текст появляется в свернутом виде — в форме намёка, фрагмента, пересказа. В дискурс прецедентные тексты вводятся цитатой, заглавием, именем автора или персонажа и обеспечивают быстрый переход из фактологического уровня в ментальный.

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвилова в статье «Как тексты становятся прецедентными» понятие прецедентного текста соотно-

сят с культурно и эстетически значимыми для данного языкового дискурса текстами. Конкретные реализации в тексте авторы называют ярлыками, аббревиатурами текста, результатом редукции. Прецедентное высказывание передает не весь объем содержания текста, а отдельный, значимый для данного дискурса компонент, что соотносится с точкой зрения Ю.Н. Караулова, т.е. для понимания роли прецедентного текста в конкретном дискурсе не обязательно доскональное знание текста.

В.В. Красных в своих исследованиях расширяет значение прецедентного текста. Определение, предложенное Ю.Н. Карауловым, она экстраполирует на прецедентные феномены. Это обусловлено выделением в качестве прецедентных вербальных и невербальных явлений: текстов, а также произведений живописи, скульптуры, музыки, архитектуры и пр. Стоит отметить, что прецедентный текст ученый относит к вербализуемым феноменам, а не к вербальным. Это объясняется тем, что в нашей памяти не может храниться весь текст целиком, а только его концепт, сжатое до образа представление о нем. «Прецедентный текст и прецедентная ситуация “хранятся” в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости “вербализованы” (поэтому, повторяю, прецедентный текст и прецедентная ситуация относятся к числу вербализуемых прецедентных феноменов)» [Красных 2003: 173].

Нам кажется целесообразным выделять в качестве родового понятия прецедентный феномен, в объем которого входят прецедентный текст, прецедентное имя, ситуация, высказывание. Современная реклама актуализует различные слои знания и культуры, используя в качестве выразительного средства не только значимые тексты, но и материальные культурные артефакты, их образы, музыкальное искусство. Рекламный текст характеризуется поликодовостью — представляет собой систему языковых и внеязыковых средств выражения содержания [Туовила 2015: 23]. Аудиальный и визуальный контент складываются с вербальным содержанием в единое манипулятивное повествование. В рамках исследования анализу подвергаются вербализованные

прецедентные феномены, принадлежащие разным культурным сферам.

В текстах рекламы прецедентные феномены могут использоваться как в исходном, так и в трансформированном виде. Стоит отметить, что включение прецедентных элементов в текст повышает игровой характер рекламного сообщения, так как взаимодействие прецедентного феномена с контекстом, в который он помещен, рождает многозначность, ассоциативность, двойное дно языковой игры, экспрессивность. «Текст, в котором присутствует хотя бы один из прецедентных феноменов, изначально экспрессивен» [Ильясова, Амири 2015: 226].

Прецедентные феномены в роли рекламного онима используются для создания рекламного образа, подкрепляющего качества продукции. Так, название сети магазинов *Снежная королева* является прецедентным и воспроизводится в исходном виде как название сказки Г.Х. Андерсена и имя одной из главных героинь. Рекламное имя выстраивает ассоциацию с общеизвестным образом, однако интерпретирует его в соответствии с рекламной целью. Отрицательная коннотация Снежной королевы как злой колдуньи снята, актуализируются положительные компоненты слова *королева*: богатая, знатная, красивая женщина. Эпитет *снежная* определяет продукцию компании — зимнюю верхнюю одежду. Таким образом, прецедентное имя в позиции рекламного онима благодаря ассоциативной связи с холодным временем года указывает на продукцию компании, отсылка к королеве выделяет женскую аудиторию в качестве основной, высоко оценивает будущего потребителя и характеризует продукцию с точки зрения высокого качества: королевская одежда для монаршей особы. Связь названия со сказкой приводит к полисемии.

В рекламных онимах также используются трансформированные прецедентные феномены. Трансформация прецедентного элемента отвечает требованиям оригинальности текста, актуализирует дополнительные смыслы, привлекает внимание и замедляет прочтение рекламного сообщения. Сущность трансформа-

ции состоит в том, что прецедентный феномен видоизменяется, однако остается узнаваемым и не теряет своей связи с породившим его текстом или ситуацией. Например, в названии гематогена *Крокодил Гематогена* используется трансформированное прецедентное имя *крокодил Гена*, которое в сумме с визуальным оформлением упаковки отсылает адресата к одноименному персонажу Э. Успенского. Использование образа сказочного персонажа относит товар к детской категории, а положительный герой начинает ассоциироваться с полезным продуктом. Узнаваемый образ и необычное контаминированное рекламное имя замедляют прочтение и вызывают интерес. Кулинария *Мадам Повари* — трансформированное прецедентное название романа Г. Флобера «Мадам (госпожа) Бовари». Рекламный оним не выстраивает тесной связи с исходным текстом, кроме стилизации под французскую фамилию, однако содержит узнаваемый для начитанного адресата, замаскированный образ, который предлагается обнаружить. Так как реклама рассчитана на широкую аудиторию, «использование рекламистом в текстах прецедентности уместно только с учетом фоновых знаний адресата, единых для представителей данной культурной среды» [Варганова 2018: 328]. Однако знание текста не является обязательным для понимания прецедентного феномена, а связь с французской кухней обнаружит как подготовленный, так и неподготовленный потребитель.

Тесно связанные оним и слоган сети кулинарий *Мама наготовила / Сема, ешь* являются прецедентными выражениями, отсылающими к одесскому юмору, что вызывает положительный отклик у адресата и ассоциации с одесской кухней.

Название торговой марки мясной продукции *Папа может* имеет отсылку к прецедентному тексту песни «Папа может» М.И. Танича и В.Я. Шаинского. В рекламе используется прием обманутого ожидания: слова веселой детской песни вплетены в воинственные рекламные сюжеты. Новая трактовка известной строчки привлекает внимание. Продукция позиционируется как полезная и сытная, для настоящих мужчин.

В позиции рекламного слогана широко используются прецедентные выражения, трансформированные фразеологизмы. Афористичность крылатых выражений обеспечивает многозначность слогана, его подытоживающий характер. Слоган средства от варикоза *Троксевазин: Какие наши ноги* — трансформированное выражение *Какие наши годы* со значением оптимистичного настроения выстраивает положительную ассоциацию с молодостью и здоровьем, положительно характеризует лекарство. Слоган лекарственного средства для печени *Эссенциале форте: Любите жизнь всей печенью* — представляет собой трансформированное прецедентное выражение (*любить*) *всем сердцем*. Замена компонента прецедентного феномена категоризирует препарат, характеризует как эффективный и необходимый. Трансформация привычного устойчивого оборота обращает внимание и замедляет прочтение, придает слогану игровой характер.

Прецедентные феномены используются также для названия акций различных торговых марок. Акция компании *Теле2: Переведи бабушку в Интернет* — отсылает к советскому прошлому, к тимуровцам, которые оказывали помощь пожилым людям, в частности переводили бабушек через дорогу. В названии акции пересмотрена прецедентная ситуация с точки зрения современности, название побуждает к действию.

Акция сырной компании *Ольтермани: Сыр вашему дому* — содержит в номинации трансформированное прецедентное выражение *Мир вашему дому*. Рекламное имя выражает доброе пожелание и при этом указывает на основную продукцию компании.

Прецедентные феномены используются не только в базовых константах рекламного сообщения, но и в основном рекламном тексте. Часто рекламисты создают визуальный образ, который подкреплен вербально — прецедентным именем. Рекламный ролик спрея от насморка *Отривин* использует образ всемогущего волшебного существа *Джинна Отривина*, что характеризует средство как эффективное, созданный образ вызывает положительные ассоциации и доверие к лекарству. Имя героя из

рекламы сети магазинов *Снежная королева* — *Шуб Мороз* — трансформированное прецедентное имя *Деда Мороза*. Представленный образ ассоциируется с волшебством, подарками и сюрпризами, а замена компонента указывает на продукцию магазина. Кроме того, рекламный ролик был приурочен к новогодним акциям, чем и объясняется выбор персонажа.

В рекламе фарша *Мираторг* используется советская песня на стихи Я. Халемского «Из чего же»: *Из чего же, из чего же, из чего же сделан наш фарш домашний...из мяса*. Прецедентный текст трансформирован, рекламная песня в отличие от оригинала резко обрывается без ряда перечислений. Прием обманутого ожидания привлекает внимание, тем самым дальнейшая информация о качественном составе, вероятно, будет услышана адресатом.

Итак, прецедентные феномены в рекламном тексте могут как занимать позицию базовых констант — рекламного онима и слогана, так и находиться непосредственно в основном тексте. Источниками прецедентности в рекламе служат общеизвестные произведения искусства, фразеологизмы, крылатые фразы, пословицы, поговорки; т.е. «реклама как особый вид массовой коммуникации характеризуется апелляцией к широкому диапазону прецедентных феноменов, известных среднему представителю национального лингвокультурного сообщества» [Волкова, Кабаньян 2020: 108].

Трансформированные прецедентные феномены в рекламном тексте обладают большим креативным, игровым потенциалом, так как подобные элементы органично вписаны в общий контекст сообщения, выстраивают крепкую ассоциативную связь с рекламируемым объектом; эффективно замедляют восприятие рекламы благодаря помещению общеизвестных вербализованных элементов культуры в новый контекст, замены одного из компонентов прецедентного феномена, буквализации его значения. Процессы узнавания прецедентного феномена, его дешифровки, восстановления исходного вида и толкования в новом окружении доставляют удовольствие адресату, апеллируют к его кругозору и интеллектуальным способностям.

В рекламных онимах часто используются прецедентные имена, так как они экономичны в отношении рекламного пространства и выполняют назывную функцию. В качестве рекламных слоганов активно используются прецедентные выражения, крылатые слова, фразеологизмы, поскольку основная функция слогана — подытоживать информацию кратко, многозначно и эмоционально. Непосредственно в тексте могут использоваться как прецедентные имена для обозначения рекламного героя, так и прецедентные тексты, выражения, ситуации.

Прецедентные феномены в качестве приема создания рекламного текста продуктивны. Они отвечают требованию экономии рекламного пространства, являясь лишь ярлыком текста, его свернутой формой; придают сообщению экспрессивность, так как обладают оценочным компонентом; выполняют развлекательную функцию, предлагая адресату провести их дешифровку; выделяют целевую аудиторию; выступают в качестве аргументации и оценки рекламируемого объекта за счет ассоциативной нагрузки; устанавливают контакт с адресатом, поскольку используют общеизвестные образы; располагают к себе, а следовательно, к рекламе. Таким образом, рекламист через прецедентный феномен обращается к общей с адресатом когнитивной базе, разговаривает с ним на одном языке.

Список литературы

1. Варганова Н.Г. Прецедентные единицы в рекламных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 325—329.
2. Волкова Р.А., Кабаньян Б.С. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 105—108.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА, 2015. 296 с. URL: <https://www.litres.ru/l-p-amiri-6006413/yazykovaya-igra-v-kommunikativnom-prostranstve-smi-i-reklamy-11645939/>

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73—76.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 379 с.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УГПУ, 2007. 207 с. URL: <http://philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>
8. Туовила Ю.О. Герменевтика как способ интерпретации рекламных текстов (на материале печатных журналов ФРГ). Самара: Изд-во СГАУ, 2015. 176 с.

© *E.S. Kuznitsina*

FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE ADVERTISING TEXT

The study is aimed at analyzing of potential of precedent phenomena interms of their functioning in the advertising text. The study provides a brief description of advertising, lists the features of the language of advertising, describes the structure of the advertising text, covers the scientific definitions of the theory of precedent, and analyzes modern advertising texts. We used the method of theoretical analysis and generalization, the method of analyzing the components of the advertising text, the method of comparing language tools, and the method of predicting the informative and influencing function of the created text. As a result of the research, it was revealed that precedent phenomena in the advertising text can take both the position of an onym, slogan, and be built into the main text. Different spheres of art can serve as sources of precedent elements. Advertising uses both precedent texts and names, expressions, and situations in their original and transformed forms. Using precedent phenomena meets the basic requirements for advertising text and is a productive technique for creating an effective persuasive message.

Keywords: language of advertising, advertising text, precedent phenomenon, precedent name, precedent expression, precedent text, advertising onym, slogan.

© **Куликова Валентина Александровна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)*

НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИРОНИИ В ЗАГОЛОВКАХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ¹

Рассматриваются словообразовательные средства формирования иронии в медийном дискурсе на примере новообразований. Цель исследования — выявление словообразовательных маркеров иронических стратегий в заголовках текстов интернет-СМИ. Материалом исследования стали контексты употребления новообразований узуальных и неузуальных способов создания в электронных СМИ, причем основным признаком иронии в данных контекстах является несовпадение имплицитного и эксплицитного оценочных планов: отрицательная оценка эксплицитно не выражена, негативно-маркированные элементы в высказывании отсутствуют, однако имплицитно выводятся из контекста.

Ключевые слова: ирония, новообразования, электронные СМИ, негативная оценка.

В современной лингвистической науке нет единого мнения по поводу сущности иронии и ее языкового воплощения, что определяется сложностью самого явления иронии и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

проблематичностью ее выявления во многих речевых ситуациях. Как отмечают исследователи, «в основе феномена иронии лежат полисемия языковых единиц и их экспрессивность — способность передавать широкий спектр оценочных отношений субъекта речи. Признаками иронии являются также иронический смысл, имплицитность, контрастность, многоплановость, многомерность и лаконичность формы» [Шкицкая 2019: 47].

В плане выявления иронических контекстов перспективным является прагматический подход, в соответствии с которым ирония понимается широко, как дискурсивная практика, которая подразумевает целенаправленное использование языковых средств не только для передачи смысла, но и для трансляции разного рода социальных отношений, определяемых набором прагматических функций [Шилихина 2014]. В целом иронические стратегии характеризуются несовпадением эксплицитного и имплицитного оценочного значения высказывания: оценочная семантика эксплицитно не выражена, однако имплицитно выводится из контекста.

При этом ироническая тональность, призванная завуалировать прямую авторскую негативную оценку, является одной из характерных черт современной медийной речи: «прямая авторская оценка событий, явлений подменяется всепоглощающей иронией. Автор надевает на себя маску ироничного, стороннего наблюдателя <...>. Подобная манера, сохраняя видимость многозначительной позиции, позволяет в иронически-агрессивном стиле осмеивать все и вся» [Язык СМИ как объект... 2003: 232].

В медийном тексте основными средствами формирования иронии становятся инструменты языковой игры, в том числе словообразовательные.

Говоря о лексических маркерах ироничности, исследователи отмечают намеренное завышение стилового тона (использование архаизмов и патетической лексики), намеренное занижение стилового тона (использование жаргонизмов и сниженной лексики) [Иванцова 2016]. Однако подобный

эффект может достигаться и с помощью словообразовательных средств. Ироническую тональность, как правило, передают новообразования, в которых стилистически сниженные элементы сочетаются с элементами книжной окраски: *Украина готовится к «дематюкации»*. Почему в стране хотят запретить нецензурные выражения (Коммерсантъ, 04.07.2019) — на базе разговорно-сниженной лексемы *матюкаться* ‘материться’ [НСРЯ] создается новообразование по модели лексем книжной стилистической окраски с префиксом *де-* и суффиксом *-(из)аци(я)* (ср. термины *денационализация*, *дедолларизация* и под., называющие важные политические, социальные реформы). Экспрессивность повышается за счет нарушения данной модели, поскольку новообразование создается с пропуском ступени абстрактного существительного без приставки **матюкация*. Стилистический контраст производящих основ может быть средством формирования иронии в новообразованиях, созданных неузвальными способами: *Муниципалево... Мы всех видим! У нас все отцифрованы!* — слова сотрудницы ЦУРа выглядели хищно (Коммерсантъ, 30.01.2020) — новообразование создано путем междусловного наложения на базе лексемы, относящейся к официальной сфере употребления, *муниципальный* + *палево* (в молодежном сленге ‘контроль (спецслужб)’ [ССЛ]), в контексте новообразование служит иронической номинацией цифровых технологий, которые муниципальные органы используют для контроля определенных сфер жизни общества.

В подобных случаях могут создаваться нарочито патетические контексты, чрезмерная возвышенность которых ощущается носителем языка и становится маркером иронии: *Их углеводородие*. Работа Российской энергетической недели была ознаменована появлением в зале главы «Роснефти» Игоря Сечина (Коммерсантъ, 03.10.2019) — устаревшее обращение к чиновным лицам [НСРЯ] «ваше благородие» приобретает ироническую окраску за счет словообразовательного обыгрывания.

Таким образом, стилистический и семантический контраст словообразовательных элементов (производящей основы и форманта, либо двух производящих основ в контаминированном новообразовании) создают двуплановость высказывания, свойственную ироническим контекстам.

В целом, чрезмерная патетичность, экспрессивность, неуместность которой осознается читателем, может являться самостоятельным маркером иронии. Такая гипертрофированная экспрессивность может быть свойственна голофрастическим сращениям [Николина 2009: 119], в рамках которых объединяются сразу несколько экспрессивно окрашенных единиц: *О симптомокомплексе вирусофобия-маскомания-карантины-паника на бирже* (Эхо Москвы, 30.01.2020).

Другим приемом создания иронии является использование намеренных логических нарушений. Как отмечают исследователи, ирония — форма игры с читателем через парадокс [Потёмина 2010: 135], поэтому ироническую окраску приобретают новообразования с парадоксальной семантикой, в рамках которых соединяются элементы (основы и форманты) различных тематических групп: *Гос-пон-панк. Российская власть, церковь и суд выступают в жанре Pussy Riot* (Московский комсомолец, 25.06.2012); *Агрофитнес: сажаем печень? “Подаренные” россиянам дополнительные выходные к майским праздникам вызвали восторг у дачников и унылое сожаление у москвичей, не имеющих фазенды* (Московская правда, 20.04.2012) — префиксоид *агро-*, обозначающий отнесенность чего-либо к обработке земли, сельскому хозяйству, соединяется с основой лексемы *фитнес* из тематической группы «спорт». Ироническая окраска неодеривата подчеркивается в контексте за счет каламбура *сажаем печень*, основанного на полисемии лексемы *сажать*.

Для создания иронических контекстов может использоваться прием деривационного повтора. В подобных случаях словообразовательный элемент одного из ранее встречающихся в контексте узуальных слов повторяется в новообразовании:

Грабитель унес из микрофинансовой организации микродобычу. Злоумышленник заставил сотрудника открыть сейф и похитил оттуда все деньги... В сейфе оказалось 750 рублей (Известия.78, 25.12.2017). Повторяющийся элемент может приобретать новые оттенки семантики: *Коронавирус и Коронабелорус. Кажется, Александр Лукашенко хочет спасти мир. По крайней мере, стать ему наконец полезным. И извлечь из этого мира пользу уже тоже* (Коммерсантъ, 15.04.2020) — при повторе в рамках новообразования элемент сложного слова *корона-* не только является отсылкой к названию вируса, но и метафорически обозначает заносчивость политика; экспрессивность заголовка увеличивается за счет созвучия двух лексем.

При этом может осуществляться обыгрывание этимологии и внутренней формы слова, его исторически обусловленной деривационной структуры: *Из кныриков в кныри. Константин Кнырик возник в информационном пространстве весной 2014-го — на волне второй «Крымской весны». Вещал он тогда охотно и страстно, обличая майданичников, но вес его слов был подобен голубиному пуху. И верно, ну кто такой Кнырик?!* (Наша Версия, 29.08.2019) — имя собственное (фамилия общественно-политического деятеля *Кнырик*), написанное с маленькой буквы, с точки зрения современного русского языка является нечленимым, однако в ходе словообразовательной игры в нем выделяется этимологический суффикс *-ик* с уменьшительно-ласкательной окраской. Новообразование *кнырь* создано путем десуффиксации, прием антитезы (*кнырь* — *кнырик*) в контексте усиливает ироническую окраску.

В некоторых случаях ирония имеет в большей степени контекстуальную обусловленность.

Лексические единицы, выражающие положительную оценку, подвергаются словообразовательной трансформации с помощью дериваторов, вносящих скрытую отрицательно-оценочную окраску: *Передемонизировали. Неужели во всём виноваты американцы?* (Литературная газета, 18.09.2018) — новообразование на базе глагола *модернизировать*, имеющего

положительно-оценочную семантику, приобретает негативную окраску за счет префикса *пере-* со значением чрезмерной интенсивности, которая в контексте становится негативным признаком.

Ироническая окраска создается, когда обыгрывается устойчивое выражение, имеющее положительно-оценочный характер. Один из элементов в составе такого выражения подвергается словообразовательной трансформации, добавляется компонент, выражающий скрытую негативную оценку: *Прогноз высокой **отточности**. Минэкономики <...> в ближайшее время пересмотрит годовую оценку оттока капитала с текущих \$15—25 млрд до ориентировочно \$50 млрд* (Коммерсантъ, 07.08.2012) — междусловное наложение *прогноз высокой точности + отток* (в контексте — отток капитала, связанный с экономическим кризисом).

При этом словообразовательные элементы, вносящие негативную окраску (префикс *пере-*, производящая лексема *отток*), также не содержат в своей семантике негативно-оценочный компонент, он формируется в контексте.

Также для формирования иронии используется контекстуальный прием «мимикрии» (негативная оценка под видом позитива) [Руженцева 2013: 67], для реализации которого могут задействоваться и словообразовательные средства: *Небешеный принтер Госдумы: по 104 закона в день. А серьёзный закон принимают за три дня в трех чтениях без слушаний и «круглых столов»* (Московский комсомолец, 20.07.2017) — префикс *не-* со значением отрицания должен нейтрализовать негативную оценочность производящей лексемы *бешеный*, а из контекста следует, что неодериват *небешеный* употребляется в прямо противоположном значении.

Итак, словообразовательный механизм формирования иронии нередко основан на нарушении стилистической, семантической, логической сочетаемости словообразовательных элементов в пределах неодеривата. При этом ирония всег-

да поддерживается контекстуальными средствами. Автор предполагает наличие у читателя определенных коммуникативных компетенций, речевого опыта, достаточного для выявления истинной прагматической установки. Ирония в рамках реализации глобальной установки на воздействие выполняет сразу несколько функций: установление контакта с читателем, вовлечение его в игру, создание комического эффекта и в то же время выражение оценки в скрытой форме, что нередко является более эффективным, поскольку читатель сам выводит оценочную семантику высказывания, и снижает риск возникновения конфликта (в том числе юридического) из-за отсутствия прямых негативных характеристик.

Список литературы

1. Иванцова Е.А. Ирония как стилистический приём // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26020182>
2. Николина Н.А. Новые явления в сфере сложения и сращения // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: докл. XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов. М.: МГУ, 2009. С. 119—120.
3. НСРЯ — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
4. Потёмина М.С. Полифункциональность иронии // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2010. № 8. С. 134—137.
5. Руженцева Н.Б. «Чужие» и «свои» в биполярной и многополярной политической картине мира (оценка в политических комментариях Ивана Яковины) // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 63—71.
6. ССЛ — Словарь современной лексики, жаргона и сленга 2014. URL: <https://argo.academic.ru/>
7. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2014. 399 с.

8. Шкицкая И.Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 45—52.
9. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. 460 с.

© *V.A. Kulikova*

NEOLOGISMS AS A MEANS OF FORMING IRONY IN THE HEADLINES OF ONLINE MEDIA TEXTS

The article considers word-formation means of forming irony in media discourse on the example of neologisms. The aim of the study is to identify word-formation markers of ironic strategies in the headlines of online media texts. The research material was the contexts of using neologisms of usual and non- usual ways of word-formation in electronic media, and the main attribute of irony in these contexts is the discrepancy between the implicit and explicit evaluative plans: the negative assessment is not explicitly expressed, there are no negatively marked elements in the statement, but they are implicitly taken out of the context.

Keywords: irony, neologisms, online media, negative assessment.

ОБ АНТИЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В НЕПОДГОТОВЛЕННОМ ЧТЕНИИ КИТАЙЦЕВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию речевой антиэкономии и анализу способов ее проявления в монологах неподготовленного чтения на неродном языке. Исследование проведено на материале монологов чтения двух текстов (сюжетный рассказ М.М. Зощенко «Рубашка фантази» и несюжетный фрагмент повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант»), записанных от носителей китайского языка. В качестве фона для сравнения используются монологи чтения того же сюжетного текста, записанные от студентов-филологов, носителей русского языка. На основе анализа материала выявлены два уровня приращения исходного текста в ходе его прочтения: фонетический (неречевые (вокализация) и паралингвистические элементы) и лексико-дискурсивный (разрыв слова, повтор слова с самокоррекцией или без, метакоммуникация). В результате удалось выявить причины проявления антиэкономии в ходе неподготовленного чтения: (1) общая неподготовленность устного речепорождения, (2) присутствие в исходном материале незнакомых иностранцу или просто нечастотных слов и выражений, а также сложных для произнесения форм, что влечет за собой появление разного рода речевых сбоев и вербализованные попытки говорящего их преодолеть. Кроме того, в работе установлены корреляции между проявлениями антиэкономии и такими параметрами, как характеристики читающего (пол, уровень владения русским языком, психотип) и тип читаемого текста (сюжетный и несюжетный). Оказалось, что менее «избыточно» читают женщины, интроверты и информанты с более высоким уровнем владения русским языком.

Ключевые слова: речевая экономия и антиэкономия, приращение текста, неподготовленное чтение, речевой корпус, устный монолог, речевой сбой, самокоррекция.

Об *экономии* речевых/языковых средств в ходе порождения речи и текстообразования, а также об *антиэкономии*, или избыточности, приращении, текста в лингвистике писали многие. Исследователи рассматривают в числе прочего причины и способы реализации обоих этих активных процессов, наблюдаемых в устной речи. Если на лексическом или синтаксическом уровнях в русском языке чаще всего действует закон экономии, что проявляется как «стремление свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность» [Мартине 2006: 126] во время говорения, то «на текстовом <...>, дискурсивном, уровне нашей устной речи обнаруживается <...> абсолютно неэкономное расширение, приращение без всякого приращения смысла» [Богданова-Бегларян 2018: 22]. В настоящем исследовании действие принципа антиэкономии рассматривается на материале одного из типов живой речи — неподготовленного чтения русского текста носителями китайского языка.

Неподготовленное чтение как рецептивный вид речевой деятельности, характеризуясь весьма высокой степенью лингвистической мотивированности исходным текстом, обладает, тем не менее, и определенной степенью спонтанности. Ему, как любому другому виду спонтанного монолога, «свойственны и ошибки, и небрежность, и неполнота, и недостаточное внимание к внешней форме, что недопустимо в письменной речи» [Стойка 2017: 30]. К тому же известно, что чтение на неродном языке сложнее не только чтения на родном, но сложнее даже говорения на неродном языке. В ходе чтения иностранец находится в жестких рамках текста, в котором не может упростить ни синтаксическую структуру, ни лексический состав — и делает неизбежные ошибки. В ходе же свободного говорения никаких ограничений нет, говорящий самостоятельно выбирает слова и синтаксические структуры — и в результате может не сделать ни одной явной ошибки, но при этом демонстрировать достаточно низкий уровень владения русским языком. В страхе перед возможной ошибкой он упрощает и

обедняет выразительные возможности вторичного языка (в таких случаях говорят о *скрытой интерференции*).

Иностранцы, испытывая естественные затруднения в ходе чтения, хезитируют, и часто вербализуют эту хезитацию, порой спотыкаются, ошибаются и поправляют себя, повторяя, иногда не единожды, какие-то фрагменты текста. В результате «звуковая масса» читаемого текста существенно прирастает, демонстрируя действие принципа антиэкономии. Ср.: «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, *не приращивая к нему нового* (курсив автора. — Ч.К.); “поправить” странным образом значит здесь “прибавить”» [Барт 1989: 541]. Это относится и к чтению как виду речевой деятельности: любая запинка или оговорка требует исправления с использованием новых, прежде всего вербальных, средств. Проверка этого наблюдения и стала объектом внимания в настоящем исследовании.

Источником материала стал блок русской интерферированной речи китайцев из корпуса монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), созданного в Санкт-Петербургском государственном университете (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013]). Конкретным материалом для анализа послужили монологи неподготовленного чтения китайцами двух текстовых фрагментов: рассказа М.М. Зощенко «Рубашка фантази» (сюжетного текста — СТ) и отрывка из повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» (несюжетного текста — НСТ). Конкретным предметом анализа стали те «лишние» элементы, которые были произнесены испытуемыми в обоих случаях сверх исходного (первичного) текста.

Информанты — 10 девушек и 10 юношей в возрасте 24—28 лет; 10 из них с уровнем ТРКИ В2 (более низкий), 10 — с уровнем ТРКИ С1 (более высокий), — в ходе записи прошли психологический тест Г. Айзенка (на китайском языке) [<http://types.yuzeli.com/survey/epq85>]. В их составе оказалось 5 экстравертов, 6 амбивертов и 9 интровертов.

Для начала было подсчитано количество слов (или токенов, т.е. единиц, разделенных пробелами) в исходных текстах. В СТ их оказалось 297, в тексте НСТ — 167 (включая название текста и имя автора). Уже поверхностный анализ показал, что вторичные тексты чтения ни разу не совпали с исходными, в основном значительно превышая их по объему.

Монологи чтения СТ содержат от 301 (у информанта И1) до 416 токенов (И16), приращение объема составило, таким образом, от 1,3 до 40,1%. В монологах чтения НСТ в минимальном по объему тексте было 166 слов (И6 не прочитал инициалы автора и споткнулся лишь раз, реализовав только 99,4% объема исходного текста), в максимальном по объему — 249 токенов (И16) (приращение 49,1%). В целом в продуцированных СТ у 8 информантов из 20 (40%) оказалось более 345 слов (приращение «звуковой массы» более чем на 16%), а в монологах чтения НСТ у 10 информантов (50%) — более 200 слов (приращение почти на 20%). Среднее приращение СТ в ходе его чтения китайцами составило 14,7% (340,6 слова); НСТ — 20% (200,4 слова).

Для оценки полученных результатов аналогичным образом были проанализированы монологи чтения СТ русскими студентами (материал из блока STUD в составе корпуса CAT). Оказалось, что в монологах чтения на родном языке наблюдалось значительно меньшее приращение: в среднем 302,6 токена (приращение на 1,9%). Хорошо видна разница (вполне, впрочем, ожидаемая) в чтении на родном и неродном языке испытуемых.

Далее была сделана попытка установления корреляций между приращением «звуковой массы» монолога чтения и такими характеристиками информанта, как его пол, уровень владения русским языком и психотип. Оказалось, что информанты-женщины читают менее «избыточно», чем мужчины, как сюжетный, так и несюжетный текст: в среднем в СТ у женщин было 332,4 слова (приращение 11,9%), у мужчин

348,8 слова (17,4%); в НСТ, соответственно, 188,3 (приращение 12,8%) vs 206,2 (23,5%).

Информанты с уровнем В2 в большей степени увеличивают в объеме в ходе чтения оба типа текста, нежели информанты с уровнем С1: в СТ у них в среднем 348,1 слова (приращение 17,2%) vs 333,1 слова (12,2%) у информантов С1; в НСТ — В2: 205,1 (приращение 22,8%) vs 189,4 (13,2%). Эти результаты можно считать, впрочем, также вполне ожидаемыми: навыки чтения улучшаются по мере овладения новым языком.

Что касается психотипа информантов, то оказалось, что интроверты существенно меньше увеличивают в ходе чтения оба типа текста, чем амбиверты и экстраверты: средний объем СТ у интровертов 331,7 токена (приращение 11,7%); НСТ — 188,9 токена (13,1%), у экстравертов соответственно 349,8 токена (приращение 17,8%) и 206 токенов (23,4%); у амбивертов 346,3 (приращение 16,6%) и 202,5 (21,3%). Видно, что самые объемные монологи чтения обоих текстов (снова ожидаемо) оказались у экстравертов, ср.: «Экстраверт полон внимания к окружающему миру, отзывчив, легко принимает внешние события, проявляет к ним непосредственный интерес, готов на них влиять и подвергаться влиянию. *Реагирует быстро, часто сначала делает, потом думает, склонен рисковать* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Ч. К.)» [<http://www.wikiznanie.ru> (2020)]; «интроверт застенчив, недоверчив, трудно приспособляется к внешнему миру. <...> *Прежде чем совершить действия, тщательно продумывает их*» [<http://www.wikiznanie.ru> (2020)]. Тип личности человека во многом определяет и его речь, в том числе чтение.

Анализ приращений в двух типах текстов показал, что все группы испытуемых (мужчины и женщины, информанты с разным уровнем ТРКИ и с разным психотипом) в ходе чтения НСТ в большей степени увеличивают его объем, чем в ходе чтения СТ. Это тоже в значительной степени объяснимо: несюжетный текст сложнее для неподготовленного чтения, вызывает больше трудностей у говорящего, чем сюжетный (ср.

соответствующие данные: [Сапунова 2009; Хан 2013; Звуковой корпус... 2013]). Конкретные цифры приращения объема читаемого текста для всех категорий информантов оказались таковы:

- у информантов-мужчин в СТ и НСТ приращение составило соответственно 17,4% и 23,5%; у информантов-женщин — 11,9% и 12,8%;
- у информантов с уровнем ТРКИ В2 — 17,2% и 22,8%; с уровнем С1 — 12,2% и 13,2%;
- у экстравертов — 17,8% и 23,4%; у амбивертов — 16,6% и 21,3%; у интровертов — 11,7% и 13,1%.

Видно, что менее всего зависит от типа текста (СТ или НСТ) чтение женщин (разница в 1,1%), испытуемых с более высоким уровнем ТРКИ (1%) и интровертов (1,4%).

Для сравнения снова были получены соответствующие данные на материале монологов чтения, записанных от носителей русского языка. В целом результаты двух исследований совпали, оказалось только, что русские женщины, в отличие от китайских, читают сюжетный текст чуть более «избыточно», чем мужчины (303 слова vs 302,25). Любопытно также, что среди монологов русских испытуемых присутствуют тексты, чей объем оказался больше объема текстов некоторых хорошо читающих китайских информантов, т.е. носители языка сделали больше разного рода запинок и поправок в ходе чтения, чем и увеличили «звуковую массу» текста. Некоторое объяснение этого факта можно найти в анализе темпа речи информантов.

Русские читали тексты со средним темпом в 136,2 сл./мин. (слова в минуту), что значительно превышает даже самый быстрый темп речи китайцев (84,85 сл./мин.). Согласно экспериментальным данным, типичный медленный темп чтения — 91 сл./мин., средний — 105, быстрый — 133 [Сапунова 2009: 94]. Иными словами, русские в принципе читают по-русски гораздо быстрее, чем китайцы. Последние, в связи с вышеупомянутыми трудностями при чтении на неродном языке, ведут себя в целом

осторожнее, поэтому читают гораздо медленнее. Но, так или иначе, практически все продуцируемые в ходе чтения тексты оказываются объемнее, чем исходные, что лишний раз подтверждает, что неподготовленному чтению действительно свойственна спонтанность, которая и является главной причиной проявления антиэкономии.

Интересны и способы приращения текста в ходе спонтанного чтения. Вслед за Н.В. Богдановой-Бегларян [Богданова-Бегларян 2018: 26—27], все «лишние» токены были разделены на две категории: «чисто фонетические средства» и «лексико-дискурсивные средства (вербализация самого процесса порождения речи)». В целом были выявлены следующие способы приращения первичного текста:

1. Вокализация (вставка неречевых звуков), ср.: 1) *хотелось какую-нибудь рубашку / а-а покрасивей купить* (И13); 2) *с хОлма / на котором [они сидели // ви... э-э виднелась / широко разливаш... разлившаяся — река* (И14).

(Заглавная буква внутри слова означает неправильно поставленное информантом ударение; знак (l) — физическую (незаполненную) паузу хезитации (ПХ). О других условных обозначениях, использованных в расшифровках материала, см.: [Чэн Чэнь 2018: 153—154].)

2. Цоканье языком, причмокивание, хлюпанье и т.п.: 3) *охота l был l знаете / сл припри... l припличнее l одеться* (И12); 4) *на-а поемки l лугах / стоял вода широко-им l лиманА-А l лиман-нами / белые облака / отражаясь в них / вместе с l мл о-прок... l кэ опро-кинУ-Утым / лазу-урным сводом* (И12).

Эти паралингвистические явления принято относить к *звуковым артефактам*, противопоставленным невербальным хезитациям, однако в работе Чэн Чэнь они рассматриваются как хезитационные явления, которые нередко возникали в русской речи китайцев. Вслед за Чэн Чэнь, мы также относим эти явления к паралингвистическим элементам звуковой цепи, которые увеличивают общую «звуковую массу» читаемого текста.

3. Повтор слова, в том числе с самокоррекцией: 5) *голу...* / *голубушка голубУшка* / *говорю* / *расстарайся* // *завтра вечеринка* (И11); 6) *роскошно* // *картинка* // *заглядИ...* *загЛЯди...* *загЛЯдИнье* (И11).

В примере (5) информанта И11 затруднило ударение в слове *голубушка*: сначала он оборвал слово (*голу...*), затем правильно повторил его (*голубушка*) (повтор с коррекцией), но засомневался и еще раз повторил, уже неправильно (*голубУшка*) (повтор с антикоррекцией). В примере (6) тот же И11 снова засомневался в месте ударения в слове *загляденье*, поэтому два раза оборвал его, меняя ударение, и только в третий раз полностью произнес это слово, но опять неправильно (повтор с антикоррекцией).

4. Метакоммуникативные единицы: 7) *на* ʘ *поемных лугах* ʘ *лугах да* / *стояла вода* / *ши-ро-окими* ʘ *лим...* ʘ *лиманАми* ʘ ʘ *лимонами* (И17); 8) *хотелось* / *какую-нибудь рубашка* / *покра-сивЕе купить* // *какую-нибудь-и* ʘ *этА-А...* ʘ *ой тс этАкую фантАнзи* (И12).

В примере (7) информант И17 засомневался в правильности ударения в словоформе *лугах*, о чем свидетельствует ПХ после первого прочтения этого слова. Подумав, говорящий повторил это слово и тут же как бы сам себя успокоил: *да* (дескать, все правильно, я был прав с самого начала). Налицо типичный метакоммуникативный диалог говорящего с самим собой — то, что называют в лингвистике «текстом о тексте», или «коммуникацией по поводу коммуникации» (см., например: [Звуковой корпус... 2013]). По наблюдениям К.Д. Зайдес, инофоны, в отличие от русских, «практически не оценивают свою монологическую речь и ее соответствие коммуникативному сценарию, лежащему в основе монолога», но «намного чаще (в 6 раз!) используют метакоммуникативные подтверждения собственных слов», чем носители русского языка [Зайдес 2017: 186]. Такого рода «подтверждение собственных слов» видим и в примере (7).

В следующем примере (8) И12 оборвал словоформу *этакую*, задумался (ʘ), понял, что это слишком сложное для него слово,

воскликнул *ой* — и повторил слово целиком, пусть и с неправильным ударением.

5. Разрыв слова: 9) *я человек ужасно* | *какой чисто...* | *плотный* (И14); 10) *охота было-о знаете* // *по-о...* | *приличнее одеться* (И17).

В примерах (9)–(10) разрыв наблюдается в случае прочтения достаточно длинных слов (*чистоплотный* и *поприличнее*). Разрыв дает говорящему некую кратковременную «передышку» для произнесения такого слова. Кроме того, И14, вероятнее всего, не знает слова *чистоплотный*, которое не входит в лексический минимум для уровней В2 и С1 (см.: [Лексический минимум 2011, 2015]), а И17, по всей видимости, узнаёт слово *поприличнее* только в процессе его произнесения (быстрому узнаванию этого слова помешала и его разговорная форма в тексте-источнике: *Охота было, знаете, поприличней одеться*. — в словари и учебники для иностранцев эта форма вошла, разумеется, в ее литературном варианте, который и воспроизвел говорящий в ходе чтения), поэтому не только разделил его на две отдельные части, разорванные, как и в первом случае, паузой хезитации (|), но и медленно проскандировал (прочитал по слогам) вторую часть (...*при-лич-нее*).

По приведенным примерам хорошо видно, что в одном фрагменте могут сочетаться разные способы приращения текста, ср.: вокализация (э-э) и два случая обрыва слова и его повтора (*ви... виднелась; разливаш... разлившаяся*) в контексте (2); хлюпанье (*сл*) и обрыв с повтором (*припри... | припричнее*) в контексте (3); повтор слова (*лиманА-А | ли-ман-нами*), обрыв с повтором (*о-прок... | кэ опро-кинУ-Утым*) и причмокивание (*мн*) в контексте (4); и мн. др. Все вместе они и дают в результате такой большой процент приращения текста (антиэкономии) в ходе его прочтения.

Среди причин приращения читаемого текста, помимо общего дефицита времени на обдумывание и неподготовленности данного вида речевой деятельности, можно назвать еще наличие

в исходных текстах незнакомых или нечастотных слов и выражений, а также сложных для произнесения форм.

В целом проведенный анализ показал, что в устной речи, в том числе в монологах неподготовленного чтения, наблюдается отчетливая тенденция к антиэкономии языковых/речевых средств. При этом приращение текста достигается разными способами: от чисто фонетических (вокализации, паралингвистические элементы) до лексико-дискурсивных (обрывы, повторы, метакоммуникативные вставки, самоисправления). Анализ выявил также существование корреляции между подобным приращением массы читаемого текста с полом говорящего (у женщин это наблюдается в меньшей степени), его уровнем владения русским языком (информанты с уровнем В2 порождают больше «слов», чем информанты с уровнем С1) и с психотипом (интроверты читают осторожнее и меньше расширяют текст, нежели экстраверты и амбиверты). Чтение на родном языке (монологи чтения тех же текстов носителями русского языка были привлечены для сравнения) гораздо легче, чем на неродном, но, тем не менее, в связи с общей сложностью осуществления неподготовленной речевой деятельности, также отличается действием «закона антиэкономии», приводящего к расширению читаемого текста.

Список литературы

1. Барт Р. Гул языка // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Фонетический *Тяни-Толкай*: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Т. 17, 2018. С. 22—32.
3. Зайдес К.Д. Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи: дис. ... маг. лингв. СПб., 2017. 239 с.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н.П. Андрушиной. СПб.: Златоуст, 2011. 164 с.
6. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрушина и др. (электронное издание). СПб.: Златоуст, 2015. 200 с.
7. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
8. Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.
9. Стойка Д.А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 211 с.
10. Хан Н.А. Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 283 с.
11. Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 205 с.
12. <http://types.yuzeli.com/survey/epq85> (2020).
13. <http://www.wikiznanie.ru> (2020).

© *Chunxia Kong*

ABOUT ANTI-ECONOMY OF LANGUAGE MEANS IN THE UNPREPARED READING IN RUSSIAN OF CHINESE

The article is devoted to the description of speech anti-economy and the analysis of the ways of its manifestation in the monologues of unprepared reading in a non-native language. The research was carried out on the material of monologues of reading two texts (story by M. Zoshchenko "Fantasy shirt" and a non-plot fragment of the story "The Blind Musician" by V. Korolenko), recorded from native Chinese speakers. Monologues of reading the same plot text recorded by philology students, native speakers of the Russian language are used as a background for comparison. Based on the analysis of the material, two levels of increment of the original text in the course of its reading were revealed: phonetic (non-speech (vocalization)

and paralinguistic elements) and lexical-discursive (word break, word repetition with or without self-correction, metacommunication). As a result, it was possible to identify the reasons for the manifestation of anti-economy in the course of unprepared reading: (1) general unpreparedness of oral speech, (2) the presence in the source material of unfamiliar to a foreigner or simply infrequent words and expressions, as well as difficult forms to pronounce, which entails the emergence of various kinds speech failures and verbalized attempts of the speaker to overcome them. In addition, the work established correlations between the manifestations of anti-economy and such parameters as the characteristics of the reader (gender, level of proficiency in Russian, psychotype) and the type of text being read (plot and non-plot). It turned out that women, introverts and informants with a higher level of Russian language proficiency read less “excessively”.

Keywords: speech economy and anti-economy, text increment, unprepared reading, speech corpus, oral monologue, speech failure, self-correction.

ИССЛЕДОВАНИЕ АКТИВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена исследованию активных процессов в грамматике русского языка в аспекте интерпретативной лингвистики.

Автор утверждает, что смысл речи связан с ее грамматической правильностью; что соотношение частей производного слова является способом существования его значения, что схемы синтаксической сочетаемости слов и модели предложений являются знаками сложной семиотической природы. В качестве метода исследования используется когнитивно-прагматический подход; при анализе смысла речевых произведений демонстрируется действие системных прагматических механизмов. В работе показывается, что новые речевые образцы обнаруживают эпистемические, социальные и культурологические оценки носителей языка, выявляют неочевидные парадигматические связи языковых элементов; что при семантическом развитии системных единиц происходит появление оценочного плана, доминирование модальных компонентов значения.

Ключевые слова: современный русский язык, словообразование, синтаксис, интерпретативные процессы, новые модели.

I. Введение

Эпистемический, ассоциативный, символичный мир языка находит свою репрезентацию не только в лексических элементах, но и в грамматических конструкциях и структурных отношениях разного уровня. Использование языка говорящими во многом зависит от уже сложившейся грамматической системы: язык следует рассматривать как интерпретативную систему, формирующую языковую компетентность носителей языка. Интерпретация — это когнитивный процесс и одновременно результат в

установлении смысла речевых действий [Демьянков 1996: 31]. Новые коммуникативные образцы показывают когнитивную оценку, социальные и культурологические предпочтения носителей языка, т.е. демонстрируют способ видения коллективного говорящего, его имплицатуры, которые считаются адресатом в актах общения. Это подтверждает вывод М.М. Покровского, основателя отечественной семасиологии, который писал в XIX веке: «Для понимания семасиологических явлений необходимо постоянно иметь в виду и психологию, и историю» [Покровский 2018: 32].

Оценочные элементы и ценностные установки отражаются и в приоритетах современных научных интересов. В.З. Демьянков замечает: «Субъективность в употреблении языка сама проблематизируется и становится объектом исследования» [Демьянков 2016: 79].

II. Активные процессы в словообразовательной системе

Словообразовательные модели являются знаками сложной семиотической природы. Рассмотрим процессы, которые находят свое отражение в формальных признаках грамматической категории рода имен существительных.

1. Десемантизация суффикса и изменение морфемной членимости слова. Топонимы *Брянщина, Владимирщина, Вологодчина, Полтавщина, Смоленщина* имеют флексию *-а*. Они образуются от прилагательных с суффиксом *-ск(ий)*, а опосредствованно мотивированы существительными, представляющими собой географические наименования. Суффиксы *-щин(а)/-чин(а)* обуславливают появление в слове флексии *-а* и квалификацию его как существительного женского рода. Эти топонимы ассоциативно связаны с концептом *земельная собственность, вотчина* ('земля отцов').

Некоторые из этих топонимов стали употребляться с флексией *-о* (например, *Сабуровщино, Детчино*), и это свидетельствуют о потере внутренней формы наименований: о десемантизации суффиксов *-щин(а)/-чин(а)*, об изменении морфемной

членности слова, о разрушении спаянности его частей. Ошибочное написание этих слов с флексией *-о* имеет объяснение: в языковом сознании некоторых носителей языка слово *земля* не является родовым словом для данных топонимов. Они ассоциативно связываются с наименованием небольшого населенного пункта, и топоним как приложение (при согласовании с родовым словом *село*), входит в иной парадигматический ряд — в разряд именных дериватов среднего рода с суффиксом *-ин(о)*, например: *Гуцино, Пуцино, Роцино*.

Таким образом, как замечает В.З. Демьянков, «с одной стороны — язык со своей логикой, с другой — мир человека — “со своими тараканами”» [Демьянков 2016: 77].

2. Образование модификационных словообразовательных значений. Некоторые существительные женского рода, образованные от существительных мужского рода с помощью суффиксов *-их(а)*, *-ш(а)*, *-к(а)*, *-ик(а)*, *-иц(а)*, *-ис(а)*, *-есс(а)*, в разговорной речи имеют два значения.

1) Первый разряд представляют существительные женского рода со значением женскости в названиях лица по профессии, по роду занятия; например: *актриса, генеральша* (в системе МВД), *директорша — директриса, майорша* (в системе МВД), *малярша, начальница, парикмахерша, пловчиха, повариха, полковница — полковничиха* (в системе МВД), *поэтесса, стюардесса, учительница*.

2) Второй разряд представляют существительные со значением ‘жена лица, названного мотивирующим словом’; например: *генеральша, директорша, инженерша, майорша, полковничиха, солдатка*.

В современном употреблении более распространено первое значение, поскольку упоминание в речи сведений о статусе жены считается незначимым. Так, существительное *чиновница* сейчас употребляется в значении ‘женщина, работающая на чиновничьей должности’, а значение ‘жена лица, названного мотивирующим словом (*чиновник*)’ считается устаревшим.

3. Использование флексии -о как образного стилистического средства. Флексия становится показателем новой смысловой сферы. Ср. случаи оформления одушевленного существительного как существительного (или местоимения) среднего рода: *блондинко, мужчино, оно, это*. Формирование внутренней формы этих лексем обусловлено отрицательным модусом высказываний говорящих, их желанием «расчеловечить» объект оценки. Так, например, муж актрисы Натальи Андрейченко сказал ее бывшему мужу М. Дунаевскому: «Я на тебя подам в суд, потому что ты не предупредил меня, что даешь мне *это*» (ТВ, ноябрь 2019).

III. Активные процессы в синтаксисе словосочетания

Преимущество отечественной синтаксической теории состоит в разделении глагольных связей, обусловленных функционированием слова в словосочетании и в предложении.

Смысл речи связан с ее грамматической правильностью. Вполне оправданно А.Е. Кибрик рассматривает понятие нормы как эпистемическую организацию языка; он считает, что «существует когнитивный оператор нормы/отклонения от нормы: немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей» [Кибрик 2008: 62—63].

1. В языке существует разряд глаголов и существительных со значением мысли-речи-чувства, которые предопределяют в предложении синтаксическую позицию со значением факта или события — сильноуправляемую форму вин. падежа или придаточное предложение изъяснительное; например: *Он утверждал следующее; Они утверждают, что вышли из дома в десять часов*. Однако в современной речи нередко встречается ошибочное употребление данных лексем со слабоуправляемой словоформой в предл. падеже — так называемым предложным делиберативного объекта; ср.: **От Ирана требуются гарантии*

*о ядерном нераспространении (ТВ); * Я понимаю о ваших интересах.*

Эти конструкции давно привлекают внимание лингвистов. Как о слабом звене синтаксической системы об этом пишет В.В. Виноградов [Виноградов 1947: 704]. На основе анализа большого материала В.П. Григорьев делает вывод, что указанная ошибка встречается в неподготовленной, чаще в устной спонтанной речи. Он отмечает, что аналогичные ошибки встречались и в текстах XIX века. Языковеды А.М. Иванов, Л.П. Якубинский, В.А. Добромислов называли подобные массовые ошибки «типичными оговорками устно-бытовой речи» [Григорьев 1961: 8]. З.Д. Попова дает следующую характеристику таким ошибкам: «Для выражения делиберативного объекта просторечие предпочитает единую форму “о + предл.”» [Попова 1974: 186].

Хотя данное нарушение нормы сочетаемости встречается у разных лексем, устойчивых групп глаголов и существительных с новым типом управления не сформировалось. Этот факт сигнализирует о «сбое» в мгновенном, симультанном процессе речепорождения, напоминает о том, что в речи слово оказывается «втянутым» в соотносительные ряды тематически близких линейных последовательностей.

Словоформа в предл. падеже слабо связана с главенствующим словом словосочетания, и в высказывании она служит средством называния предмета речи. Данная функция делает ее устойчивым синтаксическим образцом [Лазуткина 2019: 59]; например: «*О самом главном*» (название телепередачи); «*И это все о нем*» (название многосерийного телефильма); «*О лексикализации дейктических средств*» (название научной статьи).

Статус номинативного элемента приобрели также такие падежные формы, как дательный адресата и винительный падеж с предлогом *про*, обозначающий предмет речи; например: «*Детям*», «*Нашим ветеранам*» (название рубрик в газетах и в телепередачах); «*Про это*» (название кинофильма и телепередачи).

2. Ошибочное употребление с глаголами мысли-речи объектной словоформы в вин. падеже с предлогом *за* (вместо фор-

мы с предлогом *о*) обнаруживает влияние диалектной речи; ср.: **А теперь поговорим за фонетику*; **За ситуацию в Донбассе вы уже говорили*; **Не напоминай мне за те серезжки*; **Я хочу обратить ваше внимание за другое*.

Эти ненормативные словосочетания затрудняют понимание, поскольку они омонимичны конструкциям с предлогом *за*, которые в языковой системе имеют заместительное значение; например: *Выхожу на дежурство за хирургическую медсестру*; *Не говорю за руководителя группы, он сам все объяснит*.

3. Нередко нарушается норма сочетаемости отвлеченных существительных с указательными местоимениями, имеющими пропозитивную семантику: употребляются формы дат. падежа вместо формы родит. падежа с объектным значением; например: **Свидетельство этому — новые достижения молодого спортсмена* (следует: *Свидетельство этого*); **Подтверждение запросу — телефонный звонок* (следует: *Подтверждение запроса*).

Подобные ошибки могут быть вызваны ассоциативными текстовыми связями данных существительных с конструкциями, в которых есть предикаты *давать*, *предоставлять* и есть форма дат. падежа со значением адресата; например: *Предоставить свидетельство его участия председателю комиссии*.

IV. Активные процессы в синтаксисе предложения

Модель предложения является интерпретативной структурой. Она обнаруживает способ видения коллективного субъекта, показывает, что существует коммуникативная заданность представления концептуального содержания. В XXI веке новой моделью двусоставного предложения стала активная конструкция с акциональным постфиксальным глаголом СВ или НСВ. Семантика модели — «изменение состояния, статуса субъекта, являющегося объектом действия»; например: *Команда в этом сезоне **не отобралась** на соревнования* (ТВ). В фокусе интереса говорящих лицо (лица), которое не может влиять на процесс, а результат процесса или оценка успешности усилий данного

лица зависят от других людей или обстоятельств. Значимость пассивного участника подчеркивается его статусом предсказуемого компонента предложения.

Грамматическая система позволяет оформить предикат как личный глагол: как акциональный глагол общезовратного значения или автокаузатив с постфиксом *-ся*. При этом лексическое значение мотивирующего глагола диссонирует со значением дериивата: оно указывает на то, что подлежащее является объектом действия.

Собственно-возвратные конструкции, неоднородные по степени активности, с событийными глаголами СВ и НСВ, обнаруживают действие категории определенности: они обозначают изменение состояния определенного лица или группы лиц. В глаголе отсутствует сема преднамеренности действия и актуализируется значение оптативности, подчеркивается стремление субъекта достичь результата; например: *Я в тот год удачно **прослушался** и уехал на гастроли (ТВ); Тот студент **не допустился** к экзаменам.*

Косвенно-возвратные конструкции нуждаются в развернутой трактовке: *Группа **обсудится** в следующем месяце* (будет обсуждаться работа этой группы); *Аспирант **утвердился** в январе* (объектом рассмотрения будет тема диссертации этого аспиранта).

В общезовратных конструкциях выражено сильное субъектное значение, хотя отсутствует сема преднамеренности действия; ср.: *Я сейчас **прокапаюсь** и пойду на процедуры.*

V. Заключение

Рассмотренные процессы в словообразовательной и синтаксической системе русского языка дают основание квалифицировать деятельность коллективного говорящего как субъекта интерпретации, показывают коммуникативные предпочтения носителей языка.

Интерпретативная деятельность лингвиста иная: специалист исследует системные процессы, характеризует сло-

во или синтаксическую конструкцию как новый элемент языковой системы, ненормативный образец или как средство изобразительной стилистики, выявляет социальные или психологические мотивы и оценки носителей языка.

При образовании производных слов и синтаксических моделей морфологические форманты, лексемы, словоформы и модели предложений выступают как члены новых, часто неочевидных парадигматических отношений. Выделяется роль флексии как средства грамматической семантики — средства оформления лексического значения слова.

Анализ новых элементов системы подтверждает следующий «интернациональный» феномен: семантическое развитие системных единиц разного уровня приводит к появлению оценочного плана, возникновению или доминированию модальных компонентов значения [Traugott, Dasher 2005].

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
2. Григорьев В.П. О нормализаторской деятельности и «языковом пятчке» // Вопросы культуры речи. Вып. III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 3—20.
3. Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 1996. С. 31—33.
4. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 61—85.
5. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51—77.
6. Лазуткина Е.М. В.П. Григорьев о нормализаторской деятельности лингвистов // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Вып. 19. Мат-лы междунар. науч. конф. «Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики». М., 2019. С. 54—59.

7. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию М.: Юрайт, 2018. 378 с.
8. Попова З.Д. Просторечное употребление падежных форм и литературная норма // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 176—186.
9. Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 341 p.

© *E.M. Lazutkina*

STUDY OF ACTIVE GRAMMATICAL PROCESSES IN VARIOUS BRANCHES OF INTERPRETIVE LINGUISTICS

The article is devoted to the study of active processes in the grammar of the Russian language in the aspect of interpretive linguistics. The author claims that the meaning of speech is related to its grammatical correctness; that the ratio of the parts of a derived word is a way of existence of its meaning, that schemes of syntactic combination of words and sentence patterns are signs of a complex semiotic nature. A cognitive-pragmatic approach is used as a research method. When analyzing the meaning of speech works, the author demonstrates the operation of systemic pragmatic mechanisms. The work shows that new speech patterns reveal epistemic, social and culturological assessments of native speakers, reveal non-obvious paradigmatic connections of linguistic elements; that with the semantic development of system units, an evaluation plan appears, the dominance of modal components of meaning.

Keywords: modern Russian language, word formation, syntax, interpretation processes, new models.

ИНОЯЗЫЧНАЯ НЕОМОРФЕМА -ИНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ¹

Статья посвящена анализу адаптации иноязычной неоморфемы *-инг* в русской словообразовательной системе. Рассматриваются семантика аффикса и его реализация в дериватах от русских основ. Описываются особенности семантики и функционирования таких слов. Показано, что словообразование с формантом *-инг* активно, однако созданные по такой модели слова в основном сохраняют свойства окказионализмов.

Ключевые слова: словообразование, дериват, суффикс, окказионализм, семантика.

В течение XX—XXI веков русский язык пополняется англицизмами, в том числе существительными на *-инг*: *дансинг*, *митинг*, *пилинг* и др. В 1980—1990-е годы такие слова входят в язык в составе словообразовательных парадигм (*бодибилдинг* — *бодибилдер*, *пейджинг* — *пейджер*) и словообразовательных пар (*скейтборд* — *скейтбординг*, *тролль* — *троллинг*). Это уже предпосылки к морфемизации повторяющегося элемента, а значит, и к образованию подобных слов на русской почве. В 1980—1990-е годы такие дериваты единичны (псевдоанглицизм *шейпинг*, *улучшайзинг* ‘улучшение без необходимости’), в 2000-е гг. их становится больше, и они попадают в поле зрения лингвистов.

В 2002 г. О.П. Сологуб замечает образование немногочисленных окказионализмов с *-инг*, констатируя «первый “прорыв”» иноязычного элемента в русскую слово-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00494.

образовательную систему [Сологуб 2002]. В 2012 году Г.А. Потапова рассматривает *-инг* как элемент русской морфемике, отмечая однокоренные слова, образованные с помощью заимствованных и исконных суффиксов: *тренинг* — *тренер*, *тренироваться*, *тренировка*, *тренаж*, но полагает словообразование с таким формантом невозможным вне игровой функции [Потапова 2012]. Игровой, экспрессивный потенциал «инговых» инноваций отмечают и О.Ю. Руденко [Руденко 2012], и О. Ермачкова [Ермачкова 2020]. Но авторы статьи с характерным названием «Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании» [Дьяков, Скворецкая 2013] видят в этом суффиксе не только экспрессивность. Отмечается его возросшая активность, появление неединичных дериватов и предполагается возможность его превращения в полноценный элемент русской словообразовательной системы. Новая морфема отмечена и в толково-словообразовательном словаре [Ефремова 2000].

В настоящее время формант *-инг* сравнительно активен. Обычно слова по этой модели создаются «на случай» и быстро уходят, но количество употреблений некоторых слов (*зацепинг*, *пехтинг*, *путинг*, *шашилыкинг* и др.), по данным полнотекстовой базы данных СМИ и блогов «Интегрум», достигает сотен и тысяч. Прямо сейчас можно наблюдать процесс становления суффикса *-инг* как части русской словообразовательной системы: какое словообразовательное значение выражает этот суффикс, в какие входит словообразовательные парадигмы, какие лексико-семантические, тематические группы слов пополняются «инговыми» дериватами? Каковы их экспрессивно-стилистические свойства?

1. Главное отличие дериватов с суффиксом *-инг* от заимствований на *-инг* — функциональное. Заимствованные слова на *-инг* выполняют номинативную функцию: *дайвинг*, *блогинг*, *грумминг* и т.п. Дериваты с формантом *-инг* — в первую очередь средство экспрессии, языковой игры: *улучшайзинг*, *газонинг*, *бордюринг*. Немногие «инговые» дериваты, вы-

полняющие номинативную функцию, не являются общеупотребительными.

2. Формант *-инг* обычно выражает процессуальное значение: *собакинг* ‘охота на бродячих собак’, *болотинг* ‘спортивное ориентирование на болотистой местности’. Многие «инговые» дериваты называют события: митинги в поддержку кого- или чего-либо (*путинг*, *навальнинг*, *детинг*), ситуации, связанные с каким-либо лицом: *шурыгинг* ‘публичное обвинение в изнасиловании’; ‘общественная реакция на такое обвинение’ (Д. Шурыгина обвинила знакомого в изнасиловании и сама подверглась обвинениям в распущенности и лжи); *пехтинг* ‘публикация сведений о незадекларированном имуществе должностного лица’ (В.А. Пехтин — депутат Государственной думы, сдавший мандат после такой публикации).

Суффикс *-инг* пополняет синонимический ряд морфем со значением ‘действие или состояние, названное мотивирующим глаголом’: *-к(а)*, *-аци(я)*, *-ств(о)*, *-аж*, *-ёж*, *-отн(я)*, *-от(а)*, *-б(а)*, *-ч(а)*.

3. В английских существительных с суффиксом *-ing* семантика процессуальности связана со значением глагольной основы. Она сохраняется и в русских заимствованиях: *консалтинг*, *лизинг*. Дериваты на *-инг* обычно отсубстантивные, и процессуальность их семантике придает формант [Дьяков, Скворецкая 2013]: *ватрушинг* ‘катание на ватрушках’, *дачинг* ‘жизнь на даче, дачные занятия’. Образование дериватов на *-инг* от других основ (*зыринг*, *ничегонеделалинг*, *самавиноватинг*) — исключение. Однако благодаря суффиксу *-инг* отсубстантивное существительное может приобретать управление прямым дополнением, которое у отглагольных существительных сохраняется от производящего слова: «**Дачинг**» (‘поездка в район расположения дач высокопоставленных лиц с целью проведения публичной акции и фотофиксации увиденного’. — С.Л.) *Якунина* обернулся погромом (NEWSru.com, 03.08.14); Как следует из материалов *пехтинга Турчака*, виллу в Ницце

семейство губернатора покупало общими силами (Московский Комсомолец, 13.03.13).

4. Близость таких дериватов к отглагольным существительным проявляется и в парадигматике внутри словообразовательного гнезда. От заимствованных существительных образуются глаголы: *митинг* — *митинговать*, *демпинг* — *демпинговать*. В последние десятилетия *-инг* (видимо, в результате морфемизации этого элемента) отсекается: *рециклинг* — *рециклить* (*рециклировать*), *мониторинг* — *мониторить*, *рафтинг* — *рафтить*. Русское существительное с суффиксом *-инг* и глагол могут образоваться одновременно: *мизулинг* ‘принуждение кого-л. жить в соответствии с пуританскими представлениями о морали’ (Е.Б. Мизулина — депутат Государственной думы, впоследствии сенатор, автор ряда консервативных законодательных инициатив) — *мизулить*; *пехтинг* — *пехтить*; *псакинг* ‘публичное безапелляционное заявление должностного лица, содержащее недостоверные сведения’ (Дженнифер Псаки — официальный представитель Госдепа США в 2013—2015 гг.) — *псакнуть*, *псакать*; *шурыгинг* — *шурыжничать* ‘публично обсуждать изнасилование’, ‘вести себя двусмысленно, рискуя стать жертвой насильника’; *самавиноватинг* ‘обвинение женщины в совершенном по отношению к ней физическом или сексуальном насилии, в нежелательном сексуализированном внимании к ней’ — *самавиноватить*. Существительное с формантом *-инг* может соотноситься и с наименованием деятеля: *доскинг* ‘виды спорта с использованием доски: скейтборд, сноуборд, серфинг’ — *доскер*; *зацепинг* ‘проезд снаружи поезда’ — *зацепер*; *электричкинг* (*электричинг*) ‘различные экстремальные способы безбилетного проезда в электричке’ — *электричкер* (*электричер*); *пельменинг* ‘соревнование по изготовлению пельменей’ — *пельменер* (*пельменист*). Таким образом, дериваты с суффиксом *-инг* могут входить в характерную для отглагольного существительного с процессуальным значением

словообразовательную парадигму вместе с глаголом или существительным, обозначающим деятеля.

5. Представляется, что мотивация слов с формантом *-инг*, как правило, не чисто словообразовательная, а формально-словообразовательная либо семантико-словообразовательная.

В первом случае «инговые» дериваты появляются в контексте с англицизмами на *-инг* или другими дериватами с суффиксом *-инг*: *Областной центр давно нуждается в тюнинге, а кое-где даже и в рестайлинге. Поэтому городским властям необходимо провести бордюринг, тротуаринг, асфальтинг* (Псковская лента новостей, 12.04.18). Слова *асфальтинг* и *бордюринг* ‘постоянное переукладывание тротуарной плитки, бордюров’ нередко употребляются по отношению к московскому благоустройству и могут быть знакомы пишущему, а вот употреблений слова *тротуаринг* встретилось около десяти. Поэтому полагаем, что автор производит новое слово, а не воспроизводит знакомое. Выстраивание рядов производных слов на *-инг* — характерный прием языковой игры.

Второй случай — семантическая аналогия с конкретными англицизмами на *-инг*: *самавиноватинг (самадуравиноватинг)* — ср. *виктимблейминг* ‘обвинение жертвы’; *зыринг* ‘посещение магазинов с целью посмотреть на товары’, *шубинг, шапинг* ‘покупка шубы/шапки’ — ср. *шопинг; крысинг, собакинг* ‘отстрел крыс/собак с помощью пневматической винтовки’ — ср. *варминтинг* ‘спортивная охота на вредных животных с огнестрельным оружием’. Примеры показывают, что семантико-словообразовательные аналогии могут строиться по-разному: нарочито неточная калька; интегральная сема и симметричные дифференциальные семы между заимствованием и дериватом; отношения гипонимии — гиперонимии.

6. В результате возникновения таких аналогий формируются тематические и лексико-семантические группы, которые теоретически могут быть большими.

А) Активный отдых, спорт, экстремальные развлечения. Ядро группы составляют слова, закрепившиеся в речи

любителей таких занятий более 10 лет назад: *болотинг*, *ватрушинг*, *доскинг*, *зацепинг*, *электричкинг*. Они не общеупотребительные, но привычные и выполняют прежде всего номинативную, а не экспрессивную функцию. На периферии — слова, обозначающие занятия не спортивные, но связанные со спортом идеей соревновательности. Так, соревнования по лепке пельменей называются *пельменинг* и встречаются в контекстах со спортивной лексикой: *В Бийске намерены создать Федерацию спортивного пельменинга <...> Уже на протяжении года в городе проводится чемпионат края по спортивному пельменингу* (Мой Барнаул, 29.07.20). По аналогии с узуальными образуются слова единичного употребления: *Где-то с середины тропы <...> отдых превращается в любимейший вид спорта местных жителей — заборинг* (BezFormata, 30.08.14). Англицизм, в том числе «инговых», в русской лексике этой тематической группы много, и они продолжают пополнять русский язык: *бейс-джампинг*, *керлинг*, *маунтинбайкинг* и др. Поэтому при необходимости обозначить новое спортивное или околоспортивное понятие напрашивается такая аналогия.

Б) Гипонимы слова *митинг*. В 2007 г. появилось слово *путинг* ‘митинг в поддержку В.В. Путина’. Исследователи [Дьяков, Скворецкая 2013] считают, что оно образовано наложением морфов *-ин* и *-инг*. Полагаем, что это контаминация *Путин* и *митинг*: основа слова *митинг* непроемная, и суффиксального морфа в ней нет. Но в 2008 году появляется *медвединг* ‘митинг в поддержку кандидата в президенты РФ Д.А. Медведева’, а в 2010-е годы — *болотинг* ‘митинг оппозиции на Болотной площади в Москве’; *навальнинг* ‘митинг, собравшийся по призыву или в поддержку оппозиционного политика А.А. Навального’; *кургинянинг* ‘митинг, организованный общественным деятелем С.Е. Кургиняном’; *собянинг* ‘митинг в поддержку кандидата в мэры Москвы С.С. Собянина’; *детинг* ‘митинг против закона о запрете иностранного усыновления’; *кадыринг* ‘митинг в

поддержку главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова'. Здесь уже полноценные производящие основы существительного собственного или нарицательного и полноценный формант *-инг*. *Медвединг*, *кургинянинг*, *детинг*, *кадыринг* — названия единичных событий, исчезнувших из употребления с утратой актуальности этих событий. У слов *болотинг* и *навальнинг* история более долгая. *Болотинги* — это несколько мероприятий, прошедших в течение 2012 года. Слово *навальнинг* появилось в 2013 году перед выборами в мэры Москвы, в которых участвовал А.А. Навальный, и вновь стало актуальным в 2017 году после публикации его очередного антикоррупционного расследования. В 2020 году на волне политического противостояния в Беларуси в российских источниках появились слова *тараканинг* 'митинг сторонников А.Г. Лукашенко, прозванного во время предвыборной кампании тараканом' и (единичное) *беларусинг* 'митинг оппонентов действующей власти', а в Беларуси провластные митинги стали по-русски называться *батинг/батькинг* (от прозвища А.Г. Лукашенко *батька*) и *ябати́нг/ябатьки́нг* (от хештега *#ябатька*, запущенного с целью объединить сторонников действующей власти). Конкретные слова такого рода, скорее всего, не останутся в употреблении надолго — хотя слову *путинг* уже 13 лет. Но в русском политическом дискурсе сложилась **модель** — по существу, разновидность универбации: основа с указанием на тематику/организатора/ место проведения и формант *-инг*. Модель эта, подчеркнем, семантико-словообразовательная, так как сохраняется связь инновации с конкретным словом: *Он [А. Г. Лукашенко] вышел на митинг, на путинг, я бы сказал, или батькинг* (Эхо Москвы, 18.08.20).

В) События, действия, связываемые с определенным лицом: *мизулинг*, *пехтинг*, *псакинг*, *шурьинг*, *кадыринг* 'реакция общества на высказывания Р.А. Кадырова о российской несистемной оппозиции', *медвединг* 'фотографирование кого-л. спящим во время мероприятия'. Некоторые из этих слов имеют

синонимы, также созданные по новой словообразовательной модели с заимствованным формантом: *пехтингейт*, *кадыровгейт*, *мизулингейт*. Такие слова — средство языковой экономии. У адресата должны быть фоновые знания об обозначаемом событии, в том числе о роли в нем лица, чьей фамилией мотивировано слово. Это позволяет ограничиться указанием на лицо, не описывая ситуацию полностью. Такие номинации могут употребляться и по отношению к другим, похожим событиям, в которых участвуют другие лица. Так, В.А. Пехтин был одним из многих должностных лиц, у которого «Фонд борьбы с коррупцией» нашел и опубликовал сведения о незадекларированном имуществе — наряду с депутатом Государственной думы И.А. Яровой, с сенаторами В.Б. Малкиным и М.В. Маргеловым и др. И слова *яровинг*, *маргелинг*, *малкинг* были. Но обычно публикация таких фактов называлась *пехтингом* (более 2000 словоупотреблений). Автор слова *мизулинг*, режиссер К.С. Серебренников, не относит его к действиям самой Е.Б. Мизулиной: *Сегодня давал письменные объяснения следователю в плане проверки МХТ и моего спектакля «Человек-подушка» на наличие «сцен педофилии», сцен «насилия с участием детей» и т.д. Заказчик «мизулинга» — комиссия Госдумы по нравственности.* Позже слово употреблялось по отношению скорее к явлению, чем к конкретному человеку — как и *псакинг* (почти 600 словоупотреблений): *Псакинг не стал бы термином, если бы характеризовал лишь одного человека. Псакинг — обобщение, отражающее <...> качество глобальной политики США. Типичный псакинг — это когда Барак Обама <...> заявил, что край Косово отделился от Сербии в результате референдума* (Накануне.Ру, 02.06.14).

Стремление к генерализации, к указанию на то, что ряд людей действует, **как** тот, чьей фамилией мотивировано слово, проявляется и в единичных «инговых» дериватах: *Стали сравнивать, кто как ведет себя по поводу режима изоляции из чиновников, и обозначилось тут несколько подходов.*

— Ты про *мишустинг*? И про *собянинг*? <...> В публичном пространстве я премьера (М.В. Мишустина. — С.Л.) в маске никогда не видел. <...> Есть у нас *Собянин* <...> Он в масочке <...> Многие обращают внимание, как ведут себя <...> чиновники, кто-то <...> занимается *собянингом*, <...> депутаты горсовета <...> почти все были в масках. При этом председатель горсовета и глава города, они были без масок <...>

— Занимались *мишустингом*. (Эхо Москвы, 06.05.20).

Узуальные дериваты с *-инг* близки к окказиональным своей тесной связью с ситуацией. Они могут появляться в речи законодателей языковой моды — блогеров с большим количеством подписчиков (слово *мизулинг* создано К.С. Серебренниковым, *кадыринг* — К.А. Собчак, *пехтинг* — депутатом Государственной думы Д.Г. Гудковым, другие слова, связанные с коррупционными скандалами, — А.А. Навальным или кем-либо из его окружения), подхватываться читателями, а затем уходить из употребления. Так, слово *кадыринг* связано с конкретными высказываниями Р.А. Кадырова о «врагах народа» среди оппозиционеров. После массового употребления в блогах и СМИ в 2016 году (180 цитат) слово почти исчезает, хотя политик регулярно выступает с активно обсуждаемыми заявлениями. Однако при неустойчивости конкретных лексем имеется относительно устойчивая модель: основа имени собственного и формант *-инг*.

Г) Времяпрепровождение, досуг: *шашлыкинг* (*шашлычинг*), *пивинг*, *водкинг*, *пляжинг*, *ресторанинг*, *дачинг* ‘жизнь на даче, дачные занятия’, *бабинг*. Эти дериваты, в отличие от предыдущих, мотивированы именами нарицательными, для их понимания не нужны экстралингвистические знания — достаточно языковых. Группа легко пополняется, но лексика эта чисто игровая, часто используемая в контекстах с другими словами на *-инг*. Представляется, что подобные слова, даже массово употребляемые, как показывает «Интегрум» (*шашлычинг*, например, насчитывает более

450 словоупотреблений), всякий раз создаются говорящими заново.

7. Для развития у неологизма полисемии обычно нужно какое-то время. В ежегодниках «Новое в русской лексике» очень немного слов, возникших сразу многозначными. В нашем материале таковы, например, *шурьинг* и *кадыринг*. Но для неологизмов на *-инг* характерна многозначность как результат повторного словообразования. В 2014 г. возникает слово *дачинг*, обозначающее акцию возле дач должностных лиц. Значение ‘жизнь на даче’ появляется в 2015 году. И это не развитие нового значения у известного слова: *дачинг* в этом значении употребляется в контексте с другими словами на *-инг* (*дайвинг*, *плоггинг*, *сноубординг*, *шопинг*; *бухлинг*, *шашлычинг*), в одном из контекстов назван видом спорта, т.е. ассоциации говорящего не связаны с первым по времени значением, релевантным для очень небольшой части носителей языка. Лексемы *тараканинг* и *беларусинг* появились в русском языке до белорусского кризиса. Неологизм *тараканинг* закрепился в речи рыбаков в 2017 году в значении ‘ловля на приманку, имитирующую живое насекомое’. Слово *беларусинг* (*белорусинг*) до 2020 года встречается несколько раз на туристических форумах и называет путешествие по Беларуси, время, проведенное в этой стране: *двухдневный*, *зимний белорусинг*; *12—20 часов плотного беларусинга*. В 2020 году *беларусинг* в одном контексте обозначает митинг оппонентов действующей власти, в двух других — актуальную политическую ситуацию: *Не дали беларусингу, как киргизингу, развернуться*; *Беларусинг, або Метро под откос*. Устойчивое значение до 2020 г. не сложилось, и говорящий, не связанный конвенциональным значением, создает слово заново в соответствии со своими задачами. Так же происходит со словом *собянинг*: в 2013 году неологизм называет митинг, в 2018 году единожды указывает на навязчивость информации о С.С. Собянине, а в 2020 году единожды употребляется в приведенном выше контексте. Все это — проявления полисемии, а не омонимии: интегральные

семьи между значениями сохраняются. Словообразовательная модель — формирующаяся, слова — ограниченного употребления, и говорящий относится к неологизму как к созданному им самим только что.

Итак, суффикс *-инг* вошел в русскую словообразовательную систему как словообразовательный формант. Модель с *-инг* активна, хотя есть много синонимичных суффиксов. Но узуальных общеупотребительных слов с таким формантом пока нет. «Инговые» дериваты в основном сохраняют свойства окказионализмов: принадлежность речи, производимость в противоположность воспроизводимости, тесная связь с контекстом, экспрессивность. Слова с формантом *-инг* относятся к различным жаргонам, к разговорной или профессиональной речи. Они могут уходить из употребления, так как обозначают явления, быстро теряющие актуальность. Таким образом, словообразование по этой модели все еще экспериментально, многие дериваты мотивированы ассоциациями с конкретными словами. Однако некоторые неологизмы с *-инг* насчитывают сотни и тысячи словоупотреблений.

Список литературы

1. Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 180—186.
2. Ермачкова О. Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках // Филологический класс. 2020. № 1. С. 51—61.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Потапова Г.А. Формирование новых суффиксов в языке как процесс // Филологические науки. 2012. № 3. С. 329—332.
5. Руденко О.Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке: на материале словарей и языка СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012. 26 с.
6. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. Материалы Третьей науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 130—134.

FOREIGN NEOMORPHEME *-ING* IN THE MODERN RUSSIAN WORD-BUILDING

The article deals with adaptation of borrowed new morpheme *-UH2* in the Russian derivational system. The paper studies the derivational semantics of this affix, words derived from Russian stems with a formant *-UH2*, semantic and functioning features of these words. It was shown that this derivative model is active but the most of derivatives retain properties of occasional words.

Keywords: derivation, derivative, suffix, occasional word, semantics.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ У РУССКИХ

Данная статья посвящена определению особенностей эмоциональных высказываний в русском языке, их связи с выражением разных типов эмоциональной и лингвокультурной информации. В статье рассматриваются существующие типологии единиц с эмоциональной семантикой, выявляется специфика выражения каждого из этих типов эмотивных единиц в высказываниях. Рассматривается классификация высказываний с точки зрения их эмотивности. Продемонстрировано, что эмоциональные высказывания у русских позволяют прямо, косвенно или скрыто передавать не только информацию об эмоциях, но и лингвокультурную информацию. При переводе русскоязычных текстов на другие языки потенциальная семантика эмоциональных высказываний требует хорошего знания культурных особенностей языка оригинала и вариантов их вербализации.

Ключевые слова: эмоциональное высказывание, эмотивность, эмотивная семантика, классификация эмотивных высказываний, лингвокультурная информация.

Категория эмотивности основательно изучена психологией, физиологией и философией, интерес к ней среди лингвистов появился лишь в конце XX века. По мнению С.В. Ионовой, эмотивность до этого времени расценивалась как одно из неопределенных свойств текста [Ионова 1998]. Сегодня эмотивная лингвистика стала традиционной областью лингвистического изучения [Россия лингвистическая 2012]. В числе достижений лингвистики эмоций можно назвать выявление разных способов выражения эмоций в письменном тексте, обусловленных национальными, культурными, историческими и языковыми осо-

бенностями автора. Несмотря на эти особенности, вербальное выражение эмоций в различных языках имеет ряд схожих черт, вследствие чего эмотивность называют универсальной категорией языка [Ионова 1998: 9].

В истории изучения эмоциональной сферы человека акцентировались различные стороны и качества его субъективности. Соотношение рационального и эмоционального в речи автора текста является значимым для изучения его идиостиля и совершенствования практики перевода текстов: новые переводы текстов авторов иноязычной культуры должны пополнить представления русских о субъективной жизни авторов изучаемой культуры и возможностях ее трансляции средствами языка [Шаховский 1994].

Эмоции играют большую роль во всех видах человеческой деятельности, наряду с мышлением они составляют рационально-эмоциональный мир человеческого сознания [Апресян, Апресян 1993; Ионова 2019; Красавский 2002; Шаховский 2004; Wierzbicka 1985 и др.]. В связи с этим они нашли свое отражение в синтаксисе нашей речи, определяют особенности высказываний на русском языке, которые являются теоретически и практически значимым объектом исследования. В данном исследовании вслед за В.И. Шаховским проводится различие между понятиями эмоциональности и эмотивности: эмоции характеризуют определенное переживание, а эмотивность — способность его выражать, это «имманентно присущее языку свойство выражать системой эмоциональность как факт психики; отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 2008: 24—52]. В широком понимании данная категория включает в себя все языковые средства, служащие для выражения эмоций, а также средства, применяемые для характеристики языковой личности, ее эмоций по отношению к объектам действительности [Зотова 2010:15]. Эмотивность тесно связана со всей речевой деятельностью человека и помимо семантики слова закрепляется в синтаксисе высказываний.

Для ее рассмотрения определим способы вербализации эмоциональной информации, которые приняты в современной лингвистике и означают разные типы эмотивных знаков: аффективы, коннотативы, потенциальные эмотивы. Эмотивная семантика может иметь статус значения слов, она облигаторна для слова-аффектива в эмоциональных высказываниях. Семантическая структура аффективов — междометий, инвективов, бранных слов, эмоционально-оценочных прилагательных (например, *ой-ой-ой, ах, тьфу, ура, милый, скверный*), т.е. слов с эмотивным значением, может составлять содержание эмотивных высказываний (*Ах!, Ужас!, Блеск!*). Другим статусом эмотивной семантики слова является коннотация, которая формируется эмотивными семами, находящимися за пределами логико-предметного макрокомпонента семантики слова. Эти эмотивные семы могут быть сопряжены с определенными логико-предметными, ядерными семами или ассоциироваться с ними. В коннотативах эмотивность является совмещенной. Например, слово *свинья* имеет два значения: 1) ‘животное, которое...’; 2) ‘человек, который...’. Второе значение имеет эмоциональное содержание и обозначает отношение к неприятному, «грязному» человеку. При употреблении в речи первого из указанных лексико-семантических вариантов у коммуникантов могут возникать ассоциации со вторым значением слова.

Потенциальные эмотивы не включают в себя компоненты эмотивности, но определённый контекст придаёт такой лексике потенциальные семы эмоций. Существуют наименования товаров в рекламном контексте, например наименования духов «Контакт», «Диалог», «Однажды», «Грезы», «Восторг», примеры ассоциативной лексики: *береза, мать, Родина*, — порождающие определенные эмоции у носителей русской лингвокультуры. Такая эмотивность в слове является вторичной, в отличие от эмотивности в статусе эмотивного значения. Потенциальная эмотивность может выступать в статусе ингерентной и адгерентной разновидностей, которые выявляются в высказывании или тексте [Шаховский 1994: 20].

Рассмотрим эмоциональную лексику аффективов в китайском романе «Устал рождаться и умирать» и его переводе на русский язык. В эмоциональной лексике существует ряд слов, несущих определённое эмоциональное значение аффективов, т.е. переданные с помощью аффективов эмоции отражают отношение говорящих к обозначаемым предметам. Эмоциональная лексика аффективов, коннотативы, потенциальные эмотивы в китайском романе «Устал рождаться и умирать» и её перевод на русский язык показаны в нижеследующих примерах.

(1) 四个逃跑者中有一个身材瘦高、脑袋呈长方形、如同旧时更夫打更所用梆子的，正是西关的小恶人于干巴 [Мо Янь 2012: 512]. Переведенный текст: *У одного из убежавших, тощего верзилы, прямоугольная голова походила на колотушку, какой в прежние времена ночные сторожа отбивали стражи. Это был злодей с западной окраины Тоцуй Юй* [Егоров 2014: 446].

Здесь в китайском языке 小恶人 значит ‘нехороший человек’, т.е. эта единица относится к аффективам. 小恶人 представляет собой эмотивную единицу с отрицательной оценочной семантикой. Таким образом, переводчик выбирает *злодей* в русском языке вместо 小恶人 в китайском языке и выражает идентичную оригиналу эмоциональную окраску.

(2) 新来的书记.....就是给陈县长当过秘书的那个人，姓范名铜，外号“饭桶”，食量惊人 [莫言2012:100]. Переведенный текст: *Новый партсекретарь... прежде служил секретарем у уездного Чэня, Фань Тун, которого за глаза звали «фаньтуном», бездонной бочкой то есть* [Егоров 2014: 80].

Коннотативная семантика эмотивов является только частью значения слова, в связи с чем оно является более сложным в семантическом плане. Китайское имя собственное 范铜 и нарицательное 饭桶 в данной конситуации (обозначает «бездонную бочку») — созвучные единицы, на основе чего в имени собственном 范铜 реализуется использование стилистического приёма каламбура — игры слов. Но в русском языке нет прямого соответствия имени 范铜 Фань Туни и обозначения

“бездонная бочка”, поскольку нет созвучия двух единиц. В связи с этим помимо использования приёма транскрипции для слова 饭桶 нужна ещё сноска для дополнительного объяснения обозначения, чтобы раскрыть каламбурное значение в результате созвучия имени собственного 范铜 (рус. ФаньТун) и имени нарицательного 饭桶 (рус. фаньтун) и достичь юмористического эффекта в переводе.

К данной подгруппе относятся и китайские фразеологизмы в следующих примерах, которые отличаются от единиц русского языка стилистическими характеристиками или эмоциональной окраской.

(3) “给我烙点干粮，我要上访去” [Мо Янь 2012: 110]. Переведенный текст: *Приготовь мне чего поесть в дорогу, пойду правды искать* [Егоров 2014: 71].

Потенциальные эмотивы представляют собой результат действия определённой эмоциональной ситуации. В прямом значении китайское сочетание 上访 (рус. *пойду правды искать*) значит, что простые люди в Китае могут задавать вопросы государственному органу на высшем уровне, пропуская нижестоящий орган, обращаются к старшим по званию или к властям за помощью, и здесь герой романа Лань Лянь обращается к государственному органу на высшем уровне для того, чтобы правду искать, т.е. задать вопрос о том, нужно ли обязательно вступить в коммунистическую партию, можно ли стать единоличником. Кроме того, словосочетание *правду искать* в китайском языке само не имеет эмоциональной окраски, но в контексте 上访 (рус. *пойду правды искать*) выражает отрицательную оценку, т.е. здесь это словосочетание выступает в качестве реализации потенциальной эмотивной семы. Таким образом, в переводе верно был передан подразумеваемый смысл оригинала и неявная эмотивность, так что сохраняется цель коммуникации говорящего.

Обозначение эмоций разными видами лексики и выражение эмоций в высказываниях тесно взаимосвязаны: эмоциональные высказывания представляют собой высказывания, закреплённые

в синтаксическом строе русского языка. Под эмотивными высказываниями понимаются такие структуры, эмотивный компонент значения которых преобладает над рациональным, субъективное содержание преобладает над объективным.

Существуют ключевые признаки эмоциональных высказываний, которые проявляются в наличии эмоций захваченности, зачарованности, любопытства. Е.Д. Соколова выделяет две группы эмоциональных высказываний: собственно эмотивные высказывания и эмотивно осложненные высказывания [Соколова 2008].

Собственно эмотивными высказываниями (СЭВ) называются непредикативные единицы, основное содержание которых — выражение эмоций. СЭВ содержат только сему нерасчлененной эмотивной оценки. С точки зрения структуры, все СЭВ можно разделить на две группы: однословные и фразеологизированные [Сморыго 2016].

Однословные СЭВ чаще всего выражают интерес / волнение (*О!*, *Ой!*) / сожаление (*Увы!*). Например: *Ой!*; *У меня хорошее известие!*; *Увы! То, что следует сделать, надо сделать непременно!* Фразеологизированные конструкции всегда содержат устойчивые и синтаксически связанные элементы: *Что подделаешь!*; *А почему нет?*; *Ну и пусть* и т.д. Эмотивно осложненные высказывания (ЭОВ) состоят из предикативных единиц, помимо объективной информации они одновременно выражают эмоциональные реакции на это событие. К ЭОВ мы относим некоторые типы вопросительных высказываний, выражающих эмоции, восклицательные высказывания, высказывания, содержащие эмотивные коммуникативы, парцелляцию, повтор, инверсию, эмотивную лексику [Сморыго 2016].

Эмотивно осложненное высказывание является не самостоятельным высказыванием, а частью большего построения и осуществляет только эмотивное осложнение. Высказывания, осложненные в коммуникации, передают большой спектр эмоций за исключением отвращения и вины. Различные типы

ЭОВ, как самые распространенные типы эмоциональных высказываний, разнообразны в структурном и семантическом планах. В исследованиях описываются проблемные, провокационные, апеллятивные, риторические вопросы, выражающие разнообразные эмоции.

Проведенный в данной статье анализ эмотивных высказываний показывает, что эмоциональные высказывания в русской лингвокультуре разнообразны и позволяют прямо, косвенно или скрыто выражать типичную эмоциональную информацию, ценности культуры, традиции народа. В этом отношении при переводе такие высказывания требуют не столько межъязыкового декодирования, сколько трансляции культурных смыслов. Таким образом, понимание сути, особенностей и типов эмоциональных высказываний у русских помогает нам достигнуть эквивалентных или максимально близких эффектов при выражении эмоционального содержания и лучше понять представителей русской культуры.

Список литературы

1. Зотова А.Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2010, С. 1—17.
2. Ионова С.В. Лингвистика эмоций — наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124—131.
3. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Волгоград: ВГПУ, 1998.
4. Мо Янь. Устал рождаться и умирать / пер. И.А. Егорова. М.: Амфора, 2014. 703 с.
5. Мо Янь. Устал рождаться и умирать. М.: Шанхайское литературно-художественное издательство, 2012. 543 с. (Mo YA. Ustal rozhdat'sya i umirat'. M.: Shanhajskoe literaturno-hudozhestvennoe izdatel'stvo, 2012. 543 s.)
6. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: колл. монография / под ред. В.И. Шаховского, С.В. Ионовой. Волгоград: Волгогр. научное изд-во, 2012.

7. Сморыго Дмитрий. Эмотивные высказывания в современной российской прессе. 2016.
8. Соколова Е.Д. Эмотивные высказывания в современной газете (на материале российской и британской прессы) // Филология и человек. 2008. № 2. С. 138—145.
9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
10. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20—25.

© *Ma Jian*

FEATURES OF EMOTIONAL SPEECH IN THE CULTURAL-LINGUISTIC ASPECT USED BY RUSSIANS

This article is devoted to defining the features of emotional utterances in the Russian language, their connection with the expression of different types of emotional and linguistic-cultural information. The article examines the existing typologies of units with emotional semantics, reveals the specifics of the expression of each of these types of emotive units in utterances. The author considers the classification of utterances in terms of their emotivity. It is demonstrated that emotional statements used by Russians allow directly, indirectly or covertly transmit not only information about emotions but also linguistic and cultural information. When translating Russian texts into other languages, the potential semantics of emotional utterances requires good knowledge of the cultural characteristics of the original language and their options of verbalization.

Keywords: emotional utterance, emotiveness, emotive semantics, emotive utterances classification, linguo-cultural information.

© *Макшанцева Анна Львовна*
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

КОНЦЕПТ «УДАЧА» В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ И ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Цель работы — рассмотреть этимологию слова *удача* как базового репрезентанта одноименного концепта, выявить этимологические смысловые компоненты его концептуального содержания и верифицировать их реальность для носителей языка в современной русской речевой практике. Используются методы лингвокультурологического анализа языковой картины мира и методика концептуального анализа, принятая в Нижегородской научной школе. Материалом исследования являются данные русских словарей, Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. Анализ выявил этимологическое значение слова *удача*: это то, что человек получает извне, со стороны, возможно, сверхъестественных сил, это что-то благоприятное для человека, но полученное им даром. Делается вывод об исторически обусловленной связи лексем *удача* и *удаль*, которая ощущается и носителями современного русского языка.

Ключевые слова: концепт «удача», этимология, синхронно-диахронный анализ концептов, когнитивный признак, лингвокультурология, лексема «удаль».

В работе освещается начальная стадия исследовательского проекта по комплексному синхронно-диахронному лингвокультурологическому описанию концепта «удача» и его языковой объективации в русской речи. Согласно принятой концепции исследования, комплексное описание смыслового наполнения концепта открывается анализом историко-лингвистической составляющей его концептуального содержания.

Цель исследования — рассмотреть этимологию слова *удача* как базового репрезентанта одноименного концепта, выявить этимологические смысловые компоненты его концептуального содержания и верифицировать их реальность для носителей языка в современной русской речевой практике.

В работе использованы методы лингвокультурологического анализа языковой картины мира [Вежбицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Ковшова 2013] и методика концептуального анализа, принятая в Нижегородской научной школе [Горшкова, Ручина 2011; Радбиль 2018]. Материалом для исследования являются основные русские этимологические словари [Черных 1999; Фасмер 2009], словарь В.И. Даля [Даль 1999] и текстовые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и нашего собственного интернет-мониторинга (ИМ). Очевидны разнообразными практические приложения предпринятого исследования, результаты которого могут быть применены в создании словарей концептов нового типа [Горшкова, Ручина 2011], в медийной практике, рекламных кампаниях и PR-проектах [Русский язык 2014; Радбиль, Рацибурская 2017], в лингвистических экспертизах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

Итак, в соответствии с принятой концепцией исследования, в отличие от лексического значения слова, в которое принципиально не входит его внутренняя форма, т.е. этимология, в концептуальное содержание как раз включаются этимологические и историко-лингвистические сведения [Горшкова, Ручина 2011; Радбиль 2018]. По данным русских этимологических словарей, слово *удача* является отглагольным существительным от глагола *удаться*, который в свою очередь восходит к глаголу *даться*, от *дать*, далее от праслав. **dǎtī*; **dǎjǎtī*; **dǎvǎtī*, от которого в числе прочего произошли: ст.-слав. *dati* (греч. *διδόναι*), русск. *дать*, *давать*, укр. *datи*, белор. *даць*, сербохорв. *dǎti*, словен. *dǎti*, чешск. *dát*, польск., в.-луж. *dać*, н.-луж. *daś*. Восходит к праи.-е. **do-* в значении ‘дать’ [Черных 1999; Фасмер 2009]. Таким образом, на этом уровне анализа мы можем заключить, что *удача* — это то, что дается (человеку), то, что дадено, дано (при-

именная приставка *у-* в глаголе *удаться*, как указано в словаре М. Фасмера, выступает в значении ‘в, на, вверх, через’ [Фасмер 2009], т.е. сохраняет унаследованное от глагола значение завершенности действия, ср. *убить*, *упросить* и пр.).

В свою очередь, и в словаре В.И. Даля, отражающем определенный исторический срез в семантической системе русского языка, возвратный глагол *удаваться/удаться* трактуется как «сдѣлаться, статья, случиться по желанью, посчастливиться кому. *Безл.*». На его фоне приводится следующее толкование для *удача*: «успех, поспешенье в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела» [Даль 1999]. Здесь мы можем видеть новый семантический компонент ‘талант’.

Иными словами, *удача* — это то, что человек получает, так сказать, извне, со стороны, возможно, сверхъестественных сил, это что-то благоприятное для человека, но полученное им даром (кстати, и слово *дар* тоже восходит к глаголу *дать* [Фасмер 2009]), независимо от его желания, возможной активности или, напротив, бездействия.

Таким образом, этимологический и историко-лингвистический анализ слова — имени концепта *удача* позволил выявить и сформулировать такие когнитивные признаки, как (1) ‘благоприятное стечение обстоятельств’; (2) ‘желательный результат, нужный исход дела (= успех)’; (3) ‘везение’; (4) ‘счастье’; (5) ‘то, что дается человеку извне, со стороны сверхъестественных сил, даром’; (6) ‘талант’. В наших дальнейших исследованиях мы покажем, что все эти когнитивные признаки так или иначе входят в словарные толкования слов *удача*, *удаться/удаваться*, *удачный*, *удачливый* и др. уже в современном русском языке, т.е. они как бы унаследованы из предшествующего состояния языка. Не менее важно и то, что эти смыслы присутствуют и в рецепции современных носителей русского языка, что можно видеть по контекстам употребления слов — репрезентантов концепта в живой речи (ниже см. соответствующие примеры из Национального корпуса русского языка):

(1) Благоприятное стечение обстоятельств: *Здесь милиционеров ждала удача: по наводке местного «старателя», устро-*

ившего в казарме цех по копчению рыбы, они «вычислили» ЗИЛ защитного цвета, прижавшийся к забору (НКРЯ — «Добытчики» // «Сельская новь», 2003.10.07); Ударяют над городом со звоном и радугой голубые ливни, и полыхает надо мной солнце, густое и желтое, как яичный желток, шуршат на сером камне мостовых красно-зеленые одеяния облетающих платанов и лип, и воздух моего счастья прохладен и свеж — ко мне пришла удача, и силу я в себе ощущал неизбывную — я городской врач и профессор Базельского университета, торжественно и официально приглашенный на исполнение высоких функций магистратом (НКРЯ — Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987));

(2) Желательный результат, нужный исход дела (= успех): *Какой выразительной может быть фантазия духовного монстра, когда и он, не чуждый вдохновения, достигает **удачи** в работе (НКРЯ — Анатолий Ким. Белка (1984)); После первой **удачи** в кармане зазвенели монеты, и банда начала вооружаться и оснащаться: помимо оружия, закупили около десятка автомобилей, портативные радиостанции, мобильный телефон, видеокамеру и пр. (НКРЯ — Ляна Шарова. Трассовики // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.17);*

(3) Везение: *Многие, в основном мичманы, остались на прежнем месте, не желая расставаться с обустроенным бытом. Не всем, однако, сопутствовала **удача**. Наш техник БЧ-4 Юра Бродовский, замечательный парень, с которым мы близко сошлись на почве любви к фотографии, перешёл служить на «Комсомолец» и впоследствии вместе с кораблём погиб... (НКРЯ — Владимир Овчинников. Настоящий экипаж // Родина, 2011); Постепенно я стала автоматически спрашивать про Серого у фигурантов по другим делам. И вдруг мне улыбнулась **удача**. Заканчивая одно из дел, находившихся у меня в производстве, я по привычке спросила обвиняемого, старого зэка, севшего за убийство собутыльника, не знает ли он такого Серого (НКРЯ — Е. В. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам (2007));*

(4) Счастье: *Но, несмотря на это, Ника хорошо помнит то ощущение огромного детского счастья, бесстрашно-го перед начинающейся жизнью, не допускающего ни на миг сомнений в удаче* (НКРЯ — Инна Халяпина. Райская яблоня // «Волга», 2014); *Ты будешь твёрд в удаче и в несчастье* (НКРЯ — коллективный. Форум: Этнопсихология. Англичане (2009—2010));

(5) То, что дается человеку извне, со стороны сверхъестественных сил, даром: *С тех пор у нас так и повелось: чуть что нам покажется приятно-непостижимым, удавшимся вопреки логике, мы сваливаем удачу на предопределение свыше и разные чудеса* (НКРЯ — Вячеслав Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003); *И ощутил как бы крохотный толчок в сердце: не этот ли пришелец, стоящий в неловком ожидании, и есть то событие, которое непременно должно нынче случиться, то самое, поданное свыше, знамение удачи?* (НКРЯ — Г.Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)).

(6) Талант, Божий дар: *О праве на неудачу разглагольствуют дилетанты, почерк мастера, манера таланта — это всегда удача* (НКРЯ — Сергей Есин. Имитатор (1985)); *Удача, на мой взгляд, это изначальный набор наших талантов и житейских качеств...* (ИМ — URL: <http://nightout.ru/statia/2017-02-19/udacha-na-moy-vzglyad-eto-iznachalnyiy-nabor-nashih-talantov-i-jiteyskih-kachestv>).

Еще одной важной составляющей концептуального содержания на уровне этимологии является органическая связь между лексемами *удача* и *удаль*, хотя, возможно, современным носителям языка она не представляется очевидной. В каком-то смысле можно утверждать, что *удача* и *удаль* представляют собой взаимобусловленное единство, в котором в *удаче* отражена объективная сторона всего благоприятного, что может случиться с человеком, а за *удалью* закрепляется выражение субъективного аспекта — наличия определенных личностных свойств, благо-

приятствующих успешной самореализации человека в жизни. Далее мы представим ряд свидетельств, подтверждающих положение, высказанное выше.

Сама звуковая близость между этими словами, а также их интуитивно ощущаемая многими носителями языка ассоциативная связь заставляет предположить, что это не случайно, что эти слова, возможно, пусть и в далеком прошлом, все же были как-то связаны по смыслу. И, действительно, этимологически эти слова восходят к общему корню — к одному и тому же глаголу *удаться*, который в свою очередь происходит от *даться* ← *дать* [Черных 1999; Фасмер 2009]. Таким образом, на этом уровне анализа мы можем заключить, что и *удача*, и *удаль* — это то, что дается (человеку), то, что дадено, дано. Но *удаль*, в отличие от *удачи*, это внутреннее свойство человека, совокупность каких-то положительных качеств, присущих личности, возможно, от рождения — ср. такой компонент толкования у М. Фасмера, как ‘нрав, характер’, это тоже *дар*, но в другом смысле слова — дар как талант, как способности, в каком-то отношении превышающие норму — ср. также такие компоненты толкования, как ‘даровитый’ и ‘способность’ [Фасмер 2009].

Более тесная смысловая связь между словами *удача* и *удаль* отражена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Это подчеркивается тем фактом, что и *удача*, и *удаль* приводятся в одной словарной статье к глаголу *удаждать/удадать*. При этом в толкование слова *удаль*, согласно словарю В.И. Даля, входит компонент ‘удача’: «*Удаль* ж., *удальство* ср. — удачность, смѣлость, рѣшимость, отвага, отважность, отчаянная храбрость, при сметливости, находчивости; *удачная* отвага; молодечество» [Даль 1999]. Итак, согласно словарю В.И. Даля, *удаль* — это *удачная* отвага. Таким образом, по данным словаря В.И. Даля *удача* и *удаль* находятся в отношениях смысловой мотивированности: *удаль* — это положительное свойство личности (храбрость, решительность и пр.), которое способствует *удаче* (удача любит удалых, удальцов, т.е. смелых).

В целом *удача* и *удаль* имеют существенный общий семантический компонент ‘что-то благоприятное, что дано человеку, независимо от его воли’ и дифференциальные семантические признаки: *удача* — это ‘благоприятное стечение обстоятельств, то, что случается с человеком’, а *удаль* — это ‘данная человеку способность, внутреннее положительно оцениваемое свойство личности (источник ее активных действий)’.

Как уже было сказано выше, современные словари не отражают семантической близости между словами *удача* и *удаль*. Но феномен «памяти концепта» позволяет предположить наличие ассоциативно-смысловой связи между этими понятиями и в языковом сознании носителей русского языка XX в., о чем свидетельствуют и контексты из Национального корпуса русского языка: *Полеты в бурю по океану, прыжки в черную бездну космоса с искусственных спутников вызывали такие же ощущения безграничной удали и удачи* (НКРЯ — И.А. Ефремов. Туманность Андромеды (1956)); *Нет, так нельзя, нужно дать удаль, размах, удачу, хвостовство* (НКРЯ — М.А. Рыбникова. Очерки по методике литературного чтения (1941)).

Итак, связь между словами *удача* и *удаль* в целом, пусть и на ассоциативном уровне, является живой и для носителей современного русского языка, потому что оба этих понятия выражают разные аспекты в общем единого комплекса в кругу значимых ключевых идей русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 130—135.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. 4. 1144 с.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
6. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146—149.
7. Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 375 с.
8. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
9. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18—21.
10. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2014. 325 с.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь—Яшур. 560 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с пред. проф. Б.А. Ларина. М.: АСТ, 2009. Т. I. 576 с.

© *A.L. Makshantseva*

**THE CONCEPT “UDACHA” (“LUCK”)
IN THE ETYMOLOGICAL
AND HISTORIC-LINGUISTIC ASPECT
AND ITS RECEPTION
BY MODERN RUSSIAN NATIVE SPEAKERS**

The object of the work is to consider the etymology of the word “udacha” (“luck”) as a basic representative of the concept of the same name, to identify the etymological semantic components of its conceptual content and to verify their reality for native speakers in modern Russian speech

practice. The methodology of linguo-culturological analysis of the language picture of the world and the method of conceptual analysis adopted in the Nizhny Novgorod scientific school are used. The research material is the data of Russian dictionaries, the Russian National Corpus and the author's own Internet monitoring. The analysis revealed the etymological meaning of the word "udacha" this is what a person receives from the outside, from the side, perhaps, of supernatural forces, this is something favorable for a person, but received by him as a gift. The conclusion is drawn about the historically conditioned connection of the lexemes "udacha" and "udal" ("boldness"), which is still felt by the modern Russian native speakers.

Keywords: concept "udacha" ("luck"), etymology, synchronic-diachronic conceptual analysis, cognitive feature, linguo-culturology, the lexeme "udal" ("boldness").

© *Малеева Елена Сергеевна*
Университет прикладных наук ВПИ

© *Цинкерман Тамара Николаевна*
Волгоградский
государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале рассказа «Судьба человека» М.А. Шолохова)

В статье рассматривается функционирование безэквивалентной лексики в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека», избранном в качестве материала для исследования. Анализ показал, что безэквивалентная лексика как неотъемлемая часть художественного пространства произведений М.А. Шолохова является носителем национально-культурной информации о русском народе. Для решения поставленных задач применялись описательный, контекстуально-интерпретативный и метод классификации. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что рассматриваемые языковые единицы, представляющие собой лексику из литературного языка и разговорные, просторечные слова, используются в произведении для характеристики ландшафта, описания природы, административно-территориальных единиц, служат для обозначения построек, одежды, характеристики действий персонажей, в составе фразеологизмов и афоризмов отражают систему ценностей материальной и духовной культуры русского человека. Изучение языка рассказа даёт материал для реконструкции фрагментов языковой картины мира, осмысления активных процессов, происходящих в современном языке, а также является базой для дальнейшего изучения переводов этого текста на другие иностранные языки.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, художественный текст, языковая картина мира.

Рассказ «Судьба человека», написанный и опубликованный лауреатом Нобелевской премии М.А. Шолоховым в 1956 году, переведён на многие языки мира. В основе сюжета рассматриваемого произведения лежит рассказанная автору история шофёра Андрея Соколова, который потерял жену и троих детей, лишился родного дома, пережил ужасы концлагеря, прошёл трудные дороги войны и нашёл в себе силы вернуться к жизни и подарить семью беспризорному мальчику Ванюшке [Шолохов 1979: 6—70]. Небольшой по объёму рассказ, основанный на реальных событиях, вот уже много лет привлекает внимание читателей, людей творческих профессий, исследователей в России и за рубежом. Учёные рассматривали жанровые особенности произведения (Кондюрина, Лысенко), соотношение эпического и трагического в рассказе (Гречушкина), анализировали сюжет в контексте христианской культуры (Стюфляева), изучали функции антропонимов в тексте (Ефремов), исследовали роль пунктуации в передаче эмоционального подтекста и особенности стилистического синтаксиса (Сигал). Отсутствие работ, посвящённых анализу функционирования безэквивалентной лексики, особенно важной для понимания реалий послевоенного времени в контексте юбилейного года Великой Победы и 115-й годовщины со дня рождения мастера художественного слова, обусловили актуальность настоящей работы. Для анализа также привлекались магнитофонные записи устной речи казаков — коренных жителей казачьих хуторов и станиц и переселенцев, сделанные во время диалектологических экспедиций Волгоградского государственного университета в 2001—2009 годах.

Как показал анализ языкового материала, «стиль автора почти целиком движется в сфере литературной речи» [Степанов 2000: 68], художественное повествование характеризуется наличием слов, составляющих общерусский лексический фонд, не представляющих сложности для читателей.

В то же время особую значимость для понимания текста, осознания колорита описываемых реалий и представления

эпохи, в которой развиваются события, представляет безэквивалентная лексика с национально-культурным компонентом значения [Рудыкина 2005: 217—223], включающая в себя советизмы; слова, относящиеся к новому быту; наименования предметов традиционного быта; историзмы; лексику фразеологизмов и афоризмов; слова нерусского происхождения (в качестве основы принята классификация генетических пластов, предложенная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1990: 52]). Ввиду того, что это слова или словосочетания, «обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов 1975: 81], они, как правило, не понятны иностранцам, и требуют отдельного рассмотрения.

Сложность при прочтении вызывают предложения, содержащие названия географических объектов — общерусскую лексику природы, описывающую ландшафт Волгоградской области: *В конце марта из Приазовья подули тёплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи встухли набитые снегом лога и балки...* [Шолохов 1979: 6]. Обращение к диалектным словарям позволяет уточнить семантику имени существительного *балка*, используемого в значении ‘пологий овраг, поросший травой, кустарниками и т.п., сухой или с ручьём’ [БСДК: 34], а также слова *лог*, отмеченного в значении ‘лощина, длинная балка с отлогими краями’ [ДС: 177]. Таким образом, иностранным читателям становится понятным происхождение наименований населённых пунктов Волгоградской области (рабочий посёлок Лог Волгоградской области, Дубовая балка в Волгограде (см. об этом: [Ильин 2002: 49]) и др.).

Реалии общественно-политического порядка находят отражение в лексике, связанной с обозначением административно-территориальных единиц, характеризующих традиционные формы казачьей жизни, так как основные события произведения происходят в городе Урюпинске Волгоградской

области — старинном центре хопёрских казаков, на главной площади которого в 2005 году поставлена скульптурная композиция, посвящённая героям рассказа М.А. Шолохова. Так, при описании послевоенной весны Верхнего Дона используются имена существительные *станция* в значении ‘большое казачье селение’ [ТСЯ: 762] и *хутор* в значении ‘в южных областях: крестьянский посёлок, селение’ [ТСЯ: 871], зафиксированные в русском литературном языке: *В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станцию Букановскую; Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского в заболоченной, поросшей ольхами пойме разлилась на целый километр* [Шолохов 1979: 7]; *Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина* [Шолохов 1979: 10]). Как известно, первоначально слово *станция* не обозначало населённый пункт; им называлось объединение казаков: семей, родов или племён. Имя существительное *хутор* в литературном языке является многозначным и употребляется на Дону в значении ‘село, деревня; обычно с казачьим населением’ [ДС: 366]. По свидетельствам казаков, станция была традиционно больше хутора по территории и численности населения, казаки получали земельные наделы далеко от станиц, переселялись в хутора. Кроме того, жительница хутора Озёрки Иловлинского района Волгоградской области Горбачёва Евдокия Федоровна, 1915 года рождения, пояснила нам, что в станице обязательно должна быть церковь. Если же церковь по каким-либо причинам была разрушена, то станция переименовывалась в хутор. Так, например, и произошло со станицей Каргинской Иловлинского района, которая была переименована в хутор Стародонской. В станице, по воспоминаниям казачки, был обязательно станичный атаман, которому подчинялись все хуторские атаманы (см. об этом: [Малеева, Шарфави 2016: 81]). Правда, если хутор был старше станицы, то станичный атаман приезжал к хуторскому с поклоном. Таким образом, имена существительные *станция*, *хутор* входят в состав

синонимического ряда *деревня, посёлок, селение, село, станция, хутор*.

Бытовые, этнографические реалии связаны в анализируемом тексте с именами существительными, обозначающими одежду. Так, описывая повседневную жизнь главного героя, для характеристики одежды Шолохов употребляет разговорное имя существительное *стёганка* в значении ‘стёганая ватная куртка; ватник’ (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>): *Я присел на него, хотел закурить, но сунув руку в правый карман ватной стёганки, к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла* [Шолохов 1979: 9]. В приведённом предложении важной для понимания контекста является лексема «Беломор», обозначающая марку папирос, созданную во второй половине 1930-х годов. Для советских граждан данные папиросы ассоциировались не только с табаком, но и с масштабным проектом строительства Беломоро-Балтийского канала, изображение которого было размещено на пачке папирос. Грандиозная стройка воспринималась как триумфальное достижение советской власти, что, в свою очередь, объясняет высокую популярность этой марки среди населения. Подтверждение данных выводов находим и в тексте рассказа Шолохова, в том, как он говорит о табаке: *А ты богато живёшь, папироски куришь; ...к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла; ...горько досадуя на свою оплошность, я бережно извлёк из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы* [Шолохов 1979: 14].

В важном для композиции рассказа фрагменте о ночи в плену автор использует наименования форменной одежды, в частности: *а все мы без шинелей, в одних гимнастёрках и штанах, так что постелить и разу нечего*. И далее поясняет: *Кое на ком даже и гимнастёрок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры, гимнастёрки они посылали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить* [Шо-

лохов 1979: 32]. Обращение к словарям современного русского языка позволяет определить значение литературных слов *гимнастёрка* как ‘форменная рубашка из плотной ткани, надеваемая через голову (принятая в Советской Армии до 1969 года)’ [АТСРЯ: 118]; *шинель* — ‘форменное пальто со складкой на спине и хлястиком’ [ТСЯ: 524].

Особый интерес читателей связан с наименованиями предметов и явлений традиционного быта. Так, знакомство Андрея Соколова и Ванюшки происходит около старой чайной: *И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день — опять вижу* [Шолохов 1979: 61]. Имя существительное *чайная* характеризуется в словарях современного русского литературного языка как многозначное и обозначает русское гастрономическое заведение, в котором продавались различные виды чая, а также продовольственные товары, сопутствующие данному напитку. Для открытия первых чайных, которые появились при Александре II в сельских местностях Тверской губернии, правительство создало специальные условия: низкая арендная плата, небольшие налоги и особый режим работы (с пяти часов утра) [Чайная, [http](http://)]. Позже чайные являлись неотъемлемой частью русского быта XIX — начала XX столетия не только в деревнях, но и в городах. В послевоенные годы чайные были также популярны среди населения. Например, в журнале работников сферы обслуживания «Советская торговля» за 1954 год даётся подробная классификация предприятий общественного питания, среди которых упоминается и чайная: «предприятие с небольшим ассортиментом холодных закусок и горячих блюд несложного приготовления и широким ассортиментом буфетных товаров, сопутствовавших чаепитию. В чайных разрешалось принимать от посетителей их продукты для приготовления за особую плату блюд, не требующих сложной обработки. Допускалась продажа пива, водки, винно-водочных изделий» [Волкова 2007, [http](http://)]. По воспоминаниям Морозовой Валентины Николаевны, 1926 года рождения, коренной жительницы города Урюпинска, в описываемом Шолоховым месте действительно была чайная, в которую

люди приходили чаще по выходным семьями, чтобы хорошо провести время, однако это было недёшево. Авторы словарных статей современного русского языка фиксируют синонимичные значения слова: ‘род столовой, где подаётся горячий чай, закуски’ [ТСЯ], ‘заведение, где можно поесть и выпить чаю’ [НСРЯ], ‘заведение, где посетители могут напиться чаю. Пойти в чайную’ [ТСРЯ]. Однако, на наш взгляд, в современном мире уже отсутствует обозначенная реалья; в сознании современного читателя возникает образ чайных, связанных с китайскими чайными церемониями; изменилась функциональная семантика слова, требуются дополнительные пометы и уточнение значения.

В художественном пространстве рассказа важной является прямая речь персонажей, раскрывающая внутренний мир героев, в связи с этим широкой употребительностью в исследуемом тексте отличаются разговорные, просторечные слова, которые используются в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи. Например, в рассказе для наименования мужчины по отношению к своему сыну используется уменьшительно-ласкательная форма имени существительного *папанька* в значении ‘отец’ [ТСЯ: 491]: *Он, видать, такой же шофёр, как и твой папанька* [Шолохов 1979: 10]. Рассматриваемое слово входит в синонимический ряд *отец, папа, папаша, папаня, папанька* и характеризуется как просторечное. Нежное, отцовское отношение Соколова к сыну подчёркивается в тексте с помощью просторечного обращения *сын* [ТСЯ: 785] с суффиксом уменьшительно-ласкательного значения *-ок-*: *Поздоровайся с дядей, сынок* [Шолохов 1979: 10]. Речь главного героя изобилует лексемами с суффиксами субъективной оценки, имеющими различные оттенки значений: *бабёнки, детишки, небушко, речушка, хатёнка* и др., посредством которых автор передаёт эмоциональный настрой, переживания, выражает своё бережное, трогательное отношение к описываемым реалиям, к своей земле и людям. Употребление этих и других языковых единиц (*браток, баранка* (в значении ‘рулевое колесо автомобиля’ [ТСЯ: 36], *помирать* и т.д.) в широком контексте, использование вводных слов с модальным значением

(например, *видать*, выражающего предположение), свидетельствует о преобладании разговорной стихии, характеризующей речь простого человека.

Отдельного рассмотрения требуют фразеологизмы, встречающиеся в тексте. Например, в повествовании Андрея Соколова о его трагической судьбе используется устойчивое сочетание *хлебнуть горюшка* в значении 'испытать много неприятного, тяжёлого', которое в толковых словарях современного русского литературного языка характеризуется как разговорное [ТСЯ: 863]: *Ну, и мне пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше* [Шолохов 1979: 14].

В процессе чтения текста особое внимание необходимо уделить афористической лексике, которая является богатым источником знаний о национально-психологическом укладе, нравственно-эстетических представлениях героев. Языковой афоризм понимается нами, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, как «фраза, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» [Верещагин, Костомаров 1983: 88]. Использование афористической лексики позволяет обобщить жизненный опыт персонажа, охарактеризовать события и выразить своё отношение к ним. Так, из широкого контекста становится понятным комментарий Андрея Соколова ситуации, в которой оказался автор после переправы, когда у него промокли папиросы: *Ну, брат, табак мочёный, что конь лечёный, никуда не годится* [Шолохов 1979: 14]. Осознанию значений отглагольных прилагательных *мочёный* и *лечёный*, характерных для разговорной речи, способствует анализ словообразовательных особенностей лексем и семантических связей внутри лексических гнезд. Обращение к семантике глаголов *мочить* и *лечить*, осмысление их семантико-грамматических характеристик, позволяет определить специфику употребления слов такого типа, имеющих значение 'подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия' (см. об этом [Русская грамматика 1980: 298]). Использование данных разговорно-

просторечных форм в художественном тексте служит средством стилизации, создания речевого портрета героя, в то время как в литературном языке является редким. Понимание смысла афоризмов является очень важным в процессе прочтения, так как данная лексика представляет собой источник лингвострановедческих сведений о стране изучаемого языка, истории и культуре нижеволжского региона.

Таким образом, анализ показал, что безэквивалентная лексика как неотъемлемая часть художественного пространства произведений М.А. Шолохова является носителем национально-культурной информации о русском народе. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что рассматриваемые языковые единицы, представляющие собой лексику из литературного языка и разговорные, просторечные слова, используются в произведении для характеристики ландшафта, описания природы, административно-территориальных единиц, служат для обозначения построек, одежды, характеристики действий персонажей, в составе фразеологизмов и афоризмов отражают систему ценностей материальной и духовной культуры русского человека в послевоенное время. Изучение языка рассказа даёт материал для реконструкции фрагментов языковой картины мира человека послевоенного времени, осмысления активных процессов, происходящих в современном языке, а также является базой для дальнейшего изучения переводов этого текста на другие иностранные языки.

Список литературы

1. АТСРЯ — Академический толковый словарь русского языка: Т. 1 / под ред. Л.П. Крысина. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 672 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. БСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. 608 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

5. Волкова И.В. От «голубых дунаев» до «Кока» на Броде // Историк и художник. 2007. № 1. С. 172—182. URL: <https://publications.hse.ru/articles/74336133>
6. ДС — Миртов А.В. Донской словарь: материал к изучению лексики донских казаков. Волгоград, 2006. 416 с.
7. НСРЯ — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 3 т. Т. 3. М.: Русский язык, 2005. 1168 с.
8. Ильин Д.Ю. Выступление на расширенном заседании Ученого совета Волгоградского государственного университета // Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации в Волгоградской области: мат-лы расширенного заседания Ученого совета Волгогр. гос. ун-та (28 июня 2002 г.). Волгоград, 2002.
9. Малеева Е.С., Шарфави Э. Особенности перевода диалектной лексики на словацкий язык (на материале рассказа «Нахалёнок» М.А. Шолохова) // Структура и семантика: докл. Междунар. науч. конф. «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 2—3 декабря 2016 г.): сб. ст. / сост. Н.А. Ковалева. М.: РосНОУ, 2017. С. 77—86.
10. ТСЯ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: АЗЪ, 1997. 799 с.
11. Рудыкина Е.С. Роль лексики с национально-культурным компонентом значения в процессе преподавания русского языка как иностранного // *Studia Rossica Poznaniensia*. Adam Mickiewicz University Press, Poznań, 2005. Vol. XXXII. P. 217—223.
12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
13. СРЯ — Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
14. Степанов А.В. Стиль Михаила Шолохова // Русский язык в школе. 2000. С. 68—74.
15. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. 1500 с.
16. Шолохов М.А. Судьба человека. М.: Советская Россия, 1979. С. 6—70.
17. Чайная. URL: <http://findfood.ru/termin/chajnaja>

**FEATURES OF THE FUNCTIONING
OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY
(based on the story “The Fate of a Man”
by M.A. Sholokhov)**

The article analyzes the functioning of non-equivalent vocabulary in the story “The Fate of a Man” by M.A. Sholokhov, selected as a material for research. The analysis showed that non-equivalent vocabulary as an integral part of the artistic space of M. A. Sholokhov’s works is a carrier of national and cultural information about the Russian people. Addressing the issues required descriptive, contextual-interpretive and classification methods. Research suggests that the linguistic units under consideration, which are the vocabulary of the literary and everyday language, colloquial words, are used in the work to characterize the landscape, describe nature and administrative-territorial units, designate buildings and clothing, offer characterization of characters’ actions, and reflect the system of values of the material and spiritual culture of the Russian person as part of phraseological units and aphorisms. Studying the language of the story provides material for reconstructing fragments of the language picture of the world, understanding active processes taking place in the modern language, and is also the basis for further study of translations of this text into other foreign languages.

Keywords: non-equivalent vocabulary, literary text, the language picture of the world.

«УМНЫЕ СЛОВА» В СПОРТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ОТАРА КУШАНАШВИЛИ

В фокусе данной статьи находится один из аспектов словоупотребления как проявления индивидуального стиля в публикациях на спортивную тему популярного медиадеятеля Отара Кушанашвили. На основании сплошной выборки из случайно отобранных 25 текстов, опубликованных с 2012 по 2020 год, были выбраны лексические единицы, отмеченные особым «интеллектуальным» коммуникативным статусом, основанным на затруднённости быстрого понимания их значения и, как следствие, значения фраз, в которых они встречаются, что замедляет и процесс чтения как таковой. Нацеленность журналиста на речевой эпатаж приводит к созданию им неоднородных и стилистически эклектичных текстов, призванных «зацепить» читателя не только рационально (парадоксальными логическими ходами) и эмоционально, но и лексически — на уровне отдельных слов, каковыми являются медицинские термины, понятия гуманитарных, естественных и точных наук, некоторые единицы устаревшей и книжной лексики. В отдельных случаях публицист позволяет себе заботу о читателе в виде пояснения значения слова или иронию в адрес различных персон и самого себя, однако во всех случаях эти проявления рефлексии носят игровой характер.

Ключевые слова: медиалингвистика, спортивная журналистика, языковая личность, эстетизация, риторичность, речевой эпатаж, фатическая речь, Отар Кушанашвили.

Фигура медиадеятеля как современного оратора и/или ратора, подробно рассмотренная И.В. Анненковой с опорой на национальную риторическую традицию [Анненкова 2011], удачным для исследователя медиаречи образом воплощается в

языковой личности Отара Кушанашвили — темпераментного медиадеятеля, сотрудника печатных и интернет-СМИ, теле- и радиоведущего, создавшего и на протяжении всей своей профессиональной деятельности успешно поддерживающего образ гиперболически самоуверенного галантно-грубоватого говоруна-жизнелюба с устойчивыми моральными принципами, в любой ситуации не лезущего за словом в карман и готового победить в словесном поединке любого оппонента. Слово у О. Кушанашвили нередко играет роль не столько инструмента коммуникации, сколько самоценной смысловой единицы, демонстративно выделяющейся из ткани текста и тем самым привлекающей внимание аудитории.

Е.О. Матвеева рассматривает медиатексты как источник неологизации современного русского языка [Матвеева 2016]. Медиатексты вполне могут быть и источником ситуативного возрождения устаревшей лексики или краткого выведения слов пассивного словарного запаса на передний план (вспышка актуализации). В этом отношении интересно исследовать речевую манеру журналистов, целенаправленно уснащающих свою речь книжной лексикой: помимо эстетизации речи, вызванной привлечением внимания читателя употреблением необычных слов, т.е. ещё одним проявлением фатического начала [Прокофьева 2016], это может быть и проявлением языкового щегольства, призванного эпатировать аудиторию, уязвлённую необходимостью пользоваться толковым словарём (хотя бы и через поисковую систему) для полноценного понимания того, что хотел сказать автор. Е.В. Генералова отмечает, что использование подобной лексики должно быть уместным, т.е. её наличие в тексте — признак высокой речевой культуры журналиста [Генералова 2020], поскольку употребление ради употребления и «красного словца» бесцельно, а неумеренное жонглирование словами и их неправильное употребление могут привести к коммуникативной неудаче.

Свой словарный запас Отар Кушанашвили оценивает в соответствующей стилистике: если сто лет назад «Гениальнейший

Поэт Будущего Василиск Гнедов» оповестил мир, что «ежеминутно владеет 80 000 000 001 квадратных слов», то наш современник «Отарик», «пламенный трибун», «глашатай», «антипублицист» и «журналюга со вкусом имбирного эля» (самоопределения) — это «парень, чей словарный запас составляет три миллиарда слов, который не укладывается в прокрустово ложе стандарта и на голову выше подавляющего большинства, пардон за каламбур, говорящих голов» [Кушанашвили 2017].

Публицистические тексты, на протяжении многих лет с разной частотой появляющиеся на сайте газеты «Советский спорт» в авторской колонке-блоге «Неистовый Отар», представляют собой экспрессивный комментарий Кушанашвили к спортивным и околоспортивным событиям вкупе с житейскими и околожитейскими размышлениями и пестрят лексикой различной стилистической маркированности: в одном предложении могут сосуществовать книжная, нейтральная, жаргонная и просторечная лексика (встречается и сниженная лексика, однако с проявлением самоцензуры).

Отмеченные в названии статьи «умные слова» мы условно определяем как лексемы, точное значение которых обычно неизвестно рядовому носителю русского языка (впрочем, они могут представлять затруднение и для нерядового носителя), в целом не выводятся из контекста, и которые при этом не относятся к числу «модных» лексем, значение которых приблизительно известно и понятно («на слуху») достаточно широкому кругу людей, поэтому мы не отнесём к «умным» такие обильно встречающиеся в текстах Кушанашвили слова, как *анафема*, *вальжесный*, *иррациональный*, *консенсус*, *ксенофобия*, *метафизический*, *пиетет*, *троглодит*, *экзистенциальный*, *юдоль* и мн. др. Употребление подобных слов позволяет не только в целом интеллектуализировать устную или письменную речь, но и, в духе кэрролловской Алисы, «блеснуть своими познаниями», намеренно вызвав широтой словарного запаса разнородную реакцию аудитории — от непонимания и негодования до восторга (судя по комментариям посетителей сайта).

К числу «умных слов» мы на основании сплошной выборки из случайно отобранных 25 текстов с 2012 по 2020 годы относим (субъективно) медицинские термины, понятия гуманитарных, естественных и точных наук, некоторые единицы устаревшей и книжной лексики: *абулия* ‘патологическое отсутствие воли’, *адинамия* ‘бессилие, упадок сил, мышечная слабость’, *антропоморфный*, *архитектоника*, *атаксия* ‘нарушение координации движений’, *атарактики* ‘успокоительные лекарства’, *блезир* ‘удовольствие’, *бретёр*, *бурлеск*, *буффонада*, *вья*, *гетерия* ‘союз знатных людей’, *гиль* ‘вздор, чушь, чепуха’, *доктринёр*, *зряшный*, *каталепсия* ‘нарушение моторных функций в виде сохранения приданного телу положения’, *кататоник* ‘избыточно возбуждённый/избыточно заторможенный человек’ и *кататонический*, *квадратура круга* ‘геометрическая задача с построением с помощью циркуля и линейки равновеликих круга и квадрата’, *контроверза* ‘разногласие, полемика’, *макабричность* ‘аллегорический сюжет с пляской смерти’ и *макабрический*, *манкировать* ‘пренебрегать’, *пандан* ‘почти шарообразный плод панданового дерева’, *пантеизм*, *потрафить* ‘угодить’, *резиньяция* ‘полная покорность судьбе’, *резистентность* ‘сопротивляемость, устойчивость’, *релегация* ‘изгнание, ссылка’, *рутинер* ‘шаблонный человек, консерватор’, *силлогизм*, *синекура* ‘должность, приносящая доход без усилий’, *стрекулист* ‘мелкий чиновник, ловкий проныра’, *сублимация*, *схоласт*, *фанфарон* ‘хвастун’, *флуктуация* ‘отклонение от среднего/обычного значения’, *френология*, *фрондёрство* ‘пустословное недовольство властью’, *фрустрация*, *экспоненциально* в значении ‘быстро’, *этерия* ‘тайное общество’ и др.

«Умность» приведённых слов связана с особенностями их восприятия аудиторией: прочитав про *короткий ряд топ-тренеров; представляете, там даже фамилии Клоппа и Анчеллотти звучали, португальского бретёра* (имеется в виду Жозе Моуриньо. — А.М.) и *Гвардиолы* (9.04.2018), значительная часть аудитории обратит внимание на необычное слово *бретёр* и, вероятно, обратится к словарям или спросит значение этого

слова у окружающих; меньшая часть читателей самостоятельно воскресит на основании исторической памяти слова дуэлянтов XIX века, особенно времени Пушкина и Лермонтова; кто-то, возможно, вспомнит одноимённую повесть И.С. Тургенева (1846) — однако при любом развитии экспликации лексического значения читатель недоумённо или с удовольствием от неожиданного словоупотребления «споткнётся» об это слово, «зацепится» за него и уделит время на его осмысление; при этом создастся иллюзия, что употребивший данное слово «антипублицист» не испытывал затруднений с его использованием.

Обыкновенно употребление подобной лексики ограничивается двумя-тремя случаями в тексте. Однако иногда происходит нагнетание таких слов: *Эта изоляция, этот карантин... для кого-то (их-то и кажет «отлив») — кататонический ступор после каталепсии <...> Вот увидите, большое количество спортсменов будут вести себя так, будто поражены атаксией, и им до зарезу нужны атарактики* (19.04.2020).

В значительной части обнаруженных нами примеров «умные слова» внешне являются органичной частью текста, при этом значение слов не поясняется, т.е. правильное понимание мысли целиком отдаётся на откуп читателю, не желающему чувствовать себя лексическим дилетантом или смиряющемуся с понятийным превосходством автора: *Вы хотели потрафить Петру Толстому, с которым я дружил, пока с ним не стряслась флуктуация ума* (31.01.2018); *Нормы нет, её подвергли релегации, осталась пустошь, воняющая серой* (03.05.2018); *Всё это, по Достоевскому, фальшивое, скверное, фанфаронское подражание добру* (28.03.2019).

В то же время встречаются и случаи отчётливо игровой заботы Отара Кушанашвили о своём читателе, признаками чего являются:

— подсказка значения слова: *На шею, нет, на **вые** у него огромное тату, нет, там даже не тату, а конфигурация с*

архитектоникой (10.02.2013); 75 процентов аборигенов, как будто начитавшись трудов по **френологии** (связь между формой черепа и моральными качествами), убеждены, что высокосоциальные их парни победят, не пропустив (07.06.2013); ...воплощение крови с молоком, широкоплечий бичуган, очень похожий на **кататоника** (человек дёрганный, возбуждённо-жизнерадостный, подверженный влияниям извне) (22.12.2013);

— подсказка постановки удара: *Вот увидите, большое количество спортсменов будут вести себя так, будто поражены **атакИей*** (19.04.2020).

Впрочем, подобное «умничание» может быть и ироничным. Ирония как проявление рефлексии о словоупотреблении направляется либо на других:

*Но для временного перемирия, консенсуса (слово **тоже им неведомое**) надо идти и кланяться* (27.08.2013); *Я ещё не читал аналитику от Ремчукова, надеюсь, прочту что-нибудь про теорию струн, про эффект бабочки — и хорошо бы, **для нуцего эффекта**, вернуть слово «экспоненциально»* (29.07.2013); *<Дмитрий Аленичев> не похож на Александра Панова, который **выучил** слово «априори», **чем меня несказанно обрадовал**, и теперь повторяет его в каждом интервью* (06.05.2014);

либо на самого себя (метатекст):

*Сцена, где Шалимов мне и иже со мной рекомендует пожевать говна, по степени макабричности могла бы украсить любой тарантинковский шедевр. И ведь не перескажешь как должно, **даже мой словарь бедноват*** (29.11.2012); *Я бы, разбирая ситуации, в которых они отличились, присовокупив к ним кокоринскую, употребил бы слова «сублимация» и «фрустрация», **но товарищи из редакции просят меня не умничать*** (23.05.2013).

Любопытен в этом контексте комментарий про отца: *Как говорил мой папа, самый образованный папа без образования: «Дело не в рационалистическом пантеизме, а в том, кому*

больше нужны хинкали». (Про «рационалистический пантеизм» папа мой, вспоминая которого, я дышать не могу, ничего не знал, его такие слова смешили, но согласитесь, философски он четко сформулировал) (03.05.2019).

В.И. Коньков разделяет речь (и конкретные слова как её часть) на актуальную, находящуюся в сфере утилитарного, и когнитивную, относящуюся к сфере знаний [Коньков 2015]. Граница между этими видами речи проницаема: один вид может переходить в другой, перемещаясь по оси времени и обнаруживая различную способность генерировать смыслы. Использование Отаром Кушанашвили «умных слов», нарочито непонятных значительной части аудитории, призвано не столько адресовать речь ценителям речевой эстетики, сколько эпатировать, показать интеллектуальное превосходство «антипублициста», бравирующего богатством словарного запаса (аналогична ситуация с использованием им прецедентности [Малышев 2017]), но, вольно или невольно, подобное словоупотребление оживляет лексику, освежает привычный словарный запас, смешивает утилитарное и когнитивное, порождая тексты, интересные своей речевой эклектичностью.

Список литературы

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 390 с.
2. Генералова Е.В. Лексика разных эпох в современном медиатексте и в словарях русского языка // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах массмедиа, этики и права. СПб., 2020. С. 47—51.
3. Коньков В.И. Слово живое и мёртвое (о двух коммуникативных типах речи) // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 37—43.
4. Кушанашвили О. Не один. М.: Аргументы недели, 2017. 624 с.
5. Малышев А.А. Прецедентное имя как основа ироничного сравнения в спортивной публицистике Отара Кушанашвили // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. СПб., 2017. С. 210—212.

6. Матвеева Е.О. Медиатекст как источник неологизации современного русского языка // Медиалингвистика. Вып. 5. 2016. С. 41—42.
7. Прокофьева Н.А. Фатическая речь как средство эстетизации журналистского текста // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа. СПб., 2016. С. 133—135.

© *A.A. Malyshev*

«BUZZWORD» IN SPORTS JOURNALISM BY OTAR KUSHANASHVILI

This article focuses on one of the aspects of word usage as a manifestation of individual style in publications on sports topics by the popular media personality Otar Kushanashvili. Based on a continuous sample of 25 randomly selected texts published from 2012 to 2020, lexical units were selected that were marked with a special “intellectual” communicative status, based on the difficulty of quickly understanding their meaning and, as a result, the meaning of phrases, so this slows down the reading process at all. The journalist’s focus on speech outrage leads to the creation of heterogeneous and stylistically eclectic texts designed to “hook” the reader not only rationally (by paradoxical logical moves) and emotionally, but also lexically — at the level of certain words, such as medical terms, concepts of the humanities, natural and exact sciences, some examples of outdated and bookish vocabulary. In some cases, the publicist allows himself to take care of the reader in the form of an explanation of the meaning of the word or irony addressed to various persons and himself, but these manifestations of reflection are playful in all cases.

Keywords: media linguistics, sports journalism, language personality, aestheticization, rhetoric, speech epatage, phatic speech, Otar Kushanashvili.

АКТИВИЗАЦИЯ СОЦИОФОЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию негативных наименований людей по социальному признаку. Для этой лексической группы предлагается термин социофолизм (от лат. *societas* — общество и греч. *φάυλος* — дурной, ничтожный). Социофолизмы следует отличать от этнофолизмов, экспрессивных *nomina agentis*, окказиональных или сленговых обозначений человека, если они не являются эмоционально или экспрессивно окрашенными. В ходе анализа образования и употребления данных номинаций делается вывод о том, что активизация подобных наименований свидетельствует о расслоении общества и неблагоприятной обстановке, при которой осуждаются, высмеиваются, презируются и отрицаются традиционные ценности (семья, дети, уважение к оппонентам). Социофолизмы, появляясь в жаргонах-социолектах, могут проникать в литературный язык посредством публицистического и интернет-дискурса, что приводит к коммуникативным рискам.

Ключевые слова: социолект, социофолизмы, неологизмы, интернет-дискурс.

Особые обозначения людей, объединенных по тому или иному социальному признаку, использовались в разное время не только как социальные определители, но и как показатели отношения к той или иной социальной группе. Например, «аристократ», «интеллигент вшивый», «стиляга», «новый русский», «бомж», «буржуй».

Целью нашего исследования является выделение и описание особой группы лексических единиц, для именованной которой пока не существует единообразного термина. Один из вариантов — «коллективное прозвище», понимаемое то расши-

ренно — «коллективные прозвища... — это обобщенные обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей и представителей отдельных профессий» [Вальтер, Мокиенко 2005: 58—59], то узко, локально — «коллективные прозвища, под которыми понимаются неоттопонимические характеризующие именованя жителей какого-либо населенного пункта или региона» [Воронцова 2002: 3].

На наш взгляд, есть смысл предложить новый термин — социофолизм (от лат. *societas* — общество и греч. φαῦλος — дурной, ничтожный) и понимать под ним слово или словосочетание, негативно обозначающее человека как представителя определенной социальной группы или саму группу.

Социофолизмы следует отличать от экспрессивных *nomina agentis* (*прихлебала*, *кровотийца*), хотя первые могут иметь форманты, традиционные для образования имен деятеля. В значении таких слов не представлены семы: ‘социальный признак’, ‘имеющий отношение к социуму’, ‘имеющий отношение к социальной группе’.

Не стоит считать социофолистами окказиональные или сленговые обозначения человека, если они не являются эмоционально или экспрессивно окрашенными. Например, *пролайфер* — ‘представитель общественного движения в защиту жизни, выступающий за запрет абортов, ЭКО и суррогатного материнства’, *сурмама* — ‘суррогатная мать, женщина, вынашивающая биологически чужого ей ребенка, который с ее согласия будет отдан на воспитание другим лицам (генетическим родителям)’.

И, наконец, к социофолизмам не следует относить экспрессивные наименования человека по национальному признаку — этнофолизмы (*азер*, *хач*, *бульбаи*).

Приведем примеры номинаций, которые можно квалифицировать как социофолизмы.

Понаехавшие (причастная форма глагола *понаехать*) — ‘не коренные жители крупных городов, приехавшие из деревень или других государств (в основном — бывших союзных республик) преимущественно на заработки, иногда учебу’. (1) *Теперь я «по-*

наехавший». *А понаехал я по приглашению на работу* (<https://www.drive2.ru/b/511033764210541133/>).

Заметим, что в (1) глагол употребляется окказионально в сочетании с личным местоимением вопреки своему дистрибутивному значению.

Понаехавшие пришли на смену активному когда-то слову *лимита* — ‘рабочие из провинций, которые получали временную прописку по лимиту, выделявшемуся предприятиям’. Уже исчезла такая форма привлечения рабочей силы в промышленность, а негативное отношение к таким людям осталось и нашло еще одно новое выражение — *гастарбайтеры* (нем. *Gast* — гость и *Arbeiter* — рабочий) — ‘приезжие рабочие из бывших республик Советского Союза, главным образом из Средней Азии, а также Украины и Молдовы’. (2) *Мне сестра рассказывала: едет как-то в метро, и там к девушке начал приставать парень славянской внешности. Так вот, все мужики вокруг постарались расступиться, кто-то вышел из вагона, кто просто в другой конец ушел. И за нее заступился только таджикский гастарбайтер!* (НКРЯ).

Таким образом, для некоренного столичного населения могут использоваться три социофоллизма: *лимита* (устаревшее), *понаехавший* и *гастарбайтер* с той или иной степенью семантической и стилистической дифференциации.

Другим примером наименования для группы людей являются *быдло*, *плебс*, *гопота* — синонимы тупости, ограниченности интересов и беспричинной агрессивности.

Быдло, как известно, заимствовано из польского языка, в котором имеет значение ‘крупный рогатый скот’. Оно уже получило лексикографическую фиксацию. «**БЫДЛО**, -а; ср. собир. [от польск. *bydło* — скот] *Презрит*. О людях, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжёлом, изнурительном труде на кого-л. / О людях из низших социальных слоёв. ● Первоначально слово употреблялось презрительно по отношению к крестьянской массе» [БТС 1998: 107]. Слово прочно закрепилось в системе русского языка, о чем свидетельствуют многочисленные производные: *быдлота*, *быдлить*, *быдлю-*

чий, быдляческий, быдлятский, быдлан, быдляк, быдломасса, быдлячество, совбыдло, быдлоган, быдлость.

Большой толковый словарь фиксирует также слово *плебс*. «ПЛЕБС, -а; м. собир. [лат. plebs] 1. =Плебейство (1 зн.); плебеи. 2. *Устар.* Выходцы из низших слоёв сословий; простолюдины. / Разг.-сниж. О беднейших слоях общества» [БТС 1998: 840]. Наиболее актуальным является его разговорно-сниженное значение — ‘бедные, простые люди’.

Гопота является собирательным обозначением бродяг, хулиганов, людей с низким социальным статусом, или *гопников*. В выступлениях оппозиционеров это слово стало использоваться в сочетании *ликующая гопота* для обозначения участников различных молодёжных массовых организаций, поддерживающих политический курс властей.

Ватник, вата (он же *ура-патриот*) — ‘негативно настроенный по отношению к Западу, любящий власть радикальный патриот’. Слово вошло в обиход в период обострения кризиса украино-российских отношений. Это обозначение активно употребляют украинские националисты и либеральная российская оппозиция. В словарях пока отражено только первое значение этого слова — ‘стеганая куртка или безрукавка на вате, используемая в качестве солдатской, рабочей и тюремной формы одежды’ — послужившее источником метонимического переноса. Противники ватников также имеют свои обозначения, одно из которых — *либерасты*.

Либерасты (междусловное наложение «либеральный» и «педераст») — ‘новые либералы, а также государственные деятели, с чьими именами в России связывают события 90-х годов XX века’. Используя по отношению к ним этот термин, иногда подчёркивают, что либераст — это разновидность либерала, действующая вопреки интересам своей страны. В современной России этот ругательный термин стал распространяться на всех сторонников западных ценностей, личных и гражданских свобод. (3) *Разрешите представиться, я — толераст. Или либераст — кому что привычнее. Так меня называют на форумах и в комментариях некоторые читатели. Отчасти они правы —*

я действительно считаю, что человек имеет право делать и говорить все, что ему захочется, если это не наносит вреда другим людям (НКРЯ).

В примере (3) находим еще один социофелизм — *толераст*, контаминированное образование от слов «толерантный» и «педераст». В интернет-сообществах толерастом называют человека, терпимо относящегося ко всему и всем и легко меняющего свое мнение. Иными словами, приспособленца.

Аналогично образовано *патриаст* («патриот» + «педераст») — «человек, у которого слова о патриотизме расходятся с делами». Перемена мест слагаемых в данном примере дает не менее негативное и неприемлемое *педриот* («педераст» + «патриот»).

В отличие от пейоративов типа *гад*, *тварь*, *мразь* и т.п., в значениях интересующих нас слов негативная оценка людей обусловлена их политическими взглядами.

Демшиза — окказиональное образование, построенное путем сложения усеченных основ («демократия» + «шизофрения» = демшиза) — «последовательные и догматичные сторонники либеральных преобразований». Обозначение создано с целью оскорбить, унижить адресата, представив его политические взгляды как психическую болезнь. *Демшизоид* — «человек, имеющий такие взгляды».

В политическом поле имеются также такие социофелизмы, как *креакл* (от «креативный класс») — обозначение либеральной интеллигенции, *грантоед* — уничижительное наименование представителей либеральной общественности, регулярно получающих гранты от западных фондов, *дерьмократы* («дерьмо» + «демократы») — презрительное обозначение демократов, *хомячок*, *хомячки* — «доверчивая и легко манипулируемая часть населения среднего социального слоя», *пропагандон* — «тот, кто занимается очевидной, низкопробной и лживой пропагандой чего-либо».

Частотную словообразовательную модель среди политических социофелизмов представляют образования на *-оид*. *Пути-*

ноид — ‘сторонник политики Президента В.В. Путина’, *наваль-ноид* (*навалоид*) — ‘сторонник оппозиционера А. Навального’, *либероид* — ‘представитель прозападного течения’.

Созданию пейоративных отонимических *nomina pertinentia* на *-оид*, по мнению Е.И. Коряковцевой, «сопутствует так называемая «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы — семантически нерегулярные дериваты со значением ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой’» [Коряковцева 2018: 42].

Приведенные примеры показывают особую напряженность в обществе, расколотом на «своих» и «чужих» по политическим взглядам. Таким образом, можно выделить политическое поле как одну из областей активного использования социофолизмов. Семантике политических социофолизмов свойственна негативная коннотация, которая может варьироваться от ироничной (*грантоед*, *хомячок*) до уничижительной (*демшизоид*), презрительной (*дерьмократ*) и бранной (*толераст*, *либераст*).

Неприятие власти выражается и в пренебрежительном обозначении партии власти и президента. *Едрисня* — уничижительное название партии «Единая Россия». *ВВП* — аббревиатура по первым буквам фамилии, имени и отчества президента. *Кремлежулик* — ‘высокопоставленный чиновник, занимающийся махинациями и мошенничеством за государственный счет’. (4) *Кремлежулики чувствуют, что даже несмотря на отсутствие свободных СМИ, на постоянное зомбирование, рейтинг их все равно неуклонно падает* (<https://athunder.livejournal.com/23075.html>). *Думак* — ‘депутат Государственной Думы’. Образовано по аналогии со словом «дурак», содержит негативно-ироничную оценку. *Кремлядь* — уничижительное обозначение политиков, деятелей искусства, чиновников, угождающих власти и получающих от этого доход.

Другое «поле ненависти» связано с группами людей, объединенными по гендерному, возрастному и профессиональному признакам.

Сначала о гендере. Так, в качестве пренебрежительных и оскорбительных наименований женщин можно выделить следующие: *курица*, *овуляшка*, *беременяшка* и др.

Курица — ‘представительница женского пола с невысоким уровнем интеллекта («куриными мозгами»)’. Называние женщин курицами распространено в жаргоне автомобилистов. Большинство женщин за рулем в глазах мужчин являются курицами, так как отличаются, по их мнению, непредсказуемостью и хаотичностью передвижений, подобно домашней птице. В современном употреблении это обозначение вышло за пределы указанного жаргона. (5) *То, что слово **курица** является синонимом слов тетка и женщина, всем известно и без меня. Среднестатистический мужчина — оладух, среднестатистическая женщина — курица* (oladuch1.livejournal.com).

Овуляшка (*овуляшечка*, *овуляха*, *овул*, *овуляшобаба*) — ‘женщина, у которой имеется навязчивая идея забеременеть и родить ребенка’. (6) *Основной смысл всего вышенаписанного сводится к тому, что **овуляшка** — это такая позерка от высокого материнского чувства. В сообществах бездетных его члены бросали ссылки на опрос и молили: «Голосуйте, иначе нам совсем не будет жизни от этих “овуляшек” и их приплода»* (НКРЯ).

Беременяшка (*беременяшечка*, *беременяха*) — ‘беременная женщина’. (7) *Автор, вы употребили жуткое для вуманских текстов слово «**беременяшки**». Тут у всех на него аллергия, и вас закидают тапками. Здесь вообще все умные, адекватные, с успешной карьерой и счастливой семьей, на которой они не закидывают тапками. В отличие от вас* (woman.ru).

Отметим, что экспрессивность этих наименований во многом зависит от контекста употребления, чего нельзя сказать о слове *яжемать*. Викисловарь дает такое определение: «*Яжемать* — презр. женщина, имеющая ребёнка и считающая, что этот факт ставит её выше остальных и даёт ей привилегии, при этом широту этих привилегий она определяет на своё собственное усмотрение; зачастую отличается невежливым и даже хамским поведением. *Всё было нормально, пока в вагон*

не вошла какая-то **яжемать** и не устроила скандал, требуя уступить ей место. В комменты набегали **яжематери** и превратили обсуждение в срач» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C>).

Примеры употребления этих слов показывают, что, несмотря на наличие уменьшительно-ласкательной формы, эти наименования женщин вызывают много отрицательных эмоций у людей, не относящихся к данной социальной группе. Презрение к женщине-матери, выраженное вербально, на просторах Интернета стало модной тенденцией. Общее падение культурных и нравственных ценностей на фоне экономической нестабильности основной массы населения можно считать одной из экстралингвистических причин сложившейся ситуации.

Пейоративные наименования встречаются и для обозначения мужчин: *оладух*, *омежка* и др.

Оладух — ‘вялый, апатичный, нерешительный мужчина’. (8) **Оладуха** характеризует желание красивой беззаботной жизни, хлеба и зрелищ, и яростное нежелание быстро напрягаться (<https://myslang.ru/slovo/oladuh>). Синонимом является жаргонное *омежка*. (9) *Лови мотивирующую историю, как омежка стал альфачом* (=) *Прочитай и взбодрись, ты совсем не безнадежен, и я уверен, что всё наладится!* (<https://myslang.ru/slovo/omezka>).

Альфач — ‘сексуально активный и уверенный в своей привлекательности мужчина’.

Дровосексуал — ‘мужчина-горожанин, придерживающийся, в противоположность метросексуалу (мужчине, тщательно следящему за своей внешностью), нарочито грубого стиля в одежде и причёске: толстые свитера, фланелевые рубашки, рабочие ботинки, борода’. (10) *Бородатых парней с накаченным телом стало настолько много, что им дали название — дровосексуал* (https://zen.yandex.ru/media/moyaboroda_cosmetics/kak-nazyvaiut-borodatyh-mujchin-lamberseksual-drovoseksual-hipster-5e5827d569807744879b8c13).

Паник — ‘богатый спонсор, влиятельный покровитель; немолодой состоятельный любовник молоденькой девушки, поддерживающий ее материально’. (11) *Так называемые паники*, как правило, не толстые и страшные мужики, а мужчины с приятной внешностью, ухоженные, уверенные в себе и успешные. Они прошли долгий и тяжелый путь, потому заслужили право выбирать себе женщину (<https://zen.yandex.ru/media/fancywoman/pariki--luchshie-mujchiny-na-svete-5e43f9e91a564a35be6ab5df>).

Примеры показывают, что большинство обозначений принадлежит общему жаргону и затрагивает преимущественно сексуальную сферу.

Собирательное уничижительное обозначение людей по профессии не является частотным, хотя выражение *офисный планктон* стало одним из популярных публицистических клише. Данный речевой оборот аллегорически характеризует работников офисов, сравнивая их с планктоном — группой мелких морских организмов. (12) «**Офисный планктон** (они же “офисное быдло”, “канцелярские крысы”, “овоци”) — это обширная категория неудачников, паразитирующая на рабочем месте и представляющая собой винтик в механизмах управления, учёта, бухгалтерии, финансов. Пролетариат постиндустриального мира, incapable, впрочем, даже на функции пролетариата индустриального. То редкое время, когда **офисный планктон** работает, именуется ИБД — имитация бурной деятельности», — констатирует Харченко (НКРЯ).

Социофолизмами, касающимися отдельных профессий, служат слова *менеджер* и *дизайнер*. Обычно они употребляются в шутовском, саркастическом, несколько уничижительном ключе, обозначая не слишком профпригодных специалистов — менеджеров и дизайнеров.

И, наконец, еще один социофолизм, мотивированный профессиональным признаком.

Православнутые (*православый* + *e*нутый*) — ‘фанатики и догматики православной религии, теряющие адекватность на этой почве; обычно имеющие поверхностные знания по вопро-

сам, связанным с религией'. (13) *Задолбали православнутые. Не путать с православными: они ищут Бога, а православнутые — дьявола. Если первые пытаются спастись сами, то последние начинают спасать окружающих, причём им по барабану, хотят этого «спасения» окружающие или нет* (<http://bolshoyforum.com/forum/index.php?topic=125571.0>). Подобные обозначения не только называют определенную социальную группу, но и формируют негативно-оценочную установку, отрицательный образ православной религии.

Неологические номинации людей по социальному признаку естественно фрагментарно и непоследовательно представлены в современных словарях, хотя в Сети можно обнаружить непрофессиональные электронные словари, оперативно регистрирующие подобные наименования. Например, MySlang.ru — Словарь современного языка и «Словонovo» (www.slovonovo.ru) — интернет-словарь новой лексики.

Безусловно, примеров экспрессивных номинаций по социальному признаку гораздо больше, но даже этот ограниченный материал позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Социофелизм не просто называет человека, а оценивает его. Социофелизмы реализуют не столько дифференцирующую, сколько характеризующую функцию.

2. Если “мишенями” социофелизмов выступают представители “чуждых” социальных групп, то активизация подобных наименований свидетельствует о расслоении общества и неблагоприятной обстановке, при которой осуждаются, высмеиваются, презируются и отрицаются традиционные ценности (семья, дети, уважение к оппонентам).

3. В качестве производящих основ для социофелизмов нередко используются обцензисмы, что лингвисты считают рискованным [Рацибурская 2018].

4. Социофелизмы, появляясь в жаргонах-социолектах, могут проникать в литературный язык посредством публицистического и интернет-дискурса.

5. Социальная ненависть — глобальная проблема, изучение которой является междисциплинарным. Социофолизмы позволяют выделить основные поля ненависти и вражды. Проанализированный материал может быть интересен не только лингвистам, но и социологам, политологам, журналистам. Дальнейшее изучение и каталогизация подобных номинаций может найти применение в лингвистической экспертизе текстов.

Список литературы

1. БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 58—59.
3. Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
4. Коряковцева Е.И. Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu PrzyrodniczoHumanistycznego w Siedlcach, 2018. 33—47.
5. Рацибурская Л.В. Демократизация языка и коммуникативные риски в медийной речи // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой: межвуз. сб. науч. тр., 2018. С. 239—243.

© *I.A. Merkulova*

ACTIVIZATION OF SOCIOPHOLISMS IN MODERN RUSSIAN SPEECH

The article is devoted to the description of negative names of people based on a social attribute. Sociopholism (from Latin *societas* — society and Greek *φάυλος* — bad, insignificant) is proposed as the term for this lexical group. Sociopholisms should be distinguished from ethnopholisms, expressive *nomina agentis*, occasional or slang names of a person, if they

are not emotionally or expressively colored. The analysis of the formation and use of these nominations shows that the activation of such names indicates the stratification of society and an unfavorable situation in which traditional values (family, children, respect for opponents) are condemned, ridiculed, despised and denied. Sociopholisms, appearing in sociolect can penetrate the literary language through journalistic and Internet discourse, which leads to communication risks.

Keywords: sociolect, sociopholisms, neologisms, Internet discourse.

ФЕМИНИТИВЫ С СУФФИКСОМ -К(А)

В статье рассматриваются существительные женского рода, которые обозначают лиц женского пола и образованы с помощью высокопродуктивного суффикса *-к(а)*. В качестве материала исследования используются словари новых слов 1971—2014 годов, Национальный корпус русского языка. С помощью структурно-семантического метода определяются мотивирующие слова, группы дериватов, объединенных общим значением. Делается вывод о том, что суффиксальное словообразование феминитивов носит динамический характер.

Ключевые слова: феминитив, словообразование, продуктивный суффикс.

Введение. Образование номинаций женщин (феминитивов) в последнее время стало одной из самых обсуждаемых проблем русского языка, при этом, как правило, предметом дискуссий выступают суффиксальные образования с одним и тем же формантом: *авторка, блогерка* и т.п., что делает актуальным анализ неодериватов с суффиксом *-к(а)*.

Целью исследования, результаты которого составляют содержание данной статьи, является структурно-семантический анализ неодериватов женского рода со значением лица, образованных с помощью суффикса *-к(а)*: определение словообразовательных моделей и характера мотивирующих слов, а также семантических особенностей феминитивов. Используется материал неографии, ежегодные [Новое в русской лексике 2004 и др.] и десятилетние [Новые слова и значения 1997 и др.] выпуски словарей новых слов, так как отнесение производного слова к неологизмам базируется на

лексикографическом критерии. Кроме того, привлекается материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

История вопроса. Активность данного суффикса отмечается в трудах Н.И. Греча, Г.П. Павского, В.В. Виноградова, Н.А. Янко-Триницкой, Е.А. Земской, И.С. Улуханова и других исследователей русского языка.

Н.И. Греч в «Пространной русской грамматике» пишет о том, что лица мужского и женского пола могут обозначаться одними и теми же наименованиями определенного рода (*дитя*), общего рода (*белый лебедь* и *белая лебедь*, *пьяница*, *разиня*); «чаще же всего женский пол означаетя переменою окончания в имени мужеского рода»; «женские имена, произведенные от мужеских, оканчиваются на *ка*, *ха*, *ца*, *нья* и *ша*» [Греч 1827: 144]. Как видно из данной цитаты, суффикс *-к(а)* возглавляет перечень суффиксальных формантов. Н.И. Греч приводит примеры феминитивов, произведенных от существительных мужского рода: *араб* — *арабка*, *сосед* — *соседка*, *солдат* — *солдатка*, *хлебосол* — *хлебосолка*. Важно примечание автора, содержащее функционально-семантическое разграничение существительных женского рода: «Должно еще заметить, что в языке отличается название чьей-либо жены от имени особы, которая сама отправляет должность <...> *лекарша*, *лекарка*, *акушерша*, *акушерка*» [Греч 1827: 146]. Замечания относительно разграничения суффиксов *-ш(а)* и *-к(а)* с примером *лекар-ка* — *лекар-ша* повторяет и Ф.И. Буслаев: «Имена должностей женск. пола, напр. *лекар-ка*, *дворн-иц-а* и друг. отличаются от женских имен, прозываемых по мужу: *лекар-ш-а*, *дворнич-их-а*» [Буслаев 1983: 124—125].

Г.П. Павский отмечает высокую продуктивность суффикса *-к(а)*: «Из всех производственных слогов ж. рода употребительнейший есть *ка*»; «иногда стоит только переменить знак мужеского рода *ъ* на женский знак *а*, и тотчас мужеское имя переделается на женское. Сравни *рабъ* и *раба*; *лгун* и *лгунья*; *супруг* и *супруга*; *кормилец* и *кормилица*. Но чаще пред *а* вставляется *к*. Мужеские имена *прачь* (не употр.), *лекарь*

в женском роде принимают вид: *прачка, лекарка*» [Павский 1850: 217; 251]. Ученый видит способность суффикса *-к(а)* образовывать не только существительные женского рода от коррелятов мужского рода, но и производные мужского и женского рода от общих мотивирующих основ: «Я сличаю женские имена с мужскими не в том предположении, будто женские имена необходимо происходят от мужских. Нет, те и другие сходны только в том, что имеют общий корень, а производственные слоги могут быть у каждого пола свои. Имя *Московка* происходит не от *Московец*, а оба имени и *Московка*, и *Московец* посредством своих слогов *ка* и *ец* произведены от общего корня *Москва*» [Павский 1850: 253].

В наиболее значительных трудах XX века, освещавших словообразовательные процессы в области обозначения человека, находят место дериваты с суффиксом *-к(а)*.

В.В. Виноградов не пишет о продуктивности данного суффикса (в отличие от «продуктивного» *-их(а)* или «очень продуктивного» *-ш(а)*), но обращает внимание на три его особенности: 1) употребление «соотносительно с суффиксом *-ец* (в словах с именной основой): *комсомолка, партийка, рязанка, немка*»; 2) способность присоединяться к основам «обозначений мужского пола» без суффиксов или с суффиксом *-ин*: *шведка, грузинка, крестьянка, монашка, киевлянка, цыганка, националка*, а также к основам на *-фил, -фоб, -ман*: *германофобка, славянофилка, наркоманка*; 3) то, что суффикс «живо ощущается в названиях женщин соотносительно с именами на *-енец*: *иждивенка, лишенка, беженка, выдвигенка*» [Виноградов 1986: 118]. И.Ф. Протченко на основе анализа словообразовательных процессов в категории названий лиц приходит к заключению о том, что *-к(а)* входит в число суффиксов, у которых «наблюдается усиление продуктивности», однако многозначность суффикса: *кулинар — кулинарка, кочегар — кочегарка* — препятствует использованию его «во всех случаях как обозначение признака “женской профессии”» [Протченко 1975: 273; 277]. Об этом же пишет Н.А. Янко-Триницкая, указывая, что суффиксу *-к(а)*

(авоська, институтка и др.) «можно приписать только самое общее категориальное именовое значение» [Янко-Триницкая 2001: 300—301]. В работах XX века ведутся дискуссии относительно того, можно ли считать кодеривацией образование существительных мужского и женского рода равной степени сложности (*Эстония — эстонец и эстонка*); Е.А. Земская считает такое объяснение нецелесообразным [Земская 2006: 253]. И.С. Улуханов разграничивает суффиксы на мутационные (*тараторить — тараторка*, м. и ж.) и модификационные, в частности «со значением женскости» *-ин(я)*, *-их(а)*, *-ш(а)*, *-есс(а)* и др. [Улуханов 1996: 176; 160], что ранее находит отражение в академической грамматике 1980 года, исключение процесса деривации феминитивов из мутационного словообразования приводит к тому, что дериваты женского рода изучаются отдельно от наименований лиц [Земская 2009].

Итак, мы видим, что в истории русистики образование существительных женского рода с суффиксом *-к(а)* понималось по-разному: ему отводилось важное место в исследованиях XIX века в работах ученых логического направления, основывавшихся на логико-грамматических принципах, когда существительные мужского и женского рода рассматривались как онтологически сосуществующие в представлениях о мире и в грамматических возможностях воплощения этих представлений. Выделение словообразования в самостоятельный раздел науки и создание структурной грамматики, разработка инвентаря словообразовательных единиц во второй половине XX века привели к противопоставлению словообразовательных процессов: с одной стороны, деривация агентов мужского рода продолжала пониматься как образование слова в рамках мутационного словообразования, с другой — деривация агентов женского рода, феминитивов, как «форма слова», или модификация слова. Таким образом, в русистике сформировались два подхода в понимании особенностей образования феминитивов. С одной стороны, исходя из результатов анализа конкретных языковых фактов, ученые выявляли мотивационные

отношения при образовании единиц женского рода от агентивов мужского рода, а также кодеривацию коррелятов мужского и женского рода от общих производящих (мотивирующих) слов; с другой стороны, ученые «подгоняли» языковые факты под постулат «существительные женского рода всегда образуются от существительных мужского рода». Второй подход в большей степени основывается на учете социально-исторических, диахронических процессов. Приоритет анализа конкретных языковых фактов представляется предпочтительным, результаты исследования данных неграфических словарей и материала НКРЯ заключаются в следующем.

Результаты исследования. Структурно-семантический анализ производных феминитивов второй половины XX — первых десятилетий XXI в. показывает положительную динамику словообразовательной активности исконного суффикса *-к(а)*. В сформированном корпусе из 485 суффиксальных феминитивов, зафиксированных в словарях новых слов (СНС), которые издавались с 1977 по 2014 год, доля дериватов с суффиксом *-к(а)* составляет около 40% (39,4%).

В составе 8 высокопродуктивных суффиксальных формантов, участвующих в образовании существительных со значением лица, *-к(а)* является единственной словообразовательной единицей, с помощью которой происходит деривация лексем женского рода, остальные семь используются для производства агентивов мужского рода: *-ец, -ик, -ист, -ник, -овец, -ор/-ер, -чик/-щик*. Исторически сложилось, что номинаций мужского рода, обозначающих человека, в русском языке больше, чем номинаций женского рода.

Как показало исследование, суффиксальный формант *-к(а)* в современном русском языке участвует в отыменном словообразовании, присоединяется к производным и непроизводным основам имен существительных и прилагательных.

Мотивирующими словами прежде всего выступают субстантивы: а) агентивы мужского рода, б) предметные имена, в) антропонимы, г) иноязычные слова.

а) Мотивирующие агентивы мужского рода могут быть немотивированными (*диджей*) и мотивированными с суффиксом *-ист*: *галерея — галерист — галеристка, пауэрлифтинг — пауэрлифтингист — пауэрлифтингистка, сабля — саблист — саблистка*, с суффиксом *-ор/-ер*: *бокс — боксёр — боксёрка* (разг.).

Облигаторность в образовании феминитивов от агентивов мужского рода в русском языке отсутствует, некоторые исследователи объясняют это стремлением к преодолению омонимии: *пилот — пилотка; грибник — грибница* [Кронгауз 2001: 287], или антиомонимичным отталкиванием, препятствующим появлению омонимов типа *матрос — матроска* [Улуханов 2005: 124]. Однако языковые факты свидетельствуют о том, что в языке имеются омонимичные и полисемичные агентивы мужского и женского рода. Н.А. Янко-Триницкая выдвигала в качестве наиболее серьезной причины асимметрии степень узуальной продуктивности [Янко-Триницкая 2001: 287].

б) В качестве мотивирующих слов используются существительные, называющие спортивный снаряд: *роллербод — роллербодка*.

в) Мотивирующими именами собственными, антропонимами, являются фамилии политических деятелей России, к основам которых непосредственно присоединяется суффикс с семантикой лица женского пола: Е.Т. *Гайдар — гайдарка* (разг. пренебр.), *Дудаев — дудаевка*.

г) С помощью данного суффикса грамматически оформляются феминитивы русского языка на основе иноязычных заимствований: англ. *nymphet — нимфетка* (ранее фр. *soubrette — субретка*).

Реже используются в качестве мотивирующих слов имена прилагательные: *эпизодическая роль — эпизодичка* (разг. проф.), *Саудовская Аравия — саудовка*.

В корпус исследуемых неодериватов не входят девербативы, глаголы в качестве мотивирующих слов в нашем материале отсутствуют, имеются производные от отглагольного имени

существительного (*подселение* — *подселенка*) и от субстантивата, образованного от причастия (*разведенная* — (разг.) *разведенка*).

Таким образом, можно выделить две словообразовательные модели, в соответствии с которыми происходит образование дериватов с суффиксом *-к(а)*.

Модель 1: N + *-к(а)*: *номинант* — *номинантка*, *перкуSSIONИСТ* — *перкуSSIONИСТКА*. Модель 2: Adj + *-к(а)*: *эпИЗОДИЧЕСКАЯ РОЛЬ* — *эпИЗОДИЧКА* (разг. проф.).

Морфонологические особенности, сопровождающие присоединение форманта к мотивирующей основе: а) чередования к//ч: *теневиК* — *теневиЧКА* (разг.), *цеховиК* — *цеховиЧКА* (жарг.); е//о: *плечеВАЯ* — *плечеВКА*; б) усечение финалей *-иј-*, *-еск-*, *-ск-* мотивирующих слов: *наЗНАЧЕНИЕ* — *наЗНАЧЕНКА* (разг.), *эпИЗОДИЧЕСКАЯ РОЛЬ* — *эпИЗОДИЧКА*, *романо-германСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ* — *романогерманКА* (разг.), *Жириновский* — *жириновКА*.

Феминитивы, извлеченные из неографических источников, составляют ряд нижеперечисленных семантических групп, в скобках приводятся мотивирующие лексемы.

1. Номинации по профессиональной деятельности: *тележурналиСТКА* (тележурналист), *прогноЗИСТКА* (разг.) (прогнозист), *романогерманКА* (разг.) (отделение романо-германский филологии), *эпИЗОДИЧКА* (разг. проф.) (эпизодическая роль), *проектанТКА* (проектант), *театрОВЕДКА* (разг.) (театровед), *керамиСТКА* (керамист), *козоводКА* (козовод), *галерИСТКА* (галерист), *гастролёрКА* (разг.) (гастролёр, артист), *планишетИСТКА* (планшетист), *визажИСТКА* (визажист), *диДЖейКА* и *диДЖейКА* (ди-джей, диджей), *гэбИСТКА* и *гэбИСТКА* (разг.-сниж.) (гэбист, гебист), *колумниСТКА* (колумнист), *наЗНАЧЕНКА* (разг.) (назначение на должность); по военной службе: *новобранКА* (новобранец в Японии).

2. Номинации по направлению в искусстве: *неСТИНАРКА* (нестинарство, искусство танца босиком на раскаленных углях), *перформансИСТКА* (перформансист); по принадлежности

к группе исполнителей или поклонников: *металлистка* (металлист, исполнитель и поклонник), *фанатка* (разг.) (фанат рок-группы), *алисоманка* (алисоман); по музыкальному инструменту: *перкуSSIONИСТКА* (перкуSSIONИСТ), *рубобИСТКА* (рубобИСТ), *мультиинструменталистка* (мультиинструменталист); по амплуа в группе: *бэк-вокалистка* (бэк-вокалист); по статусу, связанному с участием в конкурсе: *номинантка* (номинант).

3. Номинации по спортивному снаряду: *рапиристка* (рапирист), *роллербодка* (разг.) (роллербод, роликовая доска); по виду спорта: *триатлонистка* (триатлонист), *дзюдоистка* (дзюдоист), *атлетка* (спортсмен, занимающийся тяжелой атлетикой, атлет), *кетчистка* (кетчист от *кетч*, борьба, в которой разрешены все приемы), *биатлонистка* (биатлонист), *культуристка* (культурист), *боксёрка* (разг.) (боксёр), *кёрлингистка* и *керлингистка* (кёрлингист), *гольфистка* (гольфист), *могулистка* (могулист), *пауэрлифтингистка* (пауэрлифтингист), *полиятлонистка* (полиятлонист), *регбистка* (регбист), *рэндзистка* и *рэндзюистка* (рэндзист, рэндзюист), *сноубордистка* (сноубордист); по отношению к команде, обществу: *легионерка* (легионер, спортсмен).

4. Номинации по общественно-политической деятельности, приверженности взглядам, членству в партии: *антисталинистка* (антисталинист), *сталинистка* (сталинист), *гайдарки* (разг. пренебр.) (Е.Т. Гайдар), *демороска* (разг.) (деморосс), *дудаевка* (Дудаев, президент Чеченской Республики Ичкерия 1991—1996 гг.), *ельцинистка* (неодобр.) (ельцинист), *жириновка* (В.В. Жириновский, лидер ЛДПР), *нардепка* (разг.) (нардеп, участник съезда народных депутатов и народный депутат), *подписантка* (разг.) (подписант), по отношению к религии: *юсмалианка* (юсмалианство, религиозное учение), *кришнаитка* (кришнаит).

5. Номинации по отношению к стране: *саудовка* (Саудовская Аравия), *кампучийка* (Кампучия), *колумбийка* (Колумбия); к этносу: *пуштунка* (пуштун); к группе, коллективу: *круистка*

(круист ‘участник круиза’), *хунвэйбинка* (хунвэйбин), *членка* (разг. шутил-ирон.) (член организации), *новобранка* (разг. перен.) (новобранец, новичок в коллективе), в том числе в сфере образования: *курсистка* (разг.) (курсист), *лицеистка* (лицеист).

6. Номинации по свойствам, качествам, связанным с интеллектуальной деятельностью: *интеллектуалка* (разг.) (интеллектуал), *рифмоплетка* (разг. пренебр.) (рифмоплет); по месту проживания: *подселенка* (подселение в одной квартире к жившим здесь ранее); по хобби, предпочтениям: *книгочейка* (разг.) (книгочей), *нудистка* (нудист), *виртуалка* (разг.) (виртуал, активный пользователь Интернета, любитель проводить время в виртуальной реальности), *клипоманка* (клипоман), *контактерка* (разг.) (контактер); по семейному положению: *разведенка* (разг.) (разведенная); по чертам характера: *правдолюбка* (правдолюб), *пораженка* (разг.) (поражение, неудача в жизни), *пофигистка* (разг.) (пофигист), *садомазохистка* (садомазохист), *натуристка* (разг.) (натурист).

К данной группе можно отнести также номинации по негативно-оценочной характеристике: *олигофренка* (бранно) (олигофрен), *оккупантка* (бранно и ирон.) (оккупант, некоренной, русский по национальности житель бывшей республики СССР), *мутантка* (разг.) (мутант ‘человек с нетипичным поведением’), *маргиналка* (маргинал); по возрасту: *недоспелка* (разг.) (недоспелая, молодая), *нимфетка* (nymphet), *тинейджерка* (разг.) (тинейджер), *гарсонка* (разг. проф.) (гарсон, подросток); по отношению к сексуальной сфере: *бисексуалка* (бисексуал), *натуралка* (разг.) (натурал), *транссексуалка* (транссексуал); по заболеванию: *спидоноскa* (разг. пренебр.) (спидонос); по негативно оцениваемому действию: *стукачка* (прост. пренебр.) (стукач).

7. Номинации по отношению к нелегальной деятельности, криминальному бизнесу: *бизнесменка* (разг. ирон.) (бизнесмен от *бизнес* в значении ‘проституция’), *теневи́чка* (разг.) (теневик), *нелегалка* (разг.) ‘проститутка, работница’ (нелегал), *пиратка* (пират ‘изготовитель незаконной продукции’), *плечовка*

(жарг.) ('плечевая проститутка'), *цеховичка* (жарг.) (цеховик 'занимающийся выпуском неучтенных товаров').

Данные НКРЯ. Использование ряда новых существительных показывают данные Национального корпуса русского языка. В НКРЯ зафиксированы стилистически сниженные новые феминитивы *америкоска* (1 пример в основном корпусе 2003 года), *следачка* 'женщина-следователь' в профессиональной речи от агента мужского рода *следак* (по одному примеру в основном и газетном корпусах 2013 и 2009 годов), а также нейтральное обозначение спортсменки, занимающейся борьбой ушу, *ушуистка* (1 пример в основном корпусе 1998 года). В основном корпусе обнаружено 5 документов, 15 словоупотреблений 1904—2014 годов лексемы *волонтерка*, в газетном — 4 документа, 5 словоупотреблений за 2014 год. Феминитивы с суффиксом *-к(а)* встречаются в Интернете, где феминистским сообществом активно используются такие неогермативы, как *авторка*, *блогерка* и другие, активно обсуждающиеся новые лексические единицы. Разговорная речь в интернет-коммуникации пополнилась номинацией *трампистка*: президент США *Д. Трамп* — *трампист* — *трампистка*. Феминитив используется в языковой игре блогеров, можно привести пример частушки, опубликованной в декабре 2018 года в Живом журнале: *Меня милый не целует, Не садится близко, Я, кричит, за демократов, Ну а ты трампистка.*

Материал корпуса свидетельствует о конкуренции дериватов с различными морфами. От стилистически нейтрального агента *боксер* образуются разговорные феминитивы с *-к(а)* и *-ш(а)*: *боксерша* и *боксерка*. Более употребительна номинация *боксерша*: 1 документ, 1 словоупотребление 2003 года в основном корпусе и 11 документов, 13 словоупотреблений 2000—2010 годов в газетном, где фигурирует, с одной стороны, как узуальная номинация: *Лучшая боксерша в мире* — «Труду» (Труд-7, 2009.12.18). С другой стороны, феминитив с суффиксом *-ш(а)* вызывает отторжение у носителей языка: *Первый вопрос, который возник лично у меня: «А как называть этих спортсменок?»*

«Боксерка» — это обувь, «**боксерша**» как-то глупо звучит (хотя, к примеру, одна из наших звезд — двухкратная чемпионка мира Софья Очигава — не против такого именованя. Предлагаю так — женщина-боксер (Советский спорт, 2009.09.19). В газетном корпусе НКРЯ содержится 2 словоупотребления феминитива *боксерка*, второе в составе метаязыкового комментария: 1) *Влада Поливка (Усть-Абакан, Хакасия) 16-летняя боксерка, член сборной России, серебрянный призер первенства Европы-2011, золотая медалистка Всероссийских соревнований «Олимпийские Надежды»* (Комсомольская правда, 2012.04.20); 2) — *Вас обижает, когда вас называют боксершей? — Бывает, и боксеркой назовут, но тут важно, каким тоном это сказано. Бывает, что люди просто не знают... — А когда, на ваш взгляд, вы стали настоящим... боксером?* (Советский спорт, 2006.12.28). Говорить о безусловной победе одного из суффиксальных синонимов не представляется возможным.

В паре синонимов *бизнесменша* и *бизнесменка* в значении ‘женщина, занимающаяся бизнесом’ первая номинация отличается, по данным НКРЯ, большей частотностью; *бизнесменша* встречается в 6 документах 1994—2012 годов основного корпуса и в 23 документах (25 словоупотреблений) газетного 2000—2013 годов. Феминитив с *-к(а)* входит в 6 документов основного корпуса 2000—2004 гг. и 4 документа газетного 2002—2014 годов. Традиция именовать женщин по должности мужа с помощью феминитива на *-ш(а)* не сохраняется в настоящее время, и оба суффикса конкурируют в профессиональных номинациях.

Этноним *китаянка* в разговорной речи заменяется более краткой номинацией с морфом *-к(а)* *китайка* [Минеева 2019].

Выводы. Итак, проведенный анализ показал, что исконный суффикс *-к(а)* в языке второй половины XX — первых десятилетий XXI века, равно как и в предшествующие периоды развития русского языка, обладает самой высокой продуктивностью по сравнению с другими суффиксальными формантами, с помощью которых происходит образование феминитивов. В ходе исследования определены две словообразовательные модели:

отсубстантивная и отадъективная, по которым в современном русском языке образуются дериваты с суффиксом *-к(а)*, обозначающие лиц женского пола. Мотивирующими словами выступают нарицательные имена существительные: агентов мужского рода, существительные с предметным значением, иноязычные слова, а также имена собственные, антропонимы, представляющие собой фамилии отечественных и иностранных политических деятелей; меньшую активность в роли мотивирующих слов проявляют имена прилагательные. Исследуемые феминитивы разнообразны по семантике, обозначают женщин по участию в профессиональной, общественно-политической, спортивной деятельности, по отношению к государственным и общественным объединениям, по предпочтениям, внутренним свойствам и качествам.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 1. М.: В Университетской типографии, 1863. 36 с.
3. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. Т. 1. СПб.: Тип. Издателя, 1827. 579 с.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 328 с.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
6. Кронгауз М.А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 399 с.
7. Минеева З.И. Словообразовательное гнездо с вершиной *КИТАЙ* в современном русском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 942—952.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
9. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1990 / под ред. Т.Н. Буцевой. СПб.: Дм. Буланин, 2004. 674 с.
10. Новые слова и значения: словарь-справочник по мат-лам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 1997. 904 с.

11. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Об именах существительных. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1850. 335 с.
12. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М.: Наука, 1975. 324 с.
13. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Русские словари, 1996. 222 с.
14. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной структуре языка. М.: Азбуковник, 2005. 314 с.
15. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

© *Z.I. Mineeva*

FEMINITIVES WITH SUFFIX -K(A)

The feminitives formed with highly productive suffix *-k(a)* that are registered in New Word Dictionaries of 1971—2014, and Russian National Corpus are investigated. Using the structural-semantic method, motivating words and semantic groups of feminitives are determined. The conclusion is made that the suffix word-formation of feminitives is dynamic.

Keywords: feminitive, word formation, productive suffix.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

В период пандемии коронавирусной инфекции русский язык обогащается новыми лексемами, возникшими в результате деривационных процессов. Новые слова в дальнейшем строятся по живым словообразовательным моделям. Центральное место занимают неологизмы, образующие словообразовательные гнезда с вершиной *коронавирус*, *ковид*, *карантин*, *маска*, *Zoom*. Основную часть производных лексем составляют дериваты с исконными словообразовательными формантами. Новые номинации именуют, главным образом, реалии, непосредственно относящиеся к пандемии. Часто это стилистически окрашенные лексемы, которые передают настроения социума. Они имеют игровой, окказиональный характер, являющийся результатом каламбурного словообразования (с использованием, кроме прочего, блендинга, паронимии, омонимии, графических средств). Некоторые новообразования вступают в синонимические, антонимические и омонимические отношения с другими неолексемами, а также с уже существующими словами.

Ключевые слова: коронавирус, словообразование, блендинг, синонимия, антонимия, омонимия, паронимия.

В лексиконе русского языка в период пандемии коронавирусной инфекции появляются новые слова и выражения, описывающие современные реалии, дающие им оценку. Словарный запас в это время пополняется за счет:

- внешних заимствований — *думскроллинг* (англ. *domscrolling*), *коронойя* (англ. *coronanoia*), *нулевой пациент* (англ. *patient zero*), *коронация/коронирование* (англ. *coronation*) ‘поведение инфицированных COVID-19, которые умышленно избегают самоизоляции или скрывают факт заболевания’, *хамстерство* (нем. *Hamsterkäfe*; *Hamster* ‘хомяк’) ‘иррациональное поведение

людей, в панике скупающих в магазинах предметы первой необходимости в огромных количествах и складирующих их дома’;

- внутренних заимствований — *теповизор, санитайзер, удаленка, дистанционка, пневмония, пандемия, ИВЛ, сатурация*;

- неосемантизмов типа: *голомордые* ‘люди без маски’, *зумер* ‘тот, кто проводит много времени в видеоконференциях’ (первоначально ‘человек, относящийся к поколению Z’); *намордник* ‘маска’;

- трансформированных прецедентных текстов: *маска преткновения* (← *камень преткновения*), *человек человеку вирус* (← *человек человеку волк*), *Бог дал, вирус взял* (← *Бог дал, Бог взял*), *белеет вирус одинокий* (← *белеет парус одинокий*), *вирус кроется в деталях* (← *дьявол кроется в деталях*), *век вируса не видать* (← *век воли не видать*), *ничего личного, только вирус* (← *ничего личного, только бизнес*);

- новых выражений: *масочный (перчаточный) режим, коронованная особа, подцепить/подхватить “корону”, красная зона, режим повышенной готовности, вывозной рейс, бесконтактная доставка, балконное пение, прогулки по графику, мир «посткороны», режим судоизоляции* и пр.

Однако самым богатым поставщиком неологизмов являются лексемы, возникшие в результате словообразовательных процессов. При этом следует подчеркнуть, что новые дериваты строятся по живым словообразовательным моделям. Стоит также заметить, что у части этих производных слов ощущается их игровой, окказиональный характер, который является результатом каламбурного словообразования (с использованием, например, блендинга, парономазии, омонимии, графических средств).

С момента распространения эпидемии коронавируса за пределами Китая, в очень короткое время в русском языке появилась целая серия мотивированных лексем, сосредоточенных вокруг таких ключевых слов, как: *коро-*

навирус, ковид, карантин, маска, Зоот. Новые дериваты принадлежат к разным семантическим группам. Нередко это номинации со стилистической окраской, передающие эмоции, отрицательное или ироническое отношение номинаторов к окружающей действительности. В новой реальности некоторым представителям социума такие языковые средства помогают примириться с непривычной ситуацией.

Обзор новых слов (источниками являются онлайн-СМИ, теле- и радиопередачи, социальные сети) начнем с производных единиц, мотивированных двумя первыми ключевыми словами. Сперва сосредоточимся на самих названиях вируса, которые функционируют в разговорной речи. Следует при этом заметить, что эти наименования обозначают также саму инфекционную болезнь (метонимия). Кроме медицинских терминов, «в народе» вирус именуется следующими лексемами: *корона, коронка, к-вирус, ковидло, ковидла* (ср. «Глобальная «*ковидла*»), Крымская правда, 11.06.2020), *ковидянка, коронарка, ковидятник*. Заболевшие ковидной инфекцией тоже называются рядом новых слов типа: *ковидный, ковидница₁, ковидник₁, коронавирусуник, ковид-позитивный (положительный), ковид-отрицательный, ковид-больной, ковидоносец, коронник*. В разговорной речи выражения *ковидарный госпиталь* и *ковидная клиника* говорящие стали именовать *ковидарный, ковидник₂, ковидарий* (по образцу *абортарий*), *ковидарня, ковидница₂, ковидарник, ковидюшник, ковилятник, ковидальня, ковидариум, ковидориум, ковид-госпиталь, ковид-центр*. К деятельности медслужб и к самому заболеванию относятся такие композиты, как: *ковид-бригада, коронавирусолог, ковид-статус, коронаподозрение, корона-проверка, коронапроявления, короназаболевание, ковид-плюс, ковид-позитивность, ковид-пневмония, коронасмерть*. Часть новых сложений составляют *potina personae*, в структуре которых содержатся компоненты, передающие отношение этих лиц к пандемии: *коронадиссидент (корона-диссидент), ковид-диссидент (ковиддиссидент), коронаэнтузиаст, коронапофигист, ковирист, коронаскептик,*

ковидоскептик, коронафоб. Кроме того, в узусе создаются новые номинации, называющие разного рода реакции социума на пандемию и информацию о ней в СМИ, например: *коронабесие, коронабунт, коронановости, корона-слухи, коронафейк, коронапаника, коронапофигизм, коронапсихоз, коронафобия, коронахроники, корона-дневник, ковидиссидентство (ковид-диссидентство)*. Новые дериваты относятся и к другим сферам жизни, например к экономике: *коронакризис (корона-кризис), коронакризисный, корона-облигации, коронаспрос, коронавенчур, коронаминус, коронаплюс* — или к лингвистике: *короналексика, коронаречь, коронасленг, коронаслова, коронасловарь, короналексикон, ковидоглоссарий, коронатермины, ковидиомы*.

Как показывают приведенные примеры, в период пандемии в русском языке открылись возможности для создания ряда лексем с корнями *корона-* и *ковид-*. Словообразовательным потенциалом в настоящее время обладает и лексема *вирус*. В период эпидемии это видовое понятие функционирует как родовое (метонимия), синонимическое лексемам *коронавирус* и *ковид-19*. В таком значении его можно обнаружить (главным образом в Сети) в следующих игровых дериватах: *вирусобесие, ремонтовирус, шашлыковидирус, дивановирус, собяновидирус, путиновидирус, па-де-видирус* (← *па-де-де* + *видирус*), *макаронovidирус* ‘массовые закупки товаров’, *VIP-видирус* ‘о политиках, актерах, спортсменах и других знаменитостях, зараженных коронавирусом’, *видирус-мажорный* (← *видирус* + *форс-мажорный*), *вирусооборот*, ср.: *Всё, что происходит сейчас вокруг, — это вирусобесие* (Царьград ТВ, 20.03.2020); *Факт: россиянин на карантине поразил «рементовидирус»* (lb-ceramics.ru); *“московские шашлычники” разнесут по всей необъятной Руси свой “шашлыковидирус”...* (Livejournal, 01.04.2020); *У вас дивановидирус, поздравляю. Возникает при долгой самоизоляции* (dtf.ru, 20.04.2020); *Надеюсь наш губернатор не подхватит собяновидирус и покажет что у него свои мозги есть* (ozersk74.ru, 23.04.2020); *Путиновидирус — эпидемия наглости, коррупции и тотальной лжи!* (07tv.ru, 23.03.2020); *Па-де-видирус*.

Татьяна Кузнецова о танцевальной жизни эпохи карантина (Ъ, 11.08.2020); В Тверской области появился „макаронавирус” (Тверские Вѣдомости, 19.03.2020); **Вирус-мажорные обстоятельства** (Ъ, 10.03.2020); **Вирусоборот с Италией растет** (Ъ, 07.03.2020).

Кроме субстантивных дериватов, мотивированных названиями вируса, образуются также адъективные единицы, глаголы и наречия, ср.: *коронавирусный, коронный II, анти-коронавирусный, докоронавирусный, предвирусный, доковидный, посткоронавирусный, противокковидный, постковидный, докоронный, заковидиться, отковидиться, короноваться II, закороноваться, коронавирисуть, ковидно (Ковидно, не сезон. Гостиницы и санатории откладывают возобновление работы,* Ъ, 26.06.2020).

Активная творческая деятельность людей в придумывании новых лексем часто приобретает игровой характер. Большинство таких неолексем является результатом блендинга, ср.: полисемичное *коронавты₁* (← *коронавирус + космонавты*) ‘люди, которые ходят в полном облачении’ и *коронавты₂* / *ковидонавты* ‘врачи и пациенты зараженных больниц’, *коронаоке* (← *коронавирус + караоке*), *коронасутра* (← *коронавирус + камасутра*), *короноик* (← *коронавирус + параноик*), *ковидарность* (← *ковид + солидарность*) ‘волонтерство в эпоху пандемии’, *ковидео* (← *ковид + видео*), *ковимерсант* (← *ковид + коммерсант*) ‘человек, построивший бизнес на пандемии’.

К кругу внутренних заимствований (наряду с терминологическими номенклатурами *коронавирус* и *ковид-19*, заимствованными, в свою очередь, из английского) принадлежит лексема *карантин*. Ею мотивируется ряд лексем различной семантики, например: *карантец, карантинщик, карантиголик* (по образцу *трудоголик*) ‘тот, кто работает во время карантина’, *карантинка, карантье* (по аналогии с *рантье*; синонимическое шутовому *псинопрокат*), *карантиниада, карантин-шейминг, карантин-каникулы, карант* (← *карантин + гарант*; **Карант**

Конституции. Владимир Путин перенес голосование по поправкам, (Ъ, 26.03.2020)), карантино (← карантин + кино), карантинить, скарантинить (скарантинить время), накарантиниться, докарантинный (докарантинная эпоха), покарантинный (покарантинный груз), посткарантинный (посткарантинный период, мир, синдром).

Кроме того, образуется ряд каламбурных сложений (слов-блендов), которые называют разные факты из жизни граждан во время карантина, например: *карантикулы (← карантин + каникулы), карантинки₁ (← карантин + валентинки) ‘письма, которые пишут друг другу разлученные влюбленные во время карантина’, карантинки₂ (← карантин + картинки) ‘пересылаемые друг другу картинки о карантине’, карантиндер ‘знакомства в Интернете с помощью портала Tinder’, карантини (← карантин + мартини) ‘любой алкогольный напиток на столе участника Zoom-вечеринки’ (ср. шутливое *трамптини*), карантиновидение (← карантин + евровидение), карантинник (← карантин + квартирник).*

В период первой волны пандемии появляются и слова-однодневки, мотивированные лексемой *маска*: *маскобесие, маскоистерия, маскозакидательский, медмаски-шоу, масочник, антимасочник, противомасочник, маскорад (← маска + маскарад).*

В связи с режимом самоизоляции почти все формы жизни российских граждан перенесли из реального мира в виртуальный. Большие группы населения стали пользоваться приложением *Zoom/зум*, что также нашло отражение в следующих дериватах: *зумиться/зумбриться/зумбариться* ‘любой способ виртуальной коммуникации’; первично ‘общаться в Zoom, онлайн работать, преподавать или учиться через сервис Zoom’, *позумиться (Елизавета II впервые в жизни «позумилась» (dp73.spb.ru, 11.06.2020)),* омонимы *изумляться II, обезуметь II* ‘провести слишком много времени в приложении Zoom’ (ср. *изумляться I* ‘удивляться’, *обезуметь I* ‘стать безумным’) и *безZoomие II* ‘отсутствие у кого-либо

программы Zoom' (ср. *безумие I* 'сумасшествие'), *иЗоотление*, *оЗоотление*, *зумификация* 'переход в программу Zoom на работе, университете', *зуминар* 'вебинар, проводимый при помощи приложения Zoom', *зумбомбинг* (по образцу *фотобомбинг*) 'о розыгрыше, устраиваемом хулиганами в прямом эфире, если отсутствует защита паролем', *зумби* 'тот, кто долго сидит в Zoom'. Виртуальный образ жизни россиян в период самоизоляции нашел свое воплощение и в других сложениях с компонентом *Зоот-* и *онлайн-*, ср.: *зоот-ужин*, *зоот-завтрак*, *зоот-вечеринка*, *зоот-мероприятия*, *зоот-трансляции*, *зоот-конференция*, *онлайн-культура*, *онлайн-кинотеатр*, *онлайн-фестиваль*, *онлайн-голосование*, *онлайн-консультации*, *онлайн-занятия*, *онлайн-урок*, *онлайн-аудитория*, *онлайн-просмотр*, *онлайн-жизнь*.

Языковой креатив говорящих проявляется в образовании ряда других дериватов, например названий лиц: *погулянцы* 'те, кто выступает за мягкий карантин', *шашлычники* 'те, кто вместо сидения дома на карантине, тусуются, ходят на шашлыки', *гречники* 'люди, которые скупают гречку', *бессимптомные*, *контактные* 'люди, контактировавшие с больным', *подозрительные* 'люди с подозрением на коронавирусную инфекцию', *застрянцы* 'те, кто остался за пределами своей страны в связи с отменой авиасообщения', *сидидомцы* 'выступающие за жесткий карантин', *самоизолировавшиеся*, *антиперчаточник*, *удаленицик*. Опосредствованно с пандемией связаны и другие мотивированные лексемы, типа: шутивное *пиандемия* (← *пианство* + *пандемия*), *карантинные* 'наличные для пенсионеров, которые не болеют коронавирусом и соблюдают карантин' и *путинские* 'о выплатах врачам в связи с ковид-19' (по образцу универбизмов *командировочные*, *деревянные*, *суточные*), *постпандемический*, *прокрастибейкинг* 'о способе поведения работающих женщин во время карантина, которые начинают что-то печь и откладывают дела на потом, прокрастинируют', *тревел-шейминг*, *инфодемия* 'рост потока информации об эпидемии, нередко ложной и преувеличенной', *расхламинго* (← *расхламление* + *фламинго*)

‘шутливое название уборки в квартире, во время которой хозяева выбрасывают ненужные вещи, весь накопившийся хлам’. Под влиянием неологизма *расхламинго* возникает дериват *захламинго* с антонимическим значением.

Новым словом, появившимся в период карантина, является дериват *наружса* ‘то, что за пределами дома’ (ср. «Масяня. Эпизод 142. Изоляция» — герои флеш-мультфильма во время карантина), который породил очередные производные: *наружный* ‘недоступный, запрещенный’, окказионализмы: *наружать*, *наружитель*, *наружение*.

За несколько месяцев пандемии в русском языке в результате словообразовательных процессов создано довольно много неологизмов, среди которых в количественном отношении ведущее место занимают сложения (*корона-вечеринка*, *корона-выпуск*, *корона-право*, *хароновирис* (← *Харон*)). Немалую группу составляют также аффиксальные существительные (*уханька*, *недокарантин*). Неолексемы дают характеристику пандемической действительности, в которой пришлось жить гражданам России. Языковой креатив населения, особенно в период карантина и самоизоляции, проявляется в обилии названий самого вируса и коронавирусной инфекции, наименований заболевших лиц, мест, связанных с лечением заболевших, а также номинациями новых реалий, в которых пришлось жить горожанам и сельчанам РФ. На первый план выдвигаются дериваты, мотивированные, главным образом, интернациональными терминами *коронавирус*, *ковид-19*, *карантин*, которые в период пандемии перешли в разряд внутренних заимствований. Немало слов возникает также на базе интернационализма — названия приложения *Zoom*. В основном новые лексемы мотивируются родственными словами. Иноязычные корни в структуре дериватов, кроме вышеуказанных — это редкость, ср. *прокрастибейкинг*, *тревел-шейминг*, *коронатиндер*, *коронавенчур*, *гречкохайп*. В аффиксальных дериватах применяются исконные форманты (интернациональные суффиксы *-ист*, *-изм*, *-ацй(а)*) встречаются

в единичных производных лексемах). Среди наименований лиц находятся только два примера гибридов с иноязычным суффиксоидом *-голик*: *карантиголик* и *ковидоголик*. Таким образом, в русском языке среди неологизмов, появившихся в период пандемии, сохраняется баланс между заимствованиями (в том числе и интернационализмами) и дериватами, в структуре которых обнаруживаются исконные компоненты. Даже поверхностный обзор новой лексики показывает преобладание внутренних ресурсов русского языка над иноязычными, которые участвуют в деривационных процессах.

Следует заметить, что в период пандемии создаются целые серии синонимичных слов, например: *постковидный* — *посткоронный*, *коронадиссидент* — *ковид-диссидент* — *коронаскептик* — *коронапофигист* — *ковигист* — *ковидоскептик* — *ковидиот* — *шашлычник* — *погулянец*, *карантиниада* — *ковидиада*, *ковидник₁* — *ковидарий* ‘больница’, *ковидник₂* — *ковидный* ‘больной Covid-19’, *коронавты₂* — *ковидонавты* ‘все обитатели зараженных больниц’ и т.д. Кроме синонимии, между неолексемами возникают антонимические отношения, ср. *ковид-диссиденты* ↔ *ковидэнтузиасты*, *масочники* ↔ *антимасочники*, *коронавты₁* ↔ *голомордые*, *расхламинго* ↔ *захламинго*, *коронаверующий* ↔ *коронадиссидент*. В результате параллельного словообразования и применения полисемичных суффиксов *-ник* и *-иц(a)* образуются многозначные лексемы со значением ‘лицо’ и ‘место’ (ср. *ковидник₁₋₂*, *ковидница₁₋₂*).

Большинство новой лексики является стилистически окрашенной. Она нередко передает негативные эмоции, имеет юмористический характер (особенно слова-бленды). В результате каламбурного словообразования возникают единицы, омонимичные по отношению к уже существующим, ср. глагольные диады: *короноваться I* ‘подвергаться коронации’ и новое *короноваться II* ‘подхватить вирус, заразиться’; *обезуметь I* ‘стать безумным’ и новое *обезуметь II* ‘провести слишком много времени в приложении Zoom’, *изумляться I*

‘удивляться’ и новое *изумляться II* ← *Zoot*. При создании некоторых окказиональных дериватов намеренно используется паронимазия, например: *зумби* и *зомби*, *зумификация* и *мумификация*. Игровой характер приобретают также заголовки периодических изданий, в которых ключевые слова обыгрываются с помощью словообразовательных и графических средств, паронимазии, ср.: **Коронавирус и Коронабелорус** (Ъ, 15.04.2020); **Новый вирус короновиали в Кремле** (Ъ, 30.01.2020); **Банковские карантии** (← *карантин* + *гарантии*; Ъ, 24.04.2020); **НеблаCOVIDный бизнес. Кто в регионах наживается на пандемии коронавируса** (АиФ, 27.05.2020); **УдАлёнушка** (← *удаленка* + *Аленушка*; АиФ, 25.03.2020); **Вирусь, куда ж несешься ты** (← «Русь, куда ж несешься ты» + *вирус*; Ъ, 01.02.2020); **КоронОРВИрус** (Ъ, 17.04.2020); **Коронавирусная инфейкция** (← *инфекция* + *фейк*; Ъ, 05.03.2020) и пр.

Можно предполагать, что с течением времени в активном запасе сохранится незначительное количество приведенных выше неодериватов, что, в свою очередь, является вполне естественным процессом формирования лексического корпуса любого языка.

Список литературы

1. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186—193.
2. Хрущева О.А. Блендинг в системе словообразования // Вестник ОГУ. 2009. № 11 (105). С. 95—101.
3. Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: мат-лы II междунар. науч. конф., Белгород, 20—21 апр. 2016 г. Белгород: ИД Белгород, 2016. С. 290—294.
4. Vesler I. Russian-English Glossary of COVID-Related Neologisms and Jargon. Слова и словосочетания // SlavFile, Summer-Fall 2020 Vol. 29, No. 3, p. 10—15. URL: <http://www.ata-divisions.org/SLD/wp-content/uploads/2020/09/SlavFile-2020-3-Summer-Fall.pdf>

WORD-FORMATION IN RUSSIAN IN TIMES OF THE CORONAVIRUS

During the coronavirus pandemic, the Russian language is enriched with new lexemes that have emerged as a result of derivational processes. New words are then constructed using live word-formation models. The central place is occupied by neologisms that form word-forming nests with the top *coronavirus*, *covid*, *quarantine*, *mask*, *Zoom*. The main part of derived lexemes consists of derivatives with native roots and word-building formants. The new nominations are mainly made for the realities directly related to the pandemic. Often these are lexemes with stylistic coloring that convey the emotions of society. They have a playful, occasional character, which is the result of punning word formation (using, among other things, blending, paronomasia, homonymy, and graphic tools). Some new formations enter into synonymous, antonymic, and omnonymic relationships with other neolexemes, as well as with existing words.

Keywords: coronavirus, word-formation, blending, synonymy, antonymy, homonymy, paronomasia.

© *Михайлова Ирина Дмитриевна*
Московский городской
педагогический университет

РАДИКСОИДЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОДУКТИВНОЕ И НЕПРОДУКТИВНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

На современном этапе развития русского языка наблюдается актуализация процессов переразложения, опрощения и декорреляции морфемной структуры слова, вызвавших неоднозначность определения статуса ряда корней и их границ. Сопоставление и анализ слов, имеющих формальную близость и семантическую общность корня, позволяют по-новому характеризовать корневые элементы большой группы членимых слов и выделять их иные позиции и отношения в системе морфем русского языка. В данной работе выводы сделаны на основе описания связанных корней, численность которых значительно увеличилась в последнее время за счет иноязычных элементов, их поведения в процессе словообразования, тиражирования отдельных словообразовательных моделей в систему русской деривации, с чем связаны названные выше процессы. Противонаправленные тенденции функционирования и позиционирования связанных корней русского языка обусловлены их происхождением — маркером «национальное — исконно русское/интернациональное/заимствованное» с фиксацией включения в продуктивные модели именно последних.

Ключевые слова: связанный корень, радикалоид, опрощение, декорреляция, продуктивность, словообразовательная модель, деривация, исконно русский, интернациональный.

Осенью 2020 года начался процесс ребрендинга ПАО «Сбербанк». Не только рядовые носители русского языка сразу отреагировали на появление «осколочного слова» — усечения *Сбер*, но и лингвисты стали наблюдать за появлением целой серии дериватов, как-то: *СберКласс*, *СберЛизинг*, *СберРешения*, *Сбер*

Спасибо, СберСтрахование, СберМаркет, СберАвто, СберКлад, СберЗдоровье, СберФуд. Как интерпретировать подобные образования с лингвистической точки зрения, если председатель правления организации Герман Греф сразу объяснил смысл идеи, а следовательно, значение усечения *Сбер* — ‘целая экосистема сервисов’? Мы понимаем, что речь идет отнюдь не о новом деривате-усечении, а о принципиально новом слове, отделении его от исходно родственных слов за счет изменения семантики и сопряженного с этим фактом опрощения морфемной структуры слова, превращения сочетания префикса *с-* и корня *бер(ег/ж)*- в единую корневую морфему. Мы получили новое слово в результате осознанной деятельности людей, волевым решением изменивших морфемно-словообразовательную структуру слова. Анализируя историю образования названия банка, мы понимаем, что первоначально его деривационная траектория включалась в следующую словообразовательную цепочку: *беречь* → *сберечь* → *сберегать* → *сберегательный* → *Сбербанк* с наследованием основной семы значения ‘сохранять’.

Ультимативность создания нового корня оставляет у носителей русского языка ощущение его несамостоятельности или связанности, неспособности функционировать как отдельная полностью лексикализованная единица, что подтверждается одновременным появлением большой группы сложных слов, созданных аналитическим способом, больше свойственным иноязычным моделям словообразования. Все перечисленные выше дериваты образованы по одной модели — чистое сложение с графодеривацией, что можно рассматривать и как своеобразную разновидность универбации: производящей базой в мотивационном плане будет распространенное, осложненное или сложное предложение: *СберСпасибо* ← ‘спасибо от Сбер(банк)а как возможность использовать возвращенные денежные средства после совершения покупок по карте Сбер(банка)’. В значение каждого из вышеперечисленных слов заложена целая ситуация, т.е. присутствует наращение смысла, не заложенного корневыми элементами. Сама же часть *Сбер* начинает выполнять функ-

цию префиксоида-атрибута, т.е. выполнять интегрирующую функцию, как это свойственно суффиксам, появляющимся в универбатах вместо главного слова производящего словосочетания, в то время как второй корень выполняет дифференцирующую функцию. Делаем вывод, что корневое слово *Сбер*, еще не адаптировавшись к русской языковой системе, ведет себя как связанный корень иноязычного происхождения, несмотря на этимологически русскую историю. Процесс опрощения корня, а следовательно, декорреляции ряда производных, созданных на его базе, заставляет нас еще раз пересматривать типы, виды, разновидности корней русского языка.

Корни можно изучать с разных позиций, в разных аспектах, включая их в типологии и классификации, основанные на различных принципах [Михайлова 2014]. В настоящей статье оценивается возможность описания корней с позиции продуктивности и непродуктивности на современном этапе развития языка в комбинации с национальным и интернациональным компонентом. К исследованию привлекается конкретный тип корней — связанные корни и их ядро — радикалоиды.

Радикалоиды как корни особого типа в системе морфем современного русского языка занимают периферийную зону, так как, во-первых, их в количественном отношении значительно меньше, чем свободных корней. Это утверждение истинно, если мы ведем речь о ядерной группе радикалоидов — двусторонне связанных корнях с процессуальной семантикой, встречающихся лишь в производных словах в окружении префикса и суффикса.

Во-вторых, данные корни находятся в слабой позиции, а потому с трудом поддаются семантизации, которая осуществляется практически математическим образом — вычитанием из общего значения слова с радикалоидом значения узнаваемых аффиксальных морфем [Михайлова 2015]. При этом значения таких слов часто даются через синонимы с тем же корнем или с корнем того же типа. Например, и в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова, и в «Словаре русского

языка: в 4 т.» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) префиксальные образования от связанного корня ...*пряг/пряж...* (отточие с двух сторон маркирует связанность корня) поясняются через префиксальные образования с тем же корнем: «*Перепрячь*, -прягу, -пряжёшь, -прягут; прош. перепряг, -ла, -ло; прич. страд. прош. перепряжённый, -жён, -жена, -жено; сов., перех. (несов. перепрягать). *Запрячь* (ту же лошадь, вола и т.д.) снова, вторично в ту же или в другую повозку или запрячь, меняя (лошадей, волов и т.д.)» [МАС, т. 3, 1987: 90]. А.Н. Тихонов, который еще не учитывал разнотипность корней, а потому осуществил распределение слов по словообразовательным гнездам (СГ) на основе исходного слова, тем самым разведив значительную группу производных со связанными корнями, также акцентирует внимание читателей словаря на родственность конкретных глаголов, рядом с заголовочным, исходным словом СГ помещая другие префиксальные образования с данным корнем. Так, СГ В—411. *Впрячь*, ср. *выпрячь*, *запрячь* и др. (и далее словообразовательные парадигмы и цепочки, состоящие из слов *впрячь-ся* → *впряг-а-ться 1*, *впрячь-ся* → *впряж-к-а*, *впряг-а-ть* → *впрягать-ся 2*, *впряг-а-ть* → *впряга-ниж-е*); СГ В—467. *Выпрячь* ср. *впрячь*, *запрячь* и др. (и далее цепочки *выпрячь* → *выпрячь-ся* → *выпряг-а-ться 1*, *выпрячь* → *выпряг-а-ть* → *выпрягать-ся 2*, *выпрячь* → *выпряга-ниж-е*); СГ З—94. *Запрячь*, ср. *впрячь*, *выпрячь* (и далее *запрячь* → *запрячь-ся* → *запряг-а-ться 1*, *запрячь* → *запряг-а-ть* → *запрягать-ся 2*, *запрячь* → *запряг-а-ть* → *запряга-ниж-е*, *запрячь* → *запряж-к-а*, *запрячь* → *запряж-н-ой*) [Тихонов 1985]. Этот список в отношении данного корня может быть продолжен. Для выхода из замкнутого круга связанности в лексикографической презентации производных с радиками на этапе теоретического осмысления статуса таких единиц в современном русском языке необходимо расширять саму словарную дефиницию анализируемого слова с радиками, выделяя частные признаки и нюансы толкования. С одной стороны, это уход от собственно лингвистического толкования лексикографических изданий в сторону энциклопедизма.

С другой стороны, лишь такое промысливание происхождения номинации слова предоставляет возможность, подобно провокации мыследеятельности участников философского диалога Платона «Кратил», точнее описать значение радикасоида ядерной группы.

В-третьих, периферийность положения радикасоидов маркирована «ущербностью» созданных на их базе словообразовательных парадигм и словообразовательных цепочек, что обусловлено осколочностью исходного элемента, сферичностью и ансамблевостью их связей в такой комплексной единице, как словообразовательное гнездо [Михайлова 2016].

В-четвертых, отмеченность данных корней как особой группы акцентирована их неоднозначным толкованием в лексикографических источниках, в учебниках и учебных пособиях. Причем последнее касается не только базового для всех дериватологов «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (1985 г.), но и тонко проработанных учебных лексикографических изданий для школьников. Например, в «Школьном морфемном словаре русского языка» Н.А. Николиной на с. 208 мы находим ряд слов, этимологически родственных: *подъём-ник*, *подъём-н-ый*, *по-заим-ствова-ть*, а на с. 86: *зая-ти-е*, *зая-т-ой*, *зая-ть-ся*, *зая-т-ость*. Данные производные объединены общим радикасоидом ...ня... ‘братъ/взять’, его слабая позиция в слове, а также позиция в периферийной зоне корней русского языка определила полиморфность данного корня, что в совокупности с морфонологическими явлениями, наблюдаемыми в структуре слов с радикасоидом ...ня..., выполняют компенсаторную функцию — ...ня...: -я-/-н-/-нят-/-им-/-ым-/-ин-/-ним-/-ем-/-емл-/-ём-/-йм-. Системность представления членимой и, следовательно, производной лексики предполагает несколько иное и морфемное членение вышеназванных слов: *подъ-ем-ник*, *подъ-ём-н-ый*, *по-за-им-ствова-ть*, *за-ня-ти-е*, *за-ня-т-ой*, *за-ня-ть-ся*, *за-ня-т-ость*. При этом на с. 248 радикасоиды четко выделены: *раз-у-ва-ть*, *раз-у-ва-ть-ся*, *раз-у-ть*, *раз-у-ть-ся* [Николина 2011].

Размышляли над морфемной и словообразовательной структурой производного слова и известные дериватологи, и молодые ученые. Так, еще в 1968 г. Н.М. Шанский на первых страницах своих глубоких «Очерков по русскому словообразованию» описывает структуру слова *переодевание* и, требуя всегда учитывать бинарность отношений («производное — производящее», «анализируемое — ближнеродное»), скрупулезно анализирует каждый словообразовательный шаг, добираясь и до изначально исходно родственного слова *деть* ‘класть, ставить’, и до его общеславянского предка *děti*, отмечая, что сейчас данный глагол не воспринимается как родственный префиксальным образованиям *одеть, надеть, раздеть* [Шанский 1968: 7], тем самым мы можем говорить о декорреляции. Первое диссертационное исследование, монологически посвященное СГ с вершиной-радикасоидом *...каз...* было защищено А.В. Ивановой в 1999 году [Иванова 1999]. В 2004 г. вышло первое лексикографическое издание, последовательно выдержавшее идею связанного корня как отдельного типа корней русского языка, требующего и определенных принципов описания, — словарь И.А. Ширшова [Ширшов 2004].

Радиксоиды ядерной группы семантически отражают русскую языковую картину мира, фиксируя и храня идею деятельности, так как ядерная группа радикасоидов обозначает различные действия. Отметим также, что многие из называемых радикасоидами действий связаны с давлением и властной иницированностью. Продуктивность использования подобных корней в собственно деривационных процессах на современном этапе развития русского языка нулевая, что говорит об их непродуктивности в строительстве новых слов, хотя эта характеристика больше соотносится с аффиксами. Слова с такими корнями точнее было бы назвать продуктивно-членимыми. Специфичность их структуры говорит и о пограничности отношений как к морфемике, так и к дериватологии. Подобные корни мы обязаны учитывать, так как на их базе создано большое количество однокоренных слов, сохраняющих семантическую общность

и формальную идентичность или морфную близость, что позволяет не разделять однокоренные слова (*обувь — разуваться, одежда — надевать — раздевалка, привычка — отвыкать, излагать — предложить, указать — сказка, разлука — отлучиться, вонзить — пронзить*). Занимая периферийное, но сферично-круговое положение, радикалоиды в массе созданных на их базе слов определяют своеобразную рамку, «подушку безопасности» большому массиву русской лексики. Это некая константа национального состава русских корней.

Говоря о связанных корневых единицах, мы отмечаем многообразие несвободных корней в современном русском языке, большая часть которых обусловлена интернационализацией русской лексики. Активно пополняемая за счет иноязычных корней, лексика русского языка обогащается за счет активно развивающейся на их базе производности. И если многие заимствованные корни, в значительной степени являющиеся не двусторонне, а односторонне связанными, за десятилетия так и не стали свободными (*деструкция — конструкция — структура*), то ряд корней активно лексикализуется, приобретая свойства свободных корней, не всегда соотносимых с характером данной части слова в языке-источнике.

Количество корней связанного типа в русском языке за последнее десятилетие резко увеличилось. И они формируют специфические группы. Итак, кратко опишем 7 групп связанных корней.

Первая (ядерная) группа — радикалоиды исконно русского происхождения с процессуальной семантикой: *...ник... (вникнуть, проникнуть, приникнуть, сникнуть); ...бав... (прибавить, убавить, добавка); ...верг/верж... (подвергнуть, низвергнуть, отвергнуть); ...вык... (привыкнуть, отвыкнуть, отвыкание, навык); ...луч... (отлучить, разлучить); ...стиг... (настигнуть, достигнуть, постигнуть)* и подобные. Наличие таких корней впервые отметил Г.П. Павский в работе «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841—1842). Терминологическое обозначение «связанные»

для них предложил Г.О. Винокур в статье «Заметки по русскому словообразованию» [Винокур 1956: 435]. В словах с радикасоидами первой группы основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы, а значение корня размыто, так как сам корень находится в слабой позиции. Так выявляется единство корня с общим значением ‘знакомое, устоявшееся, обычай’ в словах СГ со связанным корнем *...вык/выч...*, толкование которых в МАС осуществляется синонимичным способом, а в словаре А.Н. Тихонова отнесенных к разным СГ. Значение связанного корня *...верг/верж...* — ‘насильное движение’, *...лук/луч...* — ‘нежеланное расстояние, дистанция на некоторое время’, *...лаг/лож...* — ‘размещение на горизонтальной поверхности’ и т.д. Причиной связанности является выход из употребления непроизводного глагола со свободным корнем. Такие корни иллюстрируют наивысшую (сильную) степень связанности, что вызвало неоднозначное толкование морфемной и словообразовательной структуры слов с такими корнями в современной русистике. Подобные корни (в существовавших ранее глаголах) обладали огромным словообразовательным потенциалом и к сегодняшнему дню создали разветвленные, сильноразвернутые системы взаимосвязанных и взаимообусловленных производных слов, объединенных словообразовательными цепочками и парадигмами в единые СГ (например, СГ-ансамбль двусторонне связанного корня — радикасоида *...ня...* объединяет вокруг себя 26 самостоятельных гнезд из Словаря А.Н. Тихонова, позволяя 336 производным осознаваться родственными). Это естественно структурированные микросистемы языка, а потому они имеют право и описываться как единые комплексные единицы словообразования. СГ со связанными корнями первой группы в своем развитии имеют центробежное направление, постепенно теряя силу связи слов. Такие СГ в системе своего уровня занимают периферийные позиции. Мы же считаем их образованиями иного характера, которые условно можно назвать словообразовательным ансамблем со связанным

корнем в качестве доминанты-центра. Словообразовательный ансамбль — совокупность СГ, имеющих в своем составе общие сложные слова, аббревиатуры или связанные корни. Гомогенность парадигмы первой ступени деривации позволяет такую парадигму представить в виде круга первого уровня — ближнего радиуса к связанному корню, от каждой точки которого отходят производные следующих ступеней деривации, часто формируя однотипные словообразовательные цепочки. Создав большую группу дериватов и удерживая их единство на современном этапе развития языка, радикалоиды не являются равными ни одной производящей базе, а значит, не относятся к строительному материалу продуктивных деривационных систем.

Ко второму типу связанных корней мы относим правосторонне связанные корни на согласный с незначительным словообразовательным потенциалом в прошлом, которые, как правило, формируют простые производные основы, но не могут употребляться без словообразовательных аффиксов: *агит...*, *инициатив...*, *истор...*, *озор...*. Большую часть этой группы составляют давно бытующие в русском языке иноязычные корни, которые полностью не адаптировались к русской языковой системе, что отмечено отсутствием единицы исходной непроемной, равной основе (*агитировать*, *агитка*, *агитация*, *агитатор*, *агитбригада* и подобные, где часть *агит...*, являющаяся корнем простых слов, не употребляется без суффикса). Это, например, СГ со связанным корнем *агит...* (отточие с правой стороны говорит о невозможности употребления корня без прикрытия с одной стороны).

Третью группу составляют односторонне связанные корни — аффиксоиды — части сложных слов, которые сохраняют статус корня, но частотность употребления сделала их семантику более абстрактной, приближающейся по степени обобщенности к префиксам или суффиксам, вследствие чего постепенно смывается исходная семантика: *полу...*, *само...*, *...вед*, *...вод*. Потеря связи с основным корневым словом,

выделение из исконно русских гнезд, их сформировавших, как следствие изменения значения, позволяет их рассматривать как самостоятельные, но связанные корневые морфемы. На их базе создано огромное количество производных, которые можно представить как словообразовательный ансамбль с доминантой-ядром — аффиксоидом. Н.А. Козулина в «Словаре аффиксоидов» к таковым относит и четвертую группу связанных корней из описываемых нами ниже [Козулина 2009].

Четвертую группу, значимую не столько для словообразования, сколько для морфемики, составляют не развивающиеся ныне небольшие объединения родственных слов, корни которых гиперсвязаны: это квазикорни — ложные корневые морфемы некогда сложных слов с неясной семантикой, утратившие связь с исторически производящей основой и поэтому обладающие скрытой внутренней формой (*лоп...* (*лопоухий*), *кур...* (*курсоный*), *вяз...* (*долговязый*), *колч...* (*колченогий*) и подобные), — и радикасоиды в узком смысле этого слова, выделяемые в словах *буженина*, *говядина*. Это уникальные корни (их еще называют *унирадикасоидами*), оставшиеся после вычета значения узнаваемого суффикса. По классификации И.А. Ширшова [Ширшов 1998], слова, включающие унирадикасоиды, характеризуются четвертой степенью членимости основ — недостаточной, но поддержанной полной свободной членимостью других основ. Выделенные нами первые три группы связанных корней характеризуют слова, соотносимые со второй — полной связанной членимостью, формируя членимую структуру слова, что определяет разные типы связанных корней. Связанным корнем или радикасоидом — уникальным корнем — в широком смысле слова мы называем корни членимых слов, радикасоидом в узком смысле слова — корни нечленимых слов типа *бужен...* и квазикорни, которые также нуждаются в своей характеристике и достойном представлении в словарях, как это было сделано с уникальными аффиксами [Рацибурская 1998].

Пятую группу начинают формировать полусвязанные корни с русской предысторией типа *Сбер*. Промежуточное положение между исконно русскими связанными элементами, количественно превосходящими производные СГ со свободными корнями, но статичными в плане актуального словопроизводства, с одной стороны, и иноязычными связанными (вследствие неполной адаптации к русской языковой системе) корнями, обладающими большой словообразовательной активностью как в поле образования простых слов разных частей речи, так и в поле образования сложных дериватов, сопровождаемого комбинацией способов и средств словопроизводства, с другой стороны, занимают полусвязанные корни пятой группы типа *Сбер*. Они изменяют вектор рассмотрения слов, подвергая переосмыслению морфемную структуру отдельных единиц и заставляя лингвистов говорить об опрощении, переразложении и декорреляции как тенденциях, сопутствующих современным словообразовательным процессам.

Шестую группу образуют левосторонне связанные корни иноязычного происхождения на согласный, формирующие простые или сложные основы типа ...*маркет* (*супермаркет, гипермаркет, минимаркет*), ...*крат(ия)* (*демократия, аристократия, окказ. мафиократия*). Такие корни и на современном этапе формируют новые производные, т.е. они являются знаками развивающихся СГ, которые имеют другое направление развития — центростремительное, т.е. движутся от периферии языковой системы к центру, о чем свидетельствуют активно развивающиеся терминосистемы (см. статью Е.Н. Тихоновой о связанном элементе ...*маркет* [Тихонова 2011: 454]): отточие с левой стороны указывает на невозможность употребления данного заимствованного корня без прикрытия с левой стороны. Новый заимствованный элемент может быть представлен в любой графике.

Такое же направление развития имеют и СГ-ансамбли с правосторонне связанными корнями на гласный [Суханова 2005], формирующие сложные основы, развивающие спонтанно-

ассоциативную словообразовательную активность и способные к лексикализации: *нано...*, *био...*, *гео...*, *авиа...*, *эко...*, *авто...* Это седьмая группа связанных корней.

Мы предлагаем все семь групп представленных выше связанных корней называть радикасоидами в широком смысле слова (в переводе с лат. *radix*- ‘корень’, греч. *-οιδ* ‘похожий, подобный’). Несвободность таких корней позволяет нам их связанность рассматривать как терминологический синоним похожести. Термин *радикасоид* как однословное наименование с интернациональной корневой морфемой удобнее, чем термин-словосочетание *связанный корень*.

Итак, радикасоиды как двусторонне или односторонне связанные корни, которые ни в одной форме ни одного из однокоренных слов не равны основе, — это не только рефлексия прошлого, истории русского литературного языка, но и явление сегодняшнего дня. Радикасоиды начинают появляться и как неадаптированные иноязычные корневые элементы, и как опрошенные исконно русские части слов, переосмысленные и декоррелированные, начинающие свою словообразовательную активность по линии более соотносимых с другими языками аналитических словообразовательных моделей с использованием графических средств, т.е. в комбинации чистого сложения и графодеривации, например. Характер таких корней может быть различным. Классифицировать радикасоиды можно по разным основаниям:

- 1) происхождение — исконно русский или заимствованный;
- 2) причина связанности — выход из употребления родственного исходного слова данного словообразовательного гнезда со свободным корнем или недостаточная адаптированность единицы к русской словообразовательной системе;
- 3) степень связанности корня — с обеих сторон или с одной;
- 4) фонетические характеристики корня, определяющие разные сочетаемостные возможности и способность лексикализироваться;
- 5) характер словообразовательного потенциала — развитие словообразовательной активности или остановка ее,

определяющая направление развития, а также количественные характеристики созданных ими комплексных единиц.

Констатируем, что иноязычные связанные корни и «подражающие» им исконно русские, но трансформированные корневые морфемы обладают серьезной словообразовательной активностью в современном русском языке. Значение их более определено, нежели значение радикасидов первых четырех групп, этим также объясняется их большой деривационный потенциал.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Наука. 1959. С. 419—438.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985—1988. Т. I. М.: Русский язык, 1985. 702, [3] с.
3. Иванова А.В. Гнездо с вершиной ...каз... как системно-структурное образование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 1999. 15 с.
4. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка: опыт словаря-справочника / отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
5. Михайлова И.Д. Сущностные характеристики и типы словообразовательных ансамблей // Язык как система и деятельность: мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию со дня рождения А.Н. Тихонова, Елец, 17—18 ноября 2011 г.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Казарина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 408—418.
6. Михайлова И.Д. Радикасид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филологическое образование. М.: МГПУ. 2014. № 1 (12). С. 22—28.
7. Михайлова И.Д. Слабые и сильные позиции корней в словообразовательном поле // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой: сост. и отв. ред. Т.В. Белошапкова. М.: МГПУ, 2015. С. 102—115.
8. Михайлова И.Д. Концепция словаря радикасидов современного русского языка // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Мос-

- ковский городской педагогический университет; Литовский эдукологический университет. М.: МГПУ, 2016. С. 60—72.
9. Николина Н.А. Школьный морфемный словарь русского языка. М.: ТИД Русское слово — РС, 2011. 368 с.
 10. Рацибурская Л.В. Уникальные морфемы в современном русском языке. М.: Прометей, 1998. 166 с.
 11. Суханова И.Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом (на материале русской лексики рубежа XX—XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский педуниверситет, 2005.
 12. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Русский язык, 1985. 856, [2] с.
 13. Тихонова Е.Н. Роль словообразовательных гнезд в системной организации терминологической лексики // Язык как система и деятельность: мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию со дня рождения А.Н. Тихонова, Елец, 17—18 ноября 2011 г.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Казарина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 451—458.
 14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Московского университета, 1968. 311 с.
 15. Шишов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
 16. Шишов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.

© *I.D. Mikhailova*

RADIXOIDS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE: PRODUCTIVE AND NON-PRODUCTIVE, NATIONAL AND INTERNATIONAL

There is an actualization of the decomposition, simplification and decorrelation processes of the word morphemic structure, which caused an ambiguity in determining the status of a number of roots and their boundaries, at the present stage of the Russian language development. Comparison and analysis of words that have formal root affinity and root semantic commonality make it possible to characterize the root elements

of a large group of segmented words in a new way and to highlight other positions and relationships of them in the system of Russian morphemes. In this work, the conclusions are drawn on the basis of the description of bound roots, the number of which has significantly increased recently due to foreign language elements, their behavior in the process of word formation, replication of particular word-formation models into the Russian derivation system which the above processes are associated with. Opposite tendencies in the functioning and positioning of the related roots of the Russian language are due to their origin — the marker “national — native Russian/international/borrowed” with the fixation of the inclusion of the latter in the productive models.

Keywords: bound root, radixoid, simplification, decorrelation, productivity, word-formation model, derivation, native Russian, international.

© *Наговицына Наталья Валерьевна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Целью работы является верификация когнитивных признаков концепта «патриотизм», выявленных на предыдущих этапах исследования, и обнаружение новых, характерных для бытования слов — репрезентантов этого концепта в фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка. Использована методика лингвокультурологического анализа русской фразеологии В.Н. Телия и методика комплексного описания концептов культуры Нижегородской концептологической школы. Материалом исследования выступают данные русских толковых, фразеологических и паремиологических словарей. Анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок позволил верифицировать выявленные ранее 14 когнитивных признаков концепта и обнаружить новый (15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам'. Делается вывод, что фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта отражают особую культурную ценность представления о любви к родной земле для русской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт «патриотизм», русская языковая картина мира, фразеология, паремиология, когнитивный признак, языковая объективация, лингвокультурологический анализ концептов.

В статье представлен очередной этап осуществляемого нами комплексного лингвокультурологического описания концепта «патриотизм» в русской языковой картине мира. На данном этапе, в соответствии с принятой концепцией исследования, проводится анализ языковой объективации концепта в фразеологизмах, пословицах и поговорках. Включение фразеологиче-

ского и паремиологического материала в описание концептуального содержания представляется вполне закономерным шагом в процедуре его комплексного исследования, потому что именно фразеология и паремиология языка в образной форме несут культурно-значимую информацию о ментальности этноса и национальном характере, о традициях, обычаях и нравах носителей языка, об их материальной и духовной истории [Телия 1996; Ковшова 2013].

Целью настоящего исследования является верификация когнитивных признаков концепта «патриотизм», выявленных на предыдущих этапах исследования, и обнаружение новых, характерных для бытования слов — репрезентантов этого концепта в фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка.

В качестве методов исследования использована методика лингвокультурологического анализа русской фразеологии В.Н. Телия [Телия 1996; Ковшова 2013] и методика комплексного описания концептов культуры Нижегородской концептологической школы [Горшкова, Ручина 2011; Радбиль 2018]. Материалом для исследования являются основные русские толковые, фразеологические и паремиологические словари [БАС-VIII 1959; БАС-IX 1959; БАС-XII 1961; ФСРЯ 1968; РПСКВ 1979; БФСРЯ 2006], а также сборник пословиц русского народа В.И. Даля [Даль 2000]. Результаты исследования могут быть востребованы в практике составления словарей новых слов [Горшкова, Ручина 2011], в медийной практике, рекламных кампаниях и PR-проектах [Русский язык 2014; Радбиль, Рацибурская 2017], в лингвистических экспертизах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

Мы опираемся на широкое понимание фразеологических единиц [Баранов, Добровольский 2008 и др.], к которым, помимо традиционно выделяемых семантически и структурно нечленимых идиом, относятся также фразеологические сочетания (типа *малая родина*) и которые не всегда отражены в фразеологических словарях, а также устойчивые выражения в узусе —

коллокации (типа *тоска по родине*), аппозитивные сочетания (типа *Родина-мать*).

На предыдущем этапе исследования словарных толкований слов — репрезентантов концепта «патриотизм» нами было выявлено 14 когнитивных признаков соответствующего концепта [Наговицына 2018]. Ряд этих когнитивных признаков отражается и в фразеологизмах. Особенности фразеологической репрезентации концепта заключаются в том, что анализ фразеологизмов способствует выявлению его оценочного потенциала.

В силу иноязычного происхождения слов — репрезентантов концепта «патриотизм», именно со словами на базе корня *патриот-* фразеологизмов в русском языке очень мало. Однако в русском языке имеется достаточно большое количество фразеологического материала с компонентами, которые так или иначе входят в содержание концепта — *Родина, Отчизна, Отечество* и пр.

С компонентом *патриотизм* выявлен только один фразеологизм — *квасной патриотизм*, на основании которого в работе [Наговицына 2018] был сформулирован отдельный когнитивный признак (13) ‘безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой’: он отражает негативно-оценочный аспект концептуального содержания.

Остальные фразеологизмы, воплощающие семантику любви к Родине, содержат компоненты *Родина, Отечество, Отчизна* и пр. В основном эти фразеологизмы актуализуют положительно-оценочные стороны смыслового наполнения концепта «патриотизм».

Так, выражение *Родина-мать* в экспрессивно-оценочном формате воплощает такие когнитивные признаки, как (1) ‘любовь к Родине как к месту рождения’; и — главное — (12) ‘особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству’. — Ср. пример из БАС: *В минуту унынья, о родина-мать! / Я мыслью вперед улетаю. /*

Еще суждено тебе много страдать, / Но ты не погибнешь, я знаю. Некрасов. Кому на Руси... IV [БАС-ХП 1961]. Устойчивое выражение **родной край** (вариант **край родной**) также в эмоционально-экспрессивной форме репрезентирует когнитивный признак (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'. Этот же признак в более нейтральном режиме передает коллокация **малая родина**. Фразеологическое сочетание **вторая родина** акцентирует содержание когнитивного признака (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности'.

Интересны случаи, когда сами фразеологические единицы выражают негативно-оценочные оттенки смысла: **измена родине, продать родину**, — но при этом иллюстрируют, опять же — как бы «от противного», положительно окрашенные в речевой практике носителей языка представления о патриотизме, которые выражаются в когнитивных признаках: (3) 'преданность своему отечеству, своему народу'; (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом'; (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'; (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа'.

При всей немногочисленности обнаруженного фразеологического материала, мы все же выявили значимый культурный смысл, который может претендовать на статус нового когнитивного признака. Это такая фразеологическая единица, как **тоска по родине** и, в более мягкой форме, фразеологизованное выражение **дым отечества** (пришедшее в узус из стихотворения Г.Р. Державина и ставшего повсеместно известным благодаря комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова), которые выражают представление о *ностальгии* ('тоска по родине, по прошлому'). По мнению многих русских философов, писателей, публицистов, религиозных и общественных деятелей, в том числе эмигрантов, ностальгия — это чувство, которое особенно остро переживается именно русскими людьми, надолго оторванными

от Родины. Чувство ностальгии очевидным образом выступает как следствие сильной любви к родине, которая является основой представлений о патриотизме в русской культуре. Именно поэтому чувство ностальгии вполне можно рассматривать как составную часть совокупного содержания концепта «патриотизм». Данный когнитивный признак можно сформулировать так: (15) ‘обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам’.

В целом анализ фразеологического материала позволил уточнить наши представления о значительном оценочном потенциале смыслового наполнения концепта «патриотизм», причем о потенциале не только позитивно-оценочном (что вполне ожидаемо), но и негативно-оценочном.

В отличие от фразеологизмов, фонд русских пословиц и поговорок о любви к родине, к родной земле очень велик. Нами выявлено более 200 пословиц и поговорок. Именно в пословицах и поговорках в сжатом и афористичном виде представлено то, что нетерминологически именуют «народная мудрость», т.е. особенности народной ментальности и национального характера этноса. Как и в случае с фразеологизмами, пословицы и поговорки о любви к родине не включают в свой компонентный состав само слово *патриотизм* (и однокоренные слова), в силу его заимствованного характера. Но при этом разные аспекты общего смысла ‘любовь к родине’ образно выражаются с помощью других слов, зачастую посредством развернутых зоометафор, фитометафор, метафорики пути, болезни, смерти и пр.

Практически все выявленные на предыдущих этапах анализа когнитивные признаки концепта «патриотизм» получают свою верификацию на материале русских пословиц и поговорок, пусть и выражены эти признаки в паремиях несколько особым способом:

(1) **‘любовь к Родине как к месту рождения’**: *Любовь к родине сильнее смерти*;

(2) **‘любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с**

его внутренним чувством принадлежности’: *В каком народе живешь, того обычая и держись;*

(3) **‘преданность своему отечеству, своему народу’**: *По родимой сторонке сердце поет;*

(4) **‘ответственность перед своей родиной и своим народом’**: *Жить — Родине служить!*;

(5) **‘привязанность к месту своего рождения, месту жительства’**: *Всякая сосна своему бору шумит;*

(6) **‘готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины’**: *Для отчизны не жаль жизни;*

(7) **‘гордость культурой, достижениями своей родины’**: *Кто в Москве не бывал, красоты не видал;*

(8) **‘желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности’**: *Недолго той земле стоять, где начнут уставы ломать;*

(9) **‘идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа’**: *Все мы — дети земли Русской;*

(10) **‘стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа’**: *Родина — мать, умей за нее постоять;*

(11) **‘политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины’**: *Тот герой, кто за родину горой;*

(12) **‘особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству’**: *Своя земля и в горсти мила;*

(13) *разг.* **‘преданность чего-либо, горячая любовь к чему-либо’ (обобщенно-расширительное)**: *Без любви к человеку нет любви к родине;*

(14) **‘безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой’ (со словом *квасной*)**: *Россия — родина слонов;*

(15) **‘обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам’**: *На чужой сторонкушке рад своей воронушке.*

В целом анализ паремиологического материала не выявил новых когнитивных признаков, но позволил углубить представление об оценочном потенциале концептуального содержания патриотизма. Большинство пословиц реализует позитивно-оценочные оттенки смысла, что еще раз доказывает существенную культурную значимость анализируемого концепта.

Проведенный анализ фразеологической и паремиологической репрезентации концепта «патриотизм» позволяет наметить перспективы дальнейшего исследования, связанные с уточнением семантического наполнения концепта «патриотизм» посредством анализа особенностей системно-языковой объективации концепта (парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей и отношений слов — его репрезентантов).

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Языки славянской культуры, 2008. 657 с.
2. БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
3. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 130—135.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-Пресс: ННН, 2000. 616 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
6. Наговицына Н.В. Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 3. С. 156—160.
7. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146—149.

8. Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Н. Новгород: Нижегор. гос. ун-т, 2018. 375 с.
9. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
10. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18—21.
11. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: Нижегор. гос. ун-т, 2014. 325 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
13. БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. VIII. 1959. 1842 стлб.; Т. IX. 1959. 1482 стлб.; Т. XII. 1961. 1676 стлб.
14. РППКВ — Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1979. 256 с.
15. ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская Энциклопедия, 1968. 543 с.

© *N.V. Nagovitsyna*

PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “PATRIOTISM” IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The object of the paper is to verify the cognitive attributes of the concept “patriotism”, identified at the previous stages of the study, and to discover new ones that are characteristic for the existence of words — the representatives of this concept in the phraseological and paremiological funds of the Russian language. The technique of linguoculturological analysis of Russian phraseology by V.N. Teliya and the method of complex description of the concepts of culture of the Nizhny Novgorod

conceptological school are applied in the work. The material of the research is the data of Russian explanatory, phraseological and paremiological dictionaries. The analysis of phraseological units, proverbs and sayings made it possible to verify the previously identified 14 cognitive attributes of the concept and to discover a new one (15) “heightened feeling of longing for the lost homeland, for native places”. It is concluded that the phraseological and paremiological representation of the concept reflects the substantial cultural value of the idea of love for the native land for the Russian language picture of the world.

Keywords: the concept “patriotism”, Russian language picture of the world, phraseology, paremiology, cognitive attribute, linguistic objectification, linguocultural analysis of concepts.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕСУРСЫ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (на материале окказиональных прозвищ Меган Маркл)

Статья посвящена анализу окказиональных прозвищ, возникших на русской почве от имен, чужих для русского ономастического пространства, как отражению специфики русской ономастической и словообразовательной систем, в том числе и по адаптации заимствованных единиц. Установлено, что оценочный потенциал русской антропонимической системы связан с легкостью присоединения и большим репертуаром диминутивных аффиксов, а также коннотативностью исконных имен-заменителей. Растет число прозвищ, имеющих оскорбительный характер, базирующихся на негативных установках и предубеждениях по отношению к лицу как представителю определенной социальной группы.

Ключевые слова: окказионализм, аббревиация, контаминация, оценочность, язык вражды.

Феномен пристального внимания к паре принца Гарри и Меган Маркл в России, появления их российских фанатов и «хейтеров» актуализировал вопрос об экспрессивном потенциале русской антропонимической системы и ее словообразовательных и креативных возможностях.

Несмотря на то, что анализ эмоционально-оценочных, лингвокультурологических коннотаций отантропонимических производных, в том числе прозвищ, имеет давнюю традицию (А.Н. Тихонов, Е.А. Земская, Р.Ю. Намитокова, С.В. Ильясова, Л.П. Амири и др.), данное исследование представляется нам достойным внимания по двум причинам. Во-первых, поскольку анализируемые нами номинации — производные, возникшие

на русской почве от имен, чужих для русского ономастического пространства, они отражают специфику русской ономастической и словообразовательной систем, в том числе и по адаптации заимствованных единиц. Во-вторых, уникальная позиция «здесь и сейчас», когда наблюдаемые явления происходят на глазах исследователя, особенно релевантна для изучения деятельностного аспекта языка.

Источником материала послужили комментарии в инстаграм-аккаунтах и каналах ЯндексДзен, освещающих жизнь королевской семьи Великобритании, в 2020 году. Примечательно, что в самих комментируемых постах блогеры всегда остаются в рамках официального именника.

Всего зафиксировано около 50 окказиональных прозвищ Меган Маркл и 19 — принца Гарри. При этом группу дериватов дополняют 13 апеллятивов, образованных от собственного имени (СИ) «Меган Маркл», которые не являются предметом анализа в данном исследовании (*мегзит, маркловец, мегалюбка, меган-маркловец, марклопоклонница, меганмарклнуть, мэганмарклнутые, маркловский, по-маркловски, смеганмарклить* и т.п.). Все анализируемые дериваты имеют негативную оценочную коннотацию.

Первую группу производных составляют сокращения именной формулы *Меган Маркл* до акронима *ММ, М.М., мм* и их дериваты.

Исследователи отмечают, что инициальные аббревиатуры являются одним из наиболее частотных новых способов неофициального именования общественно-политических деятелей и деятелей культуры [Намитоква, Гарбовская 2005; Стахеева 2009; Зарипова 2012]. При этом если для английского языка и политической традиции Великобритании и США подобные образования являются стилистически нейтральными синонимами полных форм собственных имен, то у образованных на русской почве аббревиатур очевидна ироническая и пренебрежительно-уничижительная коннотация в обозреваемый хронологический период от 2005 г. до настоящего времени. Зафиксировано упо-

требление в нейтральном контексте только инициалов ВВП [Зарипова 2012: 13].

Дериваты *ММка, МеМе, Мема, Ме-Ме, Мемешка, Мимишка* представляют собой игровую деабревиацию, возвращение прозвища к форме, привычной для СИ.

Вторая группа производных представляет собой адаптацию имени и фамилии *Меган Маркл* в русском языке. Традиционным маркером адаптации заимствований считается появление у них русских аффиксов. В рассматриваемом нами случае это дополнение уменьшительно-ласкательного имени *Мег/Мегги/Мэгги* и фамилии окончанием (финалью) женского рода *-а*: *Мега, Марк-ла* (самые частотные из анализируемых нами прозвищ), русскими диминутивными суффиксами *-ш(а), -к(а), -ечк(а), -ушк(а)*: *Мегаша, Мегашка, Мехашечка, Мегушка, Мегуся, Меганка, Меганша; Марклушка*.

Менее привычный способ адаптации — появление созвучного онима-заменителя, типичного для антропонимической системы принимающего языка. *Меган Маркл* стала *Марфой* (и приобрела ее диминутивное производное *Марфушка*), а также *Матреной*. Для принца *Гарри* русским аналогом имени стал *Гаврила* (*Гавря, Гаврик, Гаврюша, Гаврюшка; Гарька, Гарюсик, Гарюся, Гарюня*). Для российского именника типична обратная ситуация — использование иноязычного имени как прозвищного варианта для исконного онима: *Георгий — Жорж, Алексей — Алекс, Антон — Антуан, Иван — Джон, Мария — Мэри, Бибо-лет — Билл, Сусанна — Съюзи*.

Очевидно, что имена *Марфа, Матрена* и *Гаврила* имеют нарочито простонародную окраску, контрастирующую с реальным «королевским» статусом семейной пары.

Согласно «Словарю коннотативных собственных имен» Е.С. Отина, СИ *Марфа* обозначает женщину с практичным складом ума; заботливую хозяйку, на первое место ставящую не духовное, а материальное («низменное») начало в жизни; воплощение земного пути служения. Такая коннотация возникла из противопоставления *Марфы* и *Марии*, библейских героинь.

Когда Иисус посетил ее дом, она (Марфа) заботилась об угощении Его, тогда как Мария избрала «благую часть» — села у ног Наставника и стала слушать его речи [Отин 2010: 293—294]. В жаргонном употреблении СИ данное противопоставление усиливается: *Марфой* обозначается чувственное, греховное начало в человеке; вожделение; плоть.

Матрена, согласно словарю Е.С. Отина, — неаккуратная или неряшливо одетая женщина; рассеянная женщина, ротозей [Отин 2010: 297—300].

Гаврила — это грубый, неумный, нетактичный мужчина; громила. Так иронично обращаются к любому мужчине. У апеллятива *гаврик*, возникшего благодаря полной деонимизации СИ, по мнению Е.С. Отина, фиксируются значения ‘ребенок, еще не самостоятельный человек; шалун; простак, простофиля, разиня, глупец; неавторитетный, неуважаемый человек (презрит.); щеголь, ферт (неодобр.)’. В уголовной среде это помощник, подчиненный, фраер, мелкий жулик [Отин 2010: 144—146].

Третья группа производных — это контаминанты, образованные путем окказионального сложения основы СИ, с одной стороны, и апеллятива с ярко выраженной негативной оценочностью, с другой. В контаминированных словах присутствует общий или созвучный фонетический компонент.

МЫМЗЯ, *МУМРА* — образовано от акронима *ММ* и *мым-ра* — ‘непривлекательная, неприятная, недоброжелательная женщина; небрежная, неряшливая, неопрятная особа’ (см. [Химик 2017: 469]).

МЕГАНЬ. В словаре А.А. Зализняка указаны 2 слова с финалью *-гань*: *ругань*, *погань* и 32 на *-ань*, в том числе *брань*, *дрань*, *лохань* [Зализняк 1977: 596]. Семантически вероятным производящим для окказионального СИ явилось слово *дрянь*.

МАРКЛОТА. Слов с финалью *-лота* в словаре А.А. Зализняка всего 8, это производные с суффиксом *-от(а)* *круглота*, *смуглота*, *мерзлота*, *теплота*, *светлота*, *рыхлота*, *кислота* и особняком стоящее *позолота* от *позолотить* [Зализняк 1977: 211]. Ни одно из них не проясняет появление окказионального

антропонима с резкой негативной оценочностью. Вероятно, истоки его следует искать в жаргонном апеллятиве *мразота*, применяемом для крайне негативной оценки кого-либо.

МАРКЛУША. Это прозвище характеризуется прозрачностью словообразовательной структуры — производящим выступило слово *клуша* (вариантный графодериват *МарКлуша* выделяет обе основы).

ШМАРКЛ. Производное от *шмара* — ‘уголовное, грубо. Женщина для сексуальных утех’, которое образовано от *Мара* — одного из вариантов популярного женского имени Мария, добавлением звука [ш] к началу слова — распространенным способом маскирующего изменения слов в воровских жаргонах [Химик 2017: 494].

ШМЫРКЛ, *МЫРКЛ*. Неясная словообразовательная структура. Вероятно, в производящей базе помимо основы *шмара* (как в прозвище *ШМАРКЛ*) присутствует еще и основа *мымара*. Либо от *ШМЫГАТЬ* — ‘стремительно, торопливо пробегать, незаметно проскакать куда-, откуда-либо’. *ШМЫГАТЬСЯ* — ‘употреблять наркотики (вдыхать, вводить внутривенными инъекциями)’ [Химик 2017: 495]. Следует учесть и указанное В.В. Химиком добавление начального *ш* в воровском жаргоне как способ маскировки слова.

Наконец, четвертую группу прозвищ составили имена, основанные на прецедентной ситуации. Каскад производных прозвищ появился после того, как из документального фильма, который был снят во время путешествия пары в Африку, стало известно, что Меган Маркл «сократила» имя своего мужа до первой буквы — Н (Эйч или Эш). История имела продолжение, когда при выступлении на форуме *Travalyst* принц Гарри «ясно дал понять, что ... все должны называть его просто Гарри». Прозвищные имена принца Гарри *просто Эйч*, *ПростоЭйч*, *простоГарри*, *простогарька*, *простогаррик* спровоцировали симметричные именованья и для Меган Маркл (*Эм*, *мЭшка*, *Просто Маркл*).

Прецедентное имя главной героини фильма Квентина Тарантино «Убить Билла» в исполнении Умы Турман *Черная Мамба*,

став прозвищем Меган Маркл, прошло семантическое и формальное переосмысление. Изначально название ядовитой змеи, распространенной в Африке, приобрело аллюзии на расовую принадлежность и акроним ММ. Вместе с такими прозвищами, как *ММартышка*, *Мартыха*, *Маркклака*, *макакишина*, *Марккла Макаковна*, оно может иметь лингвоэкспертное измерение, важное для понимания экологии языка, избегания языка вражды в СМИ и сетевых медиа.

Рассмотрение окказиональных прозвищ Меган Маркл как контекста проявления деятельностных свойств языка показало, что коммуникативную востребованность имеют слова с негативной оценкой, яркий оценочный фон которых создается контаминацией с апеллятивами, зачастую с пометами «грубо», «жаргонное», «разговорное». Подтверждается тенденция выражения пренебрежительно-уничжительного отношения к обозначаемому лицу аббревиатурами-акронимами и их дериватами. Растет число прозвищ, имеющих оскорбительный характер, базирующихся на негативных установках и предубеждениях по отношению к лицу как представителю определенной социальной группы.

Оценочный потенциал русской антропонимической системы, в том числе и при адаптации иноязычных СИ, связан с легкостью присоединения и большим репертуаром диминутивных аффиксов, а также коннотативностью исконных имен-заменителей.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.
2. Зарипова В.М. Эволюция наименований общественно-политических деятелей в языке газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», 2012. 18 с.
3. Намитокова Р.Ю., Гарбовская Н.Б. Прозвища политических деятелей в газетном дискурсе: когнитивный аспект / Образование-Наука-Творчество. Нальчик-Армавир: АМАН, 2005. № 2. С. 31—38.

4. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2010. 518 с.
5. Стахеева А.В. Аббревиация как словотворчество и языковая игра // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка / А.В. Стахеева, Н.А. Власкина. Ростов н/Д., 2009. С. 17—166.
6. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017.

© *I.A. Neflyasheva*

EVALUATION RESOURCES OF THE RUSSIAN ANTHROPONYMIC SYSTEM (case of Meghan Markle's occasional cognomens)

The article is devoted to the analysis of occasional cognomens that derived from borrowing anthroponyms as a reflection of the specifics of the Russian onomastic and word-formation systems, including the adaptation of borrowed words. It has been stated that the evaluative potential of the Russian anthroponymic system is associated with the easiness of affixation and large repetitive diminutive affixes, as well as the connotation of original substitute names. A growing number of verbal abusive nicknames are based on negative attitudes and prejudices towards a person as a representative of a social group.

Keywords: occasionalism, abbreviation, blending words, evaluativeness, language of hatred.

© **Никифорова Ольга Валентиновна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

ДИАЛЕКТНАЯ ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ — БУДУЩИХ ЛИНГВИСТОВ

Рассматриваются вопросы, связанные с формированием лингвистической компетенции иностранных студентов-филологов и предлагается к внедрению такой способ расширения словарного запаса и погружения в естественную языковую и культурную среду, как чтение и анализ художественных произведений, содержащих диалектизмы, на примере романа «Девки» нижегородского писателя Н.И. Кочина. Обосновывается целесообразность при обучении иностранцев русскому языку введения в лексический материал диалектизмов. Знакомство с этими словами имеет практическую ценность, поскольку они содержат богатую информацию как об истории русского языка, местности, так и о современных реалиях, в которых обучаются студенты-иностранцы, служат средством выявления отражённой в них специфики языковой картины мира русского народа. Подчёркивается, что преподавание русского языка иностранным студентам-филологам ставит целью не только развитие языковых и речевых навыков, но и формирование лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: нижегородские говоры, диалектная лексика, обрядовая лексика, лингвистическая компетенция, лингвокультурологическая компетенция.

Изучая русский язык, иностранные студенты получают сведения о его лексическом богатстве и грамматической структуре, учатся общаться на неродном языке, а также приобщаются к культуре русского народа как великому национальному достоянию. Такой процесс невозможен без целенаправленной,

планомерной работы, осуществляемой преподавателем вуза. Благодаря деятельности педагога-словесника молодым людям становится доступна информация, которая раскрывает национальную ментальность, систему культурных ценностей, нравственных приоритетов и определяемые ими модели поведения, поощряемые в российском обществе. Обучение в этом случае строится как процесс формирования толерантности к культуре страны изучаемого языка. «Знакомство студентов с различными сферами российской действительности, менталитетом народа, язык которого они изучают, способствует правильному выбору коммуникативных установок в различных ситуациях общения, реализует программы их собственного речевого поведения» [Корнилова, Матвеевко, Фисенко, Чернова 2015: 73]. Преподаватели русского языка ставят в качестве одной из главных задач обучения иностранных студентов задачу формирования коммуникативной компетенции, т.е. способности общаться на русском языке, используя его богатства, его речевые и этикетные средства. Решение этой задачи невозможно без постоянного расширения словарного запаса и социокультурного развития обучающихся, поэтому на занятиях по русскому языку преподаватели рассказывают о национальных обычаях, традициях России. Эта информация при условии сформированности умения пользоваться ею помогает иностранным гражданам более точно понимать речь носителей языка и добиваться полноценной коммуникации. Именно поэтому современные педагоги уделяют большое внимание формированию не только лингвистической компетенции, отводя важное место изучению лексики, но и лингвокультурологической компетенции, требующей освоения системы культурных ценностей представителей иного лингвосоциума.

Преподаватели кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ, в котором с 2019 года на историко-филологическом факультете по профилю «Русский язык и литература» обучаются студенты из Узбекистана и Туркменистана, одним из способов расширения лексического запаса иностранцев и погружения их в естественную языковую и культурную

среду считают чтение художественных произведений, содержащих слова, пришедшие из нижегородских говоров, поскольку «чтение произведений, содержащих народный язык, формирует представление о богатстве русского языка, дает возможность прикоснуться к народной речевой культуре, расширяет словарный запас, повышает интерес к изучаемому предмету» [Лошаква, Зозуля, Гвоздева 2017: 210].

Известно, что отношение к диалектной лексике как материалу для занятий со студентами-иностранцами неоднозначно. Безусловно, диалектные элементы не обязательны обучающимся для активного усвоения, однако данная лексика напрямую связана с бытом и жизнью русского народа и содержит важную информацию о традиционной народной культуре русского человека. По мнению М.М. Кондратенко, «на основании анализа диалектных данных можно заключить, что национальная идентичность — сложное понятие, состоящее из многих компонентов. Одним из этих компонентов является представление национального мировосприятия в языке/диалекте» [Кондратенко 2016: 173]. Н.В. Кулибина рассматривает диалектизмы как средство создания «национальных словесных образов» [Кулибина 1987: 21]. Е.С. Рудыкина справедливо замечает, что «разбор диалектного языкового материала на занятии со студентами продвинутого этапа обучения позволяет представить обучающимся Россию через ее часть — край, округ, город, район <...>, получить представление о территориальных разновидностях русского языка, о богатстве и выразительности народной речи» [Рудыкина 2011: 40]. Таким образом, творчески работающий преподаватель, имея возможность введения диалектного материала, не будет лишать «иностранцев студентов возможности ознакомиться с богатством и самобытностью региональных говоров, отражающих различные пласты жизни русского народа, раскрывающих необычные стороны русского менталитета» [Капарушкина 2018: 190]. Знакомство с диалектными словами представляет большой интерес в плане лингвокультурологии и имеет практическую

ценность: они содержат богатую информацию об истории языка, местности, в которой используются, особенностях менталитета русских людей, их духовных ценностях, о современных реалиях, в которых обучаются иностранцы.

В качестве рабочего текста предлагается роман «Девки» Николая Ивановича Кочина, самобытного нижегородского писателя, родившегося в 1902 году в селе Гремячая Поляна Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в семье крестьянина. Свой рабочий путь он начал селькором газеты «Беднота». Закончив в 1924 году Нижегородский педагогический институт, работал учителем. Печатааться стал с 1925 года. Большая часть произведений Н.И. Кочина связана с Нижегородским краем и родным селом. Писатель работал как в жанре беллетристики, так и в области публицистики, оставив множество фактов исторического и социологического характера о Нижегородском крае. В 1943 году он был осуждён на десять лет и отправлен в тюремные лагеря в Казахстан. По возвращении в 1953 году проживал в городе Бор. Впоследствии реабилитирован, восстановлен в Союзе писателей и Коммунистической партии. Скончался в 1983 году и был похоронен в городе Горьком (Нижем Новгороде) на Красном кладбище.

В произведениях Н.И. Кочину удалось сохранить народную речь жителей Нижегородского края. Если убрать из текстов диалектные слова и заменить их общеупотребительными, теряется колорит произведения, поэтичность, романтическая привлекательность текстов. Полезно и важно познакомить с творчеством Н.И. Кочина иностранных студентов, так как изучение его произведений приблизит их к пониманию особенностей мировоззрения и духовности русского народа, в частности нижегородского крестьянина. Так, роман «Девки», вышедший в 1928 году в журнале «Октябрь», точно и полно отражает жизненный уклад нижегородской деревни, богато представляет фольклор, изображает праздничные гуляния и народные обряды, передаёт особенности живой разговорной речи крестьян, является уникальным источником языкового материала для решения поставленных

выше методических задач. Действие романа Николая Ивановича Кочина начинается в глухую зимнюю пору 1925 года в одной из деревень Нижегородской губернии с характерным названием Немытая Поляна и завершается в той же деревне в эпоху «великого перелома», когда из города приезжают двадцатипятидесятники. Картины крестьянской жизни накануне коллективизации в произведении динамичны, пластичны, зримо передают активную, стремительную, живую силу крестьянства. Язык Н.И. Кочина прост, лаконичен, выразителен. Писатель, досконально зная народную речь, использовал в произведении диалектную лексику, но никогда не переступал ту художественную грань, за которой начинается чрезмерное увлечение диалектизмами.

Определение значений диалектных слов из романа осуществляется по двум лексикографическим источникам: Словарю русских народных говоров (СРНГ) и Диалектному словарю Нижегородской области (ДСНО). Создаваемый ДСНО можно рассматривать как разновидность «нижегородского текста», поскольку словарь обобщает и фиксирует знания не только о языке, но и о культуре региона в его прошлом и настоящем. Студенты-иностранцы знакомятся с данным словарём, который вносит огромный вклад в описание диалектной лексики и фразеологии русских говоров Нижегородского края, поскольку содержит лексику, бытующую или бытовавшую на территории Нижегородской области и отражающую многовековую историю славянского населения Нижегородского края и его связи с исконным финно-угорским и тюркским населением. ДСНО содержит информацию о предметах быта нижегородского крестьянина, характере межличностных отношений, особенностях ведения хозяйства, о занятиях и интересах, об отношении к природе. В словаре представлена диалектная лексика и фразеология, связанная с традиционной семейной обрядовостью. Знакомство иностранцев со словарными статьями происходит не в полном объёме. Задача — добиться понимания значения слова, и диалектные словари, наряду с переводными, становятся лишь инструментом в достижении обозначенной цели.

Работа над текстом начинается с характеристики слова, положенного в название романа. Сам Н.И. Кочин слово «девка» любил, считая его поэтичным и народным. В СРНГ слово *девка* в значении «обращение к лицам женского пола независимо от возраста» имеет географическую помету Курск. [СРНГ 7: 317]. В нижегородских говорах для номинации будущей невесты используют сочетания с главным компонентом *девка*: *запята девка, забелённая девка*.

Обилие в романе диалектных обрядовых слов определяет содержание работы с произведением, прежде всего презентацию новой лексики. Поэтому необходимо обратить внимание на графический облик слова, его произношение. Следует также охарактеризовать происхождение и структурные особенности лексемы, рассмотреть слово в культурно-историческом контексте. Слово целесообразно предъявлять в предложении, которое выступает как в качестве иллюстрации, так и в качестве дефиниции.

Приведём в качестве примера описание обряда сватовства в романе: *Через несколько дней вечером в жаркой избе Бадьиных Канашев с сыном сидели под матицей, окруженные свахами, на старый лад разодетыми в оранжевые «казачки»... Неслышанно для округи, всякому наперекор, или по канашевскому хотению смотрины... Смотрины только начинались, и хоть каждому была известна Марья с детства, попросила ее сваха шажком пройтись по избе. Не хромая ли, мол. Марья пошла по одной половице, как положено было уставом неписаным от матерей, — мелко, неторопко [Кочин 2012: 10].*

Действительно, в художественный текст Н.И. Кочина в виде фрагментов описаний обрядов включены этнокультурные элементы, представляющие собой ценный источниковедческий материал о русской традиционной культуре и являющиеся средством формирования лингвистической компетенции иностранцев — будущих лингвистов. Использование в преподавании русского языка студентам-иностранцам фактов нижегородских говоров, наделённых совокупностью жизненных смыслов, по-

казывает особое видение мира нашими предками, приоткрывает завесу времени над этнической культурой. В обрядовой лексике предстает и физическая картина мира, окружающего человека, и социальный статус человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром [Никифорова 2019: 455].

Так, лексема *матица* означает балку на потолке и отмечена в СРНГ с пометой Иркут. [СРНГ 18: 31]. Войдя в дом родителей невесты, родственники жениха должны были придерживаться определенных правил, противоречащих обычным нормам поведения. Обычно пришедший гость после приглашения хозяев проходил к столу, сватающие же и после приглашения оставались за матицей. Матица играла значительную роль в обрядовой жизни нижегородского крестьянина. С матицей были связаны многие традиционные обряды (строительство нового дома, отправление в дальний путь). Она разделяла избу на две половины: переднюю, где могли находиться только члены семьи, и заднюю — куда допускались посторонние. Во время сватовства в доме невесты родители жениха шли под *матицу* по одной половине и приговаривали: «У вас ярочка, а у нас есть барашек, не желаете ли вы их породнить?», затем садились под *матицу*, под которой и сватали. Сваты считали себя чужими и поэтому не проходили под матицей до получения согласия родителей выдать дочь замуж: «*За матицу старались не заходить*» (д. Левино Навашинского р-на).

В доме невесты устраивали *смотрины*. Для объяснения значения диалектных слов можно использовать их деривационные связи. С этой целью приводится словообразовательное гнездо с вершиной, содержащей известную студентам корневую морфему: *смотреть* — *смотрины*, *смотр*, *смотры*, *смотренье*, *смотреньё*. Во время смотрин невесту заставляли *пройти по одной половине, подмести пол*. Этнокультурная семантика формируется в результате использования слов *половица*, *пол* в обряде сватовства невесты в сочетании с глаголами *пройти*, *подмести* — испытания невесты.

Ритуал предложения брака представлен в нижегородских говорах, кроме общеупотребительного, повсеместно распространённого наименования *сватовство*, следующими однокоренными лексемами: *сватня*, *сватанье*, *просватанье*, *просватенка*, *запой*, *запаивание*, *пропой*; расчленённым двусловным наименованием *телушку покупать*. Наименования зафиксированы в словарях как свадебные лексемы и обладают однозначной семантикой: *сватовство* ‘предложение девице, а более родителям её отдать замуж’ [Даль 2002, 4: 145]. Обряд сватовства при положительном ответе родителей невесты завершался пирушкой, празднеством. Для обозначения этого ритуального момента в говорах Нижегородской области используются лексемы с корневым морфом *-пей-* — *-пи-*: *запой*, *запойка*, *запиванье*, *запивка*, *пропой*, *пропиванье*, *зарушная*, *сватня*. «Когда приходили сватать, то устраивали застолье, называли его — *пропой*. Говорили: *сосватали — пропили*» (с. Пискуново Ковернинского р-на).

Обычно сватать ехал не сам жених, а кто-либо из его близких родственников или знакомых (родители жениха, крёстные родители, тетка, дядя, сестра, просто товарищ). «*Сватать меня приходили мать, отец, крёстная жениха*» (с. Рахманово Вадского р-на). Главную роль в сватовстве играла сваха. Женщина, постоянно занимавшаяся сватовством, устройством браков, кроме традиционного, широко распространённого на территории Нижегородской области свадебного наименования *сваха*, в нижегородских говорах именуется суффиксальными дериватами *сватья*, *свахонька*, *сватунья*, *сватуха*, *свашка*, префиксальным производным *подсваха*, субстантивированным прилагательным *коренная*, префиксально-суффиксальными образованиями *подсвашка*, *подсвашье*. Студентам предлагаются упражнения, способствующие сознательному усвоению диалектной обрядовой лексики, например, необходимо определить, какое значение придают существительным *свахонька*, *сватунья*, *сватуха*, *свашка* суффиксы. Своеобразно бытование лексем *сводня*, *сводница* в говорах Нижегородского края. Если в общенародном языке эти слова обозначают женщину, занимающуюся корыстным по-

средничеством между мужчиной и женщиной для содействия вступления их в любовную связь, то в нижегородских говорах *сводня (сводница)* — это сваха, которая подыскивает жениха или невесту.

Таким образом, использование в обучении иностранных студентов художественных произведений, содержащих диалектную обрядовую лексику, служит средством познания местных особенностей языка, помогает привить любовь к русскому языку и стране изучаемого языка.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол Классик, 2002.
2. Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1—2. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2013—2014.
3. Капарушкина Д.И. Сибирские диалектизмы на уроке русского языка для иностранцев (на примере рассказа В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой») // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 1А. С. 189—199.
4. Корнилова Т.В., Матвеевко В.Э., Фисенко О.С., Чернова Н.В. Компоненты лингводидактической системы обучения иностранных филологов национально-окрашенной лексике с использованием аудиосредств // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Педагогика. 2015. № 3. С. 73—79.
5. Кондратенко М.М. Диалект и этническая идентичность // Громовские чтения: сборник материалов и исследований международной научной конференции. Вып. 3: Живое народное слово и костромской край. Кострома: КГУ, 2016. С. 165—174.
6. Кочин Н.И. Девки. М.: Вече, 2012. 432 с.
7. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М.: Русский язык, 1987. 143 с.
8. Лошакова Е.Л., Зозуля Е.А., Гвоздева Е.В. Художественный текст, содержащий элементы народного языка, как средство формирования коммуникативной компетенции, лингвострановедческой и лингвокультурологической компетентностей иностранцев — будущих лингвистов, изучающих русский язык как иностранный. Фи-

- лологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3 ч. Ч. 2. С. 208—210.
9. Никифорова О.В. Нижегородские говоры в актуальном пространстве русского мира // Русский мир: динамика научного познания: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. (23—25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал ННГУ, Фонд «Русский мир». Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С.447—455.
 10. Рудыкина Е.С. Диалектная лексика донских говоров на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 40—46.
 11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—2016.

© *O.V. Nikiforova*

DIALECT RITUAL VOCABULARY AS A MEANS OF FORMING THE LINGUISTIC COMPETENCE OF FOREIGNERS — FUTURE LINGUISTS

The issues related to the formation of the linguistic competence of foreign students-philologists are considered and it is proposed to introduce such a method of expanding the vocabulary and immersion in the natural language and cultural environment as reading and analyzing works of art containing dialectisms, by the example of the novel “Girls” by Nizhny Novgorod writer N. Cochín. The expediency of introducing dialectisms into the lexical material is substantiated in teaching Russian to foreigners. Acquaintance with these words is of practical value, since they contain rich information both about the history of the Russian language, the area, and modern realities in which foreign students study, serve as a means of identifying the specificity of the linguistic picture of the world of the Russian people reflected in them. It is emphasized that teaching the Russian language to foreign students-philologists aims not only at developing language and speech skills, but also at forming linguistic and cultural competence.

Keywords: Nizhny Novgorod dialects, dialectal vocabulary, ritual vocabulary, linguistic competence, linguistic and cultural competence.

© **Озерова Елена Григорьевна**
*Национальный исследовательский
Белгородский государственный
университет*

© **Казютина Евгения Сергеевна**
*Национальный исследовательский
Белгородский государственный
университет*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ О ВОЙНЕ

Цель проведённого исследования — выявление характера национальных и культурно значимых смыслов художественных текстов о войне, анализ и описание национально-культурной мотивации порождения текстов Бориса Васильева. Данная цель обусловила характер методов исследования: метод когнитивно-герменевтического анализа текста, разработанный нами, содержит интерпретацию историко-культурного контекстуального анализа художественных текстов о войне; лингвостилистический метод анализа текста обусловлен возможностью разграничения смысловой сущности языковых средств через призму национально-культурного своеобразия. Специфика национальных кодов в художественных текстах о войне заключается в трансформации языкового сознания в культурную память, поскольку тема памяти фокусирует ценностно-смысловое пространство тезауруса Бориса Васильева.

Ключевые слова: национальный код, культурная память, индивидуально-авторское восприятие, лексический повтор.

Интерпретация смыслового пространства художественных текстов о войне с позиции когнитивно-герменевтического анализа репрезентирует активные процессы текстопорождения. Интерпретация национальных кодов эксплицируется интенциональными коннотациями, конструирующими авторскую ментально-концептуальную картину мира.

Когнитивный потенциал художественных текстов Бориса Васильева обусловлен его увлечением русской историей, которой он хотел посвятить свою жизнь. Но, как говорится, «Завтра была война», поэтому свои знания Борис Львович реализовал в творчестве, в исторических романах и повестях о войне с баталиями, сражениями, отвагой, доблестью, храбростью, мужеством, а главное, честью солдата. Б.Л. Васильев писал о человеке и ради человека, хронотоп художественных текстов автора сфокусирован на военных событиях, потому что, по словам самого автора, никогда больше личность не проявляется в той же степени искренне и однозначно, без возможности компромиссов.

Антропоцентрические и экстралингвистические коннотативные интенции архитектоники повествования художественных текстов обусловлены индивидуально-авторской экспликацией. Так, Борис Васильев уверен: женщине не место на войне, у неё иное предназначение. Исторически сложилось, что Русская земля во все времена была границей и оплотом для других народов, поэтому рождала воинов, умеющих дать отпор врагу. Военное искусство было таковым благодаря опытным солдатам, которые знали, что дома их всегда ждут матери, жёны, сёстры и дочери (см. «Господа волонтёры»):

— *По-вашему, спешат только к женщине?*

— *Только к женщине, — разговор после сражения, — все остальное — выдумки, в которые мы почему-то так часто верим. А женщина — реальность, господа. Единственная реальность, к которой стоит торопиться* [Васильев 2018: 339].

В представленном контексте используется лексический повтор, представленный параллелизмом, в котором *женщина* эксплицируется *единственной реальностью*, противопоставляющейся *всему остальному — выдумкам*. Автор формирует в восприятии читателя когнитивно-ментальную ассоциацию: *женщина* — образ мирной жизни, а *всё остальное* — это военная жизнь мужчины. Возникает концептуальная обусловленность апперцептивной номинации, под которой мы

понимаем «обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию» [Озерова 2013: 73]: *война — это состояние и реальность*, темпоральное пространство текста, в котором происходит смысловая трансформация, поскольку *женщина* репрезентируется как индивидуально-авторское восприятие времени.

На протяжении многих веков на Руси существовало сословие военных людей, для которых военная служба становилась не только профессией, но и смыслом жизни: *Гавриил сейчас сидел среди тех, для кого война была не просто профессией, а самим смыслом существования* [Васильев 2018: 544].

— *Я (Гюрберт) щедрый сегодня (счастлив), Бряннов, потому что люблю жизнь неистово, вот и вся причина. А чтобы любить жизнь, надо любить женщину, потому что женщина и есть воплощение жизни на земле* [Васильев 2018: 602]. Мелиоративная коннотация контекста наполнена субъективными смысловыми вариациями, которые активизируют восприятие текста.

Апперцептивная номинация представлена когнитивной метафорой *война — профессия* и лирической — *женщина — воплощение жизни на земле*. Автор формирует смысловую антиномию: для мужчины профессия — война, для женщины профессия — жизнь, но если женщина уйдёт на войну, в интерпретации Бориса Васильева, на войну уйдёт сама жизнь.

Знающие военное искусство мужчины в художественных текстах Б.Л. Васильева ассоциируются с понятиями СЛАВА, ДОБЛЕСТЬ и ЧЕСТЬ: — *Мечи обнажены, господа! — зывал он на обеде в его честь. — Мечи обнажены, и слава волонтёрам! Восторженно аплодировали* [Васильев 2018: 83].

В текстовой деятельности, отмечает Н.С. Болотнова, «проявляется лексикон автора, его знания о мире, система оценок, неповторимые уникальные ассоциации» [Болотнова 2009: 134]. Например, описывая русско-турецкую войну (исторический роман-эпопея «Были и небыли»), Борис Васильев восхищается

офицерами. Отметим, что средства номинации и смыслового варьирования у писателя представлены коннотациями, синтагматикой и архитектурой повествования текста. Отличаются и смысловые трансформации военных событий, в обстоятельства которых включены персонажи. Исследуя основные признаки ментальности в языке, В.В. Колесов приходит к следующему выводу: ««Генная память» народа — его ментальность — складывалась веками, основательно укладывалась в словесном знаке, который обслуживал каждого в соответствии с его личным уровнем чувства или интеллекта» [Колесов 2004: 24].

Клятву себе дал: как отечества достигну, так непременно всех родителей погибших навещу. Лично о геройстве сынов их поведаю, панихиды отстою. Чести служили МЫ, голубчик, чести. — Смерти, а не чести, — сказал Гавриил. — Война — это торжество смерти. — Неужели так полагаете? — тихо спросил полковник. — Страшная это мысль, Гавриил Иванович. Страшная! [Васильев 2018: 543].

Коннотативные средства вербализации диалога резко отличаются, поскольку контекст высказывания Карташова представлен *компрессией сказуемых (дал — достигну — навещу — поведаю — отстою — служили)*, выполняющих прагматическую функцию эффекта действия, эксплицирующего *смысловую вербализацию движения*. В линейной цепочке глаголы функционируют преимущественно в форме будущего времени, но первый и заключительный представлены в форме прошедшего времени. Возникает когнитивная ассоциация (*прошлое — будущее — будущее — будущее — будущее — прошлое*). Реализуется замысел обрамления, опоясывания темпоральных единиц времени: БУДУЩЕГО (грядущего, завтрашнего дня) ПРОШЛЫМ (не в котором, а ГДЕ полегли сыны России). Темпоральное пространство как смыслообразующий фактор художественных текстов о войне наполнено событиями, представленными в различных временных планах. Автор преднамеренно обращается к

ретроспекции, нарушая линейность повествования, временную последовательность, актуализирует прошлые события — данные стилистические факторы являются текстообразующими: для Б.Л. Васильева представляется значимой динамичная архитектура времени, потому что субъективные (модусные) стратегии времени обусловлены индивидуально-авторскими интенциями. Контекстуально-ассоциативная парадигма номинативных экспликаций: *жизнь осталась в прошлом — прошлое заключено в будущем — будущее в прошлой жизни — жизнь* — представляет вербализацию индивидуально-авторской номинации ‘*вечная жизнь*’ и ‘*память*’. «Концепт «Память» в повести Б. Васильева объективирован личностью автора и актуализирует в архитектонике художественного текста индивидуально-ценностные идеалы» [Озерова, Казютина, Лютых 2020: 109].

Функционирование возвышенной и торжественной лексики (*клятва* вместо *обещание*; *отечество* вместо *родная земля/родина/Россия*) является идиостилевой доминантой и выполняет когнитивную функцию смысловой вербализации концепта «Доблесть». Используя повтор как стилистический приём, автор создаёт эмоциональную тональность текста, изображая при этом многовекторные и сложные чувства героев. В текстах о войне «повтор выполняет функцию межфразовой связи и является самым частотным стилистическим приёмом, который фокусирует 1) смысловое пространство, 2) выразительность речи, 3) цепную архитектуру» [Озерова, Казютина, Лютых 2020]. Основная цель данного приёма — выполнение функции усиления, воздействия на читателя: *смерть — не честь — война — торжество — смерть*. Кольцевой лексический повтор *смерть — война — смерть* сопровождается использованием глаголов, при помощи которых автор передаёт динамику происходящих событий. Подлежащее и сказуемое, выраженные существительными (*война — торжество смерти*), составляют бинарную номинацию *война — смерть*.

В анализируемом контексте лексему МЫ обрамляет лексический повтор *честь*. Следовательно, МЫ в интерпретации Бориса Васильева — это ЧЕСТЬ. Рассматриваемый диалог представляет следующую смысловую парадигму: МЫ — ЧЕСТЬ НА ВОЙНЕ — ВОЙНА — ЭТО ДВИЖЕНИЕ К СМЕРТИ — МЫ УМИРАЕМ НА ВОЙНЕ — ЧЕСТЬ БЕССМЕРТНА. *Времена рыцарских сражений ушли безвозвратно, современная война жестока, кровава и, по сути, свободна от нравственности. Не пора ли задуматься, как же сочетать честь личную с честью отечества в этих новых условиях? И тогда...* [Васильев 2018: 501]. Данное высказывание завершается приёмом умолчания, используемым автором для воздействия на читателя при передаче художественной информации о войне. И становится тихо и страшно (*тихо — страшная мысль — страшная*) после заключительного высказывания Карташова, потому что бессмысленно, когда умирает честь. *Отставной полковник не выполнил святой клятвы, потому что накануне отъезда был убит.* «Художественная выразительность образа зависит не от каких-то небывалых сочетаний слов, а от их мотивированности в данном контексте» [Шмелёв 1964: 37]. Герои разных произведений Бориса Васильева как бы вступают в диалог друг с другом — семнадцатилетняя героиня повести «Завтра была война» отвечает: — *Честь — дворянское понятие, — возразила Искра. — Мы ее не признаем* [Васильев 2010: 32].

«Русский язык чётко различает время внутреннее и время внешнее, т.е. категорию глагольного вида и категорию глагольного времени. Объективно действие протекает независимо от позиции говорящего, и глагольный вид передаёт различные оттенки длительности или завершённости действия... Точка зрения говорящего определяет то же действие относительно момента речи... причём настоящее не имеет формы совершенного вида, поскольку настоящее длится» [Колесов 2004: 25—26]. *Вот видите, книжищу целую именами погибших исписал. Листаю синодик сей каждый день: сын крестьянский, сын купеческий, сын дворянский — вся Россия тут* [Васильев

2018: 543]. Каждодневное поимённое поминание — это настоящее для погибших. Соединяя две части диалога, можно выявить авторское отношение к военному времени: *движение на войне, сопровождаемое даже честью, доблестью, вечной памятью, — это путь к смерти.*

Один из персонажей Б. Васильева задаёт вопрос: *Как вы говорили? Война — это когда засыпает Бог?* [Васильев 2018: 396]. И Борис Львович отвечает, воспользовавшись правом автора, умолчанием... и предлагает ответить читателю: война — это когда сражаются воины, а женщины и дети живы. *Значит, когда гибнет человек, в его доме гаснет огонь, — думал он. — Как просто все: смерть — и потухший очаг* [Васильев 2018: 554]. Военное искусство, по мнению автора, закончилось с началом двадцатого века, потому что на смену данному понятию пришли трагедии, убийства и терроризм, и *женщина — любовь — земля ушла убивать.*

Мечтавший стать историком, Борис Львович трепетно относится к фактическим сведениям, проводя собственные изыскания. По его словам, немцев было убито 2 миллиона, а русских людей — 31 миллион. «У каждого своя война», — вспоминает писатель: отсутствие тыла, штабов, санбатов, окружение, беспомощность. И только собственный героизм в желании освободить родную землю от захватчиков вместо офицерской чести, и рядом не профессиональные воины, а мужья, жёны, матери, мальчики и девочки, которые встали из-за школьных парт. *В каждом классе есть свой тихий отличник <...> У нас того тихаря звали Вовиком Храмовым <...> именно Вовиком <...> Придет, сядет в уголке и сидит весь вечер, не раскрывая рта, — одни уши торчат выше головы. Он стрижется под машинку и поэтому обладал особо выразительными ушами. Вовик прочитал уйму книг и умел решать самые заковыристые задачи; мы уважали его за эти качества и за то, что его присутствие никому не мешало* [Васильев 2010: 3]. Детализация описания Вовика отличает архитектонику изображения персонажа Б. Васильева от описания взрослого и сильного крестьянина Захара, который идёт

на войну добровольцем. В трёх словах *в каждом классе* автор укладывает масштаб трагедии. Напряжённость архитектоники художественных текстов о военных событиях достигается также включением цитирования А. Блока (в речь Сони Гурвич), что усиливает чувственное восприятие действительности: «Мы — дети страшных лет России — Забыть не в силах ничего» («А зори здесь тихие...»).

Следовательно, национальные коды актуализируют отражение авторского замысла, исторический материал писатель трансформирует в соответствии с антропоцентрическим подходом при порождении художественных текстов о войне. Смысловое пространство раскрывается при помощи художественного замысла, архитектоники текста и обусловлено экстралингвистическими факторами.

Специфика национальных кодов в художественных текстах о войне заключается в трансформации языкового сознания в культурную память, поскольку тема памяти фокусирует ценностно-смысловое пространство тезауруса Б. Васильева.

Художественные тексты о войне аккумулируют языковые ресурсы, которые составляют идиостилевую специфику Б.Л. Васильева и становятся национальной памятью, авторской мыслью, направленной словом.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 384 с.
2. Васильев Б.Л. Господа волонтеры. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 640 с.
3. Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. М.: АСТ: Астрель, 2010. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134145
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
5. Озерова Е.Г. Апперцепция как когнитивный механизм формирования коннотативно-смыслового содержания лирикопрозаического текста // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 72—78.

6. Озерова Е.Г., Казютина Е.С., Лютых И.А. Дискурсивное пространство художественного текста Бориса Васильева // Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 106—111.
7. Озерова Е.Г., Чеботарёва И.М., Казютина Е.С., Лютых И.А. Стилистика художественных текстов Бориса Васильева // Мир науки. Сер. Социология, филология, культурология. 2020. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43841029>
8. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

© *E.G. Ozerova, E.S. Kazytina*

NATIONAL CODES IN LITERARY TEXTS ABOUT THE WAR

The aim of the study is to identify the nature of the national and culturally significant meanings of literary texts about the war, to analyze and describe the national and cultural motivation for generating Boris Vasiliev's texts. This goal determined the nature of the research methods: the method of cognitive-hermeneutic analysis of the text, developed by us, contains the interpretation of the historical and cultural contextual analysis of literary texts about the war; The linguistic-stylistic method of text analysis is due to the possibility of differentiating the semantic essence of linguistic means through the prism of national and cultural originality. The specificity of national codes in literary texts about the war lies in the transformation of linguistic consciousness into cultural memory, since the theme of memory focuses the value-semantic space of Boris Vasiliev's thesaurus.

Keywords: national code, cultural memory, individual author's perception, lexical repetition.

СПЕЦИФИКА УЗУАЛЬНОЙ И НЕУЗУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ Н.Н. СТРАХОВА

В данной статье представлены результаты очередного этапа исследования, посвященного анализу авторского метаязыкового пространства Н.Н. Страхова. Основная цель работы — охарактеризовать лексический компонент его литературно-критических статей. В основу разноаспектного анализа выделенных автором языковых средств, определяющих специфику организации литературно-критического текста, положены такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а для более полного отражения исследуемых явлений использованы описательный метод и количественный прием. Зафиксированные отвлеченные субстантивы, сложные слова и разнословные сложения позволяют считать их лексическими составляющими идиостиля Н.Н. Страхова. Использование подобного рода слов связано с основными задачами литературной критики.

Ключевые слова: лексический компонент, узуальная и неузальная лексика, литературная критика, Н.Н. Страхов.

Описывая наследие выдающихся деятелей русской философской мысли XIX века, исследователи никогда не обходят стороной Н.Н. Страхова (1828—1896) — известного русского философа, публициста, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Н.Н. Страхов широко известен и как литературный критик, без работ которого русская литература второй половины XIX века не может быть представлена и понята достаточно полно и глубоко.

В предисловии к своей книге «Мир как целое» (1872) Н.Н. Страхов отмечает: «Наш век хочет познавать, но упорно

отказывается мыслить, как будто боясь, что мышление разрушит начала, на которых он строит свою жизнь, и возложит на него слишком трудные задачи и обязанности» [Страхов 2007: 26].

Эту же идею Н.Н. Страхов продолжает развивать и в других работах: «Вообще у ученых и писателей господствует слишком оптимистический взгляд на умственную деятельность. Они уверены, что частная мысль сама найдет свое место в общей сфере, сама определит свои границы, свое отношение к другим мыслям. Между тем тысячи фактов доказывают нам противное. Как люди часто увлекаются и довольствуются словами, забывая об их смысле, так же точно они увлекаются и довольствуются отдельными мыслями, забывая об их связи, об их значении в общей сфере. Под красивыми и звучными словами может не быть искренности и логики; так точно и под ясными и определенными мыслями может не быть истины, не быть действительного понимания предмета» [Страхов 2000: 150]. Так, со временем Страхов-критик занимает позицию, позволившую ему находить «общий связующий взгляд», доходчиво, глубоко и ярко доносить его до других. Поэтому особое внимание он начинает уделять выбору языковых средств, с помощью которых ему удастся наиболее точно и последовательно реализовывать главное: «полезнее и правильнее искать в каждом суждении истинных его поводов, и следовательно, правдивой его стороны. <...> чтобы при надлежащем внимании, можно было дать <...> суждению совершенно здравое истолкование» [Страхов 2000: 370].

Ю.А. Бельчиков замечает, что критики в этот период, с одной стороны, активно стремятся использовать отвлеченно-книжную лексику, а с другой — хотят вырваться из рамок сухой книжности и сделать изложение живым и доступным [Бельчиков 1962]. Это нашло выражение и в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова.

Анализ лексической составляющей идиостиля критика был проведен на материале статьи «Бедность нашей литературы» (1868), состоящей из семи разделов. Исследование лексической специфики позволило выявить многообразие абстрактной лекси-

ки. Так, к примеру, критик отдает предпочтение использованию субстантивов с суффиксами *-ость* (111 лексем и 278 словоупотреблений) и *-ниј(е)* (96 лексем и 305 словоупотреблений). Нередко в одной синтаксической конструкции автор использует несколько существительных с данным деривационным формантом, что приводит к усилению экспрессивного воздействия, например: *Скептицизм, недоверие, отсутствие **наивности**, **насмешливость**, бездеятельная, но умная **леность** — все эти черты русского характера находят здесь себе исход* [Страхов 1984: 80].

Необходимо отметить, что наряду с актуальными для того времени лексическими вариантами, критик использует и устаревшие формы имен существительных, если для них характерна явно выраженная абстрактная семантика. Так, в литературно-критических текстах Н.Н. Страхова сохраняются утрачиваемые языком словообразовательные варианты абстрактных субстантивов с данными словообразовательными формантами. Автор, например, активно используется не только слово *чувство*, но и производное слово *чувствование*: *Блистайте, гремите, изумляйте нас глубиною мыслей и теплотою **чувствований!*** [Страхов 1984: 60].

Второе место по частотности занимают абстрактные существительные с суффиксом *-изм*. Использование количественного приема позволило заключить, что в данной статье обнаруживается 14 лексем с данным формантом и 64 словоупотребления. По справедливим замечаниям исследователей (В.В. Веселитского, Ю.С. Сорокина, Н.В. Леоновой), этот формант начал проявлять продуктивность уже в XVIII веке и применялся в основном для номинации новых понятий в области различных наук. Наряду с отвлеченными существительными на *-изм*, широко использовались однокоренные образования с суффиксом *-ист*. Многообразие слов с данным деривационным формантом позволяет выделить среди существительных две тематические группы.

К *первой группе* мы отнесли слова, обозначающие различные философские направления и их сторонников. Это такие слова, как *социализм, реализм* и им подобные.

Ко второй группе относятся слова с отвлеченным значением, связанные с различными мировоззренческими концепциями, а также слова, обозначающие носителей определенных взглядов и принципов: *нигилизм, нигилист, консерватизм, радикализм* и др.

Необходимо отметить, что в литературно-критических статьях автор не оставляет употребленные термины без внимания и толкования, он сопровождает их своими пояснениями и комментариями, например: *Если хотите, **нигилизм** имеет и свои художественные отражения, но по сущности дела в них мы находим одну чистую видимость, скрывающую отсутствие всякого художества; ибо где нет жизни, там не может быть художества* [Страхов 1984: 73]. В отдельных случаях, там, где это обусловлено определенными задачами, критик использует и особые изобразительно-выразительные средства: ***Нигилизм** часто причисляется к недоваренным обьедкам чужих мыслей; один наш знаменитый писатель видит в нем изношенный башмак Фурье, который мы с благоговением пронесли на своей голове* [Страхов 1984: 79].

В литературно-критических статьях Н.Н. Стрхова довольно часто употребляются префиксальные производные; в качестве префикса в таких словах чаще всего используются *не-, бес-/без-, со-*: *неправильность, неясность, безостановочность*. Контекст в таких случаях выявляет отвлеченное значение подобного рода слов: *Так, между прочим, **сочувствием** нигилизма пользуются английские мыслители за свой скептицизм и эмпиризм, хотя в других отношениях они бесконечно далеки от дерзостей нигилизма* [Страхов 1984: 79].

Языковой материал свидетельствует о том, что в текстах литературно-критических статей с определенной художественной целью используются антонимические пары, позволяющие автору противопоставить того или иного рода понятия и явления: *вера — неверие, состоятельность — несостоятельность* и др. Контекст позволяет определить функциональную предназначенность таких слов: *После стольких усилий, больше чем когда-нибудь мы сознаем, как мы далеки от Европы; более чем*

когда-нибудь мы чувствуем свое **бессилие** сравнительно с нею, **бессилие** и материальное, и нравственное, и умственное. Севастопольский погром открыл нам глаза в отношении к нашей внешней силе; но еще более грустные открытия сделаны нами потом в нашем умственном и нравственном настроении [Страхов 1984: 65].

В анализируемой нами литературно-критической статье Н.Н. Страхова отмечены сложные образования, обозначающие существенные для автора философские понятия. Как отмечают исследователи, среди композитов в XVIII—XIX веках преобладали словообразовательные кальки, созданные по моделям немецкого языка, что, по словам К. Флекенштейна, было вполне закономерно: «результаты работы над философским словарем через посредство журнального языка входили в общую систему литературной речи. В связи с этим в литературном обиходе укрепляются кальки с немецкого языка для выражения отвлеченных общественно-философских понятий» [Флекенштейн 1963: 47].

Многообразие сложных слов позволило провести систематизацию языкового материала. Среди композитов выделены слова с наиболее частотными первыми компонентами. К ним можно отнести следующие:

1. Слова с начальным компонентом *все-* (*всеобщий*).

Н.Н. Страхов использует слово *всеобщий* в значении ‘абсолютный’, например: *Все это — явные признаки слабости нашей литературы и некоторой уродливости нашего развития, по которой оно никогда не достигает полного и всеобщего влияния, не имеет силы внушить к себе уважение всем и каждому* [Страхов 1984: 75].

Активно используя компонент *все-* в составе сложных слов, автор расширяет его значение: (1) ‘распространяющийся на всех и на все’, а также (2) ‘свойство, характеризующееся исчерпывающей полнотой’. Ср.: *всецелый — всеразрешающий: С этого времени у нас постепенно развивались две партии, западническая и славянофильская; одна — требовавшая всецелого под-*

чинения *Европе*, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность; Собственно мы требовали от Европы полного нравственного мерила, полного **всеразрешающего** взгляда, совершенно твердою руководящего начала, а ничего подобного Европа нам дать не могла [Страхов 1984: 73, 78].

2. Слова с начальным компонентом *много-*: *многочисленный, многоопытный, многолюдство, многовековая, многозначительность, многосложность, многообразный, многоразличные*: В наш **многоумный** век непонимание великого часто также идет за признак ума; между тем, в сущности, не составляет ли это непонимание самого разительного доказательства умственной слабости? [Страхов 1984: 82].

3. Слова с начальным компонентом *мир-*, например: В этом ощущении дисгармонии выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и северною природой нашего поэта, и, может быть, другая, еще более глубокая разница — между **миросозерцанием** Запада вообще и Средних веков в особенности и **миросозерцанием** нашего времени и нашего русского духовного строя [Страхов 1984: 91].

4. Слова с начальным компонентом *само-*, например: Нет сомнения, важную роль играет здесь та постоянная потребность **самоосуждения, самообличения** и даже **самооплевания**, которая составляет одну из черт русского характера. **Самодовольство** и **самовосхваление** для нас нестерпимы; напротив, для нас составляет приятное препровождение времени всячески казнить самих себя, не давать себе ни в чем пощады, прилагать к себе самые высокие требования [Страхов 1984: 45].

В последнем примере представлено авторское лексическое новообразование *самооплевание*. Очевидно, его создание по аналогии с употребленными в этом контексте узуальными словами позволяет критику наиболее ярко выразить свое отношение к анализируемой проблеме и привлечь к ней особое внимание читателя.

Как показал проведенный анализ, для Н.Н. Страхова не характерно активное создание индивидуально-авторских слов,

однако единичные примеры неузальной лексики отмечаются: *Слабость нашего духовного развития, неясность, **неформулированность** его глубоких основ внушают смелость отрицать эти основы, отвергать их состоятельность в силу тех требований и задач, с которыми мы, по-видимому, имеем полное право приступать к ним* [Страхов 1984: 80]. Созданное критиком префиксально-суффиксальное слово *неформулированность* вполне гармонично входит в описание общей проблемы, которая анализируется в данной литературно-критической статье, — бедность литературы, бедность духовного развития общества.

5. Слова с начальным компонентом *обще-*: *общепринятый, общечеловеческий, общепонятный, общедоступный* и др. Многообразие подобного рода слов, на наш взгляд, определяется тем, что критик говорит не о частных, а об общих проблемах, которые волнуют каждого члена социума: *Бедная литература! Бедная критика! Ни одного твердо сложившегося мнения, ни одного **общепризнанного** авторитета!* [Страхов 1984: 48].

6. Слова, образованные способом разнословного сложения, в состав которого входят наречие и базовое прилагательное, с дефисным написанием. Как особенность отметим, что большинство таких слов созданы самим критиком, который объединяет в сложную номинацию узальные слова для выражения необычного и емкого смысла, например: *В величайшем нашем писателе сказалась вдруг потребность какого-то отрезвления, и с тех пор она царит в нашей литературе. Из нее нужно объяснять явления этой литературы. Из нее объясняется **прозаически-ноющий** стих Некрасова, напряженный анализ гр. Л. Толстого, симпатия к слабым натурам Ф. Достоевского, постоянная несостоятельность героев Тургенева, обнаженный реализм Писемского; из нее же следует объяснять поэтическое воспроизведение известного быта в драмах Островского* [Страхов 1984: 57].

Таким образом, можно сделать вывод, что литературно-критическая статья как синтез научности, публицистичности

и художественности отличается своей языковой спецификой, что обуславливает выбор особых языковых средств. Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что активное использование автором тех или иных слов обусловлено теми идейно-мировоззренческими позициями, на которых стоял автор, а также теми сложными философскими и литературоведческими проблемами, которые он ставил и пытался решить в своих литературно-критических работах. Тщательный отбор единственно необходимого слова, отточенность мысли и фразы, умелое использование изобразительно-выразительных средств позволили Н.Н. Страхову наиболее полно и глубоко отразить в своем литературно-критическом наследии самые значительные культурные явления эпохи, полемизировать с представителями различных течений русской и европейской мысли, донести до читателя всю силу собственных переживаний о судьбе русской литературы.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А. Анализ языка и стиля публицистических произведений. М.: МГУ, 1962. 21 с.
2. Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
3. Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 459 с.
4. Страхов Н.Н. Мир как целое. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
5. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 260 с.

© *A.A. Okuneva*

SPECIFICITY OF THE USUAL AND NON-USUAL LEXIS IN N.N. STRAKHOV'S LITERARY CRITICISM

This article presents the results of the next stage of research devoted to the analysis of the N.N. Strakhov's author metalanguage space. The goal is

to characterize the lexical component of his literary criticism. The result of a multi-aspect analysis of the language tools determining the specifics of the text organization was the use of general scientific methods such as analysis and synthesis, and a quantitative technique and descriptive methods were used for a more complete reflection of the phenomena. The numerous abstract substances, compound words and multi-word additions allow us to consider them as one of the dominants of N.N. Strakhov's idiostyle. The use of such words is related to the main tasks of literary criticism.

Keywords: lexical component, usual and non-usual lexis, literary criticism, N.N. Strakhov.

© **Осипчук Анастасия Евгеньевна**
Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ПРИКАЗА В ВОЕННОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

В статье дается общая характеристика речевого жанра *приказа*, функционирующего в военном дискурсе и реализующегося в процессе письменной коммуникации военнослужащих. Выявление специфики жанра организовано с целью определения способов воздействия письменных документов на художественную речь. Автор обозначает общую коммуникативную цель описываемых текстов, указывает на ее трансформацию в ходе создания иронии в текстах сатирических произведений. Указанной интенции служит также несоответствие событийного содержания другим компонентам модели речевого жанра. Описываемый жанр чаще всего является полисобытийным, что обуславливает композиционное членение текста. Способность представить несколько событийных линий в речевом жанре *приказания* достигается путем использования различных глагольных форм в пределах одной речевой конструкции. В статье репрезентированы средства формальной организации речевого жанра *приказа* в разных типах дискурса. В военном дискурсе регулярность выражения императивности реализуется через инфинитивы со значением волеизъявления, в художественных произведениях такую частотность получили императивные формы глагола. Автором представлена еще одна особенность речевого жанра *приказания* — способность трансформации в автоприказание.

Ключевые слова: военный дискурс, художественный дискурс, речевой жанр, приказ, императивность, письменная коммуникация, устная коммуникация.

Исследование речевых жанров в различных видах дискурса представляет собой одно из актуальных лингвистических направлений, получивших достаточно широкое освещение в последнее время. Вначале определимся с понятийным аппаратом данной статьи.

Термин *дискурс* будет пониматься нами как «связный текст в совокупности с социокультурным (экстралингвистическим) контекстом (социальным, культурным, психологическим, прагматическим и др.); речь как компонент, участвующий во взаимодействии людей» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 61]. *Военный дискурс* будет включать в себя устные и письменные тексты, функционирующие в процессе речевого взаимодействия военнослужащих, объединенные военно-профессиональной направленностью, средствами выражения которой являются единицы военного подязыка. Следуя мысли Т.А. ван Дейка, под *художественным дискурсом* нами понимается совокупность художественных произведений (текстов), основной характеристикой которых является «стремление писателя при помощи своего произведения воздействовать на внутреннее, духовное пространство читателя, на его систему ценностей, верования и стремления с тем, чтобы изменить их» [Цит. по: Юркевич 2014].

Анализ текстов художественной литературы о войне интересен с позиции представленности в них элементов военного дискурса. Важно проследить за тем, как военный дискурс влияет на формирование универсальной модели человеческого мировоззрения, какие явления привели или могут привести к изменению речевой нормы, появлению новых речевых тенденций.

На этом основании нам кажется необходимым дать функционально-стилистическую и коммуникативно-прагматическую характеристику основных жанров официальных источников военного дискурса. В данной статье мы ограничимся анализом одного речевого жанра (далее — РЖ) военного дискурса — жанра *приказа*, который реализуется в текстах таких документов,

как директива, приказ, приказание, боевой приказ, распоряжение, боевое распоряжение, постановление, указание (здесь нами принимается во внимание типология И.В. Уткиной [Уткина 2006: 71]).

Приказ — «письменное или устное распоряжение начальника, обязательное для исполнения подчиненными, основной акт военного управления. Приказами доводятся боевые задачи до войск, ими регламентируются жизнь и повседневная деятельность войск (сил), учреждений, военно-учебных заведений» [Словарь военных терминов 1988: 227]. Дефиниция позволяет выделить особенности РЖ *приказа*, к которым Т.В. Шмелева относит коммуникативную цель (*управление* — здесь и далее выделено нами. — А.О.), адресата (*подчиненные*) и адресанта речи (*начальник*) [Шмелева 1990], а также определить, что событийная основа высказывания обусловлена сферой военно-профессиональных действий, бытовой и учебной жизни военнослужащих.

Функцией РЖ *приказа* является побуждение адресата к выполнению действий, имеющих объективную значимость, обусловленных военным, социальным долгом адресата перед обществом и совершаемых в интересах общества. Приказ в военном дискурсе носит неличный характер.

Т.В. Шмелева говорит, что события императивных РЖ «относятся к сфере человеческих поступков, действий, и они отнесены в будущее (РЖ с футуральной перспективой)» [Шмелева 1990: 29]. Все директивные тексты, реализующие РЖ *приказа*, соответствуют этой концепции, что находит свое формальное выражение в использовании глагольных форм с футуральным значением, к которым В.С. Храковский и А.П. Володин относят формы императива и футуральные формы индикатива, поскольку именно они «обозначают действие, которое либо должно происходить, либо будет происходить после момента речи» [Храковский 2002: 202].

Формальная организация РЖ предполагает, по Т.В. Шмелевой, описание его языковых примет [Шмелева 1990: 29]. Об-

ращение к текстам письменной военно-деловой коммуникации позволяет отметить высокую частотность использования глаголов в инфинитивной форме с императивным значением: *Главными силами на левом фланге...разбить частные резервы противника, обойти с севера подготовленный рубеж противника...* [Русский Архив 1997: 239]. Инфинитив позволяет выразить крайнюю степень жесткости, требовательности приказа и невозможность проявления несогласия со стороны адресата. Этому способствует и его грамматическая специфика — отсутствие морфологического лица, числа, рода создает эффект «обезличивания» говорящего, способствуя тем самым передаче наибольшей объективности и категоричности. Несомненно, в императивную парадигму письменного РЖ *приказа* входят конструкции с перформативными глаголами *приказываю, предлагаю, прошу, требую*.

Названные способы выражения императивности в текстах военных директивных документов являются основными, наиболее частотными, но не единственными. Ограниченные рамками статьи, мы перечислим эти менее распространенные формы, к которым относим 1) конструкции со значением долженствования и модальными словами *необходимо, должен/должны, следует* (*9-я армия должна использовать все возможности для того, чтобы прорваться также через лесистую местность перед северным флангом армии и продвинуть войска в направлении Ржев* [Русский Архив 1997: 10]); 2) индикатив 3-го лица единственного числа и 3) пассивную форму глагола (*2-я армия наступает между Почепом и Снопотью и прорывает оборону противника на реке Десна с нанесением главного удара сначала против его правого фланга (своим левым флангом) и пробивается в направлении Сухиничи, Мещовск* [Русский Архив 1997: 10]).

Проследим за тем, как описанные выше признаки отражаются в текстах произведений художественной литературы.

Ранее (Осипчук 2020) нами анализировались регулярные глагольные, приглагольные (частицы, союзы) и неглагольные

(частицы, междометия, имена существительные и наречия) средства выражения семантики императивности в РЖ *приказание* на материале текстов художественных произведений о войне. Рассматривая контексты, репрезентующие процесс устной коммуникации военнослужащих, мы исследовали грамматические средства, выражающие семантику императивности в РЖ *приказание* как жанре устной формы речи, и назвали следующие группы:

1. Конструкции с глагольным императивом, инфинитивом в императивном значении и прохибитивом: *Пошлите моё отделение* [Васильев 1994а: 215]; *Продолжать наблюдение!* [Васильев 1994б: 236]; *Не стоять! Не стоять, засосёт!..* [Васильев 1994а: 227].

2. Конструкции, представляющие собой односоставные инфинитивные предложения со значением долженствования: *Нужно оружие собрать...* [Васильев 1994а: 206]; конструкции с перформативными глаголами *приказываю, назначаю, командую, даю*: *Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину* [Васильев 1994а: 223]; конструкции, в которых предикат выражен различными индикативными формами настоящего (*Осянина пойдёт старшей* [Васильев 1994а: 219]; *Идём на Воль-озеро* [Васильев 1994а: 222]) и прошедшего времени (*Пошёл вперёд. До следующей воронки* [Васильев 1994б: 281]).

3. Конструкции, образованные присоединением к глагольным формам повелительного наклонения частицы *-ка*: *Посвети-ка... Встать! Сдать оружие!..* [Васильев 1994б: 185]; использование частиц *чтоб/чтоб, давай*: *Чтоб и не шевельнулся никто* [Васильев 1994а: 234]).

4. Неглагольные средства, среди которых названы частица *всё*, междометия *мари, стоп*, сочетание предлога *без* с отглагольным существительным: *И без переживаний давай, немцы ждать не будут* [Васильев 1994а: 269]; имена существительные: *Огонь!* [Васильев 1994б: 199]; краткие имена прилагательные: *Вы свободны, товарищи командиры* [Васильев 1994б:

155]; наречия: *Вперёд! Вперёд, за мной!..* [Васильев 1994а: 227] [Осипчук 2020].

В художественных произведениях императивность часто выражается различными способами. Рассмотрим пример: *Собирай мальчиков, по кустам расплозились и вперед, за Родину, за Сталина! Возьмешь — «Красное Знамя», не возьмешь — сдавай партбилет, ясно? Выполняй!* [Некрасов 1991: 295—296]. Так, наряду с глаголами в форме повелительного наклонения 2 лица единственного числа *собирай, выполняй*, употреблен глагол в форме прошедшего времени 3 лица множественного *расплозились*. Б.Ю. Норман говорит, что «предстоящее действие, обозначенное формой прошедшего времени, имеет особый оттенок “желательности”» [Норман 2006: 61] и выражает приказ. Сознательное сопоставление в одном контексте формы разных времен, по мысли ученого, есть не что иное как игра: «изменившаяся временная форма свидетельствует: ситуация стала в корне иной» [Норман 2006: 62]. При употреблении форм типа *собирай, выполняй* дается информация о том, что адресатом приказа является слушающий-подчиненный, который не назван, но может быть обозначен местоимением *ты*. *Расплозились* используется в речи в качестве заместителя императивной формы совместного действия, указывает на группу лиц — исполнителей воли говорящего, не являющихся в момент речи участниками коммуникативной ситуации. Однако предполагается, что приказ будет доведен до них позже.

Как мы могли убедиться, в одном тексте объединено не менее двух приказаний, которые соответствуют двум ситуациям речевого общения: первая отражает взаимодействие между адресантом и адресатом речи, характеризуется, по терминологии Т.В. Шмелевой, как инициативный РЖ (без прошлого), вторая предполагает реакцию на приказ этого типа. Устная речь превращает монособытийный РЖ в полисобытийный.

Синтаксис большей части высказываний РЖ *приказания* представлен простыми предложениями. Свойственным текстам военно-деловых документов длинные, осложнённые, сложные

предложения с подчинительной и бессюзной связью не характерны для императивной разговорной формы речи и находят выражение только в высказываниях, имитирующих письменный приказ: *Противник силою до двух вооружённых до зубов фрицев движется в район Воль-озера с целью тайно пробраться на Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина. Нашему отряду в количестве шести человек приказано держать оборону Синюхиной гряды, где и захватить противника в плен... Я решил встретить врага на основной позиции и, не открывая огня, предложить ему сдаться...* [Васильев 1994а: 233—234].

Рассмотрим другой пример: — *Я должна идти. — Девушка поежилась и постояла еще секунду-другую, вслушиваясь. — Нужно идти, — взбадривая себя, прибавила она и стала карабкаться на бруствер траншеи* [Астафьев 1997: 19—20].

Особенностью речевых действий говорящего в представленном контексте является то, что выраженное в нем приказание направлено не на адресата волеизъявления, который вовсе отсутствует, а на адресанта, т.е. «приказ самому себе». Такое автоприказание невозможно в письменной коммуникации, но характерно как для устной речи. Иллокутивная сила приказа не теряет важного компонента объективной значимости, но при этом характер РЖ становится личным.

В сатирических произведениях изменение или ослабление смысла, обозначенного РЖ *приказания*, является одним из приемов создания иронии и сарказма. Приведем пример из романа М.И. Веллера «Приключения майора Звягина»: *Молчать и слушать старших по званию, — приказал Звягин. — Тот, кто доказывает свою правоту физической силой — по-природному исконно прав: он доказывает, что значительнее своего обидчика и врага на Земле...* [Веллер 2011: 61]. В представленном фрагменте команда в духе армейского приказа отдается человеком, принадлежащим военной профессии, но в ситуации, не относящейся к его профессиональной деятельности. Речевое поведение говорящего не соответствует условиям

общения, поэтому возникает ощущение пародийности, комичности не только императивного высказывания, но и всего коммуникативного события, частью которого является волеизъявление.

Еще ярче комичность ситуации проявляется в тексте романа В.Н. Войновича: — *Ложись!* — негромко, словно бы нехотя скомандовал старшина, и Чонкин послушно рухнул на землю. — *Отставь!* — Чонкин вскочил на ноги. — *Ложись! Отставь! Ложись!* [Войнович 2007: 5].

Отданные по уставным правилам команды соответствуют традиционным признакам РЖ, поскольку основным формальным средством ее выражения является инфинитив с императивным значением и глаголы в форме повелительного наклонения. Однако и в первом, и во втором примерах отсутствует важная составляющая иллокутивной силы РЖ *приказания*, определенная нами как его объективная значимость, обусловленная социальным долгом адресата перед обществом. Так, в текстах сатирических художественных произведений, репрезентующих устную форму речи, использование традиционных для военных текстов грамматических форм и конструкций становится средством языковой игры, способом проявления авторской иронии и сарказма.

Итак, сопоставление текстов, реализующих РЖ *приказ/приказание* в деловом (военном) и в художественном дискурсах, позволяет сделать вывод о специфике его функционирования.

Коммуникативная цель РЖ *приказа* и в военном, и в художественном дискурсах заключается в побуждении адресатов к выполнению определенных действий, имеющих объективную значимость. Однако в текстах сатирических произведений с целью создания иронии происходит процесс десемантизации: объективная значимость *приказания* практически сводится к нулю. Этой же интенции создания комического подчинено использование РЖ в несоответствующей ситуации общения.

Как в деловой письменной коммуникации, так и в устной художественной речи РЖ *приказа* может быть и моно-, и поли-

событийным. Однако для делового (военного) дискурса большей регулярностью обладает полисобытийный жанр, в художественном дискурсе продуктивны монособытийные формы.

Обращает на себя внимание разница в формальной организации РЖ *приказа* в разных типах дискурса. В военном наиболее часто средством выражения императивности становятся глаголы в инфинитивной форме с императивным значением, к ним примыкают конструкции с перформативными глаголами. Средства выражения приказа в художественной речи намного разнообразнее. Наряду с инфинитивом, наблюдается употребление собственно императивной формы глагола, что абсолютно не свойственно продуктам письменной коммуникации. Связано это с тем, что приказ в деловом дискурсе максимально обезличивает коммуникантов. Оценить характер взаимоотношений между участниками речевого события невозможно. В устной речи, наоборот, выбор формы глагола обусловлен отношением говорящего к слушающему, что позволяет определить характер взаимодействия адресанта и адресата речи, их статусные характеристики и особенности межличностного общения.

Синтаксис делового дискурса отличается от художественного наличием длинных, осложнённых, сложных предложений с подчинительной и бессоюзной связью. В художественной речи использование таких конструкций имеет определенную цель: имитировать или пародировать (обычно отмечается нарочитость в их использовании) письменный приказ. В остальных случаях структуры устных приказаний короткие, простые, неполные.

Особенностью устной речи, зафиксированной в художественных текстах, становится способность трансформации РЖ *приказания* в *автоприказание*, отличительной чертой которого является представление автора и адресата речи в одном лице. Такое слияние возможно лишь в художественной речи, где приказание стремится к субъективности, к выведению коммуникантов на высший уровень значимости, что можно квалифицировать как

особое проявление антропоцентричности в презентации РЖ *приказания*. Деловая речь максимально объективна, в ней важен результат выполнения волеизъявления.

Итак, анализ текстов военных деловых документов и текстов художественных произведений о войне в синхроническом аспекте позволяет определить первичность РЖ *приказа* и вторичность РЖ *приказания*, указать на зависимость описываемого жанра устной коммуникации от жанра письменной коммуникации. Несмотря на это, художественная речь расширяет границы жанра, наполняя его новыми формами и смыслами, а также способствует его трансформации, что ведет к появлению новых, синкретичных, жанров речи.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Пастух и пастушка // Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 3. С. 5—140.
2. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие... : повесть // Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ: РУСИЧ, 1994а. Т. 1. С. 203—297.
3. Васильев Б.Л. В списках не значился : роман // Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 8 т. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994б. Т. 2. С. 149—339.
4. Веллер М.И. Приключения майора Звягина // Три романа и первые двадцать шесть рассказов. М.: АСТ, 2011. С. 351—723.
5. Войнович В.Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: в 2 кн. М.: ЭКСМО, 2007. 278 с.
6. Некрасов В.П. Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... // По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... / сост. А. Парниса. М.: Худож. лит., 1991. С. 259—354.
7. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 344 с.
8. Осипчук А.Е. Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «приказание» // Научный диалог. 2020. № 1. С. 141—157. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-141-157>

9. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4—1) / В.Т. Елисеев и др. М.: ТЕРРА, 1997. 464 с.
10. Словарь военных терминов / сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
11. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Инст. языкознания РАН, 2006. 312 с.
12. Уткина И.В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 147 с.
13. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив / отв. ред. В.Б. Касевич. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
14. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20—32.
15. Юркевич В.В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-i-hudozhestvennyy-vidy-diskursa-shodstva-i-razlichiya>

© *A.E. Osipchuk*

FUNCTIONING OF SPEECH GENRE OF THE ORDER IN MILITARY AND ARTISTIC DISCOURSES

The article provides a general characteristic of the speech genre of the order, which functions in military discourse and is implemented in the process of written communication of military personnel. Revealing the specifics of the genre is organized in order to determine the ways in which written documents influence artistic speech. The author designates the general communicative goal of the described texts, points to its transformation in the course of creating irony in the texts of satirical works. The specified intention is also served by the inconsistency of the event content with other components of the speech genre model. The described genre is most often poly-event, which determines the compositional division of the text. The ability to present several event lines in the speech genre of command is achieved by using various verb forms within one

speech structure. The article presents the means of formal organization of the speech genre of the order in different types of discourse. In military discourse, the regularity of expressing imperativeness is realized through infinitives with the meaning of the expression of will; in works of art, imperative forms of the verb received such frequency. The author presents another feature of the speech genre of command — the ability to transform into auto-command.

Keywords: military discourse, artistic discourse, speech genre, order, imperativeness, written communication, oral communication.

К ПРОБЛЕМЕ АССИМИЛЯЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «ГИБРИДНОГО» ТИПА (на примере неолексемы *криповый*)¹

В статье на примере адъективной неолексемы *криповый* проанализированы особенности, показатели и тенденции структурной, словообразовательной, лексико-семантической и культурной адаптации адъективных неологизмов с семантикой оценки в современном русском языке последнего десятилетия XXI века, образованных путем присоединения русских аффиксов к иноязычным основам. Адъективные неологизмы указанного «смешанного» деривационного типа в статье именуются рабочим термином «гибридные прилагательные».

Материал исследования включает в себя 18 адъективных неологизмов, извлеченных методом сплошной выборки из неологической базы данных группы Словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН.

На основе анализа типичной сочетаемости неолексемы *криповый*, выполненного с помощью онлайн-системы комплексного мониторинга СМИ «Интегрум», были получены данные о семантической структуре и степени адаптации прилагательного на всех уровнях языка, установлены системные связи неологизма и его место в лексико-семантической парадигме прилагательных русского языка. Кроме того, в статье продемонстрированы такие тенденции, свойственные «гибридным» прилагательным с семантикой оценки, как склонность к развитию полисемии и «двойной» коннотации, а также к функционированию в качестве единицы социолекта.

В заключительной части статьи сделаны выводы о важности дальнейшего изучения и лексикографической репрезентации адъек-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

тивных неолексем «гибридного» типа с семантикой оценки как ввиду их уникального неологического статуса, так и в связи с той значимой ролью, которую они могут играть в процессе концептуализации русской языковой картины мира.

Ключевые слова: новые слова и значения, адъективное образование, заимствование, иноязычная основа, апроприация заимствований, коннотация, языковая картина мира.

Статья посвящена анализу адъективных неологизмов особого типа — прилагательных с семантикой оценки, образованных в результате вовлечения иноязычных основ в деривационные неологические процессы в современном русском языке. Цель исследования — на примере прилагательного *криповый* охарактеризовать особенности, этапы и уровни адаптации адъективных неологизмов, образованных в последнее десятилетие XXI века по регулярным словообразовательным моделям с помощью присоединения русских аффиксов к иноязычным основам. Для обозначения единиц, образованных в соответствии с моделью «заимствованная основа + исконно русский регулярный словообразовательный формант», в данной статье используется рабочий термин «гибридные прилагательные».

Выбор адъективной неолексемы в качестве объекта исследования продиктован тем фактом, что имена прилагательные нередко находятся на периферии внимания неологов в связи со своеобразной опосредованностью своего лексического значения. Однако именно свойственная прилагательным склонность к развитию многозначности и разнообразие их семантических компонентов позволяют интерпретировать адъективные неологизмы как единицы, потенциально обладающие признаками культурных концептов.

Особенный интерес в этой связи представляет анализ неолексем «гибридного» деривационного типа с семантикой оценки, поскольку они наглядно демонстрируют процесс струк-

турной, семантической и культурной адаптации заимствования в его стремлении стать частью не только системы русского языка, но и русской языковой картины мира.

Материалом исследования является экспертная выборка прилагательных, извлеченная из неологической базы данных группы Словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН. Для анализа процесса адаптации и выявления парадигматических и синтагматических характеристик рассматриваемой неолексемы использовались данные онлайн-системы комплексного мониторинга СМИ «Интегрум» и ресурсы сети Интернет.

Несмотря на то, что среди представленных в выборке 2010—2018 годов адъективных неологизмов «гибридного» типа большинство составляют относительные прилагательные типа *блокчейновый*, *каршеринговый* (159 из 177 единиц выборки), в то время как суммарное количество качественных (*кавайный*, *криповый*, *лайтовый*) и относительно-качественных прилагательных (*олдскульный*, *топовый*) невелико (18 единиц), в фокусе внимания в данной статье находятся именно качественные прилагательные, поскольку они зачастую активно участвуют в формировании концептосферы в связи со способностью приобретать коннотацию (причем в некоторых случаях следует говорить о «двойной» коннотации) и выражать оценочность.

Рассмотрим качественное прилагательное *криповый*, адаптация которого может считаться типичной для «гибридных» адъективных неологизмов этого лексико-грамматического разряда. В неологической базе группы Словарей новых слов ИЛИ РАН прилагательное представлено в выборке за 2017 год, что дает нам информацию о том периоде, когда неолексема вошла в активное употребление. База данных «Интегрум» позволяет точно установить дату первой (единичной) регистрации прилагательного в речи пользователей специализированных (как правило, компьютерных) Ин-

тернет-форумов — 2013 год: *Плачущие Ангелы одни из самых **криповых** монстров сериала* (StopGame.Ru, 23.11.2013).

С 2014 г. «Интегрум» фиксирует регулярное употребление прилагательного *криповый*. Наречие *крипово* впервые регистрируется в 2015 году и в настоящее время активно употребляется в речи носителей языка, например: *Суровые школьники из Таиланда не захотели следовать дресс-коду и начали протестовать. Делают это они настолько **крипово**, что их перформансами если не систему, то психику точно можно сломать* (medialeaks.ru, 07.08.2020).

Процесс адаптации неологизмов интерпретируется нами в контексте «культурной апроприации заимствований» (термин, введенный и активно используемый Т.Б. Радбилем и подразумевающий рассмотрение языковых новаций на базе иноязычных элементов «через призму освоения когнитивных моделей и концептуальных схем, стоящих за иноязычными словами и выражениями как знаками чужой культуры» [Радбиль 2019: 524]). Автор выделяет несколько уровней культурной адаптации заимствованных элементов, которые будут рассмотрены в статье применительно к прилагательному *криповый*.

Адаптация **на структурном уровне** включает в себя оформление по законам русской грамматики, приобретение ударения в соответствии с акцентными нормами словообразовательной модели, формирование лексико-грамматического разряда и пр.

Мотивирующей основой слова можно считать либо существительное *крип* (наименование монстра в компьютерной игре, встречается на специализированных форумах с 2006 года), либо основу *крип-*, непосредственно заимствованную от английского прилагательного *creepy*, система значений которого выглядит следующим образом: «1) а) бросающий в дрожь, вызывающий страх, б) покрывающийся мурашками (от страха, боязни); 2) ползучий; ползающий, медленно передвигающийся;

3) лыстящий, пресмыкающийся» [АВВУУ Lingvo 2004]. На данном этапе функционирования семантика прилагательного *криповый* вмещает в себя только значение 1а, являющееся основным и у неолексемы в русском языке, и у английского прилагательного *creepy*. Вместе с тем, как мы убедимся в ходе дальнейшего исследования, неологизм *криповый* развивает дополнительные значения и коннотацию, не свойственные английскому слову-донору.

Таким образом, с точки зрения словообразовательной структуры неолексема *криповый* представляет собой основу *крип-*, к которой присоединяется суффикс *-ов-*, т.е. относится к прилагательным, мотивированным прилагательными (подобно *легковой*, *бордовый*). Однако следует заметить, что неологизм *криповый* не полностью соответствует характеристикам словообразовательной модели, так как является качественным прилагательным, а также единицей сленга, что не типично для адъективных единиц данного типа. Это позволяет нам предположить, что в данном случае суффикс *-ов-* не имеет самостоятельного словообразовательного значения и служит исключительно формальным средством грамматической ассимиляции заимствования.

Для адаптации неологизма *криповый* на лексико-семантическом уровне характерны конкретизация и трансформация значения, развитие полисемии, а также приобретение смысловой двуплановости, выражающейся в формировании «двойной» коннотации.

Анализ сочетаемости прилагательного позволяет нам сформулировать его основное значение как ‘жуткий, вызывающий чувство страха’: *Криповые гуманоиды в черных костюмах, владеющие телекинезом* (FURFUR.me, 15.09.2014). Вместе с тем уже на раннем этапе функционирования у неологизма можно наблюдать развитие переносных значений (очевидно, ввиду недостаточной сформированности лексического значения неологизма пока целесообразно говорить об оттенках

значения). В зависимости от контекста в структуре переносного значения неологизма может присутствовать:

— **негативная коннотация**, проявляющаяся у значений:

‘нелепый, странный, несуразный’ (с *криповой шевелюрой, криповый ноутбук*): *Миллениалов... нет в Facebook..., потому что они не хотят быть затеганы на «криповой семейной фотке с бабушками и ковром на стене»...* (Kanobu.ru, 10.12.2015);

‘непривлекательный, уродливый’ (в качестве признака внешних объектов, в том числе тела человека): *криповая внешность, криповая девушка*;

‘отвратительный’ (в качестве моральной оценки): *криповый поступок*.

Показателем ассимиляции семантической структуры слова можно считать обыгрывание прямого и переносного значений в контексте: *Что криповее: оказаться в доме с фантомом или выкинуть ложку вместо этикетки от йогурта?* (Телеканал 2×2 (2×2tv.ru), 01.06.2018);

— **положительная коннотация**: ‘правильный, соответствующий жанру’ (наличие в лексическом значении прилагательного этого семантического компонента связано с особым жанром Интернет-фольклора и литературы — *крипи-тред* или *крипистори*, которые тоже представляют собой заимствования от англ. прилагательного *creepy*): *Майк Дува создал криповую рекламу для Halo Top, и она очень хороша* (Sostav.Ru, 08.09.2017);

‘захватывающий, увлекательный’: *На выходных участвовал в отраслевой конференции OpenTalksAI по искусственному интеллекту. Было довольно крипово, но в хорошем смысле слова* (Finam.info, 24.02.2019).

Неолексему *криповый* характеризует наличие развитых системных связей. Во-первых, прилагательное становится участником обширного синонимического ряда. Так, неологизм вступает в синонимические отношения с прилагательными *жуткий* (наибольшее совпадение семантических компонентов), *страшный, ужасный, устрашающий, злоециый*, а в неосновных

значениях — с прилагательными *странный, нелепый, уродливый, отвратительный, мерзкий* и др.

Кроме того, прилагательное *криповый* в речи носителей языка обнаруживает синонимию с жаргонным прилагательным *стремный* в значениях ‘опасный, рискованный, внушающий страх’ [Химик 2004: 1276] и ‘странный, нелепый’, а наречие *крипово* — с наречием *стремно* в значении ‘опасно, боязно’ [Химик 2004: 1275]. Особенно ярко эта синонимичность проявляется в употреблении лексемы *крипово* в качестве предикатива: *Помню, когда проходил игру в первый раз, на минуту даже подумал, что это будет хоррор, настолько мне было крипово бродить по заброшенному посёлку и танцевать с первыми мутантами* (StopGame.Ru, 22.02.2019).

Таким образом, лексическое значение неологизма содержит уникальный в своем роде набор семантических компонентов, который не встречается в структуре синонимичных ему единиц регулярных русского языка, т.е. прилагательные этого ряда не могут считаться полными синонимами. Кроме того, семантическая структура прилагательного *криповый* коррелирует со структурой значений слова *creepy* в языке-доноре, но не обнаруживает с ней полного соответствия. Своеобразие семантики неолексемы повышает шансы этой лексической единицы на дальнейшее закрепление в языке и даже позволяет ей впоследствии претендовать на роль культурного концепта.

Помимо целого ряда синонимов, интересно также отметить наличие у неологизма *криповый* омонима — относительного прилагательного, мотивированного геологическим термином *крип* («смещение рыхлого покрова вниз по склону под влиянием периодического изменения объема грунтовой массы» [Геологический словарь 1978: 371]) и употребляемого в составе устойчивых терминологических словосочетаний *криповые движения, криповая посадка* и т.д. Оба омонима образованы от английского слова *creep*, но в случае с термином его основой послужил глагол *creep* в значении «ползти,

сползать», словообразовательно и семантически родственный прилагательному *creepy*.

В настоящее время омонимы функционируют в языке параллельно, но различаются лексико-грамматическим рядом (относительное и качественное прилагательные) и сферой употребления (термин и единица сленга). Возникшая омонимия привела к явлению «шума», затрудняющему поиск информации о слове в базе данных «Интегрум», а также к перераспределению и расширению ряда членов лексико-семантической парадигмы.

О высокой степени апроприации прилагательного *криповый* на словообразовательном уровне свидетельствует формирование достаточно развитого словообразовательного гнезда с основой *крип-*, куда входят: наречие *крипово*, глагол *криповать* ‘бояться чего-л.’, абстрактное существительное *крипота* («**Крипота** — это собирательное название различного рода мрачных ужастиков, от картинок до страшилок» — информация из одноименного сообщества социальной сети «Вконтакте»), его дериват — прилагательное *крипотный* (очевидно, полный синоним неологизма *криповый*, ср. употребление в переносном значении: *Все шло как я и мечтала: два месяца прогулок под луной, три года испытания чувств, свадебный банкет с **крипотным** тамадой...* news24.pro 11.05.2020).

Подобно прилагательному, все указанные дериваты с основой *крип-* имеют ярко выраженную социальную маркированность и носят разговорный или просторечный характер.

Признаками начала процесса адаптации прилагательного на коммуникативно-дискурсивном уровне являются:

1) рост числа употреблений лексемы и расширение изначально специализированной сферы функционирования: так, если в 2014 году в «Интегруме» зафиксировано 102 употребления прилагательного *криповый* с учетом «шума» (только на компьютерных сайтах и форумах), то в 2018 году базой регистрируется 1049 употреблений, а к 2020 году это число возрас-

тает до 7359 употреблений во всех видах периодических изданий;

2) приобретение смысловой двуплановости (под ней в данном случае подразумевается уже рассмотренная нами выше «двойная» коннотация, которая в зависимости от контекстуального значения может трансформироваться в положительную или негативную).

Однако ввиду того, что неолексема *криповый* пока не преодолела функционально-стилистическую маркированность, процесс адаптации и культурной апроприации нельзя считать завершенным. Это подтверждают и результаты опроса среди носителей русского языка, проведенного автором статьи с целью выяснить степень ассимиляции неологизма. В опросе приняли участие 36 человек из трех возрастных групп. Были получены следующие результаты:

1) прилагательное *криповый* является абсолютным агнонимом для 12 человек (возраст респондентов — от 30 до 74 лет);

2) прилагательное является единицей пассивного словарного запаса — 15 человек (возраст от 32 до 46 лет);

3) значение прилагательного известно респонденту и используется в речи — 9 человек (возраст от 14 до 40 лет).

Таким образом, лексическое значение неологизма *криповый* полностью осознается преимущественно молодыми людьми, а сам неологизм отчетливо ощущается носителями языка как единица молодежного сленга, что не могло не отразиться на словарной репрезентации неолексемы: прилагательное пока регистрируется единственным лексикографическим источником — «Русским Викисловарем», где оно снабжено пометами *неол. мол.* и представлено в значении ‘вызывающий чувство страха; страшный’, а в качестве синонима слова приведено прилагательное *жуткий* [Русский Викисловарь].

В данный момент трудно предсказать судьбу неологизма *криповый* ввиду его относительно недавнего вхождения в систему русского языка, однако достаточно высокий уровень адаптации прилагательного на разных уровнях языка и

положительное восприятие лексемы определенной социальной группой делают возможными дальнейшую культурную апроприацию, словарную фиксацию и вхождение слова в лексическую систему русского языка.

Список литературы

1. Геологический словарь: в 2 т. Т. 1. А—М / отв. ред. К.Н. Паффенгольц. М.: Недра, 1978.
2. Криповый // Русский Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/криповый>
3. Радбиль Т.Б. Хайп как новейший русский культурный концепт: к проблеме лингвокультурологической интерпретации // Русское слово в многоязычном мире: мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2019.
4. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004.
5. ABBYY Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь. М.: Аби Софтвер, 2004.

© *A.S. Pavlova*

ON THE PROBLEM OF ASSIMILATION OF ADJECTIVES BASED ON “HYBRID” DERIVATIONAL PATTERN IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (by the example of neolexeme *kripovyj*)

The article analyses the peculiarities, markers and trends of structural, derivational, lexical-semantic, and cultural adaptation of adjective neologisms in the modern Russian language of the latest decade of the 21st century which are derived from a borrowed stem by adding a Russian derivational affix and possess an evaluation-type connotation. The research is conducted by the example of the neolexeme *kripovyj*. The above-mentioned lexical units are further referred to in the article as “hybrid” adjectives. The data presented in the article are based on a sample which currently comprises 18 lexical units collected by means of continuous sampling and extracted from the database of the group of academic “Dictionaries of neologisms” at the Institute for Linguistic Studies

of the RAS. The investigation of typical co-occurrence conducted with the help of the “Integrum” large-scale mass media database has revealed the semantic structure and the adaptation range of the neologism *kripovyj* at different language levels, as well as the place the neolexeme has occupied within the lexical-semantic paradigm of adjectives in the Russian language. Furthermore, it is shown in the article that “hybrid” adjectives tend to develop polysemy and “double” connotation and are likely to be used as slang units. In the conclusion of the article the relevance of further research and lexicographic representation of “hybrid” adjectives with an evaluation-type connotation is stated due to both their unique neological status and the important role they can play as a basis for the constructing of linguistic worldview.

Keywords: new words and meanings, adjective derivation, borrowing, loan-word stem, appropriation of loan words, connotation, linguistic worldview.

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПРИСТАВОК *НЕДО-* И *ПЕРЕ-* В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦЕВ¹

Статья посвящена изучению семантической структуры приставок *недо-* и *пере-* на материале неологизмов коронавирусной пандемии. Лексемы, как например *недовирус*, *недозидемия*, *недовакцина*, *недокарантин*, *недостатистика* и т.д., подвергаются семантическому анализу с учетом их вербального и ситуативного контекстов. На основе анализа сделан вывод о том, что кроме обозначения недостаточно-нормативной интенсивности действия или проявления признака, приставка *недо-* может подвергаться семантическому сужению прагматического характера, передавая лишь отрицательное отношение говорящего к денотату. Помимо этого, из анализа явствует, что несмотря на антонимичное отношение между приставками *недо-* и *пере-*, среди изучаемых нами неологизмов в значительной мере преобладают дериваты с префиксом *недо-*. Такое положение дел объясняется лексическим значением лексем и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: неологизмы, приставка, семантика, словообразование, интенсивность.

1. Введение

В последние годы вопросы семантики и употребления приставок *недо-* и *пере-* вызывают все больше научного ин-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

тереса. Среди работ, посвященных данной теме, выделим статьи О.А. Пацкоковой [Пацкокова 2009; 2012], в которых рассматриваются орфографические аспекты употребления приставки *недо-*, семантико-когнитивный анализ Ю.В. Серышевой и Ю.В. Филь [Серышева, Филь 2014], работу М.Н. Эпштейна, изучающего префикс *недо-* в качестве русского культурного символа [Эпштейн 2003], а также статьи Д. Хоригути, в которых обращается внимание на изолированное употребление обеих приставок [Хоригути 2017а], на возможность их комбинации в рамках одной лексемы [Хоригути 2017б] и на способность вкрапления приставки *недо-* внутрь слова, см. *зарнедоплата* [Хоригути 2018].

Активизация данных приставок в области словообразования связана с явной тенденцией русской речи к эмоциональности, оценочности, экспрессивности и рефлексивности. Как правило, данные приставки изучаются в антагонистической оппозиции, как оппозитивная пара. Для их семантики характерно, что в их семантической зоне сочетаются семы качественности, количественности, интенсивности и оценочности. Обе приставки передают ненормативно-оценочные смыслы: недостаточную/ избыточную степень интенсивности по отношению к норме [Серышева, Филь 2014: 24]. Вкратце рассмотрим семантическую структуру приставок *недо-* и *пере-*.

А) Семантика приставки *недо-* включает следующие семы:

1) незаконченность, неполнота действия: *недоделать, недоушить, недорассказать, недопонять, недочитать* и т.д.;

2) неполнота интенсивности действия или признака: *недооценить, недоукрепить, недоопределенность, недоопределенный, недовес* и т.д.;

3) недостаточное количество результата действия: *недособрать (информации), недопродать (товары), невыполнить (задания)* и т.д.;

4) недостаточное проявление какого-л. приоритетного признака предмета, низкое качество предмета: *недоавиакомпания, недобанк, недоводитель, недоноутбук, недоapp* и т.д.

Б) В семантическую зону приставки *пере-* входят следующие семы:

1) чрезмерная длительность действия: *переработать, переварить, пересушить* и т.д.;

2) чрезмерная интенсивность действия: *пересолить, переперчить, переутомиться* и т.д.;

3) чрезмерная интенсивность признака: *перевес, пересоленный, перезанятый* и т.д.;

4) чрезмерное проявления какого-л. приоритетного признака предмета, высокое качество предмета: *пересмартфон, перепланшет* и т.д.

Рефактивным (напр.: *переписать (статью)*), дистрибутивным (напр.: *перечитать (все актуальные статьи о коронавирусе)*) и уменьшительным значениями (напр.: *передохнуть*) приставки *пере-* в рамках данного исследования мы не будем заниматься.

Можно полностью согласиться с Д. Хоригути в том, что префиксы *недо-* и *пере-* имеют широкий сочетаемостный потенциал [Хоригути 2018: 318]. Данные приставки могут присоединиться к глаголам (*недогрузить, перегрузить*), к именам существительным (*недовес, перевес*) и к именам прилагательным (*недозанятый, перезанятый*).

При сопоставлении перечисленных значений и сочетаемостный особенностей изучаемых нами приставок, может казаться, что выражение недостаточной и чрезмерной интенсивности действия или проявления какого-л. признака имеет сбалансированный характер. Исходя из этого мы поставили перед собой цели: 1) рассмотреть, насколько автоматически происходит образование двух членов оппозиции; 2) определить значение приставок *недо-* и *пере-* в дериватах, относящихся к тематической группе пандемии коронавируса.

Языковые факты, использованные в ходе нашего исследования, были заимствованы с разных форумов, блогов и из общения в социальных сетях, соответственно этому, они имеют разговорный или даже просторечный характер.

Необходимо отметить, что некоторые из наших примеров входят и в другие таксономические группы. Например *недовирус*, см. предложение (1), встречается также на компьютерных форумах.

2. Семантические особенности лексем с приставкой *недо-*, связанных с тематикой пандемии коронавируса

Примеры (1)—(4) выражают скепсис говорящего в серьезности, т.е. в полной силе вируса и пандемии. В данных предложениях *недовирус* можно толковать как ‘ненастоящий, низкокачественный вирус’, соответственно, *недоэпидемия* толкуется как ‘ненастоящая, неполная эпидемия’, *недопандемия* — ‘ненастоящая пандемия’, *недоинфекция* — ‘ненастоящая инфекция’. Небезынтересно заметить, что существуют хештеги *недокоронавирус*, *недоковид*, которые передают лишь отрицательное субъективное отношение говорящего к обозначаемому. В данном случае мы не можем говорить о значении неполноты, поскольку нет ориентира, по отношению к которому можно было бы определить меру интенсивности признака.

(1) *Недовирус* выявил еще одну особенность социального развития мира. Психологическую.

(2) Но нынешняя «недоэпидемия» внезапно выявила еще одно возможное толкование этих частей, доселе неостребованное.

(3) Изменения в продажах после *недопандемии*.

(4) Павел, да мне плевать на вашу *коронавирусную недоинфекцию*.

В примерах (5)—(7) выражается значение неполноты основного (прототипического) признака названных предметов — признака эффективности. Следовательно, *недовакцина* — ‘некачественная, неэффективная вакцина’, *недобольница* — ‘некачественная, неэффективная больница’. В данных лексемах наблюдается функция приставки *недо-* выражать отрицательную оценку предметов.

(5) *Американские военные срочно готовят «недовакцину» против коронавируса.*

(6) **Недовакцина**, которую раскритиковал весь цивилизованный свет, похоже всё-таки отправится в экспортное путешествие и найдет свое применение в Беларуси, ...

(7) Эта **недобольница** столько умерших городу дала, что по всему Пермскому краю меньше.

В примере (8) существительное **недокарантин** имеет значение неполноты признака — ‘ненастоящий карантин’. Такое значение поддерживается содержанием газетной статьи, согласно которой в Москве меры против распространения коронавируса вводятся постепенно, т.е. в момент наблюдения карантин является частичным. Однако в примере (9) мы имеем дело с полной проявлением признака, приставка **недо-** всего носит лишь оценочный характер.

(8) Собянин “режет хвост по частям”: **Недокарантин** московских властей опаснее изоляции.

(9) **Недокарантин**. Или транспортный хаос. Харьковское метро закрыто на карантин. В связи с распространением коронавируса в Украине президент предложил, а Кабмин поддержал решение запретить работу метрополитенов.

Существительные **недоизоляция**, **недосамоизоляция** и **недоограничение** в примерах (10), (11) и (12) выражают ненормативное, точнее недостаточное проявление признака.

(10) Майская **недоизоляция**: больше половины краснодарцев ездили в гости к друзьям и близким.

(11) **Недосамоизоляция**: почему самарцы игнорируют рекомендации по коронавирусу.

(12) Может уже снять все эти **недоограничения**, раз они все равно никого не ограничивают?

Приставка **недо-** в составе существительного **недостатистика** вносит в значение производящего слова сему некачественности и отрицательную коннотацию:

(13) Ну и смысл писать эту **недостатистику**, если уже озвучили, что 12% протестированных имеют антитела, следовательно переболели.

Судя по публицистическим текстам венгерских и англоязычных СМИ, у нас сложилась преконцепция о том, что глагол *недоместировать* является широко распространенным: *The truth is — nearly every country is **under-testing**. Conversely, we've known for months that **under-testing** is deadly.* Однако результаты поиска не подтвердили нашу гипотезу: найдены лишь спорадические примеры употребления данного глагола в русском языке. Глагол *недоместировать*, как об этом свидетельствуют примеры (14) и (15), выражает недостаточное количество проведения действия.

(14) *YouControl: семь областей и Киев «недоместированы» на коронавирус.*

(15) *Коэффициент выявления 11% (иногда 20%) говорит о том, что **недоместируют** контактных, а значит — не отслеживают...*

3. Семантические особенности лексем с приставкой *пере-*, связанных с тематикой пандемии коронавируса

Среди изучаемых нами лексем практически не найдено эквивалентов со значением чрезмерно-нормативной интенсивности. По нашему мнению, во-первых, такое положение дел связано с лексическим значением данных слов, во-вторых — с экстралингвистическими факторами. Тем не менее, представляет интерес, что несмотря на то, что карантин может восприниматься чрезмерно продолжительным или самоизоляция — чрезмерно интенсивной, нами найден всего один контекст, в котором приставка *пере-* имеет описанное выше значение, см. пример (16).

(16) *Как там ваш недокарантин-пересамостояизоляция?*

Из вышесказанного, однако, не следует, что в русском языке не существует лексем с префиксом *пере-*, относящихся к тематической группе коронавирусной эпидемии. Интерпретируя перечисленные ниже лексемы, можно установить, что приставка *пере-* в составе данных слов имеет рефактивное или дистрибутивное значение: *перевакцинация* — рефактивное

значение ‘повторная вакцинация’; *переизоляция* — рефактивное значение ‘повторная изоляция’ (напр.: окон); *переперезаражение* — рефактивное значение ‘повторная инфекция’; *перетестировать* — 1) рефактивное значение ‘повторно протестировать’; 2) дистрибутивное значение ‘протестировать многих’; *перезаражать/перезаразить* — дистрибутивное значение ‘заразить многих’; *перезаражаться/перезаразиться* — рефактивное значение ‘повторно заразиться’; *перезаражение* — рефактивное значение ‘повторное заражение’; *перезараженный* — рефактивное значение ‘повторно зараженный’.

4. Выводы

Наше исследование на материале лексики, относящейся к тематической группе медицины, последних месяцев показало следующее:

1. Между дериватами с приставкой *недо-* и с приставкой *пере-* в ненормативно-интенсивном значении нет количественного баланса. В области коронавирусной лексики преобладают дериваты с приставкой *недо-*, их появление в лексике русского языка не вызывает появления антонимической лексемы.

2. Дериваты с приставкой *недо-* выражают недовольство, отрицательное отношение говорящего к обозначаемым явлениям, их непринятие или даже сомнение в их существовании. В некоторых случаях значение приставки *недо-* ограничивается на негативной оценочности.

3. Несмотря на то, что чрезмерное проявление какого-л. признака или чрезмерное проведение действия не оценивается положительно (ср. *перевес*), появление дериватов с приставкой *пере-* на данный момент нами не наблюдается. Как нам кажется, при выражении отрицательной оценки приставка *недо-* вытесняет приставку *пере-*.

4. На данный момент наши примеры лексем с приставкой *недо-* не считаются фактами языка, лишь фактами речи. Можно предположить, что после изменения внешних обстоятельств

данные слова выходят из употребления, не успев кодифицироваться.

Список литературы

1. Пацюкова О.А. Проблема разграничения на письме сложного префикса «недо-» и омофоничного сочетания отрицательной частицы «не» и префикса «до» в глаголах // Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 1. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2009. С. 193—197.
2. Пацюкова О.А. Приставка *недо-* в языке и речи // Русская речь. 2012/1. С. 39—44.
3. Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Глаголы с вторичными префиксами *пере-* и *недо-* сквозь призму языкового сознания носителей русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 24—35.
4. Хоригути Д. Лучше *пере-*, чем *недо-*, или семантическая автономность русских префиксов *пере-* и *недо-* // Актуальные проблемы русского словообразования: мат-лы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекистанской научной школы русского словообразования / отв. ред. А.Г. Шереметьева. Ташкент: НУУз, 2017а. С. 27—32.
5. Хоригути Д. Префиксальные комбинации *перенедо-* и *недопере-* в русском языке. // Тез. докл. VII Междунар. конф. «Современные проблемы славянской филологии: трансформация ценностей в славянских языках и культурах» (Тайбэй, 11—12 ноября 2017 г.). 2017б. URL: https://drive.google.com/file/d/15dCouomUSHtB_UNm1EUx6PcbtF9KRb6z/view
6. Хоригути Д. Оказиональное вкрапление префикса *недо-* // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 1—3 декабря 2017 г.). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2018. С. 317—324.
7. Эпштейн М.Н. Приставка *недо-* как понятие и культурный символ // Дар слова. 2003. Вып. 18. URL: http://old.russ.ru/krug/20030311_dar.html

**ON THE SEMANTIC RELATIONS
OF THE PREFIXES *NEDO-* AND *PERE-*
REGARDING THE NEOLOGISMS OF THE LAST MONTHS**

The article is focused on the semantic structure of the prefixes *nedo-* and *pere-* in neologisms connected to the coronavirus pandemic. Lexemes such as *недовирус*, *недозпидемия*, *недовакцина*, *недокарантин*, *недостатистика* etc. are involved in a semantic analysis with account of their verbal and situational context. The results of the analysis have shown that apart from indicating non-standard (low) intensity of an action or an attribute, prefix *nedo-* can go through a narrowing of meaning and convey only a negative attitude of the speaker to the denotation. In addition, it was concluded that despite the antonymic relation between the prefixes *nedo-* and *pere-*, among the neologisms we study, derivatives with the prefix *nedo-* predominate to a large extent. According to the opinion of the author this is due to the lexical meaning of the lexemes as well as some extralinguistic factors.

Keywords: neologisms, prefix, semantics, derivation, intensity.

ТАВТОЛОГИЯ И ПЛЕОНАЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АКТИВНЫХ СПОСОБОВ ДЕРИВАЦИИ

Цель статьи — изучить тавтологию и плеоназм с точки зрения активных способов деривации. В работе использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа и метод контрастивного анализа. Результатом проведённого исследования является признание принадлежности тавтологии и плеоназма и к языковой норме, и к речи. Анализ фактов показывает, что тавтологические и плеонастические образования могут изучаться как концепты благодаря свернутости понятийной стороны, что превращает их в единицу ментальных и психических ресурсов нашего сознания. Следовательно, признается нормативность использования данных явлений, фиксируется внимание на антропоцентрическом подходе, позволяющим определить их прагматические характеристики.

Ключевые слова: тавтология, плеоназм, дериватология, психофизиологическая организация, прагматика.

Во многих словарных толкованиях при объяснении терминов «плеоназм и тавтология» используется критерий избыточности, но этой особенности мало при их различении. Поэтому их дефиниции являются неполными.

Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой под плеоназмом следует понимать «оправданную избыточность», соответственно, тавтология трактуется как «неоправданная избыточность» [Ахманова 1966: 467]. Таким образом, характер оценочности присутствует, а критериев оценочности нет. Однако существует оппозитивное утверждение, признающее выразительность, стилистическую нагруженность не только плеоназма, но и тавтологии. Избыточность в художественном

тексте помогает перейти от простого изображения к образному; эмоциональные, коннотативные оттенки способствуют пониманию значения контекста и не допускают двойкой интерпретации, понимания [Юсубова 2010: 175].

Таким образом, анализ дефиниций плеоназма и тавтологии показывает их смежность, отсутствие разграничений между этими типами избыточности, а также амфиболию (двойственность) в оценке: с одной стороны, анализируемые языковые средства воспринимаются как речевая ошибка, с другой стороны, являются стилистически окрашенными и семантически наполненными. В этом заключается и важность, необходимость изучения данной проблемы особенно если рассматривать тавтологию и плеоназм не всегда как логическую ошибку, обращая внимание на их прагматические функции. Так, одним из постулатов когнитивистики является положение о значимости нестандартных употреблений, определяемых в рамках когнитивного подхода как специфические операции над знаком, приводящие к перераспределению информации.

Поэтому в настоящей работе мы разделяем «широкое» понимание тавтологии, которое охватывает не только однокоренные слова, но и синонимические пары (ср. *путь-дорога*). Необходимо отметить, что причина появления подобословия, по словам А.А. Потебни, коррелирует с совпадением значения сочетаний в мысли говорящего [Евгеньева 1949: 181].

Дифференцируя тавтологию и плеоназм (вслед за А.П. Евгеньевой, Т.А. Ковалевой и другими учеными: Д.Э. Розенталем, М.А. Теленковой; Ю.С. Карауловым и т.д.), выбираем определение Т.А. Ковалевой: «плеоназм — вид избыточности, состоящий в дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных лексем или грамматических форм, а также отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания» [Ковалева 2017: 158]. Данное толкование плеоназма считаем наиболее точным, так как выработаны критерии разграничения этого вида полисемии.

Учитывая частотность употребления и тавтологии, и плеоназма, их «жизнь» на всех уровнях языка, целесообразным представляется описать их морфемный ярус функционирования, так как речетворчество напрямую связано с последующими двумя уровнями языковой системы (лексическим и синтаксическим), а значит — и мыслью. При этом мы будем опираться на классификацию Т.А. Ковалевой, несколько ее изменяя и дополняя, что свидетельствует, в свою очередь, о постоянном эволюционном аспекте знака [Ковалева 2017: 100—106].

Кроме этого, необходимо отметить, что психо-языковые компоненты тавтологических и плеонастических образований подтверждают идею Л.В. Щербы о речевой организации человека как «психофизиологическом явлении индивида. Его психофизиологическая организация считается культурно детерминированной, так как апеллирует к определенной социофизической единице» [Щерба 1974: 25]. Следовательно, потенции мысленного представления о предмете, ноэмы, культурно окрашены, но и безграничны. Данным положением обусловлена актуальность исследования. Это значит, что выбранная нами проблема нуждается в дальнейшем обстоятельном изучении. Вышеуказанным условием продиктована и цель работы — исследовать тавтологию и плеоназм с точки зрения активных способов деривации.

Итак, наиболее продуктивными способами образования тавтологических оборотов являются:

1) префиксальный способ:

а) основа прилагательного + приставка *не-*: **Неслабый слабый** *пол: смелые женщины в мужских профессиях* [Питалев 2017].

б) однокоренные глаголы и глагольные формы с различными префиксами:

А если я пешком к тебе пойду,

То не дойду — на землю упаду.

[Юнко 2011].

2) суффиксальный способ:

а) основа существительного + суффикс *-н-*: *Все люди на большой планете / Должны всегда дружить. И в мирном мире жить* [Пляцковский 2012: 1];

б) основа существительного + суффикс *-ск-*: *Администрация муниципального образования сельского поселения села Мокрое* (Официальный сайт);

в) основа прилагательного + суффикс *-ость-*: *Безопасная безопасность* — каталог товаров по низким ценам и с бесплатной доставкой. Широкий ассортимент и качественная продукция от Joop (Реклама 2019);

г) основа прилагательного + суффикс *-о-*: *В дружном Новосибирске дружные пассажиры дружно толкнули троллейбус в горку* [Видеогалерея, Комсомольская правда 2017];

д) основа прилагательного + суффикс *-и-*: *Руководство Генеральной прокуратуры фактически не признает факта создания Совета прокуроров Украины* [Луценко 2017];

з) нулевая суффиксация: *Проще и удобнее всего переходить дорогу по пешеходному переходу* [Автомобильное законодательство 2020]. Необходимо отметить, что подобное проявление семантической избыточности не является речевой погрешностью, тавтология неизбежна, так как в языке нет другого равнозначного эквивалента;

3) конфиксальный (от лат. *confixum* — совместно взятое; приставка и суффикс, одновременным присоединением образующие слово):

а) основа прилагательного + префикс *по-* и суффикс *-ому-*: *Я придумал такую теорию, что у разных людей голова по-разному устроена* [Искандер 1989:124];

б) основа существительного + приставка *без-*, создающая оттенок противопоставления, и суффикс *-н-*: *«Ноев» ковчег: как устроена система рабочих и социальных домов для бездомных* [Лепина 2018];

4) постфиксальный способ (основа глагола + постфикс *-ся*): *И потому вот 4-е правило: Как бы тебя ни обижали, — злом*

не суши зла, **не суди** и **не судись**, и не наказывай, и не жалуйся [Толстой 1957: 265]. Важно подчеркнуть, что в данном случае мы наблюдаем репрезентацию возвратно-среднего залога, морфологическим показателем которого служит аффикс *-ся*, прибавляемый к основе переходного глагола. Это значит, что глагол возвратно-среднего залога *не судись* выражает следующее значение: обозначает действие, распространяющееся на носителя действия, т.е. действие, при котором субъект и объект представляются одним и тем же лицом; являющимся неким инициатором действия. Так, *не судись*, являясь глаголом собственно-возвратного значения, в сочетании с императивом *не суди* становится причиной десемантизации тавтологии; приобретает смысловую нагрузку. Кроме этого, вышеуказанный «симбиоз» перерастает в императив нравственности, или категорический императив, формулируемый И. Кантом следующим образом: «Поступай так, чтобы максима (моральное правило) своей воли в любое время могла стать принципом всеобщего законодательства» [Кант 1965:347];

5) способ сложения:

а) аббревиация: *Когда заходишь в школу № 84 Петроградского района Петербурга, кажется, что впал в детство: сразу над дверью — гигантский патриотический плакат, через несколько шагов **на стене** — не менее патриотическая **стенгазета** «Шаги истории»* [Вольтская 2015];

б) сложение при помощи асемантической структуры: *Олимпийский чемпион Лондона-2012 по тяжелой атлетике Люй Сяоцзюнь считает: «Чтобы быть хорошим **тяжелоатлетом**, нужны специальные навыки, которые можно развить только **тяжелым** трудом на тренировках»* [Сяоцзюнь 2020].

б) сращение: *То ли дело с **быстрорастворимыми** — **быстро растворились**, быстро смешались с водой* [Отзовик 2019];

7) конверсия (переход из одной части речи в другую): *...оказался человеком приветливым, битый жизнью — за **битого** двух небитых дают...* [Еременко, Демичева и др. 2020:181].

Плеоназм так же, как и тавтология, не отличается своей производительностью, продуктивностью. Так, наиболее эффективными способами образования являются:

1) а) приставочный способ: *Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно починить или — лучше — **переделать заново*** [Горький 2013:10].

Необходимо отметить, что данный префикс только на первый взгляд считается избыточным, так как по данным толкового словаря Д.Н. Ушакова, основные значения лексемы *переделать* следующие: 1) сделать что-нибудь иным, придать чему-нибудь новый, измененный вид. 2) сделать всё, много чего-нибудь (разг. прост.) [Толковый словарь русского языка 1939: 120]. Лексико-семантические варианты адвербатива *заново*, по данным Малого академического словаря русского языка, описывают такое его понятийное содержание, как: 1) еще раз, или вновь, 2) по-новому, иначе, не так, как прежде [Словарь русского языка 1999].

Таким образом, просуммировав полученные факты, мы видим, что плеонастический оборот выполняет уточняющую функцию. В этом наблюдается иллюстрация нового значения и «дополнение», которые приобретают антропоцентрическую мотивированность: человек в центре окружающего мира, сам категоризирует, конкретизирует и предает оценке экстралингвистическую действительность [Małocha-Krupa 2003: 80].

б) основа прилагательного + приставка *не-*: **Необычный феномен** исследовали эксперты различных специальностей из разных стран и дали своё положительное заключение (хотя ничего толком объяснить не смогли) [Демин 2005:18];

в) основа прилагательного + приставка *без-*: **Необходимо подавить панику и как можно быстрее найти безопасное укрытие** [Азбука здоровья 2020].

2) суффиксальный способ:

а) основа существительного + суффикс *-ик-*: *Прошла минута — и ни он, ни она слова не промолвили она даже не глядела на него — и он глядел ей не в лицо, а на сложенные руки, в которых она держала **маленький зонтик*** [Тургенев 1981:321]. Важно

эмфазировать, что гиперболизация смысла «небольшой размер» вызвана психологической потребностью человека подчеркивать, задерживать внимание слушающего на важном представлении;

б) основа существительного + суффикс *-н-*: *Которые, если честно, сами ни одной сказки не написали, а всего лишь собрали и обработали богатый **народный фольклор*** [Гаков 2001];

в) основа существительного + суффикс *-ск-*: *Вот эти атомы, видимые нами галактики, именно так и воспринимает **гигантский великан**, живущий сейчас на макроуровне той гигантской вселенной, а нас он просто не видит, — поскольку мы для него скорее плесень* [Гребенщиков 2008: 355];

г) основа существительного + суффикс *-енн-*: *Вечером 19 апреля в Театре «Балтийский дом» состоялась **торжественная церемония** вручения Первой Национальной премии, выросшей из традиционного петербургского конкурса «Рекламное творчество»* [Рекламный мир 2003];

3) сложение: а) сложение основ с присоединением суффикса: *Там Дмитрий сыграл в нескольких спектаклях, но это были **неглавные второстепенные роли*** [Википедия 2020];

б) сложносокращённые слова: *Сегодня, чтобы насладиться любимыми композициями, можно просто заказать музыкальный **СД — диск** (англ. Compact Disc, CD) и получить возможность прослушивать треки столько, сколько душа того пожелает;*

4) неморфологический способ образования — конверсия: *Если бы у людей была работа, обеспеченность, **перспективы на будущее**, они не стали бы убивать других* [Новороссийский рабочий 2003].

Таким образом, для тавтологии в современном русском языке свойственны все способы дериватологии: приставочный, суффиксальный, конфиксальный, сложение, сложно-суффиксальный способ, а также сращение, конверсия и т.д. Для плеоназма также свойственны морфологические способы словообразования. Однако наиболее продуктивным является суффиксация.

Кроме этого, развитость и скорость формирования дериватологического аппарата говорит о принадлежности тавтологии

и плеоназма и к языковой системе, и узусу. Это значит, что для познания реального речеупотребления необходимо изучить язык как потенциальную систему упорядоченных структурных элементов и категорий. Только так мы сможем правильно понять существо человеческой мысли, так как «слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова» [Черниговская 2001:4].

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Евгеньева А.П. Язык русской устной поэзии (Синонимия). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 168—214.
3. Еременко О.И., Демичева В.В., Яковлева Т.В. Русский язык (раздел «Морфология»): учеб.-метод. пособие для студентов педагогических колледжей. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 287 с.
4. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. 539 с.
5. Ковалева Т.А. Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2017. 256 с.
6. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во БРЭ, 1997. 703 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й. 702 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1939. Т. 3. 1424 с.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24—39.
10. Юсубова Р.Н. Разные принципы в поэтических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 10. С. 174—176.
11. Małocha-Krupa A. Słowa w lustrze. Pleonazm—Semantyka—Pragmatyka. Wrocław: Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003, 245 с.
12. Черниговская Т.В. Психо- и нейролингвистика: текст лекции. СПб.: СПбГУ, 2001. 10 с.

Источники

1. Автомобильное законодательство // Автоэксперт Блампер 2020. URL: <https://blamper.ru/auto/wiki/avtomobilnoe-zakonodatelstvo/kak-pravilno-pereyti-dorogu-14076/>
2. Биография Щербины Д.П. // Википедия 2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Видеогалерея // Комсомольская правда. 2017.11.26.
4. Вольтская Т. Стенгазета как машина времени // Радио свободы 2015.04.13. — URL: <https://www.svoboda.org/a/26952828.html>
5. Гаков В. Сказочными дорогами Германии // Туризм и образование 2001.03.15. — URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>
6. Горький М. По Руси. М.: РИПОЛ классик, 2013. 352 с.
7. Гребенщиков В.П. Планета Фазтон. Гибель третьего Рима. М.: Самиздат, 2008. 666 с.
8. Демин В.Н. Русь нордическая. М.: Вече, 2016. 368 с.
9. Искандер Ф.А. Сандро из Чегема. М.: Московский рабочий, 1989. Т. 3. 209 с.
10. Как остановить терроризм? // Новороссийский рабочий 2003.01.15. URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>
11. Каталог товаров SIA Joom (Latvia). 2019. URL: <https://www.joom.com/ru/best/bezopasnye-detskie-tovary>
12. Лепина М. «Ноев» ковчег: как устроена система рабочих и социальных домов для бездомных // Милосердие.ru 2018.12.18. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/noev-kovcheg-kak-ustroena-sistema-rabochih-i-sotsialnyh-domov-dlya-bezdomnyh/>
13. Луценко Ю. Руководство Генеральной прокуратуры фактически не признает факта создания Совета прокуроров Украины // 24 Канал. 19.04.2017. URL: https://24tv.ua/ru/rukovodstvo_generalnoj_prokuratury_fakticheski_ne_priznaet_fakt_sozdaniya_soveta_prokurorov_ukrai_n808196
14. Отзовик — дезинфицирующее средство для бассейнов Родемос Максисан, 2019. URL: https://otzovik.com/review_8812753.html
15. Питалев И. Неслабый слабый пол: смелые женщины в мужских профессиях. 2017.03.08. URL: <https://uz.sputniknews.ru/photo/20170308/4935888/8marta-jenshiny-professii.html>
16. Пляцковский М.С. Детство — это я и ты // Подольский рабочий. 2012.06.01. URL: <https://www.podolsk.ru/files/pr/1338810896.pdf>

17. Рекламные гуляния в Северной Пальмире // Рекламный мир 2003.04.28. URL: <https://ruscorporu.ru/old/search-main.html>
18. Село Мокрое. URL: <https://admmokroe.ru>
19. Сяоцзюнь Л. Правильное построение тренировок — путь к рекордам // Athlete 365 2020. URL: <https://www.olympic.org/athlete365/ru/games-times-ru/>
20. Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырёх Евангелий. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 24. 798 с.
21. Тургенев И.С. Повести и рассказы 1868—1872. Т. 8. М.: Наука, 1981. 543 с.
22. Что делать, если оказался на улице во время урагана? // Азбука здоровья. 2020.09.10. URL: <https://azbyka.ru/zdorovie/chto-delat-esli-okazalsya-na-ulice-vo-vremya-uragana>
23. Юнко А. Остров // Русское поле. 2011. № 1 (3). URL: <http://russian.md/russkoe-pole/1-3/pushkinskaya-gorka/559-aleksandra-yunko-daktilogramma.html>

© *L.V. Parahonco*

TAUTOLOGY AND PLEONASM IN TERMS OF ACTIVE WAYS OF MORPHOLOGICAL DERIVATION

The purpose of the article is to study tautology and pleonasm with regard to active ways of morphological derivation. The following methods were used in the work: the sampling method, the method of contextual analysis and the method of contrastive analysis. The result of the study is the recognition of the belonging of tautological and pleonastic combinations to both — the linguistic norm and speech. Findings. Analysis of the facts shows that tautological and pleonastic units can be studied as concepts due to compression of the conceptual side, which turns them into a unit of mental and psychical resources of our consciousness. Therefore, the norm of the use of these phenomena is recognized, attention is fixed on the anthropocentric approach, which allows determining their pragmatic characteristics.

Keywords: tautology, pleonasm, derivatology, psychophysiological organization, pragmatics.

© **Переслегина Елена Робертовна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

© **Самсонова Анна Викторовна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА ИНТЕРНЕТ В ТЕКСТАХ МАССМЕДИА (на материале сайта «Лента.ру»)

Цель статьи — дать анализ языкового и речевого выражения смыслового наполнения концепта ИНТЕРНЕТ в текстах массмедиа. С применением семантико-когнитивного метода описываются содержание и структура концепта: определен набор когнитивных признаков концепта ИНТЕРНЕТ, объединенных с помощью классификаторов; произведено моделирование содержания и структуры исследуемого концепта путем распределения когнитивных признаков по зонам; дано их семантико-когнитивное описание. Выводы: ядро исследуемого концепта образовано признаком, входящим в зону информационного содержания и актуализирует основную функцию Интернета; периферия концепта объёмна и включает в себя признаки информационного и интерпретационного поля, свидетельствующие о широком круге возможностей Интернета; образный компонент содержит в себе первичный признак «сеть», иллюстрирующий техническое устройство «всемирной паутины». Концепт ИНТЕРНЕТ имеет прагматический характер, при этом его признаки часто содержат противоположную оценку, что показывает неоднозначное отношение людей к этому явлению.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак концепта, структура концепта, содержание концепта, ядро концепта, периферия концепта, образное содержание концепта, информационное поле концепта, интерпретационное поле концепта.

В последние десятилетия активно развиваются лингвистические дисциплины, изучающие связь языка с сознанием и мышлением человека. Большое внимание в современном языкознании уделяется лингвокогнитивным исследованиям. Концепт является ключевой единицей дисциплин данного направления.

К числу наиболее актуальных в мире концептов относится концепт ИНТЕРНЕТ. Это связано с тем, что интернет-среда находится на стадии активного развития. Согласно статистике число пользователей Интернета в мире составляет около 4 500 000 человек [Digital 2019], следовательно, нельзя исключать активное влияние Интернета на формирование сознания пользователей. Наиболее продуктивным для анализа данного концепта представляется текстовый материал средств массовой информации, так как они предлагают актуальные, новейшие сведения, позволяющие проследить состояние исследуемого концепта именно в данный момент времени. Кроме того, в СМИ не исключена оценочность, что дает возможность отследить существенные признаки исследуемого концепта. Нами была выбрана интернет-газета «Лента.ру» как одно из известных российских новостных изданий. Лексема *Интернет* является достаточно частотной в этом источнике (за период 2018—2019 годов было зарегистрировано 5108 словоупотреблений), что позволяет говорить о значимости концепта, репрезентируемого данной лексической единицей.

Анализ языковой и речевой экспликации концепта целесообразно проводить «через описание лексико-семантической парадигматики и синтагматики слова, называющего концепт» [Переслегина 2014: 2], и слов, находящихся с ним в логико-семантических отношениях [Методические указания 2005].

Описание содержания и структуры концепта ИНТЕРНЕТ, объективированного в текстах интернет-газеты «Лента.ру», осуществлялось на основе алгоритма семантико-когнитивного анализа, разработанного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007].

Анализ происхождения слова *Интернет* способствует установлению его внутренней формы. На основании данных этимологических словарей вычленяется базовый когнитивный признак, ставший основанием для номинации концепта — «сеть» (англ. *net*). Метафорическое осмысление слова *сеть* мотивированно: Интернет характеризуется большим количеством отдельных веб-серверов, компьютеров, распространенных по всему миру и объединенных в систему, по форме и функции напоминающую сеть.

Лексико-семантическая парадигма строится на основе контекстуальной семантики лексем, которые связаны с ключевым словом различными отношениями: синонимическими, антонимическими, родовидовыми, «часть-целое». Контекст помогает выявить, в каком значении употреблено слово, объективирующее концепт, в конкретном высказывании.

Нами были проанализированы контексты с лексемой *Интернет*, полученные с помощью метода сплошной выборки материала в интернет-газете «Лента.ру». Всего было исследовано 221 словоупотребление. На основе анализа парадигматических и синтагматических отношений слова *Интернет* были выявлены значения, в которых оно реализуется в рассматриваемых текстах.

Сопоставление полученных значений со значениями, представленными в толковом словаре, позволило определить различия между языковой и речевой семантикой лексической единицы. К языковым значениям относятся следующие: 1. ‘всемирная компьютерная сеть’; 2. ‘информационная система связи’.

Эти значения содержатся в материалах соответствующей словарной статьи в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова: «ИНТЕРНЕТ [тэрнэ], -а; м. [англ. Internet от international net — международная сеть] [с прописной буквы] Всемирная компьютерная сеть (информационная система связи, объединяющая множество компьютеров во всём мире)» [Большой толковый словарь]. В этой статье представлено одно обобщенное значение. Нам представляется целесо-

образным разделить его на два лексико-семантических варианта, так как в рассматриваемых ранее контекстах, представленных в материалах интернет-газеты «Ленту.ру», данные значения (‘всемирная компьютерная сеть’ и ‘информационная система связи’) реализуются самостоятельно.

Сопоставление семантических объемов лексической единицы *Интернет*, представленных в языке и речи, показывает, что в текстах интернет-издания семантический объем лексемы значительно шире. Кроме того, в них реализуются все языковые значения, представленные в словаре. Общее количество значений, выявленных в исследуемом материале — 26 (2 языковых и 24 речевых значения).

Реализованные в исследуемом материале контекстуальные значения эксплицируют набор следующих когнитивных признаков концепта (сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством контекстов он объективирован; признаки перечислены в порядке убывания их яркости):

- Является информационной системой связи* (71);
- Является всемирной компьютерной сетью* (37);
- Является услугой связи* (28);
- Является местом купли-продажи* (16);
- Может быть средой для совершения противоправных действий* (13);
- Является средой общения* (10);
- Может быть средством дискриминации женщин* (6);
- Может быть средством осуществления террористической и экстремистской деятельности* (6);
- Является местом размещения рекламы, вакансий* (4);
- Может быть местом знакомства* (4);
- Люди, пользователи компьютерной сети* (3);
- Может быть местом осуществления нападков, угроз, травли и разжигания ненависти и вражды* (3);
- Может быть источником правды, средством борьбы с обманом* (2);
- Может быть средством достижения популярности* (2);

*Может быть средством распространения порнографии (2);
Позволяет остаться незамеченным, осуществлять деятельность анонимно (2);*

Является средой для литературного творчества и популяризации чтения (2);

Техническое оборудование, с помощью которого осуществляется передача данных (2);

Может быть источником добра и зла (1);

Является средством массовой информации (наряду с прессой, радио и телевидением) (1);

Может быть средством информационной войны (1);

Может быть средой агитации общественно-политических движений (1);

Может быть инструментом усиления неравенства (1);

Может быть средством демонстрации гражданской позиции (1);

Может быть средством передачи нейронных сигналов (1);

Является архивом (1).

Вышеприведенные когнитивные признаки были упорядочены с помощью следующих классификаторов: форма, особенность, функция.

Количество когнитивных признаков, относящихся к группам «Форма» и «Особенность», сравнительно невелико, в то время как в группу «Функция» входит большое количество выявленных признаков (20 из 26), следовательно, чаще всего Интернет рассматривается именно с функциональной точки зрения. Это связано с тем, что на современном этапе уровень его развития и возможностей применения очень высок: Интернет может быть использован людьми практически во всех областях деятельности (хранение информации, досуг, профессиональная деятельность, общение и пр.).

Следует отметить, что группа «Функция» содержит в себе множество признаков, имеющих противоположную оценку. Безусловно, мы можем наблюдать положительные последствия возникновения и активного развития Интернета, среди кото-

рых: возможность коммуницировать с людьми на больших расстояниях; возможность хранить важнейшую информацию, например, культурную, доступ к которой затем могут получить представители следующего поколения; допустимость осуществления трудовой деятельности через Интернет, связи с персоналом, клиентами и пр. Однако Интернет имеет и ряд негативных характеристик, нередко становясь дополнительной площадкой для осуществления противоправных действий: возникают различные схемы мошенничества (создание ссылок, переход по которым может вызвать списание денежных средств у пользователей, реклама продуктов очень низкого качества с целью обмана людей и наживы); совершаются различные уголовные преступления, среди которых, например, действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних; Интернет облегчает реализацию террористической и экстремистской деятельности. Кроме того, Интернет — это среда, которая допускает осуществление определенных действий анонимно (когнитивный признак: «позволяет остаться незамеченным, осуществлять деятельность анонимно»), что привело к возникновению в сети большого количества людей с корыстными, иногда преступными целями по отношению к другим. В Интернете нет строгой цензуры, на многих сайтах она отсутствует вовсе, поэтому пользователи могут столкнуться с недопустимым с точки зрения закона и морали контентом.

Полученный перечень когнитивных признаков исследуемого концепта стал базой для формирования моделей его структуры и содержания.

Содержание концепта составляет ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Принадлежность того или иного признака конкретной полевой зоне определяется исключительно его яркостью, актуальностью для когнитивного сознания.

Ядро концепта ИНТЕРНЕТ компактно и представлено единственным когнитивным признаком («является информационной системой связи»), в то время как периферия исследуемого концепта развернута и включает большое количество когнитивных

признаков, обладающих различной степенью яркости. Масштабность периферии объясняется наличием большого количества признаков концепта, существующих в сознании пользователей. Это связано с тем, что Интернет разносторонен: он включает большой функционал, который позволяет совершать многие операции, реализовать определенные потребности.

Макроструктура концепта трехкомпонентна: образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Образное содержание концепта, выясненное с помощью обращения к этимологии слова, репрезентирующего концепт ИНТЕРНЕТ, предельно конкретно. Оно представляет собой образ предмета (сеть), на основании сходства с которым произошла номинация.

Наибольшей яркостью отличается когнитивный признак «является информационной системой связи» (71). Он обладает самым высоким показателем частоты вербальных реализаций и входит в ядро концепта. Это связано с тем, что основная функция Интернета — информационная. Всемирная компьютерная сеть позволяет людям активно заниматься саморазвитием, дистанционно получать образование, узнавать новую информацию, необходимую как в бытовой сфере, так и в профессиональной. С помощью Интернета население активнее вовлекается в политическую, экономическую, социальную жизнь страны, имеет возможность максимально оперативно получать информацию о происходящих событиях, деятельности правительства, местных органов самоуправления, волонтерских штабов и т.д. Интернет является, пожалуй, самой благоприятной платформой для объединения гражданского населения, что существенно влияет на мировосприятие и жизнь многих людей. На просторах Интернета, в различных социальных сетях, появляется большое количество личных страниц и сайтов, принадлежащих как известным людям, так и начинающим блогерам. На каждой из этих страниц возникает особое информационное пространство, которое не может не влиять на сознание подписчиков. Под воздействием получаемой информации у пользователей Интернета возникают

определенные желания и цели, складывается определенный тип поведения.

Следующий по яркости признак, представляющий часть информационного поля и входящий в ближнюю периферию исследуемого концепта — «является всемирной компьютерной сетью» (37). Такое представление об Интернете обусловлено первичным, прототипическим образом: сеть связанных друг с другом компьютеров. Также ярким признаком в данной группе (содержится в ближней периферии) оказывается признак «является услугой связи» (28). Во-первых, это связано с тем, что доступ в Интернет является именно услугой. Интернет-провайдеры предоставляют доступ физическим и юридическим лицам к сети за определенную, заранее установленную и оговоренную плату. Во-вторых, данная услуга распространена в связи с тем, что Интернет выполняет значимую для общества функцию — коммуникационную. Он обеспечивает связь, не ограниченную временем и пространством.

Также в информационное поле включены следующие когнитивные признаки: «люди, пользователи компьютерной сети» (3); «техническое оборудование, с помощью которого осуществляется передача данных» (2).

Интерпретационное поле содержит в себе наибольшее количество когнитивных признаков. Все они относятся к дальней или крайней периферии. Энциклопедическая зона интерпретационного поля включает следующий признак, являющийся необязательным: «позволяет остаться незамеченным, осуществлять деятельность анонимно» (2). Социально-культурная зона включает один когнитивный признак: «является средой для литературного творчества и популяризации чтения» (2). Когнитивные признаки, относящиеся к регулятивной зоне и паремиологической зоне, отсутствуют. Особый интерес представляет оценочная зона этого поля. В ней сочетаются признаки, характеризующиеся как положительной («может быть источником правды, средством борьбы с обманом» (2)), так и отрицательной оценочностью («может

быть средством дискриминации женщин» (6), «может быть инструментом усиления неравенства» (1)). Очевидно, в сознании людей не сложилось однозначное отношение к Интернету, что подтверждается признаком «может быть источником добра и зла» (1). Это связано с тем, что Интернет представляет собой обширное поле деятельности с развитыми функциональными возможностями, которые могут быть не всегда направлены на создание благоприятных для пользователей сайтов, программ, функций. Кроме того, особое регулирование интернет-зоны в некоторых странах может привести к усилению гендерного неравенства. Наиболее представительной зоной интерпретационного поля является утилитарная, что подтверждает преимущественно прагматический характер данного концепта. Утилитарная зона включает следующие когнитивные признаки: «является местом купли-продажи» (16), «может быть средой для совершения противоправных действий» (13), «является средой общения» (10), «может быть средством осуществления террористической и экстремистской деятельности» (6), «является метом размещения рекламы, вакансий» (4), «может быть местом знакомства» (4), «может быть местом для осуществления нападок, угроз, травли и разжигания ненависти и вражды» (3), «может быть средством достижения популярности» (2), «может быть средством распространения порнографии» (2), «является средством массовой информации (наряду с прессой, радио и телевидением)» (1), «может быть средством информационной войны» (1), «является архивом» (1), «может быть средой агитации общественно-политических движений» (1), «может быть средством демонстрации гражданской позиции» (1), «может быть средством передачи нейронных сигналов» (1). Интернет концептуализируется в ней как средство реализации и положительных, и отрицательных функций, операций, действий. Он предоставляет пользователям большие возможности, но не всегда используется ими в законных/нравственно приемлемых целях. Когнитивные признаки с полярной оценочно-

стью, входящие в утилитарную зону, свидетельствуют об отсутствии в коллективном сознании пользователей единого и однозначного отношения к интернет-среде.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что концепт ИНТЕР-НЕТ имеет прагматический характер. Он закрепился в сознании людей как средство осуществления различных функций, среди которых доминирующими являются информационная и коммуникационная. Данный концепт обладает выраженной противоположной оценочностью, что позволяет сделать вывод о неоднозначном отношении людей к данному явлению. Как показало исследование, подобное неопределенное, спорное отношение к интернет-среде вызвано большими функциональными возможностями сети и низким порогом вхождения пользователей в Интернет, т.е. его доступностью.

Разумеется, «структура концепта при всей ее объемности не является жесткой» [Переслегина 2014: 8], в достаточной степени условна и лишь приближена к объективно существующему в коллективном сознании концепту. Необходимо учитывать, что многие признаки концепта могут быть невербализованными. Кроме того, концепт является динамичным явлением и имеет способность изменяться в зависимости от ситуации и состояния окружающей действительности.

Список литературы

1. Digital 2019: global internet use accelerates. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. С.А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
3. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: метод. пособие / сост. Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005. 15 с.
4. Переслегина Е.Р. Опыт лингвокогнитивного анализа ключевых концептов русского фольклора (на примере концепта «царевна») // Opera slavica. Slavistické rozhledy. 2014. Vol. XXIV. № 2. С. 1—8.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

THE OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT INTERNET IN MASS MEDIA TEXTS

(material from the website lenta.ru)

The purpose of this article is to analyze the linguistic expression of the semantic content of the concept INTERNET in mass media texts. Using the semantic-cognitive method, the content and structure of the concept are described: a set of cognitive features of the concept INTERNET combined by means of classifiers is determined; the content and structure of the concept being studied is modeled by distributing cognitive features by zones; their semantic-cognitive description is given. Conclusions: the core of the concept being studied is formed by a feature that is part of the information content zone and updates the main function of the Internet; the periphery of the concept is massive and includes features of the information as well as interpretation field, indicating the wide range of possibilities on the Internet; the figurative component contains the primary feature “network”, illustrating the technical structure of the world wide web. The concept INTERNET has a pragmatic character, and its features often contain the opposite assessment, which shows the ambiguous attitude of people to this phenomenon.

Keywords: concept, cognitive feature of concept, structure of concept, content of concept, core of concept, periphery of concept, image of concept, informational field of concept, interpretative field of concept.

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: СТАДИИ ПРОТЕКАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В настоящей статье рассматривается вербальный конфликт как процесс, проходящий ряд стадий. В тексте описаны стадии конфликта, сделана попытка проследить взаимосвязь между ходом конфликта и его языковой реализацией, основанной на выборе наиболее эффективных, с точки зрения говорящего, средств выражения цели и эмоционального содержания сообщения.

Ключевые слова: речевой конфликт, лингвоконфликтология, пик конфликта.

Конфликты являются неотъемлемой частью человеческого общения. В основе каждого из них лежит столкновение интересов, ценностей, позиций, мнений. В речевом конфликте эти противоречия отражены на уровне языка и выражены языковыми средствами. Как пишет В.С. Третьякова, «речевой конфликт — это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [Третьякова 2004].

В настоящем исследовании мы руководствовались с первую очередь положениями о знаковой и эмотивной функциях языка. В соответствии со знаковой (семиологической или семиотической) теорией, языковой знак может выступать обозначением действия, а речевые действия рассматриваться как сублимация действий физических, возводя тем самым уровень общения на более высокую ступень взаимодействия между членами общества. Вместе с информацией о характере действия языковыми знаками субъект спонтанно или сознательно передает инфор-

мацию о своем психическом отношении к происходящему, дает выход своим чувствам и эмоциям [Иваницкий 2004]. При анализе конфликтной ситуации в нашем исследовании данные теоретические положения используются в качестве научных основ описания коммуникативной специфики речевого конфликта.

Известно, что ни один конфликт, в том числе речевой (вербальный), не протекает одномоментно, это всегда длящееся событие: 1) конфликт естественным образом вытекает из предшествующей ситуации и является ее закономерным итогом; 2) каждый конфликт в своем развитии проходит определенные стадии: назревание, созревание, пик, спад и разрешение. Мы используем положения концепции О.В. Третьяковой, согласно которой указанные выше особенности определяются как динамика конфликта и описываются в виде стадий его развертывания [Якубович 2011: 29—32].

На стадии *докоммуникативной фазы* (назревания конфликта) субъекты конфликта оценивают свои позиции, потребности, цели коммуникации. Составляется представление о позиции и целях контрагента, делается вывод об их несовпадении с собственными. Тем самым, у субъектов происходит осознание ситуации в целом как конфликтной. Субъекты определяют, какие средства достижения цели коммуникации допустимо использовать в сложившейся ситуации (исходя из коммуникативного опыта и языковой компетенции, а также норм, сложившейся в той культуре, к которой относит себя субъект, социальных конвенций, схем речевого поведения, усвоенных субъектом как языковой личностью, распределения социальных ролей в сложившейся ситуации), осознают свою готовность вступить в конфликт. На стадии созревания конфликта четко обозначаются противоречия, начинается противостояние сторон. *Пик конфликта* определяется применением наиболее конфликтных языковых и речевых средств, характеризуется максимальным уровнем экспрессии. На стадии *спада конфликта* происходит его затухание, стороны осознают возможность и необходимость поиска компромисса либо иного способа прекращения конфликта

(смены темы разговора, завершения встречи и т.д.). Разрешение конфликта наступает в момент нахождения способа разрешения сложившейся ситуации. На *посткоммуникативной фазе* могут наблюдаться «негативные или неадекватные эмоциональные реакции, отрицательное психологическое состояние, отложенные реакции, фиксация каких-либо нарушений условий коммуникации и т.п.» [Якубович 2011: 29—32]. Как отмечает Д.О. Якубович, посткоммуникативная фаза характеризуется последствиями, вытекающими из предыдущих стадий: нежелательными и/или неожиданными речевыми реакциями или эмоциональными состояниями конфликтующих сторон, качество которых зависит от степени «вредности» применяемых конфликтных средств [Третьякова 2003: 143—152].

Таким образом, предметом рассмотрения в настоящей статье выступает ход развертывания вербального конфликта с фокусом внимания на его пиковой стадии. Исследование проводилось на материале конфликтных диалогов, представленных для анализа экспертам-лингвистам ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» в 2017—2019 годах.

В отношении большей части материалов, предоставленных на экспертное исследование и включенных в нашу выборку, были заданы вопросы о наличии/отсутствии в них так называемых лингвистических признаков экстремизма. При наличии таких признаков эксперт имеет дело с отраженными в вербальном взаимодействии межгрупповыми (межнациональными/межэтническими, межконфессиональными, межрасовыми) конфликтами или конфликтами с такой составляющей. Специфической в таком случае является докоммуникативная фаза: она предполагает включенность субъекта/субъектов в определенный конфликтный дискурс — гипертрофированный и односторонний интерес к теме межнациональных / межконфессиональных/межрасовых отношений, наличие враждебных установок по отношению к каким-либо группам лиц, ориентацию на вовлечение в конфликт как можно большего числа участников и расширение конфликта в целом. Кроме того, в выборку попали материалы, исследо-

ванные экспертами-лингвистами на предмет наличия лингвистических признаков оскорбления. Докоммуникативная фаза в таких диалогах не отличается от таковой для любых бытовых конфликтов, поскольку в ряде случаев вербальный конфликт перетекает в физический, а вербальная агрессия может сопровождать применение физической силы на стадии спада конфликта.

В ходе исследования все включенные в выборку конфликтные диалоги были классифицированы и оценены с точки зрения следующих параметров:

1) стремительности/плавности развертывания конфликта (возник внезапно/развивался стремительно/развивался плавно);

2) стилистической принадлежности использованной инвективной лексики (литературная/разговорно-сниженная, просторечная/бранная/матерная);

3) языковой компетенции субъектов конфликта (объем словарного запаса, уровень сложности используемых грамматических структур);

4) тематическое разнообразие (коммуникация идет исключительно в отношении предмета конфликта / наряду с предметом конфликта обсуждаются иные темы).

В ходе исследования было установлено следующее.

Способ и длительность развертывания конфликта, а также языковая компетенция конфликтующих субъектов определяют характер его пиковой стадии. Чем дольше конфликт созревает, чем больше возможностей у коммуникантов выбрать наиболее адекватные средства вербализации их интенций, целей, собственного эмоционального состояния и тем менее остро протекает пиковая стадия конфликта. Проиллюстрируем это положение примерами.

Пример 1. В эфире телепередачи «60 минут» 16.12.2016 прошло обсуждение сделанного незадолго до этого заявления художника-карикатуриста и психиатра по образованию А. Бильжо о том, что Зоя Космодемьянская страдала шизофренией, а её подвиг объясняется не смелостью и героизмом, а кататоническим ступором с мутизмом, в который она впала во время до-

просов и казни. Полемика между публицистом А. Прохановым и правозащитницей А. Гербер приобрела признаки конфликта. См. фрагмент диалога:

ПРОХАНОВ: *...Потому что госпожа Гербер в советское время защищала истинные каноны социализма...*

ГЕРБЕР: *Я?*

ПРОХАНОВ: *Сейчас она, сейчас она превратилась в какое-то странное, странное существо...*

ГЕРБЕР: *Когда я защищала, когда я...*

ПОПОВ: *Александр Андреевич, Александр Андреевич, не переходите на личности, я...*

ГЕРБЕР: *Я не существо.*

ПРОХАНОВ: *Странное [неразборчиво] на вас...*

ГЕРБЕР: *Я не существо.*

ПРОХАНОВ: *На вас лежит, на вас лежит тьма...*

ПОПОВ: *Алла Ефремовна...*

ГЕРБЕР: *...Мужик. Я не...*

ПРОХАНОВ: *Вы человек тьмы.*

ГЕРБЕР: *Так, я ухожу.*

ПРОХАНОВ: *Вы постоянно выступаете ради тьмы.*

ПОПОВ: *Алла Ефремовна...*

ГЕРБЕР: *Я не хотела [неразборчиво], извините.*

ПОПОВ: *Александр Андреевич...*

ПРОХАНОВ: *Ну вы что, ступайте с богом в тьму.*

СКАБЕЕВА: *Александр Андреевич, давайте не будем переходить на личные оскорбления [неразборчиво].*

ПОПОВ: *Не переходите на личности. Алла Ефремовна, извините, извините нас, ради бога.*

ПРОХАНОВ: *Почему на личные оскорбления? Это, это есть форма...*

ГЕРБЕР: *Я не хотела, извините. Я не хочу... я с этим человеком не буду... понимаете, я не могу, я не могу.*

Наличие конфликта было отмечено ведущими программы, которые пытались не допустить его эскалации (*Александр Андреевич, давайте не будем переходить на личные оскорбления;*

Не переходите на личности. Алла Ефремовна, извините, извините нас, ради бога).

Рассмотрим и оценим конфликтность данной ситуации: в момент наивысшего эмоционального напряжения А. Прохановым по отношению к своей собеседнице используются литературные номинации *странное существо* и *человек тьмы*. А. Гербер в качестве ответной инвективы использует разговорное слово *мужик*. Как видно из приведенного диалога, конфликтная ситуация развивается плавно. Уровень языковой компетентности и образования у обоих участников конфликта высокий. Наряду с предметом конфликта в разговоре обсуждаются и другие темы. Характер коммуникативной ситуации — общение в прямом эфире — накладывает ограничения на выбор языковых средств.

Пример 2. Конфликтное взаимодействие в пивной. Человек, одетый в рясу, покупает пиво (его реплики в расшифровке обозначены М2). Группа молодых людей (М1, М3, М4) вступает с ним в конфликт, они проявляют вербальную агрессию и демонстрируют готовность применить физическую силу, пытаются спровоцировать священника на ответные действия. По стилистическим соображениям текст диалога приводится с купюрами.

М1: *А вы что, батюшка, пиво пьёте? Батюшка, вы пиво пьёте или что?*

М2: *Я немножко занят.*

<...>

М1: *Вы же должны как-то, ну, милосердным быть, или я не знаю, таким, правильным. На вас люди равняются. Так вы пьёте пиво или нет?*

М2: *Что ты от меня хочешь?*

<...>

М1: *Вы алкоголик?*

М2: *Я должен перед вами отчитаться?*

<...>

М1: *Вы зашли в пивнушку...*

М3: *В церкви, что ли? Урод, ..., а? Хочешь сказать, что ты к церкви относишься, когда ты к людям вот так вот относишься? Как? Ты понтуешься.*

<...>

М2: [обращаясь к продавцу] *милицию вызовите.*

М1: *Рожу твою хочу заснять алкоголичную. Ты милицию себе в голову вызови, чертила. Давай, давай, вали. Алкаш.*

<...>

М2: *Ты почему так с людьми разговариваешь?*

М1: *А мне понятия позволяют так разговаривать.*

<...>

М1: *Давай, подтяни сюда кого-нибудь. Я растяну прямо здесь и с тобой вместе всех, Давай вали отсюда, Да, да, вали. Давай подтяни сюда кого-нибудь. Я растяну прямо с тобой вместе и здесь.*

М3: *Да, да, да, давай, давай!*

М4: *Всё. Всё.* [Священник садится в машину и уезжает]

В приведенном примере можно выделить следующие особенности. Конфликтная ситуация развивается достаточно плавно. Молодые люди, на словах демонстрируя готовность к физической агрессии, на деле не спешат ее проявлять. Уровень языковой компетентности М1, М3 и М4 низок; на это указывает в том числе большое количество повторов, использование сниженной, обценной лексики. Грамматические конструкции неполные, экспрессивные (реплики содержат междометия, лексические повторы, неполные предложения). Кроме того, в диалоге содержатся семантически не нагруженные высказывания, цель которых — заполнить возникающие в диалоге паузы, создать видимость непрерывного общения, поскольку собеседник (М2) стремится прекратить коммуникацию, никак ее не поощряет. Цели участников конфликта в данном случае противоположны: если М1, М3 и М4 ориентированы на расширение конфликта, то М2 — на его скорейшее прекращение. В целом пиковая стадия конфликта протекает достаточно мягко.

Пример 3. Драка на улице. Группа молодых людей (M1, M2), среди которых человек, именуемый Максом, решают напасть на идущего в отдалении человека, имеющего неславянскую внешность и именуемого Азаматом. По стилистическим соображениям текст диалога приводится с купюрами.

M1: *Давай, мужественный русский дух.* [смех] *Иди, давай, бей, быстрее. Прямо по щам, Дай бутылку.* [Макс отдает бутылку]

M2: *Давай. Макс, быстрее.*

Макс: *Стой! С... Да, да, ты, Азамат, стой.* [смех]

M1: *Хорошо, Макс.* [Макс наносит удар человеку, которого назвали Азаматом. Азамат отступает назад, затем бьет кулаком в голову Макс, после чего начинается драка]

M1: *Эй. Э-эй.*

M2: *Успокойся, ...!*

<...>

M2: *Че, ...?*

M1: *Э-э!*

Азамат: *Э! Вы че?*

M2: *Э-эй! Хорош.*

M1: *Хорош. Э-э! Вы че здесь начали?*

[Макс лежит на земле без движения, над ним стоит человек]

M1: *Ё-ё...*

<...>

M2: *Макс, вставай! Вы че?! Макс, вставай. Макс! Макс, вставай!*

M1: *Да, Азамат, да сильно че-то ...<ударил>*

M2: *Э, Макс!*

Приведенную конфликтную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом. Конфликт начинается остро, его пик приходится на собственно драку. Уровень языковой компетентности (как и общей культуры) у M1, M2 и Макса низок. Всеми участниками диалога широко используется стилистически сниженная и обценная лексика. Грамматические конструкции неполные, экспрессивные (реплики состоят из междометий, мно-

гочисленных лексических повторов, неполных предложений). Никакие иные темы коммуникантами не обсуждаются. Все участники конфликта на его пиковой стадии были ориентированы на углубление конфликта. Приведенный нами пример 3 иллюстрирует мысль, высказанную А.Я. Анцуповым и А.И. Шипиловым: «Важной особенностью динамики криминальных конфликтов является быстрая эскалация конфликтного взаимодействия, завершающаяся применением насилия. В криминальных конфликтах количество циклов взаимодействия, состоящих из одноразового “обмена” реакциями, ограничено, и чем с более высокого “стартового уровня” конфликт начинается, тем меньше подобных циклов предшествует применению насилия» [Анцупов, Шипилов 2000].

Таким образом, обладая данными о ходе развертывания конфликта, можно спрогнозировать, какой будет его пиковая стадия. Если начало конфликта острое и он развивается стремительно, то с большой вероятностью его пиковая стадия будет характеризоваться высоким уровнем интенсивности и эмоциональной экспрессии; справедливо и обратное утверждение. Чем выше уровень языковой компетенции субъектов, тем полнее реализуется знаковая функция языка, сублимируя физическую агрессию в вербальную; соответственно, выше будет и вероятность того, что конфликт будет протекать сравнительно мягко даже на пиковой стадии. Важную роль в развертывании конфликта играют цели коммуникантов: все ли участники ориентированы на углубление конфликта или кто-то из них стремится избежать открытого противостояния. Чем острее протекает конфликт, тем больше вероятность использования в наиболее напряженные моменты стилистически сниженной, бранной, обценной лексики. Если наряду с предметом конфликта коммуниканты обсуждают иные темы, интенсивность конфликта резко снижается.

Список литературы

1. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2004. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1>

2. Иваницкий В.В. Функции языка // Вестник НовГУ. 2004. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-yazyka>
3. Якубович Д.О. Речевой конфликт как разновидность речевого взаимодействия // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) и др. Минск: Белорусский Дом печати, 2011. С. 29—32.
4. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Проблемы образования, науки и культуры: Известия Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2003. № 27. Вып. 14. С. 143—152.
5. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
6. Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 55—68.
7. Третьякова В.С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика-Х: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул; Кемерово, 2010. С. 141—149.

© *M. Yu. Petrova*

VERBAL CONFLICT: PROCESS STAGES AND COMMUNICATIVE FEATURES

The article deals with verbal conflict as a process going through several stages. The text gives the description of conflict stages, an attempt is made to reveal the correlation between the whole process of verbal conflict and its language realization, based on choosing the most effective, from the viewpoint of a speaker, means of expressing the goal and emotional contents of a message.

Keywords: verbal conflict, language of conflict studies, peak of the conflict.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА (русско-чешский сопоставительный анализ)

Рассматриваются аналитические прилагательные интернет-пространства, дается их определение, проводится их сопоставление в русском и чешском языках. Язык-источник анализируемых лексических единиц — английский язык, который можно считать главнейшим источником многих интернациональных явлений современного языкового пространства. В русском языке встречаются исследуемые лексические единицы в форме неизменяемых, т.е. аналитических компонентов, в большинстве случаев они фиксируются на письме посредством дефисного написания. В чешском языке ряд исследуемых компонентов переводят с помощью полных форм прилагательных, графически фиксируемых, как правило, в качестве самостоятельных лексических единиц. В обоих языках наблюдаются аналитические прилагательные, сохраняющие написание на языке оригинала.

Ключевые слова: аналитическое прилагательное, интернет-пространство, Интернет, русский язык, чешский язык.

Сеть Интернет представляет собой уникальное явление, предоставляющее пользователям возможность неограниченной коммуникативной среды. Такого рода среда способна формировать (как целенаправленно, так и бессознательно) культурное поведение человека, иерархии его ценностей, в том числе его язык. Основная цель статьи — аналитические прилагательные (далее АП) в области интернет-пространства. В статье рассматривается понятие «интернет-пространство», даются общие положения проблематики АП, и, главным образом, представлен анализ АП, встречающихся в области интернет-пространства (в русско-чешском сопоставительном плане).

Глобальная сеть Интернет представляет собой исключительную сетевую структуру, которая является логичным следствием развития информационных технологий. Ссылаясь на мнение Л.А. Саенко и М.В. Егорова, можно отметить, что сеть Интернет является основой информационно-технических метаморфоз, которые активно внедряются в среду общественных связей: «Интернет существенно трансформирует модели взаимоотношений как между отдельными индивидами, так и общественными институтами и даже государствами» [Саенко, Егоров 2015: 159]. П.Н. Ганский дополняет, что «Интернет представляет собой не просто совокупность множества компьютерных сетей и информации, но в первую очередь большое количество людей, которые посредством различных технологий активно взаимодействуют между собой в виртуальном пространстве с целью удовлетворения своих потребностей и интересов» [Ганский 2015: 119]. Итак, интернет-пространство можно воспринимать как особую коммуникативную среду глобального характера, в рамках которой посредством информационных компьютерных сетей в мировом масштабе осуществляется процесс коммуникации. Информация в интернет-пространстве представлена в виде гипертекста, основное преимущество которого заключается в возможности создания интерактивных документов, содержащих как текстовую составляющую, так и мультимедиаальную информацию.

Интернет-пространство, с которым сталкивается ежедневно каждый из нас, во всех отношениях модифицирует образ жизни человека, а вследствие того и само общество. Наряду с этим интернет-пространство также оказывает влияние на основное средство человеческого общения — язык. Находясь в сфере интернет-пространства язык может формироваться, т.е., с одной стороны, активность некоторых языковых компонентов ослабляется, а с другой — усиливается, так как они становятся более интенсивными по степени проявления. Такого рода возрастающая частота употребления характерна

для аналитических конструкций, в основе которых лежат многочисленные АП.

АП представляют собой неизменяемые лексические единицы, выступающие, как правило, по отношению к управляющему слову в функции определяющего компонента. Теоретическое обоснование таких выражений было впервые освещено в работах А.А. Реформатского и М.В. Панова. А.А. Реформатский уже в 30-е годы XX века определил препозитивные компоненты типа *проф...*, *глав...*, *спец...* и др. как новую категорию выражений с нулевой морфологической парадигмой, впервые их называя термином «аналитическое прилагательное». Тридцать лет спустя по их поводу высказывается М.В. Панов, обратив внимание на аналитические (несклоняемые) лексические единицы, выступающие в качестве строительных компонентов в процессе образования новых терминологических наименований [Панов 1968: 155]. Основные сведения проблематики несклоняемых определителей разного характера автор обозначил в статье «Об аналитических прилагательных», ставшей исходным пунктом для всех последующих исследований такого рода лексических единиц. В данной статье М.В. Панов представил обстоятельную диахронную классификацию 19 видов АП, рассмотрев их с теоретической и практической точек зрения [Панов 1971: 240—250].

Относительно АП ряд лингвистов высказывает различные мнения, причем одни вполне согласны с точкой зрения М.В. Панова (Е.В. Маринова), а другие с ней не соглашаются (А.А. Горбов). Е.В. Маринова, ссылаясь на теоретические обоснования А.А. Реформатского и М.В. Панова, отмечает, что «аналитическим прилагательным считается неизменяемая языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному» [Маринова 2010: 628]. Она однако дополняет, что выражения, обозначаемые как АП четко не определены, так как единицы типа *авто...*, *вибро...*,

теле..., *фото...*, *нео...* и др. в одних работах относятся к АП (М.В. Панов, Л.П. Крысин и др.), в других — к аффиксоидам (В.В. Лопатин, В.Н. Немченко и др.). Противоположной точки зрения придерживается А.А. Горбов. Он признает наличие несклоняемых компонентов в русском языке, однако считает неудачным термин «аналитическое прилагательное», которым обозначают любые атрибутивные компоненты, не являющиеся грамматически оформленными прилагательными, поскольку в реальности термин никак не связан с аналитизмом как типологической характеристикой. По словам автора, «необходимо принимать во внимание тот факт, что обозначаемая этим термином группа единиц включает как самостоятельные слова, так и части сложных слов, и, следовательно, не образует единого грамматического класса» [Горбов 2015: 46].

Исходя из представленных выше сведений, следует отметить, что вопрос об АП необходимо воспринимать как единую концепцию, в рамках которой сложились два подхода к их пониманию [Ким 2009: 47]. Итак, мы выделяем два главных типа АП: в широком и узком понимании. АП в широком понимании — несклоняемые атрибутивные компоненты, представленные, как правило, префиксоидами и греко-латинскими терминологическими элементами. АП в узком понимании — несклоняемые прилагательные, выступающие в качестве самостоятельной лексической единицы, которая выделяется как графически автономное слово [Plesník 2019: 37]. Необходимо подчеркнуть, что мы придерживаемся именно такой концепции АП.

Анализируя АП области интернет-пространства, мы создали базу языковых данных, содержащую исследуемые нами лексические единицы. Она опирается на «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой, послуживший основным источником предстоящего исследования. В целях тщательного анализа мы выделили три группы АП области интернет-пространства. Это АП общего характера, АП социальных сетей и АП технического характера и отдельных программ. В рамках каждой тематической группы представлены отдельные АП, в

которых указываются их значения и переводные эквиваленты чешского языка, а также подходящие примеры на основе НКРЯ и ЧНК (ČNK).

В первую группу мы зачислили АП области интернет-пространства, обладающие самой широкой семантикой; они широкоупотребительны и встречаются в самых разнообразных контекстах. К числу АП данной группы принадлежат: **аудио**... (относящийся к слуху, к восприятию слухом; *аудиоаппаратура, аудиозапись, аудиопродукция* // *audio zařízení, audio nahrávka, audio produkce*), **блог**... (относящийся к блогу — страница в Интернете, оформленная в виде журнала, дневника, содержащая постоянно добавляемые записи, изображения и мультимедия; *блог-дневник, блог-литература, блог-сфера* // *blogový deník, blogová literatura, blogová sféra*), **веб**... (относящийся к вебу < сервис в Интернете, позволяющий просматривать тексты через систему связывающих их ссылок; *веб-бронирование, веб-камера, веб-платформа* // *webová rezervace, webová kamera, webová platforma*), **видео**... (относящийся к электрическим сигналам, вызывающим изображение; *видеозапись, видеотелефон, видеоконтроль* // *videonahrávka, videotelefon, videokontrola*), **гейм**... (относящийся к компьютерным играм; *гейм-зависимость, гейм-зона, гейм-форум* // *herní závislost, herní zóna, herní fórum*), **гугл**... (относящийся к гуглу < крупнейшая поисковая система, разработанная корпорацией Google Inc.; *гугл-аккаунт, гугл-календарь, гугл-магазин* // *google účet, google kalendář, google obchod*), **интернет**... (относящийся к сети Интернет < международная компьютерная сеть, объединяющая общенациональные, местные и другие сети, а также отдельные компьютеры; *интернет-образование, интернет-проект, интернет-реклама* // *internetové vzdělání, internetový projekt, internetová reklama*), **кибер**... (относящийся к кибернетике < наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации; *кибербезопасность, киберкриминалист, киберпространство* // *kyberbezpečnost, kyberkriminalista, kyberprostředí*), **медиа**... (относящийся к медиа,

в том числе к массмедиа, СМИ, а также к мультимедиа; *медиабизнес, медиагруппа, медиарынок* // *mediální byznys, mediální skupina, mediální trh*), **онлайн**... (относящийся к онлайн < режим непосредственного подключения компьютера или другого устройства к сети; *онлайн-конференция, онлайн-поддержка, онлайн-трансляция* // *on-line konference, on-line podpora, on-line přenos*), **офлайн**... (относящийся к офлайну < режим вне Интернета, без подключения к сети; *офлайн-версия, офлайн-просмотр, офлайн-энциклопедия* // *off-line verze, off-line zhlédnutí, off-line encyklopedie*), **e**... (относящийся к электронному способу коммуникации; *e-здравоохранение, e-образование, e-портал* // *e-zdravotnictví, e-vzdělání, e-portál*), **GSM**... (относящийся к GSM < глобальный цифровой стандарт для мобильной сотовой связи; *GSM-модем, GSM-сигнал, GSM-система* // *GSM-modem, GSM-signál, GSM-systém*), **IT**... (относящийся к IT < технологии, обеспечивающие сбор, хранение, обработку, защиту, передачу и получение информации; *IT-агентство, IT-инновация, IT-рынок* // *IT agentura, IT inovace, IT trh*).

Следует отметить, что в рамках данной группы наблюдаются АП русского языка, выступающие в форме первой части сложного слова, т.е. речь идет об АП широкого понимания (*аудиозапись*). В чешском языке преобладают АП в форме графически самостоятельных лексических единиц (*audio nahrávka*). Необходимо отметить, что АП типа *блог*..., *веб*..., *интернет*... соответствуют в чешском языке не компоненты в форме АП, а полноценные изменяемые прилагательные (*блог-дневник / blogový deník, веб-интерфейс / webové rozhraní, интернет-пространство / internetové prostředí*). Относительно русского языка подавляющее большинство АП фиксируется графически с помощью дефисного написания (*гугл-переводчик, интернет-каталог, онлайн-среда*). В рамках данной группы также можно наблюдать АП, сохраняющие написание исключительно на языке оригинала (*e-госслужба, GSM-тариф, IT-инфраструктура*).

АП второй группы относятся по своей семантике к сфере социальных сетей. Виртуальное пространство, репрезентируемое социальными сетями типа Фейсбук, Твиттер, Инстаграм и др., в значительной степени влияет на способ человеческого общения. Терминологическая номинация лексических единиц такого рода интернет-пространства способствует образованию новых выражений, имеющих форму АП. Относительно этой тематической группы можно назвать следующие АП: *влог...* (относящийся к влогу < блог, сочетающий встроенное видео или видеосвязь с поддержкой текста, изображений и других метаданных; *влог*-запись, *влог*-комментарий, *влог*-формат // nahrávka *vlogu*, komentář *vlogu*, formát *vlogu*), *твиттер...* (относящийся к Твиттеру < сервис в Интернете, позволяющий пользователям обмениваться короткими заметками; *твиттер*-аккаунт, *твиттер*-общение, *твиттер*-революция // *twitterový účet*, *twitterová komunikace*, *twitterová revoluce*), *твит...* (относящийся к твиту < сообщение в Твиттере; *твит*-лента, *твит*-рекордсмен, *твит*-сообщение // *stěna s tweety*, *rekordman v počtu tweetů*, *zpráva v podobě tweetu*), *фейсбук...* (относящийся к Фейсбуку < сервис в Интернете, позволяющий пользователям создавать свои профили с фотографиями, приглашать друзей, а также обмениваться сообщениями; *фейсбук*-регистрация, *фейсбук*-страница, *фейсбук*-трансляция / *facebooková registrace*, *facebooková stránka*, *facebookový přenos*), *ютьюб...* (относящийся к Ютьюбу < сервис в Интернете, предоставляющий услуги хостинга видеоматериалов; *ютьюб*-вход, *ютьюб*-канал, *ютьюб*-новости // *youtubový vstup*, *youtubový kanál*, *youtubové novinky*).

Сравнивая АП русского и чешского языков данной группы, самой отличительной чертой является отсутствие переводного эквивалента в чешском языке, имеющего форму АП. Все нами указанные аналитические компоненты имеются в чешском языке лишь в форме или согласованного определения (форма прилагательного), или несогласованного определения (форма существительного) (*твит*-сообщение / *zpráva v podobě tweetu*, *фейсбук*-страница / *facebooková stránka*, *ютьюб*-канал / *youtubo-*

у́ kanál). Относительно АП русского языка можно отметить, что в данном случае преобладает запись через дефис, а с точки зрения графической фиксации, то она нередко варьируется (применение кириллического и латинского алфавитов).

В третью группу мы включили оставшиеся аналитические единицы, которые с точки зрения семантики можно отнести к выражениям технического характера или к выражениям, относящимся к отдельным компьютерным программам.

В данную группу мы отнесли следующие АП: **ботнет**... (относящийся к ботнету < компьютерная сеть, состоящая из ботов; *ботнет*-реализация, *ботнет*-сеть, *ботнет*-система // *botnetová realizace, botnetová síť, botnetový systém*), **вай-фай**... (относящийся к сетям вай-фай < беспроводные сети для обмена данными между электронными устройствами; *вай-фай* адаптер, *вай-фай* зона, *вай-фай* роутер // *Wi-fi adaptér, Wi-fi zóna, Wi-fi router*), **вики**... (относящийся к вики или к википедии < веб-сайт, структуру и содержимое которого пользователи могут изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом; *вики*-механика, *вики*-редактор, *вики*-страница // *wiki mechanika, wiki redaktor, wiki stránka*), **ддос**... (относящийся к ддосу < сетевая атака, организуемая в виде большого количества одновременных запросов к атакуемой службе; *ддос*-атака, *ддос*-услуга, *ддос*-набег // *DDos napadení, DDos služba, DDos útok*), **капча**... (относящийся к капче < автоматизированная защита от спама; *капча*-код, *капча*-сервис, *капча*-тест // *captcha kód, captcha servis, captcha test*), **мультитач**... (относящийся к мультитачу < технология управления устройством, при которой сенсорный экран отслеживает одновременно несколько точек нажатия; *мультитач*-дисплей, *мультитач*-жест, *мультитач*-технология // *multitouch display, multitouch gesto, multitouch technologie*), **смарт**... (относящийся к устройствам нового поколения, обладающим расширенной функциональностью, также имеет значение 'умный' в более широких контекстах; *смарт*-телефон, *смарт*-устройство, *смарт*-часы // *smart telefon, smart zařízení, smart hodinky*), **спам**... (относящийся к

спаму < несанкционированно рассылаемые по электронным почтовым ящикам рекламные и другие материалы; *спам-атака, спам-сообщение, спам-фильтр* // *spamový útok, spamová zpráva, spamový filtr*), **тачскрин**... (относящийся к тацскрину < устройство ввода-вывода информации, представляющее собой экран, реагирующий на прикосновения; *тачскрин-дисплей, тачскрин-технология, тачскрин-экран* // *dotykový display, dotyková technologie, dotyková obrazovka*), **торрент**... (относящийся к торренту < сервер, обеспечивающий обмен файлами между пользователями сети; *торрент-платформа, торрент-ресурс, торрент-сеть* // *torrentová platforma, torrentový zdroj, torrentová síť*), **троллинг**... (относящийся к троллингу < размещение на форумах или в блогах провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками; *троллинг-атака, троллинг-вопрос, троллинг-кампания* // *trollingový útok, trollingová otázka, trollingová kampaň*), **фишинг**... (относящийся к фишингу < разновидность интернет-мошенничества, когда пользователя просят ввести конфиденциальные данные на поддельном сайте; *фишинг-адрес, фишинг-мошенничество, фишинг-сообщение* // *phishingová adresa, phishingový podvod, phishingová zpráva*), **3D**... (относящийся к 3D < формат изображения, обеспечивающий эффект объемности, глубины; *3D-визуализация, 3D-камера, 3D-технология* // *3D vizualizace, 3D kamera, 3D technologie*), **3G**... (относящийся к 3G < технология мобильной связи третьего поколения; *3G-версия, 3G-интернет, 3G-связь* // *3G verze, 3G internet, 3G spojení*), **4D**... (относящийся к 4D < сочетание изображения в формате 3D и физических эффектов; *4D-аттракцион, 4D-кинозал, 4D-технология* // *4D atrakce, 4D sál, 4D technologie*), **4G**... (относящийся к 4G < четвертое поколение мобильной связи; *4G-версия, 4G-интернет, 4G-сеть* // *4G verze, 4G internet, 4G síť*), **5D**... (относящийся к 5D < сочетание изображения в формате 3D с движением в пространстве и физическими эффектами; *5D-кинотеатр, 5D-технология, 5D-фильм* // *5D kino, 5D technologie, 5D film*), **IP**... (относящийся к IP < межсетевой протокол, отвечающий за адресацию и

маршрутизацию в Интернете; *IP-адрес, IP-доступ, IP-станция* // *IP adresa, IP přístup, IP stanice*), **MP3**... (относящийся к MP3 < формат цифрового кодирования и хранения звуковой информации; *MP3-архив, MP3-песня, MP3-проигрыватель* // *MP3 archiv, MP3 píseň, MP3 přehrávač*), **MPEG**... (относящийся к MPEG < технология сжатия цифровой аудиовизуальной информации; *MPEG-декодер, MPEG-компрессия, MPEG-система* // *MPEG dekodér, MPEG komprese, MPEG systém*), **VoIP**... (относящийся к VoIP < система связи, обеспечивающая передачу речевого сигнала по сети Интернет или по другим IP-сетям; *VoIP-оператор, VoIP-программа, VoIP-сервис* // *VoIP operátor, VoIP program, VoIP servis*).

Сопоставляя АП русского и чешского языков этой группы, следует отметить, что в отличие от указанных выше групп гораздо чаще встречаются АП также в чешском языке. Дело в том, что большинство АП этой группы — непосредственные трансплантаты англоамериканских вариантов, сохраняющие таким образом свою первоначальную, т.е. неизменяемую форму. Лишь АП *ботнет...*, *спам...*, *тачскрин...*, *торрент...* и *фишинг...* употребляются в чешском языке в форме полного прилагательного. Своего рода исключение представляет собой АП *смарт...* (*смарт-телевизор*), так как в переводе на чешский язык можно встретить как форму АП (*smart televize*), так и форму изменяемого прилагательного (*chytrá televize*). Среди АП данной группы наблюдается большое количество единиц, сохраняющих написание исключительно на языке оригинала (*3D-формат / 3D formát*).

Подводя итог представленного обзора, можно констатировать, что в современном русском и чешском языках встречается сравнительно большое количество АП, относящихся к области интернет-пространства (в статье представлено 40 аналитических компонентов такого типа). Главный источник такого рода лексических единиц — английский язык, который благодаря аналитическому (т.е. неизменяемому) способу выражения влияет на структуру словосочетаний русского и чешского языков, имеющих в своем составе именно слова английского

происхождения. Сравнивая представленные нами компоненты в русском и чешском языках, нужно отметить, что не все АП русского языка встречаются в чешском языке именно в форме неизменяемого компонента. Есть АП, которые переводятся на чешский язык полными (склоняемыми) формами прилагательных (*веб-интерфейс / webové rozhraní, фейсбук-страница / facebooková stránka, фишинг-сообщение / phishingová zpráva*). С точки зрения графической записи можно отметить, что большинство АП русского языка фиксируется на письме с помощью дефисного написания (*блог-книга, гугл-закладка, спам-приложение*), а в чешском языке преобладает изображение АП на письме в форме самостоятельной лексической единицы (*google překladač, on-line výuka, wiki redaktor*). В русском и чешском языках наблюдается значительное количество кодовых определителей, т.е. АП, имеющих форму аббревиатуры, причем они сохраняют написание на языке оригинала (*3D-режим / 3D režim, e-магазин / e-obchod, MP3-файл / MP3 soubor*).

Список литературы

1. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. 17/1. С. 118—121.
2. Горбов А.А. Атрибутивные компоненты сочетаний типа бизнес-план: аналитические прилагательные? // Вестник СПбГУ. 2015. Вып. 9 (3). С. 36—48.
3. Ким Л.А. Вопрос об аналитических прилагательных в современной русистике // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Мовознавство. 2009. Вип. 15/3. С. 47—54.
4. Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. Вып. 4 (2). С. 628—630.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2020. URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>
6. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика / сост. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1971. С. 240—253.

7. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского литературного языка / отв. ред. М.В. Панов. М.: Наука, 1968. 188 с.
8. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2016. 536 с.
9. Саенко Л.А., Егоров М.В. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого сообщества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Вып. 7/1. С. 159—162.
10. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.
11. Český národní korpus (ČNK). 2020. URL: https://kontext.korpus.cz/first_form
12. Plesník L. Typologická charakteristika tzv. analytických adjektiv (na příkladovém materiálu ruštiny, češtiny a polštiny). Острава: Остравский университет, 2019. 218 с.

© *L. Plesník*

ANALYTICAL ADJECTIVES OF THE MODERN INTERNET SPACE (Russian-Czech comparative analysis)

The article examines the analytical adjectives of the web-space, gives a definition and comparison of analytical adjectives in the Russian and Czech languages. The source language of the analyzed lexical units is English, which can be considered the main source of many international phenomena in the modern linguistic space. In the Russian language, the studied lexical units are found in the form of unchangeable, that is, analytical components, in most cases they are fixed in writing by means of hyphenation. In the Czech language, a number of the components under study are translated using full forms of adjectives, graphically recorded, as a rule, as an independent lexical unit. In both languages, analytical adjectives are observed that preserve the spelling in the original language.

Keywords: analytical adjective, web-space, Internet, Russian language, Czech language.

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ: ЯЗЫКОВОЙ СТАНДАРТ И СЛОВОТВОРЧЕСТВО

Рассматриваются вопросы, связанные со спецификой повседневной речи. Основная цель работы — продемонстрировать на фактическом языковом материале использование в обыденной речи готовых языковых единиц и созданных говорящим слов как результата лингвокреативной деятельности. Применение метода непосредственного наблюдения за фактами языка, приемы контекстуального анализа и реконструкции конкретных словообразовательных процессов позволили определить особенности сложного процесса выбора единственно необходимого слова в определенном речевом акте. Анализ зафиксированных слов выявил динамику словопроизводственных процессов, а также структуры знаний, которые репрезентируются на языковом уровне созданными говорящим словами.

Ключевые слова: повседневная речь, словотворчество, языковой стандарт, лингвокреативная деятельность.

Одним из главных свойств повседневной речи является спонтанность, или неподготовленность. Исследователи выделяют различные аспекты ее проявления, среди которых «а) спонтанность как реактивность речевого поведения — обусловленность речи воздействием ситуации или партнера коммуникации; б) спонтанность как импровизационность — возникновение речемысли в момент, непосредственно предшествующий исполнению; в) спонтанность как непредсказуемость хода коммуникации; г) спонтанность как речевой автоматизм — типичность и ограниченность репертуара коммуникативных речевых поступков» [Борисова 2001: 171]. Именно спонтанность можно считать «основой для развития целой системы готовых языковых формул, в том числе всякого

рода клише, шаблонов и стереотипов стандартных схем диалогов, типовых реплик, восклицаний» [Москвин 2005: 44]. Использование готовых языковых единиц является важнейшим свойством живой разговорной речи. Однако речевой автоматизм в процессе коммуникации переплетается с отклонением от стандарта, это находит проявление в словесном творчестве, когда наряду с обычными, узуальными словами, говорящий создаёт слова, отсутствующие в языковой традиции. Таким образом, в процессе общения происходит выбор необходимого слова из индивидуального лексикона, который состоит из готовых единиц языка, а также создание индивидуально-авторских слов, которые позволяют говорящему наиболее точно, ярко, неординарно выразить свою мысль. Созданные слова представляют особый интерес для исследователя, так как в них проявляются отступления от языкового стандарта, разнообразие индивидуального словесного творчества и специфика креативного потенциала языка в целом.

Характеризуя сложный процесс выбора единственно необходимого слова, Б.Ю. Норман отмечает полевой принцип лексических объединений: «В центре группы находится слово (или слова) с максимальной концентрацией соответствующих сем, а по направлению от центра к периферии располагаются лексемы, для которых эти семы являются «неяркими», второстепенными, образующими неполный набор или же вступающими в сочетание с иными, посторонними семами. Выбирая некоторое семантическое поле, говорящий тем самым автоматически выбирает его центр (ядро, доминанту и т.п.), и лишь затем происходит специальный поиск и отбор конкретной лексемы, наиболее отвечающей всем искомым условиям» [Норман 1994: 42].

Спонтанность обыденной речи обуславливает такие явления в речи, как самопоправки, перебивы, хезитации, которые могут сопровождать словотворческие процессы. Языковой материал дает многочисленные примеры: — *Вы уже включили эту / как ее // Ну-у... **водогрейку** // Плохо без горячей воды //*

(об электрическом водонагревателе); — *Наберите воды в этот / как его... э-э-э... / водоочиститель* // (о фильтре). В подобного рода случаях выбор необходимого слова замедляется, говорящий сталкивается с коммуникативной преградой, которая преодолевается сконструированным словом, наиболее точно отвечающим задачам определенного коммуникативного акта.

Повседневная речь отличается также таким свойством, как непринужденность. По мнению Е.А. Земской, её отличают: «а) отсутствие официальных отношений между говорящими (отношения нейтральные, близкие — дружеские, родственные); б) отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный характер (лекция, доклад, выступление на собрании, научное сообщение, ответ на экзамене); в) отсутствие условий, нарушающих неофициальность обстановки (например, присутствие посторонних лиц, наличие магнитофона для записи речи и др.)» [Русская разговорная речь 1973: 10]. Именно атмосфера непринужденности обуславливает возможность комбинаторики имеющихся в системе языка средств, которая позволяет говорящему выразить необходимый смысл и решить коммуникативную задачу.

Как свидетельствует зафиксированный в живой разговорной речи языковой материал, большинство сконструированных слов создается по продуктивным моделям. По справедливому замечанию Б.Ю. Нормана, «если в сознании говорящего имеется словообраз с некоторой процессуальной семантикой — допустим, говорить, — то это значит, что в нём также заложены не только возможности выражения различных способов глагольного действия (*говорить, наговорить, выговорить, разговориться* и т.п.), но и предпосылки к автоматическому образованию лексем типа *говорение, говоритель, говорильщик*. Если нам известно, что в сознании носителя русского языка заложена модель, по которой образуются отглагольные существительные со значением процесса, то мы можем быть уверены: в речи возможны и *говорение, и делание, и провожание*» [Норман 1996: 63].

Зафиксированные нами примеры демонстрируют разнообразные словообразовательные связи в сознании говорящего, репрезентированные в структуре созданных неодериватов, например: — *Это началось сегодня с самого утра // Не знаю / куда деться от этих ужасных звуков // Забывает и сверлит / сверлит и забывает // Может / кто-нибудь уже поднимется к этому забивальщику и сверлильщику // Должен же быть хоть какой-то перерыв //*. Словообразовательный контекст свидетельствует, что слова *забивальщик* и *сверлильщик* являются результатом универбизации развернутых описаний *тот, кто забывает* и *тот, кто сверлит*. Указание на субъект действия — компонент дескрипта *тот, кто* репрезентирован продуктивным суффиксом *-льщик*. Мотивировочный признак выражен основами производящих глаголов *забивать* и *сверлить*.

Среди зафиксированных слов довольно солидно представлена группа субстантивов, обозначающих различные предметы быта. Причём данные слова не являются номинантами новых предметов, они, как правило, содержат определенную оценку или характеристику того или иного предмета, механизма, устройства. В подавляющем большинстве характеристика создается различного рода препозитивными формантами, чаще — префиксами и префиксоидами, например: — *Мы купили новый уют / Класс просто / Столько функций // Уже все перебрали дома / Просто суперуют // Мы очень довольны //*; — *Вот я и исполнил твою мечту // Посмотри / какая получилась полка // Повесим / Расставим все твои книги // Соберем альбомы // Меганалка/ Посмотри //*; — *Ты принес новый телевизор/ молодец /, а об антенне ты не подумал? // Вот и стоит он просто так / наш недотелевизор//*.

Спонтанность и непринужденность обыденной речи обуславливают и ее экспрессивно-эмоциональный характер. В связи с этим В.В. Химик отмечает, что «живая речь всегда экспрессивно окрашена, говорящий стремится к выразительности, так или иначе отражающей его эмо-

циональное состояние, настроение, внутреннюю самодостаточность или неудовлетворенность, одобрение или неодобрение происходящего, вследствие чего им даются самые разнообразные ценностные, образно-ассоциативные, игровые, комические и пр. характеристики окружающего мира и самого субъекта речи» [Химик 2004: 5], ср.: *утюг — суперутюг, полка — мегapolка, телевизор — недотелевизор, шкаф — супершкаф, лестница — экстралестница* и др.

Живая разговорная речь ярко демонстрирует тенденцию языковой экономии. Это находит проявление в активизации способов компрессивного словопроизводства. Языковой материал свидетельствует об увеличении слов-универбов, заменяющих описательное наименование однолексемным наименованием, например: *дистанционное обучение — дистанционка, информационное письмо — информационка, гарантийное письмо — гарантийка* и др. В контексте: — *В эту субботу все собираемся дома / Хочу / чтобы вы помогли мне сделать генералку // (генеральная уборка — генералка); — Ты сейчас в основном дома? // — Да / на удаленке // Уже давно не встречалась с коллегами // (удаленная работа — удаленка); Погладили / уберите за собой // Почему гладилка стоит не на месте? // (гладильная доска — гладилка). Подобного рода слова, как правило, предназначены для более краткого наименования предмета или явления.*

Среди зафиксированных слов по-прежнему активно пополняется группа новообразований, обозначающих лицо. В ней разнообразно представлены слова, которые служат для наименования человека по самым различным параметрам. В динамике данной лексики ярко проявляется неразрывная связь социального и языкового. Активность создания подобного рода слов обусловлена их прозрачной структурой, например: — *Сегодня вечером ты свободен / забереешь ребенка из садика // — Хорошо / Я помню / что я сегодня забираю //; — Мужчина / не подходите так близко / соблюдайте дистанцию // — Ладно / не подхожу /*

я дисциплинированный **соблюдатель** дистанции //; — *Весь вечер ты вел себя несерьезно / постоянно переводил весь наш разговор в шутку // Что на тебя сегодня нашло / смешитель?* //

Среди лексических новообразований-антропонимов активно создаются слова, обозначающие лицо — производителя действия, направленного на объект. Данные слова также демонстрируют действие языковой экономии. Они создаются на базе дескриптов: — *Слушай / мне уже надоело слушать твои сказки / В твоих мечтах всё так нереально / спустись уже на землю / замкостроитель / оглянись вокруг и сделай выводы //* — тот, кто строит воздушные замки — **замкостроитель**; — *Завтра буду ждать вас с новыми книгами / хорошо? // — Да / договорились // Еще три дня буду вашим книгоприносителем //* — тот кто приносит книги — **книгоприноситель**.

Как свидетельствует языковой материал, довольно часто в лексических новообразованиях репрезентантом субъекта может являться нулевой суффикс: тот, кто очень любит есть борщ — **борщеед**; тот, кто любит писать и часто пишет письма — **письмолюб** и др.

Собранный фактический материал свидетельствует об активизации компонента **-мания**, который участвует в создании слов со значением чрезмерного пристрастия, болезненного влечения к чему-либо: **лекарствомания**, **пивомания**, **сушимания**, **бургеромания**, **шашлыкомания**, **диетомания** и др. — *Ты опять сегодня за отчетом? // Мне кажется / тебе это начинает даже нравиться // Началась эдакая **отчетомания** //*; — *Опять занимаешься ремонтом? // У тебя это какой-то непрерывный процесс // Прямо ... э-э-э **ремонтмания** какая-то //*. Многочисленные примеры новообразований свидетельствуют о том, что объекты чрезмерного увлечения довольно многообразны в тематическом плане.

Своеобразным феноменом в системе лексики и словообразования можно считать так называемые разнословные сложения. Подобного рода слова дают определенную характеристику че-

ловека, в их составе объединяются, как правило, узуальные слова, однако в условиях определенной речевой ситуации создается целостная номинативная единица, представляющая структурно-смысловое единство, которое предназначено для выражения качественно нового значения, например: *Пока вам сам не позво- нишь / от вас не дождешься // Мы же переживаем с мамой // Вот так роли распределились / Папа-переживальщик, папа-звонильщик и детки-безразличники //*. В качестве составного компонента в данных сложениях используются незуальные слова *переживальщик, звонильщик, безразличники*. Созданные разнословные сложения отличаются семантической емкостью и компактной структурой, кроме того, в данном случае они выполняют обусловленную ситуацией воздействующую функцию.

В разнословное сложение могут быть объединены слова, логически несовместимые вне данного контекста, например: *Как я теперь? Куда мне теперь? Остался без общаги / Я теперь студент-бомж // — Катерина / ты просто артистка! // Не поймешь / когда ты говоришь серьезно // — Да / я такая! // Я артистка-домработница // Такое бывает? // — Он бывает таким разным // То он начинает что-то придумывать / и сам уже верит в свои авантюры // А порой он сдается / затихает / уходит в себя // загадка // Авантюрист-тихоня // Как все это объяснить? //*. В данном случае контекст позволяет определить «закадровые» связи и отношения, которые устанавливаются говорящим в процессе словопроизводства.

В повседневном общении довольно частотны слова, обладающие особым эмоционально-экспрессивным потенциалом. Создание и употребление таких слов позволяют сделать речь выразительной, они способствуют достижению особого коммуникативного эффекта. Своей необычностью подобные слова привлекают внимание собеседника. Кроме того, они, как правило, дают определенную характеристику лицу или предмету. В отдельных случаях создаются своеобразные квазислова, отличающиеся произвольным набором звуков, однако опора на контекст, параметры речевой ситуации и словообразовательные

актуализаторы способствуют декодированию структуры такого слова и определению его смысла. Например: *Да / абсолютно верно / так и было // Вся информацию она перевернула с ног на голову / все **перекурдолесила** / еще и передала от моего имени / я просто в шоке //* — переиначила, переврала.

Таким образом, повседневная речь отличается, с одной стороны, использованием готовых языковых средств, устойчивых формул и шаблонов. С другой стороны, неподготовленность, непринужденность, эмоционально-экспрессивная наполненность живой разговорной речи способствуют словесному творчеству. Языковой материал свидетельствует о многообразии и разнообразии лексических новообразований, созданных говорящим с определенной коммуникативной целью. Большинство анализируемых слов создано по продуктивным деривационным моделям. Однако особым изобразительно-выразительным потенциалом обладают слова, созданные с нарушением правил русского словообразования.

Анализ языкового материала с коммуникативно-прагматических позиций позволяет представить динамику словопроизводственных процессов, выявить структуры знаний, которые репрезентируются на языковом уровне созданными говорящим словами. Каждое из созданных слов демонстрирует креативную работу языкового сознания, отражает специфику индивидуального мировидения.

Список литературы

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 430 с.
2. Москвин В.П. Разговорный стиль как система // Русская речь. 2005. № 4. С. 37—48.
3. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 228 с.
4. Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996. 207 с.
5. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 486 с.

6. Химик В.В. Предисловие // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. С. 5—12.

© *L.I. Plotnikova*

EVERYDAY SPEECH: LANGUAGE STANDARD AND WORD CREATION

This article discusses certain issues related to the specifics of everyday speech. The main goal of the work is to demonstrate, on the basis of actual linguistic material, the use of ready-made linguistic units and words created by the speaker in everyday speech as a result of linguistic creative activity. The use of the method of direct observation of the facts of the language, as well as the techniques of contextual analysis and reconstruction of specific word-formation processes, made it possible to determine the features of the complex process of choosing the only necessary word in a certain speech act. The analysis of the recorded words revealed the dynamics of word-production processes, as well as the structures of knowledge, which are represented at the linguistic level by the created speaking words.

Keywords: everyday speech, word creation, language standard, linguistic creative activity.

© *Плотникова Юлия Вячеславовна*
Национальный исследовательский
Белгородский государственный
университет

СЛОВЕСНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА (на материале произведений белгородских авторов)

В статье исследуется специфика словотворчества современных белгородских поэтов. Основная цель работы состоит в выявлении общих особенностей словесного творчества поэтического пространства Белгородского региона. В соответствии с основной целью анализируются авторские слова, созданные известными белгородскими поэтами. Обосновывается идея о том, что лексические новообразования, с одной стороны, отражают креативные способности языковой личности, а с другой — выявляют типологические черты регионального поэтического мира. В результате проведенного анализа сделан вывод о наиболее активных моделях создания авторских слов, о специфике окказионального словообразования. Созданные слова отражают особенности индивидуального мировидения, а в целом — специфику культуры Белгородского региона.

Ключевые слова: авторские слова, поэтический текст, словотворчество, поэтическое пространство.

Поэтический текст — это результат многогранной творческой работы художника слова, в нём наиболее ярко проявляются креативные способности автора. Характеризуя поэтический язык, М.М. Бахтин писал: «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему в этой сфере максимальны: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов, поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 1972: 79].

Язык поэтического произведения представляет собой своеобразную систему, в которой единицы языка отличаются особым смысловым наполнением. Все компоненты этой системы взаимосвязаны и взаимообусловлены, в пределах одного контекста они выступают как единое целое, поэтому исследователи говорят *об особой замкнутой системе*, которую образуют лексические средства, особый звуковой строй, синтаксические конструкции, грамматические формы, своеобразный интонационный рисунок. Ж.Е. Тимашова считает, что для специфики поэтического текста «характерны рефлексивность и образность поэтического слова, особое семантическое наполнение, необычная система местоимений, составляющая сюжетную модель взаимоотношений персонажей, активное использование тропов и стилистических фигур, экспериментальный характер поиска средств художественной выразительности. Всё это позволяет считать, что именно поэтический язык наиболее ярко воплощает в себе установку на творчество» [Тимашова 2011: 9].

Рассматривая поэтическую функцию языка, М.В. Титова характеризует ее как вид речевой деятельности, «направленный на такое эстетически значимое творческое преобразование формы сообщения, которое нарушает автоматизм и стертость речи, обновляет ее на всех языковых уровнях, тем самым позволяет достигнуть наибольшей воздействующей силы на эмоции и интеллект читателя, обеспечивает путем отбора языковых средств и их художественной организации сообщению такую форму, которая воспринимается как единственно возможная для выражения именно этого содержания, наделяет сообщение содержательной многоплановостью, при этом сама форма сообщения становится содержательной и способной вызывать у читателя различные ассоциации» [Титова 2006: 27].

Важнейшим элементом поэтического текста является слово, поэтому выбор единственно необходимого слова представляет для автора принципиально важную задачу. Каждое из выбранных поэтом слов является результатом анализа и отражения авторского мировосприятия. В связи с этим важной

представляется мысль о том, что «смысл каждого отдельного слова как бы растворяется в своем окружении, рождая при этом новые, неожиданные смыслы. «Емкость смысла» поэтического текста увеличивается за счет ассоциативных связей слова, весьма специфических для каждого читателя, что в какой-то мере объясняет феномен множественности пониманий и интерпретаций такого текста. Все это создает особый язык поэтических формул, которые специфичны для каждого исторического времени» и благодаря которым устанавливается «молниеносный контакт с читателем» [Гинзбург 1997: 13—14].

Для реализации замысла и достижения наибольшей выразительности поэты довольно часто прибегают к словотворчеству, результатом которого являются индивидуально-авторские новообразования, или авторские слова, отсутствующие в языковой традиции и созданные с определенной художественной целью. Фиксация и анализ таких слов представляются важными задачами для исследователей, так как данные слова несут, как правило, большую идейно-смысловую нагрузку в тексте и обладают особым изобразительно-выразительным потенциалом. Кроме того, они зачастую являются составляющими идиостиля автора и его идейно-художественных установок. Лексические новообразования отражают стремление поэтов к созданию ярких словесных образов, наиболее полно отражающих поэтическую картину мира.

Зафиксированные нами лексические новообразования из поэтических текстов современных белгородских авторов В. Молчанова, И. Чернухина, Н. Дроздовой, Л. Ясновой, Н. Гладких, В. Кичигиной и др. позволили сделать выводы о разнообразии моделей и способов создания авторских слов. Безусловно, каждый из поэтов отличается своим стилем, манерой письма, отношением к словесному творчеству, однако обобщенный анализ специфики словотворчества позволяет выявить определенные общие черты и обозначить конфигурацию поэтического словесного творчества Белгородского региона в целом.

Поэтическое наследие авторов Белогорья отличается жанровым разнообразием. Это в первую очередь стихотворения, затем поэмы, басни, баллады, поэтические репортажи. В соответствии с целью нашего исследования, авторские слова извлекались из стихотворений современных белгородских авторов. Каждое из выявленных лексических новообразований представляет особый интерес, потому что сконструированное поэтом слово можно рассматривать как результат специфически-индивидуального мировидения автора. Более того, как справедливо отмечает С.А. Кошарная, «накопленный тем или иным этносом исторический опыт находит своё отражение в языке на всех его уровнях, а потому слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст» [Кошарная 2005: 94]. Данное положение справедливо и по отношению к индивидуально-авторским новообразованиям, каждое из которых, как правило, несёт особую идейно-смысловую нагрузку в тексте и зачастую становится своеобразным ключевым словом всего поэтического произведения.

В поэтических текстах современных белгородских авторов довольно ярко представлена региональная лексика. Язык региона — это широкое понятие, которое включает диалекты, годонимы (названия внутригородских объектов), эргонимы (названия различных предприятий), а также названия районов, фамилии известных людей Белгородского края, т.е. все те явления, которые образуют довольно внушительный пласт регионально маркированной лексики. Анализ поэтических текстов в данном ракурсе выявляет значимость регионально маркированного компонента *белый*, который представлен в деривационной структуре топонима *Белгород*. В произведениях местных художников слова отмечается целая серия производных, включающих данный компонент, например: *Край мой белый!.. / Холмы и долины, / Тихих речек зеленый окрас. Белохатье. Разливы полыни. / Свет берез, черноземная вязь...*(И. Чернухин). Н. Дроздовой создано лексическое новообразование *белохолмье*, которое можно считать регионализмом: *То ли прошлого*

свеченье. То ли будущего холод. / Чабрецы ползут по склонам. И сиренев белый свет. / Он плывёт ко мне на лодке, направляясь к белохолмью, / где когда-то родилась я... (Н. Дроздова).

Специфику региональной словесно-художественной картины мира составляет не только региональная лексика, в ней представлены также индивидуально-авторские слова, отражающие своеобразие этноязыкового сознания поэтов Белгородского края. Как особенность выделим, что в количественном отношении среди созданных поэтами слов преобладают новообразования, образованные способом разнословного сложения. Данную особенность можно считать специфической чертой региональной словесно-художественной картины мира.

Разнословные сложения отмечены практически у всех исследуемых нами белгородских авторов. Языковой материал свидетельствует, что это довольно разнообразная группа лексических новообразований, которые номинируют различные природные явления, дают определённую характеристику лицу или предмету. Способом разнословного сложения создаются авторские слова, объединяющие два узуальных слова с дефисным написанием. В результате такого соединения образуются новообразования, отличающиеся особым семантическим наполнением. Они позволяют автору создать неоднословные, многоплановые образы, например: *Берег уходит в море — / Море глотает берег. / В этом **родстве-раздоре** / Пенная суть истерик* (Л. Яснова, Glossarium); *Будет солнечный ветер **бесшабашно-свободным**, / и случайный попутчик ни о чём не расспросит, / и, круша нормативы постсентябрьской погоды, / бабым летом обманет сумасшедшая осень* (Л. Яснова, Сумасшедшая осень); *Я видел другой человеческий край / И **жизнь-маету** свою вёл по-иному, / Душою вкусив одиночества рай / И ад, что зовётся тоскою по дому* (Н. Гладких, Я видел другой человеческий край...); *Днепр, прощай! Мой потерянный рай / Чёрно-белых осенних признаний, / Невозможной любви затерявшийся край, / Бесконечность **прощений-прощаний**.* (В. Кичигина, Прощание).

Языковой материал позволяет говорить об активном использовании авторских слов, образованных по продуктивному словообразовательному типу. Это субстантивы с суффиксом *-ост'*, образованные от имен прилагательных или субстантивов, например: *Там тоски хлебосольность* — / до зубовного хруста, / там уходит в глагольность / существительность чувства (Л. Яснова, Одиночество); *В безнадёжной бескрылости дней / Не угнаться за чайкой моей, / Оттого и на сердце тоска.* (В. Молчанов, Рондо); *Как росток сквозь асфальт пробивается истина / сквозь приличности и благоденствия твердь...; Время встречи — зима. / И в цветах белоснежность.* (Н. Дроздова, В «Московскую тетрадь») и др.

Среди зафиксированных слов отмечены префиксально-суффиксальные новообразования — субстантивы. Подобного рода слова в большинстве случаев обозначают определенное состояние природы или человека: *Лишь неба снежного безлунье, / Да одинокая ветла, / Лишь улиц шумное безлюдье, / Да перестылые ветра* (В. Молчанов, Мне темь глаза открыла шире...); *Переоденем настроенье, / И цвет у жизни станет новый. / Наметим в планах «развесенье» — / Конец поста зимы суровой* (Т. Огурцова, Мы и весна); *Я умру от скуки и бездомья / в сквере, на скамейке ледяной* (Н. Дроздова, 18 января).

Новообразования-адъективы в большинстве своем представлены разнословными сложениями. В составе таких слов объединяются наречие и прилагательное, подобная интеграция позволяет автору создать необычный многогранный образ: *Не узнаю вид с открыток в знакомых местах, / Где обхожу угловато-злоевещие рамы.* (Т. Огурцова, Июнь в столице); *В притворе стоять. / Безучастно. / Дрожать от озноба, / в покой погружаясь кружавчато-розово-синий* (Н. Дроздова, В притворе). В данном примере способом разнословного сложения образовано трехкомпонентное авторское слово.

Представляя общую характеристику новообразований — глаголов и наречий, необходимо отметить, что данные слова в количественном отношении не столь многочисленны, причем

среди них преобладают также разнословные сложения и суффиксальные дериваты: *И дождь, барабаня с размаху, / Дырявил сырой грунтовик* (А. Филатов, Прощальное); *Я верил людям. И — напрасно! / Не раз обманут был в судьбе. / Теперь живу бездумно-праздно, / Не верю даже сам себе.* (В. Молчанов, Не скрою этого, не скрою...); *...Чтоб луна полёт остановила / И застыла траурно-покорно...* (Л. Яснова, Прощеное Воскресенье); *Коты орут валерианно, / Беся людей, едва уснувших.* (Т. Огурцова, Весеннее сумбурное).

Особым изобразительно-выразительным потенциалом обладают авторские слова, созданные с нарушением правил русского словообразования. Окказиональные образования отличаются своей необычностью, «диковинностью», довольно часто они становятся смысловыми центрами всего поэтического текста. Так, отмечены примеры такого вида графической деривации, как вставка, которая предполагает употребление авторского дефиса, кавычек, наклонной черты и др. Её использование позволяет автору создать необычный словесный образ, обратить внимание читателя на тонкие поэтические смыслы. В стихотворении Ланы Ясновой «Поэты» отмечено два примера подобного рода авторских слов: *Но строчки рядами грудятся, / и руки у них развязаны, / и как им за-благо-рассудится, / так после и будет сказано / о том, как, боля распутицей, / себя от всех **оди/н/очили** — / в надежде, что всё же сбудется / Великое Многоточие...* (Л. Яснова). Слова, созданные способом графической деривации, отмечены у В. Кичигиной. В стихотворении «Старая боль, и...» автор явно играет со словом: *Но время — на мороз, / и ягоды тугие / давно мираж — есть нос, / и сон, и **нос-тальягия**...* (В. Кичигина).

Интересным также представляется прием «недосказанного слова», с помощью которого в слове удаляется конечный сегмент, что приводит и к структурным, и к смысловым деформациям, создает ощущение «обрыва», незавершенности: *Как будто вдох и выдох, выдох — **вдо**... / И вот вдохнешь — а там уже — иные...* (Л. Яснова).

С помощью графического выделения буквы создаётся, например, игра слов *дачное* и *удачное*, объединённых в одной номинации: *Минимум шмоток. И лучше — немаркового цвета. / Я выхожу из тяжёлой асфальтовой гавани. / За борт — и телик, и липкие сети Инета. / Я отправляюсь в **УДАЧНОЕ** воздухоплавание* (Т. Огурцова, Дачное воздухоплавание).

Окказиональные слова отличаются особой экспрессией, наиболее ярко передают субъективные представления автора об окружающем его мире. Так, Т. Огурцова конструирует слово, включающее названия зимних месяцев (первые два — в усеченном виде), для того чтобы подчеркнуть долгий период зимнего времени: *Разливает день остатки света / В кружки, стопки, блюда фонарей. / Будем экономить запах лета / Вплоть до **дека-янва-февралей*** (Т. Огурцова). Зафиксированные нами окказиональные слова свидетельствуют об активном использовании таких деривационных способов, как контаминация, редеривация, голофразис. Созданные окказионализмы репрезентируют индивидуальный тип поэтического мышления, их можно считать уникальными вербальными версиями представления об окружающем мире.

Таким образом, поэтические тексты белгородских авторов демонстрируют яркие примеры словесного творчества. Наиболее многочисленные авторские слова представлены субстантивами, что в общем соответствует общеязыковой тенденции. Среди способов словообразования необходимо в первую очередь выделить способ разнословного сложения, результатом которого являются заслуживающие особого внимания сложения, созданные на основе синергии значений узуальных слов. Смысловая многоплановость позволяет рассматривать их как своеобразные минитексты, подчиненные общей идее реализации авторского замысла. Большинство авторских слов создано по продуктивным моделям. Авторские слова представляют особую важность для исследователя, так как в них отражаются особенности индивидуального мировидения, а в целом — специфика культуры Белгородского региона.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Слово в поэзии и прозе // Вопросы литературы. 1972. № 6. С. 55—85.
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. Ленинград: Советский писатель, 1974. 409 с.
3. Кошарная С.А. Слово как знак и критерий значимости концепта (на примере концепта «Род») // Мова і культура. Киев, 2005. С. 93—98.
4. Тимашова Ж.Е. Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов (на мат-ле произведений А. Белого и В. Иванова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 23 с.
5. Титова М.В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 2006. 187 с.

© *Yu.V. Plotnikova*

VERBAL CREATIVITY IN THE POETIC SPACE OF THE REGION (on the material of works by Belgorod authors)

The article examines the specificity of the word-creation of modern Belgorod poets. The main goal of the article is to identify the general features of the verbal creativity of the poetic space of the Belgorod region. In accordance with the main goal, the author's words, created by famous Belgorod poets, are analyzed. The author substantiates the idea that lexical neologisms, on the one hand, reflect the creative abilities of a linguistic personality, and on the other, reveal the typological features of the regional poetic world. As a result of the analysis, a conclusion was made about the most active models of creating author's words, about the specifics of occasional word formation. The created words reflect the peculiarities of the individual worldview, and in general, the specificity of the culture of the Belgorod region.

Keywords: author's words, poetic text, word-creation, poetic space.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются современные тенденции оформления синтаксических конструкций в интернет-коммуникации, в том числе при помощи знаков препинания как особого вида графического оформления на письме эмоций, характерных для устной речи. Отмечены некоторые приемы графического оформления на примерах интернет-текстов, выделенных в тематических форумах и социальных сетях федеральных и региональных интернет-ресурсов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-тексты, синтаксис, графическое оформление, интернет-дискурс.

Интернет-тексты, по единому мнению филологов, имеют ярко выраженные признаки устной и письменной речи, определяя тем самым новый вид дискурса — интернет-дискурс. Объясняется это, в том числе временными рамками процесса коммуникации, который происходит не только в промежутке «здесь и сейчас», но и в «отложенном» режиме, так называемом офлайне. Авторы текстов продуцируют их в зависимости от того, в какой момент они смогли ознакомиться с информацией, побудившей их на собственное высказывание.

Во время онлайн-общения, т.е. когда все участники процесса общения находятся в сети Интернет посредством разнообразных технических устройств, тексты имеют наиболее выраженные признаки устной речи. Это спонтанность, сиюминутность, экспрессивность, определенная ненормативность и другие. Таким образом, в интернет-текстах на первый план выступает эмоциональная составляющая

коммуникации. Авторы текстов, продуцируя сообщение, преследуют цель не только доставить «собеседнику» необходимый месседж, но и передать собственные чувства, отношение, реакцию на происходящее и т.д. Для достижения этих целей в интернет-текстах активно используются приемы ненормативного оформления конструкций словосочетаний и предложений.

В современных интернет-текстах особенно четко просматривается общая тенденция непривычного написания дополнительного смысла, о чем У. Баоянь высказывается, что «ненормативные и непривычные написания, отступления от нормы выполняют более значительные функции в дневниковом диалогическом тексте, чем просто передача на письме произношения в интернет-коммуникации» [Баоянь, 2006].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение причин отступления от нормы русского литературного языка, которые наблюдаются на уровне синтаксиса. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил выделить несколько типичных особенностей, свойственных для оформления синтаксических конструкций текстов в интернет-коммуникации. В данной статье обратим основное внимание на особенности графического оформления словосочетаний и предложений с использованием знаков препинания.

В интернет-коммуникации письменная речь не позволяет использовать вербальные средства, такие как интонация, жесты и другие. В этом случае авторам приходят на помощь именно графические средства, с помощью которых удается в той или иной мере передавать необходимые для выражения эмоции. Рассмотрим некоторые из этих приемов.

I. *Использование нескольких восклицательных знаков.* Этот прием позволяет автору привлечь внимание к своему высказыванию, передать крайнюю степень восклицания, относящегося к описываемому предмету или явлению, особую вовлеченность в «беседу» или обсуждение заявленной темы. Обычно авторы используют для этих целей два или

три восклицательных знака. Для выражения особой степени восторга количество восклицательных знаков в высказывании может быть увеличено по усмотрению автора. Ср.: *A-Lika, гран мерси!!! Очень благодарна! Офигеть* (Cofeforum.com, дата обращения 15.08.2020)¹. *Это просто какой то ужас, издевательство над детьми около детского травм пункта поставили илазбаум!!!!!!* (Vk.com, 12.08.2020).

Отметим, что в приведенных примерах просматривается использование сразу нескольких дополнительных приемов для привлечения внимания всех участников коммуникации. Во-первых, наличие обценной или ненормативной лексики, которая сразу обращает на себя внимание своей повышенной экспрессивностью, что в контексте может породить у собеседников желание активно включиться в процесс коммуникации. В ряде случаев именно активное участие в предлагаемой беседе является самоцелью, так как большое количество комментариев или отзывов на первоначальный пост помогает поднять рейтинг самого автора.

Во-вторых, нередко в качестве приемов, усиливающих эмоциональное воздействие на собеседника, выступает использование фразеологизмов или устойчивых выражений. Появление такого рода конструкций в тексте делает его более легким для восприятия, повышает уровень доверия, как к самому тексту, так и к его продуценту. В исследованном примере *гран мерси* выступает в виде благодарности личного характера, теплых слов, сказанных в адрес конкретного человека (собеседника).

В совокупности все эти приемы, оформленные дополнительно произвольно выбранным количеством восклицательных знаков, позволяют достигать большего эффекта по привлечению внимания читателей, способствуют их вовлеченности в активный процесс коммуникации.

II. *Использование нескольких вопросительных знаков.* Прием позволяет авторам усиливать эффект удивления, проявления от-

¹ Авторская орфография и пунктуация сохранена во всех примерах, которые используются в данной статье

рицательных эмоций по отношению к описываемым или обсуждаемым предметам или явлениям, также способствует общей вовлеченности в процесс коммуникации.

Многократное повторение вопросительных знаков в опосредованной форме содержит приглашение к диалогу, т.е. автор конструкции, в которой используется несколько вопросительных знаков, провоцирует своих потенциальных собеседников поделиться точкой зрения или эмоциями по поводу собственной экспрессивной реакции на сообщение другого автора. Ср.: *А к нам родственники приехали. И я теперь ломаю голову, что подарить мальчику 24 лет????* (detki-33.ru, 11.08.2020). *В этом году????????? Пост из-за самоизоляции, что-ли, запоздал?* (Vk.com, 12.08.2020).

В некоторых случаях можно говорить о том, что данный прием применяется в интернет-коммуникации с целью «троллинга» собеседников, провоцируя их на выражение ярких эмоций, иногда в ущерб собственной репутации. Фразы, оформленные большим количеством вопросительных знаков, своей повышенной эмоциональностью могут спровоцировать автора первичного текста или поста продолжить общение, но уже «на повышенных тонах», что может обусловить появление высказываний, приводящих к серьезным репутационным потерям.

III. *Использование комбинации вопросительных и восклицательных знаков.* В художественной литературе авторы размещают общепринятую комбинацию этих знаков препинания «?!» в тех случаях, когда необходимо на письме обозначить крайнюю степень удивления, граничащую с возмущением или особым недовольством.

В интернет-текстах использование указанных комбинаций приобрело дополнительный смысл ярко выраженного сомнения в правильности происходящих событий, либо экспрессивной оценки событий или предметов. Для ее усиления участники коммуникации могут использовать многократно повторяющуюся оригинальную комбинацию, причем в разных ее вариантах.

Причина вариативности, например использование знаков «!?!» и «!?!», по мнению исследователей, в основном кроется в ошибочном выборе оформления предложения, т.е. авторы высказываний зачастую не знают, как выглядит на письме нужный знак [Крылова, 2016].

Анализ интернет-текстов позволяет условно выделить несколько вариантов использования комбинаций вопросительного и восклицательного знаков:

1. Несколько вопросительных, один восклицательный знак — используется авторами для постановки «кричащего» вопроса о сути и причинах происходящего или описываемого объекта или действия. Ср.: *И??? Что там по ответам?!??* (Cosmo.ru, дата обращения 13.08.2020).

2. Несколько восклицательных, один вопросительный знак — используется авторами для усиления эмоции восторга, а в ряде случаев недовольства или гнева, в которых заложен вопрос о сути и причинах описываемого объекта или действия: *Элли, Я от чупа чупса в шоке!!! Представила что наверное сама вряд ли могла б проглотить, как ребенок 2ух лет умудрился?!!!* (Detki33.ru, дата обращения 10.08.2020).

3. Равное, но необоснованно большое использование вопросительных и восклицательных знаков — используется авторами для привлечения максимального внимания к своим высказываниям. Причем, можно отметить, что значение этих эмоций будет зависеть от того, каких знаков больше: вопросительных или восклицательных. Иногда использование такого приема уместно при постановке вопросов, по сути близких к риторическим: *Даже если будут суды то суды то тоже государственные. Так как же быть?????!!!!* (Yaplakal.com, дата обращения 09.08.2020).

IV. *Использование многоточия.* Этот знак препинания в интернет-текстах применяется в соответствии с основными правилами русского языка для обозначения незаконченности высказывания, указания перерывов в речи, перехода с одной темы на другую и т.д. [Розенталь 2008]. Вместе с тем стремле-

ние придать высказываниям еще большую эмоциональность и экспрессивность заставляет некоторых участников интернет-коммуникации ставить между фразами или в конце предложений сразу несколько многоточий. Отметим, что для интернет-текстов не свойственно грамотное написание повторяющего знака: количество точек в многоточии может быть произвольным. Вместе с тем размер «авторского знака» зависит и от того, насколько значительной пауза видится автору текста, либо от эмоциональной глубины этой паузы: *Какого..... с вишлистом????* (Cosmo.ru, 13.08.2020); *Я вот не понимаю.....* (Lady.mail.ru/forum, 11.08.2020). *А ведь были.... раскупили наверное* (Detki33.ru, 10.08.2020).

Дополнительно можно отметить, что нередко в интернет-текстах многоточие выступает в качестве замены других знаков препинания. Связано это в ряде случаев с неграмотностью продуцентов тестов, либо с экономией времени на их создание, что является характерным для поведения авторов высказываний, размещаемых в социальных сетях или тематических форумах. Нередко использование многоточия в этих целях приводит к искажению смысла всего предложения вне его контекста, нарушению синтаксических связей между частями предложения: *А нам помог «зенерит»....и сократить употребление сладкого* (Mladmama.ru, 08.08.2020).

V. *Использование комбинаций знаков препинания с заглавными буквами.* В современной интернет-коммуникации, особенно в среде социальных сетей и тематических форумов, авторы могут оформлять собственные тексты или высказывания сразу несколькими графическими средствами. Наиболее популярным сочетанием является комбинация прописных букв и знаков препинания. Применение того или иного приема продиктовано исключительно необходимостью передачи конкретной эмоции со смежным желанием привлечь собеседников к активному процессу общения. В случае с прописными буквами и знаками препинания автор привлекает внимание к своим текстам необычностью оформления. Прописные буквы или слова, состоящие

целиком из них, на письме в интернет-коммуникации помогают выражать яркие эмоции, которые в устной речи можно было бы сравнить с криком или разговором на повышенных тонах. А знаки препинания дают представление о вопросительной или восклицательной природе этого высказывания: *Зато вот снег сейчас пошел прям новогодний... НАКОНЕЦ-ТО!!!* (Cosmo.ru, 13.08.2020).

Все перечисленные приемы ненормативного графического оформления синтаксических конструкций свидетельствуют о превалировании эмоциональной составляющей в интернет-коммуникации, в которой на первое место выходит задача передачи чувств автора. На письме, в отличие от устной речи, их можно передать с помощью различных комбинаций знаков препинания. Тема имеет перспективы для изучения особенностей выражения чувств в различных жанрах интернет-текстов различными типами языковой личности, которые формируются в современном мире в условиях интернет-коммуникации.

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время среди особенностей графического оформления синтаксических конструкций на письме выделяется активное использование «эмодзи» или эмотиконов, которые нередко начинают замещать общепринятые знаки препинания. Пользователи социальных сетей, форумов, блогов и других популярных в интернет-коммуникации ресурсов все чаще отдают предпочтение именно указанным приемам графического оформления синтаксических конструкций, так как они позволяют достаточно точно передать необходимую эмоцию без употребления специальных знаков препинания. Исследования этой тенденции также имеют, на наш взгляд, перспективу в современной лингвистике.

Список литературы

1. Аникина Т.В. Лексические и синтаксические средства выражения экспрессивности в Интернет-коммуникации // Научные исследования: от теории к практике: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2014. С. 271—275.

2. Баоянь, У. К вопросу о передаче на письме произношения в Интернет-коммуникации // Новый взгляд: сб. науч. ст. аспирантов-филологов МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
3. Крылова М.Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях // Филология и литературоведение. 2016. № 1 (52). URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841>
4. Матусевич А.А. Грамматические средства выражения эмоций в сетевом общении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 94—97.
5. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация. 2-е изд., перераб. М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. 367 с.

© *N.I. Polidovets*

SOME FEATURES OF USING GRAPHIC DESIGN OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN INTERNET COMMUNICATION

The article discusses current trends in the presentation of syntactic structures in Internet communication, including using punctuation marks as a special type of graphic design on the material of letter of emotions characteristic of oral speech. The author describes some techniques of graphic presentation using examples of Internet texts highlighted in thematic forums and social networks of federal and regional Internet resources.

Keywords: Internet communication, Internet texts, syntax, graphic presentation, Internet discourse.

© *Померанцева Татьяна Павловна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ ЧЕЛОВЕК И ЛЮДИ

Данная статья — часть исследования смыслового объёма лингвокультурных концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ в современном русском языке и функционирования их в художественном мире писателя В.Шаламова. Цель данного этапа работы — верификация выявленных на предыдущих этапах комплексного анализа концептов концептуальных признаков путём рассмотрения синтагматических отношений слов-репрезентантов. В работе применяется методика комплексного лингвокогнитивного описания концептов, разработанная Нижегородской школой концептуального анализа. На предыдущих этапах анализа, включающих обзор экстралингвистического содержания понятия и анализ лексикографических источников, были выявлены 22 когнитивных признака концепта ЧЕЛОВЕК и 16 — концепта ЛЮДИ, из которых в результате данного этапа подтвердились 20 когнитивных признаков для ЧЕЛОВЕК и 3 когнитивных признака для ЛЮДИ, что подтверждает предположение о функционировании их в русском языке как двух самостоятельных, хоть и близких и взаимосвязанных, концептов.

Ключевые слова: концепты ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, лингвокогнитивный анализ концептов, синтагматика, лингвокультурология, русский язык.

Данная работа представляет собой один из этапов комплексного концептуального анализа концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, проводимого в соответствии с методом комплексного лингвокогнитивного описания концептов, разработанным Нижегородской школой концептуального анализа [Методические указания 2002; Радбиль 2012, 2018; Лингвокогнитивные аспекты 2020].

В русском языке для выражения формы множественного числа существительного *человек* употребляется слово с другим корнем и другой этимологией — *люди*, что даёт основания для предположения о различии в концептуальном значении, содержащемся в этих словах. На этапах анализа экстралингвистического содержания понятия, лексикографических источников — этимологических и толковых словарей — были выявлены предполагаемые когнитивные признаки (КП) концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, синтагматические особенности языковой экспликации которых рассматриваются в данной статье.

Рассматривая синтагматические особенности языковой экспликации концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, воспользуемся материалами «Словаря сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н.Денисова и В.В.Морковкина и «Большого универсального словаря русского языка» под редакцией В.В.Морковкина. Основное значение для слова *человек* предлагается следующее: ‘живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими, а также такое существо как носитель определенных качеств, свойств, характерных признаков’ [БУСРЯ 2017: 1381; СССРЯ 1983: 665].

В рамках этого значения слово *человек* демонстрирует варианты атрибутивной адъективной сочетаемости, соотнесённые нами со следующими, выведенными ранее когнитивными признаками слова *человек*:

1. **Разумное существо:** *(не)умный, разумный, способный, одаренный, талантливый, гениальный, мудрый, сообразительный, понятливый, находчивый, изобретательный, остроумный, мыслящий, знающий, начитанный, разносторонний, эрудированный, (не)образованный, глупый, поверхностный, ограниченный, темный, несведущий, ничего не смыслящий (разг.), неграмотный, безграмотный, невежественный человек.*

2. **Существо, обладающее связной речью:** *(не)разговорчивый, (не)общительный, открытый, словоохотливый, (не)многословный, болтливый, шумный, шумливый, молчаливый человек.*

3. **Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества:** *трудолюбивый, работающий, усидчивый, старательный, усердный, прилежный, ленивый, нерадивый (разг.); активный, бойкий, неугомонный, непоседливый, суетливый, хлопотливый, суматошный (с оттенком разг.), пассивный, вялый, медлительный человек.*

4. **Общественное существо:** *вежливый, деликатный, тактичный, уважительный, почтительный, любезный, (не)воспитанный, (не)культурный, чопорный, дурно воспитанный, неотесанный (разг.), грубый, бестактный, бесцеремонный, надоедливый, назойливый, навязчивый, развязный, нахальный, наглый, дерзкий; внимательный, заботливый, участливый, отзывчивый, дружелюбный, приветливый, обходительный человек.*

5. **Социально подчиненное существо:** *военный, штатский человек.*

6. **Существо, занимающее определенное место в иерархии религиозных отношений:** *религиозный, верующий, набожный, светский человек.*

7. **Существо, обладающее душой, т.е. внутренним психическим миром:** *(не)добрый, сердечный, добросердечный, незлобивый, добродушный, беззлобный, душевный, благожелательный, доброжелательный, милосердный, (не)терпимый; впечатлительный, эмоциональный, чувствительный, сентиментальный, мечтательный, романтический, романтический, влюбчивый (разг.), ранимый человек.*

8. **Существо, обладающее духом, т.е. сознанием:** *серьезный, ответственный, (не)организованный, (не)дисциплинированный, добросовестный, (не)обязательный; сильный духом, (не)смелый, храбрый, мужественный, отважный, безбоязненный, бесстрашный, неустрашимый, дерзкий, стойкий; твердый, самостоятельный, независимый, (не)решительный, железный, непреклонный (книжн.), упорный, упрямый человек.*

9. **Существо, обладающее индивидуальностью:** *этот, тот, любой, всякий, каждый человек.*

10. **Существо телесное, связанное с миром природы:** *высокий, маленький, крупный, рослый, статный; широкоплечий, узкоплечий, мускулистый, крепкий, сильный, слабый, хилый; стройный, коренастый, приземистый, кряжистый, полный, дородный, упитанный, худой, сухощавый, худощавый, сухопарый, поджарый (разг.), сухой (разг.), тощий, костлявый (разг.), нескладный, сутулый, сгорбленный, горбатый человек.*

11. **Существо, обладающее свободой воли:** *волевой, уверенный в себе, самостоятельный, независимый, властный, своевольный, деспотичный, слабовольный, безвольный, слабохарактерный, бесхарактерный, малодушный, слабодушный, покорный, послушный человек.*

12. **Неидеальное существо, обладающее недостатками и слабостями:** *драчливый, буйный, необузданный, истеричный, капризный, ревнивый, скандальный, склочный (разг.), брюзгливый (разг.), сварливый (разг.); скучный, нудный, занудливый (разг.); плохой, скверный, никудышный (разг.), никчемный (разг.), пропавший (разг.), дрянной (разг.), противный, гадкий, отвратительный, омерзительный, мерзкий человек.*

13. **Существо потенциально изменчивое, способное к развитию:** *(не)развитой/(не)развитый, (ультра)современный, современно мыслящий, консервативный, старомодный, отставший от жизни, отсталый, косный; (не)опытный, бывалый, умудренный опытом, неискушенный человек.*

14. **Существо, руководствующееся нравственными принципами:** *(не)честный, (не)порядочный, добропорядочный, (не)справедливый, принципиальный, правдивый, совестливый,; высоконравственный, благородный, (не)благодарный, (не)верный, преданный, (не)надежный, великодушный, праведный, святой, (без)грешный человек.*

15. **Существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им:** *хороший, отличный, прекрасный, замечательный, удивительный, превосходный, исключительный, обаятельный, (не)приятный человек.*

16. **Существо, способное на иррациональные действия вопреки логике и здравому смыслу:** *(не)обычный, (не)обыкновенный, (не)простой, незаметный, рядовой, средний, заурядный, странный, редкий, редкостный, загадочный, непредсказуемый, нелепый, эксцентричный (книжн.), чудаковатый (разг.), смешной; цельный, противоречивый, сложный человек; (не)интересный, забавный, занятый (разг.), инфантильный (книжн.), наивный человек.*

17. **Существо, занимающее определенное положение по отношению к своему роду:** *одинокий, семейный; свой, чужой, посторонний, (не)знакомый человек.*

18. **Социально и индивидуально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное):** *деловой, (без)деятельный, энергичный, настойчивый, инициативный, деловитый, предприимчивый, пробивной (разг.); бережливый, экономный, рачительный, домовитый, хозяйственный; счастливый, удачливый, (не)везучий (разг.); богатый, платежеспособный (офиц.), обеспеченный, состоятельный, зажиточный; уважаемый, влиятельный, заслуженный, почтенный, выдающийся, знаменитый человек.*

19. **Интеллектуально и морально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное):** *любопытный, любознательный, любопытный, наблюдательный, проницательный, тонкий, утонченный человек* [БУСРЯ 2017: 1381—1382; СССРЯ 1983: 665—666].

Далее мы рассмотрели особенности атрибутивной субстантивной генитивной сочетаемости слова *человек*. Анализ показал релевантность следующих когнитивных признаков:

1. **Разумное существо: выдающихся способностей, огромного ума, твердых принципов, широкого кругозора, крайних взглядов человек.**

2. **Существо, обладающее духом, т.е. сознанием: негибкой воли, большого мужества, невероятной энергии человек.**

3. **Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества:** *долга, действия, дела человек.*

4. **Существо телесное, связанное с миром природы:** *крепкого телосложения, среднего роста, неопределенного возраста, скольких-либо лет, огромной силы, необыкновенной красоты, белой расы человек.*

5. **Существо, занимающее определенное положение по отношению к своему роду:** *низкого происхождения человек.*

6. **Социально и индивидуально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное):** *среднего достатка человек* [БУСРЯ 2017: 1382; СССРЯ 1983: 666].

Субстантивные предложные сочетания атрибутивного значения соотносятся с выведенными когнитивными признаками следующим образом:

1. **Существо, обладающее душой, т.е. внутренним психическим миром:** *без духовных интересов человек.*

2. **Существо, обладающее духом, т.е. сознанием:** *с твердыми принципами, с большими претензиями человек.*

3. **Общественное существо:** *без положения (в обществе), из народа, высшего общества, по фамилии, с безукоризненными манерами, непредсказуемым поведением человек.*

4. **Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества:** *без определенных занятий, воображения человек.*

5. **Существо телесное, связанное с миром природы:** *с каким-либо лицом, глазами, волосами, кожей, голосом, походкой человек.*

6. **Существо, обладающее свободой воли:** *без собственного мнения, с характером, норовом (разг.) человек.*

7. **Существо потенциально изменчивое, способное к развитию:** *без образования человек.*

8. **Существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им и неидеальное**

существо, обладающее недостатками и слабостями: не без недостатков, способностей человек.

9. **Существо, занимающее определенное положение по отношению к своему роду: без роду без племени (разг.) человек.**

10. **Социально и индивидуально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное): со средствами человек.**

11. **Интеллектуально и морально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное): с примитивными вкусами, со вкусом, с богатым воображением, с широким кругом интересов, с каким-либо образованием, с левыми взглядами, с сомнительной репутацией, со странностями, с причудами, с пунктиком (разг.) человек [БУСРЯ 2017: 1382; СССРЯ 1983: 666].**

В роли генитива в субстантивных сочетаниях слово *человек* сочетается с группами существительных со значениями ‘события’, ‘физические характеристики’, ‘внутренний мир’, ‘разум’, ‘деятельность’, ‘свобода’, ‘место в обществе’ (*жизнь, рождение, смерть, тело, голова, лицо, глаза, волосы, рука, нога, внешность, кожа, внешний вид, наружность, душа, духовный мир, любовь, страдание, страх, ум, разум, интеллект, мысль, память, воображение, труд, деятельность, профессия, поведение, поступок, жизненный опыт, семья, права, свобода, репутация, похищение, спасение, убийство биография, имя, отчество, фамилия человека*). Для слова *люди* в этом случае единственное общее значение сочетаемых слов — ‘коллектив, объединённый неким общим признаком’ (*группа, толпа, скопление, цепочка, множество, большинство, сотни людей*) [БУСРЯ 2017: 1382; СССРЯ 1983: 666].

Остальные предложные сочетания для слова *человек* демонстрируют значения ‘предмет мысли, речи’ (*рассказ о человеке, история, фильм, анекдот про человека*), ‘существо, руководствующееся нравственными принципами’, ‘существо, занимающее определенное место в иерархии религиозных отношений’

(*доброе, хорошее, образ Божий в человеке*), ‘существо телесное, связанное с миром природы’ (*опыты, клинические испытания на человеке*). Для слова *люди* кроме количественного видим значения ‘общественные существа’ и ‘рабочая сила’ (*потери в людях; связи, отношения, контакты, общение, сходство, различия, разделение труда между людьми*) [БУСРЯ 2017: 1382; СССРЯ 1983: 666].

В значениях ‘в качестве единицы счета таких живых существ’ с количественными словами и ‘такое живое существо как носитель положительных, одобряемых окружающими качеств’ употребляется только слово *человек*, что подтверждает наличие когнитивных признаков ‘эталон меры и оценки’ и ‘существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им’.

В значении ‘такое живое существо вообще, т.е. лицо, индивидуальные характеристики которого для говорящего несущественны’ употребляются и *человек*, и *люди*.

В значении ‘работники, способные осуществлять соответствующую деятельность’ указаны сочетания только для формы множественного числа *люди* [БУСРЯ 2017: 1382—1383].

Итак, очевидно, что большая часть моделей сочетаемости существительного *человек* реализуется и для его формы множественного числа. Однако представлены и модели сочетаемости, уникальные для слова *люди*, демонстрирующие наличие собственных когнитивных признаков у него и подтверждающие возможность выделения отдельного концепта ЛЮДИ. По результатам анализа синтагматических отношений для слова *люди* преобладающими являются КП ‘общественные существа’, ‘коллектив, объединённый неким общим признаком’ и ‘рабочая сила’, из которых 2 последних для существительного *человек* не представлены, что позволяет говорить о концепте ЛЮДИ, обладающем собственным набором когнитивных признаков и противопоставленном концепту ЧЕЛОВЕК по смысловому параметру ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ — КОЛЛЕКТИВНОСТЬ.

Список литературы

1. БУСРЯ — Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.
2. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: колл. монография / С.А. Рылов, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Л.И. Ручина, Л.И. Жуковская, М.В. Сандакова, С.Н. Виноградов, Е.Е. Смирнова, Л.В. Грехнева, Т.М. Горшкова, И.В. Кузьмин, Е.А. Колтунова, Е.М. Маркова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2020. 248 с.
3. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: метод. пособие для студентов-филологов / сост. Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. 24 с.
4. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 375 с.
5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 328 с.
6. СССРЯ — Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 686 с.

© *T.P. Pomerantseva*

SYNTAGMATIC FEATURES OF THE LANGUAGE EXPLICATION OF THE CONCEPTS «CHELOVEK» («MAN») AND «L'UDI» («MEN»)

This article is part of the research of the semantic scope of the linguistic and cultural concepts of «CHELOVEK» («MAN») and «L'UDI» («MEN») in the modern Russian language and their functioning in the artistic world of the writer V. Shalamov. The purpose of this stage of work is to verify the conceptual features identified in the previous stages of the complex analysis of concepts by considering the syntagmatic relations of representative words. The paper uses the method of complex linguocognitive description of concepts developed by the Nizhny Novgorod school of conceptual analysis. In the previous stages of analysis, including a review of the

extralinguistic content of the concept and analysis of lexicographical sources we identified 22 cognitive features of the concept of «CHELOVEK» («MAN») and 16 of the concept of «L'UDI» («MEN»), and the result of this phase was confirmed for 18 cognitive features for «CHELOVEK» («MAN») and 3 cognitive features for «L'UDI» («MEN»), which confirms the assumption about the functioning of them in the Russian language as two separate, though similar and interrelated, concepts.

Keywords: concepts of «CHELOVEK» («MAN») AND «L'UDI» («MEN»), linguo-cognitive analysis of the concepts, syntagmatics, linguo-culturology, Russian language.

© *Радбиль Тимур Беньюминович*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ЛЕКСЕМА САМОИЗОЛЯЦИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЗМ В РУССКОЙ РЕЧИ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА¹

Цель работы — продемонстрировать своеобразие проявления процессов культурного освоения иноязычных элементов на уровне семантики, в контексте явлений семантической неологизации на примере современных контекстов употребления слова *самоизоляция*. В работе использована предложенная и апробированная автором методика лингвокультурологической интерпретации активных процессов в русском языке последних десятилетий. Показано, что значение слова *самоизоляция* в русской речи новейшего периода существенно расходится с его исходным значением, возникшим в 1930—1940-е годы. В этом плане лексема *самоизоляция*, будучи словообразовательной полукалькой с английского языка, выступает как семантический неологизм. Делается вывод, что декларируемая сверху семантика этого слова вступает в конфликт с его естественно-языковым представлением по линии элиминации семы 'добровольность'. Таким образом, лексема *самоизоляция* функционирует в современной русской речи как идеологема.

Ключевые слова: лексема *самоизоляция*, семантические неологизмы, активные процессы в лексике, лингвокультурологическая интерпретация, современная русская речь.

В работе представлены промежуточные результаты продолжающегося исследовательского проекта по лингво-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

культурологической интерпретации активных процессов в лексике и грамматике современного русского языка последних десятилетий, которые, применительно к инновациям на базе заимствований, трактуются автором в свете тенденции «культурной апроприации заимствований» [Радбиль, Рацибурская 2017]. Описание и оценка того, как рефлексы иноментальных и инокультурных влияний входят в концептуальное пространство русской культуры и в речевые практики современных носителей русского языка представляется сегодня исключительно актуальной задачей.

Итак, цель настоящего исследования — продемонстрировать своеобразие проявления процессов культурного освоения иноязычных элементов на уровне семантики, в контексте явлений семантической неологизации на примере современных контекстов употребления слова *самоизоляция*.

Исследования подобного рода неизбежно носят когнитивно ориентированный характер, потому что за новыми явлениями в языке всегда стоят определенные форматы знания о мире, ценностные приоритеты и речеповеденческие установки говорящих [Радбиль 2018]. Применительно к заимствованиям, речь в таких случаях может идти не столько о чисто языковых рефлексах, сколько о явлении «импорта концепта», описанном еще В.И. Карасиком [1996]. В соответствии с этим в работе использована методика комплексного (лингвокогнитивного, лингвопрагматического и лингвокультурологического) описания анализа активных процессов в русском языке последних десятилетий [Русский язык 2014; Радбиль, Рацибурская 2017]. Материалом исследования являются данные толковых словарей русского языка, Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. Очевидным практическим приложением исследования является возможность использовать его результаты в составлении словарей новых слов, в медийной практике, рекламных кампаниях и PR-проектах [Русский язык 2014], в лингвистических экспертизах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

Согласно развиваемой концепции исследования, культурная апроприация заимствований отражается в активных процессах на разных уровнях языка (лексика, словообразование, грамматика, прагматика). В настоящей работе мы покажем своеобразие проявления процессов культурного освоения иноязычных элементов на уровне семантики, а именно — в свете процессов семантической неологизации. Речь пойдет о собственно семантических рефлексах культурной апроприации заимствований, которые заключаются в том, что исконные или заимствованные в предыдущие периоды развития языка лексемы приобретают новые значения и коннотации и/или расширяют сферу употребления за счет контекстов, в которых ранее они были невозможны. В таких случаях мы условно можем говорить о явлениях «новой полисемии» и/или «новой омонимии», которые, применительно к заимствованным словам, имеют своим источником явления семантического или лексико-словообразовательного калькирования. Покажем это на примере семантических сдвигов в современном употреблении лексемы *самоизоляция*.

Весной 2020 г. лексема *самоизоляция* словно вынырнула из пассивного запаса, став одним из наиболее активно тиражируемых слов в современных речевых практиках эпохи коронавируса. По данным сетевого проекта о русском языке «Бюро Марины Королевой», в русскоязычных новостных материалах в интересующем нас употреблении она впервые фиксируется 8 марта 2020 г. (Facebook, <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org>). Однако речь идет о втором рождении слова. Слово *самоизоляция* присутствовало в русской речи как минимум начиная с 1930—1940-х гг. — см. пример из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее* (С.Л. Рубинштейн, Основы общей психологии. Ч. 4, 5 (1940)).

Однако в основных русских толковых словарях данное слово вообще не фиксировалось. Его значение во многом определяется

обобщенной семантикой словообразовательной модели словосложения с префиксоидом *само-*: ‘направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя’ [БАС-13 1962; Русская грамматика 1980: 242]. С лингвокогнитивной точки зрения мы можем говорить, что в данных случаях реализована концептуальная схема ‘субъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя’ (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо/кого-либо). Субстантивный способ грамматического представления данного действия свидетельствует о том, что мы имеем дело с номинацией или результата действия (*изолировать самого себя*), или состояния, наступившего в результате действия, или характеристики процесса действия и под. В целях нашего исследования важно, что для когнитивной модели ситуации, стоящей за словом *самоизоляция* в его первоначальном значении, можно отметить следующую импликацию, обязательную для правильного употребления слова: субъект действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежбицкой, «по доброй воле» [Вежбицкая 1997].

Указанная общая концептуальная схема, или когнитивная модель ситуации, может быть реализована в нескольких типах употребления слова *самоизоляция*, отражающих его исходную, первоначальную семантику в русском языке, которые встречаются в русской речевой практике уже в «советский» период с 30-х по 80-е годы XX века, о чем свидетельствуют данные НКРЯ. В частности, фиксируется **индивидуально-личностное употребление** в двух разновидностях:

(1) когда речь идет о физической самоизоляции индивида, пространственном или двигательном ограничении: *Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) — пришло мне от скуки в голову испробовать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции* (Р.В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934—1944));

(2) когда речь идет о психологическом переживании нежелания с кем-то видаться, общаться, о погружении в себя и отстранении от внешнего мира (внутренняя самоизоляция, которая может и не сопровождаться внешними ограничениями на перемещения в пространстве): *Тем более, что эпоха подпольного бытия невольно привлекает людям сектантскую узость, нетерпимость, болезненную страсть к самоизоляции* (В.М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)).

Также активно **социально-политическое употребление** (когда речь идет о политике изоляционизма со стороны какого-либо государственного, политического или социального образования): *Здесь, как говорится, надо держать ухо востро, но это не значит, что мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна только крупным империалистическим державам, лидерам капиталистического мира, таким, как Соединенные Штаты Америки* (Н.С. Хрущев. Японский синдром (из «Воспоминаний») (1969) // Огонек. № 16. 1991).

И в постсоветскую эпоху, начиная с 1990-х годов и вплоть до нашего времени, до наступления эры коронавируса, в речевой практике носителей русского языка были только эти типы употребления. Однако все изменилось весной 2020 года. Сначала новое значение этого слова проникает в медийный новостной дискурс из англоязычных mass media, а само слово выступает, видимо, как словообразовательная полукалька с английского *self-isolation*. Это его новое значение, которое заложено со стороны официального дискурса власти, толкуется в сетевом проекте о русском языке «Бюро Марины Королевой» как ‘добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’. Не менее важен и комментарий к «новому значению» слова *самоизоляция*: «Теперь «самоизолироваться» — это похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое. Тот, кто «самоизолировался» — помог себе и другим. <...> Теперь самоизолироваться можем не как раньше, а “в хорошем смысле”» (Facebook, <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org>).

Примечательно, что это в определенном смысле навязываемое сверху значение неизбежно приходит в противоречие, с одной стороны, с исконной языковой семантикой слова *самоизоляция*, которая опирается на законы русского языка, на узус, а с другой стороны, с самоощущением говорящих на русском языке людей, которые чувствуют, что что-то не так с этим словом, и уж никак не воспринимают его «как похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое», как что-то «в хорошем смысле». Лексема *самоизоляция* в этом смысле имеет все признаки идеологемы [Радбиль 1996].

При любом типе употребления, как было уже показано выше, для правильной, сообразной с логикой национального языка интерпретации когнитивной модели ситуации самоизоляции, неважно — с положительной или отрицательной оценочностью, существенна импликация добровольности. Именно с этим смысловым компонентом дискурсивное варьирование нового концепта *самоизоляция* испытывает наибольшие проблемы. Чаще всего указанный нерелексифицируемый алогизм (могущий при определенных условиях приводить и к когнитивному диссонансу) проявляется при образовании **коллокаций** — новых устойчивых выражений, которые регулярно воспроизводятся в готовом виде, а не создаются путем индивидуальной языковой активности говорящего, как это обычно бывает со свободными словосочетаниями и предложениями:

ОТПРАВИТЬ НА САМОИЗОЛЯЦИЮ. *Врач рекомендовал отправить родителей школьников на самоизоляцию* (<https://rg.ru/2020/09/03/reg-ufu/>) — семантика глагола *отправить* в этом контексте ‘направлять, посылать кого-л., что-л. с какой-л. целью, с поручением; командировать’ (СЕ-I, 2000), с ярко выраженной импликацией принудительности этого действия для его реципиента в когнитивной модели соответствующей ситуации, противоречит идее добровольности, заложенной в модели когнитивной ситуации самоизоляции.

РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ — помимо стандартного значения слова *режим* ‘точно установленный распорядок жизни, занятий’ (ср., например, *постельный режим, режим дня* и пр.), у него есть и «политическое» значение ‘метод правления’, которое имеет, как правило, явно негативно-оценочный оттенок ‘принудительно введенный властью порядок проведения, осуществления чего-либо гражданами’. Именно к этому значению тяготеют контексты употребления коллокации *режим самоизоляции*, связанные с определением органами высшей или муниципальной власти сроков нахождения на самоизоляции. Реальность имплицитной семы ‘принудительность’ в коллокации *режим самоизоляции* доказывается возможностью ее экспликации посредством прилагательного *принудительный* и близкими по значению словами: *С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать* (<https://www.business-gazeta.ru/article/63398>).

Указанная внутренняя противоречивость семантики проявляется не только в коллокациях, но и в контекстах свободной сочетаемости слова: *Вынужденная самоизоляция в очередной раз показала, что практически все можно делать онлайн* (<https://style.rbc.ru/impressions/>); *В Самарской области самоизоляцию продлили до 16 июня* (<https://63.ru/text/politics/2020/06/08/69303838/comments/>) — едва ли в последнем примере имеется в виду, что люди сами добровольно продлили собственную самоизоляцию.

В целом отметим, что для лексемы *самоизоляция* вербализуется и клишировано воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом. Элиминируется обязательная импликация добровольности данной ситуации, наличествующая в естественно-языковом представлении слова *самоизоляция* и заложенная в его первоначальном значении в русском языке. Таким образом, современное употребление

слова *самоизоляция* имеет все признаки идеологема. В нем актуализована коммуникативная стратегия эвфемизации с целью вуалирования некоторых негативных сторон сложившейся социальной реальности посредством манипулятивных механизмов апелляции к позитивным ценностям долга перед обществом, моральной ответственности гражданина, социально-полезного поведения и пр.

Список литературы

1. Вежибцкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3—16.
3. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПУ, 1996. С. 11—28.
4. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146—149.
5. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 375 с.
6. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33—39.
7. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18—21.
8. Русская грамматика: в 2 т. / Н.Ю. Шведова (гл. ред). М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
9. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
10. БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 13. 1962. 757 с.

**THE LEXEME “SAMOIZOLATSIYA” (“SELF-IZOLATION”)
AS SEMANTIC NEOLOGISM
IN THE NEWEST RUSSIAN SPEECH**

The object of the work is to demonstrate the specificity of the manifestation of the processes of cultural appropriation of foreign language elements at the level of semantics, in the context of the phenomena of semantic neologization, using the example of modern contexts of the use of the word “samoizolatsiya” (“self-izolation”). The work uses the proposed and approved by the author methodology of linguo-culturological interpretation of active processes in the Russian language of recent decades. It is shown that the meaning of the word “samoizolatsiya” in Russian speech of the latest period is significantly diverges with its original meaning, which arose in the 1930s—1940s. In this regard, the lexeme “samoizolatsiya”, being a derivational half-loan translation from the English language, is considered as a semantic neologism. The conclusion is made that the declared semantics of this word comes into conflict with its natural-language representation in the point of elimination of the meaning ‘good will’. In this way, the lexeme “samoizolatsiya” functions as an ideologeme in modern Russian speech.

Keywords: lexeme “samoizolatsiya” (“self-isolation”), semantic neologisms, active processes in lexis, linguo-culturological interpretation, modern Russian speech.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Анализируются особенности словообразования в текстах современных российских и хорватских средств массовой информации. Структурно-семантический анализ русских и хорватских окказионализмов показывает, что в двух родственных славянских языках создание новообразований может осуществляться как узуальными (нередко с теми или иными отступлениями от деривационной нормы), так и неузуальными способами. Выявляются наиболее активные словообразовательные типы, модели и морфемы в каждом из исследуемых языков. Проведенный сопоставительный анализ способов создания новых слов в текстах современных российских и хорватских средств массовой информации показывает, что производство окказионализмов в обоих языках может осуществляться путем как узуальных (аффиксация, сложение), так и неузуальных (контаминация, деривация по конкретному образцу, графодеривация) способов словообразования.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, словообразование, окказионализмы, тексты СМИ.

Язык постсоциалистических славянских средств массовой информации обращает на себя внимание филологов-славистов благодаря его влиянию на общенациональные языки, так как именно в языке СМИ в первую очередь проявляются тенденции, оказывающие влияние на развитие общенародного языка, что особенно ярко проявляется в сфере словообразования: «Использование богатых словообразовательных ресурсов, которыми обладают славянские языки, позволяет журналистам пополнять лексический инвентарь за счет новообразований, преосмысления существующих номинаций, актуализации

единиц, находящихся на периферии лексической и словообразовательной подсистем. Словообразование в современном медиадискурсе является эффективным инструментом для решения прагматических задач, которые ставят перед собой журналисты в соответствии с авторскими интенциями» [Коряковцева 2016: 9].

В настоящей работе проводится сопоставительный анализ русских и хорватских окказиональных новообразований, зафиксированных в печатных и электронных СМИ в период с 2010 по 2020 год, определяются сходства и различия между ними, выделяются наиболее продуктивные словообразовательные модели, по которым создаются неолексемы в двух родственных славянских языках. Анализ русских и хорватских окказионализмов показывает, что в обоих языках создание новообразований может осуществляться как узуальными (нередко с теми или иными отступлениями от деривационной нормы), так и неузуальными способами.

К узуальным способам словообразования как в русском, так и в хорватском языках относятся аффиксация, аффиксоидация и сложение.

Одной из основных тенденций языка современных СМИ является активное использование стилистически сниженных элементов из разговорной речи и жаргона: «Проявлением демократического начала в медийном словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015]. Соединение в новообразовании разностилевых элементов языка приводит к тому, что даже те новые слова, которые образованы в рамках традиционных способов, отличаются высокой образностью и оценочностью.

Для современных русских и хорватских массмедийных текстов характерно обилие окказиональных новообразований с экспрессивно-оценочными суффиксами. Так, русский суффикс

-’ак, обнаруживающий продуктивность в разговорном и жаргонном словообразовании, в текстах СМИ используется для производства существительных, передающих экспрессию грубости, пренебрежительности, ироничности: *Те, кто научился пить хорошие вина, зачисляются в быдл-класс всех “пивняков” и “водочников”* (Известия, 14.05.2017). Заимствованный из турецкого языка и малопродуктивный в современном хорватском литературном языке суффикс *-luk* производит отвлеченные существительные, обозначающих различные негативные общественные явления и передающие уничижительность, грубую насмешливость: *Zaštićeni hukavičluk. Hajduk kažnjen s 80 000 kuna zbog hukanja navijača* (Novi list, 20.02.2012).

Наряду с демократизацией языка СМИ наблюдается также его интеллектуализация, связанная с включением в текст иноязычных лексем и морфем, элементов научного стиля. В обоих языках активно образуются новые слова при помощи интернациональных префиксов и префиксоидов преимущественно греческого и латинского происхождения: *евро-/euro-* ‘европейский, соответствующий стандартам Европы’, *кибер-/cyber-* ‘связанный с компьютерными сетями, Интернетом’, *макси-/maksi-* ‘наибольший, сильнейший’, *мини-/mini* ‘маленький по размеру или значению’, *нарко-/narko-* ‘связанный с наркотиками, наркоманией’ и др. Подобные интернациональные морфемы участвуют в образовании окказионализмов, присоединяясь к русским и хорватским узуальным лексемам различной семантики и сферы употребления. Отличительной чертой большинства подобных инноваций является яркая образность, которая создается за счет соединения стилистически разнородных элементов: **Евротормоз** (Новые известия, 17.09.2014); **Евроукраина** (АиФ, № 27, 2014); **Киберсимулянт**. *Компьютер удачно прикинулся 13-летним школьником* (Lenta.ru, 10.06.2014); *Kaznena djela u zoni interneta, odnosno cyberkriminal, u Hrvatskoj rastu tri puta brže od opće stope kriminala* (24 sata, 29.03.2016); *У меня бывает так, что когда все идет очень круто, без проблем и все вокруг долгое время*

улыбаются, то внутри возникает... Как это сказать, **мини-паранойя** что ли (РБК Дейли, 28.05.2014); **Maksi-strah od „mini-Naaga“** (Novi list, 21.04.2015); **Наркоконтрольная. Школьников и студентов с этого учебного года будут тестировать на наркотики** (Российская газета, 20.08.2014); *Navodno se ova skupina dilera udružila zbog preprodaje marihuane, kokaina i amfetamina, a taj su narkolanac organizirali prije pola godine na širem riječkom i opatijskom području* (Net.hr, 17.12.2015); *Najnovije svjedočenje objavljeno u tjedniku Cambio iz Bogote ide u prilog glasinama o narkovezama državnih vrhova nekih južnoameričkih zemalja* (Večernji list, 12.03.2016).

Активизация использования в деривационных процессах иноязычных структурных элементов свидетельствует о характерной для большинства современных европейских языков тенденции к интернационализации лексики. В последние два десятилетия в славянских языках появился целый ряд новых словообразовательных морфем, возникших путем вычленения отдельных структурных элементов из соответствующих лексических заимствований. Подобные элементы, выделяемые преимущественно из слов английского происхождения, нередко восходят к латинскому и древнегреческому источникам и отличаются высокой словообразовательной активностью. К их числу относится постпозитивная морфема *-номик(а)/-номик(а)*. Е.И. Коряковцева отмечает, что «в поисках оригинальных экспрессивных словообразовательных средств лингвокреативные российские, польские и чешские журналисты создали терминоидный суффиксоид *-номик(а)/-номик(а)*, выделив его из греческого по происхождению композита *экономика/экономика*» [Коряковцева 2016: 117]. Новообразования с данным компонентом, обозначающие экономическую политику, проводимую лицом, названным мотивирующим онимом, передают, как правило, оценку иронии и пренебрежения: **Трампономика на марше** (Московский комсомолец, 07.03.2017). По нашим наблюдениям, суффиксоид *-номик(а)* продуктивен и в хорватском языке: *Zašto Milanović divljenje Orbánu nije*

pretočio и „*zoranomiku*“ (Lider, 08.04.2015). Пренебрежительно-ироническая оценка окказионализма *zoranomika* усиливается благодаря тому, что суффиксоид присоединяется не к фамилии, а к личному имени политика Зорана Милановича (Zoran Mila-*no*-vić).

Следует отметить, что в обоих языках при создании новообразований узуальными способами могут наблюдаться различные нарушения ограничений в сочетаемости словообразовательных морфем в слове. Так, например, нарушение семантических ограничений в сочетаемости морфем демонстрируют мотивированные фамилиями политических деятелей окказиональные существительные *навальнята* (< Навальный) и *karamarčad* (< Karamarko), поскольку русский суффикс -'онок (во мн. ч. -'ата) и хорватский суффикс -ad, используемые для образования существительных со значением невзрослости, не присоединяются к именам собственным: *Как пугают «навальнят»*. *Политически активные школьники и студенты попали под психологический пресс* (Новая газета, 15.12.2017); *Nakon kninske karamarčadi, probudila se i sisačka Mladež HDZ-a* (Novi list, 27.05.2015).

Значительное число окказиональных новообразований в массмедийных текстах создается путем сложения основ. В обоих языках семантико-стилистическая специфика производящих слов обуславливает оценочный характер сложных новообразований: *Здравозахоронители* (Аргументы недели, № 11, 2017); *Karamarkova blesimetar-koalicija* (Novi list, 15.10.2015) и др.

Индивидуально-авторский, творческий подход к образованию окказионализмов в языке СМИ особенно ярко проявляется при производстве новообразований нестандартными способами. В обоих языках представлена деривация по конкретному образцу, в результате которой окказионализм создается по аналогии со структурой конкретного слова. Так, например, в российских СМИ образцом для многочисленных новообразований служит лексема *крымнаш*: *Пляжнаш*.

Власти Сочи грозят отельерам арестом за недоступные пляжи (Российская газета, 19.06.2017); *Бухтанаи, берегнаи, заборнаи. Для кого в Крыму достраивают “дачу Януковича”* (Собеседник, № 4, 2018). Необходимо отметить, что лексема *крымнаи* также образована путем неузального способа словообразования — голофразиса, т.е. слияния словосочетания в одну лексическую единицу. Основой для окказионализма послужило предложение «Крым наш!» — возглас патриотически настроенных россиян, выразивших радость по поводу присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 году. Слитное написание предложения связано с распространением в социальных сетях хештега *#крымнаи*. И.А. Быкова отмечает, что «входящие в состав новой лексической единицы исходные образования потеряли свою словесную самостоятельность и грамматические свойства: местоимение *наи* превратилось в суффиксoid, а новое слово стало выступать то междометием, при выражении позиции радости по поводу этого события, то существительным, при обозначении тех, кто выражает эту позицию» [Быкова 2015: 12].

Образование слов по конкретному образцу характерно также и для хорватских СМИ, например, образцом для окказионализма *veselidba* послужило узальное существительное *selidba* ‘переселение’, а инновация *vladež* создана по аналогии с узальной лексемой *mladež* ‘молодежь’: *Jedanaesteročlani trust mozgova za selidbu i veselidbu predsjednice Republike dostavit će rezultate svog mukotrpnog desetomjesečnog rada Državnom uredu za upravljanje državnom imovinom* (Novi list, 13.01.2016); *Mladež za Karamarkovu vladež* (Novi list, 27.05.2015).

Как в российских, так и хорватских СМИ широко распространены «графодериваты» [Попова 2009: 124] — окказионализмы, построенные на модификации графо-орфографического оформления исходной лексемы путем шрифтового выделения части слова при помощи прописных букв, использования различных символов, знаков препинания, букв разных алфавитов и под. Наиболее продуктивным способом

образования графодериватов в массмедийных текстах на русском языке является капитализация — неузуальное чередование строчных и прописных букв, приводящее к актуализации в составе исходного слова иных лексем. Графически выделенная часть может представлять собой звуковой комплекс, совпадающий с каким-либо узуальным словом, например: **УбуРАЙ** или АД. Мы скользили на бескрайних катках Москвы, в которые превратились улицы города (Московский комсомолец, 27.02.2016); Как поймать уДАЧУ? Чем государство может помочь садоводам? (АиФ, 2016, № 21) и др.

При помощи прописных букв может актуализироваться часть узуальной лексемы, совпадающая с узуальной аббревиатурой, а данная разновидность графодеривации представлена и в хорватских СМИ: *Смертельное РАНение российской науки: академики в растерянности, Фортон в больнице* (Московский комсомолец, 22.03.2017) — ранение и РАН < Российская академия наук; *Hrvatska — globalna potLEUšica ili...?* (Večernji list, 29.06.2013), ср.: *potleušica* ‘лачуга’ и EU < *Europska Unija* (ЕС < Европейский союз).

По нашим наблюдениям, в массмедийных текстах на хорватском языке ненормативное использование прописных букв для выделения части слова встречается достаточно редко. В хорватских СМИ широко распространен парентезис — заключение части слова в скобки, что приводит к модификации значения исходной лексемы. В скобки могут заключаться как морфемные, так и неморфемные сегменты исходного слова, например:

— префикс: *Katolički (anti)fašizam* (Net.hr, 12.03.2019) — *fašizam* ‘фашизм’ и *antifašizam* ‘антифашизм’;

— окончание: *Sve bilo je mit(o). Od luzera do lidera: nakon silovitog uspona i strmoglavog pada Ivo Sanader “ide dalje”* (Net.hr, 02.10.2015) — *mito* ‘взятка’ и *mit* ‘миф’;

— одна буква: *Gerilska (r)evolucija* (Bug, 2016, № 280) — *revolucija* ‘революция’ и *evolucija* ‘эволюция’.

Графодериваты отличаются экспрессивностью и многослойностью значения, а для полного понимания их семантики необходимо визуальное восприятие. В обоих языках подобные окказионализмы создаются по сходным моделям, при этом наиболее продуктивным способом образования графодериватов в российских СМИ является капитализация, а в хорватских — парентезис.

Среди неузальных способов образования как в российских, так и в хорватских СМИ высокой продуктивностью отличается контаминация — «способ словообразования, при котором происходит слияние, скрещивание слов или частей слов в одно неразложимое целое — формальное и семантическое, предполагающее обязательное взаимопроникновение объединяемых компонентов на основе их звукового сходства» [Изотов 1998: 47]. В окказионализме сочетается семантика обоих исходных слов, а образование нового слова в большинстве случаев сопровождается наложением звуковых сегментов полных или усеченных основ в месте их соединения. Контаминации часто используются в газетных заголовках и, как правило, отличаются ярко выраженным оценочным характером.

Анализ новообразований, представленных в массмедийных текстах на русском и хорватском языках, позволяет выделить следующие структурные типы контаминаций на основе частеречной принадлежности исходных слов, участвующих в образовании контаминаций:

— нарицательное существительное + нарицательное существительное: *Аргентинское **штанго**. Сборная Аргентины так и не забила в финале* (Коммерсантъ, 15.07.2014) — *штанга + манго*; *Elitna postrojba **huntovnika**, okupljena na jasnoj fašistoidnoj matrici, tako je dala do znanja da usprkos izdašnim mirovinama namjerava biti aktivna* (Novosti, 10.03.2013) — *hunta* ‘хунта’ + *buntovnik* ‘бунтарь’;

— собственное существительное + нарицательное существительное: *В обстановке взаимной **талейрантности***.

Президенти Русије и Франције у Версаљу проговорили три часа (Коммерсантъ, 30.05.2017) — *Талејран + толерантност*; *Zlavko Zlinić bio je ključna osoba za prodaju INE* (Dnevno.hr, 04.05.2013) — (*Slavko*) *Linić + zlo* ‘зло’;

— собственное существительное + собственное существительное: *Доналд Трамп заявил, что система здравоохранения **Намбии** становится все более самодостаточной* (АиФ, 2017, № 39) — *Намибия + Гамбия*; *Znaš da Ameri imaju posebne metode učenja: moraju pošteno potaracat zemlju kako bi uspjeli zapamtiti kaže li se Irak ili Iran, **Afpakistan** ili Topganistan* (Novi list, 26.02.2013) — *Afganistan* ‘Афганистан’ + *Pakistan* ‘Пакистан’;

— нарицательное существительное + аббревиатура: *HXLJ готовит **МОКаут*** (Московский комсомолец, 06.04.2017) — *нокаут + МОК*; *Osим toga — da ne bismo i u budućim stoljećima <...> lutali kroz “globalnu pustinju” do “obEUćane **zEUmlje**”!* — *želim sve potaknuti da još jače njegujemo naš „duhovni PZO”* (Večernji list, 15.04.2011) — *zemlja* ‘земля’ + *EU* ‘ЕС — Европейский союз’;

— нарицательное существительное + прилагательное: ***Огородской** дом. На шести сотках разрешат возводить капитальные строения и прописываться в них* (Российская газета, 24.04.2017) — *огород + городской*; *Zloglasni Zloran Milanović progoni ucijenjene nesretnike, a **zlameniti** Zlavko Zlinić sije svoju zloću na sve strane* (Dnevno.hr, 04.05.2013) — *zlo* ‘зло’ + *znameniti* ‘знаменитый’;

— собственное существительное + прилагательное: *На **Асадном** полоojеии* (АиФ, 2015, № 39) — (*Башар*) *Асад + осадное (полоojеии)*; ***Bezalkolinda**: za razliku od njenog stvoritelja, ne krši Zakon o navijačima* (Indeks.hr, 30.03.2015) — *Kolinda* (*Grabar-Kitarović*) + *bezalkoholan* ‘безалкогольный’;

— междометие + нарицательное существительное: ***Кап-капремонт**. Жильцам позволят сэкономить на капитальном ремонте и освободят от платы за поверку счетчиков воды* (Новая газета, 03.11.2017) — *кап-кап* + *капремонт*;

— междометие + собственное существительное: *Ajmeri-ka i demonkracija* (Dnevnik.hr, 23.01.2014) — *ajme* ‘выражение испуга, угрозы, досады, сожаления’ + *Amerika* ‘Америка (США)’.

В обоих языках встречаются контаминации с графически выделенным сегментом, при этом в русском языке для выделения сегмента слова в окказиональном новообразовании чаще всего используется невузальное чередование прописных и строчных букв, в то время как для хорватского языка характерно использование скобок: *Развестись с Джולי — БРЭДовая идея. Брэд Питт и Анджелина Джולי: кто виноват в разводе* (Московский комсомолец, 22.09.2016) — *Брэд (Питт) + бредовая (идея)*; *Krem(lj)atorij* (Večernji list, 08.08.2015) — *Krem(lj)* ‘Кремль’ + *krematorij* ‘крематорий’.

Анализ языкового материала показывает, что активные словообразовательные процессы в российских и хорватских СМИ развертываются в сфере как традиционных, так и нетиповых, невузальных способов, характерных для окказиональной деривации. Отражение актуальных общественных явлений в СМИ, их анализ и интерпретация заставляет журналистов использовать крайне разнородные языковые ресурсы, что ведет к активному вовлечению в словообразовательные процессы разностилевых элементов языка и обращению к окказиональной деривации. Новообразования, появляющиеся в медиатекстах, отличаются, как правило, необычностью формы, поэтому они нередко встречаются в заголовках российских и хорватских публикаций. Ярко выраженная экспрессивность и оценочность большинства подобных новообразований способствует, в первую очередь, реализации воздействующей функции СМИ. Словообразование в массмедийном дискурсе носит креативный характер, что особенно ярко проявляется при производстве новых слов нетрадиционными способами, к которым относятся контаминация, аналогическое словообразование, графодеривация и др. Отражение и оценка актуальных событий в медийном

словотворчестве осуществляется с помощью разнообразных по семантике и оценочности словообразовательных средств при реализации различных способов словообразования. Степень экспрессивности новообразований выше у тех, которые созданы неузвальными способами, с нарушением словообразовательных норм.

Список литературы

1. Быкова И.А. Неологизмы 2014 года // Лінгвістичні дослідження: зб. наук. праць ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. 2015. Вип. 39. С. 11—15.
2. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография. Орел: Орловский гос. пед. ун-т, 1998. 149 с.
3. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
4. Попова Т.В. Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов) // Славянские языки и культуры в современном мире: Междунар. науч. симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак-т, 24—26 марта 2009 г.): тр. и мат-лы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 124—125.
5. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 136 с.

© *M.V. Radchenko*

FEATURES OF WORD CREATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND CROATIAN MASS MEDIA

The article analyses features of word formation in contemporary Russian and Croatian mass media texts. Structural and semantic analysis of Russian and Croatian occasionalisms shows that in this two related Slavic languages creation of new words can be carried out both by conventional (often with one or another deviations from the derivational norm), and

non-conventional methods. Active types, models and morphemes of word formation system used in both languages are determined. A comparative analysis of the ways of forming new words in contemporary Russian and Croatian mass media texts shows that occasionalisms in both languages can be created by the conventional methods, such as affixation and composition or by non-conventional ways of word formation (contamination, derivation according to a specific pattern, graphoderivation).

Keywords: Russian language, Croatian language, word formation, occasionalisms, mass media texts.

© *Рацибурская Лариса Викторовна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ¹

В статье рассматриваются новые явления в деривационных процессах создания неологизмов, представленных в текстах современных электронных СМИ: использование «коронавирусной» лексики в качестве производящей базы, активизация словообразовательных формантов иноязычного характера и словообразовательных моделей агглютинативного типа как проявление тенденции к интернационализации. Новообразования в современных электронных СМИ, созданные на базе ключевых слов социокультурного пространства и с помощью ключевых формантов и моделей деривационного пространства, становятся имплицитным средством авторского мировидения и авторской оценки актуальных социальных реалий.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, ключевые слова социокультурного пространства, ключевые словообразовательные форманты, ключевые словообразовательные модели, интернационализация, электронные медиа.

Современный этап развития информационного общества ученые определяют как информационно-коммуникативное общество, где все нарастающие объемы коммуникаций становятся его системообразующим признаком. При этом одной из движущих сил развития этого общества является сеть Интернет

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

и коммуникации, происходящие на этой основе [Интернет-коммуникация... 2012].

«В XXI веке одним из решающих источников появления новых слов является интернет, без которого нельзя представить современную жизнь. В последнее десятилетие языковая деятельность человека активно происходит в социальных сетях. Они оказывают огромное влияние на нашу коммуникативную и информационную жизнь. Актуализация их роли находит свое отражение и в словообразовании» [Хоригути 2019: 46].

Словообразовательные неологизмы широко представлены и в текстах электронных СМИ. Присущие средства массовой коммуникации функции сообщения и воздействия усиливаются в сетевых массмедиа благодаря более широким интерактивным возможностям последних. Современные электронные СМИ во многом характеризуются теми же тенденциями, что и другие средства массовой коммуникации: усилением авторского начала, свободой вербального выражения, различными формами языковой игры. Словообразовательные неологизмы в современных электронных СМИ отражают актуальные социальные реалии, ценностные приоритеты социума через призму оценочного восприятия автора текста. Аксиологические характеристики медийного дискурса неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Карасик 2020]. Так, объектом пристального внимания массмедиа стала в последнее время пандемия коронавируса.

В медийных новообразованиях нашли отражение актуальные социальные реалии, связанные с пандемией коронавируса. Исходной базой для новообразований стали ключевые слова социокультурного пространства — социально значимые слова, называющие пандемические реалии, *коронавирус*, *ковид*: *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит* (Россия-24, 13.05.2020); *В посткоронавирусном мире все будет по-другому* (МК.RU, 17.03.2020); *...в шахматном, антикоронавирусном порядке* (Россия-1, 24.05.2020); *Ковидные госпитали переходят к*

доковидной жизни (Россия-1, 07.06.2020); *Динамика по «нековидным»* заболеваниям в Нижегородской области и Удмуртии осталась на среднестатистическом уровне (Российская Газета: Неделя, 15.07.2020); *В это время согласно антиковидному постановлению* бары и рестораны работать не имеют права (Россия-1, 22.11.2020); *Поведением управляют* накопленные в самоизоляции страх и тревога, снижение доверия к людям и миру, обдуманное ослабление близких и дальних связей, ставшее жестом *постковидной* культуры... (Российская газета, 17.04.2020); *меры противокковидной безопасности* (Россия-24, 21.08.2020); *...слишком многое зависит от поведения людей, их готовности соблюдать ограничения — тогда к уже изрядно забытой бесковидной жизни* удастся вернуться раньше (Российская Газета. Неделя, 28.10.2020); *По-прежнему он находится на связи со всеми ковидниками — так в «Скорой» называют пациентов, переболевших коронавирусом* (1-й канал, 07.05.2020); *Психологи рассказали о «ковидофобии» москвичек среднего возраста <...> в первую очередь это боязнь выйти на улицу и заразиться. Данный феномен можно назвать «ковидофобией»* (RADIOSPUTNIK.RIA.RU, 08.04.2020). Номинации *коронавирус* и *ковид* по сути становятся вершинами новых словообразовательных гнезд.

К социально значимой лексике относятся и другие слова семантического поля пандемии (шире — болезни), на базе которых также появляются неодериваты в медийных текстах (*пандемия, карантин, волонтер, вирус, вакцина, прививка, маска* и др.): *...у кого очень мало шансов принести прибыль в постпандемийное время* (Zen.yandex.ru, 25.04.2020); *...посткарантинная тенденция* (sunmag.me/trend/24-04-2020); *Мы карантиним в таких тонах* (НТВ, 26.04.2020); *Двойные стандарты! Работать нельзя, а вот волонтерить можно!* (МК в Нижнем Новгороде, 15—22.04.2020); *... у одного человека, в организме которого (как и у всех) миллиарды миллиардов вирусенков, у одного вирусенка возникла мутация* (m.buisiness-gazeta.ru, 23.05.2020); *Рассказываем, как справиться с*

поствирусной усталостью (Sunmag, 08.11.2020); *основная претензия вакциноскептиков* (Россия-24, 18.08.2020); *Вакцина от ГНЦ «Вектор» на предварительных этапах исследований показала почти полное отсутствие постпрививочных реакций...* (Российская Газета. Неделя, 28.10.2020).

Продуктивные форманты, связанные с отражением актуальных социальных реалий, можно признать ключевыми формантами деривационного пространства [Нефляшева 2017]. К подобным формантам, в частности, относятся такие форманты, рост продуктивности которых обусловлен процессами интернационализации в разных языках.

Ключевыми формантами в настоящее время являются размерно-оценочные префиксы *супер-*, *мега-*, префикс *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности, префикс *экс-* с семой 'бывший'. Размерно-оценочный префикс *супер-* помимо указания на большой размер и высокое качество денотата (*Цензура есть везде, в самых супердемократических обществах типа Америки* (Известия, 07.02.2020, izvestia.ru); *Это был суперсимволический момент для его предвыборной кампании* // радио «Вести FM», 18.09.2020) может участвовать в формировании оценки, как положительной, так и негативно-иронической; ср.: *В «Ленте» суперскидочный День рождения* (НТВ, 20.09.2020); *Эти специалисты нам понадобятся зимой, в следующем году, всегда. Поэтому надо уже сейчас создавать для них суперусловия* (Наша Версия, 02—08.11.2020) и *Вирус — это суперпаразит* (1-й канал, 18.03.2020); *Это не какая-то суперсмертельная инфекция, суперчума* (1-й канал, 19.03.2020); *Представьте, как невыгодно выглядела бы в таком наряде Меган Маркл с ее супертонкими ногами* (zen.yandex.ru, 11.09.2020); *И вообще, разве можно называть операцию успешной, если погиб хотя бы один человек? Это суперцинично* (<https://iz.ru/news/269157>).

Новый заимствованный префикс *мега-* указывает на большой размер денотата, а также на обладание денотатом признаками, качествами намного сверх обычного [Козулина,

Левашов, Шагалова 2009: 143]: *Компанию, сотрудниками которой на Ямале задерживают зарплату, обманули на **мегастройках** к чемпионату мира 2018 года* (URA.RU, 07.02.2019). Количественная семантика нередко осложняется оценочной, характер которой (положительная, отрицательная) обычно определяется исходным словом и/или контекстом, ср.: *Ты самый душевный поэт, ты **мегадушевный** поэт* (1-й канал, 19.09.2020); *После трех **мегауспешных** сезонов <...> новый старт — просто провал* (moscow.sm-news.ru, 16.10.2020) и *Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные **мега-свалки**...* (Livejournal, 07.12.2017); *Обратите внимание на остекленный торговый **мега-сарай** — его поставили не так давно* (05.11.2018, <https://periskop.livejournal.com/1914014.html>).

В эпоху фальшивых ценностей и ложных приоритетов активизировался префикс *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности и негативной оценочностью: *Люди привыкают к **псевдоопасности** и при настоящей опасности уже не верят* (Россия-24, 06.10.2020); *Своих жертв **псевдоцелители** искали в прямом эфире <...> Сами обзывают своих клиентов, чтобы сообщить о том, что видят у них проблемы со здоровьем...* (Российская газета, 05.10.2020, www.rg.ru); *Весь сброд **псевдожурналистский** хлынул туда потоком* (радио «Вести FM», 07.10.2020); *Думаю, мы с ним сходимся в нелюбви к такому **псевдоэмоциональному театру** ...* (Собеседник, 2020, № 38, www.sobesednik.ru); *... нижегородский журналист Вадим Андрюхин <...> писал о партии Захара (Прилепина. — Авт.) на своей страничке в соцсети: «... пока никакой партии не вижу, и вижу лишь очередную **псевдополитическую**, с явно богемным оттенком, столичную тусовку, не более того»* (Аргументы Недели, 21.10.2020, № 41).

Префикс *экс-* с семой ‘бывший’ во многих медийных новообразованиях выражает негативную оценку: ***Экс-адвокат**, назавещавший Ефремова на огромный срок, был прямо на улице облит продуктами жизнедеятельности гомо сапиенс* (Собеседник, 2020, № 38; www.sobesednik.ru); *...там,*

где работает фирма Игоря Чайки, сына экс-генпрокурора. У него, как вы догадываетесь, нет проблем с привлечением финансирования... (Собеседник, 2020, № 38; www.sobesednik.ru); Архангельский адвокат экс-чиновника еще более категоричен. — Я ничего не комментирую, до свидания, — с раздражением бросает трубку защитник... (Комсомольская правда, 28.10—04.11.2020, www.kp.ru). В подобных случаях ироничный оттенок в новообразованиях с префиксом экс-усиливается контекстом.

Под влиянием тенденции к интернационализации в современных деривационных процессах стали продуктивными некоторые словообразовательные модели. К ключевым моделям словообразовательного пространства относятся, в частности, словообразовательные модели сложных существительных агглютинативного типа с первой неизменяемой частью. В качестве первой части могут выступать социально значимые слова *корона*, *ковид*: **Коронаполис**. Страховые компании готовы финансировать лечение от 2019-нСов (Известия, 07.02.2020, izvestia.ru); Но все, конечно, психологически блекнет на информационном фоне пандемии «**коронапаники**» (Российская газета, 09.03.2020, www.rg.ru); Вирус как оружие. Кто инициировал **коронаистерию** (zen.yandex.ru, 27.03.2020); «**Коронакризис**» оказался сложнейшим экзаменом не только для системы здравоохранения, но и для властных систем (Аргументы и факты, 29.04—05.05.2020); Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что отложил традиционное послание парламенту и народу из-за «**коронапсихоза**» (m.lenta.ru/news, 29.04.2020); **корона-свидания** на карантин-расстоянии (Московский комсомолец.РРЕ, 22—29.04.2020); Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен (1-й канал, 25.04.2020); Новый альбом певицы признали лучшей **корона-терапией** (Московский комсомолец, 03.06.2020); Учиться не надо: **коронавирус же!** А потом у нас будет **коронапоколение** (радио «Вести FM», 29.09.2020); Наш центр и сейчас — **коронагоспиталь**

(1-й канал, 20.10.2020); *Я не был **ковид-диссидентом**, которые отрицают реальность эпидемии* (Яндекс.Дзен, 07.05.2020); *Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных* (Свой Взгляд, 22—28.05.2020); *...сорвать маски с **ковид-скептиков*** (НТВ, 18.10.2020).

Номинация COVID-19 нередко представлена в составе графических дериватов: *Записки **COVID-волонтера*** (Собеседник, www.sobesednik.ru, 15—16.05.2020); *В Уренской больнице откроется отделение для **COVID-пациентов*** (Новое дело, 29.10—05.11.2020).

Всеобъемлющее влияние Интернета и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовало повышению частотности в неодериватах частей *интернет- и онлайн-: Просчитались **интернет-паникеры** из разных стран* (НТВ, 18.04.2020); *Сознательно снижайте уровень нагрузки: читайте книги, но избегайте бессмысленного **интернет-серфинга*** (Sunmag, 08.11.2020); *Их поселяют в загородном доме и под чутким руководством заботливой блогерши ведут к успеху, обучая азам **интернет-профессии*** (Комсомольская правда, 21—28.10.2020, www.kp.ru); *Известный российский журналист рассказал об особенностях работы в **интернет-эпоху*** (Новое дело, 29.10—05.11.2020); *Минпромторг считает целесообразным не только сохранить сниженные эквайринговые комиссии для **онлайн-торговли**, но также распространить их на **офлайн-магазины** и общепит* (Российская газета, 12.11.2020, www.rg.ru); *Стали популярны помещения в аренду для проведения **онлайн-мероприятий**...* (Российская газета, 12.11.2020, www.rg.ru); *Создана **онлайн-тетрадь** для школьников и учителей* (Российская Газета, 22.04.2020); *В регионе прошли акции за отмену ЕГЭ и отказ от **онлайн-образования**...* (МК в Нижнем Новгороде, 11—18.11.2020); *На наши письма в школы с вопросом об обоснованиях перевода на удаленку нам отвечают, что **онлайн-занятия** — это очное обучение с применением дистанционных технологий <...> При этом никаких научно*

обоснованных исследований о безопасности **онлайн-обучения** для детей нет <...> Также большое количество вопросов у родителей вызывает и соблюдение СанПиНа при проведении **онлайн-уроков** (Московский комсомолец. РРЕ, 11—18.11.2020); **Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн-онлайн** (kommersant.ru, 24.04.2020); **Онлайн-концерты, онлайн-спектакли и онлайн-музеи** не являются, прямо скажем, полноценной заменой концертов, спектаклей и музеев (Аргументы Недели, 21.10.2020, № 41); *Английские исследователи уверяют, что **онлайн-посещения** способствуют активизации реального посещения театров и музеев* (Российская газета, 30.10.2020, www.rg.ru).

Как отмечают исследователи, современное электронное медиaprостранство, «ориентируясь на свободу слова, почти ничем не ограничено в выборе оценочных средств. Предпочтение, как правило, отдается имплицитной оценке: журналисты будто стремятся не навязывать аудитории свое мировосприятие» [Афанасьева 2020]. Новообразования в электронных СМИ нередко становятся таким имплицитным средством авторского мировидения и авторской оценки актуальных социальных реалий.

Список литературы

1. Афанасьева О.М. Функционирование эксплицитно-оценочных слов «хорошо» и «плохо» в современном медиатексте // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М.: Факультет журналистики МГУ, 2020. С. 450—451.
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2012. 328 с.
3. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2(80). С. 25—34.
4. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка: опыт словаря-справочника / отв. ред. Е.А. Левашов. СПб., 2009. 288 с.

5. Нефляшева И.А. Оказиональное слово как явление постмодернистской эстетики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: колл. монография. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. С. 324—346.
6. Хоригути Д. Аффиксация глаголов, обозначающих действия в социальных сетях // Studia Rossica Gedanensia. 2019. 6. С. 45—55.

© *L.V. Ratsiburskaya*

WORD-BUILDING NEOLOGISMS IN ELECTRONIC MEDIA

The article deals with new phenomena in derivational processes of building neologisms presented in the texts of modern electronic media: usage of «coronavirus» vocabulary as a derivative base, activation of word-building formants of a foreign character and word-building models of agglutinative type as a manifestation of a trend towards internationalization. Neologisms in modern electronic mass media created on the basis of key words of the socio-cultural space and with the help of key formants and models of the derivational space are becoming an implicit means of the author's worldview and the author's assessment of the current social realias.

Keywords: derivational neologisms, key words of the socio-cultural space, key word-building formants, key word-building models, internationalization, electronic media.

ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ-НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 2010—2020-х ГОДОВ¹

Рассматривается специфика семантизации и лексикографической фиксации новых возвратных глаголов русского языка; выделяются стилистические сферы, влияющие на обновление этого пласта лексики; приводятся наблюдения за семантическими особенностями новых возвратных глаголов (многозначностью, опосредованной семантической связью между возвратным глаголом и его невозвратным коррелятом, омонимией). Кроме образования новых глаголов в языке данного периода происходит активизация и семантическая детализация возвратных глаголов-неологизмов 1990-х, 2000-х годов; явление языковой миграции, когда из ограниченной языковой сферы лексическая единица за два десятилетия переходит в разговорную сферу, а также используется в качестве вербального компонента интернет-мема.

Ключевые слова: неология, неография, неологизмы, новые слова, лексикография, возвратные глаголы, семантика.

В последние десятилетия непрерывный «неологический бум» обусловлен динамикой всех мировых процессов и возможностью письменной фиксации речемыслительного потока в медийном пространстве. Появляясь в языке, «ключевые слова текущего момента» порождают словообразовательные гнезда, включающие различные части речи, в том числе глаголы, которые нередко остаются за пределами лексикографических изданий.

В этой связи показательной оказывается статистика нормативной фиксации глаголов, в том числе возвратных, в Рус-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00494 РФФИ «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

ском орфографическом словаре (далее — РОС). За последние три года ее можно отследить по электронному орфографическому академическому ресурсу «Академос». За 2020 год лексикографами кодифицировано 672 слова (обращение от 09.2020) из них 12 глаголов, при этом формант *-ся* отмечен у четырех. Не все из них являются неологизмами: *валидировать(ся)*, *вертикализировать*, *гикнуться*, *лайкать*, *перенавесить*, *покорябать(ся)*, *провалидировать(ся)*, *твитнуть*, *троллить*. За 2019 год — 164 слова, из них один глагол (*брендировать*); в 2018 год — добавлено 53 слова, среди которых глаголы отсутствуют.

Между тем категория возвратности активно реагирует на появление новых слов в русском языке. Примером этому может служить активизация слова *хайп* в период 2013—2017 годов и появление следующих глагольных единиц: *хайпиться* — 2013 (здесь и далее число после неологизма — год появления слова или значения слова в русскоязычных текстах), *хайпануться* (2017), *захайпиться* (2017), *охайпиться* (2017), *захайповаться* (2018), *хайпаться* (2019), *хайповаться* (2019), *захайпаться* (2020); или активизация лексемы *карантиниться* в 2020 году. Последний глагол зафиксирован еще в 2012 году в профессиональных текстах, посвященных животному миру: *С ежедневными подменами [воды] в ведре рыба будет долго и счастливо «карантиниться», что гарантированно защитит ваш аквариум от нежелательных вспышек бактериальных, грибковых и вирусных инфекций...* (aqaпn.ru, 26.02.12). На данный момент глагол *карантиниться*, перейдя из профессиональной сферы в разговорную, демонстрирует расширение сочетаемости, например: *карантиниться друг от друга*, *карантиниться по домам*, *карантиниться с тренерами*. Невозвратный коррелят этого глагола — *карантинить* — появился еще в XX веке в двух значениях: ‘быть на карантине’ — 1959 г.; ‘подвергать карантину’ — 1964 год.

Заслуживает внимания и пара глаголов-неологизмов текущего года, образованных от слова *ковид* и встречающихся в разговорной речи: *ковидить* в двух значениях ‘болеть, заражаться

коронавирусной инфекцией COVID-19' (*Андрей продолжает пока **ковидить**; **ковидить** будем сезонно, как и грипповать*) и 'подвергать карантину из-за коронавирусной инфекции COVID-19' (*можно каждый год население **ковидить***). У возвратного коррелята *ковидиться* отмечено значение 'переносить коронавирусную инфекцию COVID-19; переболеть ею' (*за то время, пока мы «ковидились», моя жена сбросила лишние килограммы; жители Молдовы **ковидятся** потихоньку и умирают по-маленьку; вторую неделю **ковидюсь** с мужем на пару*). Медийный дискурс также дает примеры языковой игры с этими глаголами: *Впереди ковиды на урожай и, **ковидится** мне, скоро я подстригусь и приобрету приличный ковид* (Newsbot.press, 22.05.20); и участия их в прецедентных текстах: *Футболки с надписями вроде «Хочу денег и свободы» и «Ой, ковид, ковид, не **ковидь** меня»* (Marpeople.com, 01.05.20).

Таким образом, собственно возвратные глаголы (и возвратные пассивные формы глаголов), участвующие в актуальных лексических, словообразовательных и синтаксических процессах, являются материалом для отслеживания закономерностей и тенденций развития глагольного образования.

Неологическая база данных Института лингвистических исследований РАН, содержащая речевые лексические единицы и контексты их употребления, гипотетически могла бы стать источником для таких наблюдений. Однако подсчеты показали, что из более 400 глаголов-неологизмов, появившихся в период 2010-х гг. и отобранных лексикографами группы словарей новых слов, всего 75 единиц — абсолютные глаголы-неологизмы с постфиксом *-ся*. Дополнительная выборка возвратных глаголов путем моделирования от собранных за этот период невозвратных, а также моделирования от актуальных неологизмов-существительных позволила расширить сферу наблюдений. Для этого использовались текстовые базы «Интегрум», Google books.ru, а также поисковые системы интернета. Например, смоделированный от заимствования *каршер(инг)* глагол *каршерить(ся)* (2017) оказался употребительным в разговорно-

профессиональном автомобильном дискурсе в следующих значениях, выделенных на основе субъектно-объектной дифференциации: ‘пользоваться машиной из каршеринга — сервиса кратковременной аренды; ехать на такой машине’ (*вы каршеритесь до ближайшей заправки, покупаете там канистру, заливаете в нее бензин и возвращаетесь к своему автомобилю; каршериться будет удобно тем, кто имеет немалый опыт вождения*) и ‘состоять в каршеринге; арендоваться в нем (о машине)’ (*судя по состоянию, давно каршерится*).

Попытка системного описания возвратных глаголов-неологизмов (140 единиц) была предпринята в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее — НСЗ-90). Такое описание речевых семантических особенностей возвратных глаголов является исключением для словарей, и в частности, для словарей новых слов. Статистические данные по количеству возвратных глаголов в неграфических изданиях ИЛИ РАН, вышедших до 2014 года, приведены в статье Е.Н. Геккиной [Геккина 2019]. Материалы НСЗ-90 подтверждают продуктивность структурно-семантических типов возвратных глаголов, выделенных в монографии «Глагольное словообразование современного русского языка» — исследовании, основанном, в том числе на неологических словарях, описывающих лексику до 2000-го года [Улуханов 2017: 237—241].

Основной принцип отбора возвратных глаголов для толковой/нормативной лексикографии — употребительность в языковом ядре, при этом описываются/кодифицируются системно (оба члена коррелятивной пары) нейтральные лексические единицы и термины. Так, в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» [Толковый словарь 2007] на букву «А» описано 10 глаголов, только два из них имеют в словаре возвратные корреляты: *адресоваться* и *акционироваться* (*спец.*) (оба эти глагола зафиксированы в РОС). Разговорные и сниженные возвратные глаголы кодифицируются избирательно. Например, в РОС находим возвратный глагол *тусоваться* (*сниж.*) и *потусить* с

комментарием «к тусоваться, сниж.». То же можно заметить о недавно кодифицированных *твитнуть* (отсутствуют в словаре *твитнуться, твитнуть(ся)*) и *гуглить* (*сниж.*) (отсутствуют возвратные корреляты).

Глаголы из словообразовательного гнезда *гуглить* (1998) демонстрируют высокую семантическую дифференциацию в текущем десятилетии, например, возвратный коррелят *загуглиться (загугливаться)* (2010) имеет около шести значений: 1. Найдись (находиться) в интернете (об информации, товаре и т.п.) (*готовый вопрос.. отлично загугливается целиком с ответом и напроць убивает игру*). 2. Задаться (задаваться) в качестве поискового запроса (*его имя «загугливалось» чаще других*). 3. Использовать технологии поисковой системы Google (*плагиаторы.. просят «Яндекс» загуглиться*). 4. Осуществить (осуществлять) виртуальный просмотр с помощью сервиса Google. (*пилотный проект уже позволяет «загуглиться» в зданиях Лондона*). 5. Обратиться (обращаться) к поиску в интернете (*молодежь «загугливается», по сравнению с нами, она более продвинута информационно*). 6. Попасть (попадать) под влияние корпорации Google (*интересен экспорт программного обеспечения: сейчас уже все побаиваются, что мир «загугливается», находится под контролем американских гигантов*). Для сравнения, в НСЗ-90, по данным Е.Н. Геккиной [Геккина 2019], максимальное число контекстуальных значений — 7 — выделено у возвратных глаголов *загрузиться* и *грохнуть*.

Если в 1990—2000-х годах исследователи отмечают активность глаголов тематической группы «компьютер и интернет» [Современный русский язык 2008], то в 2010-х годах фокус сместился на виртуальное общение, что отразилось в многочисленной группе возвратных глаголов со взаимно-возвратным значением, образованных от заимствованных (реже незаимствованных) онимов: *вацапиться, инстаграмиться, вконтактиться, моймириться, скайпиться, снэпчатиться, тиндериться, фэйсбучиться, зумиться*; а также других

заимствований — *секститься* ‘переписываться с кем-л. на тему секса’ (от англ. *sexting*), и возвратных глаголов-окказионализмов, образованных от сложных слов на русской почве: *пусточатиться* (2013) («*пусточатиться*» (автор Богдан Лукьянов) — вести бессодержательную электронную переписку-болтовню); *гагачатиться* (2019) (от *гагачат*, Леди Гага — имя собств.; *отзовитесь, у кого получается одновременно гагачатиться, кушать и не заляпать жирными пальцами экран*). Естественно, совокупность найденных при лексикографировании контекстов, позволяет выделить и пассивное значение некоторых глаголов: *жежеешиться, вконтактиться* (2011) (*девичья фамилия матери сейчас вконтактится, кличка собаки жежеешится*).

Кроме приведенных выше отонимных новообразований высокопродуктивными являются окказиональные единицы, образованные от личных имен, например *пехтиться* (2013) (*Пехтин [депутат] покинул Думу, новый термин.. приобрел еще один оттенок значения: пехтиться это и еще и пятиться, отползть назад.. В ход шла и игра с цитатами: И жизнь торопится, и пехтиться спешит*); *депардироваться* (2013) ‘переехать, изменить место жительства’ (*Николя Саркози решил «депардироваться»*); *навальниться* (2017) (*так и норвеят «навальниться» и промыть мозги; навальниться — оказать массовое давление на власть, некритично руководствуясь яркими лозунгами*).

В 2010-х годах продолжают быть активными возвратные глаголы, которые остались за пределами словарей, в том числе неологических, например, такой популярный глагол, как *жирниться* (о коже, волосах), который появился в рекламном и косметологическом дискурсе в конце 1990-х годов. Обычно возвратный глагол появляется позже невозвратного коррелята, например в паре *новогодить* (1973) (*новогодиться* (2005)) ‘встречать Новый год’, ‘участвовать в праздновании Нового года, подготовке к этому празднику (о ком-, чем-л.)’, сочетаемостную динамику которого мы можем наблюдать в

2010-х годах (*поселок наш уже пару недель как витринами магазинов **новогодится***). Однако есть исключения, например *спортиться* (2014) ‘заниматься спортом; тренироваться’, невозвратный коррелят, которого лишь потенциален (письменные контексты с ним на данный момент не встретились).

Достоин внимания и явление языковой миграции, когда из ограниченной языковой сферы, например жаргона, региолекта, лексическая единица переходит в разговорную сферу, таким образом «колоритнейшие глаголы» (А. Горнфельд) оказываются объектом неографических наблюдений. Например, близкие по значению глаголу *лениться*, не имеющему соотносительного невозвратного, — *батониться* и *тюлениться*. Коррелятивные пары этих глаголов появились в письменных русскоязычных текстах в такой последовательности: *батониться* — 1999 год (*батонить* — 2016 год); *тюлениться* — 2000 год (*тюленить* — 2010 год).

Наблюдение за источниками, в которых первоначально зафиксирован глагол *батониться* ‘расслабляться, бездельничать, отдыхать; лениться’, позволяет говорить о принадлежности его молодежному жаргону Дальневосточного региона и Сибири, в отличие от *тюлениться* в том же значении, у которого такая региональная отнесенность отсутствует (*батонились на лежаках; не люблю «батониться» дома с книжкой; батониться весь день на озере; батониться под музыку весь день*). В 2010-х годах глагол *батониться* употребляется в различных медийных источниках, а также встречается в интернет-пространстве в качестве вербальной части мема, обычно соединяясь с изображением лежащего животного (кота, собаки).

Отметим, что в словаре жаргона еще в 2000 году [Мокиенко 2000] зафиксирован глагол *побатониться* в значении ‘приятно провести время, занимаясь сексом’ с цитатой 1998 года (1996 год). Если в 2000-х годах встречаем это слово в региональном источнике («Молодой Дальневосточник» (Хабаровск)) в значении ‘расслабиться, отдохнуть’

(*побатониться на солнце и искупаться в море*), то с 2012-го года происходит распространение глагола в этом значении. С 2014 г. появляется невозвратный коррелят со значением ‘поспать’ (*насчет побатонить, т.е. предаться долгову приятному сну*); ср. также региональное значение глагола батониться: *Спящего человека красноярская молодёжь называет «батон», производное — «батониться», т.е. спать* (Портал города Черногорска, cherncity.ru, 23.10.14).

Следующим неочевидным семантическим аспектом возвратных глаголов, который практически не отражается в словарях, становится омонимия, обнаруживаемая обычно при диахроническом лексикографировании. Ср. следующие примеры, относящиеся к периоду с середины XX века до 2020 года: *батониться* (1999) (см. значение выше) — *батониться* (2020) ‘разрубаться ножом (о полене, дереве)’ (от англ. *to baton, batoning*; *одна половина откладывается в сторону, а вторая продолжает «батониться»... до состояния мелких щепок*). *Анимизироваться** (2011) ‘стать анимационным, анимированным’ — *анимизироваться** (2014) ‘примкнуть к субкультуре аниме’; *спортиться* (1963) ‘испортиться, диал.’ — *спортиться* (2014) (см. значение выше); *зумиться* (2005) ‘увеличивать изображение; увеличиваться’ — *зумиться* (2020) ‘пользоваться программой «Зум» (Zoom) для видеосвязи с кем-л.’; *скрапиться* (2012) ‘заниматься скрапбукингом; делаться в такой технике’ — *скрапиться* (2014) ‘подвергаться веб-скрапингу’ (от англ. *web scraping*; технология получения данных путем извлечения их со страниц электронных ресурсов).

Материал позволил выделить случай опосредованной семантической связи между возвратным глаголом и его невозвратным коррелятом: *роскомнадзорнуть* (2017) ‘запретить доступ к какому-л. источнику информации в интернете’ и *роскомнадзорнуться* (2018) ‘совершить самоубийство’ (*безболезненный способ **роскомнадзорнуться**; желание **роскомнадзорнуться** из-за лени*), значение возвратного глагола связано с процессом скрытия информации о самоубийствах,

убийствах службами Роскомнадзора обычно в текстах, размещенных в Интернете.

Таким образом, источником обновления и появления новых возвратных глаголов на данном этапе кроме медийного дискурса (потенциальные глаголы, образующиеся от заимствований, окказионализмы), в котором задействованы все значимые тематические группы, являются разговорная (разговорно-сниженная) сфера и сфера профессионального жаргона. В свою очередь, стилистическая маркированность глаголов становится достаточно спорным аспектом при лексикографировании. Семантические типологии возвратных глаголов (и пассивных форм), в каком бы они формате ни были представлены [Летучий; Улуханов 2017], остаются актуальными в рамках материала 2010—2020 годов. Однако максимальная семантическая детализация конкретного нового глагола, основанная на контекстуальной многозначности, кажется явлением недостаточно исследованным, так как словари не предоставляют такой информации.

На примере образования и функционирования возвратных глаголов-неологизмов обнаруживаются общие актуальные языковые тенденции: отонимное словообразование, образование сложных слов, динамика синтаксической сочетаемости, омонимия на уровне новообразований и заимствований. Возвратные глаголы являются «внутренним» источником обновления языка, способным отражать реакцию индивида на отношения между субъектами и объектами какого-л. действия, рефлексию над происходящими действиями и процессами, определять воздействие чего-л. на физическую и психологическую сферы. Все это проявляется в изменениях на уровне актантной структуры глагола, усложнении его семантики, а также в изменении семантической связи между членами глагольной коррелятивной пары.

Список литературы

1. Геккина Е.Н. Возвратные глаголы: ресурсы лексического и семантического обновления. Русская грамматика: активные процессы в языке и речи // Русская грамматика: активные процессы в язы-

- ке и речи: сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 110—119.
2. Летучий А.Б. Возвратность // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/>
 3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.
 4. НСЗ-90 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009—2014.
 5. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 709 с.
 6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
 7. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. II. Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Азбуковник, 2017. 432 с.

© *Yu.S. Ridetskaya*

REFLEXIVE VERBS-NEOLOGISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 2010s

The article deals with the specificity of the lexicographic fixation and semantization of new reflexive verbs of the Russian language; the stylistic spheres influencing the renewal of this layer of lexicon are highlighted. The article provides statistical data and observations on the semantic features of new reflexive verbs (polysemy, homonymy). In addition to the creation of new verbs, there is an activation and semantic detailing of reflexive verbs-neologisms of the 1990s, 2000s; the phenomenon of language migration, when from a limited sphere of language, for example, jargon, a word in two decades passes into the colloquial speech (e.g. used as a verbal component of an Internet meme).

Keywords: neology, neography, neologisms, new words, lexicography, reflexive verbs, semantics.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ ДЕЛОВУЮ АББРЕВИАЦИЮ

Цель данной статьи — проанализировать в лингвокультурологическом аспекте современную деловую аббревиацию, которая активизировалась в речевой практике. Данная цель достигается методами филологического и лингвистического анализа текста. Основные результаты и выводы: современная деловая аббревиация продолжает словообразовательную традицию начала XX века и обладает рядом достоинств (точность, краткость, экономность); вместе с тем стремление к избыточной точности и всеохватности ведет к забвению внутренней формы слова и к определенной канцелярской сакрализации, что приводит к нарушению принципа экономии языковых средств. Это недопустимо с точки зрения современной культуры речи. В качестве средства исправления данной ситуации предлагается поставить словообразовательное творчество с целью создания новых аббревиационных номинаций под контроль специалистов-лингвистов.

Ключевые слова: аббревиация, культура речи, принцип экономии, сакрализация, точность номинации, внутренняя форма слова.

«С приходом весны хочется писать об аббревиатурах. Они короткие и звонкие, как питерская капель. БАМ. ГУМ. РАН» [Водолазкин 2019: 242]. Но хочется писать и осенью: МСКЗГАСТПОФП (расшифруем позже). И сам Е.Г. Водолазкин продолжает: «Если, конечно, это не Минздравсоцразвития, которое свалилось на наши головы бесформенной ледяной глыбой. Или не Минобрнауки, в сравнении с которым даже советский Минтяжмаш звучит как детская считалка. О таких аббревиатурах хочется поскорее забыть. Но не получается» [Водолазкин 2019: 242]. К.И. Чуковский обнаружил болезнь русского языка — канцелярит. Так вот аббревиатуры, о кото-

рых «хочется поскорее забыть» — одно из проявлений этой болезни.

Гипертрофированная аббревиация начала XX века стала предметом пристального внимания лингвистов (Е.Д. Поливанов, С.И. Карцевский, А.М. Селищев и др.), иронического внимания писателей: Маяковский (Главначпупс), Булгаков (Главрыба), Платонов (ЧеЧеО), Ильф и Петров (Умслопогас), Трифонов (Гинегга), Алексей Иванов (Мудо) др. Массовая же аудитория этой проблемы не заметила, отнеслась к ней как к должному явлению, что говорит о высокой степени естественности этих фактов. В эмигрантской же среде новые аббревиатуры получили ироническое наименование — «советские сокращения», что делало эти языковые факты своего рода символом нового советского языка.

В постсоветское время активизируется инициальная аббревиация. М.Ю. Федосюк и И.И. Бакланова в 2017 году отметили, что «для русской деловой речи последнего десятилетия характерна тенденция к замене традиционных наименований некоторых предметов и явлений новыми обозначениями, которые претендуют на высокую терминологическую точность, однако при этом весьма громоздки и трудны для восприятия» [Федосюк, Бакланова 2017: 141].

Современная аббревиация может рассматриваться в двух аспектах: лингвистическом (аббревиация как факт языка) и лингвокультурологическом (аббревиация как факт словесной культуры). Собственно аббревиация и проявляется в этих же аспектах. Первый аспект исследован в литературе вопроса исчерпывающе: явление анализируется и само по себе, и в сопоставлении с аналогичными фактами в других языках. Второй же аспект, часто сводимый лишь к проблеме культуры речи, еще не получил достаточной научной интерпретации. Об этом аспекте и пойдет речь.

Аббревиация как факт словесной культуры, как факт литературной (в первую очередь деловой) речи обладает и достоинствами, и недостатками. На достоинства указал еще

Е.Д. Поливанов. Во-первых, это оптимальное выполнение «социального заказа»: аббревиация позволяет массово обеспечить новыми именами новые понятия. Во-вторых, этот способ связан «с общим принципом морфологической экономии (требующим, чтобы на единицу часто употребительного и самостоятельного понятия ассигновалась одна словесная единица: одно слово, а не комплекс из нескольких слов)» [Поливанов 1991: 319]. Нужно добавить, что аббревиация отвечает принципу экономии языковых средств [Водолазкин 2019: 243] и в более широком смысле (экономия работы, по Бодуэну де Куртенэ): экономятся не только слова, но и буквы, графическое пространство.

Эти два обстоятельства — массовая номинация и экономия — поддерживаются и корректируются еще одним «достоинством» — наличием при именовании у нового слова внутренней формы. Принято указывать, наоборот, на отсутствие внутренней формы для инициальных аббревиатур (они наиболее значимая — и количественно, и качественно — часть русского аббревиатурного лексикона): «Ведь неудобство их в речи очевидно: они не имеют внутренней формы (вернее, имеют мнимую внутреннюю форму) — по составу инициальной аббревиатуры нельзя узнать, что она обозначает. ...Более того, обладая скрытой, затрудненной внутренней формой, они неизбежно будут вызывать ложные осмысления и неверные расшифровки» [Панов 2007: 199]. И в то же время М.В. Панов, говоря о том, что инициальные аббревиатуры применяются, в основном, для создания имен собственных, приходит к выводу: «Следовательно, реализуется стремление называть отдельный единичный объект условным именем — ведь инициальные сокращения имеют скрытую, неявную внутреннюю форму. Это переходная ступень к полностью немотивированному названию единичных объектов» [Панов 2007: 201].

«Скрытая», «неявная», «мнимая», «затрудненная» внутренняя форма — это не недостаток: при акте именовании внутренняя форма имеется, но при функционировании в

лексической системе языка она исчезает и компенсируется (при лингвистически квалифицированном подходе) вхождением в какую-либо парадигму с помощью различных грамматических средств: «Проще говоря, всякое новое слово должно быть на что-то похожим. Соответствовать чему-то такому, что в языке уже есть. Только в этом случае оно может быть безболезненно принято» [Водолазкин 2019: 251], т.е. соотношение внутренней формы и места в лексической системе или соотношение мотивированности и условности знака при лингвистически грамотном подходе — не недостаток, а достоинство аббревиатур (главным образом инициальных).

Но вместе с достоинствами современная деловая аббревиация приобретает и существенные недостатки. Аббревиатуры часто воспринимаются как символы деловой сферы («Госкомаббревиатура» называется очерк Е.Г. Водолазкина). М.В. Панов писал об инициальных аббревиатурах советского времени: «Многие из этих обозначений — результат канцелярского словотворчества. А канцелярит в последние два-три десятилетия оказывает заметное влияние на речь; сопротивляться этому влиянию особенно трудно, когда слова, созданные в духе канцелярита, являются самоназваниями учреждений, контор, отделов и т.д. Употребление их становится обязательным, если надо упомянуть эти, обобщенно говоря, «инстанции»: на инициальных сокращениях лежит в этом случае печать официально утвержденного названия» [Панов 2007: 200].

Сама по себе связь с канцеляритом, новоязом (см. [Чуковский 1990; Романенко 1997]) уже дискредитирует аббревиацию. Однако аббревиатуры (особенно инициальные) берут на себя функцию жаргонизации текста, его дистанцирования от общенародного литературного языка. М.Ю. Федосюк и И.И. Бакланова говорят о «наблюдаемой в настоящее время в русской деловой речи тенденции игнорирования коммуникативных интересов адресата <...> это установка на намеренное отстранение от участия в деловой коммуникации

«непосвященных» [Федосюк, Бакланова 2017: 146]. При этом авторы сочувственно цитируют слова Л.Э. Найдич о канцелярском стиле советского времени: «По-видимому, истинный смысл канцелярских штампов состоит в отмежевании канцелярита от всех остальных стилей, в создании особого языка, доступного далеко не всем. <...> В результате язык способствует созданию некоторого ореола вокруг всей деятельности соответствующих канцелярских организаций, представлению ее в виде почти жреческого служения. Правила генерирования канцелярских текстов доступны лишь посвященным — и в этом, очевидно, основной смысл канцелярита. Как не всякому разрешено войти в алтарь, так не каждый может написать заявление или докладную записку, заполнить анкету и т.п. Недоступно это бывает даже ученому, писателю — людям, хорошо владеющим языком и его различными стилями, не говоря уж о простых людях» [Федосюк, Бакланова 2017: 146].

Об этой же черте аббревиатур говорит Е.Г. Водолазкин, обращаясь к истории и называя ее «стремлением к сакрализации»: «Во многих культурах святость явления предполагает его неназывание или, по крайней мере, неполное называние» [Водолазкин 2019: 243]. Но сейчас в канцелярской сфере это уже не святость, а жаргонизация: «Употребление аббревиатур, мотивированное в наше время стремлением разгрузить речь, во многих случаях является и признаком — нет, не святости — *посвященности*» [Водолазкин 2019: 248].

Как бы то ни было «игнорирование коммуникативных интересов адресата», «намеренное отстранение от участия в деловой коммуникации «непосвященных» — это явный недостаток, ведущий к затруднению общения, к потере информации, к энтропии. И не случайно этот недостаток гармонично сочетается с другим, с «коммуникативной некомпетентностью некоторых работников официально-деловой сферы, которые не понимают, что важно и что неважно для достижения успешной коммуникации, а также их неумением ориентироваться на

тех адресатов, которыми их тексты должны быть поняты» [Федосюк, Бакланова 2017: 147].

Существенным недостатком аббревиатур (особенно инициальных), по общему мнению, является их громоздкость. Ее следствие — неудобопроизносимость, усложнение и затруднение коммуникации. Вот примеры из статьи М.Ю. Федосюка и И.И. Баклановой:

- КГБОУ ДПО ХКИППКСПО — Краевое государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Хабаровский краевой институт переподготовки и повышения квалификации в сфере профессионального образования»;

- КСПК «Останкино» — Культурно-спортивный парковый комплекс «Останкино»;

- ГОУ ВОМО МГОУ — Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет;

- ФГАОУ ВО НИ ТПУ — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»;

- ФГБОУ ВО МГЛУ — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный лингвистический университет»;

- ГАОУ ВО МГПУ — Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»;

- ФГБОУ ВО «РГСУ» — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет»;

- ГБОУ СОШ № 330 — Государственное бюджетное образовательное учреждение города Москвы средняя образовательная школа № 330;

- ОИОС УМВД — Отдел информации и общественных связей управления Министерства внутренних дел России (под-

черкивания наши, они показывают повторы, т.е. избыточность информации. — *А.Р.*).

Эти аббревиатуры не могут быть поняты без расшифровки. Они претендуют, как указывают авторы статьи, на «высокую терминологическую точность». Но возникает вопрос: а зачем она нужна? Ведь документация, в которой функционируют эти слова, не рассчитана на автоматическую обработку речи.

Е.Г. Водолазкин категоричен, но справедлив: «Прежде всего следует избавиться от слов-монстров. Так, неприемлемым кажется приведенное обозначение дорожной милиции ГИБДД — вариант для глухонемого: невозможно ни произносить, ни тем более слышать. <...> А Минобрнауки? <...> Не лучше — Минздравсоцразвития. Эта аббревиатура предупреждает нас о том, что наименования чиновников опасны для культуры. <...> В конце концов, название ведомства вовсе не обязано перечислять все его отделы. Оно — лишь знак, который не должен включать все конструктивные элементы означаемого» [Водолазкин 2019: 249—250].

Тенденция к культивированию громоздкости лексических единиц вообще характерна для современной деловой речи. Авторы статьи, примеры из которой приведены выше, приводят в той же связи материалы из работы Н.В. Орловой, которая сопоставила язык нормативных документов сферы высшего образования, относящихся к двум разным периодам: 1979—1980-м и 2010—2011-м годам. Как отмечает Н.В. Орлова, «в приказах 70—80-х гг. для обозначения понятий образовательной сферы использовались номинации, прямо указывающие на сферу вузовского образования: *факультеты, кафедры, декан, заведующий кафедрой, студент, доцент, профессор, преподаватель кафедры, преподаватель, зачет, экзамен, дипломная работа, государственный экзамен*. В современных приказах с данными номинациями конкурирует абстрактная административно-управленческая терминология, а предметная область затушевывается: *структурные подразделения, руководители структурных подразделений, руко-*

водители учебных подразделений, обучающиеся, работники профессорско-преподавательского состава, промежуточная аттестация, итоговая государственная аттестация. В приказах по студенческому составу ситуации «не сдать государственный экзамен», «не защитить дипломную работу» отражаются в многокомпонентном словосочетании как неосуществленное виртуальное действие: *Восстановить лиц <...>, не подтвердивших соответствие требованиям государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования при прохождении итоговой государственной аттестации»* [Федосюк, Бакланова 2017: 144].

Если такая громоздкость призвана достичь «высокой степени точности», то нужно заметить, что это избыточная точность, которая ведет не к увеличению информативности сообщения, но к его энтропийности.

Приведенные недостатки неминуемо ведут к понижению уровня культуры речи, к стилистическим ошибкам, прямо нарушающим нормы литературного языка. На это указывают авторы той же статьи: «Игнорирование современной деловой речью требований узуса наглядно проявляется в том, что в новых наименованиях предметов и явлений часто не соблюдается широко известный запрет на употребление на протяжении коротких отрезков текста лексических повторов и повторов однокоренных слов» [Федосюк, Бакланова 2017: 143]. В приведенных выше примерах такие повторы подчеркнуты.

Если подытожить сказанное, то напрашивается вывод: аббревиация в русском языке XX—XXI веков получила гипертрофированное развитие для решения важной задачи: экономное наименование новых денотатов. Однако с течением времени эта задача часто решаться перестала.

Во-первых, аббревиация начала применяться не для создания новых лексических единиц, а для усложнения и конкретизации старых (вм. ГАИ — ГИБДД; вм. МГУ — ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»; вм. Центр акробатического рок-н-ролла «Жаворонки» (ЦАР-3) — МСКЗГАСТПОФП (Многофункцио-

нальный спортивный комплекс для занятий гимнастикой, акробатикой, спортивными танцами, плаванием и общей физической подготовкой); в м. «Саратовская православная духовная семинария» (СПДС) — РОДООВО «СПДС» СЕРПЦ (Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «СПДС» Саратовской Епархии Русской Православной Церкви) и т.п.).

Во-вторых, аббревиация перестала выполнять функцию экономии языковых средств (см. приведенные выше примеры). В результате этого, с одной стороны, затрудняется коммуникация (и из-за тенденции к жаргонизации), с другой — снижается уровень культуры речи.

К. Чуковский считал, что совершенно победить канцелярит можно лишь преодолев бюрократические отношения в обществе [Романенко 1997: 99—100]. То же можно сказать и о гипертрофированной аббревиации, но это идеальная цель. Русскому языку в широком общекультурном смысле, языку народному уродливые аббревиатуры не страшны. Но они опасны для языка литературного, который может и должен подвергаться нормирующему воздействию общества. Ясно, что выход из аббревиатурного кризиса (об этом говорят и авторы цитированных работ) — в профессиональном решении проблемы: заниматься нормированием аббревиатур должны специалисты-филологи, а не чиновники.

Список литературы

1. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка: эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 384 с.
2. Панов М.В. Аббревиация // Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 197—203.
3. Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 423 с.
4. Романенко А.П. Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1 (4). С. 95—102.

5. Федосюк М.Ю., Бакланова И.И. Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 141—148.
6. Чуковский К.И. Живой как жизнь // Чуковский К.И. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 467—651.

© *A.P. Romanenko*

LINGUOCULTURAL VIEW ON THE MODERN BUSINESS ABBREVIATION

The purpose of this article is to analyze the modern business abbreviation in the linguistic and cultural aspect, which has become more active in modern speech practice. This goal is achieved by methods of philological and linguistic analysis of the text. In the end we came to the following results and conclusions: modern business abbreviation continues the word-formation tradition of the early twentieth century and has a number of advantages (accuracy, brevity, economy); at the same time, the desire for excessive accuracy and inclusiveness leads to forgetfulness of the internal form of the word and to a certain kind of clerical sacralization, which leads to a contravention of the principle of economy of language means. This is unacceptable from the point of view of modern speech culture. In order to settle up the current situation, it is proposed to put word-formation creativity of new abbreviation categories under the control of language experts.

Keywords: abbreviation, speech culture, economy principle, sacralization, accuracy of nomination, internal form of the word.

«ЛАТИНИЗАЦИЯ» ЯЗЫКА ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена актуальной проблеме «латинизации» современного русского языка, являющейся отражением глобализационных процессов, унификации коммуникации. Бесспорно мнение о том, что орудием языковой интернационализации стал английский язык и именно ему принадлежит огромная роль латинизации русского письма. Цель данной работы — выявить особенности и причины латинизации. Материалом исследования послужили тексты глянцевого журналов, адаптированных версий западных изданий. Анализ исследованных единиц показал, что использование латинской графики в русском письме может быть обусловлено юридическими, прагматическими, эстетическими, психологическими (манипулятивными) факторами. Независимо от мотивации, использование чужого алфавита является доказательством желания участвовать в глобальной интеграции. Самую большую группу исследуемых единиц образуют вкрапливаемые в русский язык англо-американские заимствования (диакритики, слова, словосочетания, предикативные структуры). Отмечены также немногочисленные случаи латинизации национальных ресурсов, главным образом в сфере антропонимии.

Ключевые слова: англицизм, глобализация, глянец, латинизация, заимствование, медийный дискурс, русский язык.

Современные глобализационные процессы не только охватывают разные сферы человеческой деятельности, прежде всего, экономику, политику, технологию (промышленность), культуру, туризм, но также проявляются в языках многих народов мира. Интернациональная унификация коммуникации идет, главным образом, через использование английского языка, как глобального языка, универсального средства общения [Сту-

stal 2003]. Как отмечает А.А. Слесарева, «владение данным языком открывает колоссальные возможности для тех, кто хочет идти в ногу со временем» [Слесарева 2017: 79]. Английский, по мнению многих лингвистов, оказывает сильное влияние на развитие других национальных языков, а последствия такого влияния стали предметом исследований разных научных дисциплин, в том числе: социолингвистики, контактной и нормативной лингвистики, культуры речи и др.

Следствием непосредственного воздействия английского языка на русский является, между прочим, «латинизация» русского языка, особенно ярко проявляющаяся в массмедийном дискурсе. Под «латинизацией» подразумевается тенденция применения в русском письме латинской графики либо для передачи заимствованной лексики (главным образом вкрапливаемых англицизмов), либо в национальных транслитерированных лексических ресурсах. Данное явление привело к бискриптализму и диграфии, которую А.А. Ривлина понимает как «массовое овладение латиницей, ассоциирующейся с глобальным английским языком, и ее использование для представления местных языков наряду с местными системами письма» [Ривлина 2017: 171].

Настоящая статья посвящена актуальной и спорной проблеме использования латинской графики в современном русском языке. Данная тема не является до конца изученной. Несмотря на то, что она описывается в многочисленных работах исследователей, например, И.В. Анненковой, О.Р. Бондаренко, Т.В. Воронченко и А.Э. Михиной, Н.А. Кулешовой, А.А. Ривлиной, данная проблема требует пристального внимания. Источником материала послужили печатные СМИ, которые Н.А. Кулешова называет «одним из проводников иностранной лексики» [Кулешова 2011: 52]. Исследуемые единицы в латинском облике были отобраны из гляцевых журналов («Elle», «Elle Girl», «Cosmopolitan», «Vogue»), опубликованных в 2017—2020 годах. Выбор дискурса гляцевой периодики обусловлен тем фактом, что указанные журналы являются российскими

адаптированными версиями западных изданий и свою тождественность с ними выражают сходством в структурном плане, тематике, идеологии, а также в языке (например, путем использования англо-американизмов). В рамках данной публикации преследуется цель проиллюстрировать явление «латинизации», определить особенности это феномена, а также выявить причины интенсивного проникновения «чужой» графики и указать функции вкраплений, написанных латиницей.

Присутствие латиницы в кириллическом письме (в русском языке) — явление не новое. Как пишет И.В. Анненкова, «внедрение чужих языков в русскую среду, наводнение русского языка иноязычными словами и, наконец, попытки полностью или частично сменить кириллические литеры на латинские наблюдаются языковедами уже более трехсот лет» [Анненкова 2008: 41]. В петровскую эпоху русский язык стал испытывать сильное западноевропейское влияние, а в результате реформы буквы русской азбуки были упрощены по латинскому образцу [Григорьева 2009: 136]. Произведения многих писателей в то время пестрели словами на французском языке в оригинальном графическом облике. В XIX столетии появились первые программы (например К. М. Кадинского и В.Г. Белинского), рекомендующие переход с кириллицы на латиницу. С того момента продолжается иногда умолкающая, иногда оживляющаяся дискуссия на тему проведения орфографической (графической) «революции». В диахроническом плане современный процесс «латинизации» отличается от предыдущих эпох, так как реализуется в проникновении латиницы в более широкий дискурс, например, в городской ландшафт, рекламу и периодическую печать [Григорьева 2009: 145], а также осуществляется в использовании «англографии» для передачи национального языка.

Причины популярности латиницы в русском тексте разнообразны. Несомненно, латинизация русскоязычного коммуникативного пространства происходит по причине глобализации. Она реально проявляется во многих сферах

жизни, например, в моде, туризме, медицине, интернет-коммуникации, экономике, искусстве, торговле, рекламе и т.д., т.е. в таких областях, которые составляют главное тематическое ядро исследуемых глянцевого журналов. Латиница в русском языке часто используется по техническим или юридическим причинам, как единственно допустимый официальный вариант наименования денотата (имя бренда, марки, компьютерные термины и т.д.), тогда ее существование в языке вполне оправдано. Несмотря на это, мотивы употребления латинской графики в печатных средствах массовой информации, по мнению И.В. Анненковой, нельзя всегда считать убедительными. Исследовательница замечает, что действительно латинизация в СМИ обусловлена необходимостью точной передачи имен собственных (эргонимов, прагматонимов и др.), а также экономией языковых и графических средств, потребностью передачи таких понятий, для которых в русском языке нет адекватных эквивалентов, и наконец, желанием авторов текстов продемонстрировать свою образованность [Анненкова 2008: 43]. Исследуя гламурные журналы, можно также сделать вывод о том, что латиница вкрапливается в текст и по другим психологическим причинам, как средство манипуляции человеческим сознанием. Сталкиваясь с кириллицей, латиница визуально контрастирует с ней, выделяется на фоне всего русского текста, привлекает внимание читателя и акцентирует желаемое содержание. В данной периодике, направленной на коммерческие действия и популяризацию космополитической идеологии и западной культуры, многие лексические единицы в латинице выполняют декоративную функцию, принимают участие в языковой игре, а также служат средством стилизации текста. Использование английского языка, по мнению О.Р. Бондаренко, является привлекательным, так как он ассоциируется с международной ориентацией, прогрессом, высоким качеством жизни, практичностью, а также надежностью [Бондаренко 2019: 27]. Языковые единицы в «чужом» алфавите являются своего рода

графическими индивидуумами, создающими впечатление участия в процессе глобализации.

Анализируемые глянцевого журналы, как экземплификация печатных средств массовой информации, пестрят заимствованиями, вкрапливаемыми в оригинальной графике. В собранном материале можно найти многие примеры иноязычий в латинице, главным образом англицизмов, которые представляют собой разнообразные структурные типы.

Проявление «латинизации» языка анализируемого материала отмечено уже на уровне **диакритики**. Внутри текста часто появляется, например, амперсанд &, употребляющийся преимущественно в заглавиях конкретных рубрик журналов. Примером могут послужить их наименования в ежемесячнике «Космополитен»: «здесь & сейчас», «любовь & секс», «мода & стиль», «красота & здоровье».

Самую большую группу языковых единиц, вкрапливаемых в текст в латинском облике, составляют **единичные слова** или **устойчивые словосочетания**, например: «Новогодний образ от А до Я можно собрать в коллекции Fabiana Filippi. Вечернее платье — **check!** Клатч с перьями и бархатные туфли — **done!**» («Elle» январь 2019: 37); «Я любила костюмы с водолазками и объемные жакеты поверх платья. Все-таки **power suit** — незаменимая вещь для хрупкой женщины в окружении серьезных мужчин» («Vogue» ноябрь 2018: 198); «Я была **fashion fiction** в лучшем смысле слова, мне нравилось наряжаться. Это был этап моей жизни, который я прошла» («Vogue» ноябрь 2018: 198); «Образовательные технологии будущего не имеют ничего общего с классическими: школа — без парт, курсы — без преподавателей, **soft skills** — вместо академических знаний» («Cosmopolitan» январь 2020: 70); «После первой неудачи Мэй так и не решилась на второй брак, но провозглашает **self-partnership** как новую форму семьи не спешит (...)» («Vogue» июнь 2020: 69); «Во время непринуждённого **table talk** речь неизменно заходит не только о погоде, но и о путешествиях» («Elle» май 2017: 226). Большинство таких вкраплений

употребляется в языке глянцевого журнала как «естественный» элемент языка, как доказательство образованности участников дискурса — авторов текстов и читателей. Отмечены нередкие случаи заимствованных неологизмов в латинской графике, которые обозначают новые объекты или социальные явления. В этом случае в тексте появляется толкование лексического новшества, например: *«На Западе даже появился новый термин — **stuckation**, микс английских слов **stuck** («застрясть») и **vacation** («каникулы»). Вместо отпуска в дальних странах ты остаёшься дома и о путешествии только мечтаешь. А грезить о далёких берегах, согласишься, куда приятнее в красивом наряде в силе того места, где бы ты хотела оказаться»* («Cosmopolitan» июль 2018: 113).

Отдельное место принадлежит **графодериватам**, т.е. латинско-кириллическим гибридам в пределах сложных структур, например: *«Привычную формулу рассыпчатой пудры поместили в миниатюрную **travel-упаковку**»* («Elle» январь 2017: 132); *«Я была настоящим **party-монстром** и буквально разбивала вдребезги себя и собственную жизнь»* («Elle» январь 2019: 76); *«Свои домашние **handmade-средства** у нас тоже были — качественную косметику достать было сложно»* (Elle октябрь 2018: 327); *«Столь успешная история не могла пройти мимо **beauty-индустрии**, который накрыл настоящий **baby-бум**»* («Elle» февраль 2019: 153). Сочетание в структуре одного сложного слова двух алфавитов стало, кажется, уже довольно привычным явлением. Креолизованные лексические единицы являются заимствованными полукальками или могут быть продуктом русского словообразования, происходящего по «иноязычной» деривационной модели. Гибридные сложения становятся все более продуктивным типом. Популярность языковых структур, представляющих собой синтез двух графических систем в пределах композитов, отражается даже в некоторых словарях, что свидетельствует о включении таких кириллическо-латинских новшеств в кодификационный процесс.

Явление «латинизации» отмечается также на уровне синтаксиса. В собранном материале отмечены случаи внедрения в текст **предикативных единиц**, например: «Хей-хей, а у нас для тебя номер про коллаборации (...) Встречай номер — барабанная добрь и сочное ты-дыц **directed by** — Катя Клэп! Катя побыла у нас главной, порулила контентом и набросила идей. Так что **look what she made us do :) (...)**» («Elle Girl» декабрь 2019: 8); «Звезды, которые, **started from the bottom**, становятся любимчиками дизайнеров (например: сотрудничество рэпера *Oxxxymiron* с *Reebok*)» («Elle Girl» декабрь 2019: 61); «Когда у тебя есть единомышленники и вы вместе делаете что-то классное, **everything is possible**» («Elle Girl» декабрь 2019: 53). Самое большое количество примеров высказываний, в которых вкрапливаются целые предикативные единицы, отобраны из глянцевого периодики, адресованной молодежи, например, «Elle Girl». Как можно заметить, язык журналов, в том числе насыщенность заимствованиями, обусловлена возрастным фактором целевой аудитории. Авторы текстов знают, что сегодня молодые люди говорят на английском языке, изучают его в школе, а также используют в интернет-коммуникации. У них позитивное отношение к английскому, поэтому смешивание двух разных языков и двух совершенно разных алфавитов происходит свободно, создавая иллюзию непринужденного разговора с читателем. Моральная оценка такой степени интеграции разных языковых систем на уровне синтаксиса остается в центре горячей дискуссии.

Надо отметить, что «латинизация» русского письма проявляется также в транслитерации национальных ресурсов латинскими буквами. В исследуемых журналах это немногочисленные случаи, чаще всего данное явление наблюдается в сфере собственных наименований (артистических псевдонимов, магазинов, арт-проектов и т.д.). Такие единицы являются «продуктом» языковой персуазивной стратегии, дающей возможность глобального распространения

наименования человека, объекта, фирмы и т.д. Использование ориентированной на английский язык латиницы обнаружено также в названиях российских интернет-сайтов. В данном случае переключение с русской письменной системы на другую кажется вполне оправданным, обусловленным техническими причинами и унификацией в сфере компьютерной коммуникации.

Проведенный анализ показал, что «латинизация» языка гляцевых журналов имеет двухвекторный характер. С одной стороны, наблюдается пополнение текстов заимствованиями в оригинальной латинской графике (прежде всего англо-американизмы), а с другой стороны, национальные ресурсы языка передаются буквами латинского алфавита. Оба эти явления приводят к латинизации русского языка, примеры которой легко найти в гламурной периодике. Авторы текстов исследуемых журналов вкрапливают в русское письмо языковые единицы в латинском облике, представляющие собой структурное разнообразие, например: диакритики, слова, словосочетания, словокомпоненты и даже предикативные конструкции. Гибридизация русского письма является реакцией на общественные глобализационные процессы. Это языковое явление, которое все чаще отмечается в языке и провоцирует неумолкаемый спор пуристов с лингвистическими космополитами.

Список литературы

1. Анненкова И.В. Принципы использования латинской графики в СМИ // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 41—47.
2. Березовская О.М., Кирьянова Л.Г. Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 144—148.
3. Бондаренко О.Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: что дальше? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 22—34.

4. Воронченко Т.В., Михина А.Э. Global English как фактор гибридности литературного текста // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11. С. 356—361.
5. Григорьева Т.М. Латиница против кириллицы и vice versa // *Кириллица — латиница — гражданица* / ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 139—151.
6. Зиновьева Е.С. Дискурс русскоязычных гляцевых журналов как объект изучения медиалингвистики // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2016. № 4. С. 88—92.
7. Игнатенко И.И. Языковые и коммуникативные процессы в эпоху глобализации // *Наука и школа*. 2009. № 3. С. 24—27.
8. Кулешова Н.А. Язык моды в эпоху глобализации (об англо-американских заимствованиях в русской, испанской и французской версиях журнала *Vogue*) // *Вестник РУДН. Сер. Лингвистика*. 2011. № 1. С. 52—61.
9. Ривлина А.А. Глобальная англо-национальная диграфия: транслингвальный аспект // *Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 171—180.
10. Слесарева А.А. Глобализация английского языка // *Вестник ВолГУ*. 2017. Сер. 9. Вып. 15. С. 78—81.
11. Щенникова Н.В. Языковой фактор глобализации // *Век глобализации*. 2015. № 2. С. 119—129.
12. Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.

© *A. Romanik*

“LATINIZATION” OF THE LANGUAGE OF GLOSSY MAGAZINES UNDER GLOBALIZATION

This article is devoted to the current problem of the “latinization” of the contemporary Russian language, which is a manifestation, among other things, of globalization processes, including unification of communication. As it is widely known, English has become a tool of linguistic internationalization and it is English that has a huge part to play in the process of the latinization of Russian writing. The aim of this work is to indicate the characteristics of this phenomenon, to determine its causes and functions (consequences). The research material was excerpted from

the texts of glossy magazines, which are adapted versions of Western periodicals. The analysis has shown that the use of Latin graphics can result from various reasons: legal, pragmatic, aesthetic, psychological (manipulative), etc. However, whatever the reason for using foreign graphics, it is proof of the need to participate in global human integration. The largest group of the examined units are English borrowings (diacritics, single words, compound words and sentences). There have also been few cases of the latinization of national language resources, especially in the field of anthroponymy.

Keywords: anglicisms, globalization, glossy magazines, latinization, borrowing, media discourse, Russian language.

© **Рылов Станислав Александрович**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СИНТАКСИСЕ (на материале медиатекстов)

Хотя синтаксис отличается значительной устойчивостью по отношению к воздействию экстралингвистических факторов, он активно реагирует на их действие. Как следствие — массовое вхождение в литературно-речевой обиход инноваций, которые требуют анализа и оценки. Цель работы — выявить наиболее активные инновационные сдвиги в современной русской медиаречи, установить их характер, уловить проявление в них основных тенденций развития. Предмет исследования — новые синтаксические явления в структуре словосочетания и простого предложения, активно проявляющиеся в русской медиаречи в первые десятилетия XXI века. Основной материал был собран самим автором и черпался из газетных текстов современной российской периодики, из радио- и телеречи. Анализируются наиболее активные изменения: транспозиция, экспансия предлогов в подчинительных словосочетаниях, сегментация, компрессия, парцелляция, инновационные изменения в функционировании неагентивных конструкций. Выявленные изменения свидетельствуют о проявлении основных тенденций: «демократизации» русского синтаксиса, тенденции к развитию нового синкретизма, тенденции усиления аналитизма.

Ключевые слова: современный русский язык, медиаречь, синтаксис, инновации, словосочетание, простое предложение, тенденции развития русского синтаксиса.

Считается, что синтаксический строй очень устойчив по отношению к воздействию экстралингвистических факторов [Крысин 2010: 200]. Однако по сравнению с морфологией синтаксис реагирует на социальные изменения намного активнее. Вслед-

ствии воздействия социальных факторов на синтаксический строй происходит «смягчение» литературной нормы, допущение в литературный речевой оборот синтаксических конструкций, которые до недавнего времени считались нелитературными или вообще не встречались. Результаты такого влияния нередко оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, «но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания» [Крысин 2010: 200]. Важный результат действия разных факторов на синтаксис — *массовое* вхождение в литературно-речевой обиход *инноваций*, которые вызывают необходимость их анализа и оценки как с позиций нормы, так и с точки зрения их социальной обусловленности [Крысин 2008: 15]. К сожалению, в русистике фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе современного русского языка. В работах разных учёных даются в основном частные наблюдения над отдельными синтаксическими явлениями и речевыми ошибками в СМИ. Весьма актуальным при этом является сопоставительный подход: насколько велик размах изменений в русском синтаксисе на фоне иных славянских языков? По мнению ряда исследователей, именно русский язык, в сравнении с другими славянскими языками, «на многих аналогичных развивающихся участках языка опережает по темпам и размаху эволюции другие славянские языки» [Гловинская 2008: 188]. Несомненно, оказывается важным и лингводидактический аспект: в процессе обучения русскому языку нельзя не учитывать инновационные изменения и их тенденции в синтаксисе современного русского языка [Vysloužilová 2005: 125].

Цель настоящего исследования — выявить наиболее активные синтаксические изменения в современной русской медиаречи, установить их характер, уловить проявление в них основных тенденций развития русского синтаксиса. Под **тенденцией развития** понимается «накопление однотипных фактов в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим» [Гловинская 2000: 238]. По нашему мнению, это общее направ-

ление качественных изменений однотипных синтаксических явлений, которые носят массовый характер на протяжении длительного времени. Когда новые синтаксические явления не единичны, а регулярно употребляются в письменной и устной речи, когда подобные факты обнаруживают однотипность, когда они имеют однонаправленный характер на протяжении длительного времени, то может быть установлена некоторая общая линия изменений. Это свидетельствует о наличии определённой *тенденции* развития.

Предметом изучения и анализа в работе стали новые синтаксические явления в структуре словосочетания и простого предложения, активно и регулярно проявляющиеся в современной русской медиаречи, которая имеет высокую социальную значимость.

Материалом для наблюдений и анализа послужили: а) газетные тексты, опубликованные в российских периодических изданиях последнего десятилетия (Российская газета — далее сокращенно РГ, Аргументы и факты — АиФ, Комсомольская правда — КП, Новая газета — НГ, Нижегородская правда — НП, Нижегородские новости — НН, Новое дело — НД, Нижегородский спорт — НС, Нижегородский университет — НУ); б) российская радио- и телеречь (Радио Россия; ТВ, 1-й канал; ТВ, Россия-1; канал НТВ). Материал, который был собран самим автором, подробно паспортизован: точная дата, указание издания, жанра передачи, кому принадлежит высказывание.

Анализ показывает, что самые активные инновационные изменения наблюдаются в структуре словосочетания. Это связано, во-первых, со сложной синкретичной природой словосочетания, которое «оказывается феноменом лексико-морфологосинтаксическим» [Головин 1994: 75]; во-вторых, с тем, что словосочетание — номинативная единица, она строится на базе лексико-семантического наполнения слов, и в этом её близость к слову, а лексика — самый подвижный уровень языка. Наиболее заметные инновационные сдвиги происходят в словосочетаниях *с управлением*. Отметим самые распространенные изменения.

1. **Транспозиция** — это такое преобразование в структуре словосочетания «существительное → (предлог) → существительное», когда в результате смещения значения происходит разрушение связи *управления* и развитие связи *согласования*, что приводит к образованию инновационной модели словосочетания с согласованием «прилагательное ← имя существительное». При этом наблюдается семантическое расширение двучленного словосочетания, в котором имя существительное выражает родовое понятие, а прилагательное — видовое. Такого рода единичные факты наблюдались в русской речи и ранее, ср.: *земли под пахоту* — *пахотные земли*, *центр по продаже компьютеров* — *компьютерный центр*. Однако в настоящее время транспозиция стала массовым явлением, широко распространилась и в медиаречи. Вот несколько показательных примеров: *У нас уже начался эксперимент по так называемой бережливой поликлинике*. «Бережливой» не в смысле сбережения имущества и денежных средств, а сбережения как раз здоровья и времени тех, кто пользуется услугами этих поликлиник (АиФ, № 10, 07—13.03.2018); *В Москве — пасхальная звональная программа* (вместо: программа колокольных звонов) (Радио России, 22.03.2018); *В следующем часе будем говорить о сексуальных педагогах* (вместо: педагогах в области сексуальных отношений) (Радио России, 26.03.2019 — ведущий передачи «Передаём сигналы точного времени»); *ценовая политика* (вместо: политика в области ценообразования) (Радио России, «ВестинН», 26.03.2019); *зарплатные новости* (Радио России, Вести, 07.07.2020); *Алина Загитова стала самой юной долларовой миллионершей* (НД, № 16, 22.07.2020).

Так широко распространяется в современной русской медиаречи последнего десятилетия инновационная модель словосочетания с согласованием, что обусловлено прежде всего стремлением к экономии языковых средств в непринуждённой речи.

2. **Экспансия предложных структур**. Процесс вытеснения беспредложных подчинительных словосочетаний предложными структурами в русском языке наблюдался на протяжении всего

XX века. В научных работах приводятся многочисленные примеры подобных замен. Но особенно активно происходит данный процесс с конца XX века, при этом предложные конструкции оцениваются прежде всего как ошибки [Гловинская 2000: 251—261]. Наши наблюдения показывают, что экспансия предложных структур (нередко вместо беспредложных) в настоящее время — живой процесс, чрезвычайно широко представленный в медиаречи. На наших глазах острота ошибки в заменах падежных конструкций предложными стирается, формируются словосочетания с новым управлением:

а) модель «*о* + предложный падеж» при глаголах или существительных типа: *показывать о* (вместо: *показывать что*), *утверждать о* (вместо: *утверждать что*), *убеждать о* (вместо: *убеждать в чём*), *программа о* (вместо: *программа чего*), *факты о* (вместо: *факты чего*) и под. Интересно, что такие случаи типичны даже в речи образованных людей, ученых, деятелей культуры, юристов, журналистов и т.д.: *дела покажут о том, какие отношения будут между Украиной и Россией* (Радио России, 22.04.2019 — преподаватель МГИМО в передаче «Актуально»); *Молодые супруги не понимают о том, что они наносят травму друг другу* (Радио России, 13.06.2019 — ведущая О. Максимова в передаче «Вечерняя смена»); *Интересно о том, что студенты не представляют всей сложности...* (Радио России, 19.08.2019 — ведущий в передаче «Вечерняя смена»); *Показать людям о том, что у нас фантастическая страна* (Радио России, «Действующие лица», 17.06.2020); *Об этом было ещё не очень понятно* (Радио России, «Вечерняя смена», 20.07.2020 — д. мед. н., проф. Г. Бадыкин о распространении COVID в Европе).

б) Высокочастотна в медиаречи модель «*по* + дательный падеж»: *отделение по общему розыску, рабочая группа по контролю за реализацией; лаборатория по электротехнике*. В языке СМИ, в речи представителей органов власти, образования, науки, культуры, в устных выступлениях политиков, финансистов, бизнесменов конструкция с предлогом *по* весьма частотна,

причем предлог *по* развивает в современной русской речи чрезвычайно широкую семантику, ср.: *В рамках визита состоялось заседание оперативной рабочей группы по контролю за реализацией мероприятий по завершению строительства... стадионов к чемпионату мира по футболу-2018 в России* (НН, 10.01.2018); *К примеру, государственная политика по развитию цифровизации во многом основывается на компетенциях саровских специалистов. Та же программа по внедрению «Карты жителя Нижегородской области» разрабатывается в Сарове»* (НП, № 17, 07.03.2018); *работа службы по подбору персонала* (НУ, 2018, № 1); *магистрант по направлению подготовки «Управление персоналом»* (НУ, 2018, № 1); *Была ограниченная загрузка по зрителям* (Радио России, 16.04.2018 — передача «Стадион»); *Хочется спросить по новому футбольному турниру* (Радио России, 06.08.2019 — ведущий спортивной передачи обращается с вопросом к тренеру).

Предлоги *о, по* в подобных словосочетаниях часто оказываются семантически немотивированной простой прокладкой между словами, знаками синтаксических отношений. Несомненно, что рассмотренные инновационные изменения в структуре и функционировании словосочетаний представляют собой проявление тенденций развития синкретизма и аналитизма синтаксических структур в русской речи.

Активные инновационные сдвиги в последние десятилетия происходят в структуре и функционировании главной синтаксической единицы — предложения. Ограничимся в настоящей работе рассмотрением **простого предложения** (ПП). В качестве общей тенденции следует отметить **упрощение** структуры ПП. Это упрощение заметно прежде всего в *количественном* плане. Как показывают наши исследования, в последние десятилетия наблюдается уменьшение протяженности грамматической структуры (средней длины) ПП; эта тенденция прослеживается на материале разных европейских языков, в том числе славянских, что является, по-видимому, результатом сближения письменной речи с устной. Упрощение структуры ПП проявляется и

в *качественном* отношении: при построении ПП в современной медиаречи наблюдается стремление к усечению, сжатию, свободному конструированию его структуры. Нами выявлены важнейшие качественные изменения в структуре простого высказывания, регулярно проявляющиеся в современной медиаречи.

1. Сегментация. Это расчленение высказывания на две части, противопоставленные друг другу формально, но связанные *семантически*. В результате возникает разрыв структуры ПП на две части: **тема** — **повод**. При этом обе части представляются как равноправные, несмотря на то что одна из них логически зависит от другой. Сегментация широко представлена в современной русской медиаречи: *Италия выбирает новый парламент. / Берлускони возвращается?* (РГ, 05.03.2018); *Скорректированы нормы провоза багажа. / На пять сантиметров больше* (РГ, 01.03.2018); *Россия одержала победу, и народы Кавказа стали подданными русского царя. / Не рабами, не данниками — подданными* (АиФ, № 30, 2020).

2. Актуализация — структурное выделение актуальной части высказывания, главным образом вынесение её в начало высказывания, причем произнесение её сопровождается особой интонацией — ожидающе-задумчивой. В результате возникает явление синтаксического «излома». Такие синтаксические конструкции характеризуются высокой экспрессивностью. Особенно широко распространена актуализация в устной речи, где своеобразным «мостиком» между двумя частями высказывания (актуальной и раскрывающей её содержание) оказывается местоимение *он*: *Я думаю, вот этот тренд — его можно заменить* (Радио России, «Пятидневка», 09.04.2018 — ведущий радиопередачи); *Слоны — у них жизнь немного другая* (Радио России, «О животных с Иваном Затевахиным», 06.05.2018); *Заявления, которые звучат сейчас из Киева, — они очень противоречивы* (ТВ, «Вести в субботу», 01.06.2019 — премьер-министр Д. Медведев); *Вот эта ситуация — она и спровоцировала конфликты* (Радио России, «Российский университет», 09.04.2019); *Современные противовирусные препараты — они делаются под*

определенный вирус (Радио России, «Здравствуйте, доктор», 20.06.2020).

3. Компрессия — сжатие, «стяжение» в одно слово (словосочетание) нескольких слов (иногда и части предложения): *Начались экстренные созвоны Трампа с Меркель и Макроном* (ТВ, Россия-1, 03.03.2018, ведущий передачи «Вести в субботу» С. Брилев) — вместо: *телефонные переговоры; Золотой кубок — главное сокровище КХЛ. Предполагается, что именно шишка «Торпедо» и «Локо» должна получиться самой упорной по всем четвертьфиналам Западной конференции* (АиФ, № 10, 13.03.2018) — вместо: *хоккейный матч, насыщенный упорной, жесткой борьбой, столкновениями; Экс-нижегородка, ныне успешная актриса и режиссер Лариса Маркина, готова поделиться наиболее сильнодействующими рецептами сбычи мечт, проверенными на личном опыте* (НН, 10.01.2018) — вместо: *того, как сбываются мечты.*

4. Парцелляция — дробление исходного ПП на мелкие актуализированные части высказывания (парцеллы) и их «нанизывание» на исходное ПП. Каждый парцеллированный фрагмент внутренне предцирован и может быть развернут в самостоятельное предложение: *Союз Беларусь — Россия составил свой рейтинг «самых-самых». Спортсменки. Красавицы. Наши.* (РГ, № 44, 01.03.2018); *МОК восстановил в правах Олимпийский комитет России. Наконец-то.* (РГ, № 44, 01.03.2018); *А впрочем, плей-офф есть плей-офф, здесь любой соперник опасен и грозен. Однако не страшен. Тем более таким бойцам, как у Скудры* (НС, № 8, 28.02—06.03.2018; Скудра — главный тренер команды «Торпедо»); *С приходом тепла и удлинением светового дня изменения происходят в организме каждого из нас. Иногда совсем не очевидным образом. Вот, например, самые яркие весенние трансформации человека.* (КП, № 18, 02—08.05.2019).

5. Неагентивность как активный инновационный процесс в современной речи. Это процесс, проявляющийся в значительном расширении сферы применения — вместо *личных* конструкций — *неагентивных*: безличных и пассивно-возвратных. Осо-

бенно примечательно то, что в тех ситуациях, когда по логике необходимо «присутствие» агенса, в речи возникают безличные или пассивно-возвратные структуры, выражающие бессубъектность или же представляющие действие (состояние) как происходящее помимо воли самого субъекта. Речь идет о различных способах такой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного предложения типа *Мне хочется* — активному *Я хочу*, *Мне не верится* — личному *Я не верю*. Это выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной. Неагентивные конструкции широко представлены в современной медиаречи, ср.: *Хочется верить, что строительство сухогрузов подобного типа будет продолжено* (ТВ, Россия-1, «Вести Приволжье», 20.04.2018); *Снето действительно на высоком уровне* (ТВ, 1-й канал, «Один в один», 09.03.2019); *Девушка выросла, вот только ее внутренний мир оставался на уровне залюбленной мамой маленькой девочки. Ожидаемо, что с годами красивая девушка стала пользоваться большим успехом у мужчин* (АиФ, № 16, 18—24.04.2018); *...получается компактный, понятный спектакль, который смотрится очень хорошо* (НП, 21.02.2018).

Итак, можно видеть, насколько многообразны, сложны, разнонаправленны инновационные изменения, происходящие в структуре и функционировании словосочетания и простого предложения в русской медиаречи за последнее десятилетие.

Проведённый анализ позволяет выделить важнейшие *общие тенденции* изменений в русском синтаксисе.

1. **Тенденция демократизации современного русского синтаксиса.** Такие процессы, как экспансия предложных структур, сегментация, актуализация структуры ПП, компрессия, парцелляция, предпочтение в речи коротких неразвернутых ПП — всё это как результирующая и приводит к «синтаксической свободе», непринужденности русского синтаксиса.

2. В современной медиаречи наблюдается **тенденция к развитию синтаксического синкретизма**, но, в отличие от древ-

него синкретизма, на новом уровне — ментальном. Многие рассмотренные изменения свидетельствуют о недифференцированности имплицитных смысловых отношений, о неотчетливости или необязательности форм выражения семантических отношений. Так общим принципом организации синтаксических структур оказывается превалирование *семантического* плана высказывания над его формальным планом.

3. В русском синтаксисе заметна **тенденция развития от синтетизма к аналитизму**, которую представляют такие синтаксические изменения, как транспозиция, экспансия предложных структур в беспредложных словосочетаниях, ослабление падежных функций, усиление предложно-падежного управления в подчинительных словосочетаниях.

Полученные в работе результаты, несомненно, должны найти практическое применение в лингводидактике, в том числе в преподавании в чешской среде русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Москва: Языки славянских культур, 2008. С. 187—267.
2. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237—304.
3. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 172 с.
4. Крысин Л.П. Активные процессы в русском языке конца XX — начала XXI века // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 13—29.
5. Крысин Л.П. Об одном типе нарушений синтаксической нормы // Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 200—204.

6. Vysloužilová E. Aktivní procesy v morfologickém systému ruštiny (lingvodidaktický přístup) // *Rossica Olomoucensia* XLIII (za rok 2004). Ročenka katedry slavistiky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého. Olomouc, 2005. S. 125—130.

© *S.A. Rylov*

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SYNTAX (on the material of mediatexts)

Although syntax is highly resistant to extralinguistic factors, it is greatly responsive to them. The consequence of this is a mass entry into the literary and speech usage of innovations that require analysis and evaluation. The aim of the paper is to identify the most active innovative changes in modern Russian media speech, to define their nature, to discover the manifestation of the main trends of development. The subject of the research is new syntactic phenomena in the structure of word combinations and simple sentences, which are often revealed in Russian media speech in the first decades of the XXI century. The main material was collected by the author himself and was extracted from newspaper texts of modern Russian periodicals, from radio and television. The most active changes are analyzed: transposition, expansion of prepositions in subordinate phrases, segmentation, compression, actualization of the necessary part of the statement, parcelling, innovative changes in the functioning of nonagentive constructions. The revealed changes testify to the manifestation of the main tendencies: “democratization” of the Russian syntax, the tendency to the development of a new syncretism, the tendency to strengthen analytism.

Keywords: modern Russian language, media speech, syntax, innovations, word combination, simple sentence, the tendencies of development of the Russian syntax.

© **Самыличева Надежда Александровна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

© **Бинштейн Маргарита Михайловна**
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТОК-ШОУ¹

Данная статья посвящена описанию воздействия на адресата в современной медийной речи политической направленности (на материале политического ток-шоу «60 минут»), которое преимущественно реализуется за счет использования стратегии дискредитации. Как основные речевые тактики рассматриваются тактики оскорбления и издёвки. В процессе работы используются такие методы исследования, как дискурсивный анализ, приемы интерпретации и контекстуального анализа, применялся коммуникативно-прагматический подход. Как показывает анализ материала, самыми частотными оказываются лексические средства реализации стратегии дискредитации, а также средства изменения сигнификативного лексического значения, сочетание которых позволяет адресанту выражать, часто неявно, свое негативное мнение и создавать отрицательный фон для восприятия информации адресатом.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, речевые тактики, стратегия дискредитации, политический дискурс, политическое ток-шоу.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Современный политический дискурс характеризуется преимущественно воздействующим характером, его отличительной чертой является столкновение полярных интересов, поэтому не вызывает сомнений, что одной из главных проблем лингвистического исследования политической коммуникации становится изучение речевых приёмов, тактик и стратегий, позволяющих эффективно воздействовать на адресата, его модель мира и систему ценностей. Стоит отметить, что эффективность работы воздействующих механизмов связана с реализацией выбранной стратегии.

Под коммуникативной стратегией следует понимать совокупность мер по реализации речевых намерений говорящего; «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Чернявская 2012: 44]; «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера» [Иссерс 2008: 103]. Стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. «Коммуникативная тактика» в таком случае понимается как определенный набор приемов использования тех или иных языковых средств.

В политическом дискурсе в условиях столкновения полярных мнений самой сильной конфликтной стратегией является стратегия дискредитации, реализующаяся в тактиках обвинения, оскорбления (непрямого оскорбления, «навешивания ярлыков»), угрозы, умаляющего сравнения, иллюстрирования отрицательного, иронии (сарказма) и т.д. В такой направленности действий наиболее ярко проявляется «агональная функция» (функция борьбы) политического дискурса, которая связана со стратегией агрессии, создания конфликта. При этом, как отмечает Д.Б. Гудков, «в основе коммуникативных актов политического дискурса — стремление воздействовать на собеседника, этим определяется их эксплицированная или имплицитная суггестивность, явно доминирующая над оценочностью» [Гудков 2003: 141].

Рассмотрим примеры реализации стратегии дискредитации на материале политического ток-шоу «60 минут». Востребованность исследования обусловлена популярностью жанра ток-шоу на российском телевидении, стремительным увеличением числа передач этого жанра, которые еще не были подвергнуты подробному теоретическому и практическому анализу.

Тактика оскорбления и издёвки в стратегии дискредитации осуществляется через негативную характеристику личности или скрытую отрицательную оценку, проявляющуюся в намёках. В оскорбительных высказываниях оппоненты умаляют достоинства друг друга, говорят о некомпетентности в профессиональной сфере, о интеллектуальных и нравственных несовершенствах и о физических недостатках. Наиболее успешным средством, применяемым в данном коммуникативном ходе, является экспрессивная и оценочная лексика с отрицательным коннотативным компонентом. Тактика оскорбления обычно применяется вместе с тактикой обвинения.

Ярким примером использования тактики издёвки является высказывание украинской журналистки Янины Соколовской: ***Несите в студию носовые платки, будем сейчас рыдать над святой Европой, которая сейчас поймет вот это истинное лицо России*** («60 минут», 19.09.2019). В словах эксперта заключена язвительная насмешка над положением Российской Федерации, находящейся в конфликте с Европой — ***«несите в студию носовые платки»***.

Наглядным примером использования оценочной лексики оказывается речь музыкального продюсера Иосифа Пригожина: ***Ваш Порошенко — бандит, он преступник и должен сидеть в тюрьме, вроде всё. Он предал свой украинский народ и говорит, что он украинец — это абсолютно беспочвенно, он просто м***к.*** Говорящий применяет тактику обвинения и унижения противника, И. Пригожин обличает, приписывает вину, указывает на предательство, но не приводит аргументов. Однако его речь достигает главной цели — привлечение внимания аудитории. Эмоциональность и

кажущаяся убедительность высказываний формируется за счёт использования слов с денотатом, который вызывает у говорящих негативные ассоциации (*бандит, преступник*), а также бранной лексики.

Ещё одним примером реализации тактик оскорбления и обвинения становится выступление российского политика Алексея Журавлёва: *Если хочет быть все-таки артистом, которого хоть как-то уважают до сих пор, он должен признать свою вину. И за это его будут любить, за то, что несмотря на даже страшное преступление... А если он будет в себя вести вот так — как подонок: «я не понимаю, не знаю, пускай адвокат говорит» — это вообще не человек, позиция не человека. Понимаете?* (29.07.2020). Эксперт обвиняет актёра М.О. Ефремова в нежелании «признать свою вину», тактика оскорбления реализуется через бранную лексику (*подонок*) и через отрицание у объекта обвинения любых человеческих качеств («*вообще не человек, позиция не человека*»).

Следует отметить эффективность ещё одного речевого приёма — повтора. Например, в выступлении Ольги Скабеевой повторяющийся элемент выполняет функцию убеждающего воздействия: *Неправильно сказали. Это не только деградация американских спецслужб, но и деградация американской журналистики и деградация США в целом, если они все это прочли, а там еще и написано, что оно не зашло (разг.) в социальных сетях. Все равно поверили, все равно расстроились* (29.07.2020). Ведущая категорична в своих высказываниях, утверждения американских СМИ, по её мнению, свидетельствуют о деградации «США в целом». Повтор и градация (*деградация американских спецслужб — деградация американской журналистики — деградация США в целом*) усиливают неприятие позиции оппонентов, позволяют перенести отрицательную эмоцию на весь образ США. О регрессивном состоянии оппозиции имплицитно намекает высказывание: *все равно поверили, все равно расстроились* — указание на инфантильность, эмоциональную незрелость.

Следующая тактика — тактика оскорбления — реализуется через установление причинно-следственных связей, навязывание скрытого вывода. Эта же цель достигается и средствами лексического уровня языка: употреблением в одном контексте стилистически неоднородных единиц, изменением сигнификативного лексического значения (подмена понятий).

Примером использования стилистической неоднородности в тактике оскорбления может послужить высказывание ведущего Евгения Попова, направленное в адрес украинского эксперта Гордея Белова: *Вы напоминаете, сейчас, простите, но говорите, как гопник в подворотне* (умалюющее сравнение, жарг. *Гопник*. — Авт.). *А ответьте-ка за шмон* (жарг., арг.). Приём стилистического несоответствия участвует в реализации стратегии дискредитации, поскольку речь ведущего направлена на понижение оценки интеллектуальных и профессиональных качеств оппонента через создание нежелательных для оппонента ассоциаций. Е. Попов сравнивает Гордея Белова с *гопником в подворотне*, продолжая эту параллель, требует *ответить за шмон*, тем самым российский журналист словно обращается к коммуникативному противнику *на понятном для него языке*.

Манипулятивный приём (подмена понятий) находим в речи ведущей ток-шоу Ольги Скабеевой: *Большинство, мы прекрасно понимаем, за Лукашенко, а также после того, как один из доверенных ее лиц, той самой Тихановской, позволил себе высказывание насчет Гитлера. Кто спасет Белоруссию — только Гитлер. Она отреклась, но не сразу, и помните, как она отреклась? Она сказала, что он устал, давайте, посмотрим на этого человека: он уставшим не выглядят и в рамках усталости такие принципиальные вещи не заявляют* (03.08.20). Подобные речевые акты можно характеризовать как введение в отрицательно оцениваемый контекст — в этом случае объект упоминается в контексте события, которое оценивается отрицательно, поэтому вина одного из «доверенных» С. Тихановской приписывается и ей самой (манипуляция).

Обращает на себя внимание тот факт, что «средством морального уничтожения политического оппонента являются не столько брань и прямая негативная оценка, сколько приемы когнитивного и семантического плана, способствующие желательному восприятию политических фактов и фигур» (Паршина 2007: 176).

Ещё один коммуникативный ход в рамках стратегии дискредитации направлен на создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Часто этот прием используется, когда необходимо перенести негативную оценку в другую когнитивную сферу. Развернутые метафорические образы, литературные и исторические аллюзии, создающие основу для возникновения ассоциаций, оказываются чрезвычайно эффективны в политическом дискурсе и служат средством выражения оценки и создания комического эффекта.

Использование ассоциаций и возможностей лексического уровня языка характерно для выступлений Алексея Журавлёва: *А то, что касается, конечно, ... нашим братьям с Украиной — им счастливо, они довольны и счастливы. Их приглашают в этот треугольник, в котором пропадают не только люди и самолеты, но и целые страны исчезают* (развёрнутая метафора) — *вот в этом треугольнике, в который они приглашают четвертой стороной. Конечно, для них это клуб русофобов*. С помощью развёрнутой метафоры эксперт проводит аналогию между Люблинским и Бермудским треугольником (подмена понятий). Отрицательные эмоции, связанные с традиционными представлениями о Бермудском треугольнике, переносятся и на Люблинский союз. «Четвертая сторона» — намек на то, что для Люблинского треугольника Белоруссия будет лишней.

За счет внушения с элементами комического и иронического реализуется стратегия дискредитации. Этот приём свойственен речевому поведению Ольги Скабеевой: *Вот этот председатель следственного комитета, он взял бы вот эти контрацептивы и показал бы журналистам Белоруссии — «Вот нашли улики!»* — *но это же полное фиаско, провал!* (03.08.20).

Оппозиция показана смешной и некомпетентной, их обвинения — абсурдными и бездоказательными, поскольку единственной уликой стали «контрацептивы». Коммуникативные оппоненты выставлены в невыгодном, комичном свете, их положение описывают слова с семантикой ‘неудачи’: *фиаско, провал*.

Метафора часто используется для формирования субъективной оценки предмета дискуссии. Так, российский эксперт Игорь Коротченко описывает ситуацию на Украине: *То, что мы сейчас видим, называется **показательная порка украинских спецслужб**, потому что, как говорится, квартиры, шифры, явки все они предъявлены, включая IP адреса (11.09.20)*. Умаляющая метафора оказывается действенным средством в реализации стратегии дискредитации, поскольку направлена на понижение авторитета оппозиции.

Таким образом, стратегия дискредитации определяет выбор говорящим семантических и стилистических средств выражения, а также контролирует его прагматические установки. Использование конкретных языковых единиц в речи политического дискурса обусловлено их направленностью на достижение целей оскорбления и обвинения, стремлением ослабить позиции политического противника или выразить негативное отношение к предмету дискуссии.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 141—159.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 284 с.
3. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
4. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 128 с.

Источники

1. Выпуск передачи «60 минут» (дневной эфир от 01.02.2019) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nUzrIg9nBS4>
2. Выпуск передачи «60 минут» (вечерний эфир от 25.02.19) URL: https://www.youtube.com/watch?v=_zddjtmztvY
3. Выпуск передачи «60 минут» (вечерний эфир от 19.09.2019) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M2e5Lh6mESk>
4. Выпуск передачи «60 минут» (вечерний эфир от 29.07.2020) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-9PQ6vfQE0w>
5. Выпуск передачи «60 минут» (вечерний эфир от 03.08.20) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ILRQXIJNMC4>

© N.A. Samylicheva, M.M. Binshtein

SPEECH MEANS OF IMPLEMENTING A DISCREDITING STRATEGY IN A MODERN POLITICAL TALK SHOW

This article is devoted to the description of the impact on the addressee in the modern media speech of a political orientation (based on the material of the political talk show “60 minutes”), which is mainly realized through the use of a discrediting strategy. The tactics of insult and mockery are considered as the main speech tactics.

In the process of work, research methods such as discourse analysis, methods of interpretation and contextual analysis are used, a communicative-pragmatic approach was used.

As the analysis of the material shows, the most frequent are lexical means of implementing the discrediting strategy, as well as means of changing the significant lexical meaning, the combination of which allows the addressee to express, often implicitly, his negative opinion and create a negative background for the addressee's perception of information.

Keywords: communication strategies, speech tactics, discrediting strategy, political discourse, political talk show.

ДЕШЁВЫЙ ДО БЕЗОБРАЗИЯ (о развитии одной группы интенсификаторов в русском языке XXI века)

Цель этой статьи — описание группы лексических интенсификаторов, образующихся по модели «предлог *до* + существительное (субстантиват) в форме родительного падежа». Используется метод семантического анализа, привлекаются данные Национального корпуса русского языка, материалы СМН. В XXI веке аналитические интенсификаторы с предлогом *до* активно развиваются. Рост их употребительности можно считать одним из проявлений тенденции к аналитизму. В результате пополнения новыми единицами в русском языке образуются ряды однокоренных интенсификаторов: прилагательное — наречие — аналитический интенсификатор с предлогом *до* (*невероятный героизм — невероятно эффектно — до невероятности измениться — до невероятного успешный*). В современных текстах встречаются сочетания отрицательно-оценочного интенсификатора с компонентом, выражающим нейтральную или положительную оценку: *до жути интересно, до неприличия яркий, до ужаса хорош*.

Ключевые слова: семантика, интенсификатор, имя прилагательное, наречие, предложно-падежная форма, субстантиват, фразеологизм, положительная и отрицательная оценка, сочетаемость, синонимия.

Под лексическими интенсификаторами в лингвистике обычно понимают слова или сочетания слов, которые служат для выражения степени и сочетаются с наименованиями градуируемых свойств и явлений.

В зависимости от обозначаемой степени, можно различать типы интенсификаторов: 1) со значением высшей (абсо-

лютной) степени: *абсолютная чистота, совсем пустой*; 2) со значением высокой степени: *неимоверная жара, очень стараться*; 3) средней степени: *довольно сложный, относительно свободный*; 4) низкой степени: *едва заметный, немного опоздать*.

Основными средствами выражения интенсивности являются прилагательные и наречия. Кроме того, интенсификационная семантика закреплена за некоторыми предложно-падежными формами и устойчивыми словосочетаниями: *в значительной мере, в совершенстве, изо всех сил, от всего сердца, по уши*. Разнообразные способы выражения семантики интенсивности, включая синтаксические конструкции, рассматриваются в работе О.П. Ермаковой [Ермакова 2020: 20—27].

В зависимости от семантико-сочетаемых свойств, среди интенсификаторов можно различать общие и частные.

Общие интенсификаторы выражают исключительно идею интенсивности, не осложнённую никакими другими семантическими компонентами. Основную их часть составляют наречия, например, *очень, совершенно, весьма, полностью, слишком* и др. Идею чистой интенсивности выражают, кроме того, некоторые прилагательные (*абсолютный*), а также устойчивые словосочетания (*в высшей степени*).

Таких единиц в языке немного. У них наиболее широкая сочетаемость, имеющая лишь семантические ограничения. Например, есть ограничения, обусловленные предельностью или не-предельностью интенсифицируемого явления (свойства): *совсем низкий*, но не **совсем высокий* [Апресян 1995: 44]. Действуют также ограничения, задаваемые степенью самого интенсифицируемого явления: возможно *очень хороший*, но не **очень прекрасный*.

В лингвистических работах они получили разные терминологические обозначения: *универсальные интенсификаторы* [Родионова 2005], *общие интенсификаторы* [Ермакова 2005; Шарапова 2018]. Общие интенсификаторы универсальны как в семантическом, так и в оценочном плане, поскольку не несут

никакой оценки и способны сочетаться с любым определяемым: *весьма красив — весьма уродлив; абсолютный успех — абсолютный провал.*

В значении частных интенсификаторов градационный признак сочетается с другими семантическими компонентами, которые могут создавать оценочность интенсификатора и предопределять его сочетаемостный круг. Например, *невыносимый* выражает значение ‘превышающий терпение, с трудом переносимый’ [СШ: 505], несущее отрицательную оценку. Ср. сочетаемость: *невыносимая скука, хамство, бедность, страдания.* Прилагательное *ангельский* имеет вторичное значение: «2. Такой, как у ангела; чрезвычайно добрый, кроткий, нежный» [БТС: 39], имеющее положительную оценку: *ангельское терпение, кротость, доброта, чистота.*

Обычно интенсификация того или иного явления имеет установку на определённый прагматический эффект. Как подчёркивает С.Е. Родионова, категория интенсивности производна «от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность (релевантность)» и «выдвижение» [Родионова 2005: 156]. Употребление интенсификатора связано не только с объективной констатацией уровня градации какого-либо явления, но с выражением субъективного и эмоционального отношения к нему, ср.: *очень, необыкновенно, страшно, ужасно, потрясающе интересный фильм.* Неслучайно среди интенсификаторов единицы эмоционально-экспрессивные и оценочные значительно преобладают над нейтральными. Употребительность интенсификаторов свидетельствует об эмоциональности русской речи как её глубинном свойстве, которое отражает черты национального менталитета и русской языковой картины мира. По замечанию А. Вежбицкой, русский язык — это «язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [Вежбицкая 1997: 44].

Интенсификаторы — динамичный и активно развивающийся класс слов. Среди направлений развития данного класса в конце XX века и в XXI веке назовём следующие: 1. Синтагматическое расширение, приводящее к снятию прежних сочетаемостных запретов, в том числе оценочного характера (*крайне позитивное влияние*). 2. Пополнение новыми единицами, возникающими в результате процессов сематической деривации (*ажитоажно популярен, клиническая тупость, нереально вкусное мороженое*) и внутреннего заимствования (*нехилые деньги, офигительно красиво*), о чём подробнее в [Сандакова 2020а; Сандакова 2020б].

Одна из активно пополняемых групп интенсификаторов — устойчивые сочетания, образуемые по модели «предлог *до* + форма Р.п.». Рост их употребительности, очевидно, можно считать одним из проявлений тенденции к аналитизму в языке новейшего периода.

В интернет-словаре «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г.И. Кустовой зафиксировано около 50 интенсификаторов такого типа [СРИ], в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В.В. Бурцевой — около 70 [СНСС]. Оба словаря не исчерпывают реального, гораздо большего, количества употребляемых сегодня единиц. Например, в том и другом источнике отсутствуют: *до абсурда, до абсурдности, до безобразия, до бесстыдства, до жалости, до крайней степени, до неправдоподобия, до непристойности, до омерзения, до остервенения, до осатанения, до помешательства, до помрачения, до прискорбия, до удивительного, до умопомешательства, до элементарности* и др.

Приведём примеры употреблений некоторых из этих интенсификаторов: *Получилась история, спрямлённая до безобразия, сентиментальная до неприличия...* (Лит. газ., 02.09.2020); *Франтоватый господин с бессмысленно-холодной мной, добившийся победы с помощью кошелька, — вот кто художнику противен до омерзения...* (Лит. газ., 02.04.2008); *Каково же было моё изумление, когда я не увидел на флажке ничего. Он был гол до непристойности!* (В.Я. Тучков, Прибытие поезда. На-

думанное. «Волга». 2014) [НКРЯ]; *На экране — до помрачения светлая Россия будущего, в которой царит матриархат.* (Лит. газ., 04.03.2020); *В смысле реквизитов нынешняя инсталляция Чуйкова до элементарного проста: два монитора и две видеокамеры, расположенные друг к другу под прямым углом, плюс нарисованная углём та же аппаратура на стене галереи* (Коммерсантъ-Daily, 23.01.1996) [НКРЯ]; *Уловив все эти тенденции, он воспротивился им до крайней степени.* (Лит. газ., 12.07.2017).

По формальным признакам можно выделить три разновидности интенсификаторов данного типа.

1. Модель «предлог *до* + форма Р.п. имени существительного»: *до бесконечности, до крайности, до невозможности, до оскомины, до фанатизма.*

2. Модель «предлог *до* + форма Р.п. субстантивированного прилагательного»: *до абсурдного, до обидного, до оскорбительного, до смешного.*

3. Модель «предлог *до* + форма Р.п. с зависимыми словами». Такие сочетания относятся к фразеологизмам: *до глубины души, до мозга костей, до положения риз, до последнего вздоха, до последней капли крови, до потери сознания, до седьмого пота.*

Наиболее многочисленными и пополняемыми являются первая и вторая группы. В третью, самую небольшую по количеству единиц, группу входят фразеологизмы, которые, как правило, интенсифицируют ограниченный круг явлений и имеют узкую сочетаемость. Например: *до положения риз можно быть пьяным, напиться или напоить; до последней капли крови можно биться, бороться, драться, защищать(ся); до седьмого пота обычно работают, трудятся.* Эта группа также пополняется, ср.: *до потери пульса.*

По выражаемой оценке интенсификаторы с предлогом *до* различны. Среди них есть нейтрально- и положительно-оценочные: *до глубины души, до отказа, до самозабвения, до идеальности.*

Однако количественно явно преобладают сочетания, тяготеющие к интенсификации негативных явлений, в том числе те, которые семантически сами выражают отрицательную оценку. Ср.: *до бесчувствия — избить, напиться, пьяный; до крайности — ветреный, невежественный, надоест, опротиветь, разъярённый; до ужаса — испугаться, ревновать, тощий, трусливый, уродливый.*

Как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, отрицательно-оценочные интенсификаторы нередко сочетаются с наименованиями сущностей, оцениваемых нейтрально или положительно [Ермакова 2005: 277; Кустова 2005: 299]. Например, в разговорной речи встречаются: *дикий восторг; до смерти влюбиться; жутко талантливый; зверски хорош; страшно повезло; ужасно понравился* и др.

Известно и обратное явление: слова *хороший, хорошо* выступают как общие интенсификаторы и выражают лишь значение высокой степени, применяемое к самым разнообразным сущностям, в том числе оцениваемым отрицательно: *Он получил хорошую оплеуху. Хорошо же его жизнь потрепала! ...На лице его привычная деловая сухость боролась с благодушием человека, только что простившегося с роднёй и хорошо выпившего...* (А.П. Чехов, Степь).

В языке XXI века наблюдается явное расширение возможностей употребления интенсификаторов в оценочно чуждом контексте. Сегодня нередки примеры словосочетаний, которые можно определить как интенсификационно-оценочный оксюморон. Например, встречаются употребления отрицательно-оценочных интенсификаторов в контекстах типа *неприлично красивая девушка, непристойно богат, бессовестно счастливый*, и наоборот, положительно-оценочных — в контекстах *восхитительное хамство, ослепительная пошлость, изумительно унылый* и под. Группа интенсификаторов с предлогом *до* в этом плане весьма показательна. Многие формы, исходно выражающие высокую степень негативных явлений, приобрели употребительность в контекстах с нейтральной и положительной оценкой. Ср.: *до по-*

тери сознания испугать — влюбиться; до умопомрачения ревнивый — увлекательный; до смерти надоест — любить.

Интенсификатор **до неприличия** употребляется не только в словосочетаниях типа *до неприличия легкомысленный, надоедливый, напиться*, но и в словосочетаниях *до неприличия красивый, модный, хорош* и под. Ср.: *Зато авиабилеты подешевели, порой до неприличия*. (Труд, 09.11.2018).

Аналогично ведёт себя интенсификатор **до ужаса**, например: *до ужаса ревновать, тоскливо, тощий — до ужаса похожи, доволен, восторгаться*. Ср.: *Зато им очень хотелось быть до ужаса хорошими в глазах других, они жаждали понимания и признания заслуг* (Лит. газ., 01.07.2020).

Сочетание **до безобразия** также употребляется не только в отрицательно-оценочных, но и в положительно оценочных контекстах: *до безобразия грязный, напиться — до безобразия аккуратный, правильный, пунктуально*. Ср. также: *Простая методика, как не заразиться в общественных местах... <...> ... Никакого особого секрета тут нет. Методика известна давно и до безобразия проста, её описание умещается всего в три слова: раздельное использование рук*. (Lenta.ru, 03.04.2020).

Интенсификатор **до жути** выступает в контекстах, выражающих ту и другую оценку: *до жути бояться, безобразный, шокирующий — до жути знакомый, много, увлечься*. Ср. также позитивно-оценочное употребление: *Ты поймёшь что-то до жути важное. Столь важное, что, схватив ручку, начнёшь решительно и быстро писать. На бумагу хлынет пламенный текст*. (В. Рокотов, Плесень).

Таким образом, подобно другим интенсификаторам, сочетания с предлогом *до* также обнаруживают тяготение к снятию сочетаемостных ограничений, связанных с оценкой, что можно рассматривать как тенденцию к оценочной универсализации.

В своём большинстве аналитические интенсификаторы имеют соответствия среди однокоренных прилагательных и наречий. Это не затрагивает только фразеологизмы третьей группы (*до глубины души*), а также некоторые предложно-падежные

формы из первой группы (до боли, до небес, до нитки, до оскомина, до хрипоты и др.).

Все другие аналитические интенсификаторы образуют соотносительные ряды, включающие до четырёх единиц, например: *крайний (цинизм) — крайне (важно) — до крайности (надо-есть), до крайней степени (неудачный); невероятный (подхалим), невероятно (много), до невероятности (чистый), до невероятного (высокие результаты).*

Приведём примеры рядов интенсификаторов в контекстах. *Абсурдный, абсурдно, до абсурда, до абсурдности, до абсурдного: Трудно оторваться от этого абсурдного изобилия, от этой наваливающейся картины: ворох сверхчувственных материй на столе парторга, под красным знаменем.* (К. Букша, Завод «Свобода». 2013) [НКРЯ]; *...При некотором постсоветском буме научно подготовленных изданий произведений классиков всё же много начатых проектов не реализовано, а некоторые появившиеся собрания сочинений недостижимы из-за абсурдно маленьких тиражей.* (Лит. газ., 15.07.2015); *Под странной аббревиатурой АНА, без гимна, без флага, с жёсткими до абсурда требованиями: одежду трёхцветной расцветки не надевать, как огня остерегаться слова «Россия» на русском либо английском языке на рюкзаках, куртках, пакетах даже за пределами стадиона.* (Труд, 31.01.2019); *Неожиданно Савелию пришла в голову мысль, нелепая до абсурдности.* (В. Доценко, Срок для Бешеного. 1993) [НКРЯ]; *В день своего рождения Три (Джессика Рот), нормальная, а значит, до абсурдного зацикленная на себе студентка колледжа, просыпается в комнате незнакомого пацана...* (Lenta.ru, 08.12.2017) [НКРЯ].

Неправдоподобный, неправдоподобно, до неправдоподобности, до неправдоподобия: Можно много говорить об уникальных особенностях его [Н. С. Голованова] динамических контрастов, ...неправдоподобных по силе и мощи fortissimo, удивительной, почти бесконечной, шкале его crescendo и diminuendo. (Лит. газ., 14.06.2017); *Он смотрел, как неправдоподобно медленно колонна курсантов двигалась к арке его дома.* (Е. Во-

долазкин, Соловьёв и Ларионов); ... *Расширенные глаза дико воззрились перёд, худ смертельно. Черты лица до неправдоподобности тонки, остры, за плечами треплются концы красного башлыка...* (И. А. Бунин. Окаянные дни. 1925) [НКРЯ]; *Одним та эпоха покажется не такой уж и далёкой. Для кого-то она — неведомый мир, странный, а часто до неправдоподобия абсурдный.* (Лит. газ. 04. 09. 2013).

Данные примеры иллюстрируют богатство (до избыточности), синонимических ресурсов в сфере лексических интенсификаторов.

Возможности выбора одного из синонимов зависят от определённых условий. Так, выбор между адъективными и адвербиальными интенсификаторами, к которым примыкают сочетания с предлогом *до*, в целом обусловлен грамматически. Выбор между наречием и одним из аналитических интенсификаторов может определяться разнообразными семантическими и коммуникативно-прагматическими факторами, выявление которых требует специального исследования.

В рамках данной небольшой статьи отметим следующие особенности аналитических интенсификаторов. Семантическая специфичность аналитических единиц состоит в том, что у них значение интенсивности дополняется и подчёркивается семантикой предлога *до*, поскольку он 'указывает на высшую (предельную) степень, которой достигает действие, состояние и т.п.' [БТС: 263]. Таким образом, предлог добавочно сообщает значение достижения определённого уровня, преодоления высокой градационной планки.

В предложении аналитический интенсификатор способен более свободно, по сравнению с однословным, перемещаться в постпозицию по отношению к определяемому слову, ср.: *чрезвычайно редко* и *редко до чрезвычайности*. Он также более свободно употребляется в позиции ремы. Всё это акцентирует идею интенсивности в высказывании, делает её коммуникативным центром и усиливает экспрессивность. Приведём несколько примеров в более широких контекстах: *За окном шумели деревья, по*

стенам метались причудливые тени, всё как положено — обстановка была немного таинственная и **интимная до чрезвычайности**. (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000) [НКРЯ]; *А им хоть бы хны — наш человек крепко до чрезвычайности, даже в безумии его ничем не смутишь, не своротишь, галлюцинацию хрясть о коленку — и готово...* (В. Володин. Повесть временных лет. «Волга». 2011) [НКРЯ]; *Спасать книгу я отказался, и она так и не вышла, — выйдет позже, в Москве, — но именно кулиевское неумение защитить её... **тронulo меня до чрезвычайности***. (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них. 2004—2008) [НКРЯ].

В целом, интенсификаторы с предлогом *до* менее употребительны, чем их однословные эквиваленты. Об этом свидетельствуют и данные словарей, не всегда фиксирующих аналитические интенсификаторы, и статистика употреблений в текстах Национального корпуса. В ряде случаев аналитические интенсификаторы возможны как потенциальные единицы, которые могут быть реализованы в речи при необходимости, и частотность таких реализаций в языке новейшего периода всё возрастает.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
4. Ермакова О.П. Гипербола и смежные с ней явления. М.: ФЛИНТА, 2020. 72 с.
5. Ермакова О.П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. 672 с. С. 272—279.
6. Кустова Г.И. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 295—305.

7. СРИ — Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени». URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
8. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150—168.
9. Сандакова М.В. Интенсификаторы в русском языке XXI века: расширение границ // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сб. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020а. С. 140—147.
10. Сандакова М.В. *Нереально красиво*: интенсификаторы как объект лексикографирования // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелёвские чтения): тез. докл. Междунар. конф. (23—25 февраля 2020 г.) / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2020б. С. 64—66.
11. СНСС — Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Русский язык-Медиа, 2005. Т. VIII. 750 с.
12. СШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1165 с.
13. Шарапова Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 229 с.

© *M.V. Sandakova*

AS CHEAP AS IT CAN BE
(on the development of one of the intensifiers' group
in the Russian language of the XXst century)

The purpose of the article is to describe the group of lexical intensifiers which are formed according to the model “preposition *до* + noun (a substantivized adjective or verb) in the genitive case”. The method of semantic analysis is used, the data from the Russian National Corpus are employed.

The analytical intensifiers with the preposition *до* are actively developing in the XXst century. The growth of their wide usage may be considered

as the manifestation of the tendency to develop analytical form in the language. As the result of updating the language stock with new units some intensifiers which contain the same root are formed: adjective + adverb + analytical intensifier with the preposition *до* (*невероятный героизм — невероятно эффективно — до невероятности измениться — до невероятного успешный*). In modern texts there are instances of the combination of the intensifier which has the negative evaluation and the component which expresses neutral and even positive evaluation: *до жути интересно, до неприличия яркий, до ужаса хорош*.

Keywords: semantics, intensifier, adjective, adverb, prepositional-nominal form, substantivized adjective or verb, phraseological unit, positive and negative evaluation, collocation, synonymy.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТИЗМОВ

Цель данной статьи — проанализировать стилистические функции советизмов в современных печатных СМИ. Данная цель достигается методами лингво-стилистического анализа текста и лексико-семантического анализа языковых единиц. В результате исследования выявлено, что советизмы, используемые в газетной речи, представлены тремя группами: клишированные словосочетания, оценочные наименования лиц и актуальная лексика советского периода нейтрального характера. Единицы первой группы наследуют стертую образность советского времени и поэтому маловыразительны. Имена лиц более выразительны вследствие своей яркой оценочности. Нейтральные советизмы служат основой для различных семантических трансформаций. В целом все советизмы выполняют функцию иронического оценивания современной российской действительности, и в этом заключается причина их востребованности и актуальности.

Ключевые слова: советизмы, рефлексия, стилистическая функция, выразительность, оценка, ирония, клишированные словосочетания, семантическая трансформация.

Рефлексия над советским (культурой и языком), взрыв которой пришелся на перестроечные годы, продолжилась в начале 2000-х и на данный момент еще не прекратилась. Причины использования советизмов в разных сферах современной речи заключаются в культурной и языковой преемственности, поддерживаемой в частности ностальгическими настроениями носителей языка и в сохранении и/или возврате некоторых явлений, появлении их аналогий, идеологические и политические смыслы которых близки к советским [Купина 2009; Санджи-Гаряева 2009]. Лингвистов

и — шире — филологов не перестает интересоваться феномен «языка распавшейся цивилизации». Об этом свидетельствуют не только научные публикации, но и словари, справочники, книги, содержащие сведения о разных сторонах жизни советских людей [Черняк 2012]. Актуальной проблемой лингвистики является анализ современного состояния лексики советского периода, ее лексикографическое положение. Особый интерес представляет функционирование советизмов в качестве стилистических средств в различных сферах современной речи: в печатных СМИ, в рекламе и в художественной речи.

Главная сфера употребления советизмов в качестве стилистических средств — печатные СМИ. Советизмы, используемые в современной прессе в стилистической функции, многочисленны и лингвистически разнообразны; в отличие от нейтральных номинативных единиц, стилистический «арсенал» советского периода устаревает гораздо медленнее, более того, он до сих пор широко востребован современными журналистами. Из всего разнообразия мы остановимся на трех группах советизмов, пополняющих стилистические ресурсы современных печатных СМИ: 1) клишированные выразительные средства советского времени (словосочетания, лозунги и цитаты); 2) слова-оценки (*враг народа, приспособленец, стахановец, ударник, передовик, разложенец, перегибщик, отщепенец, недобитки, подкулачник* и др.). 3) нейтральные слова и словосочетания, трансформирующиеся в экспрессивно-оценочные (иронически окрашенные, комические, игровые).

В текстах современных печатных СМИ продолжают употребляться в качестве выразительных средств такие образные штампы советской газетной речи, как: *железный занавес, холодная война, закручивание гаек, кровавый режим, загнивающий запад, акула(ы) капитализма, оскал капитализма, тлетворное влияние запада* и др. Потребность в них можно объяснить сходством элементов современной действительности с советской, возвращением некоторых идеологических ситуаций и явлений, характерных для советского времени и критическим

отношением к ним, например: *Тут не поможет «железный занавес», если только не идти по северокорейскому пути...* (РИА новости, 10.06.2014); *Владимир Соловьев о новых санкциях против России: «Это возрождение холодной войны. Можно точно сказать, что вчера была объявлена холодная война* (КП, 17.07.2014). Словосочетание *закручивание гаек* является метафорой усиления жестких мер власти по отношению к какой-либо части общества: *Это однозначно спровоцирует обострение, идет **закручивание гаек**, попытки подавить протестное движение* (РБК-Дейли, 14.12.2012).

Клишированные словосочетания подобного типа разоблачали в советской печати пороки капиталистического лагеря (*тлетворное влияние, загнивающий запад, акула капитализма, оскал капитализма, кровавый режим* и др.). Теперь они активно используются современными журналистами для иронической оценки российских реалий: *В общем, родственник попал под **тлетворное влияние** новых пирамидостроителей* (КП, 20.11.2012); *Абрамовича же **тлетворное влияние** русской советской культуры не тронуло* (КП, 29.10.2003); *Так кто же кого угнетает? **Акулы капитализма** или, может быть, государство?* (КП, 17.04.2012); *Не вернули деньги и грубили вдобавок. **Звериный оскал капитализма**, словом* (КП, 09.10.2003); *Многие из представителей этого класса видят главной причиной своих неудач «**кровавый режим**» и с тоской рассуждают, уехать им или остаться* (Изв., 17.09.2012).

Особую группу стилистических средств представляют оценочные советизмы со значением лица. В современной газетной речи преобладают отрицательные оценки типа *приспособленец, пособник, отщепенец, подкулачник, уклонист*, в значении которых либо утратился, либо ослаб идеологический компонент. Так, слово *пособник* соотносится уже не с врагом партии и страны, а с помощником бандитов, соучастником криминальных групп: ***Пособник** бандитов, Сергей Цеповяз, и вовсе был оштрафован на 150 тысяч рублей* (Изв., 23.07.2012); *Как следует из материалов дела, Ибрагим Аваков, **пособник***

бандгруппы и сторонник радикального ислама (КП. 07.03.2015). Словом *отщепенец* в современной газете может быть назван как предатель Родины, так и человек, отделившийся от компании. Например: *Олег Калугин отщепенец стопроцентный. Живет в штате Мэриленд, служит чужой разведке* (Труд-7, 28.03.2014); *Отношения должны быть дружескими, если ты свой, не отщепенец — духовный или политический* (КП, 27.02.2013). В слове *приспособленец* в современной речи политический смысл вытеснен социально-нравственным: *Муж — слабак и приспособленец* (Труд-7, 18.08.2013); *Рожденные в декабре довольно прямолинейные люди. Не приспособленец, никогда не «ляжет» под начальника* (Сов. спорт, 25.03.2014).

Материалом для стилистических средств могут служить нейтральные единицы советского лексикона, которые в речи современных журналистов подвергаются различным видам трансформации. Так, слово *многостаночник*, имевшее в советское время, по данным Словаря 1983 года [Словарь русского языка 1983], значение ‘рабочий, обслуживающий одновременно несколько станков’, российские журналисты используют в переносном метафорическом значении ‘человек, выполняющий одновременно несколько функций, видов работ’: *Многостаночник, который и в политике рулит, и судей посылает, и штангу поднимает* (Сов. спорт, 18.03.2013); *Возможно, каждый в этой конторе — многостаночник, и это — вынужденная мера руководства, которому невыгодно брать лишних людей* (Труд-7, 05.03.2010); *Третьим человеком, приложившим руку к созданию композиций для Born Villian, является еще один выходец из NN: клавишник, ударник, программист, в общем, многостаночник Крис Вренна* (Изв., 24.05.2012). Подобное преобразование прямого значения в переносное и одновременно оценочное происходит со словом *стахановец* (*стахановка*), которое в Словаре Ушакова [Толковый словарь 1996] толкуется как ‘работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наилучшей производительности труда, наилучшего использования техники

превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм': *При этом всегда шутил, что по сравнению с ним Обломов просто **стахановец*** (Изв., 03.08.2011); *Конечно, Виктор Служкин не **герой-стахановец** и не затычка в каждой бочке, и все-таки никак уж не пофигист* (КП., 12.11.2013). В слове *стахановский*, которое также любят современные журналисты, те же ирония и оценочность: *Американец выполняет **стахановский** план: нужно взять восемь золотых медалей в восьми финалах* (Сов. Спорт, 18.09.2009).

Интересный пример семантической и стилистической трансформации представляет советизм *ликбез*. Во-первых, слово сменило нейтральную окрашенность на разговорно-сниженную, во-вторых, оно приобрело расширенно метонимическое значение: вместо 'обучение неграмотного населения письму и чтению' стало 'обучение какому-нибудь делу, специальности на первом, элементарном уровне'. *Ликбез* может быть партийный, политический, юридический, экономический, финансовый, религиозный, торговый, чиновничий, коммунальный и т.д., например: *Такой процесс — юридический **ликбез** для всех, кто, как я, в этом нуждается* (Изв., 17.07.2013); *Теперь на их (школьников) нелегкую долю еще и финансовый **ликбез** выпал* (КП. 14.03.2013); *Устроили специальный чиновничий **ликбез** среди москвичей* (Изв., 24.08.2012); *Геннадий Рождественский продолжит **ликбез** в области современной английской музыки* (Изв., 15.03.2012); *Туроператоров заставили провести акулий **ликбез**, предупредить туристов, собирающихся в Египет, об опасности со стороны акул* (Изв., 09.12.2010).

Нередко в современных газетных текстах встречается игровая трансформация советизмов формульного или терминологического характера, например, *пережитки капитализма* превращаются в *пережитки социализма*: *Но преуспевали те, кто быстрее учился, изживая **пережитки социализма*** (Труд-7, 2014.08.28); *Похоже, в правительстве считают, что льготы гражданам — это «**пережитки***

социализма» (Труд-7, 06.05.2004). Формула советского времени *социализм с человеческим лицом* преобразуется в *капитализм с человеческим лицом*: *Разве бывают честные предприниматели и капитализм с человеческим лицом?* (КП, 04.10.2013). Вообще для газетных текстов характерна игра, построенная на замене слов в устойчивых выражениях, пришедших из советской стилистики, например: *социализм (капитализм) с нечеловеческим лицом, капиталистический реализм* (вм. *социалистический реализм*).

Таким образом, три группы советизмов, рассмотренные нами в стилистическом аспекте, различны по своему выразительному потенциалу. Первая группа, состоящая из словосочетаний типа *железный занавес* наименее выразительна, так как на них лежит печать штампов советской газеты. Выразительный потенциал оценочных имен (*отщепенец*) довольно высок, а нейтральные слова третьей группы советизмов дают возможность различных модификаций. В целом, наши наблюдения показывают, что стилистическую палитру современной газетной речи советизмы не слишком разнообразят из-за их стереотипности, однако тенденция к стандартности газетного языка побеждает. Рассмотренный нами материал позволяет утверждать, что советизмы выполняют функцию иронического остранения, являясь средством оценки современной российской действительности и в то же время показателем рефлексии над советской культурой.

Список литературы

1. Купина Н.А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 186—208.
2. Санджи-Гаряева З.С. Современное состояние советизмов: словарь, семантические и функционально-стилистические изменения // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т.2. С. 243—253.

3. Словарь русского языка: в 4 т. /АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. 2. К—О. 1983. 736 с.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 752 с.
5. Черняк В.Д. Интерпретация советского прошлого: на пересечении жанров // Коммуникация. Мышление. Личность: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов: Наука, 2012. С. 460—464.

© **Z.S. Sanji-Garyeva**

STYLISTIC ASPECT OF THE STUDY OF SOVIETISMS

The purpose of this article is to analyze the stylistic functions of sovietisms in modern print media. This goal is achieved by methods of linguistic and stylistic analysis of the text and lexical and semantic analysis of language units. Main results and conclusions: Sovietisms used in newspaper speech are represented by three main groups: cliched phrases, estimated names of persons, and relevant vocabulary of the Soviet period of a neutral character. Units of the first group inherit the blurred figurativeness of the Soviet period and therefore they are not expressive. Names of persons are more expressive due to their vivid evaluation. Neutral sovietisms serve as the basis for various semantic transformations. In general, the considered types of sovietisms serve as an ironic assessment of modern Russian reality, and this is the reason for their high demand and relevance.

Keywords: sovietisms, reflection, stylistic function, expressiveness, evaluation, irony, cliched phrases, semantic transformation.

© Сандлер Юлия Натиновна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛАКУНАРНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ: ГЛАГОЛЫ С РЕЗУЛЬТИРУЮЩИМ ПОДСОБЫТИЕМ В ИСПАНСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена анализу перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на испанский язык в целях выявления и описания межъязыковых лагун. Предметом исследования определены глаголы с результирующим подсобытием. Цель работы — доказать лагунарность в испанском языке ряда глаголов с результирующим подсобытием. Задачи исследования — репрезентация различий употребления в художественном тексте указанных лексем в русском языке на основе данных толковых словарей и анализа контекстов, взятых из Национального корпуса русского языка, доказательство отсутствия соответствующей дифференциации в испанском языке на основе перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и материалов Королевской Академии испанского языка. В работе были использованы контекстуальный, корпусный, и сопоставительный методы.

Ключевые слова: лагуна, перевод, различие в языках, Национальный корпус русского языка, Королевская Академия испанского языка, глаголы с результирующим подсобытием.

В рамках теории перевода и преподавания русского языка как иностранного одной из наиболее сложных тем является видовая структура глагола. Русский глагол, во-первых, может обозначать действие в его течении или в его длительности, во-вторых, в его повторности, в-третьих, как сосредоточенное в момент его возникновения (*войти, запеть*), в-четвертых, как сосредоточенное в момент завершения действия (*добежать, прой-*

ти), в-пятых, может передавать мгновенный характер протекания действия (*прыгнуть, нырнуть*), в-шестых — однократность действия (*покурить, посмотреть*). Иными словами, говоря о действии, можно подчеркнуть его длительность или повторяемость, можно указать на его начало, завершение, мгновенность или однократность его протекания. Первые два значения выражаются формой несовершенного вида, четыре последних — формой совершенного вида.

У некоторых глаголов совершенного и несовершенного вида, образованных приставочным или приставочно-суффиксальным способом, событийная структура включает результирующее подсобытие. С.Ш. Татевосов указывает, что «...операция, которая традиционно называется приставочной перфективацией, кроме прочего, представляет собой добавление результирующего подсобытия к событийной структуре» [Татевосов 2011: 9].

Е.В. Петрухина обращает внимание на имеющуюся в русском языке глагольную словообразовательную модель с приставкой *до-* и суффиксом *-ся*, которая позволяет комплексно выразить деятельность и ее последствия, оценку деятельности — как длительной или интенсивной, последствия — как нежелательных: *дошутиться* (до неприятностей), *досидеться* (до боли в спине): *Дошутился! Добегался! Доигрался!* Идиоматичность семантики таких синтетических языковых единиц затрудняет перевод на те языки, где соответствующих словообразовательных моделей и категории вида нет [Петрухина 2009].

С точки зрения перевода на испанский язык такие глаголы, в структуру которых включено результирующее подсобытие, представляют особый интерес. Анализ перевода на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» демонстрирует невозможность стандартизации перевода таких глаголов не только из-за отсутствия в испанском языке категории вида как таковой, но и из-за дополнительной семантической нагрузки, которую несет лексема.

Категория вида среди индоевропейских языков находит свое грамматическое выражение только в славянских языках, прежде

всего, в русском. В испанском языке репрезентация семантических признаков достижения действием предела (что в русском языке выражается глаголом совершенного вида) или отсутствием его (преимущественно выражается в русском языке глаголом несовершенного вида) перемещается с уровня грамматической категориальности на уровень лексико-семантических категорий. В рамках четырех наклонений — изъявительного (*indicativo*), сослагательного (*subjuntivo*), условного (*condicional*) и повелительного (*imperativo*) — существует система времен, образованных грамматическим или синтетическим способами. Значение ограниченности, неограниченности действия, последовательности и так далее выражается временными формами и глагольными перифразами [Алимова 2009].

Несмотря на отсутствие грамматически выраженной категории вида в испанском языке, большинство русских глаголов свободно могут быть переведены с использованием системы времен. Однако, когда речь заходит о глаголах, событийная структура которых включает результирующее подсобытие, традиционные механизмы перевода не срабатывают, так как для объяснения содержания лексемы необходимо предоставлять пояснения. Возникает пробел, брешь, которую канадские лингвисты Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне в конце 1950-х годов назвали «лакуной» [Vinay, Darbelnet 1995]. Лакунами, этими «белыми пятнами на семантической карте языка» [Степанов 1965: 120], впервые в отечественной лингвистике стал заниматься академик Ю.С. Степанов, с его именем связано начало использования термина «лакуна» в советской лингвистике.

Рассмотрим для сравнения способы передачи глаголов совершенного вида при переводе на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Способы перевода на испанский язык глаголов русского языка можно условно разделить на три группы: большинство глаголов прошедшего времени переводятся посредством системы прошедших времен изъявительного, сослагательного и условного наклонения — это первая группа, глаголы будущего времени — посредством си-

стемы будущих времен также изъявительного, сослагательного и условного наклонения — вторая группа и, кроме того, выделяется третья группа глаголов, которые в связи с наличием в событийной структуре результирующего подсобытия не могут быть переведены без дополнительного уточнения контекста, что ставит их в разряд межъязыковых лакун.

Первая группа:

Тут ворвался кот [Булгаков 1988: 530] — *Entró el gato* [Bulgákov 2017: 334] (*вошел кот*),

Все кончилось и все кончается... [Булгаков 1988: 668] — *Todo terminó como todo termina...* [14, 501] (*Все кончилось как все кончается*);

Все пожрала тьма [Булгаков 1988: 569] — *Todo se lo había tragado la oscuridad* [Bulgákov 2017: 381] (*все проглотила темнота*);

это тебе померещилось [Булгаков 1988: 668] — *lo has soñado*. [Bulgákov 2017: 501] (*тебе это приснилось*);

испустил победный вопль — [Булгаков 1988: 384] *lanzó un grito triunfal* [Bulgákov 2017: 159] (*выпустил победный крик*);

При слове «интурист» Ивану тотчас же вспомнился вчерашний консультант [Булгаков 1988: 352]. — *Esta palabra le hizo recordar al consejero que conociera el día anterior* [Bulgákov 2017: 116] (*Это слово заставило его вспомнить консультанта, с которым он познакомился накануне*).

Вторая группа:

а то вы разомлеете [Булгаков 1988: 522] — *si no se encontrará débil* [Bulgákov 2017: 378] (*а то вы почувствуете себя слабым*);

рухнет [Булгаков 1988: 290] — *iba a derrumbarse* [Bulgákov 2017: 37] (*разрушится*);

они укоренятся в мысли, что он буйный сумасшедший [Булгаков 1988: 353] — *que le tomaran por un loco agresivo* [Bulgákov 2017: 118] (*что его примут за агрессивного сумасшедшего*);

Пойду приму триста капель эфирной валерьянки! [Булгаков 1988: 468] — *Voy a tomarme trescientas gotas de valeriana de*

éter... [Bulgákov 2017: 264] (*Приму триста капель эфирной вальерьянки*).

Третья группа:

напился бензину [Булгаков 1988: 610] — *dio varios tragos*. [Bulgákov 2017: 436] (*дал несколько глотков*);

В углу допивала какая-то компания [Булгаков 1988: 340] — *En un rincón terminaban su velada un grupo de juerguistas* [Bulgákov 2017: 99] (*В углу заканчивала свою вечеринку группа гуляк*);

И у Ивана выспросили решительно всё [Булгаков 1988: 354] — *Le preguntaron todo lo preguntable* [Bulgákov 2017: 118] (*Его спросили все, что можно было спросить*);

добиться и внимания к себе, и справедливости [Булгаков 1988: 354] — *у reclamar de él atención y justicia*. [Bulgákov 2017: 119] (*и потребовать внимания и справедливости*);

И он дождался его, и очень скоро после своего завтрака [Булгаков 1988: 354] — *Su espera no fue larga, porque el director apareció en seguida*. [Bulgákov 2017: 119] (*Его ожидание не было долгим, потому что директор появился немедленно, сразу*);

Выспавшись, Иван Николаевич стал поспокойнее и сообщать начал яснее. [Булгаков 1988: 351] — *Después de haber dormido, Iván Nikoláyevich estaba más tranquilo y con las ideas más claras*. [Bulgákov 2017: 115] (*После того, как поспал, Иван Николаевич был более спокоен и с идеями/мыслями более ясными*).

На примере глаголов третьей группы можно видеть, что перевод на испанский язык осуществляется разными способами, причем в ряде случаев значение результирующего подсобытия не передается вообще. Так, в русском языке лексема *напился*, согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова [Толковый словарь 1995] и Толково-словообразовательному словарю Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2000], имеет два значения: ‘попить вдоволь, удовлетворить жажду и выпив алкогольных напитков, стать пьяным’. Толковый словарь С.И. Ожегова [Ожегов 2018] приводит еще одно значе-

ние — ‘выпить чего-нибудь в большом количестве’. В контексте произведения очевидно, что речь идет о первом значении — ‘попить вдоволь’. Однако испанское *dio varios tragos* переводится как «дал, допустил несколько глотков», таким образом, значение результата ‘удовлетворил жажду’ не передано.

Ситуация с переводом глагола *допивать* интересна тем, что в переводе отсутствует указание на процесс питья, однако присутствует концепт завершенности. Согласно Толковому словарю под редакцией Д.Н. Ушакова, *допить, допивать* означает ‘выпить до конца’ [Толковый словарь 1995]. Толково-словообразовательный словарь под редакцией Т.В. Ефремовой уточняет, что *допивать* может означать ‘кончать пить’, а также ‘выпивать что-либо до конца или до определенного предела’ [Ефремова 2000]. Лексема «пить» переводится на испанский язык глаголом *beber*, однако в переводе слово с этим корнем отсутствует — таким образом, идея питья как такового не передана. Однако передано значение ‘до конца’, заложенное в глаголе *допивать*: гуляки, о которых идет речь, *terminaban su velada*, т.е. «заканчивали свою вечеринку». Таким образом, посредством аналитической конструкции передано одно из значений глагола *допивать*, а именно результирующее подсобытие — однако значение самого основного глагола не передано.

Показателен и следующий пример с глаголом совершенного вида *выспросили*. Толковый словарь Д.Н. Ушакова приводит два значения лексемы: первое — ‘разузнать, выведать расспросами и настойчивыми вопросами добиться сведений у кого-нибудь, заставить сообщить о чем-то’ [Толковый словарь 1995]. Толковый словарь С.И. Ожегова приводит также значение ‘выведать расспросами’ (а лексему *выведать* объясняет как ‘разузнавая, получить какие-нибудь сведения’) [Ожегов 2018]. Значения предусматривают результат, тогда как в переводе на испанский язык это значение не передано: *Le preguntaron todo lo preguntable*, т.е. «его спросили все, что можно было спросить».

Образованный приставочно-суффиксальным способом глагол совершенного вида *добиться* является одним из глаголов с высокой частотностью: согласно Национальному корпусу русского языка [НКРЯ], он встречается почти в 15 тыс. документов, а Частотный словарь современного русского языка [Ляшевская, Шаров 2009] включил его в 400 наиболее частотных глаголов русского языка.

Согласно словарю под редакцией Д.Н. Ушакова, первое значение слова *добиться* — это ‘достичь чего-нибудь, получить что-то после больших усилий или стараний’ [Толковый словарь 1995]. Аналогичные значения приводятся в словарях С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой. Наличие результирующего подсобытия налицо, однако на испанский язык глагол переведен как *reclamar*, что, согласно Королевской академии испанского языка, Real Academia Española, которая выполняет функцию регулятора языковой и литературной нормы современного испанского языка, имеет значение ‘требовать, вызывать неоднократно или просить или требовать с полным правом’ [RAE]. Испанско-русский и русско-испанский словарь под редакцией В.Ф. Сахно, С.А. Коваль [Испанско-русский и русско-испанский словарь 1996] переводит глагол *reclamar* на русский язык как «требовать, претендовать, возражать, обжаловать». Таким образом, испанский перевод глагола *добиться* не включает значение результирующего подсобытия. Следует отметить, что русско-испанские словари переводят лексему *добиться* посредством другого испанского глагола, а именно *conseguir*. RAE объясняет *conseguir* как ‘достичь, получить то, что задумано или желательно’ [RAE], т.е. имеет место результирующее подсобытие, однако отсутствует наличествующее в русском *достичь* значение получение чего-либо посредством больших усилий или стараний. Дополнительное значение, включенное в русское *достичь* не находит аналогов в испанской языковой системе, таким образом, глагол может быть отнесен к межъязыковым лакунам.

Не менее интересным представляется пример с глаголом *дождаться*. Этот перфектив сформирован по словообразовательной модели с приставкой *до-* и суффиксом *-ся*, описанной Е.В. Петрухиной, которая обратила внимание на такое важное свойство синтетических флективных форм, как полисемия. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, *дождаться* имеет два значения. Первое — это ‘пробыть, прожить до того времени, пока не появится кто-нибудь ожидаемый, не наступит что-нибудь ожидаемое’. Второе — ‘своим поведением довести себя до чего-то неприятного’ [Толковый словарь 1995]. Словарь С.И. Ожегова уточняет, что *дождаться* в первом значении — это ‘побыть какое-то время в ожидании, получить, обрести, воспринять что-нибудь’ [Ожегов 2018]. Согласно контексту, *дождался* в данном случае в романе передает первое значение лексемы. На испанский язык глагол переводится аналитической конструкцией «Su espera no fue larga, porque el director apareció en seguida» — ‘его ожидание не было долгим, потому что директор появился немедленно». Словари переводят *дождаться* как *esperar*, что, согласно RAE, также имеет несколько значений: ‘иметь надежду получить желаемое, верить, что что-то должно произойти — прежде всего, благоприятное, пребывать в месте, где должно что-то произойти и не начинать действия, пока что-то не произошло’ [RAE]. Таким образом, обращает на себя внимание, что глагол *esperar* по объему значений включает русские лексемы *ждать* и *надеяться*, что подтверждается испано-русскими словарями: Испанско-русский и русско-испанский словарь под редакцией В.Ф. Сахно, С.А. Коваль [Испанско-русский и русско-испанский словарь] переводит *esperar* как «ждать, ожидать, надеяться, возлагать надежды, выжидать». Ни в одном из упомянутых значений не присутствует концепт результирующего подсобытия, что делает глагол *дождаться* межъязыковой лакуной.

Наконец, последний пример — деепричастие, образованное от глагола совершенного вида с результирующим подсобытием

и, таким образом, может быть включено в демонстрационный перечень. *Выспаться*, согласно словарю под редакцией Д.Н. Ушакова, обозначает ‘проспать достаточно, вдоволь’ [Толковый словарь 1995], а словарь С.И. Ожегова добавляет к этому еще и ‘хорошо отдохнуть’ [Ожегов 2018]. Таким образом, глагол *выспаться* содержит не только результирующее подсобытие, но и качественную характеристику действия. На испанский язык *выспавшись* переведено в романе как *Despiés de haber dormido*, т.е. «после того, как поспал». Перевод содержит концепт окончания действия, переданный с помощью предлога и Infinitivo compuesto (сложный инфинитив, образованный аналитическим способом), однако не включает качественную характеристику действия — согласно RAE, *dormir* обозначает ‘пребывание в состоянии покоя, которое предусматривает бездействие или приостановку произвольных движений, мыслей и эмоций’ [RAE]. Словари переводят *выспаться* на испанский язык как *dormir* или *dormir bastante* («спать достаточно»), а испанское *dormir* на русский язык как «спать, ночевать, дремать, проспать и засыпать». Значение результата, включающего качественную характеристику действия, испанский глагол *dormir* не передает. Таким образом, глагол *выспаться* также можно отнести к межъязыковой лакуне.

Обнаруженные межъязыковые лакуны среди глаголов с результирующим подсобытием сохраняют свою безальтернативность по отношению к системе испанского языка как в форме совершенного, так и в форме несовершенного вида. Несмотря на то, что несовершенный вид передает значение незаконченности или повторяемости действия, объем лексических значений таких лексем как *напиться* — *напиваться*, *выспросить* — *выспрашивать*, *добиться* — *добиваться*, *дождаться* — *дожидаться*, *выспаться* — *высыпаться* включает значение ожидаемого результата, что не может быть передано лексико-грамматическим способом в испанском языке в связи с указанными значениями глаголов.

Список литературы

1. Алимova М.В. Аспектуальные характеристики испанского глагола с точки зрения теории функциональной грамматики // Полилингвальность и транскультурные практики. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspektualnye-harakteristiki-ispanskogo-glagola-v-teorii-funktsionalnoy-grammatiki>
2. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Юнацтва, 1988.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Испанско-русский и русско-испанский словарь (Diccionario Español-Ruso Ruso Español) / под ред. В.Ф. Сахно, С.А. Коваль. Киев: Перун, 1996.
5. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://processing.ruscorpora.ru>
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Мир и Образование, Оникс, 2018.
8. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
9. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
10. Татевосов С.Ш. Событийная структура некоторых приставочных глаголов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 1. С. 9—26.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1995.
12. Якобсон Р.О. О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
13. Bulgákov M. El maestro y Margarita, Madrid: Alianza editorial, 2017.
14. Gramática de la lengua española, nueva edición, reformada, de 1931. Madrid, 1931.
15. RAE — Real Academia española. Королевская академия испанского языка. URL: <https://dle.rae.es/>
16. Vinay J., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English / Trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam / Philadelphia, 1995.

**THE PROBLEM OF INTERLANGUAGE LACUNARITY
IN THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS:
VERBS WITH THE RESULTING SUB-EVENT
IN THE SPANISH TRANSLATION
OF THE NOVEL “MASTER AND MARGARITA”**

The article analyzes the translation of M.A. Bulgakov’s novel “Master and Margarita” into Spanish in order to identify and describe interlanguage lacunae. The subject of the study is verbs with the resulting sub-event. The aim of the work is to prove the lacunarity of a number of verbs with the resulting sub-event in Spanish. Russian dictionary data and context analysis taken from the National corpus of the Russian language are used to represent the differences in the use of these lexemes in the literary text, and to prove that there is no corresponding differentiation in the Spanish language based on the translation of Mikhail Bulgakov’s novel “Master and Margarita” and the materials of the Royal Academy of Spanish. Contextual, corpus and comparative methods were used in the paper.

Keywords: lacunae, translation, difference in languages, National corpus of Russian, Royal Academy of Spanish, verbs with the resulting sub-event.

© Сахарова Анна Владимировна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МОДАЛЬНОГО СЛОВА *ВЕРОЯТНО* В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье на материале научного дискурса рассматриваются особенности семантики и прагматические функции модального слова *вероятно*. Показано, что у модального слова *вероятно* можно выделить три типа употребления: лексема может маркировать эпистемическую гипотезу, использоваться в ситуации неуверенного знания и указывать на соответствие ожиданию говорящего. Во втором из указанных типов употребления модальное слово *вероятно* не просто привносит в пропозицию эпистемическое модальное значение проблематической достоверности, но и выполняет дополнительные прагматические функции: смягчает категоричность высказывания и снимает с говорящего часть ответственности за истинность пропозиции.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, научный дискурс, семантика, прагматика.

Категория эпистемической модальности имеет особое значение для научного дискурса: при решении проблемы различения фактов, теорий и гипотез принципиально важно указание на степень достоверности и источник информации, отражением которых в языке являются средства эпистемической модальности (и эвиденциальности). Модальные слова можно рассматривать как ключевые лингвистические средства, обозначающие эпистемическую позицию говорящего, а следовательно анализ эпистемических модальных категорий — это первый шаг, необходимый для анализа достоверности научного высказывания [Poole, Gnann, Nahn-Powell 2019: 3].

В лингвистике широко распространено разделение эпистемических модальных значений на категорические (*несомненно, разумеется, очевидно* (в позиции предиката) и пр.), простые (индикатив, не осложненный модальными показателями) и проблематические (*видимо, вероятно, наверное* и пр.). Такое разделение, вероятно, одним из первых ввел в практику В.З. Панфилов [Панфилов 1977]. Категорическая и проблематическая достоверность имеет своего рода шкалу от наименьшей до наибольшей степени достоверности. Крайние значения проблематической достоверности выражаются, например, словосочетаниями с модальными значениями *мало вероятно* и *весьма вероятно* или *вполне вероятно* [Панфилов 1977: 42].

В статье мы рассмотрим особенности семантики и прагматические функции модального слова *вероятно* на материале русскоязычных естественно-научных статей, написанных с 2000 по 2019 год по тематикам «Физика», «Химия», «Материаловедение», «Металлургия» и представленных в открытом доступе в электронных научных библиотеках eLibrary и Cyberleninka. База текстов включала более 1000 статей, содержащих контексты с различными маркерами эпистемической модальности.

Итак, лексема *вероятно* относится к средствам выражения эпистемической модальности, имеющим значение проблематической достоверности. Говорящий дает эпистемическую оценку высказывания, при помощи модального слова *вероятно* в трех основных ситуациях:

1. Модальное слово *вероятно* может маркировать эпистемическую гипотезу. Эпистемической гипотезой можно назвать «прогноз вероятности некоторой ситуации в наличии которой в прошлом настоящем и будущем у него нет достоверных сведений. Говорящий может назвать такую ситуацию маловероятной (вряд ли), возможной (может быть), высоковероятной (скорее всего)» [Плунгян 2011: 320]. Это наиболее частотный вид употребления указанного модального слова:

(1) *Наплавленный металл в зоне сварки имеет повышенную микротвердость (~ 250—260 HV для феррита). Вероятно, это обусловлено наличием в феррите легирующих элементов — марганца и кремния [Гришин и др. 2019: 7];*

(2) *Данное обстоятельство обусловлено, вероятно, следующими причинами [Трусов 2014: 222];*

(3) *Вероятно, это обусловлено наличием в феррите легирующих элементов — марганца и кремния [Гришин и др. 2019: 7].*

Во всех указанных случаях лексема *вероятно* выступает как «маркер гипотезы», указывающий на возможные, вероятные, по мнению автора, причины некоторого положения дел.

2. Модальное слово *вероятно* может использоваться как показатель субъективного знания (а не гипотезы, как в первом случае) для выражения говорящим некоторого предположения без привлечения процедуры логического доказательства. Говорящий говорит о том, что он знает (а не гипотетически предполагает, как в первом случае), но в чем не уверен, и при помощи лексемы *вероятно* маркирует ситуацию неуверенного знания. Такое использование лексемы приближает её по значению к модальной конструкции «насколько нам известно»:

(4) *Вероятно, первой моделью для описания поведения упругих тел с применением несимметричных мер напряжений и деформаций стала модель континуума Коссера [Трусов 2014: 226];*

(5) *Заметим, что это предложение впервые, вероятно, было высказано В.Фойгтом [Трусов 2014: 225];*

(6) *Это, вероятно, самый яркий пример вселенной с де Ситтеровским асимптотическим поведением [Юров, Иглесиас-Манюгина 2012: 11].*

В приведенных контекстах речь идет не о самой возможности какого-либо события, как в случае гипотезы (см. п. 1), а о неуверенности говорящего в своем знании. Отсюда вытекают следующие прагматические функции такого использования лексемы: она помогает избежать прямого утверждения, смягчает категоричность высказывания и снимает с говорящего часть

ответственности за истинность пропозиции. В зарубежной лингвистической традиции подобные языковые средства принято называть словами-«загородками» (англ. hedge). Дж. Лакофф понимал под этим термином речевую актуализацию слов и выражений, функция которых состоит в создании некой смысловой размытости, нечеткости — типа *в общем, приблизительно* и пр. (цит. по: [Радбиль 2017: 271]).

Показательно, что в этом значении лексема *вероятно* часто используется в ситуациях, когда речь идет не о фактической информации, а об оценочной: в наших примерах (4) и (5) об интеллектуальном первенстве. Подобные контексты содержат потенциально спорную информацию, и говорящий, заранее отвечая на возможные возражения, снимает категоричность высказывания модальным словом *вероятно*.

3. Третий семантический тип употребления лексемы *вероятно* может быть обозначен как «соответствие эпистемическому ожиданию». Например, в следующем контексте *весьма вероятно* не маркирует гипотезу, а скорее указывает на ожидания говорящего:

(7) ***Весьма вероятно***, что в дальнейших исследованиях будут раскрыты новые способы использования методов искусственного интеллекта в области информационной безопасности [Moldamurat et al. 2018: 25];

(8) Этим могут заниматься и, ***вероятно***, давно уже применяют на практике силовые структуры, криминальные группировки и т.д. [Назаров, Ахмедзянов 2008: 49];

(9) Найдено, что обнаруженные недавно структурные образования (магнитоакустические порталы, магнитные ореолы и магнитные тени), играющие, ***вероятно***, важную роль в нагреве хромосферы, проявляют себя и при умеренном разрешении [Теплицкая и др. 2009: 3].

Модальный предикат *вероятно* в указанных случаях не может рассматриваться как маркер обоснованной и верифицируемой гипотезы, а также как показатель субъективности мнения.

В данном контексте он служит для выражения ожиданий говорящего, ср. *мы ожидаем, что в дальнейших исследованиях будут раскрыты новые способы...*

При анализе научных текстов принципиально важно понимать, какой объем информации автор оценивает как достоверный, какой как возможно достоверный, а какой как маловероятный. Представленная в настоящей статье классификация типов употребления модального слова *вероятно* позволяет различать контексты, содержащие верифицируемые гипотезы, неуверенное знание и ожидания говорящего.

Список литературы

1. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37—48.
2. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 627 с.
3. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017. С. 264—273.
4. Poole R., Gnann A., Hahn-Powell G. Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing: A diachronic corpus study // Journal of English for Academic Purposes. November 2019. Vol. 42. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100784>

Источники

1. Moldamurat K., Kalmanova D., Yergaliyev D., Beybithan T. Intelligent mechanism of hinding cryptographically protected communication channel // НиКа. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligent-mechanism-of-hinding-cryptographically-protected-communication-channel>
2. Гришин А. В., Тальских К. Ю., Сафарьянц А. А., Лось А. В. Влияние высокочастотной вибрации на структуру сварных соединений из стали 20 // Вестник инженерной школы ДВФУ. 2019. № 1 (38). С. 3—10.
3. Назаров Д. В., Ахмедзянов В. Р. Психотронное оружие. Воздействие скрытых команд на подсознание человека // Вестник российского

- ун-та дружбы народов. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности. 2008. № 4. С. 49—54.
4. Теплицкая Р.Б., Ожогина О.А., Турова И.П., Сыч Р.А. Хромосферные колебания в линиях CaII // Солнечно-земная физика. 2009. Вып. 14. С. 3—13.
 5. Качев С.В., Буслаева Е.Ю., Губин С.П. Графен — новый углеродный наноматериал // Неорганические материалы. 2011. Т. 47. № 1. С. 5—14.
 6. Трусов П.В. О несимметричных мерах напряженного и деформированного состояния и законе Гука // Вестник ПНИПУ. Механика. 2014. № 2.
 7. Юров А.В., Иглесиас-Манюгина И. Эффект большого перехода в фантомной космологии // Известия КГТУ. 2012. № 26. С. 18—23.

© **A.V. Sakharova**

FUNCTIONS AND SEMANTICS OF THE MODAL WORD *VEROYATNO* (PROBABLY) IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article discusses the semantics and pragmatics of the modal word *veroyatno* (probably). This modal word could be divided into three types of use: it could mark an epistemic hypothesis, could be used as a mark of uncertain knowledge and could indicate the speaker's expectation. In the second type of use, the modal word *veroyatno* (probably) brings the epistemic modal meaning of problematic reliability to the proposition and performs additional pragmatic functions: it could be used as a “hedge” and could contribute to the truth-condition of the sentence and remove part of the responsibility for the truth of the proposition from the speaker.

Keywords: epistemic modality, scientific discourse, semantics, pragmatics.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В КОРОНАВИРУСНОЙ ЛЕКСИКЕ

Статья решает задачу выявления общих закономерностей и специфику формирования неологизмов «коронавирусной» тематики в русском языке, рассмотренном в сравнении в ведущих европейских языках. Проанализировав «коронавирусную» лексику русского, английского, немецкого и французского языков методами корпусного, семантического, словообразовательного и дискурсивного анализа, автор приходит к выводу о существовании как универсалий — вариативности и идиоматизации имен вируса, формирования терминов с корнями *корона-/corona-* и *ковид-/covid-*, образования имен-блендов для оценочного обозначения реалий, процессов и акторов эпохи пандемии, так и национально-специфичного явления переосмысления в русском языке готовых лексических и фразеологизированных единиц путем рефрейминга. Также в статье обращается внимание на многоплановость и интертекстуальность русских ковид-неологизмов.

Ключевые слова: семантическая деривация, рефрейминг, неологизация, коронавирусная лексика, словосложение, блендинг, интернациональное и национальное.

Стремительное распространение вируса Covid-19, принявшее масштабы пандемии, отдаленные последствия которой пока не ясны, уже имеет осязаемый эффект в виде «языка пандемии» [Новикова, Калугина 2020: 376] и «языковой репликации» представлений о вирусе в серии дериватов различных уровней [Погорелова 2020: 226], для обозначения которых используется целый ряд номинаций: *коронасленг*, *ковид-неологизмы*, *короналексика*, *коронавирусный словарь*, *словарь COVID-19*, *словарь самоизоляции*. Сравнительный анализ неологизмов, появившихся в 2020

г. в английском [Coronavirus 2020; Urban Dictionary 2020], немецком [Neuer Wortschatz... 2020], французском [Adhémar 2020; Lorand 2020] и русском языках позволяет выявить общие закономерности и специфику формирования неологизмов — новых слов и значений, называющих новые предметы мысли.

Семантическая деривация проявляется, прежде всего, в переосмыслении уже существующих и вновь образованных лексических единиц. Так, *пандемия* начинает синонимизироваться в обыденном языковом сознании с *COVID-19* и *коронавирусом* [Малькова 2020: 207]. Многозначным стало и терминологическое обозначение вируса: *covid/ковид* это и сам вирус, и его носитель, и ребенок, рожденный в условиях пандемии [Погорелова 2020: 226]; развивает свой семантический потенциал и производное прилагательное *ковидный* [Нагорнюк 2020]: *ковидный больной, ковидная больница, ковидный стационар, ковидные пальцы, ковидное настроение*.

В русском языке переосмыслилось и значение глагола *короновать(ся)* ‘венчать(ся) на царство’: сегодня он значит ‘заразить(ся) коронавирусом’. В европейских языках также появляются структурные аналоги русского *коронованный* ‘зараженный/носитель вируса’ (ср. англ. *coronated*, нем. *coroniert*, фр. *coroné*), но у них нет образной внутренней формы, указывающей на господство правящего миром вируса, — в силу того, что в европейских языках в деривации участвует медицинское, терминологическое латинское обозначение вируса *corona*, а не обозначения *короны* как символа власти (ср. англ. *crown* — *crowned*, нем. *die Krone* — *gekrönt*, фр. *couronne* — *couronné*). В русском же омонимия форм *корона*² (< *corona*) ‘коронавирус’ и *корона*¹ ‘золотой венец как символ власти монарха’ мотивирует и другие переосмысления: так, фразеологизм *примерить/надеть корону* ‘заянаться, вознестись над другими’ приобретает значение ‘заразиться коронавирусом’, а идиома *корона не жмет* становится знаком ослабления пандемии и снятия карантинных мер, что широко используется в сетевом и медийном дискурсе.

В целом можно заметить, что в русском языке чаще встречается переосмысление уже готовых единиц, их рефрейминг в «коронавирусном» контексте: например, *У него не все дома* ‘он не вполне нормален → он нарушает правила самоизоляции’, или *модная болезнь* ‘сифилис → коронавирус’, или *чувство локтя, похлопать по плечу, велели кланяться* как обозначения «коронавирусных» приветствий, или *до н. э.* ‘до нашей эры, до Рождества Христова → до начала эпидемии’ (ср. англ. *b. c.* ‘before Christ → before Covid-19’, едва ли не единственный пример переосмысления).

Среди приемов собственно словообразования встречаются сокращение (усечение), словосложение и блендинг (слияние).

Сокращают самые употребительные слова: например, в английском *quarantine* → *quar*, *in isolation* → *in iso*, в немецком *Mund-Nasen-Schutz* → *MuNaSchu*, *Mund-Nasenschutzmasken* → *Munaske*; во всех языках сокращается и название вируса до *corona/корона*.

Стремление приуменьшить значение опасного соседа вызывает дальнейшие сокращения: англ. *Corona* → *Rona* (этот «дими́нүтив» в дальнейшем сопровождается эпитетами, в результате появляются *Big Rona* — по аналогии с *Big Boss*, или *Miss Rona* — по ассоциации с ураганом с женским именем); в немецком же в этом случае используется не усечение, а аффиксация, с помощью уменьшительного суффикса *-chen* формируется «имя» *Corönchen*. В русском языке уменьшительность также проявляется на уровне аффиксации: от топонима *Ухань* производится «одомашнивающее» имя вируса *Уханька*, вызывающее представление о домовенке, который почему-то рассердился на хозяев и устроил погром (впрочем, это не только уже обросшее сетевыми мифами имя *COVID-19*, но и номинация защитных средств, сделанных в Китае, в медицинском жаргоне).

Словосложение чаще всего используется в немецком языке, что объясняется преобладанием в лексической системе этого языка слов-компози́тов. Новые термины и другие обозначения коронавирусных реалий образуются сложением основ с опреде-

лителями *Covid* и *Corona*: *Covidmaßnahmen*, *Covidhotspot*, *Covidpass*, *Covidpass*, *Coronacrash*, *Corona-Etikette*, *Corona-Gruß*, *Coronastresses*, *Corona-Kampf*, *Coronakilo* и др. Композитами являются и новые термины: например, *Maskentragedisziplin* ‘масочная дисциплина’, *Maskenkultur* ‘масочная культура’, *Maskenmoral* ‘масочная мораль’, *Maskenmode* ‘масочная мода’, *Nieshygiene* ‘гигиена чихания’, *Hustenhygiene* ‘гигиена кашля’ и др. В этой модели много универсализмов, ср. *коронапауза*, *корона-новости*, *коронапаника* и т.п.

Преимущественным способом словообразования становится блендинг (в других терминах — слияние, контаминация), реализующий тенденцию к компрессии формы и содержания, стремление к экспрессии и созданию скрытых смыслов, языковой игре. При блендинге «движущей силой значения создаваемой новой единицы на основе стяжения компонентов выступает пропозиция, которая, являясь когнитивной схемой, потом трансформируется в линейную последовательность знаков», при этом «происходит активное приращение эмоциональной составляющей» [Абросимова 2012: 20].

Языки солидарны в обозначении происходящего: *ковидапокалипсис/коронапокалипсис* (ср. англ. *coronapocalypse*, нем. *Coronapokalypse*, фр. *coronapocalypse*); освещения этого в прессе: *инфодемия* (ср. англ. *infodemia*, нем. *Infodämie*, фр. *infodémie*); именовании нового поколения: *корониалы* (*коронавирус* + *миллениалы*, ср. англ. *coronallennial* (*coronavirus* + *millennial*), нем. *Coronials*, фр. *coronéaux* ‘поколение детей, зачатых в период самоизоляции’, взаимовыручки: *ковидарность* (ср. англ. *covidarity*, нем. *Coronarität*, фр. *covidarité*) и др.

Самая же известная пара блендов, заимствованная из английского в другие языки [Шукунда 2020], это *covidiot* (*Covid-19* + *idiot*) ‘тот, кто либо излишне беспечен, либо поддается панике в гипертрофированной форме из-за коронавируса’ и *covidol* (*Covid-19* + *idol*) ‘образцовый гражданин, соблюдающий масочно-перчаточный режим и социальное дистанцирование, покупающий разумное количество туалетной бумаги,

антисептических средств и продуктов длительного хранения⁷; в русском, наряду с заимствованными *ковидиотами* появились и национально-специфичные *ковигисты* (*ковид* + *пофигисты*), а также (образованные по другим моделям) *ковид-диссиденты* и *ковид-лоялисты*, *погуляницы* и *сидидомцы*. Если в английском проявлением закупочного «ковидиотизма» становится *macaranovirus* (*macaroni* + *virus*), то в русском «ковидиотов», скупающих все и вся, именуют *гречниками* (*гречка* + *грешник*, при омофонии форм *гречник* и *грешник*), сказываются национальные кулинарные предпочтения.

Универсализмом можно признать и *карантикулы*, имеющие аналог в англ. *coronacation*, нем. *Koronacation* и фр. *coronacance*, — с той разницей, что русские *карантикулы* соотносятся с «нерабочими неделями», вынужденной самоизоляцией, а европейские бленды обозначают отпуск в карантинном промежутке, с путешествием по демпинговым ценам. И эта модель продуктивна, *coronacation* образовано по образцу уже известных, но актуализированных в эпоху коронавируса, *staycation* ‘отпуск без пересечения границ’, *holistay* ‘домашние праздники, выходные, проведенные дома’. Во французском аналоге наших *карантикул* можно назвать обозначения карантинной недели *lundimanche* (*lundi* + *dimanche*) ‘понедельниковосреда’ и *confinemanche* (*confinement* + *dimanche*) ‘вирусень’.

Среди номинаций занятий на карантине в русском языке лидируют: *расхламинго* ‘процесс расхламления’, «инговая» форма которого указывает на длительный процесс (ср. *ковидинг* ‘жизнь и занятия в период самоизоляции’), однако это не аффиксальное образование, а бленд: *расхламление* + *фламинго* (ср. известный образ *птицы-захламинго* в сетевом жаргоне), который актуализирует интертекстуальную связь с песней Алены Свиридовой «Розовый фламинго», прежде всего — с припевом *Думай о хорошем; прокрастибейкинг* (*прокрастинация* + *бейкинг* ‘выпечка’), а также *коронаоке* (*коронавирус* + *караоке*) и *дистанцы* (*дистанция* + *танцы*). Блендинговых форм в этом кластере в европейских языках нет, любимое раз-

влечение — это *балконный концерт* (англ. *balcony concert*, нем. *Balkonkonzert*, фр. *concert au balcon*, образованные словосложением), с лексико-семантическими производными обозначениями «балконной музыки», «балконных музыкантов/певцов», «балконных аплодисментов», «балконной клаки». Что касается *коронавечеринок*, то их атрибуты вроде *карантейлей* и *карантини* заимствуются русским языком из европейских (ср. англ., нем. *quarantini*, фр. *quarapéro*) вместе со *скайперитивами* и *вотсаперитивами*, прогнозируемо дополняемыми **зумеритивами*.

В европейских языках больше всего неологизмов связаны с карантинным регламентом, новым этикетом, с документацией в сфере образования и носят не игровой, а терминологический характер. В русском наибольший пласт новых слов связан с дистанционным образованием и общением: от переосмысленного *дистант* (ранее относившегося лишь к обучению, а сегодня — к любой дистанционной деятельности) до целого гнезда с корнем *-зум-*: *зуминар*, *зум-класс*, *зум-лекция*, *зумиться*, *безЗУМный* ‘не имеющий зума’, *иЗУМительный* ‘о чем-то, происходящем в зуме и получающем высокую оценку’ (сетевые неологизмы с графиксатами), *зум-усталость* ‘пресыщение зумом’, *зум-бомбинг* ‘зум-пранкерство’, и игровых *ковироуча* (*ковид* + *коуч*) и *самоизолектора* (*самоизоляция* + *лектор*). Множество русских «коронизмов» выражают оценку происходящего и мер, принимаемых властями: *карантец* (*карантин* + *конец* и **капец*), *собяусвайс* (*Собянин* + *аусвайс*, где второй элемент несет в себе недвусмысленную ассоциацию с фашизмом) ‘цифровой пропуск в Москве’ и т.п.

С точки зрения дискурсивной мотивации, коронавирусные неологизмы во всех странах испытывают наибольшее влияние политического дискурса, не отличающегося политкорректностью, в частности, в переименованиях вируса, ср., например: англ. *Chinese Virus* ‘китайский вирус’, *Trump Flu* ‘лихорадка Трампа’, *Boomer Remover* ‘бумеровыводитель (средство для удаления пожилых людей)’; нем. *Krisenkanzlerin* ‘кризисный Канцлер’ (об Ангеле Меркель). В русском в коронавирусном кон-

тексте переосмысливаются реалии, связанные с «обнулением» президентских сроков В. Путина в связи с принятием поправок к российской Конституции: по аналогии с *нулевым пациентом* его начинают называть *нулевым президентом*.

Несмотря на достаточное число игровых новообразований, коронавирусные неологизмы в европейских языках носят, по большей части, терминологический характер, обозначая новые реалии и понятия эпохи пандемии. Русский же язык в своей неологии более карнавален и охотнее пользуется «масками» уже существующих слов, идиом, фразеологизмов, крылатых выражений, даже терминов, которые подвергает рефреймингу и переосмыслению, в результате чего русские неологизмы выглядят более глубокими и многосмысленными.

Список литературы

1. Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. Новая сер. Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 18—22.
2. Малькова В. К. Коронавирус в российском информационном пространстве // Вестник антропологии. 2020. № 2 (50). С. 206—224.
3. Нагорнюк А. Словарь COVID-19: как правильно использовать старые и новые термины // New Reporter. 01.06.2020. URL: <https://newreporter.org/2020/06/01/slovar-covid-19-kak-pravilno-ispolzovat-novye-i-starye-terminy/>
4. Новикова О. Н., Калугина Ю. В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. 2020. Т. 25, № 2. С. 376—381.
5. Погорелова И. В. COVID-19: языковая репликация // Современный ученый. 2020. № 4. С. 226—229.
6. Шукунда С. З. «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порождённые коронавирусом // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журнал. 2020. № 04 (60). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kovidoly-protiv-kovidiotov-anglijskie-neologizmy-porozhdyonnye-koronavirusom.html>
7. Adhémar M. «Cluster», «Coronapéro», «Cloud Rave»... Petit lexique de la novlangue du confinement // Le Figaro. 27.03.20. URL: <https://>

- www.lefigaro.fr/patient-zero-coronapero-ou-cloud-rave-la-novlangue-du-confinement-20200327
8. Coronavirus: A Glossary of Terms to Help You Understand the Unfolding Crisis. 2020. URL: <https://time.com/5798684/coronavirus-glossary-definitions>
 9. Lorand K. Le lexique du coronavirus // RCI.fm. 23.03.2020. URL: <https://www.rci.fm/deuxiles/infos/Sante/Le-lexique-du-coronavirus>
 10. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp>
 11. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>

© *O.I. Severskaya*

CORONAVIRUS LEXICON: UNIVERSALS AND NATIONAL SPECIFICATIONS

The article solves the problem of identifying general patterns and specifics of the formation of neologisms of the “coronavirus” topic in the Russian language, considered in comparison with the leading European languages. After analyzing the “coronavirus” vocabulary of Russian, English, German and French using corpus, semantic, word-formation and discourse analysis methods, the author comes to the conclusion that there are universals — the variability and idiomatization of the names of the virus, the formation of terms with the roots corona-/covid-, the formation of blend names for the evaluative designation of realities, processes and actors of the pandemic era, as well as the nationally-specific phenomenon of rethinking ready-made lexical and phraseological units in Russian by reframing. The article also draws attention to the diversity and intertextuality of Russian covid neologisms.

Keywords: semantic derivation, reframing, neologization, coronavirus vocabulary, word composition, blending, international and national.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ В ЖАНРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОПОВЕДИ

Статья посвящена анализу стилистической стратификации лексики религиозного дискурса. Цель работы — определить специфику состава и функционирования стилистически окрашенной лексики, употребляемой в современных проповедях. В соответствии с поставленной целью был использован описательный метод изучения языковых элементов, реализованный в методиках наблюдения, описания и сопоставления. Стилистически окрашенная лексика в проповедях и словах современных деятелей церкви была выявлена путем сплошной выборки, а затем классифицирована в соответствии с характером непредметной информации, заключенной в лексических единицах. Было установлено, что названные выше жанры содержат разговорную и сниженную лексику, которая выполняет в тексте функцию воздействия на адресата и оценки, маркируя порицаемые оратором объекты.

Ключевые слова: стилистика, религиозный функциональный стиль, духовное красноречие, лексика, жанр, проповедь.

История отечественной богословско-церковной риторики насчитывает более десяти веков. За этот длительный период она переживала этапы и расцвета, и упадка. Конец XX — начало XXI века — новый виток развития духовного (богословско-церковного) красноречия и интереса к нему. «После многих лет забвения в нашей стране вопросы религии вновь оказались в центре внимания. Религия выступает в качестве одного из рычагов управления общественным сознанием и поведением человека» [Ицкович 2016: 88]. При этом по силе и глубине воздействия на умы и чувства людей ни одна другая форма мировоззрения не может с ней сравниться.

В связи с этим в последнее время активизируется исследование религиозного дискурса. Появляется множество работ, в центре внимания которых оказываются такие вопросы, как функционирование его жанров, изучение вербальных и невербальных стратегий, анализ конкретных жанровых образцов и т.п. Однако многие вопросы религиозного дискурса остаются неизученными или рассмотрены не полностью.

Пастырское служение тесно связано с церковным проповедничеством. В число обязанностей, которые получает пастырь при вступлении в должность, входит наставление своих прихожан в вероучительных истинах. Агитационный характер (функция воздействия), а также массовая аудитория роднят богословско-церковное ораторское мастерство с публицистикой и во многом определяют отбор языковых средств таких жанров, как проповедь, слово и т.п. Так, современная гомилетика предлагает несколько классификаций проповеди на различных основаниях. Выделяют от четырех до семи видов проповедей и слов в зависимости от целей, которые ставит автор, характера аудитории, времени произнесения, а также содержания, т.е. вопросов, освещаемых оратором.

В качестве источника исследования были выбраны тексты 30 проповедей и слов Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, протоирея Димитрия Смирнова и протоиерея Александра Глебова, созданные в период с 2011 по 2020 год.

Все авторы являются признанными ораторами. Несмотря на неоднозначную оценку обществом текстов названных деятелей церкви, можно с уверенностью утверждать, что их проповеди востребованы среди верующих. Об этом свидетельствует, например, такой количественный показатель, как число обращений к текстам на официальных сайтах Русской православной церкви. Кроме того, такой выбор позволяет охватить тексты, с одной стороны, современные, с другой стороны, написанные в течение десятилетия, т.е. отрезка времени, существенного для развития лексики. Также исследованные тексты неоднородны с

точки зрения времени, места произнесения, адресата (-ов), содержания, цели, способов изложения и формы, что позволяет делать выводы о жанрах проповеди и слова в целом.

Анализ указанных текстов позволяет выделить несколько стилистических групп лексики:

1. Нейтральная (межстилевая) лексика. Составляя основу словарного состава русского языка, она и в жанре проповеди оказывается самой представительной.

2. Книжная (высокая, архаическая, торжественная, религиозная). Несмотря на то, что указанные характеристики являются разноплановыми (в частности «высокая, торжественная» — эмоциональные характеристики, «книжная» — функциональная), в контексте исследованных текстов они выполняют очень близкие функции, что позволяет включить их в одну группу. Она, в свою очередь, может быть разделена на две подгруппы:

а) собственно церковную (не имеет «светского» эквивалента). Например: *святость, праведный, Пасха* и т.п.;

б) имеющую нейтральное соответствие. Например: *умягченное (сердце), ныне, ибо, противен* (Хаос противен Божию замыслу) и т.п.

3. Разговорная лексика. В состав данной группы вошли и слова, имеющие в словаре помету «разг.» во всех значениях (например: *наворотить, пораньше*), и полисеманты, реализующие значение, характерное для обиходно-бытовой сферы, только в определенном контексте (например: *улечься (у нас все улэжэтся), ребята (у тех ребят из средней Азии... цель очень простая), куча (денег)* и т.п.)

4. Сниженная (в том числе неодобрительная, презрительная, бранная и даже жаргонная). Например: *убойный (вопрос), взгромоздить, скотина* и т.п.

Оценка количественного соотношения выявленных групп не входила в задачи исследования. Однако нельзя не отметить высокую активность разговорной и сниженной лексики по сравнению с лексикой высокой. Так, например, в проповеди Димит-

рия Смирнова «Проповедь о смысле жизни и о самом серьезном деле на свете» объемом 700 слов (включая служебные части речи) количество лексических единиц третьей и четвертой групп составило 2,4% (17 единиц), в то время как высокая лексика (без учета прямого цитирования священных текстов) — 0,7% (представлена всего 5 единицами).

Примечательно, что стилистически окрашенная лексика второй группы (то есть высокая, торжественная) маркирует объекты, с точки зрения оратора, священные или имеющие положительные коннотации. Так, у протоиерея Димитрия Смирнова видим: ...*Говорит нам наш Господь и Учитель, Пасху Которого мы **ныне** празднуем* («Проповедь о смысле жизни и о самом серьезном деле на свете»). В «Проповеди на Евангелие по Марку: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» Александра Глебова читаем: *Хаос **противен** Божью замысл*. «Патриаршая проповедь в праздник Покрова Пресвятой Богородицы» Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: *В **годину** самых тяжких испытаний...* Оратор обращается к вопросам, возвышающимся над уровнем бытовой повседневности, что подчеркивается в том числе и лексическими средствами.

Стилистически окрашенная лексика третьей и четвертой групп (разговорная, сниженная и т.п.), напротив, относится к тому, что оратор порицает. Например, проповеди Димитрия Смирнова, обращенные к современным социальным проблемам, дают очень яркие образцы таких употреблений: *Грех — это стена, которую человек между собой и Богом **взгромоздил**; Мужчины охотно бросают женщин своих с детьми, и дети остаются без отца, и вырастает **безотцовщина**.*

Подобное использование стилистически окрашенной лексики Александром Глебовым касается уже не пороков окружающей действительности, а относится к трактовке отрывка Евангелия: *Это было не праздное любопытство, а тонкий и очень опасный **подвох**; Ответ Христа — это **холодный душ** фарисеям.*

Следует отметить, что лексика второй и третьей-четвертой групп, хотя и противопоставлена в тексте проповедей, однако может сочетаться ораторами в рамках одного предложения. Это создает эффект контраста: *Господь тоже не пришёл командовать, Он не стал тем царём, как про Него думали, что Он восседет в Иерусалиме и будет командовать*. Димитрий Смирнов намеренно «сталкивает» торжественное и разговорное слово. Такой прием выполняет функцию воздействия на адресата, не позволяя вниманию слушателей ослабевать.

Еще один неожиданный риторический прием — пересказ священного текста с использованием разговорной и даже сниженной лексики. Так, у Димитрия Смирнова можем увидеть следующий пример: *Яков с Иваном* сказали: *«Давай, сделай меня первым министром, а его вторым, и мы будем рядом с Тобой восседать»*. Примечательно, что даже имена апостолов оратор «переводит» на светский современный язык, а выше в тексте проповеди есть непосредственная цитата из Евангелия. Используя разговорные элементы, автор тем самым и привлекает внимание слушателей (эффект неожиданности), и показывает свою негативную оценку слов учеников Христа.

Протоиерей Александр Глебов, интерпретируя сюжет о разговоре Христа и фарисеев («Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»), обращается даже к жаргонной лексике: *А вопрос был действительно просто убойный*. Это позволяет привнести в ораторскую речь эмоциональность, необходимую для воодушевления и убеждения паствы.

Таким образом, исследование текстов Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, протоиерея Димитрия Смирнова и протоиерея Александра Глебова позволяет сделать вывод о том, что жанр проповеди и слова характеризуется высокой степенью свободы проявления индивидуальности. Это реализуется через сочетание лексики разных сфер употребления, использование стилистически окрашенной лексики (в том числе сниженной), которая выполняет функции оценки и воздействия на адресата.

Список литературы

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 38 с.
2. Бугаева И.В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Плисов. Н.Новгород, 2005. С. 3—11.
3. Ицкович Т.В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 87—93.
4. Карасик В.И. Ритуальный дискурс. Саратов: Колледж, 2002.
5. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984. 222 с.
6. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи» Волгоград: Изд-во Волгogr. гос. ун-та, 1999. 364 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984.

Источники

1. Телеканал «Союз». URL: <https://tv-soyuz.ru/peredachi/pervosvyatitel-slovo-svyateyshego-patriarha>
2. Блог протоиерея Димитрия Смирнова. URL: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved/>
3. Православные проповеди. URL: <https://azbyka.ru/propovedi/propovedi-protoiereja-aleksandra-glebova.shtml>

© *T.S. Sergeeva*

STYLISTIC STRATIFICATION OF VOCABULARY IN THE GENRE OF MODERN PREACHING

The article is devoted to the analysis of the stylistic stratification of the vocabulary of religious discourse. The purpose of the work is to determine the specifics of the composition and functioning of stylistically marked vocabulary used in modern sermons. In accordance with the goal, a descriptive method for studying language elements was used,

implemented in the methods of observation, description and comparison. Stylistically marked vocabulary in the sermons and words of modern church figures was revealed by continuous sampling, and then classified according to the nature of unintelligible information contained in lexical units. It was found that the above genres contain colloquial and stylistically degraded vocabulary, which in the text performs the function of influencing the addressee and evaluating, marking objects censored by the speaker.

Keywords: stylistics, religious functional style, spiritual eloquence, vocabulary, genre, sermon.

© *Сидорова Татьяна Александровна*
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова

© *Болгова Наталья Сергеевна*
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

Цель исследования — выявить особенности фразеологизации семантики производных от фамилий политических деятелей. Наряду с традиционными методами компонентного и словообразовательного анализа производного реализуется когнитивно-дискурсивный подход к исследованию семантической и морфемной структур слов, учитывающий их функционирование в политическом дискурсе. Объект исследования — производные от фамилий политических деятелей, функционирующие в современном политическом дискурсе. Предмет исследования — процесс фразеологизации семантической структуры производных от фамилий. Доказывается связь процесса фразеологизации семантической структуры с особенностями семантики производящей фамилии. Определяются компоненты семантической структуры производных, их обусловленность дискурсивными и экстралингвистическими факторами. Выявляются факторы фразеологизации семантики производных от фамилий.

Ключевые слова: производное слово, имя собственное, фразеологизация, семантическая структура, морфемная структура, политический дискурс, структура знаний, мотивированность.

Проблемой фразеологизации лексического значения отечественные лингвисты занимаются со второй половины XX века (М.Я. Гловинская, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, И.Г. Милославский, М.А. Михайлов, М.В. Панов, А.И. Смирницкий, И.Г. Улуханов и др.). Выявлены типы фразеологизации,

степени фразеологичности, уровни фразеологизации морфемной структуры слова и др. С когнитивных позиций осмысливается процесс фразеологизации морфемной структуры слова в монографии Т.А. Сидоровой [Сидорова 2012: 131—187]. Однако процесс фразеологизации морфемной структуры производных от имён собственных ещё не был предметом специального изучения.

Актуальность данной работы обусловлена возрастающим вниманием к исследованию языковых средств, маркирующих новые дискурсивные практики. Интерес представляет и процесс взаимодействия когнитивного и коммуникативного аспектов в исследовании. Поиск новых методологических подходов к анализу различных языковых фактов тоже является актуальным. Средой функционирования производных от имён собственных не случайно избран политический дискурс, который отражает современную политическую ситуацию. Именно в политическом дискурсе наблюдается переоценка традиционных ценностей, меняются стереотипы поведения, в том числе и коммуникативного. Маркером таких изменений являются и производные от фамилий политических деятелей, функционирующие в политическом дискурсе. Поэтому они стали объектом данного исследования. Предмет исследования — процесс фразеологизации семантической структуры производных от фамилий. Как показано в нашей работе, фразеологизация охватывает все уровни слова: лексического значения, словообразовательной структуры, концептуальной структуры [Сидорова 2012: 147]. Все названные уровни слова объективируются морфемной синтагмой, поэтому можно говорить о фразеологизации морфемной структуры слова. Поскольку «под фразеологизацией морфемной структуры слова понимается особый лингвокогнитивный процесс расхождения между концептуальной сущностью лексического значения и интегративной концептуальной структурой морфемной синтагмы» [Сидорова 2012: 147], морфемы изменяют свои содержательные свойства.

Формирование значения слова, мотивированного фамилией, осуществляется интеграцией структур знаний, стоящих за морфемной синтагмой и контекстом (дискурсом), т.е. осуществляется вторичная номинация, «когда языковая единица фиксирует новый фрагмент знания» [Болдырев 2013: 5—6]. Особенностью производных от фамилий является низкая формализованность структур знаний, стоящих за ними. Но основным фактором фразеологизации морфемной структуры становится специфика семантики производящей фамилии. Причём, специфичны все компоненты семантической структуры. Денотативный и сигнификативный компоненты семантики фамилии представляют собой не отдельные признаки, а их совокупность. Так, в основе денотативного пространства мотивирующей фамилии лежит конкретная политическая ситуация, поступок, социокультурная установка, пресуппозиция и т.п. В сигнификативном компоненте лексического значения содержатся коннотации, закреплённые за фамилией в процессе её функционирования. Например, в основе концептуальной структуры фамилии политического деятеля может быть фрейм: известность (прецедентность), социокультурная значимость личности, стоящей за фамилией, ассоциативное пространство фамилии, коннотации, в том числе и оценочные.

Фамилия называет лицо, чьи характеристики социальны. В этом специфика структурного компонента семантической структуры фамилии.

Именно фамилия становится фактором интерпретации производных. Например, за фамилией Кудрин стоит такая структура знаний: конкретная личность, деятельность в начале 90-х гг., прозападная политическая идеология, результаты деятельности в экономике, конкретные поступки, ситуации, его отношение к власти и т.п. Фамилия является концептуально-языковой категорией, которая строится на основе языковых и энциклопедических знаний. Мотивация производного *кудринщина* носит экстралингвистический характер и осуществляется на концептуальном уровне. Отсюда и фразеологизация

семантической структуры. Производное *кудринщина* стало обозначением прозападной идеологии в экономике и приобрело коннотации ‘антироссийская’, ‘антинародная’. Ср.: *Кудринская модель экономики — против человека, народа, России... Вот кудринщина в экономической науке — это и есть такое ожидание заокеанского разрешения на любой хозяйский лад* (<https://narzur.ru/kudrinskaya-model-ekonomiki-ndash-protiv-cheloveka/>). Несмотря на узнаваемость словообразовательной модели, мотивационная структура формируется рефлексивной деятельностью носителя той или иной идеологии. И это тоже фактор фразеологизации морфемной структуры, которая объективирует структуры знаний лишь частично. Между корневой морфемой, изоморфной мотивирующей фамилии, и аффиксами в процессе словопроизводства возникают нелинейные отношения, формирующие глубинные смыслы под воздействием контекста. Процесс формирования этих смыслов можно назвать синергетическим, так как при этом происходит становление самоорганизующейся структуры знания, стоящей за производным. Например, денотативное пространство производного *эрдоганизм* составляют следующие денотаты: *режим* президента Эрдогана, *философия* правительства Эрдогана, *идеология* правительства Эрдогана, *официальная диктатура*. Актуализация референта зависит от дискурса. Ср.: *Новая идеология связана с конкретным человеком, и её следует назвать эрдоганизмом. Турция попадает в заголовки не благодаря внутренним реформам и применению мягкой силы в регионе, а из-за всё более впадающего авторитаризма режима Эрдогана и частых террористических атак. Философия правительства Эрдогана становится новой официальной идеологией эрдоганизма...* (<https://inosmi.ru/politic/20160622/236942875.html>).

Среди структур знания особое место занимают ассоциативное и коннотативное пространства в семантике производного. Так, из вышеназванного дискурса можно выделить ассоциативное пространство: *партия справедливости и развития (АКР)*,

человек нации, демократия по-эрдогановски, возрождение величия Турции, исламизм и др. Коннотативное пространство вы-является на основе ассоциативного: *исламская демократия, авторитаризм, диктатура, ослабление армии, терроризм, неограниченная власть АКР* и др. Ср.: *Исламизм — не просто одна из частей эрдоганизма, это одна из основных его составляющих*. В коннотативное пространство включаются и образно-оценочные: *Голлум, мелкотравчатый диктатор, грубый, неотёсанный* (об Эргодане). Поскольку мотивация производного обусловлена прежде всего коннотациями мотивирующей фамилии, возможны варианты развития значения мотивированного.

Коннотации базируются на личностном опыте адресанта дискурса и могут быть самыми неожиданными: *Очевидная аналогия Трампа с Гитлером: Гитлер тоже пришел к власти по принципу «лишь бы не социалисты», и тоже использовал социалистическую риторику («национал-социализм»)*. Конечно, *Трамп не Гитлер, и вообще ожидания по его поводу несколько завышены. Трамп — это просто «несистемный» республиканец-одиночка. Причем, Трамп вовсе не первый несистемный президент, первым был Обама. Но демпартия «переварила» несистемного одиночку Обаму, скорее всего истеблшимент «переварит» и Трампа. Итак, что же такого замечательного для наших (то есть для Сандерса) в этом исходе битвы двух говн (Трампа и клинтонистов)?* (<https://pravda1917.livejournal.com/180475.html>). Объективация коннотаций осуществляется в контексте: негативно-оценочно заряженное слово *Гитлер* и грубо-просторечное *говн*. Но базируются коннотации и на presupпозициях: этнокультурных, стоящих за первым словом, логических и образных, объективируемых сочетанием *несистемный республиканец-одиночка*, сравнением с Обамой, программирующим вопросом.

В другом контексте за фамилией президента США закрепляется совсем другая коннотация: *К ужасу либералов, 45-м президентом США стал не мормон, не содомит, не негр из криминальной группировки, и даже не фанатичная*

ультралибералка Хиллари Клинтон. А в кои-то веки нормальный американец. Представитель белой элиты. Миллиардер и немного чудак. Он не стеснялся говорить о табуированных проблемах Америки. Надоели нелегальные мигранты? Выкинуть их обратно и построить стену. Досаждают преступники? Вторая поправка к Конституции и кольт 45-го калибра тебе в помощь, дружище. Нет денег в бюджете? Прекратим спонсировать джихадистов, экологов, содомитов и прочих оппозиционеров по всему миру и направим деньги на развитие американской инфраструктуры. В общем, Америка превыше всего (https://yandex.ru/turbo/s/tsargrad.tv/articles/storonniki-trampa-kto-oni_33996). Наличие противоположных оценочных коннотаций в семантике мотивирующих фамилий создаёт ситуацию интерпретации мотивированных слов, или возможность вариантов развития значения и возникновения новых структур знания.

Например, *потрампить, оттрампить* — ‘отодрать, победить оппонента (в споре, драке)’ (<https://www.mk.ru/politics/2016/10/13/trampotnya-i-trampizmy.html>). В семантике фамилии профилируются коннотации: *уверенность, умение аргументировать, вести спор, владение риторическими приёмами. Трамп* — ‘мера измерения неполиткорректности’: *Один трамп, два трампа* и проч. (там же). Производное образуется в результате апеллятивации. При этом изменяется сфера концептуализации и реализуется модель мотивации «человек — единица измерения свойства речи». Новая концептуальная сфера ассоциативно возникает на базе профилирующего признака Трампа — *он не заботится о политкорректности в процессе ведения дискуссии, спора, полемики*. Производное *трамплиер* образовано на базе фамилии президента и созвучного наименования рыцаря Христа — *тамплиер* («храмовник»). Рыцари охраняли паломников и в 1119-м году сформировали Орден, расположившийся недалеко от храма Соломона. Поскольку слово *храм* по-французски звучало *тамбль*, рыцарей прозвали *тамплиерами*. Из всего комплекса семантических признаков

производящего *тамплиер* профилируется только один — *убеждённость*. Тамплиеры были убеждёнными защитниками храма, Христа, веры и паломников, идущих в Иерусалим. *Трамплиер* — это ‘убеждённый сторонник Трампа’ (там же). Для интерпретации таких производных недостаточно знать только коннотации, стоящие за фамилией, — необходимы знания пресуппозиций, стоящих за обоими структурно-семантическими компонентами производного, а также знание контекста (социокультурного, историко-культурного, когнитивного, прагматического, коммуникативного). Следует заметить, что второй компонент при формировании производных от фамилии Трамп вносит весьма существенные смыслы и формирует семантику в целом. Например: *трампист* — ‘активный поклонник Трампа’, *сотрампезник* — ‘сторонник Трампа’, *трамплактон* — ‘массовый электорат Трампа’, *трампедант* — ‘последовательный сторонник Трампа’, *трампотент* — ‘бессильный сторонник Трампа’ и т.д. (там же). Отметим включение метаязыкового сознания адресанта.

Новые коннотации у производного могут возникнуть под влиянием дискурса: *По-видимому, он умеет ценить доверие и расположение и поэтому, как верный путинец, вполне может, по собственным словам, выпрыгнуть из окна вслед за президентом РФ, если «этого потребует укрепление конституционной власти* (<https://www.politforums.net/ukraine/1465569256.html>). Производное *путинец* в контексте не только реализует смысл ‘сторонник Путина’, но приобретает дополнительный смысл — ‘бездумный, не имеющий собственного мнения, тупо следующий указаниям’. Появление дополнительного смысла детерминирует процесс фразеологизации.

Таким образом, факторами фразеологизации семантики производных от фамилий политических деятелей являются следующие:

- влияние личностных дискурсивных смыслов;
- низкая формализованность структур знаний в производном;

- коннотативное пространство производящей фамилии, включающее модально-оценочный компонент;
- метаязыковая рефлексия адресанта дискурса (опора на звуковой облик, ассоциации, внутреннюю форму фамилии и т.д.);
- авторская дефиниция производного;
- особенности денотативного пространства, допускающая множественность интерпретации;
- особенности мотивации (доминирование экстралингвистических факторов);
- особый характер семантики фамилии;
- сочетание системных и асистемных факторов в процессе словопроизводства;
- влияние пресуппозиций адресанта дискурса;
- концептуальная интеграция в производном по принципу «разархивации скрытых признаков» [Бабина 2006: 260];
- возникновение нелинейных отношений между корневыми и служебными морфемами.

Наше исследование показало закономерность фразеологизации семантической структуры производных от фамилий политических деятелей, что обусловлено спецификой семантики производящих, их особого статуса в языке. Перспективным считаем осмысление процесса фразеологизации как в производных, ставших словарными, так и производных, функционирующих только в дискурсе. Интересным представляется в дальнейшем исследовании явление бифуркации, аллотропии, сопровождающих процесс фразеологизации.

Список литературы

1. Бабина Л.В. О концептуальной деривации // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат.-лов. Тамбов: ТГУ, 2006. С. 258—260.
2. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5—12.

3. Сидорова Т.А. Когнитивный аспект традиционных проблем словообразования и морфемики: монография. Архангельск: СОЛТИ, ПГУ, 2012. 480 с.

© *T.A. Sidorova, N.S. Bolgova*

PHRASEOLOGY OF DERIVATIVES FROM PROPER NAMES

The purpose of the study is to identify the semantics phraseology features of derivatives from the surnames of political figures. Along with traditional methods of component and derivational analysis of the derivative, the cognitive-discursive approach to the study of semantic and morphemic structures of words is applied, taking into account their functioning in the political discourse. The research object is derivatives from the surnames of political figures, functioning in the contemporary political discourse. The subject of the research is the phraseology process of the semantic structure of the surnames derivative. The connection between the phraseology process of the semantic structure and peculiar properties of the semantics of a derivational surname is being proved. The components of the derivatives semantic structure, their dependance from discursive and extralinguistic factors are determined. The factors influencing the derivatives semantics phraseology are identified.

Keywords: derivative, proper name, phraseology, semantic structure, morphemic structure, political discourse, structure of knowledge, motivation.

© *Синелева Анастасия Васильевна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОВЕСНЫХ ПОЗИЦИЙ КАК ЕДИНИЦЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОГО СИНТАКСИСА

В статье рассматриваются принципы и критерии выделения синтаксически несвободных словосочетаний на материале научных текстов по химии. В качестве основного критерия определения границ речевых несвободных словосочетаний предлагается рассмотрение объектов действительности, отраженных языковыми средствами, с точки зрения логического определения грамматически главного компонента словосочетания существенными признаками. Цель исследования — анализ влияния контекста как основного фактора, формирующего границы несвободного словосочетания в пределах отдельного предложения определенной функциональной направленности. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что точность, логичность, последовательность изложения в научном, стиле требует большей определенности отдельных лексем по сравнению, например, с художественным текстом для выполнения ими самостоятельной синтаксической функции.

Ключевые слова: научное понятие, несвободное словосочетание, предикат, предложение, синтаксическая позиция, существенный признак, функциональные стили.

Рассматривая причины изменений некоторых положений синтаксической науки, Б.Н. Головин предложил классификационную схему как традиционных, так и только намеченных вариантов учения о синтаксисе современного русского языка. В качестве одного из вариантов определяется функциональный синтаксис языка, объектом изучения которого являются синтаксические функции языковых единиц и категорий, их участие в грамматической организации предложения [Головин 1994: 16—

19]. В рамки этого направления попадает вопрос о границах синтаксических позиций, выделяемых в предложениях текстов разных функциональных стилей: специфические характеристики текстов, относящихся к разным стилям, создают определенные условия для выделения необходимых признаков предметов и явлений, которые формируют понятие на бытовом или научном уровне.

Выделение синтаксически несвободных словосочетаний и анализ примеров показывают, что в некоторых случаях трудно провести границу между свободными и несвободными словосочетаниями: степень спаянности, степень несвободы между компонентами словосочетания может быть разной, и поэтому необходимо рассматривать причины возникновения несвободы на уровне синтаксических позиций в каждом отдельном предложении текста определенной функционально-стилистической направленности.

Основу научного стиля на лексическом уровне языка составляет, как известно, система терминологии определенной области знаний или производственной деятельности, а грамматический строй в основном формируется двусоставными полными предложениями, содержащими дефиниции — основу научного повествования, которые строятся в соответствии со строгими логическими правилами. Термины могут быть не однословными, и тогда позицию подлежащего или дополнения будет занимать несвободное словосочетание. А предикат, содержащий основной, дифференцирующий признак понятия, может по мере необходимости дополняться и уточняться, поэтому принципиальным вопросом является определение границ сказуемого. Сказуемое в определениях чаще всего является составным именным и строится по определенным моделям, например, *что есть что, что называется чем, что получило название чего, что состоит из чего, что включает в себя что, что делится на что* и др. И в этом случае необходимо также отметить влияние взаимосвязанной и взаимообусловленной системы терминов той или иной области знаний, выражающих специальные понятия, на состав

и структуру компонентов предложений. Когда происходит описание предмета не названием, например, родового или видового понятия, а перечислением существенных или дифференцирующих признаков, мы получаем синтаксически несвободное словосочетание, чаще всего в позиции сказуемого. Таким образом, при определении границ несвободных словосочетаний представляется вполне оправданным основываться на логическом определении существенных признаков [Синелева 2019] (существенный признак — признак, который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которого данный предмет существовать не может [Кондаков 1974: 578]), обозначающих грамматически главный компонент словосочетания.

Приведем примеры описания синтаксически несвободных словосочетаний на материале научных текстов по химии [Строение атомов металлов, [http://](http://...)]: ***Регуляторные липиды регулируют степень жидкости мембраны.*** Синтаксически несвободные словосочетания в данном контексте занимают позицию подлежащего (курсив, сплошное подчеркивание) и прямого дополнения (курсив, пунктирное подчеркивание). Без учета контекста, конечно, можно выделить в качестве подлежащего только *липиды*, но это будет неверным, так как, исходя из контекста, мы понимаем, что *липиды* имеют какие-то разновидности, не все из которых регулируют *степень жидкости мембраны*, поэтому представляется более правильным с содержательной точки зрения выделить в качестве подлежащего синтаксически несвободное речевое словосочетание, а специалист-химик выделит в качестве начальной точки высказывания составной термин *регуляторные липиды*. *Степень* — количественная, сравнительная величина, *жидкость* — абстрактное свойство определенных предметов, в данном случае — *мембраны*, т.е. дополнение состоит из двух несвободных словосочетаний — языкового и речевого.

***Металлы** делятся на две группы. К первой из них относят **черные металлы** — железо и все его сплавы, в которых оно составляет основную часть.* Во втором предложении в позиции

прямого дополнения несвободное речевое словосочетание *черные металлы* — это составной термин, так как все металлы относятся или к *первой группе* или ко *второй*, в позиции предиката — составное именное сказуемое, состоящее из двух синтаксически несвободных словосочетаний, в одном из которых грамматически главное слово — это глагол с ослабленным лексическим значением *относить* ‘поместить в число кого-чего-нибудь, приписать чему-нибудь, счесть относящимся к чему-нибудь’ [Ожегов 1981: 419], а именная часть — несвободное словосочетание со значением избирательности, причем здесь возможно использование синонимичной конструкции, также речевого несвободного словосочетания *к первой группе*.

Методом легирования получают различные ценные стали, обладающие... Аналогично выделяется дополнение *ценные стали* и составное именное сказуемое (курсив), состоящее из двух синтаксически несвободных словосочетаний, в одном из которых грамматически главным словом является полнозначный глагол *получать* (ср.: *Вчера я получил письмо*), но с учетом контекста, относящегося к системе понятий области химии, основу которой, как известно, составляет изучение свойств веществ, их превращений в другие вещества, анализ веществ, которые всегда получают или которые получают соединением одних веществ с другими, таким образом, в данном контексте глагол *получать* имеет ослабленное лексическое значение, а семантический центр находится в также в несвободном речевом словосочетании *каким способом*, т.е. *методом легирования*.

Ко второй группе относят цветные металлы и их сплавы. В этом примере позицию прямого дополнения занимает не ряд однородных дополнений, несмотря на наличие союза *и*, а несвободное речевое словосочетание *цветные металлы и их сплавы*. Отнести данную конструкцию к однородным дополнениям не позволяет местоимение *их*, выполняющее отсылочную функцию и не позволяющее считать второй компонент занимающим самостоятельную синтаксическую позицию, *относят ко второй группе* — предикат.

Этими сплавами являются чугуны и стали. В данном предложении подлежащее может быть отнесено к речевым несвободным словосочетанием со значением совместности или возможно выделение однородных подлежащих.

Из сплавов в практике нашли большое применение следующие: бронза — сплав меди с оловом и другими металлами, латунь — сплав меди с цинком... Предложение может быть рассмотрено как сложное бессоюзное или как простое с обобщающим словом и однородными подлежащими, имеющими при себе обособленное определение со значением уточнения. Рассмотрим первый вариант как более интересный в рассматриваемом аспекте: подлежащее в первой предикативной части бессоюзного сложного предложения выражено речевым несвободным словосочетанием со значением избирательности, сказуемое составное именное: несмотря на полноточность устойчивого для научных текстов словосочетания *найти применение*, в состав сказуемого необходимо включить лексему *в практике*, исходя из контекста области знаний по химии. Во второй и третьей предикативных частях синтаксическую позицию сказуемого, с точки зрения грамматической выраженности, должна занимать лексема *сплав*, но в таком случае предложение теряет смысл: *медь — сплав, бронза — сплав*, т.е. сложное предложение получается не содержательным, так как в первом предложении сообщается о практических свойствах разных сплавов, следовательно, сказуемые представляют собой несвободные синтаксические конструкции *сплав меди с оловом и другими металлами, сплав меди с цинком*.

В предложении Это деление на черные и цветные металлы условно подлежащее *деление на черные и цветные металлы* также состоит из трех несвободных словосочетаний, грамматически главным словом в котором является лексема *деление*.

В предложении Наряду с черными и цветными металлами выделяют еще группу благородных металлов: серебро, золото, платину, рутений и некоторые другие позицию дополнения в значении обобщающего слова занимает несвободное сло-

восочетание с грамматическим центром *группу*, включающее в свой состав еще одно несвободное словосочетание, являющееся составным термином, — *благородных металлов*.

Наличием свободных электронов обуславливается и высокая теплопроводность металлов. Представляется более содержательным выделение в качестве подлежащего словосочетания не *теплопроводность*, а *высокая теплопроводность металлов*: теплопроводностью обладают не только металлы, а речь идет о них, и теплопроводность бывает разной, важно указать степень теплопроводности. Предикат состоит из трех синтаксически несвободных словосочетаний (*обуславливается наличием, наличием электронов, свободных электронов*).

Иногда в легированные стали входят 5—6 различных металлов; Они получили такое название потому, что имеют различную окраску; С внешней стороны металлы, как известно, характеризуются прежде всего особым «металлическим» блеском; Очень важным свойством металлов является их сравнительно легкая механическая деформируемость. Можно заметить, что предикат часто состоит из двух синтаксически несвободных словосочетаний (*в легированные стали входят, имеют различную окраску*) или трех, как правило, языкового и двух речевых: *важным свойством металлов является, характеризуются особым «металлическим» блеском* — предикаты состоят из трех несвободных словосочетаний, формируемых вокруг глаголов с ослабленным лексическим значением *обуславливается, является, характеризуется*.

Особую сложность представляет выделение грамматической основы не в связном научном тексте, в котором чаще встречается неспециальная, нетерминологическая лексика, а в определениях терминологических словарей. Приведем ряд примеров определений [Основные химические термины, [http](http://)].

***Антиоксиданты* — вещества, предотвращающие или замедляющие окисление органических соединений молекулярным кислородом.** В данном предложении выделяется сказуемое *вещество* ('качественная сущность материала, то, из чего состоят

физические тела' [Ожегов 1981: 71]), которое как с бытовой, так и с научной точки зрения абсолютно не информативно, но, так как существенные признаки даются через обособленное определение и их нельзя включить в состав сказуемого вследствие наличия полупредикативных отношений, поэтому можно говорить о структурной полноте данного предложения и семантической неполноте, границы которой, как известно, довольно условны.

***Адгезия** — молекулярная связь между молекулами на поверхностях двух соприкасающихся разнородных тел...; **Белки** — высокомолекулярные природные соединения, являющиеся продуктами поликонденсации α -аминокислот...; **Адсорбция** — поглощение вещества на поверхности твердого тела под влиянием молекулярных сил поверхности...; **Аллотропия** — способность химического элемента существовать в виде двух или большего числа простых веществ...; **Бензины** — сложные смеси легких углеводородов с температурой кипения не выше 205°C, применяемые в качестве...; **Валентность** — свойство атома данного элемента присоединять или замещать определенное число атомов другого элемента.*

Необходимо отметить, что грамматически предикат выделяется очень по-разному: от несвободных речевых двухкомпонентных словосочетаний (*поглощение вещества*), когда в состав сказуемого входят полнозначные лексемы и не очень типичный для составного именного сказуемого винительный падеж, до несвободных конструкций, компонентами которых являются несколько несвободных словосочетаний.

Например, *сложные смеси легких углеводородов с температурой кипения не выше 205°* — в данном случае нельзя настаивать на одном варианте выделения сказуемого, так как возможны три варианта: *сложные смеси* — родовое понятие, *сложные смеси легких углеводородов* — сужение родового понятия, *сложные смеси легких углеводородов с температурой кипения не выше 205°* — существенный признак понятия в составе сказуемого. Рассмотрим другой пример: *свойство атома данного элемента присоединять или замещать определенное число атомов*

другого элемента, в котором наблюдается как бы нанизывание речевых несвободных словосочетаний: *свойство атома* — все предметы обладают какими-то свойствами, *данного элемента*, так как *элемент* в одном из значений — ‘составная часть чего-либо’ [Ожегов 1981: 807] требует конкретизации, уточнения, и определение свойства — *присоединять или замещать* — всегда происходит в процессе химических преобразований, *определенное число атомов* — все вещества состоят из атомов, но важно, каких — *другого элемента*. Аналогичный пример: *способность химического элемента существовать в виде двух или большего числа простых веществ*. *Способность*, так же, как и *свойство*, характерна практически всем познанным объектам реального мира, аналогично не *элемента*, а *химического элемента способность существовать* — определяются не факт существования, а форма существования — *существовать в виде двух или большего числа простых веществ*.

Таким образом, мы видим, что определение границ синтаксических позиций сказуемого в научных текстах обусловлено несколькими факторами: необходимостью выделения признака, свойства, способности, которыми обладает данный субъект, а не констатацией этих свойств и способностей, необходимостью сужения абстрактного понятия и включения в состав сказуемого существенного признака. В случае если существенные или дифференцирующие признаки даются через придаточное предложение или обособленное определение, можно говорить о структурной полноте данного предложения и семантической неполноте.

Также можно сделать вывод, что точность, логичность, последовательность изложения в научном стиле требует большей определенности отдельных лексем по сравнению, например, с художественным текстом для выполнения ими самостоятельной синтаксической функции, которая достигается увеличением компонентов существенных признаков в дефиниции или необходимых в пределах определенного контекста признаков понятия.

Список литературы

1. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1994. 181 с.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 717 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 815 с.
4. Основные химические термины: словарь. URL: <https://infotables.ru/khimiya/369-osnovnye-khimicheskie-terminy-slovar>
5. Синелева А.В. Синтаксические категории словесных позиций как единицы функционально-стилевого синтаксиса // Вестник Нижегородского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. № 1. С. 224—230.
6. Строение атомов металлов. — URL: https://studbooks.net/2284858/matematika_himiya_fizika/stroenie_atomov_metallov_polozhenie_metallov_periodicheskoy_sisteme_gruppy_metallov

© *A.V. Sineleva*

SYNTAX CATEGORIES OF VERBAL POSITIONS AS A UNIT OF FUNCTIONAL STYLE SYNTAX

The article discusses the principles and criteria for the selection of syntactically non-free phrases based on the material of scientific texts in chemistry. As the main criterion for determining the boundaries of non-free speech phrases, it is proposed to consider objects of reality that are reflected by linguistic means, from the point of view of the logical definition of the grammatical main component of a phrase by essential features. The aim of the research is to analyze the influence of the context as the main factor that forms the boundaries of a non-free phrase within a separate sentence of a certain functional orientation. The examples considered allow us to conclude that the accuracy, consistency, consistency of presentation in a scientific style requires greater certainty of individual lexemes in comparison, for example, with an artistic text in order to perform an independent syntactic function.

Keywords: scientific concept, non-free word combination, predicate, sentence, syntactic position, essential feature, functional styles.

ПРОЯВЛЕНИЕ СЛАБЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются слабые связи, выявляющиеся на разных уровнях синтаксической системы языка. Целью работы является дефиниция слабых связей, характеристика их дифференциальных признаков и функционирование конструкций со слабыми связями в художественном дискурсе в рамках новой синтаксической парадигмы. Использовались такие методы исследования, как описание, наблюдение, метод компонентного анализа, структурно-семантический метод; приемы субституции, трансформации, сравнения. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: аналитические тенденции в развитии синтаксического строя и воздействие разговорного языка обуславливают появление парцеллированных, сегментированных, присоединительных конструкций, соответственно, возникновение новых средств связи.

Ключевые слова: слабые связи, аналитизм, полипредикативные структуры, синтаксический ярус языка, паратаксис, гипотаксис, присоединение, бессоюзная связь.

Язык представляет собой особую категориально знаковую систему репрезентации континуума, и естественно, что любые изменения в социуме находят отражения в языковой модели мира и вызывают изменения в системе языка.

В синтаксической системе современного языка наблюдается уменьшение частотности употребления таких синтаксических единиц, которые представляют собой гипотактические и паратактические структуры и увеличивается частотность употребления монопредикативных единиц. Кроме того, в синтаксисе наблюдается нарушение законов падежного управления, и даже в научный стиль входят такие словосочетания, которые нару-

шают законы синтаксической валентности, дистрибуции знаков типа *Приняли отправить законопроект на доработку*. В данных синтаксических единицах стремление к экономии речевых средств привело к недопустимому эллипсису того компонента, отсутствие которого вызвало деформацию смысловых и формальных связей между компонентами высказывания. Первичная модель *приняли решение отправить* распадается на такие словосочетания, как *приняли решение* и *решение отправить*. В первом словосочетании переданы объектные отношения, а во втором — атрибутивные. Во вторичной модели выражения оставшиеся компоненты *приняли отправить* представляют асемантический бинوم. В результате появляется эллипсис даже облигаторных актантов высказывания, и явление синтаксической зевгмы выходит за рамки паратаксиса, проникая в простые предложения синтаксиса.

Актуальность данной работы детерминирована отсутствием работ по многоаспектному описанию видов синтаксических связей и системному анализу данного явления, несмотря на то, что указанная проблема уже становилась объектом внимания лингвистов. Ряд вопросов, касающихся специфики употребления слабых связей, исследовался лишь с отдельных сторон, причем не затрагивались такие важные проблемы, как классификация, дифференциальные признаки, принципы описания.

Новизна исследования заключается в доказательстве положения о том, что динамизм синтаксиса при репрезентации слабых синтаксических связей является маркером уникальности синтаксического яруса языка на данном этапе эволюции, специфика которого в том, что он приобретает характеристики аналитического типа.

Теоретической базой исследования послужили работы таких известных лингвистов, как В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, В.А. Белошапкова, Н.Ю. Шведова, Г.Н. Акимова, Е.С. Скобликова.

В докторской диссертации И.И. Гориной находим справедливое утверждение о том, что актуализирующий синтаксис, под-

чиняющийся основной тенденции, суть которой в ослаблении синтаксической связи, постепенно заменяет конструктивный синтаксис [Горина 2005].

Такое свойство, как дистрибуция, характерно для языковых единиц всех ярусов системы языка, именно это свойство определяет специфику функционирования языка как средства общения. Дистрибуция детерминирует способности единиц языка вступать в различные отношения, соединяясь друг с другом. Современный период развития языка характеризуется модификациями в теории синтаксических связей. В исследованиях В.Д. Левина мы находим выделение сильных и слабых структур. Сильные структуры являются основой кодифицированного языка. Сильные связи маркируются в предложении лексическими и грамматическими средствами, слабая связь обусловлена, по словам В.А. Белошапковой, недифференцированным характером. Современные исследователи установили факторы, обуславливающие появление слабой связи: ослабление функций падежа в рамках предложения, парцеллированных и сегментированных конструкций, возросшая употребительность именительного падежа, автосемантическое функционирование несогласуемых и неуправляемых форм слов, процесс смысловой и позиционной актуализации информативно значимых единиц, отсечение управляемых имен в бинамах подчинительного типа с обязательными распространителями.

Можно выделить пять аспектов (критериев) выделения слабых связей: семантический, грамматический, логический, логико-прагматический и функциональный. Они могут быть обусловлены следующими факторами:

1. Семантический аспект обусловлен лексическим составом связанных компонентов. Лексическую связь можно отметить в повторах одних и тех же лексем или в однокоренных лексемах. Слова с идентичным денотативным значением в последующих предложениях (или их частях) могут являться антонимами, синонимами, местоимениями разных разрядов и т.д. Указанные языковые единицы сохраняют денотативный

фон всего предложения и реализуют связь посредством лексического материала: *Попытался встать — закружилась голова, и легкость исчезла. А радость не исчезла* (Е. Водолазкин, Авиатор).

2. Грамматический аспект может реализовываться в подобию объединяемых элементов и предложений, во взаиморасположении главных и второстепенных членов, т.е. в параллелизме синтаксических структур, в зеркальной обратности конструкций, когда в наличии те же члены предложения с контрастной аранжировкой компонентов. Инверсионная аранжировка слов второго предложения по сравнению с первым является синтаксически и семантически релевантным, демонстрирует особую значимость актуализируемых слов. Помимо этого, также реализуется видо-временное оформление единиц, принадлежность конкретному синтаксическому лицу и субъектно-объектной ситуации: *Но мы не всегда переходим из вагона в вагон. Иногда мы переходим из поезда в поезд* (В. Пелевин, Любовь к трем цукербринам).

3. Опора на семантический и грамматический критерии, при всей их весомости, важности, не всегда оказывается возможной, поэтому необходимо подключать логический аспект, базирующийся на логической последовательности компонентов, основывающееся на обобщенном понятии — денотате. Логику раскрытия мысли характеризует не случайный характер, а опора на то ключевое, что заложено в основе логического суждения, которое выражает его предложения и умозаключения. Логическая связь базируется на таких элементах, как единство темы, логические взаимоотношения компонентов: *Сестричка дулась. И для этого у нее, конечно, были все основания* (В. Пелевин, Любовь к трем цукербринам).

4. Логико-прагматический аспект наличия слабой связи детерминирован авторской интенцией, личностной оценкой высказывания и зафиксирован ролью лексем дискурса, характеризующих взаимоотношения агенса и пациенса и восприятие агенсом действительности. Данная связь вербализована, но

отличается слабой маркированностью, так как модальные компоненты ее репрезентации мобильны и относятся к метаязыку элементов текста: *Кто-то только что явился в магазин. Быть может, такой же, как сам Турбин, заблудший, оставший, свой, а может быть, и чужие — преследователи* (М. Булгаков, Белая гвардия).

5. Функциональный аспект связан с акцентуацией самого значимого информативного элемента, что приводит к инверсии и постановке рематического компонента в препозицию. В данном случае появление слабых связей объясняется как синтаксическим расчленением, что обуславливает парцелляцию и сегментацию, так и слиянием, репрезентацией которого является присоединение. В указанных случаях для слабых связей характерна прогрессивная или регрессивная направленность, они зависят от стилистической маркированности текста: *Такая тишина в деревне бывает перед рассветом. Или в степи еще* (В. Шукшин); *Был он опять в нарядном костюме, в шляпе и при галстуке. Но какой-то задумчивый* (В. Шукшин).

Таким образом, можно дать дефиницию слабых синтаксических связей. Слабые синтаксические связи — это невербализованные связи, отличающиеся слабой маркированностью, непредсказуемостью или частичной предсказуемостью, необусловленностью взаимодействующих элементов.

Дискурс является главной сферой проявления слабых связей. Конструктивному синтаксису принадлежат такие сильные связи, такие, как паратаксис и гипотаксис, ибо отношения субординации структурных и смысловых элементов — это один из языковых факторов, подобно тому, как паритетные отношения присущи монопредикативным и полипредикативным структурам [Леденев 2001: 16]. В актуализирующем синтаксисе в рамках сложного синтаксического целого и дискурса сильные связи нейтрализуются, приобретая качественно иное содержание и принимая участие в конструировании сегментированных, парцеллированных и присоединительных структур. В отмечен-

ных конструкциях формальные средства репрезентации, какими являются паратактические и гипотактические союзные средства подвергаются семантической модификации, начинают репрезентировать парцеляцию или присоединение: *Все было бы ничего, будь деньги моими. Но я потерял очень большую сумму чужих. ОЧЕНЬ* (В. Пелевин, Лампа Мафусаила); *Она пробормотала, сощурила сухие глаза и задумалась. Мысли ее были непонятны ей самой. Уехал, и в такую минуту. Но позвольте, он очень резонный человек и очень хорошо сделал, что уехал. Потому что это же к лучшему* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Целыми днями и ночами лил дождь, и капли неумолчно стучали по крыше, и хлестала под окном вода, стекая по желобу в кадку* (М. Булгаков, Записки юного врача).

На низших уровнях синтаксического яруса языка сильные связи выступают в качестве главного средства интеграции компонентов. В сложном синтаксическом целом действует совершенно другой процесс — дезинтеграция полипредикативных синтаксических структур, которая обуславливает такие явления, как ослабление связей автосемантических предложений, размытость границ в рамках сложного синтаксического целого, изменение специфики связи и средств репрезентации данного взаимоотношения. Отмеченные модификации затрагивают как план выражения, так и план содержания.

Тем не менее слабые связи обнаруживаются на разных ярусах синтаксической системы, когда предсказуемость элементов не является облигаторной. В рамках словосочетания к типам слабых связей относятся примыкание и слабое управление. Данные связи мотивированы тем, что модификация валентности стержневого компонента приводит к изменению дистрибуции. В монопредикативных синтаксических структурах можно обнаружить такие слабые связи, как бессоюзие, присоединительные конструкции, обособление определенных структур. Отмеченные слабые связи детерминированы функционально и грамматически.

В области простого предложения ослабленная связь наблюдается между обособленными уточняющими и поясняющими членами предложения. По своему строению ряды данных единиц сближаются с сочинительными параллельными рядами, при этом характер связи отличается. Присоединение является типом синтаксической связи с непрогнозируемыми валентными свойствами предложения. Присоединение рассматривается как специфический способ включения члена (или членов) предложения в высказывание, которое указывает на его позицию вне главной информации. Рассматривая присоединение в рамках актуального членения предложения, констатируем, что оно репрезентирует рему.

Сущность пояснительных отношений сводится к следующему: поясняющий компонент является дублирующим выражением того же объекта мысли, который выражен поясняемым компонентом и возникает в результате проекции тех же самых денотативных признаков, но в другую понятийную плоскость, отмеченную иной, нежели в поясняемом, лексико-морфологической и структурной формой пояснения [Солодовник 1972], таким образом, сущность синонимии поясняющего и поясняемого в тождестве. А уточняемое и уточняющее — это семантическая и логическая основа присоединительной связи, которая формирует неэквивалентные компоненты: второй является носителем адекватной дополнительной информации, уточняя содержание первого: *По лестнице поднимается кто-то солидный, большого веса человек* (М. Булгаков, Записки юного врача); *Я ему другое лекарство выписал, тоже очень хорошее* (М. Булгаков, Записки юного врача); *Испугался генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Вообще мы были похожи на два портрета одного и того же лица, да и одного года* (М. Булгаков, Жизнь господина да Мольера).

К слабым связям в области сложного предложения относится присоединительная связь. Данная связь обусловлена актуали-

зацией компонентов. Присоединительная связь характеризуется тем, что причиной появления присоединительной конструкции является сам процесс коммуникации, носит характер дополнительной информации, не прогнозируемой основной частью. Отсюда и своеобразие присоединительной интонации, при которой возникает своеобразная пауза. Для присоединения указанной конструкции служат особые союзные скрепы *вдобавок, вместе с тем*; союзы *да, а и, а то*: *Свита решала все возникавшие у меня проблемы. Причем с такой эффективностью, что я почти не чувствовал трения о быт* (В. Пелевин, Любовь к трем цукербринам); *Ожидал я увидеть море черное, как написано. А оно синее* (А. Николаенко, Небесный почтальон Федя Булкин).

Для связи предикативных частей в бессоюзной конструкции могут употребляться паратактические союзы в значении присоединения, данный факт является доказательством тенденции ослабления сильной (паратактической) связи, возникновения самых разнообразных смысловых отношений, обусловленных синтаксической спецификой разговорного стиля: *Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без* (В. Пелевин, Лампа Мафусаила). Здесь присоединяемые предложения передают оттенки дополнительной информации, уточнения, имеют усилительное значение, подчеркивают значение нового факта. С точки зрения актуального членения присоединяемое предложение всегда содержит рему высказывания, оно постпозитивно, актуально с позиции говорящего.

Следовательно, сферой ослабления синтаксической связи являются присоединительные, сегментированные и парцелированные конструкции. Присоединительные отношения связаны с синтаксической интеграцией. Данную связь отличает односторонняя зависимость, при которой несамостоятельный элемент соединяется с основным автосемантическим в плане интонационном и структурно-семантическом. Присоединение можно

трактовать как «добавочное непрогнозируемое суждение» [Горина 2005: 35].

Обратимся к области сложного предложения. В последующих бессоюзных предложениях наблюдаем другие отношения: *Я слышал скрип полозьев во дворе: уши мои стали необычайно чуткими* (М. Булгаков, Записки юного врача); *Пластмассовый морячок в тельняшке и сине-желтая машинка остались на месте. А вот плюшевый мишка исчез* (В. Пелевин, Любовь к трем цукербринам); *Некоторое время длилось томительное молчание с обеих сторон: Марту, очевидно, тяготило какое-то воспоминание, о котором она сдерживалась высказаться, я же был донельзя удручен всем тем, что мне пришлось от нее услышать и угадать из недоговоренного* (И.Л. Леонтьев Корделия) — причинные отношения; *Одолевает дремота и лень, все валится из рук* (Е.М. Шаврова, Птички певчие).

Бессоюзное сложное предложение принципиально отличается от союзных типов не только способом выражения связи, но и ее характером: это недифференцированная связь. В данных примерах четкость иерархии стирается, однако причинные отношения эксплицированы интонацией и пунктуацией. Как отмечает Е.А. Покровская, «синтаксическое слияние проявляется в вытеснении сочинительной (и подчинительной) связи бессоюзной, которое сопровождается отказом от нормативной пунктуации, свойственной для имеющихся в предложении синтаксических отношений» [Покровская 2000: 298]. В этом отношении показателен последний пример, где между компонентами обнаруживаются причинно-следственные отношения, но интонационно и пунктуационно они соединяются запятой, свойственной, как известно, перечислительной интонации и значению. По мнению многих исследователей (например, М.В. Китайгородской, Е.А. Покровской и др.), следует отметить, что союзная связь на современном этапе вытесняется слабой бессоюзной под влиянием разговорной речи.

Помимо бессоюзия в сложных синтаксических конструкциях, реализующим слабые связи, относится и присоединение. По

словам Н.Ю. Шведовой, выделение присоединения обусловлено актуализацией компонентов. Актуально важный компонент того или иного высказывания или актуально значимое предложение присоединяется к главному, занимает место в конце синтагмы [Шведова 1964].

Таким образом, исследованный материал позволяет прийти к выводу о том, что по направлению к современности слабая синтаксическая связь из явления окказионального постепенно приобретает статус узального.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Горина И.И. Типология слабых синтаксических связей в современном русском литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. Армавир, 2005. 336 с.
3. Леденев Ю.И. Трудные вопросы синтаксиса: тексты лекций. Ставрополь: СГПИ, 1984. 63 с.
4. Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ: монография. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 2000. 436 с.
5. Солодовник И.П. Союзные пояснительные конструкции в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 30 с.
6. Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты) // Вопросы языкознания, 1964, № 2. С. 16—17.

© E.V. Sirota

MANIFESTATION OF WEAK CONNECTIONS IN MODERN ARTISTIC DISCOURSE

The article deals with the weak connections that are revealed at different levels of the syntactic system of the language. The aim of the work is to define weak connections, characterize their differential features and the functioning of constructions with weak connections in the artistic discourse

within the framework of a new syntactic paradigm. Such research methods as: description, observation, method of component analysis, structural and semantic; methods of substitution, transformation, comparison- were used. As a result of the study, we come to the following conclusions: analytical tendencies in the development of the syntactic structure and the influence of the spoken language cause the appearance of parceled, segmented, connecting structures, respectively, the emergence of new means of communication.

Keywords: weak ties, analyticism, polypredicative structures, syntactic layer of language, parataxis, hypotaxis, joining, asyndetic connection.

© *Степанова Любовь Юрьевна*
Национальный исследовательский
Санкт-Петербургский
горный университет

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
КОРПУСНОГО АНАЛИЗА
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
НОМИНАЦИИ МИНЕРАЛОВ
(на материале сказов П.П. Бажова)¹**

Статья посвящена изучению возможностей и перспектив применения методов корпусного анализа в процессе выявления семантических аспектов функционирования лексем-номинантов природных объектов (на материале номинации минералов). В качестве материала исследования были выбраны сказы П.П. Бажова, которые в последние годы остаются на периферии научного внимания. Основным методом исследования выступает корпусный анализ, совмещающий преимущества качественных и количественных методов изучения лингвистических явлений. В процессе проведения исследования были проанализированы особенности употребления лексемы «алмаз» в бажовских сказах, что позволяет сделать вывод, что существительное используется для номинации драгоценного камня, который наряду с малахитом и медью является неотъемлемым компонентом производственной сферы жителей Урала, объектом добычи и обработки, создания украшений, декора.

Ключевые слова: корпусный анализ, П.П. Бажов, сказы, алмаз, номинации географических объектов, минералы.

Введение. В начале третьего тысячелетия глобализационные интеграционные процессы, обусловленные развитием информационных технологий, не только не ослабляются, но приобретают все большие масштабы. Появление, развитие информационно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-31-70001.

коммуникативных технологий, возрастание роли информационных данных в дискурсивном поле науки приводит к формированию новых исследовательских подходов, включая методы корпусного анализа. В последние годы корпусные методы анализа получают все большее распространение, предоставляя исследователям возможность работать с огромными массивами данных. Как отмечают Н.И. Голубева-Монаткина, Л.Л. Шестакова, обработка корпусов текстов позволяет выявить состав и структуру лексикона исследуемого дискурса, выделить в нем единицы разных классов, различной частоты употребления, системно изучить стилистические, грамматические особенности речи [Голубева-Монаткина, Шестакова 2015: 37—38]. Новые возможности, которые предоставляют ученым корпусные методы исследования, приводят к увеличению численности работ, основанных на изучении различных аспектов формы и значения слова на основании обращения к корпусу.

Вместе с тем, несмотря на увеличение численности корпусных исследований, по сегодняшний день в отечественной лингвистике особенности репрезентации номинации минералов как объектов природной среды, неотъемлемой составляющей природных кодов в рамках корпусной лингвистики специальным объектом изучения не выступали, лексико-семантическое поле минералов остается изученным фрагментарно. Соответственно, формируется противоречие, обусловленное усилением роста научного внимания к исследованию самых различных аспектов речи, особенностей репрезентации концептов, лексико-семантических полей посредством применения методов корпусной лингвистики, и фрагментарной изученностью особенностей репрезентации номинации минералов при помощи корпусного анализа. Разрешение указанного противоречия обуславливает *актуальность темы исследования.*

В качестве *материала для исследования* были выбраны сказы П.П. Бажова. Творчество уральского писателя остается незаслуженно забытым в современной научной литературе, в результате чего многочисленные аспекты индивидуально-авторского

стиля, в том числе и особенности номинации минералов остаются невыявленными. В то же время, Бажов не просто яркий выразитель регионального самосознания, он — создатель региональной идентичности, писатель, благодаря творчеству которого большинство россиян познакомились с природной красотой и богатством Урала, особенностями производственной сферы, непосредственно связанной с добычей и обработкой драгоценных и полудрагоценных металлов и камней, соответственно, обращение к корпусному анализу сказов позволит выявить не только особенности номинации минералов в индивидуально-авторском стиле автора, но и в региональном самосознании, мировосприятии жителей Урала.

Целью исследования выступает изучение особенностей, возможностей, перспектив и затруднений применения корпусного анализа при выявлении специфики номинации минералов в сказах (на материале произведений П.П. Бажова).

Корпусный подход к лингвистическим исследованиям. В процессе достижения поставленной цели, прежде всего, необходимо остановиться на сущности корпусного анализа. По своей сути корпусный анализ представляет собой исследование корпусов письменных и устных текстов в соответствии с заданными параметрами, которые позволяют достигать поставленных задач исследования.

В последние годы корпусные методы исследования приобретают все большую актуальность, широкое распространение по целому ряду причин: (1) данные, полученные в результате применения данного метода анализа а priori являются объективными, валидными и репрезентативными; как правило, процедура корпусного анализа, материал, который подвергается изучению, а также ограничения, заданные в процессе поиска, четко прописываются в исследовании, что позволяет любому желающему повторить процедуру и получить тождественные или аналогичные результаты; (2) корпусный подход представляется «нейтральным» по отношению к тем или иным лингвистическим воззрениям

ученого-интерпретатора, что позволяет снизить субъективизм в процессе проведения исследования; (3) компьютерные методы исследования приближают лингвистику к точным наукам, что повышает доверие к полученным результатам по причине их высокой верифицируемости [Гришаева 2016: 143], позволяет ученому-лингвисту отказаться от исследовательской дихотомии «качественные vs количественные методы, перейти к интегрированной методологии, соединяющей преимущества обеих парадигм» [Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход 2015: 32], повысить соответствие проведенного исследования принципу триангуляции, предполагающему «сочетание количественных и качественных методик, способствующих консолидации сильных сторон обоих методов» [Кошарная, Кошарный 2016: 118].

Иными словами, методы корпусного анализа позволяют повысить объективность, надежность, валидность, репрезентативность, верифицируемость результатов лингвистических исследований, совмещать количественные и качественные методы анализа, что обуславливает целесообразность использования корпусного анализа в процессе изучения особенностей номинации минералов в сказах П.П. Бажова.

Методология и материал исследования. Выявление возможностей, преимуществ использования методов корпусной лингвистики в процессе изучения особенностей номинации минералов осуществлялось на основании обращения к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ]. Развитие указанного корпуса осуществлялось при поддержке РГНФ, что позволяет рассматривать указанный ресурс как один из наиболее разработанных. В качестве дополнительных преимуществ НКРЯ следует назвать возможность осуществлять работу непосредственно с нужным подкорпусом (сказы), что позволяет сократить время на поиск нужных лексических единиц, осуществлять поиск лексем непосредственно в сказах П.П. Бажова.

Важно добавить, что указанная публикация выступает продолжением серии работ, посвященных изучению особенностей номинации минералов в сказах Бажова на основании применения методов корпусного анализа, в результате чего были исследованы наиболее употребляемые писателем номинации следующих минералов: *золото, серебро, железо, кремень, мрамор, малахит, медь*, а также гиперонимы *минералы, камень*.

В то же время, как отражают результаты исследований, проведенных ранее, лексико-семантическое поле минералов объединяет более 5000 номинаций камней и металлов [Словарь синонимов ASIS, [http](http://)]. Единицы для проведения исследования отбираются по мере сокращения численности синонимических и антонимических отношений, в которые вступает единица в процессе функционирования в речи, соответственно, в рамках данного исследования особый интерес представляет изучение особенностей употребления, функций лексемы *алмаз* в сказах П.П. Бажова.

Процедура исследования основывается на лексическом подходе З. Кёвечеса [Kövecses 2019], включает следующие этапы:

1. Проведение количественного анализа, изучение численности употребления различных словоформ исследуемой лексемы в сказах П.П. Бажова.

2. Выявление денотативных значений, закрепленных в словарях: обобщение словарных определений, описание лексикографических значений. Метод направлен на получение наиболее полного описания смыслов на основе анализа имеющихся толковых словарей [Рудакова, Стернин 2011; Рудакова, Стернин 2016; Виноградова, Стернин 2016].

3. Определение этимологии лексемы.

4. Выявление отношения с другими лексическими единицами лексико-семантического поля (синонимы, антонимы, гипонимы, несовместимые лексемы).

5. Определение оценки лексической единицы (коннотативная, социальная, аффективная, рефлексивная, тематическая, колокационные значения).

Результаты исследования. На начальном этапе работы был осуществлен поиск случаев и контекстов употребления лексемы *алмаз* в сказах Бажова. Как отражают полученные результаты, к упоминанию алмаза автор обращается лишь 1 раз: *Стены малахитовые с алмазом, а потолок темно-красный под чернетью, а на ём цветки медны* [НКРЯ].

Соответственно, при разработке тезауруса лексем-номинантов минералов в индивидуально-авторском дискурсе Бажова, следом за сложившейся в авторской лексикографии практикой составления словарей необходимо указать на число случаев употребления лексемы [Словарь языка Пушкина 2000: XVII], что представляется особенно актуальным при моделировании общего лексико-семантического поля минералов, распределении единиц от ядра к периферии, ранжировании лексических единиц, выявлении места каждого отдельного минерала в индивидуально-авторском дискурсе уральского писателя [Стернин 2011: 9; Стернин 2018: 9].

Следует остановиться на выявлении денотативных значений лексемы, представленных в словарной, энциклопедической литературе [ПСИС, [http](http://); СИС, [http](http://); ТСИС, [http](http://); ЭССРЯ: 23]:

1. (тюрк. *elmas*). Самый твердый и самый блестящий из драгоценных камней; алмазы, ошлифованные известным образом, носят название бриллиантов.

2. Инструмент для резки стекла в виде острого куса этого камня, вделанного в рукоятку.

Иными словами, алмаз представляет собой драгоценный камень, а также инструмент, изготовленный из этого камня. П.П. Бажов употребляет лексему в своем первом значении, для номинации драгоценного камня.

В русском языке лексема фиксируется с XV—XVII веков, до этого значение алмаза передавалось при помощи лексемы *адамант* [ЭСРЯ 1986: 61; ЭССРЯ 2010: 23], заимствованной из гре-

ческого. Этимологическое значение алмаза совпадает с первым денотативным значением.

В качестве синонимов исследуемой единицы выступают следующие: (1) *адамант*, (2) *бриллиант*, (3) *диамант*, (4) *минерал*, (5) *углерод* [Словарь синонимов ASIS, [http](http://)].

Ни одно из зафиксированных в Словаре синонимов значение в творчестве П.П. Бажова не употребляется.

В то же время, как отражает приведенный пример, в индивидуально-творческом стиле писателя лексическая единица приобретает новые синонимичные значения, сближаясь с (1) *малахитом* и (2) *медью*. Более того, *малахит* и *медь* выступают одними из наиболее употребительных номинаций минералов. Результаты количественного анализа могут быть представлены в таблице 1:

Таблица 1

**Результаты количественного исследования
(численность употребления словоформ
существительных *малахит* и *медь* в сказах П.П. Бажова)**

Лексема	И. п.	Р. п.	Д. п.	В. п.	Тв. п.	П. п.
Медь	8	2	—	—	1	—
Малахит	10	1	11	6	13	1

Как видим, в количественном аспекте *малахит* употребляется намного чаще, чем номинации *медь* и *алмаз*. В словарной литературе *малахит* определяется как ‘непрозрачный минерал ярко-зелёного цвета, ценный поделочный камень’ [ТСРЯ, [http](http://)]. На территории России крупнейшие залежи малахита находятся на Урале, в результате чего камень стал своеобразным символом региона, широко употребляется в сказах П.П. Бажова: *Где тут мастер живет, который по малахиту работает?* [НКРЯ] — лексема употреблена для номинации камня, отражает особенности производственной сферы Урала, в частности,

наличие профессии, которая предполагает обработку малахита, изготовление изделий из указанного материала.

Медь представляет собой:

(1) «металл красно-желтого цвета, который используется для изготовления проводов, монет и пр.»;

(2) изделия из этого металла;

(3) монеты красно-желтого цвета, в состав которых входит металл;

(4) красно-желтый цвет, напоминающий цвет металла» [ТСРЯ, [http](http://)].

В качестве примера употребления слова в сказах П.П. Бажова можно привести следующий: *За хорошую цену что угодно мог продать, а уж сернистую медь Сысертской дачи тем более* [НКРЯ] — лексема употребляется в своем первом значении, для номинации металла, однако входит в структуру термина, который широко функционирует в производственной сфере.

Анализ словарей антонимов [Львов 1984] оппозиционных значений не выявил.

Гиперонимом к исследуемой лексеме выступает понятие «минералы», включающее в себя номинацию более 5000 камней и металлов, однако в творчестве П.П. Бажова лексическая единица не представлена.

Оценочные коннотации к лексеме *алмаз* выявлены не были, для П.П. Бажова драгоценный камень представляет интерес исключительно с позиций добычи и обработки, связан с производственной сферой Урала.

Соответственно, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова *алмаз* представляет собой номинацию драгоценного камня, который наряду с малахитом и медью неразрывно связан с производственной деятельностью жителей Урала, которые на протяжении столетий добывают и обрабатывают камни и металлы, используют их в процессе изготовления украшений, элементов декора и т.д.

Заключение. Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что применение методов корпусного анализа позволяет выявлять как частотность использования тех или иных лексических единиц в индивидуально-авторском стиле отдельных писателей, так и семантические аспекты исследуемых единиц. Современные корпуса представляют собой ресурсы, которые предоставляют многочисленные методы дополнительного анализа, что сокращает время на проведение исследования, способствует повышению достоверности, репрезентативности полученных результатов, что позволяет применять методы корпусного анализа при изучении особенностей функционирования различных лексических единиц, в том числе номинаций минералов.

Список литературы

1. Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методики в описании семантики слова: монография. Воронеж: Истоки, 2016. 160 с.
2. Голубева-Монаткина Н.И., Шестакова Л.Л. Об изучении русской эмигрантской речи с помощью корпусных методов // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 37—40.
3. Гришаева Л.И. Дальнейшее развитие и обогащение лингвистического знания: интеграция когнитивной и компьютерной научных парадигм (Рец. на кн.: Методы когнитивного анализа семантики слова : компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 143—148.
4. Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 117—122.
5. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антоним. пар / под ред. Л.А. Новикова. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
6. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры. 2015. 334 с.

7. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>
8. ПСИС — Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке Попов М., 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3536
9. Рудакова А.В., Стернин И.А. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 194—208.
10. Рудакова А.В., Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание. «Ламберт», 2011. 192 с.
11. СИС — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3536
12. Словарь синонимов ASIS. В.Н. Тришин. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/79039/минерал
13. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов; Академия наук СССР. Институт языкознания. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. А–Ж. 1003 с.
14. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография. Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана: Полилингва, 2018. 200 с.
15. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова // Русистика. 2011. № 1. С. 5—13.
16. ТСИС — Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М.: Рус. яз., 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3536
17. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка Дмитриева. Д.В. Дмитриев. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2260>
18. ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О.Н. Трубачева, с доп.; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Первое русскоязычное изд. М.: Прогресс, 1986. Т. 1 (А—Д). 576 с.
19. ЭССРЯ — Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. Т. 1. (А—Н). 584 с.
20. Kövecses Z., Ambrus L., Hegedűs D., Imai R. The lexical vs. the corpus-based method in the study of metaphors // *Metaphor and Metonymy in the Digital Age*. 2019. P. 149—173.

**OPPORTUNITIES FOR USING CORPUS ANALYSIS
IN THE PROCESS OF STUDYING
THE MINERAL NOMINATION
(based on the stories of P.P. Bazhov)**

The article is devoted to the study of the possibilities and prospects of using corpus analysis methods in the process of identifying semantic aspects of the functioning of lexemes-nominees of natural objects (based on the mineral nomination). As the research material, we selected the tales of P. P. Bazhov, which in recent years have remained on the periphery of scientific attention. The main research method is corpus analysis, which combines the advantages of qualitative and quantitative methods of studying linguistic phenomena. In the course of the research, the features of the use of the lexeme “diamond” in Bazhov’s tales were analyzed, which allows us to conclude that the noun is used to nominate a precious stone, which, along with malachite and copper, is an integral component of the production sphere of the inhabitants of the Urals, the object of mining and processing, creating jewelry, decor.

Keywords: corpus analysis, P.P. Bazhov, stories, diamond, geographical objects nominations, minerals.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «УПОРСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации концепта «УПОРСТВО» в русской языковой картине мира. Анализ проводится в рамках лингвокультурологического и когнитивно-семантического подходов к языковому явлению. Разнообразие фразеологических средств выражения концепта «УПОРСТВО» свидетельствует о важности данного концепта в русском языке и культуре. Результаты исследования показывают, что фразеологические единицы, объективирующие концепт «УПОРСТВО», характеризуются ситуативностью и образностью. Анализ их семантических особенностей позволяет выделить ряд когнитивных признаков исследуемого концепта: «направленное движение», «настойчивое стремление к достижению поставленной цели, целенаправленное действие», «отстаивание своего мнения и решения», «способность энергично действовать, приложить большой труд, силы» и т.д. В контексте пословиц и поговорок особый акцент делается на признаках концепта «УПОРСТВО», воспринимаемых положительно.

Ключевые слова: концепт, фразеологизм, пословица, упорство, когнитивный признак.

Фразеология языка представляет собой «зеркало истории и культуры его носителя» [Федуленкова 1997: 81], является «своеобразным 'чёрным ящиком' историко-культурной и языковой информации» [Мокиенко, Степанова, Малински 1995: 12]. Будучи надёжными хранителями этнокультуры [Алефиренко 2010: 155; Телия 2007: 433], фразеологические единицы способны выражать общественные характеристики, верование, ценность народа, их быт, обычаи, приметы, тра-

диции и т.д. В настоящее время в рамках лингвокогнитивной и лингвокультурологической парадигмы фразеологизмы рассматриваются как одно из важнейших средств концептуального членения мира и один из ключевых способов выражения национальной языковой картины мира.

Семантическая структура фразеологизмов и паремий определяется когнитивными фреймами и концептами, на основе которых аккумулируется и форматируется информация об окружающем мире в её культурно-исторической обусловленности. Как отмечает Л.Г. Золотых, «изучение фраземы как косвенно-производного средства формирования концептосферы русского языка позволяет установить реальные корреляции между структурами знания, их категоризацией и фразеологической репрезентацией» [Золотых 2008: 5]. Цель исследования заключается в изучении особенностей фразеологических репрезентаций концепта «УПОРСТВО» в русском языке, выявлении смыслового наполнения данного концепта на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок, полученных путём сплошной выборки из фразеологических словарей и словарей пословиц и поговорок русского языка. Так как концепт «УПОРСТВО» характеризуется высокой абстрактностью, в качестве материала исследования выступают не только фразеологизмы, включающие в себя лексемы-репрезентанты концепта, но и фразеологизмы, выражающие денотативное содержание «УПОРСТВО».

При систематизации и составлении классификации на основе полученных материалов мы придерживаемся мнения Н.М. Шанского, который выделяет фразеологизмы, по структуре соответствующие сочетанию слов, и фразеологизмы, по структуре соответствующие предложению (в том числе, пословицы, поговорки, афоризмы и другие устойчивые суждения) [Шанский 1996: 80—96]. Отметим, что большинство фразеологизмов, репрезентирующих концепт «УПОРСТВО», образуются по модели «глагол + имя существительное». Упорство является чертой характера, поэтому фразеологизмы

выдержатъ/выдерживатъ характер, показатъ/показыватъ характер часто употребляются для выражения смысла 'проявлять стойкость, непреклонность в выполнении принятого решения' [Фёдоров 2008: 114]. Схожим является фразеологизм *выдержатъ стойку*, имеющий значение 'проявить стойкость в каком-либо деле, довести до конца что-либо'. Упорство представляет собой духовную силу, так что фразеологизм *хватает/хватило духу* способен выражать значение 'наличие решительности, настойчивости, смелости для выполнения, осуществления чего-либо' [Фёдоров 2008: 718].

Упорство проявляется в настойчивом стремлении к достижению поставленной цели, поэтому можно найти немало фразеологизмов, выражающих направленное движение: *идти грудью, идти вперёд грудью, рваться грудью, грудью проложитъ себе дорогу, лезть на грудь, лезя лезть, лезть в печёнку, полезть в голову, из кожи (из шкуры) лезть (вон)*. Можно заметить, что некоторые из этих фразеологизмов характеризуются образными компонентом «грудь».

Когнитивный признак «настойчивое стремление к поставленной цели» репрезентируется в семантике фразеологизмов с глаголами со значением «бить»: *бить в одну точку, бить (прямо) в цель, пробить/проложитъ (лбом) (себе) дорогу*. Фразеологизмы *бить в одну точку, бить (прямо) в цель* обозначают 'упорно направлять усилия, внимание, действия и т.д. на что-либо одно, добиваясь поставленной цели' [Тихонов 2004: 520; Яранцев 1997: 356] и подчёркивают «целеустремленность, целенаправленность какого-либо человека или каких-либо его действий». Фразеологизм *пробить/проложитъ (лбом) (себе) дорогу* выражает значение 'настойчиво добиваться какого-либо положения, успеха в жизни, на каком-либо поприще, в каком-либо виде деятельности' [Яранцев 1997: 357]. В этом фразеологизме больший акцент делается на получении конечного результата, успеха.

Для фразеологической объективации концепта «УПОРСТВО» характерны компоненты со значением разрушительного дей-

ствия (*разрушение, сражение* и т.п.). Фразеологизм *вырвать зубами* обозначает ‘силой, упорством добыть что-либо’ [Фёдоров 2008: 120; Степанова 2010: 72]. Фразеологизм *расшибаться/расшибиться (разбиваться/разбиться) в лепёшку* говорит о ‘настойчивом стремлении достигнуть чего-либо; о готовности услужить кому-либо’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 335]. В этих фразеологизмах выделяется признак «способность энергично действовать, приложить большой труд, силы, напряжение». Этот смысл также выражается фразеологизмами *биться изо всех сил* и *биться насмерть*, которые подчёркивают, что для достижения цели можно приложить все усилия, заплатить любую цену, даже отдать жизнь.

Немало фразеологизмов образуется с помощью глаголов со значением «гнуть». Фразеологизмы *гнуть своё, гнуть (на своё)* и *гнуть (вести) свою линию* выражают значение ‘упорно, настойчиво добиваться чего-либо’ или ‘отстаивать осуществлять что-либо, отстаивать свое мнение, решение и т.п.’ [Фёдоров 2008: 140]. В семантике этих фразеологизмов репрезентируются когнитивные признаки «стремление к достижению поставленной цели» и «отстаивание своего мнения и решения». Фразеологизмы *гнуть спину/спины (горб/горбы) над чем-либо* и *не разгибать спины* обозначают ‘долго, упорно трудиться над чем-либо’ [Ларионова 2014: 113; Фёдоров 2008: 558], что объективирует когнитивный признак «продолжительность и непрерывность в трудовой деятельности, способность долго, безустанно заниматься чем-либо».

Отличительной чертой фразеологической объективации концепта «УПОРСТВО» являются глаголы приобретения: *взять с бою что, взять своё, брать за вымя кого, взять измором кого, взять на измор кого*. Фразеологизм *взять с бою что-либо* обозначает ‘добиваться энергичными действиями, настойчивостью чего-либо’ [Яранцев 1997: 357]. Фразеологизм *взять своё* также выражает значение ‘добиваться поставленной цели, проявлять целеустремленность в удовлетворении своих желаний’ [Яранцев 1997: 357]. Фразеологизм *брать*

за *вымя кого-либо* обозначает ‘начинать строго, настойчиво добиваться чего-либо от кого-либо’ [Мокиенко, Никитина 2007: 408]. Фразеологизмы «*взять измором кого-либо*» и «*брать/взять на измор кого-либо*» толкуются как ‘добиваться чего-либо настойчивостью, навязчивостью’ [Мокиенко, Никитина 2007: 266] или ‘настойчиво добиваться чего-либо, надоедая своими просьбами, действиями’ [Фёдоров 2008: 41]. Фразеологизм *вытаскивать/вытащить с мякотью что-либо* имеет значение ‘настойчиво добиваться чего-либо, отбирать у кого-либо что-либо’ [Мокиенко, Никитина 2007: 421]. Все эти фразеологизмы выражают стремление к получению какого-либо результата или чего-либо желаемого. Некоторые фразеологизмы выражают проявление упорства в определённом действии, так, в настойчивом стремлении к получению знания: *забрать/забирать (себе) в голову, втемяшить в голову, букварь терзать, грызть гранит науки*. Кроме того, найден фразеологизм, выражающий упорный, но бесполезный поиск чего-либо — *искать кого-либо, что-либо с Диогеновым (Диогеновским) фонарём (с фонарём Диогена)*.

Во фразеологических словарях были найдены фразеологизмы, соответствующие модели «имя прилагательное + имя существительное». Фразеологизм *железные зубы у кого-либо* может говорить об ‘упорном, выносливом человеке’ [Мокиенко, Никитина 2007: 260]. Фразеологизм *железный канцлер* говорит о ‘человеке с негибаемой волей, непреклонной решимостью добиваться своей цели’ [Мокиенко, Никитина 2007: 275]. В этих фразеологизмах присутствуют образы «железо» и «зуб». Фразеологизм *крепкой закваски* употребляется как несогласованное определение и выражает значение ‘кто-либо упорный, выносливый’ [Фёдоров 2008: 240]. Компоненты «железный» и «крепкий» репрезентирует когнитивный признак «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость, способность не поддаться внешнему воздействию».

По модели «форма винительного падежа имени существительного + форма родительного падежа имени

существительного» образуется фразеологизм *всеми фибрами (силами) души*, выражающий идею ‘достижения цели упорным трудом’ [Яранцев 1997: 504]. Здесь снова реализуется когнитивный признак «способность энергично действовать, приложить большой труд, силы, напряжение для достижения цели». Фразеологизм *в поте лица* образуется по модели «предложно-падежная форма имени существительного + форма родительного падежа имени существительного» и выражает значение ‘с большим усердием, упорством, напряжением, прилагая все силы (делать что-либо)’, подобное значение выражается фразеологизмом *потом и кровью*, который образуется с помощью творительного падежа существительного и сочинительного союза *и* [Яранцев 1997: 366]. Оба фразеологизма обладают общим образным признаком «пот». Фразеологизм *не мытьем, так катаньем* выражает значение ‘не тем, так другим способом, применяя разные способы воздействия (упорно добиваться чего-либо)’ [Федосов 2003: 214; Мокиенко, Никитина 2007: 420]. Согласно фразеологическому словарю Р.И. Яранцева, в тематическую группу «упорство, упрямство» входит фразеологизм *не покладая рук*, который образуется по модели «деепричастие + имя существительное» и обозначает ‘усердно, без усталости, не переставая (делать что-либо)’ [Яранцев 1997: 365].

Обнаруживается фразеологический оборот нерегулярной модели — *знай себе*, который обозначает ‘не обращая внимания на обстоятельства, на кого-либо или что-либо, упорно продолжать делать своё дело; поступать по-своему’ [Фёдоров 2008: 259]. Этот фразеологизм подчёркивает когнитивный признак «твёрдое убеждение в необходимости что-либо делать».

Фразеологические обороты, по структуре соответствующие предложению, включают единицы, собранные методом сплошной выборки из разных словарных источников [Даль 1989; Жуков 2000; Мокиенко, Никитина 2010; Зимин, Ашурова 1994; Берсеньева 2010; Сысоев 2009]. Был найден ряд пословиц

с компонентами «упорный», «упорство», «настойчивый» и «неуклончивый». Пословицы *не будь тороплив, но будь настойчив* и *с командиром будь покорным, с врагом — упорным* показывают, что упорство противопоставляется торопливости и покорности. В первой пословице выражается положительное отношение к упорству. Вторая пословица подчёркивает, что упорство требуется в ратном деле, в борьбе с врагом. Важная роль упорства в достижении победы также выражается в пословице *в бою побеждает кто упорнее и смелее, а не кто сильнее*. Слово «упорный» в этой пословице в большей степени обозначает терпение и выдержку, которые в бою наряду со смелостью оказываются важнее, чем сила. В пословицах *наука, полученная в упорной учебе, полезна* и *упорство в учёбе приносит победу в бою* объективируется мысль о том, что упорство часто проявляется в учебной и научной деятельности. Здесь подчёркиваются сферы проявления упорства.

Кроме того, в паремиологическом аспекте в большей степени репрезентируются когнитивные признаки концепта «УПОРСТВО», имеющие положительно-оценочную характеристику. Пословица *настойчивость — половина счастья* говорит о том, что настойчивость и упорство является средствами достижения счастья. Компоненты «молодец» или «молодецкий» в пословицах *если ты молодец — будь настойчивым*, *слово свое держи крепко* и *молодецкое сердце не уклончивое* отражают одобрительное отношение к упорству.

Пословица *упорства хватит — и сквозь землю пройдёшь* показывает, что упорство может помочь в достижении любой цели. Кроме того, в этом фразеологизме выражается признак «количественная характеристика или степень проявления свойства». Когнитивный признак «вспомогательный или определяющий фактор в достижении поставленной цели, в преодолении трудностей, преград» также выражается в семантике следующих пословиц *упорство ведёт к цели; настойчивый найдёт, он и в камень гвоздь забьёт; перед настойчивым и горы преклоняются; усердием и упорством*

можно всего добиться; упорство (терпение) и труд всё перетрут; упорный труд всё побеждает; где нельзя перескочить, там можно перелезть.

Следует отметить, большинство пословиц характеризуется ситуативностью и образностью. В некоторых пословицах образы животных (кобылки и муравья) используются для выражения человеческого упорства: *захочет кобылка овса, так вывезет на гору; муравей невелик, а горы сворачивает.* В других пословицах используются образы природных явлений: *(помаленьку) капля/капля по капле/вода/(и) камень долбит/точит; камень долбит капля воды стойкостью (постоянством); капля долбит камень — кольцо стирается от употребления; текущая вода дорогу найдет.* В этих пословицах подчёркиваются такие признаки как «последовательность, продолжительность и повторяемость действия» и «вспомогательный/определяющий фактор в достижении поставленной цели, в преодолении трудностей». Кроме того, в содержании концепта «УПОРСТВО» также репрезентируется когнитивный признак «доведение действия до конца»: *конец — делу венец; за что возьмётся, уж конца добьётся.*

На материале пословиц, репрезентирующих концепт «УПОРСТВО», видим, что в русской языковой картине мира упорство тесно связано с трудовой деятельностью, так, с рыбным промыслом и земледелием: 1) *без труда не вынешь и рыбку из пруда; борова да водяна настойку любит; чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть; чтобы из ручья напиться, надо наклониться;* 2) *топор своего дорубится; за один раз дерева не срубишь; многими ударами дуб срубается; не вдруг Москва строилась; от многих ударов твердый (дуб) человек поддается;* 3) *летом не вспотеешь, так зимой не согреешься (вспотеть ‘трудиться над чем-либо долго и упорно’); в стужу (в мороз) и ленивец работает, чтобы согреться, — а в тепло трудолюбивый любит отдых; бесстужий не знает отдыха ни в тепле, ни в стужу (бесстужий ‘старательный, настойчивый’).* В этих пословицах выражаются следующие смыслы: 1) для

достижения поставленных целей сначала нужно прикладывать определённые усилия; 2) для достижения результатов требуется долгий и повторный труд; 3) упорный труд приносит выгодный и полезный результат.

Упорство представляет собой внутреннюю силу и имеет тесную связь с желанием и намерением человека. Этот признак отражается в семантике следующих пословиц: *своя воля страшной неволи; поищешь — найдёшь, захочешь — добьёшься; ищите и обряцете; на (всякое) хотенье (хотение) есть терпенье (терпение); кто хочет, тот добьётся; коли брюхом захотелось, так хоть роди да подай.*

Пословица *за доброе дело стоит хорошо постоять* показывает, что упорство должно проявляться в стремлении к доброму делу. Пословица *на кого не нужно, не насакивай, перед кем не надо, не упорствуй* показывает, что упорство должно применять только в определённых ситуациях. Таким образом, важными чертами концепта «УПОРСТВО» являются рациональность, благоразумность, рассудительность, что доказывается и пословицей *упорный человек должен быть предусмотрительным.*

В поговорках *у попа телёнка выпросит, у быка молока выпросит* создаётся образ настырного, настойчивого, дерзкого, предприимчивого человека. В семантике этой пословицы делается акцент на «настойчивое стремление к поставленной цели, настырность, неотступность, назойливость».

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что изучение фразеологических единиц является весьма перспективным и продуктивным способом раскрытия смыслового содержания концепта «УПОРСТВО», выявления специфики восприятия данного явления в русском языке и культуре. В результате анализа фразеологических материалов были выявлены следующие когнитивные признаки концепта «УПОРСТВО»: КП «черта характера», КП «духовная сила, желание, намерение», КП «направленное движение», КП «способность энергично действовать, приложить силы», КП «настойчивое стремление

к достижению поставленной цели, целенаправленное действие», КП «отстаивание своей позиции, мнения, решения», КП «продолжительность и непрерывность в трудовой деятельности, способность долго, безуданно заниматься чем-либо», КП «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость, способность не поддаваться внешнему воздействию», КП «твёрдое убеждение в необходимости что-либо делать», КП «свойство, требуемое для боевой, учебной или научной деятельности», КП «свойство, способное принести положительные результаты», КП «сопутствующие положительные свойства: выдержка, терпение, стойкость, настойчивость, смелость, разумность, предусмотрительность, решительность», КП «положительная оценка», КП «количественная характеристика или степень проявления свойства», КП «вспомогательный/определяющий фактор в достижении поставленной цели, в преодолении трудностей», КП «качество, которое должно проявляться в стремлении к доброму делу», КП «последовательность, продолжительность и повторяемость действия», КП «доведение действия до конца», КП «сопутствующие отрицательные свойства: неотступность, назойливость, навязчивость», КП «образы животных: муравей, кобылка», КП «образы частей тела и предметов: грудь, зуб, спина, камень, вода/капля воды, железа».

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 288 с.
2. Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. I. М., Государственное издательство художественной литературы, 1989. 431 с.

5. Жуков В.Н. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. М.: Русский язык. 2000. 544 с.
6. Зимин В.И., Ашурова С.Д. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь. М.: Школа-Пресс, 1994. 317 с.
7. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2008. 377 с.
8. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007. 785 с.
11. Мокиенко В.М., Степанова Л.И., Малински Т., Русская фразеология для Чехов. Оломоуц: Изд-во Ун-та им. Палацкого, 1995. 416 с.
12. Степанова М.И. Школьный фразеологический словарь. М.: Феникс, 2010. 117 с.
13. Сысоев В.Д. Пословицы и поговорки. М.: АСТ, 2009. 65 с.
14. Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее символарий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М.: Ленанд, 2007. С. 433—441.
15. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: справочное издание: в 2 т. Т. 2. М.: ФЛИНТА: Наука, 2004. 832 с.
16. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
17. Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: Ладья-Бук, Юнвес, 2003. 608 с.
18. Федулёнок Т.Н. Генетический прототип — основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. М.: МГУ, 1997. Вып. 4. С. 81—88.
19. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.
20. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник. М.: Огни, 1997. 371 с.

**CONCEPT OF “UPORSTVO” (PERSISTENCE)
IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION**

This article is devoted to the study of the linguistic representation of the concept “*persistence*” in the Russian linguistic worldview. The analysis is carried out within the framework of linguacultural and cognitive-semantic approaches to the linguistic phenomenon. The diversity and richness of phraseological means of expressing the concept “*persistence*” testify to the importance of this concept in the Russian language and culture. The results of the study show that the phraseological units objectifying the concept “*persistence*” are characterized by situationality and imagery. Analysis of their semantic features allows us to single out a number of cognitive features of the concept under study: “directed movement”, “persistent striving to achieve the set goal, purposeful action”, “defending one’s opinion and decisions”, “the ability to act energetically, apply a lot of work, strength, voltage”, etc. In the proverbial aspect, special emphasis is placed on the positive evaluative features of the concept “*persistence*”.

Keywords: concept, phraseological unit, proverb, persistence, cognitive attribute.

© *Фивейская Елена Александровна*
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК:
ИСКОННОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ
(анализируя материалы
«Словаря русского языка XXI века»)¹**

Статья посвящена анализу лексики официальной сферы, представленной в «Словаре русского языка XXI века», с точки зрения исконности/заимствованности ее лексических единиц, их качественного состава и количественного соотношения. Для маркирования такой лексики в словаре используется специальная социально-функциональная помета «офиц.». Приводится предварительная классификация официальных слов с учетом их словообразовательной структуры. На основе проанализированного материала частично опровергается общепринятый тезис о стабильности, относительной замкнутости и консервативности официального языка; подчеркивается особая роль словообразования, а именно морфологической деривации и словосложения в процессе его пополнения новыми лексическими единицами. Наблюдаемые словообразовательные связи между единицами соотносятся с элементами соответствующих словарных статей и иллюстрируются.

Ключевые слова: официальный язык, исконные слова, заимствования, лексикография, словарь, словарная статья, словообразование.

В отечественной лексикологии существует два традиционных представления об официальной лексике. В узком смыс-

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований» (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской).

ле это официально-деловой стиль законодательных текстов, делопроизводства, переписки, в широком смысле к официально-деловому стилю примыкают юрисдикционные, дипломатические, экономические и другие тексты (письменные и устные).

В «Словаре русского языка XXI века» (далее — Словарь), создаваемом в РГПУ им. А.И. Герцена под руководством Г.Н. Скляревской (на данный момент составлена основная часть словаря, опубликован проект Словаря [Проект XXI], подготовлены к печати первый и второй тома — буквы *А* и *Б*), для официальной лексики используется помета *офиц.* (официальное), имеющая социально-функциональную характеристику наряду с такими пометами, как *книжн.* (книжное), *публ.* (публицистика), *разг.* (в разговорной речи), *проф.* (в профессиональной речи), *жарг.* (жаргонное). Помета *офиц.* ставится «при словах официальной сферы употребления, в которую входят государственные постановления, правительственные заявления, дипломатические документы и т.п., а также маркирует лексику деловых бумаг (приказов, повесток, ведомостей, актов и т.п.)» [Проект XXI: 77].

Приведем примеры лексики, маркированной пометой *офиц.*: *аффилиация*, *бракосочетаться*, *векселедатель*, *выбытие*, *землепользователь*, *квартиросъемщик*, *недовыполнить*, *пассажиropеревозки*, *предуведомить*, *ходатайство*, *циркуляр*. Нередко стилистическую окраску официальности имеют служебные части речи — предлоги и союзы, например: *ввиду*, *впредь до*, *в свете*, *в связи с*, *в силу*, *в ходе*, *за неимением*, *как то*, *на предмет* и др. Помимо лексико-семантических вариантов слов, отраженных в Словаре в виде отдельных значений, пометой *офиц.* также снабжаются некоторые устойчивые терминологические словосочетания: *режим наибольшего благоприятствования*, *бюджетная инициатива*, *вид на жительство*, *выслуга лет*, *таможенная декларация* и некоторые аббревиатуры (этот материал находится за рамками представляемой работы).

На данный момент в Словаре разработано в общей сложности около пятисот единиц, относящихся к официальной лексике (массив словарных статей по буквам *А*, *Б* и *В* в основном составлен, по остальным буквам находится в процессе доработки).

В данном исследовании нас интересует словарный состав официальной сферы с точки зрения традиционного тезиса о стабильности, относительной замкнутости и консервативности ее языковых средств. Таким образом, наша задача — проанализировать данный материал, выявив исконные и заимствованные слова, а в случае заимствований — степень их освоенности в русском языке.

Рассмотрим массив исконных слов, выбранных из Словаря. **Исконным** считается слово, возникшее в русском языке по существующим в нем моделям или перешедшее в него из более древнего языка-предшественника (индоевропейского, праславянского или древнерусского). Всего на данный момент в Словаре разработано около 450 исконных слов, в том числе все служебные (около 300 слов с исконными корнями и около 150 слов, образованных от заимствованных основ по словообразовательным моделям русского языка). Среди исконных слов большинство составляют производные единицы, образованные при помощи следующих словообразовательных средств:

1) аффиксация — приставочные и суффиксальные образования (*вменение, ведение, взимать, взыскать, воспрепятствовать, выбытие, даритель, досмотр, извещение, имущий, истребовать, кормилец, надлежащий, оправдать, отвод, отозвать, поименовать, предупредить, приобщить, присовокупить, присутственный, рассмотрение, свидетельство, ходатайство* и их однокоренные); особенно активны словообразовательные модели с использованием приставок *без-* (*безвестный, безотзывный, бесхозный*), *за-* (*засвидетельствовать, заслушать, захоронить, зачислить*), *не-* (*невявление, негражданин, недействительный, не-*

имуций, неразглашение), о- (огласить, огосударствлять, опечатать, опись), у- (уведомить, удержание, удешевить, удорожание, ужесточить). Также сюда мы относим лексемы, образованные аффиксально от заимствованных слов (*адресат, безапелляционный, визировать, визитировать, внештатный, декларировать, демаркационный, ликвидировать, нерезидент, паспортизовать, регуляризация, рекомендатель, сертификация*);

2) словосложение в сочетании с аффиксацией (*благоприобретенный, бракосочетаться, взятокодатель, единоначалие, землепользователь, квартиросъемщик, малолетний, природопользователь, работодатель, совершеннолетний, удобоисполнимый, удобочитаемость*), в том числе с участием иноязычных основ (*афроамериканский, бюджетополучатель, векселедержатель, документооборот, пассажироперевозки, аппаратно-кадровый*);

3) словообразование с участием префиксоидов иноязычного происхождения (*видеозвукозапись, видеофонограмма, радиове щатель, телефонограмма*).

Оставшуюся, сравнительно небольшую часть массива официальной лексики (около пятидесяти лексем) составляют собственно **заимствованные** слова. Существуют различные классификации заимствований: в зависимости от формы и пути заимствования иноязычного слова, от его употребительности, степени семантической самостоятельности и ассимилированности в языке-реципиенте и т.п.; см., например, схему-классификацию в статье С.Е. Груенко [Груенко 2016: 47]. Выборка заимствований производится нами на основании этимологического подхода, в соответствии с которым иноязычными словами считаются те, в словарных статьях которых необходимо указывать информацию об их этимологическом происхождении. В морфологическом отношении это, как правило, наиболее простые слова в составе соответствующих словообразовательных гнезд, пришедшие в основном из германских и романских языков (*апостиль, виза,*

дезаурировать, декларация, демаркация, директива, инвентарь, ликвидация, парламентар), а также так называемые интернационализмы, образованные преимущественно от греческих и латинских корней (аннулировать, аффилиация, делегировать, пролонгация, статус, циркуляр).

Таким образом, предварительную обобщенную классификацию слов официальной сферы можно представить следующим образом:

1) слова с исконными корнями (непроизводные и производные);

2) иноязычные неологизмы — собственно заимствованные слова (непроизводные);

3) словообразовательные неологизмы — исконные слова, образованные от иноязычных основ по словообразовательным моделям русского языка (производные).

На основании проанализированного материала мы, с одной стороны, отчасти подтверждаем тезис об относительной устойчивости, консервативности и традиционности языковых средств официальной сферы — собственно заимствованных слов по сравнению с исконными не очень много. Но, с другой стороны, необходимо обратить внимание на лексическую незамкнутость, открытость этой языковой сферы, так как она активно пополняется новыми единицами — в основном за счет интенсивного **словообразования** при ассимиляции иноязычных основ.

Словообразование во все времена являлось традиционным поставщиком новых слов в русском языке. Достаточно упомянуть некоторые относительно давно сложившиеся словообразовательные гнезда с **исконными** опорными словами, такими, как *иметь => имущий, неимущий; уведомить => уведомление, предуведомить; брак => бракосочетание, бракосочетавшийся, брачующиеся* и др. Приведем в качестве иллюстрации словообразовательных отношений разработанное в Словаре гнездо со словом *взыскать*. Словообразовательные связи отражаются в Словаре, как правило, при помощи отсылочных толкований «действие по глаголу...», «относящий-

ся к...», «страд. к...» и т. п. или при помощи описательных толкований с участием производящего слова (см. ниже примеры дефиниций в составе словарных статей). О принципах и специфике организации зон словарной статьи (грамматики, этимологии, толкований, речений и т.д.) в «Словаре русского языка XXI века» см. в [Проект XXI: 28—125].

ВЗЫСК'АТЬ, *взыщ'у, вз'ыщешь, прич. страд. прощ.* *вз'ысканный, ая, ое, кан, а, о, св;* **ВЗ'ЫСКИВАТЬ**, *аю, аешь, нсв.* **1.** *Офиц.* Принудить заплатить (налог, пошлину, штраф и т.п.), отдать (имущество). *В. исковую сумму с ответчиков. В. недоимку. В. имущество за неуплату по кредиту. Банки взыскивают пеню за просрочку платежей по ипотеке. С организации взыскан штраф. **2.** *с кого, чего за что. Офиц.* Привлечь к ответственности, подвергнуть наказанию. *В. с нарушителей дисциплины. Организация взыскала с грузчиков за поврежденную при перевозке мебель.**

ВЗЫСК'АТЬ => ВЗЫСК'АНИЕ, *я, ср. Офиц.* **1.** Действие по глаголу *взыскать*; налог, пошлина, штраф. *В. процентов по кредиту. В. земельного налога. В. задолженности по оплате жилья. < Сумма взыскания за проезд на красный свет.*

ВЗЫСК'АТЬ => ВЗ'ЫСКИВАТЬСЯ, *ается, нсв. Офиц.* Страд. к *взыскивать* (1 и 2 зн.). *С нарушителя порядка взыскивается штраф. Алименты взыскиваются с официальной зарплаты должника.*

ВЗЫСК'АНИЕ => ВЗЫСКН'ОЙ, *'ая, 'ое. Офиц.* Связанный с *взысканием* (1 зн.) налогов, пошлин, штрафов и т.п. *Размер взыскных сумм. К заемщику могут быть применены различные взыскные санкции. Суд направляет в. лист в адрес должника.*

ВЗ'ЫСКИВАТЬ => ВЗ'ЫСКИВАНИЕ, *я, ср. Офиц.* Действие по глаголу *взыскивать*. *В. штрафа за стоянку в неположенном месте. Незаконное в. с жителей дома за ремонт лифта. Правила взыскивания задолженности.*

Далее следуют особенно интересующие нас иллюстрации разработки в Словаре словообразовательных гнезд, сформировавшихся в последние десятилетия от **займствованных** слов.

Наиболее типичные варианты **словообразовательных цепочек**: глагол => абстрактное существительное => прилагательное; существительное => глагол => абстрактное существительное; существительное => прилагательное; глагол => страдательный глагол; глагол => приставочный глагол. Обширные словообразовательные связи свидетельствуют о высокой степени освоенности этих заимствований в русском языке.

АФФИЛИ'АЦИЯ, и, ж. [*ср.-лат. affiliatio* усыновление] ...

3. Офиц. Указание на место выполнения работы, результаты которой изложены в научной статье. *Правильное оформление аффилиации. Некорректная а. исследователя. Данные о самом авторе должны быть отделены от аффилиации.*

АФФИЛИ'АЦИЯ => АФФИЛИАЦИ'ОННЫЙ, ая, ое. ...

3. Офиц. Относящийся к аффилиации (3 зн.), связанный с ней. *Аффилиационная запись в индексе научного цитирования.*

АФФИЛИ'АЦИЯ => АФФИЛ'ИРОВАТЬ, рую, руешь, св и нсв; кого, что. ... **2. Офиц.** Связать/связывать, соединить/соединять с какой-л. организацией в качестве сотрудника, исполнителя. *Указать организационную единицу внутри института, с которой аффилирован автор публикации.*

АФФИЛ'ИРОВАТЬ => АФФИЛ'ИРОВАТЬСЯ, руюсь, руешься, св и нсв. ... **2. Офиц.** Указать/указывать аффилиацию (3 зн.). *Баллы к оценке эффективности деятельности научных сотрудников начисляются в том случае, если автор публикации аффилируется с университетом.*

ДЕКЛАР'АЦИЯ <де>, и, ж. [*франц. déclaration* < лат. *dēclarātion* заявление, объявление] **1. Офиц.** Официальное провозглашение каких-л. принципов, положений от лица государства, партии, организации, а также документ, в котором они изложены. *Д. государственного суверенитета.* **2. Офиц.** Официальный документ с сообщением требуемых сведений. *Имущественная д. Д. о доходах. Заполнить декларацию.*

ДЕКЛАР'АЦИЯ => ДЕКЛАРАЦИ'ОННЫЙ <де>, ая, ое. *Офиц.* Относящийся к декларации, заполнению декларации (2 зн.). *Д. период. Декларационная кампания.*

ДЕКЛАР'АЦИЯ => ДЕКЛАР'ИРОВАТЬ, рую, руешь, св и нсв; что. 1. *Офиц.* Заявить/заявлять в декларации (1 и 2 зн.). *Устав ООН декларирует уважение права каждого народа свободно выбирать пути и формы своего развития. Положения, декларированные в Конституции.*

ДЕКЛАР'ИРОВАТЬ => ДЕКЛАР'ИРОВАНИЕ, я, ср. 1. *Офиц.* Действие по глаголу декларировать (1 зн.). *Д. груза. Процедура декларирования валютных средств. Российский союз таможенных брокеров оказывает услуги декларирования.*

ДЕКЛАР'ИРОВАТЬ => ДЕКЛАР'ИРОВАТЬСЯ, руетса, нсв. 1. *Офиц.* Страд. к декларировать (1 зн.). *Перевозчиком декларируются грузы на таможене.*

ДЕКЛАР'ИРОВАТЬ => ЗАДЕКЛАР'ИРОВАТЬ, рую, руешь, св; что. 1. *Офиц.* Указать в декларации (1 зн.). 3. *товар. 3. дивиденды. 3. груз при прохождении таможен.*

Как уже упоминалось выше, помимо аффиксации достаточно активно реализуется **словосложение**:

АППАР'АТ², а, м. *Офиц.* Органы центрального или местного управления; совокупность сотрудников таких органов. *Административный а. Численность управленческого аппарата. Работники профсоюзного аппарата. Руководитель аппарата правительства. Объекты аппарата Министерства обороны. < А. президента. Партийный а. Структура аппарата Думы.*

АППАР'АТНО-К'АДРОВЫЙ, ая, ое. *Офиц.* Относящийся к кадровому составу аппарата², связанный с кадрами (2 зн.) органов центрального или местного управления. *Аппаратно-кадровый подход к планированию. Аппаратно-кадровые преобразования. Аппаратно-кадровые ресурсы. Аппаратно-кадровые полномочия.*

АППАР'АТНО-ХОЗ'ЯЙСТВЕННЫЙ, ая, ое. *Офиц.* Связанный с хозяйственной (1 зн.) деятельностью аппарата². *Аппаратно-хозяйственная иерархия областной администрации. Аппаратно-хозяйственное совещание исполнительного совета города. Аппаратно-хозяйственный отдел внутреннего контроля.*

АПШАР'АТНО-ЧИН'ОВНИЧИЙ, ья, ье. *Офиц.* Относящийся к чиновникам аппарата², связанный с ними; характерный для чиновников органов центрального или местного управления. *Аппаратно-чиновничья должность. Аппаратно-чиновничья борьба за карьерный рост. Аппаратно-чиновничья бюрократия.* < *Политический блок создавался аппаратно-чиновничьими методами.*

Подводя **итоги анализа заимствованных слов** официальной сферы, мы присоединяемся к выводу А.В. Михайловой о том, что к основным причинам активного использования иноязычных заимствований в официально-деловой сфере, наряду с потребностью в обозначении новых реалий, относится также стремление языка к экономии, компактности обозначения понятий, приводящее к замене описательных наименований однословными [Михайлова 2003]. Примеры таких наименований с их описательными толкованиями из материалов Словаря: *адресант* 'лицо, учреждение, организация, посылающие почтовое или телеграфное отправление', *демаркация* 'установление или обозначение каких-л. границ на основе договоров и соглашений, заключенных между смежными государствами', *директива* 'указание, распоряжение вышестоящего органа или должностного лица, обязательное для выполнения', *инвентарь* 'подробная опись, реестр наличного имущества с указанием количества и оценки', *продлонгация* 'продление срока действия чего-л.', *статут* 'устав, положение, определяющие полномочия и порядок деятельности какой-л. организации'.

Список литературы

1. Груенко С.Е. К вопросу классификации заимствованной лексики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск: Омская гуманитарная академия. 2016. № 1 (23). С. 43—49. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25684696_77914407.pdf
2. Михайлова А.В. Инновации в официально-деловом стиле русского языка новейшего периода (на материале жанров договора и письма-предложения): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 187 с.

3. Проект XXI — Словарь русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 143 с.

© *E.A. Fiveiskaya*

**THE OFFICIAL LANGUAGE:
NATIVE AND BORROWED VOCABULARY
(analyzing the materials
of “The dictionary of the XXI century Russian language”)**

The purpose of the article is to analyze native and borrowed words of the official sphere described in “The dictionary of the XXI century Russian language” with regard to their quantitative and qualitative ratio. To mark this vocabulary, a special social-functional tag is used. A preliminary classification of these words based on their word-formation structure is offered. On the basis of the analyzed materials the generally accepted thesis about the stability, relative isolation and conservatism of the official language is partially refuted; the special role of morphological derivation and compounding in the process of its replenishment with the new lexical units is emphasized. The observed derivational connections between the units are correlated with the elements of the corresponding dictionary entries and are illustrated.

Keywords: official language, native words, borrowings, lexicography, dictionary, entry, word formation.

ПИЛОТЕССА, ФРЕНДЕССА, ГОТЕССА: АКТИВИЗАЦИЯ СУФФИКСА ЖЕНСКОСТИ -ЕСС(А) В XXI ВЕКЕ

В статье описывается исследование функционирования заимствованного суффикса женскости *-есс(а)* в современном русском языке конца XX — начала XXI века методами корпусной лингвистики. Обнаружена тенденция активизации использования суффикса *-есс(а)*. Во-первых, это проявляется в росте использования некоторых редких старых дериватов, образованных на русской почве, в частности, *адвокатесса*, *критикесса*, *пилотесса*. Во-вторых, на фоне этого более активного использования в нулевых годах XXI века образуются новые дериваты: *френдесса*, *готесса*, *нердесса* и пр. Материалом послужили данные корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), сервиса поиска сканированных книг *google.books*, словарей, сервиса статистики запросов в *google.trends*, результаты поиска в сети Интернет с помощью поисковых машин Google и Яндекс.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, деривация, корпусная лингвистика, динамические процессы, языковые изменения, словообразовательные модели, суффиксы женскости, дериваты женскости, *nomina feminina*, феминитивы.

Русские номинации женщин (феминитивы) включают как исконные дериваты, образованные с помощью богатого арсенала суффиксов женскости (*пассажир* — *пассажирка*), так и заимствования, например, *актриса* из фр. *actrice*.

Заимствования на *-есса* (орфографически в начале XVIII века иногда *-еса*) приходят в русский язык, начиная с петровской эпохи, см. *принцесса* (с 1705 через нем. *Prinzessin* из франц. *princesse*) и *мемпеса* (с 1705, из фр. *maîtresse*), см. [Словарь русского языка XVIII века]; далее, в XX—XXI веках *поэтесса* из

фр. *poétesse*, *патронесса* из фр. *patronnesse*, *стюардесса* из англ. *stewardess*, *клоунесса* из фр. *clownesse* и пр. В русском языке заимствования на *-есса* имеют парные заимствования мужского рода: *поэтесса* — *поэт*, *баронесса* — *барон*, уст. *чемпионесса* — *чемпион*, поэтому сегмент *-есс(а)* легко вычленился как значимая часть слова — показатель женскости. См. «...выделяются три заимствованных интернациональных суффикса лица женского пола: 21. *-есс(а)* (фр. *-esse*, итал. *-essa*) преимущественно в титулах или в профессиональных обозначениях артистического и спортивного характера: *принцесса*, *баронесса*, *догаресса*, *чемпионесса*, *поэтесса* и т.п. (все примеры заимствованные. — И.Ф.)» [Виноградов 1972: 112].

Вопрос продуктивности суффикса в самом русском языке затрагивается лишь со второй половины XX века.

Авторы Академической Грамматики 1960 г. считают суффикс непродуктивным [Грамматика 1960: 234]. То же постулирует М.В. Панов в контексте утраты феминитивов в течение советского времени: «Утрачиваются слова жен. р. с непродуктивными, не ставшими русскими, суффиксами: *директриса... адвокатесса* и др.» [Панов 1968: 211]. Е.А. Земская говорит об окказиональном использовании в разговорной речи «суффиксов, непродуктивных в кодифицированном литературном языке: *-иня*, *-ица*, *-есса*, *-иса*», создании на лету дериватов типа *режиссёресса*: *я знал одну психиатрессу, одна профессоресса из МГУ, с композиторессами скорее, к нам приходила одна критикесса*, отмечая в них «некоторую шутливость, подчас манерность, а иногда оттенок уважительности» [Земская 1981: 101]. В другой работе 1980-х годов она четко формулирует: «существительные с суффиксом *-есс(а)*... представляют собой непродуктивный тип»; при этом «очень активный в порождении окказионализмов... сатирического или шутливого характера», ярким примером чего служит юмореска 1968 года «А вот поздравление женщинам-писательницам с днем 8 Марта, опубликованное на 16 странице «Литературной газеты»: *В связи с наступлением 8 Марта мужская часть администрации*

«Клуба ДС» постановляет: Поздравить а) поэтесс, б) проза-
есс, в) драматургесс, г) критикесс, д) очеркесс, е) переводесс,
ж) фельетонесс, з) баснописцесс, и) юморесс, к) сатирикесс
и вообще всех женщин» [Земская 2011: 247]. То есть для нее
суффикс продуктивен исключительно окказионально.

Л.П. Крысин в работе 1968 г. «Иноязычные слова в
современном русском языке», отмечая вытеснение слова
бортпроводница англицизмом *стюардесса*, пишет: «Возможно,
это... повлияло в русском языке на активизацию англоязычно-
го суффикса *-есса*, который отмечен Академической граммати-
кой как непродуктивный. Ср. слова *адвокатесса*, *гидесса*, *пи-
лотесса* и др.» [Крысин 1968: 181]. Интересно, что феминитив
адвокатесса, приводившийся М.В. Пановым, постулировавшим
непродуктивность *-есс(а)* в цитируемом сочинении, Л.П. Крысин
в том же 1968 году приводит как доказательство продуктивности
суффикса. По нашим данным, *адвокатесса* действительно
русский дериват, при этом уже в середине XX века не
новый; к сожалению, его интересная история не может быть
здесь приведена из-за недостатка места и несоответствия
тематике сборника. Наконец, Академическая грамматика-80
также полагает, что «тип обнаруживает продуктивность» и
приводит два новых образования *гидесса* и *критикесса* (без
стилистических помет), а также отдельно 4 окказионализма с
пометой (шутл.): *гигантесса*, *авторесса*, *агентесса*, *комикесса*
(журн.) [Грамматика 1980: 200].

В любом случае в языке советского времени суффикс
-есса — весьма периферийный показатель женскости, но есть
основания полагать, что с конца XX века он увеличил свое при-
сутствие в языке и речи.

Во-первых, это касается роста употребительности некоторых
старых дериватов. В исследовании сопоставлялись численности
употреблений в базах данных слов *адвокатесса*, *критикесса* и
пилотесса в советский (доперестроечный, с 1917 по 1986 год,
далее — советский период) и постсоветский (перестроечный и
постперестроечный, с 1987 по 2020 год, далее — постсоветский

период) периоды. Учитывались вхождения во все корпуса НКРЯ и употребления, найденные с помощью сервиса google.books (поиск в отсканированных книгах). Далее все примеры из НКРЯ даются в круглых скобках, примеры, найденные с помощью сервиса google.books, снабжаются названием книги и адресом, где находится отрывок из нее.

Адвокатесса: в советский период всего 21 употребление в базах данных, в том числе 4 в языке эмиграции первой волны, например: *...Моя адвокатесса была одной из представительниц той «славной плеяды», которая на своем знамени смело начертала — дорогу эмансипированной женщины* (Евгений Тизенгольд, Без родины. 1930, стр. 101); 4 — в дневнике А.А. Тарковского периода эмиграции: *Адвокатесса [Кау] ждет меня завтра: Анна-Лена прислала контракт, в котором опять что-то не в порядке* (А.А. Тарковский, Мартиролог. Дневники 1970—1986, 1984 // НКРЯ). В советских текстах слово могло быть номинацией иностранки: *Справа за роялем миссис Лунд, в прошлом одна из самых многообещающих лондонских адвокатесс, а ныне личный секретарь миллиардера* (Комсомольская правда. 1964. 29 марта) (цит. по: [Крысин 1968]).

В постсоветский период 84 употребления в базах данных (то есть в 4 раза больше за вдвое меньший период), как нейтральных, так и ироничных, в основном в литературе массового спроса, кинорецензиях и СМИ: *Хрупенькая адвокатесса проверещала, что подсудимые молоды, а матери их ждут, она просит суд о снисхождении...»* (Сергей Каледин. Записки гробокопателя, 1987—1999 // НКРЯ); иногда в фривольном контексте: *Адвокатессу за нарушение правил посещения заключенных из изолятора немедленно выставили* (Александр Рогоза. Молодую женщину-адвоката выгнали из СИЗО за секс с заключенным. Комсомольская правда, 23.01.2014 // НКРЯ). Нейтрально: *По словам адвокатессы Елены Липцер, оба жалуются на нарушение двух статей Европейской конвенции по правам человека — 3-й, гарантирующей*

право не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, и 5-й, гарантирующей свободу и личную неприкосновенность» (Проценко Александр. Экономический обозреватель “Труда”. СРОК ВПЕЧАТЛЯЕТ. Труд-7, 01.06.2005 // НКРЯ).

Критикесса в советский период еще реже: 16 употреблений в базах данных, включая примеры из лингвистической литературы, в том числе из указанного сочинения Е.А. Земской (поздравление с 8 Марта на 16 странице «Литературной Газеты»). Дважды слово употреблено в шуточных стихах К.И. Чуковского «Трудодень критикессы» (1960-е, точная дата не установлена) и Д.С. Самойлова. «Бедная критикесса...»/«В духе Галчинского» (1979). В НКРЯ 5 вхождений. Большинство употреблений иронично, например: *Какая-нибудь критикесса «у ковра» пишет: «режиссерский почерк». Ох, как надоели эти прописи!* (Григорий Козинцев. Из рабочих тетрадей, 1948—1969 // НКРЯ). Академическая грамматика-80 отмечает использование в журналах образования по аналогии *комикесса*.

В постсоветский период рост почти пятикратный: 74 употребления в базах данных. В том числе рост вхождений в НКРЯ почти десятикратный: 46 вхождений. Среди контекстов есть и оценочно нейтральные: *Старуха с идеально прямой спиной, театральная критикесса в прошлом, особа весьма и весьма интеллигентная, она обладала железной волей* (М.Г. Зайцев, Путь Самурая. 2004, стр. 78. <https://rbook.me/book/700812/read/page/1/>); *...героиня Лавровой была списана ленинградским драматургом с моей московской приятельницы, театральной критикессы...* (Николай Климонтович. Далее — везде, 2001 // НКРЯ).

Пилотесса в советский период в НКРЯ отсутствует полностью, в google.books всего 4 употребления, с 1965 по 1979 гг., включая пример Л.П. Крысина: *Я вместе со второй своей пилотессой поднялась на большую высоту* (радио, 15.08.1965)» (цит. по: [Крысин 1968]). Слово везде нейтрально, например: *Любовь Васягина — единственная в мире пилотесса, «открывшая» Се-*

верный полюс» (Сильнее земного притяжения // День Аэрофлота / Новости, 1973, с. 45).

В постсоветский период 30 употреблений, также нейтральных стилистически и оценочно. В том числе в НКРЯ 20 вхождений, с 2008 по 2018, исключительно из СМИ. По google.books найдено 10 употреблений, в литературе массового спроса и документальной.

В статистике запросов google.trends запросы слова *критикесса* начинаются с ноября 2006, *адвокатесса* — с декабря 2006, *пилотесса* — с июня 2009.

Наконец, дериваты *адвокатесса* и *критикесса* впервые включаются в научные словари: *адвокатесса* с пометой *разг.* в словарь Ожегова-Шведовой (1992) [ТСРЯ]; *критикесса* в Исторический словарь галлицизмов русского языка [Епишкин, http]; *адвокатесса* и *критикесса* в орфографический словарь Лопатина-Ивановой [РОС 2013].

Далее, в XXI веке появились новые дериваты на *-есс(а)*.

Новое нейтральное *френдесса* ‘подписчица в блоге/соцсети’ образовано в языке интернета не позднее 2007 года от заимствованного со сдвигом значения *френд* ‘подписчик в блоге/соцсети’ из англ. *friend* ‘друг’. В НКРЯ 3 вхождения, все в СМИ, в google.books 12; итого в базах данных 15 употреблений. В 2007 это ещё новинка: ...*мне попало* недавно в «Неделе» диковинное *френдесса* (М.А. Кронгауз, Ольга Мартыненко. Язык меняется — значит, он живой, 2007 // НКРЯ); спустя 6 лет уже ожидается, что читатель СМИ его знает: *Вот вчера одна френдесса в Фейсбуке привела себя в пример...* (Марина Талагаева. На ошибках учатся? Комсомольская правда, 13.06.2013 // НКРЯ).

Новое нейтральное групповое *готесса* ‘представительница готов — молодежной субкультуры’ появилось, судя по дате публикации «Готы живут рядом...» в Волгоградской еженедельной информационно-развлекательной молодежной газете «Молодой. Свежее решение» (16.09.2004, <http://www.molodoi-gazeta.ru/article-691.html>), не позднее 2004. В Википедии в статье «Готы» 7 употреблений слова *готесса* в указанном значении.

Новое ироническое *пацанесса* с игрой на противоречии коннотаций основы и суффикса, вышло по употребительности за рамки окказионализма, см. ниже.

Новое нейтральное групповое *квилтесса* ‘любительница лоскутного шитья’ образовано от *квилт* из англ. *a quilt* ‘лоскутное одеяло’ (не от *квилтер* ‘любитель лоскутного шитья’) не позднее 2010 года, судя по публикации в блоге «Дела рукодельные» от 27.02.2010, где читаем: *Я влюблена в Кумико Судо. Тем, кто пока о ней не слышал, поясню — это японская квилтесса* (<http://titikakatm.blogspot.com/2010/02>).

Заемствование *нерд/нёрд*, из англ. *nerd* (‘зануда’, ‘ботаник’, ‘человек, увлеченный учебой или наукой в ущерб социализации’) образовано в русском языке не позднее 2001 года, судя по статье «*Нерд — создание программирующее, но не программируемое*», опубликованной на Портале электронных СМИ для предпринимателей «Деловая пресса» в № 3(76) от 24.01.2001 (http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_37_aId_50996.html), а новое сленговое *нердесса* — не позднее 2013 года, судя по картинке с текстом *Три типа задротинь: Гикесса, Нердесса и Хикимора* (<http://atkritka.com/231875/>), выложенной 07.02.2013. Может быть и заимствованием от редкого англ. *a nerdess* ‘девушка-нерд’.

В целом по состоянию на 09.11.2020 по запросу в Google максимальное число результатов у нового *френдесса* — 62 100. Далее идут *адвокатесса* (39 600 результатов), новое *готесса* (36 600 результатов), *пилотесса* (28 200), *критикесса* (21 700), новое *пацанесса* (5990, в Яндекс — 7000 результатов), новое *квилтесса* (меньше тысячи, в Яндекс — 4000), новое *нердесса* (меньше тысячи, в Яндекс — 3000).

Однозначность суффикса делает внутреннюю форму образования более прозрачной, т.е. понятной, предохраняет от омонимии, к которой привел бы, например, феминитив на *-к(а)* от основы *пилот*. «Правильное» *критичка* по единственной традиционной модели от основ типа *критик* было бы малопонятным, могло восприниматься как универбат словосочетания с прила-

гательным *критический*, поэтому *критикесса* — это не всегда способ выразить шутливость, иногда это способ выразить женскость понятным образом, где шутливость «идет в нагрузку». Суффикс *-есса* начинается на гласную, и это сильная позиция для конечных согласных основ, парных по глухости/звонкости, типа *френд, гот, нерд*, что также способствует понятности феминитива (особенно важно для коротких основ, которые можно спутать с омофоничными). Явным ограничением (но и нишей) суффикса при образовании нейтральных феминитивов является заимствованный характер основ; в противном случае возникает эффект шутки.

Таким образом, суффикс *-есса*, долго не производивший новых слов, встречавший на пути к продуктивности такие барьеры, как сокращение употребления феминитивов в целом и снижение их стилистического статуса в советскую эпоху, на рубеже XX—XXI веков обретает нишу там, где не подходят более продуктивные суффиксы. Вероятно, роль суффикса и роль феминитивов на *-есс(а)* в ближайшее время продолжат расти.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа: 1972. 601 с.
2. Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1960. Т. 1. 719 с.
3. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное изд-во ЭТС, 2010. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: общие вопросы, словообразование, синтаксис. М.: Наука, 1981. Т. 2. 275 с.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.
6. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке». Наука, 1968. 208 с.
7. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>
8. Панов М.В. Словообразование современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 299 с.

9. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Вып. 1—6. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991; Вып. 7—19. СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992—2011.
10. РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов, ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова / под ред. В. В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с. (Фундаментальные словари русского языка).
11. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1992. 907 с.

© *I.V. Fufayeva*

**PILOTESSA, FRIENDESSA, GOTESSA.
ACTIVIZATION OF FEMININITY SUFFIX -ESS(A)
IN THE XXI CENTURY**

The article describes the study of the functioning of the borrowed suffix of femininity *-ess(a)* in modern Russian of the late 20th — early 21st century using the methods of corpus linguistics. There is a tendency to increase the use of the suffix *-ess(a)*. First, this is reflected in the growing use of some rare old derivatives formed on Russian soil, in particular, *advokatessa*, *kritikatessa*, *pilotessa*. Secondly, against the background of this more active use in the noughties of the 21st century, new derivatives are formed: *frendessa*, *gotessa*, *nerdessa*, etc. The material served as the data of the corpora of the National corpus of the Russian language (RLNC), a search service for scanned books *google.books*, dictionaries, service statistics of search queries in Google *google.trends*, the results of the searches on the Internet using search engines Google and Yandex.

Keywords: Russian language, word formation, derivation, corpus linguistics, dynamic processes, linguistic changes, word-formation models, suffixes of femininity, derivatives of female, nomina feminina, feminitives.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ДИМИНУТИВОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ¹

Цель настоящей работы — внести коррективы в существующие концепции об инварианте семантики и функции диминутивов. Выдвигается предположение, что причина употребления большого количества диминутивов в общении с маленькими детьми кроется не просто в родительском инстинкте — бережения, ласки и т.п. — как реакции на частное проявление в ребенке «малости»; существует еще и глубокий, древний слой функции диминутивных форм, восходящий к магическому мировосприятию, к которому и можно возвести некоторые особенности «языка нянь». Человек, обладающий наивным миропониманием, сам номинирует диминутивами те объекты, которые посредством этих форм должны быть «одомашнены», вовлечены в его непосредственный мир, как бы прикрепляя к каждому предмету этикетку «мой», стремясь этот малый мир сделать безопасным, уютным, «своим». Эти древние функции в трансформированном виде отражены и в современной речи и подтверждаются материалом современных русских текстов и собственных наблюдений.

Ключевые слова: диминутивы, эмоционально-коммуникативная функция, язык нянь, освоение языка, обратный дериват, магия языка.

На особый статус диминутивов обращают внимание уже в эпоху первых грамматик русского языка, ср. высказывания Генриха Вильгельма Лудольфа в изданной им в Оксфорде в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

1696 году на латинском языке *Grammatica Russica*: «Русские пользуются уменьшительными именами не только тогда, когда хотят ласково обратиться к кому-нибудь, как напр., *дружокъ* от *другъ*, но из учтивости они подписывают свои имена в письмах всегда в уменьшительной форме, *Иваика* вместо *Иванъ*, *Петрушка* вместо *Петръ*» [Ларин 2002: 613]. Автор-иностранец не просто отмечает употребление этих форм, но и выделяет разные функции диминутивов — в нашем случае функции ласкательно-уменьшительную и этикетно-самоуничижительную.

Как пишет Я. Гримм в *Deutsche Grammatik*, «уменьшительная форма выражает понятие не только немногого и малого, но и любезного, ласкательного. Поэтому уменьшительную форму придаем мы и великим, возвышенным, священным и даже страшным предметам для того, *чтобы доверчиво к ним приблизиться и снискать их благосклонность* (курсив наш. — Х.И.). Особенно в словах последнего рода первоначальное понятие уменьшения со временем утрачивается и становится нечувствительным: так, французское *soleil*, славянское *солнце* — слова уменьшительные, хотя в теперешнем их употреблении уменьшения и не чувствуется.» ([Grimm 1831: 664]; цит. по: [Виноградов 1972: 98]). Великий классик уже в 1831 году выдвинул гипотезу о мотивации возникновения диминутивов, обозначая также и их возможную дальнейшую судьбу — лексикализацию с потерей словообразовательной семантики.

В настоящей статье постараемся углубить наблюдения Я. Гримма, а также выявить отголосок явлений древнейшей эпохи развития языка на материале диминутивных форм современного русского языка, выполняющих широкий спектр речевых, эмоционально-коммуникативных функций. Конкретная функциональная нагрузка диминутивных форм в разных языках — точнее, в речи носителей этих языков — зависит от ряда контекстуальных, ситуативных и иных факторов, не все из которых поддаются строгой систематизации. Для русского языка, к примеру, характерно большое количество морфологических

средств для образования форм, которые мы обычно относим в разряд диминутивов — соответственно велика и разнообразна и их роль в речи. С другой стороны, можно отметить в данном отношении, к примеру, сравнительную бедность морфологии современного английского языка, в то время как венгерский язык, входящий в уральскую семью, на данной шкале занимает промежуточное положение, не имея, в частности, такого богатства стилистических возможностей диминутивов, как русский (ср.: [Péter 1991: 86]). Весьма интересной представляется проблема универсальности диминутивности в языке с учетом ее разнообразного морфологического выражения и функционально-семантических особенностей, однако изучение этого вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи.

Диминутивы играют ключевую роль в процессе освоения родного языка. Ребенок испытывает на себе влияние так называемого «языка нянь», одной из характерных особенностей которого является чрезмерная насыщенность диминутивами. Механизм спонтанного возникновения такого неконтролируемого речевого поведения (ср.: [Гаврилова 2002]) обычно трактуют как проявление родительского инстинкта, вызванного ключевыми стимулами: небольшой размер, особенности лица, голоса и движений, которые позволяют воспринимать малыша как «милого», нуждающегося в защите [Курьшева 2011].

Трудно не согласиться с вышесказанным, однако это лишь одна сторона ситуации — родитель. А родитель «тоже был когда-то ребенком». С другой стороны, рассматривая ситуацию с точки зрения ребенка, мы видим, что через идентификацию некоторых конкретных предметов исключительно диминутивами, а не их нейтральными коррелятами, акт первичного познания и освоения мира связывается именно с уменьшительными формами, т.е. до определенного возраста мы попросту знакомы лишь с диминутивными обозначениями некоторых предметов. Таким образом в начале своей «языковой биографии» в качестве нейтральных форм мы осваиваем в основном квази-лексикализованные диминутивы — *глазки*,

ротик, ручка, кровать, окошко, солнышко, братик, мишка и подобные им, которые являются единственными возможными обозначениями соответствующих предметов и не осознаются ребенком в качестве диминутивов.

Иными словами, на месте неуменьшительных названий предметов выступают уменьшительные формы, подобно тому, как табуированное название заменяется его нетабуированным коррелятом. По сути дела, ребенок в ходе своего когнитивно-языкового развития повторяет древние «примитивные» стадии развития, для которых, в частности, характерны разные формы проявления магического мировосприятия. То, что современное нейтральное *солнце*, в котором довольно прозрачно выявляется суффикс *-це* (ср.: *оконце*), в праславянскую эпоху вытеснило недиминутивную форму **сьльнь* (ср. древнюю форму *посолонь* ‘по ходу солнца’) представляет собой явление такого же порядка, как, к примеру, то, что *медведь* (‘медоед’) в свое время заменил несохранившееся «запрещенное», «настоящее» название этого животного. Подобным образом возникновение общеславянского диминутива **līsica* от **līsa* в статье Этимологического словаря славянских языков [ЭССЯ 1988: 71] О.Н. Трубачев связывает с магическим действием этой формы — способностью защитить от ущерба домашнюю птицу.

Как известно, детство — «эго-состояние ребенка» по психологической модели транзакционного анализа (ср.: [Берн 2009]) — остается с человеком навсегда как один из способов мировосприятия и проявляется, к примеру, в ряде спонтанных реакций типа радости, нежности и других, характеризующих нерациональный, эмоциональный тип поведения, в нашем случае это освоение ребенком диминутивов, создающих ощущение защищенности и уюта.

Подытоживая вышесказанное, основной, архетипичной функцией диминутивов, восходящей к детскому магическому восприятию мира, воспоминания о котором хранятся в нашем взрослом сознании, мы считаем вовлечение предметов в наш собственный микрокосм через нечто, похожее на акт наречения

имени. Соответственно, для предметов, находящихся за пределами «маленькой страны» ребенка используются недиминутивы, индикаторами же принадлежности к безопасному миру, непосредственно связанному с ребенком, где все как бы имеет при себе «этикетку» притяжательного местоимения «мой», выступают диминутивные формы. Это вполне созвучно процитированным выше словам Я. Гримма, комментируя которые, М. Петер также отмечает, что «особое использование ласкательного уменьшения (о котором говорит Я. Гримм. — *И.Х.*), которое основывается на древнем магическом образе мышления, не чуждо и современному употреблению» [Péter 1991: 84]. Тем не менее, внесем небольшое уточнение — даже тогда, когда мы «уменьшительную форму» придаем «великим и ... страшным предметам», наша цель, как нам кажется, не в том, чтобы «доверчиво *приблизиться* к ним и снискать их благосклонность», как считает Я. Гримм, а, скорее, наоборот — *приблизить* эти предметы к себе, вовлечь в наш малый мир, «одомашнить», приручить, сделать *нашими*. Архетипический инвариант функции диминутивов, который проявляется в этой «притяжательности-номинации», впоследствии претерпевает дальнейшую трансформацию под влиянием многочисленных взаимосвязанных факторов, как бы абсорбируя разные дополнительные функции, обслуживающие типичные ситуации, возникающие в дискурсе новых, постоянно меняющихся социально-культурных условий. Это прослеживается как в ходе истории самого языка (функционально-семантические сдвиги, лексикализация и др.), так и на уровне «лингвистической истории» отдельно взятой личности (освоение языковых правил социально определенных ролей и выработка своего отношения к ним и др.).

На начальной стадии этого «языкового взросления» ребенок устанавливает соответствия между своими «детскими» квази-магическими диминутивами и «взрослыми» нейтральными формами: *ротик* — *рот*, *ботиночки* — *ботинки*, *стаканчик* — *стакан* и т.п. Таким образом, выделение морфологических

показателей диминутивов представляет собой один из первых этапов осознанного подхода к языку. Следующий шаг — активное подражание языку взрослых, в данном случае, через замену «своих» диминутивов синонимами без морфологического показателя диминуции, в ходе которой неизбежно создаются и несуществующие слова. В остроумном стихотворении Павла Шапшица — «Срезают лазером сосули, / В лицо впиваются снежины. / До останова добегу ли, / В снегу не утопив ботины?...» — эффект построен на доведении до абсурда таких обратных дериватов, которые могли бы характеризовать и речь ребенка, стремящегося говорить, «как взрослые»: **сосули*, **снежины*, **ботины*, **тарела гречи с белой *булой*, ... *Валентины *Матвиены*. Последнее слово указывает на обстоятельства появления стихов — реакция на неудачное употребление в 2010 году губернатором Санкт-Петербурга Валентиной Матвиенко гиперкорректной формы *сосуля* вм. *сосулька* (видимо, из стремления к более официальной речи): «В XXI веке сбивать сосули ломami — это уже, извините меня, каменный век» [цит. по Фуфаева 2017: 184].

В дальнейшем рассмотрим несколько примеров из разговорной речи, для интерпретации функционально-семантических особенностей которых предложенная нами концепция может быть полезной. Отметим, что мы не видим принципиального противоречия между нашей концепцией и подходом И. Фуфаевой, в рамках которого в качестве дифференциального признака как наиболее характерного экспрессивного словообразовательного значения (основного, одного из основных или побочного) диминутивов выбрана ласкательность [Фуфаева 2017]. Ласкательность, представляет собой необходимый компонент, частное проявление обозначенного нами общего процесса. Тем не менее, процесс этот предполагает две стороны: 1) — родителя, который не просто реагирует своим эго-состоянием взрослого на стимул

«малости», а, скорее, *спонтанно вспоминает* и *внутренне переживает* свое детское эго-состояние, и 2) — ребенка, который из объектов окружающего большого мира через наивные эмоционально-когнитивные механизмы, в том числе используя «подсказки» родителя, вернувшегося в свое детское эго-состояние, обустривает свой малый, уютный мир.

В наиболее чистом виде постулируемая нами первичная функция диминутивов сохранилась в современной речи в тех ситуациях, которые актуализируют фатическую функцию диминутивов. Ср.: *денек*, *водичка* и т.п. В высказываниях типа *Карандашика не найдется?*, *Водички не хочешь?* диминутивам часто приписываются — кроме роли установления/поддержки контакта в коммуникации — и другие функции: «смягчение речи», незначительность просьбы, внушение малости времени (*часик*) и др. Иногда же наоборот — утверждается, что это просто разговорная форма. Так Ф. Папп приводит следующий пример из своей жизни в СССР: Он вошел в московское метро с чемоданом среднего размера. Дежурная попросила его заплатить отдельно за провоз багажа, сказав следующее: «А чемоданчик ваш большой». Автор отмечает, что суффикс в слове *чемоданчик* в данной ситуации всего лишь указывает на принадлежность этой формы к разговорной разновидности литературного языка, как и форма *стаканчик* в просьбе *Стаканчик воды, будьте любезны* [Папп 1979: 43]. О фатической функции умалчивается, видимо, из дидактических соображений — цель упрощенной интерпретации в том, чтобы предостеречь венгерских студентов от формального, поморфемного перевода, результатом которого было бы простое уменьшение без выражения коммуникативной функции. Во всех перечисленных выше случаях можно предположить наличие компонента (мой, наш, тот предмет, который у тебя/у меня и т.п.), который, разумеется, в трансформированном виде, соответствует описанной выше древней «магической» инвариантной функции. Таким образом,

высказывание *Купите билетик* скорее имеет пресуппозицию (конкретный предмет, участвующий неким образом в нашей ситуации), а в нейтральном высказывании *Купите билет*, допускающем практически любую функцию, предмет можно интерпретировать (в том числе и) как отчужденный, находящийся за пределами нашей общей, приятной, уютной ситуации, тогда как в первом случае такая интерпретация едва ли возможна. Исследователи часто говорят о «создании комфортного стиля общения», о «свойскости». М. Кронгауз по поводу использования в названиях «пунктов питания» диминутивов типа *ресторанчик, кабачок, «У Катюши», «Моя мамочка»* говорит о «создании интимной атмосферы», «одомашнивании», «ощущении (!) уюта» [Кронгауз 2008: 96]. Это практически те же эмоции, что В. Гак связывает с «гастрономическими диминутивами» (*картошечка, водочка, пельмешки, супец* и др.) и другими диминутивами, обозначающими «приятные» предметы (*солнышко, морозец, кремик, бусики, фоточки, фильмец* и т.п.). Они все выражают именно удовольствие (см. [Гак 2000]). И. Фуфаева отмечает, что при этом говорящий не выражает отношение к «метафорическому ребенку», а сам «становится ребенком» [Фуфаева 2017: 132]. Добавим, что маленький мир этого ребенка должен быть уютным, а удовольствие и другие эмоции могут испытываться только по отношению к предметам, «прирученным», в данном случае, посредством диминутивов.

Как пишут И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев, в отличие от специфически русского понятия *простора*, понятие *уют* имеет аналоги в некоторых европейских языках, ср.: английское *cosy*, немецкое *Gemütlichkeit*, голландское *gezelligheid* [Левонтина, Шмелев 2005: 71], венгерское *otthonos, lakályos*, которые полностью созвучны нашей характеристике малого мира ребенка, в котором «живут диминутивы». Таким образом, интересным представляется вопрос о степени универсальности описанной в нашей работе древней инвариантной функции.

Список литературы

1. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии / пер. с англ. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/registr-obshcheniya-s-detmi202strukturnyi-i-sotsiolingvisticheskii-aspekty-na-materiale-russko>
4. Гак В.Г. «Гастрономический» диминутив в русском языке // Активные языковые процессы XX века: тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения 23—25 февраля 2000 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН). М.: Азбуковник, 2000.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 229 с.
6. Курьшева О.В. Проявление возраста в процессе социальной перцепции // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 6. Т. 60. С. 107—110.
7. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 688 с.
8. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы. // Зализняк А.А. et alia. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. С. 64—75. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2017. 258 с. URL: http://www2.rsuh.ru/binary/object_34.1521801225.0892.pdf
10. Grimm J. Deutsche Grammatik. Bd. 3. Göttingen. 1831 788 с. URL: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10583677_00677.html
11. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. Фонд / отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1974—2014. Вып. 1—39.
12. Papp Ferenc. Könyv az orosz nyelvről. Budapest: Gondolat, 1979. 476 с.
13. Péter Mihály. A nyelvi érzelm kifejezés eszközei és módjai. Budapest: Tankönyvkiadó, 1991. 304 с.

ON THE ISSUE OF FUNCTION OF DIMINUTIVES IN COLLOQUIAL SPEECH

The purpose of this work is to make adjustments to the existing concepts of the invariant of semantics and function of diminutives. It is suggested that the reason for the use of a large number of diminutives in communicating with young children lies not simply in the parental instinct — protection, affection, etc. — as a reaction to the particular manifestation of “smallness” in the child; there is also a deep, ancient layer in the function of diminutive forms, which goes back to the magical perception of the world, back to which some of the features of the language of nannies can be traced. A person with a naive worldview himself nominates through diminutives those objects that should be “domesticated” by using these forms to show involvement of these objects in his immediate world, as if attaching the label “mine” to each object, trying to make this intimate small world safe, comfortable, “his own one”. These ancient functions, in a transformed form, are reflected in modern speech and are confirmed by examples, taken from contemporary Russian texts and our own observations.

Keywords: diminutives, emotional and communicative function, nursery language, language acquisition, back-formation derivative, language magic.

© *Шавлюк Валентина Борисовна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ВАРЬИРУЮЩИЕСЯ ТЕРМИНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ ТЕРМИНОУПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье представлены результаты анализа вариантности терминов, используемых в учебной литературе по исторической грамматике русского языка. Охарактеризованы свойственные наблюдаемым терминам формальные варианты (варианты в плане выражения). Особое внимание уделяется недостаткам употребления варьирующихся терминов в текстах.

Ключевые слова: вариантность, основной вариант термина, полный вариант термина, краткий вариант термина, культура терминопотребления, недостаток терминопотребления.

Вариативность, или вариантность, языковой единицы — это ее способность видоизменяться, не утрачивая при этом своей целостности, т.е. при всех изменениях оставаться одной и той же единицей [Солнцев 1982: 71]. Поскольку термины в плане выражения являются словами и словосочетаниями естественного языка, они характеризуются вариативностью, присущей данным языковым единицам. В исследовании варьирующихся терминов мы опираемся на понимание варьирования как видоизменения языковой единицы только в плане выражения [Горбачевич 1978; Валгина 2003] при тождестве плана содержания. Характеристика вариантности терминов исторической грамматики русского языка предполагает обнаружение видоизменений каждого варьирующегося термина в обследованных текстах [Борковский, Кузнецов 1965; Букатевиц, Савицкая, Усачева 1974; Горшкова, Хабургаев 1997; Дибров, Овчинникова, Левчук 1968; Иванов 1990; Павлович 1977; Припадчев

1996; Русинов 1997; Сабитова 2014; Собинникова 1984; Черных 1954; Янович 1986], установление свойственных им типов вариантов, анализ специфических особенностей варьирования анализируемых терминов. Материал исследования — 168 варьирующихся лингвистических терминов, обозначающих актуальные для исторической грамматики русского языка понятия о фонетических и грамматических элементах, свойственных предшествовавшим современной стадиям эволюции русского языка, об изменениях этих элементов, о разделах лингвистики, связанных с изучением фонетики и грамматики русского языка в диахронии.

Типы формальных вариантов определяются исходя из материальных различий, характеризующих видоизменения одной и той же единицы [Валгина 2003: 34; Горбачевич 1978: 20]. Парадигму вариантов, свойственных какому-либо термину, по аналогии с синонимическим рядом, уместно назвать модификационным рядом термина. Среди вариантов термина важно различать основной, т.е. доминанту модификационного ряда, и неосновной (-ые) вариант (-ы). Основным вариантом простого, однословного термина следует признать тот, который является наиболее употребительным из выявленных модификаций, при этом в текстах используется без кавычек. В случае варьирования составного термина основным его вариантом считается тот, в структуре которого наличествуют компоненты, регулярно эллиптируемые в речи, который характеризуется прямым порядком слов, отсутствием кавычек и цифровых обозначений компонентов-числительных.

Анализируемым терминам свойственны грамматические (*закон открытого слога — закон открытых слогов*), количественные (*первый винительный падеж — первый винительный*), позиционные (*второй косвенный падеж — косвенный второй падеж*), фонематические (*ринезм — ринеизм*), орфографические (*двойственное число — двойств. ч. — дв. ч.*) и графические варианты двух подтипов: 1) различающиеся упо-

треблением или неупотреблением кавычек при написании термина или отдельных его компонентов (*уставное письмо* — «*уставное письмо*» — «*уставное*» *письмо*) и 2) различающиеся передачей отдельных компонентов термина посредством букв или цифр (*второе переходное смягчение заднеязычных согласных* — *2-е переходное смягчение заднеязычных согласных*).

Тип каждого неосновного члена модификационного ряда определяется исходя из его различий с основным вариантом. В зависимости от количества различительных признаков, имеющих у модификаций одного термина, противопоставляются варианты чистые (имеют один различительный признак) и смешанные (имеют несколько различительных признаков). Например, четырехчленный модификационный ряд с доминантой *преждепрошедшее время* (№ 1) и неосновными вариантами «*преждепрошедшее*» *время* (№ 2) — «*предпрошедшее*» *время* (№ 3) — *предпрошедшее* (№ 4) образуют варианты чистые графические (№ № 1 и 2 различаются наличием/отсутствием кавычек), смешанные графико-фонематические (№ 1 и 3 различаются наличием/отсутствием кавычек и фонемным составом компонента) и фонематико-количественные (№ 1 и 4 различаются фонемным составом компонента и числом компонентов). В наименованиях смешанных вариантов тот признак, проявление которого в наибольшей степени изменяет план выражения термина, указывается на последнем месте.

Историко-грамматическим терминам свойственны смешанные 1) графико-количественные (*второе смягчение задненебных согласных* — «*второе смягчение*»); 2) позиционно-количественные (*абсолютное сложное будущее время* — *сложное будущее абсолютное*); 3) орфографико-количественные (*исконно смягченный согласный* — *исконносмягченный согласный*); 4) графико-фонематические (*преждебудущее время* — «*предбудущее*» *время*); 5) графико-позиционные (*второе будущее сложное время* — *будущее II сложное время*); 6) гра-

фико-позиционно-количественные (*второе будущее сложное время — будущее сложное 2, будущее 2*); 7) фонематико-количественные (*преждепрошедшее время — предпрошедшее*); 8) графико-фонематико-количественные (*преждебудущее время — «предбудущее»*) варианты.

Эффективное применение варьирующихся терминов в научно-учебной литературе связано с культурой употребления терминов, или культурой терминопотребления. Задача «воспитания культуры терминопотребления в среде ученых и преподавателей вузов и школ» поставлена в статье Б.Н. Головина «Роль терминологии в научном и учебном общении» (1979). По мысли ученого, оптимальное функционирование терминов в речи способны обеспечить сами пользователи терминологии, если они смогут создать «такие речевые условия, которые обеспечили бы слушателю или читателю возможность однозначно и точного понимания примененного термина» [Головин 1979: 24].

Б.Н. Головиным очерчен круг вопросов, непосредственно относящихся к проблеме формирования у научно-педагогических работников культуры употребления терминов. Прежде всего это обязательное раскрытие содержания (предметной и понятийной отнесенности) термина, который ученый задействует в своем тексте; также внимание следует уделить способам словесного описания выражаемых терминами понятий, качеству приписываемых терминам определений, точному описанию семантики вновь вводимого в науку термина и др. Обеспечение оптимального функционирования варьирующихся терминов в учебной литературе соотносится с отдельным пунктом программы Головина: «ж) логические и речевые приемы и способы введения в лекционный курс, учебник и учебное пособие существенно необходимых терминов и выражаемых ими понятий» [Головин 1979: 22].

Для обследованной учебной литературы типична ситуация, когда варьирующийся термин **в отдельно взятом учебном по-**

соби используется только в неосновном варианте (вариантах). Например, термин *второй винительный падеж* встретился в 10 из 12 обследованных текстов, при этом авторы четырех учебных пособий используют только его краткий вариант *второй винительный* [Букатевиц, Савицкая, Усачева 1974: 247; Иванов 1990: 378; Припадчев 1996: 49; Собинникова 1984: 243], автор одного пособия — только количественно-графический вариант «*второй винительный*» [Черных 1954: 283]. В полном и кратком вариантах рассматриваемый термин зафиксирован в пяти пособиях [Борковский, Кузнецов 1965: 401; Дибров, Овчинникова, Левчук 1968: 240; Павлович 1981: 35; Янович 1986: 250; Сабитова 2014: 409—411].

Использование в учебном пособии термина в его основном и неосновном вариантах предпочтительно с позиций культуры терминопотребления, поскольку в этом случае адресат пособия, прежде всего студент, получает целостное представление о плане выражения данного термина. По отношению к некоторым терминам такое употребление является необходимостью: например, при использовании термина *закон Фортунатова — де Сосюра*, у которого зафиксирован краткий вариант *закон Фортунатова*, не указывающий на двойное авторство данного языкового закона.

Без использования основного варианта хотя бы в одном из обследованных текстов функционируют 58 варьирующихся терминов, они представлены модификациями чистых количественного, графического, позиционного типов и смешанных графико-количественного и позиционно-количественного типов. Отсутствие в тексте учебного пособия доминанты модификационного ряда у термина, которому свойственно фонематическое, графическое, орфографическое или позиционное варьирование, нежелательно, но допустимо, потому что при этих типах варьирования материальная оболочка термина преобразуется не столь значительно, как при сокращении количества компонентов термина, и не возникает сложностей в осуществлении научно-

учебной коммуникации. Краткие варианты терминов обычно создаются в результате эллипсиса синтаксически главных или синтаксически зависимых компонентов полных вариантов терминов (*двойной винительный падеж — двойной винительный, тематический суффикс основы — тематический суффикс — суффикс основы*) и значительно реже — образованием сложного слова на базе компонентов составного термина (*долгая нисходящая интонация — нисходяще-долгая интонация, новая акутовая интонация — новоакутовая интонация*).

Если в тексте отдельно взятого учебного пособия полный вариант термина, характеризующегося количественным варьированием, отсутствует, но читатель осознает структурную неполноту примененного автором варианта, то он самостоятельно восстанавливает отсутствующий основной вариант. Легко восстанавливаются полные варианты терминов, включающих слова *гласный, согласный, интонация, падеж, время, имя* — последнее является компонентом терминов, обозначающих разновидности имен прилагательных. Однако в ряде случаев наличествующий в тексте краткий вариант, в силу особенностей своей грамматической структуры, может быть воспринят как полный. Например, термин *корневой тематический аорист* в одном из двух пособий, где он зафиксирован, употреблен в полном и кратком вариантах [Янович 1986: 195], в другом — только в виде *корневой аорист* [Дибров, Овчинникова, Левчук 1968: 178, 169]. Последний, краткий вариант образовался в результате эллипсиса синтаксически зависимого компонента в трехсловном варианте, но может быть интерпретирован читателем учебного пособия как полный вариант термина, потому что характеризуется распространенной у двухсловных терминов грамматической структурой «прилагательное + существительное».

Проиллюстрировать, как отсутствие полного варианта термина в тексте не только создает у читателя учебного пособия неверное представление о материальной оболочке этого термина, но и не позволяет разграничить разные номинативные еди-

ницы, можно на примере функционирования в обследованной учебной литературе терминов-синонимов *союзное нанизывание предложений* и *цепное нанизывание предложений*. Неосновные варианты двух разных терминов *союзное нанизывание предложений*, *цепное нанизывание предложений* были обнаружены в четырех пособиях [Черных 1954; Борковский, Кузнецов 1965; Букатевич, Савицкая, Усачева 1974; Иванов 1990]. Эти термины представлены в указанных четырех пособиях только количественными или графико-количественными вариантами: *нанизывание предложений* — «*нанизывание предложений*» — *нанизывание* — «*нанизывание*», которые у рассматриваемых терминов совпадают. Полный вариант термина *союзное «нанизывание» предложений*, являющийся неосновным графическим из-за использования кавычек, зафиксирован только в одном из обследованных пособий [Собинникова 1984: 267]; полный, основной вариант термина *цепное нанизывание предложений* представлен в двух пособиях [Дибров, Овчинникова, Левчук 1968: 244; Янович 1986: 283]. В пособии З.К. Сабитовой термин *цепное нанизывание предложений* встречается только в его неосновном графическом варианте (в кавычках) [Сабитова 2014: 426—427]. Тождество кратких модификаций двух разных терминов, функционирующих в четырех пособиях без использования полных вариантов, не позволяет отнести выявленные варианты к какому-то одному из этих терминов. На основании всего вышесказанного, отсутствие полного варианта составного термина в тексте учебного пособия является недостатком терминопотребления.

Таким образом, при использовании в учебной литературе варьирующихся терминов следует приводить в тексте и основной, и неосновной(-ые) их варианты. Присутствие в учебной литературе терминов только в неосновном варианте(-тах) чистого или смешанного количественного типа оценивается как недостаток терминопотребления, осложняющий научно-учебную коммуникацию.

Список литературы

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965. 555 с.
2. Букатевиц Н.И., Савицкая С.А., Усачева Л.Я. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Киев: Вища школа, 1974. 309 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 304 с.
4. Головин Б.Н. Роль терминологии в научном и учебном общении / Термин и слово. Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1979. С. 14—24.
5. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978. 238 с.
6. Горшкова К.В. Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1997. 382 с.
7. Дибров А.А. Овчинникова В.С., Левчук В.И. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1968. 329 с.
8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник. М.: Просвещение, 1990. 399 с.
9. Павлович А.И. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Ч. 1. Введение и фонетика. М.: Просвещение, 1977. 189 с.
10. Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 76 с.
11. Русинов Н.Д. Древнерусский язык: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1997. 207 с.
12. Сабитова З.К. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. 513 с.
13. Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 296 с.
14. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы: тезисы докл. Ч. 2. М.: Наука, 1982. С. 71—73.
15. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. М.: Учпедгиз, 1954. 336 с.
16. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие. Минск: Университетское, 1986. 319 с.

**VARIABLE TERMS OF THE HISTORICAL GRAMMAR
OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE ASPECT
OF THE CULTURE OF TERM CONSUMPTION**

The article presents the results of the analysis of variance of terms used in educational literature on the historical grammar of the Russian language. Formal variants of the observed terms are characterized. Particular attention is paid to the disadvantages of using varying terms in the texts.

Keywords: variance, main variant of the term, full variant of the term, short variant of the term; terminology culture, lack of terminology.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕРИВАТОВ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ПРЕПОЗИТИВНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются дериваты с иноязычными препозитивными элементами в польском рекламном дискурсе как проявление тенденции к интернационализации в славянских языках. Обосновываются принципы дифференциации между дериватами с иноязычными префиксами и композитами, в образовании которых участвуют аффиксоиды, возникающие в результате усечения производящей основы. Описываются количественные и семантико-функциональные характеристики дериватов с аффиксоидами *euro-*, *e-*, *eko-*, *bio-*. Устанавливается, что в рекламном дискурсе данные форманты выполняют как идентифицирующую, так и прагматическую функции, что обусловлено необходимостью эффективного позиционирования товара. Приводятся примеры функционирования заимствованной словообразовательной модели в рамках тенденции локализации, делающей акцент на национальном происхождении рекламируемого товара. Делаются выводы о востребованности и продуктивности деривационной модели, не свойственной славянской словообразовательной системе.

Ключевые слова: словообразование, интернационализация, национализация, префикс, аффиксоид, рекламный дискурс.

Изучение современной общеславянской языковой ситуации позволяет утверждать, что с течением времени объём заимствований в славянских языках возрастает. Исследователи говорят о смене источника интернациональной лексики в современных славянских языках: «формирование международного (общеславянского) лексического и словообразовательного интернационального фонда, который содержит генетически разные пласты интернациональной лексики, про-

должается сегодня за счет инновационных заимствований из американского варианта английского языка и активизирующихся под его влиянием греко-латинских элементов» [Мартинкова, Кудрявцева 2015: 186]. Под влиянием американского варианта английского языка, как донора глобализационных процессов, принимающие языки активным образом пополняются неологическими образованиями, в значительной степени интернационализирующими лексическую систему. Особое место в развитии принимающих языковых систем занимают заимствованные словообразовательные компоненты.

Среди общих закономерностей процесса интернационализации словообразовательных систем исследователи выделяют: активное использование аффиксальных морфем иноязычного происхождения; трансформацию заимствованных слов в так называемые аффиксоиды; активизацию в языке-реципиенте нетипичных для него (заимствованных) способов словообразования [Рацибурская, Тимофеева 2010: 687; Субботина 2011: 349]. К числу аффиксальных морфем иноязычного происхождения относят форманты типа *анти-*, *квази-*, *псевдо-* (пол. *anty-/anti-*, *quasi-*, *pseudo-*), препозитивные элементы типа *мега -*, *супер-*, *экстра-* (пол. *mega-*, *super-*, *ekstra-/extra-*) и др. Под интернациональными аффиксоидами понимаются компоненты типа *евро-*, *эко-*, *био-* (пол. *euro-*, *eko-*, *bio-*), т.е. заимствованные корневые морфемы, выполняющие в языке-реципиенте роль аффиксов. Третья выделяемая закономерность — активизация в языке-реципиенте нетипичных способов словообразования — вытекает из двух предыдущих, являясь их следствием.

Д. Охманн объясняет пристальное внимание учёных к инновационным процессам словообразования не столько их значительным количеством, «сколько системной нетипичностью, потенциальной угрозой, которую несут иноязычные элементы для языковой системы» [Ochmann 2011: 121]. Особую активность данные процессы получают в рекламном дискурсе, в котором, по справедливому замечанию С.В. Подчасовой,

«заимствуется, по сути, весь опыт западной, прежде всего англоязычной, рекламы, техника создания рекламных материалов: композиция объявлений и методы подачи информации, построение фраз и заголовочных комплексов и т.д.» [Подчасова 1995: 71]. Комментируя активизацию в польском рекламном дискурсе англоязычных моделей деривации, Е. Бральчик высказал в 2004 году мнение о том, что их использование носит окказиональный характер и обречено на краткосрочный период существования [Bralczyk 2004: 73]. В нашей работе мы ставим перед собой цель — выявить особенности функционирования дериватов с иноязычными препозитивными элементами в польском рекламном дискурсе, описать выполняемые ими функции, установить частотность их использования, и определить, насколько точными оказались прогнозы польского учёного.

Источником языкового материала послужили тексты внешней (наружной) рекламы, печатных изданий и видеороликов (в том числе размещённых на продукции, на интернет-каналах, веб-сайтах интернет-магазинов), а также названия и рекламы польских фирм, зарегистрированных на информационном портале *Panorama Firm* (<http://panoramafirm.pl/>). На основе данных источников нами была составлена картотека из 453 рекламных текстов, включающих в себя дериваты с иноязычными препозитивными элементами. В качестве основных методов исследования в работе использовались компонентный, словообразовательный и функциональный анализ.

Проблема терминологизации дериватов с иноязычными препозитивными элементами. Отсутствие унифицированной терминологизации дериватов с иноязычными препозитивными элементами связано как с недавним периодом функционирования единиц данного типа, так и с внутренней сложностью самого деривационного феномена. В одной из своих работ польский исследователь К. Вашак собрала существующие терминологические обозначения препозитивных элементов: префиксоид (*prefiksoid*), суффиксоид (*sufiksoid*), аффиксоид

(afiksoid), семафикс (semafix), полупрефикс (poloprefiks), преморфема (premorfema) и как наиболее обобщённые: элемент (element), член сложного слова (człon złożenia), иностранный компонент сложного слова (obcojęzyczny komponent złożenia), а также самих дериватов (квазисложение (quasi-złożenie), безаффиксальное сложное слово (złożenie bezafiksalne), сложное слово с первым усечённым членом (złożenie z pierwszym członem uciętym), композиты (kompozyty) [Waszakowa 2005: 48—49].

В рамках нашего исследования представляется необходимым чётко разграничить дериваты с иноязычными аффиксами и композиты, в образовании которых участвуют аффиксоиды. Общепринятое в современной лингвистике определение композитов как сложных слов, образованных соединением двух словообразовательных основ [Ochmann 2004: 47], дает нам основания для их дифференциации от внешне схожих префиксальных дериватов. Так, в случае с моделью типа *supermoda* <– *moda* имеет место префиксальное словообразование, поскольку элемент латинского происхождения *super* входит в европейские языки в составе различных дериватов в качестве препозитивного компонента, и уже с начала XX столетия квалифицируется словарями как префикс: «*super-* pref-, over, beyond. In adj. (& their derivv.) formed on anal. of L supernumeraries f. L phr. consisting of super & n. governed by it» [COED 1912]. То есть, несмотря на то, что *super* изначально восходит к прилагательному *superus* в форме локативного падежа: «*super*, <...> Orig. A locative case of superus, adj., upper» [ED 2008], операция усечения реконструируется только на основании словарных данных и относится к процессу внутри латинского языка. В настоящее время образование дериватов подобного типа строится комбинаторным способом: посредством присоединения префикса к именной основе. В современных европейских языках префиксы греко-латинского происхождения подвергаются семантико-прагматической эволюции и начинают выполнять эмоционально-оценочную функцию [Шкапенко,

Шаповаленко 2020; Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020].

В то же время образование композитов типа *euromoda* сопровождается разрушением производящей основы — дезинтеграцией (усечением) основы существительного или прилагательного, которое может быть эксплицировано с помощью словообразовательной перифразы: «европейская мода» (*euromoda* ← *euro[pejska moda]*), «экологичная пища» (*ekożywność* ← *żywność eko[logiczna]*), «электронный дневник» (*e-dziennik* ← *e[lektroniczny dziennik]*) и т.д.

Функции препозитивных иноязычных элементов в рекламных текстах. Выполненный нами количественный анализ показал, что чаще всего в составе используемых в польском рекламном дискурсе дериватов выступают аффиксоиды *euro-*, *e-*, *eko-/eco-*, *bio-*. Дериваты с аффиксоидом *euro-* составляют 31%, *e-* — 22%, *eko-/eco-* — 19% и *bio-* — 17%.

Наиболее высокочастотным является аффиксоид *euro-* (сокр. от *Europa*, первая часть сложных слов, указывающая на связь значения производящей основы с Европой, европейцами или Европейским союзом [USJP; PWN SJP]): *eurojakość*, *euroczek*, *eurorynek*. Несмотря на то, что изначально аффиксоид выполнял семантическую функцию локализации, в дериватах рекламного «назначения» он начинает играть роль прагматического маркера, информирующего покупателя о высоком качестве продукта вследствие его европейского происхождения: *Reklamuj się z EuroBiznes.net i bądź pewien zainteresowania swoją reklamą; EuroCzek jest marką należącą do EuroCredit.pl; EuroModa: Sklep z Odzieżą Damską; Sklep Online Eurobuty — Najszerszy wybór znanych marek*.

В рекламном тексте образования типа *eurobuty* (еврообувь) совершенно определённо несут оценочное значение ‘хороший’, ‘модный’, ‘превосходного качества’. Полную уверенность в высоком уровне качества рекламируемого товара способна дать только *eurojakość*, или еврокачество. По справедливому

замечанию польских исследователей, «Европа — уже не столько географическое, сколько цивилизационное понятие, один из самых существенных элементов современного дискурса в Польше» [Skowronek, Rutkowski 2004: 199].

Согласно данным словарей, препозитивный элемент *eco-/eko-* (греч. *oikos* ‘дом, хозяйство’) образован в результате усечения слов *ekologia*, *ekologiczny* и обладает семантикой ‘связанный с окружающей средой, её охраной и здоровым образом жизни’ [USJP, SWJP]: *ekowarzywo*, *ekoturysta*, *ekokosmetyk*. Необходимо отметить, что данный элемент способен выступать в постпозиции: *szamba eko*, *bądź eko*, *niszczarka eko*, что также свидетельствует о его самостоятельности и подчёркивает тот факт, что *eko-* не является связанной морфемой, а, напротив, усечённой словообразовательной основой в составе композита. Аффиксоид *bio-* (греч. *bios* «жизнь»), образованный в результате усечения слов *biologia*, *biologiczny*, обладает значением ‘связанный с жизнью, живыми организмами, биологическими процессами’ [USJP]: *bioprodukt*, *biożywność*, *biuroda*. Примечательно, что описываемый элемент также может функционировать в постпозиции, что может свидетельствовать о его автосемантичности: *odpady bio*, *bądź bio*, *pojemnik bio*.

Анализ семантики композитов, содержащих элементы *eko-* и *bio-* в составе рекламных наименований, показывает, что оба элемента также выходят за границы идентификационной семантики, характерной для производящих прилагательных *биологический* и *экологический*. Чаще всего описываемые элементы используются в рекламных текстах, связанных со сферой здравоохранения, спорта, красоты, питания: “*Eko-Rabaty*” *FIATA* — *oferta promocyjna na rzecz ochrony środowiska*; *Eko-but* *dla eko-biegaczy*; *Ekologia jest kobietą* — *warsztaty ekomod* *dla córek, mam i babć*; *Ekosklep*: *Sklep ekologiczny ze zdrową żywnością*; *Biosklep* — *żywność i produkty ekologiczne*.

Как видим, экологическому маркированию подвергаются самые различные, порой «неожиданные» объекты: магазин,

скидки, обувь, мода, легкоатлеты. Некоторые употребления требуют «расшифровки» с помощью именного предикатива, как это имеет место в рекламе экоскидок: экоскидки — промоакция в пользу охраны общественной среды. О значении композита *ekomoda* мы можем только догадываться: вероятно, речь идет об изделиях, производство которых не наносит вреда окружающей среде. Необходимо отметить, что, несмотря на различия семантики производящих основ, элементам *bio-* и *eko-* свойственна общность деривационного значения и положительной коннотации — эти аффиксоиды употребляются практически в идентичных прагматических функциях, имплицитно значение натуральности, здоровья, чистоты.

Аффиксоид *e-*, являющийся результатом усечения прилагательного *elektroniczny*, согласно данным словарей, обладает семантикой ‘электронный, связанный с Интернетом’ [PWN SJP]: *e-firma*, *e-autor*, *e-telefon*, *e-świat*. Необходимо отметить, что в данном случае имеет место радикальный способ деконструкции основы и сохранения только ее первого гласного. Данный аффиксоид используется для указания на принадлежность определяемого объекта к сфере интернета, чаще всего в составе наименований магазинов, сайтов и товаров (электронная работа, издание, образование, магазин, и даже *e-mup*): *E-świat dziecka. Wszystko dla dziecka; Zamów dziesiętsze e-wydanie!; Szukasz e-pracy? Tu znajdziesz e-pracę marzeń! Szukasz e-pracowników? E-edukacja w SGH; eSklep; E-kefirek — spożywczy sklep internetowy.*

Несмотря на, казалось бы, исключительно идентификационную функцию элемента, значение ‘электронный’ порождает позитивные коннотации «удобный», «быстрый», «безопасный». Практически любой продукт или услуга могут подвергнуться «электронному» маркированию в рекламном дискурсе, вследствие чего аффиксоид *e-* становится обещанием чего-то современного, удобного, быстрого и высокотехнологичного.

Препозитивные иноязычные элементы как средства реализации тенденции интернационализации и национализации. Необходимо отметить, что в дериватах с усечёнными препозитивными элементами иностранные компоненты выполняют не только и не столько идентифицирующую функцию, сколько функцию привлечения внимания целевой аудитории. Аттракция, однако, проявляется не только в русле глобализации, но и в действии обратной тенденции национализации (автохтонизации), определяемой, как «демонстрация специфических черт национальных языков в условиях тесного языкового контакта» [Waszakowa 2003: 79].

Примечательно, что в рамках этой тенденции в польскоязычных рекламных текстах действует тот же деривационный механизм — образование производных осуществляется с помощью присоединения усечённого аффиксоида к основе без участия свойственных системе славянского словообразования интерфиксов. Речь идёт о «топонимических аффиксоидах» типа *pol-*, *krak-*, *el-* и др., экспонирующих специфически «национальное» в рекламе.

Наиболее высокочастотным среди префиксальных экспонентов «польскости» является аффиксоид *pol-*, (образованный в результате дезинтеграции топонимов *Pol-ska* или *Poland*). Аффиксоиды типа *krak-* и *el-* (связанные соответственно с топонимами *Kraków* и *Elbląg*) выступают в рекламных текстах значительно реже (немногочисленным примерами могут послужить образования типа *ElSalon Fryzjerski*; *Przedsiębiorstwo Handlowo-Uslugowe “Krakbud”* и т.д.). Отметим, что данный ряд является открытым, с достаточной долей уверенности можно прогнозировать появление других дериватов, образованных в результате усечения названий польских городов.

Значительная часть названий польских фирм содержит автохтонный топонимический аффиксоид *pol-*, присоединяющийся к основе, которая может представлять

собой польское или заимствованное слово, имя владельца и даже другой аффиксоид (*PolSzyb*, *Polsklep*, *PolMajser*). С помощью данного аффиксоида подчеркивается именно польское происхождение своей фирмы или продукта. Чаще всего с помощью аффиксоида *pol-* маркируются продукция польских фермеров, товары и услуги из сферы строительства и лёгкой промышленности. Чрезвычайно интересным примером взаимодействия двух противоположных тенденций — глобализации и локализации — может служить название польского отеля *EuroKrak*, находящегося в Кракове. Здесь два аффиксоида — иноязычный и автохтонный — образовали своеобразный эргоним. С одной стороны, *euro-* маркирует европейский уровень сервиса отеля, с другой, непосредственным образом апеллирует к названию одного из самых популярных туристических мест Польши. Есть и другие примеры, в которых происходит гибридизация дериватов в результате сочетания автохтонного аффиксоидного элемента *pol-* с англоязычными основами: например, общепольская книжная сеть *Polanglo*, питомник декоративных деревьев и кустов *Pol-Plants*. Дериваты подобного рода свидетельствуют о «мирном сосуществовании» европейского и специфически национального в сознании польского номинатора, использующего все словообразовательные ресурсы с целью успешного позиционирования своего товара.

Анализ дериватов с иноязычными препозитивными компонентами, функционирующими в рекламном дискурсе, быстро реагирующем на изменения в языке, позволяет говорить о том, что в современном польском языке появляется достаточно большое количество композитов, не вписывающихся в привычную для носителей языка систему деривационных техник. Их адгерентность в славянской системе словообразования была охарактеризована Х. Ядацкой как парадоксальный случай «словообразования без словообразования» [Jadacka 2001: 92]. Тем не менее, нетипичные способы словообразования

становятся все более востребованными, что можно объяснить практически универсальной и автоматизированной сочетаемостью префиксальных элементов, присоединение которых к основе не требует морфонологических изменений. Собранный нами материал позволяет говорить о том, что утверждение Е. Бральчика о непродуктивности описываемой словообразовательной модели оказалось, по всей видимости, опровергнуто временем. Востребованность новых моделей словообразования обусловлена необходимостью создавать дериваты, обладающие высоким потенциалом речевого воздействия. Объединение в препозитивных компонентах функции идентификации с прагматической оценкой делает их эффективным средством коммерческой номинации.

Список литературы

1. Мартинкова А.А., Кудрявцева Е.Л. Интернационализация vs. национализация: тенденция национализации в эпоху глобализации (на материале чешского и русского языков) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12—15 окт. 2015 г.): тр. и мат-лы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 2. С. 186—188.
2. Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5—19.
3. Подчасова С.В. Новые слова... «адвертайзинга» // Русская речь. 1995. № 2. С. 71—76.
4. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Специфика «глобализации» в деривационных процессах русского и чешского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 687—689.
5. Субботина М.В. Тенденция к интернационализации и современные деривационные процессы. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 349—355.

6. Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е.В. Семантико-прагматическая эволюция префикса латинского происхождения *super-* (по данным польского и английского языков) // Научный диалог. 2020. № 2. С. 161—177.
7. Bralczyk J. Język na sprzedaż czyli o tym, jak język służy reklamie i jak reklama używa języka. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2004. 146 s.
8. COED, 1912 — Fowler H. W. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford: At the The Clarendon Press, 1912. 1041 p.
9. ED — Vaan M. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Ser. 7. Leiden; Boston: Brill, 2008. 825 p.
10. Jadacka H. Czym się stał polski system słowotwórczy w wieku XX? // Polszczyzna XX wieku: ewolucja i perspektywy rozwoju / red. St. Dubisz, St. Gajda. Warszawa: Elipsa, 2001. S. 83—93.
11. Ochmann D. Neologizmy kompozycyjne — chwyt reklamowy i ważna tendencja rozwojowa współczesnego słowotwórstwa // Wokół słów i znaczeń IV. Słowotwórstwo a media / red. E. Badyda, J. Maćkiewicz, E. Rogowska-Cybulska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2011. S. 121—126.
12. Ochmann D. Nowe wyrazy złożone o podstawie zdeintegrowanej w języku polskim. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. 249 p.
13. PWN SJP — Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl/>
14. Skowronek K., Rutkowski M., Współczesne polskie nazewnictwo medialne // Nazwy własne w języku, kulturze i komunikacji społecznej / red. R. Mrózek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. S. 189—216.
15. SWJP — Słownik współczesnego języka polskiego / red. B. Dunaj. Warszawa: Wydawnictwo Wilga, 1996. 1393 s.
16. USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego / red. S. Dubisz, Warszawa: Wydawnictwo Wilga, 2003. T. 1—4.
17. Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. 265 s.
18. Waszakowa K. Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / red. I. Ohnheiser. Opole, 2003. S. 78—102.

FUNCTIONING OF DERIVATIVES WITH FOREIGN LANGUAGE PREPOSITIVE ELEMENTS IN ADVERTISING DISCOURSE

The paper describes derivatives with foreign language prepositive elements in the Polish advertising discourse as manifestation of the internationalization trend in Slavic languages. Differentiation is made between derivatives with foreign-language prefixes and composites that involve affixoids derived from derivational base clipping. Quantitative and semantic-functional characteristics of derivatives with affixoids *euro-*, *e-*, *eko-*, *bio-* are described. It is established that in the advertising discourse, these formants perform both identifying and pragmatic functions, which meets the requirements of effective product positioning. Examples of the functioning of a borrowed word-formation model within the localization trend of the advertised product are given. Conclusions are drawn about the relevance and productivity of the borrowed word-formation model, which is not typical to the Slavic word-formation system.

Keywords: word-formation, internationalization, nationalization, prefix, affixoid, advertising discourse.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ
С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ*
В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. СЕНКЕВИЧА
«ОГНЁМ И МЕЧОМ»
В ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В статье предпринята попытка описания коммуникативно значимых фразеологических оборотов с компонентом *serdce* (пол. *serce*), характерных для авторской речи и речи персонажей исторического романа Г. Сенкевича «Огнём и мечом». Действие романа, происходящее в XVII веке, стилизовано во многих случаях под язык данной эпохи, что и требовало от современного русского переводчика изыскать аналогичные не только по смыслу и форме, но и по стилю единицы русского языка. Предполагается, однако, что цели автора и переводчика несколько отличительны в подходе к содержанию и языку текста. Если автор во многих случаях описывал события и акцентировал особенность языка эпохи, показывал личность персонажа через особенность его речи, что во многом было важно для автора и польского читателя, то для переводчика важным стали сами приключения без лишних языковых изысков. Эти особенности двух текстов — подлинного и переводного — рассматриваются в сравнительном аспекте.

Ключевые слова: единица, заимствование, перевод, текст, словарь, стилизация, фразеологический оборот, языковая личность, язык эпохи.

Роман «Огнем и мечом» Генрика Сенкевича, приключения персонажей которого происходят на окраинах Речи Посполитой во времена восстания Б. Хмельницкого, всегда вызывали у читателей, литературоведов и переводчиков большой интерес как с точки зрения содержания произведения, так и в языковом плане.

Именно исполнение авторского замысла при помощи специально подобранных слов и оборотов польского языка XVII века, часто стилизованного под язык данной эпохи, наиболее выразительно прослеживается в тексте романа — в авторской речи и речи персонажей романа. Отметим, однако, что языковая колоритность и историчность подлинного варианта текста в большей мере может заинтересовать польского читателя, а в меньшей — читателя переведённого на русский язык текста, хотя переводчик в некоторых случаях попытался с помощью русских языковых средств передать своеобразность польского языка данной эпохи.

Те же фразеологические обороты текста «Огнем и мечом» с компонентом *serce* (*сердце*) во многом характеризуют язык романа, отражающем эпоху и речь основных героев. С помощью фразеологических оборотов, а также других языковых средств выражения, создаются литературные образы, которые доставляют языковое, литературное и культурологическое наслаждение польскому читателю. Впрочем, произведение в плане истории и языка может вызывать интерес у украинского и российского читателя.

При рассмотрении группы фразеологизмов с компонентом *serce* (рус. *сердце*) в тексте выделим этот компонент в прямом его значении ‘анатомический орган живого организма’, а также выражения *biło serce jak młotem*, *serce biło żywiej*, содержащие данный компонент: *W uszach brzęczały mu jeszcze słowa Barabasha: „Spasi Chryste, spasi Chryste!”*, *i serce biło mu żywiej* [Sienkiewicz 1960: 40]; ср.: *В ушах наместника еще звучали слова Барабаша „Спаси Христе! Спаси Христе!” — и сердце в груди стучало сильнее* [Сенкевич 2019: 37]. Смысл польской строки передан точно, но у Г. Сенкевича нет наречия *silniej*, а употреблено *żywiej*, что по значению является тем же, но более выразительно отражает особенность польской речи того времени.

Другие примеры показывают нам переживание персонажа через употребление слова *serce* в сочетании со словом *biło* и в сравнении *jak młotem*, см.: *Namiestnikowi biło serce jak młotem*

z obawy, że usłyszy krótkie „nie!”... [Sienkiewicz 1960: 117]; ср.: **Сердце стучало в груди наместника, опасавшегося услышать краткое „нет!”**... [Сенкевич 2019: 102]. Здесь нет предполагаемого выражения, которое возможно соответствовало бы русскому *serdce stuchalo, jak młot*. Оно находится в другом фрагменте текста: *Jakoż drugiego dnia o południu... dojrzał już wiatraki w Rozłogach rozrzucone po wzgórzach i pobliskich mogiłach. Serce było jak młotem* [Sienkiewicz 1960: 122]; ср.: **Этак к полудню следующего дня... увидел он ветраки Разлогов, разбросанные по холмам и ближним курганам. Сердце в груди Скшетуского застучало, как молот** [Сенкевич 2019: 105]. В данном случае переводчик все же употребил сравнение *serdce zastuchalo, jak młot*. Возможно, что ради «состарения» содержания текста и отображения языка эпохи переводчик польское архаичное *jakoż* передает не менее устаревшим русским *этак*, а реалию *mogila* — курган.

В приведенных примерах слово *serce* (*сердце*) употреблено в значении анатомического органа, живо реагирующего на жизненные неприятности и невзгоды. Хотелось бы обратиться к другим фразеологизмам с компонентом *serce* (*сердце*), идиоматичный характер которых мог быть передан русскими аналогичными средствами выражения.

Во фразеологическом словаре польского языка Ст. Скорупка отмечено, что слово *serce* во фразеологических выражениях характеризует «*siedlisko uczuć lub o człowieku doznającym różnych uczuć; będącym jakimś pod względem uczuciowym lub moralnym*» (перевод здесь и далее наш. — *В.Ш.*: «очаг чувств или человек, испытывающий различные сильные переживания; его чувственность или моральный облик») [Skorupka 1974: 102]. Под это описание попадают выражения *rany serca* (*раны сердца*), значения которых в польском и русском языках совпадают. Это значение выражения отмечено у Ст. Скорупки: (z)ranić komu serce — ‘zadać cierpienie, sprawić ból’» («ранить кому-нибудь сердце — ‘причинить терпение, причинить боль’») [Skorupka 1974: 105]: *pieśń..., jeszcze nie dośpiewana, wzbudziła w rycerzu jakieś*

dziwne myśli, jakieś uczucia i tęsknotę, z których sam sobie sprawy zdać nie umiał. Nie zagojone rany jego serca otworzyły się, ścisnął go żal głęboki za niedawną przeszłość, za utraconym szczęściem... [Sienkiewicz 1960: 450]; *песня..., еще не допета, пробудили в рыцаре какие-то странные мысли, какие-то безотчетные отголоски и грусть. Не вполне затянувшиеся раны его сердца открылись, и поручика охватила отчаянная тоска по утраченному счастью* [Сенкевич 2019: 372].

Близкими по форме и значению в польском и русском языках являются выражения *duszą i sercem* (*душой и сердцем*), которые определяют как 'преданность человека к другому лицу' или 'преданность какому-то делу' [Skorupka 1974: 102—103]. Перевод подтверждает присутствие этого выражения и в русском языке: *Pan Janusz bowiem naprawdę duszą i sercem należał do partii pokojowej* [Sienkiewicz 1960: 458]; ср.: *Кстати, пан Януш и в самом деле душой и сердцем принадлежал к мирной партии* [Сенкевич 2019: 380].

Употребление автором местоимения *ów* вместо *ten*, соответствующих русскому *этот*, является, на наш взгляд, попыткой автора заговорить языком эпохи. Содержание выражения *jednać serca* не нашло прямого соответствия и было передано более пространным способом: *умел завоевывать рыцарские сердца. Так ów groźny i okrutny Jarema umiał sobie jednać serca rycerstwa* [Sienkiewicz 1960: 464]; ср.: *Так этот грозный и лютый Иеремия умел завоевывать рыцарские сердца* [Сенкевич 2019: 385].

Вполне уместным, на наш взгляд, является такой вариант перевода выражения *rozdziiera się serce*, как *сердце во мне разрывается*: — *Zaiste — odpowiedział książę — i na tę myśl rozdziera się serce: co czynić nam dalej przystoi?* [Sienkiewicz 1960: 442]; ср.: — *Воистину, ответил князь, — и от мысли этой сердце во мне разрывается. Что нам далее делать надлежит?* [Сенкевич 2019: 366].

Кроме того, отметим другие способы перевода польских выражений, например употребление автором синонимических выражений в двух приводимых ниже фрагментах текста: *w pusk*

młodego watażkę trzasnął. Nie zabił, bo ostrze wstrzymała podpin-ka, ale zalał go krwią i tym bardziej serca pozbawił [Sienkiewicz 1960: 433] и *саданул молодого атамана саблей по лицу. Но не убил, так как лезвие угодило по ремешку шлема, однако кровью залил и тем более лишил атамана отваги* [Сенкевич 2019: 360]; *Straszna pewność, iż sam książę ich ściga, tak dalece odebrała im serce, że zupełnie o swoim ocaleniu zwątpili* [Sienkiewicz 1960: 438] и *Страшное сознание, что их преследует сам князь, так их обескуражило, что они всерьез засомневались в спасении своем* [Сенкевич 2019: 362].

Здесь видим выражение *serca pozbawić* (буквально ‘лишить сердца’), переведенное как *лишить отваги*. Во втором случае выражение *odebrać serce* (буквально ‘отобрать сердце’) передано глаголом *обескуражить*.

Кроме того в этих цитатах интерес представляют следующие варианты перевода: *pysk* в ‘морда’ переведено как *лицо*; *watażka* — как *атаман*; *podpinka* ‘подкладка под шлемом’ или ‘ремешок, при помощи которого пристегнут шлем’ [Стыпула, Ковалёва 2005: 367] — как *ремешок*.

Выражение с компонентом *serce* употребляется иногда для отрицательной характеристики персонажа: *Człek to malego serca i malego umysłu* [Sienkiewicz 1960: 462—463]; ср.: *Это человек малодушный и мелкотравчатый* [Сенкевич 2019: 384]. Г. Сенкевич употребляет, как видим, устаревшую форму *człek*, а мог бы употребить современное ему *człowiek*, и это не доставило бы проблему переводчику, выбравшему вариант перевода *человек* ввиду отсутствия русского архаичного соответствия. В русском тексте отсутствует выражение со словом *serdce*. Употреблены прилагательные *малодушный* в значении ‘обнаруживающий молодухи; нерешительный, слабовольный’ [БАС 1957: 541] и *мелкотравчатый* ‘занимающий невысокое общественное или служебное положение’ [БАС 1957: 814].

Таким образом, отметим, что на примере употребления таких фразеологических оборотов с компонентом *serdce* (польск. *serce*), как *rany serca* (*раны сердца*), *duszą i sercem* (*душой и*

сердцем), *rozdziiera się serce* в тексте исторического романа Г. Сенкевича и их переводов на русский язык сохраняется, насколько это возможно, колорит языка автора и его персонажей. Существующая в тексте доля стилизации под язык данной эпохи приближает время повествования читающей публике, что и требовалось от современного переводчика. Доля стилизации несколько увеличена в текстах переводов романа различными переводчиками в XIX веке.

Список литературы

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VI. 1462 с.
2. Сенкевич Г. Огнем и мечом: роман / Генрик Сенкевич; перевод с польского А. Эппеля, К. Старосельской. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2019. 896 с.
3. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. М.: Русский язык. Медиа, 2005. 723 с.
4. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. Т. I—II.
5. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. Т. I—II. 1693 s.

© V. Szetela

PHRASEOLOGICAL PHRASES WITH THE *HEART* COMPONENT IN THE TEXT OF H. SIENKIEWICZ NOVEL “FIRE AND SWORD” IN THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article attempts to describe the communicatively significant phraseological units with the *heart* component, which are characteristic of the author’s speech and the speech of the characters of the historical novel by H. Sienkiewicz “Fire and sword”. Russian translation of the novel, which takes place in the XVII century, is stylized in many cases under the language of this era, which required the Russian translator of our time to find similar units of the Russian language not only in meaning and form, but also in style. It is assumed, however, that the goals of the author and

translator are somewhat different in their approach to the content and language of the text. If the author in many cases described events and emphasized the peculiarity of the language of the epoch, showed the personality of the character through the peculiarity of his speech, which in many ways was important for the author and the Polish reader, the most important for the translator were the transitions themselves without unnecessary language frills. These features of the two texts — the original and the translation — are viewed in comparative terms by the example of the specified phraseological units with the *heart* component (Polish. *serce*).

Keywords: unit, borrowing, translation, text, dictionary, stylization, phraseological unit, language personality, language of the epoch.

© *Широкова Елена Николаевна*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

МЕТАГРАФЕМИКА ПОЭЗИИ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются текстовые и коммуникативно-прагматические функции метаграфемных знаков в поэзии А. Вознесенского с помощью методов полисистемного и контекстуального анализа. Рассматривается горизонтальная разновидность кругомётов (повтор слова без пробелов с последующим вычленением нового слова) как игровой прием, базирующийся на использовании метаграфемки в корреляции со звукописью. Описываются метаграфемные средства оформления кругомётов, а также их композиционные и смыслопорождающие функции. Кроме того, рассматривается прагматический эффект редупликации пунктуационных знаков при введении цитат в поэтический текст.

Ключевые слова: метаграфемка, игровой прием, кругомёт, звукопись, текстовая функция, прагматика, поэзия, А. Вознесенский.

В последние десятилетия наблюдается тенденция к усилению визуализации текста не только в массмедиа, но и в художественной литературе. Более того, на стыке медийных и поэтических текстов формируются синкретичные формы искусства: «видеопоззия, саунд-поэзия, визуальная поэзия. [...] В рамках одного поэтического клипа могут быть объединены визуальные и вербальные (слово-титр, шрифтовая акциденция, слово-аттракцион), аудиальные (мелодия, звуковые выделения, специфическая декламация) и кинематографические (монтаж, эстетика кадра, кинематографический интертекст) приёмы» [Семьян, Смышляев 2017: 184]. Соотношение вербального и визуального (графического и мультимедийного) в поэзии, способы метаграфемной визуализации поэтического текста привлека-

ют внимание многих исследователей (Р.Н. Бутов, А.В. Гірына, А.Е. Губина, Ю.В. Казарин, С.А. Кучина, А.Ж. Фаттахова и др.). При этом рассматриваются, с одной стороны, беспунктуационные и частично пунктуационные тексты, функционирование метаграфемных знаков (С.Ю. Бочавер, Н.А. Николина, Н.А. Фатеева, Н.Л. Шубина и др.), с другой — такие разновидности визуальной поэзии, как листовертни, круговертни, видеомы, панторифмы (Е.С. Аникиева, Л.В. Зубова, А.В. Гик, К.А. Минаева, Э.В. Пономарева, Т.А. Слуцкая и др.).

Наряду с этим метаграфемика А. Вознесенского недостаточно исследована, несмотря на то что поэт активно экспериментировал с метаграфемным оформлением текстов. Амплитуда его поиска достаточно широка: от частично пунктуационных текстов до текстов с избыточной пунктуацией и поликодовых текстов. Так, А. Вознесенский использует математические знаки (например, +, =), расположение стихотворных строк в рамках, в форме рисунка, собственно рисунки, а также создает кругомёты (круговертни) и видеомы — визуальную поэзию. При этом визуализация текстов осуществляется как за счет увеличения функциональной нагруженности собственно знаков пунктуации: «“уплотнение” текстового пространства создается при помощи сокращения вербальных элементов и использования графических средств в новых текстовых функциях» [Шубина 2016: 47], так и в результате создания поликодовых текстов.

С помощью метаграфемных знаков А. Вознесенский выделяет в тексте фрагменты, актуализирующие знания, которые позволяют читателю извлечь из текста концептуальную информацию, понять эмоционально-экспрессивные смыслы текста, осмыслить связь последнего с широким культурно-историческим контекстом. Например, стихотворение «Портрет Плисецкой» разделено с помощью горизонтальных линий на восемь частей и включает пять цитат из лирики М. Цветаевой. Первая цитата расположена во второй части и выделена кавычками и количеством строк (10 — 2 — 4). Остальные цитаты, входящие в третью часть, вы-

деляются кавычками и размещением на плоскости: все четыре строфы-цитаты сдвинуты вправо, например:

*Изумление гения среди ординарности —
это ключ к каждой ее партии.*

*Крутая кровь закручивает ее. Это
не обычная эоловая фея —*

*«Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.*

Не с тем — итальяйским

Зефиром младым, —

С хорошим, с широким,

Российским, сквозным!»

(здесь и далее цит. по: [Вознесенский 2018], в круглых скобках указаны страницы (с. 97—98)).

Такое метаграфемное оформление обеспечивает, с одной стороны, нелинейное прочтение текста, с другой — когерентность текстовых фрагментов внутри текста, а также текста в целом, построенного по принципу ассоциативного соположения композиционных блоков. Причем у знаков пунктуации, маркирующих интертекстемы и границы композиционных блоков, актуализируется объединяющая функция. В самом стихотворении соположение композиционных блоков, связующих личности М. Плисецкой и М. Цветаевой, подготовлено оценочно-идентифицирующим предикатом *Плисецкая — Цветаева балета*, вставной конструкцией *Жила-была девочка — Майя ли, Марина ли — // не в этом суть*, метакомментарием *Параллель с Цветаевой не случайна. // Как чувствует Плисецкая стихи!* При этом объединяющим компонентом выступает смысл ‘гениальная женщина’: *А ее уже мучит дар ее — неясный самой // себе, но нешуточный*. Кроме того, в последней части стихотворения есть эпиграф из Б. Пастернака, выделенный как самой позицией эпиграфа, так и кавычками. Поскольку эпиграфы, а также цитаты, включенные в поэтический текст, как правило, не оформляются с помощью кавычек, то редупликация пунктуационных знаков

при цитации выступает как сильный пунктуационный знак, акцентирующий внимание читателя на интертекстах, которые актуализируют интертекстуальные связи не только с поэтическим дискурсом, но и с художественным дискурсом в целом. Последнее связано с композиционным приемом построения художественного текста на основе ассоциативного соположения композиционных блоков, характерным для XX века. Обилие же прецедентных имен в стихотворении вовлекает его адресата в широкий культурно-исторический контекст.

К игровым приемам использования метаграфемных знаков в поэзии А. Вознесенского относится характерный для поэта повтор слова без пробелов с последующим вычленением нового слова. Такой способ оформления стихотворных строк в научной литературе рассматривается как разновидность круговертней, или кругомётов (последнее название ввел сам поэт). Этот прием взаимодействует со стилистическим приемом звукописи и нацелен на синестезию зрительного и слухового восприятия поэзии. При этом в не расчлененном паузами (пробелами) потоке слов происходит перераспределение границ между их звуковыми (графическими) оболочками, что порождает новое слово, семантически не связанное с исходным, например:

*Голубь ей говорит: «Роди,
родиродиродиродИродиродирод — Ирод...»
«Все равно, — говорит, — роди» (с. 485).*

Исходное слово всегда отделено от кругомёта с помощью знаков пунктуации: пробела, абзаца, тире, запятой, дефиса. Вычлененное слово в постпозиции, как правило, также отделяется с помощью пробелов, тире, дефисов, шрифтовых выделений. Таким образом, в письменной речи актуализируются исходное и конечное слово (реже — словосочетание или даже предложение) кругомёта, например:

*дамчу-
дамчудамчудамчудом — ЧУДОМ (с. 494);
Мыло — мыломыломыло мы — ломы!*

драка — дракадракадра кадракадрака! (с. 272).

Однако в некоторых случаях границы нового слова А. Вознесенский (1) обозначает шрифтовым выделением внутри самого кругомёта или (2) вообще не обозначает:

(1) *Вторая строка ему не понравилась:*

«строкастрокастроКАСТРОкастрокастрока...» (с. 281);

булка — булкабулкабулкабулКабул (с. 272);

(2) *Но за горло держит цоколь*

цокольцокольцокольцо (с. 459).

Наряду с этим с помощью метаграфемных знаков может визуализироваться сам процесс перераспределения границ слов внутри кругомёта:

Кеннет Старр, вуйерист и нравственник, читал сонник.

«СОННИК» — «СОННИК — СОННИКСОН — НИКСОН» — с удовольствием повторял (с. 281).

В кругомётах могут быть представлены разноязычные слова, при этом сближение основывается на (1) звуковой или (2) графической оболочке слов, записанных кириллицей и латиницей, например:

(1) *Я — money*

Фирмка —

маниманиманимани — нема —

вложи в дома! (с. 65);

(2) *В Интернет перешел журнал «Пушкин».*

Нет работы.

Все кабинеты отвечают: «НЕТ — НЕТ — НЕТНЕТНЕТ»,

словно

определенный артикль THE (с. 278).

За счет такого оформления кругомётов актуализируются функции, реализуемые метаграфемикой в поэтическом тексте: формируется вторичная изобразительность, создается новая дискретность и новые связи между знаками [Фатеева 2010].

Л.В. Зубова основным свойством листовертней Авалиани считает установку «на пространственную подвижность изображения, что не только расширяет возможности знаковой системы, но и активизирует зрительный канал восприятия» [Зубова 2010: 319]. В полной мере это можно отнести и к кругомётам А. Вознесенского.

При этом в стихотворении исходное и конечное слова, лексически не связанные, всегда сближаются на основе или (1) паронимической аттракции, или (2) семантической мотивации, например:

(1) *сойка-сойкасойкасой — косо́й* (с. 494);

(2) *Снится **штукатуру***

(здесь и ниже выделено мной. — *Е.Ш.*) *Насте —*

НАСТЕНАСТЕНА СТЕНА.

«Плитка —

Плиткаплиткаплиткаплитка...

«Капли-ит», — говорит она (с. 472);

Как повязочка Кутузова,

в небесах летает мебель

МОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМО-БЕЛЬМО...

***Слепы* мы.**

***Слепо* время само** (с. 446).

Кроме того, семантическая связь между компонентами кругомёта может мотивироваться содержанием всего стихотворения, а также фоновыми знаниями адресата и возникающими у него ассоциативными связями. Так, в стихотворении «Исповедь Мордовской Мадонны», героиня которого вспоминает свой стриптиз в мордовских лагерях, повторяющаяся глагольная форма *давай* трансформируется в фамилию польского режиссера — *Вайда*:

— *Давай, давай!* — *режут лесоповалы.*

Им снились семьи, снилось Косино.

— *Давайдавайдавайдавайдавайда...*

При чем тут Вайда? Шло мое кино.

/.../

*Потом сквозь давку и асфальты
идешь одна на фестиваль
и слышишь: «Вайда, вайдавайдавайда
вайдавайдавайдавайдавайдавай» (с. 451—452).*

Ассоциативная связь с миром искусства поддерживается прецедентными именами (Пугачева, Мадонна, Блок, Прекрасная дама, Вивальди), семантической трансформацией прецедентного текста (*Паришь дистанционно Ты, // как недоступное виденье, // как гений чистой красоты*), графической трансформацией слова (*пройду я, безымянна для людей, // став неизвестной копией Мадонны, // порн — но звезда мордовских лагерей* (выделено мной. — Е.Ш.)). Причем метаграммы, выполняющие акцентно-выделительную функцию и на уровне текста, и на уровне слова выступают как средство формирования неоднозначности связей и нелинейной организации текста.

Использование в стихотворении нескольких рядов кругомётов, тематически связанных друг с другом, становится композиционным приемом, определяющим направление ассоциативных реакций читателя, обеспечивающим нелинейное прочтение текста и формирование подтекста. Так, в стихотворении «Шаланда желаний» кругомёты вызывают ассоциации с популярными песнями советской эстрады, актуализируют их содержание, которое соотносится с содержанием завершающего стихотворение строфоида и усиливается сквозным повтором (*ландыша хочется*):

*Шаланда уходит. С шаландой неладно.
Шаланда желаний кричит в одиночестве.
Послушайте зов сумасшедшей шаланды,
шаланды — шаландышаландышаландыша —
ландыша хочется!*

*А может, с кормы прокричала челночница?
А может, баржа недодолбанной бандерши?
Нам ландыша хочется! Ландыша хочется!*

*В трансляции вандала, вандала, вандала
«Лаванда» лавандалаванда не кончится.*

/.../

*И все писсуары Марселя Дюшана
Белели талантливо. Но не точно.*

*И в этом весь смысл королев и шалавы
последней, пронзающий до позвоночника,
и шепот моей сумасшедшей шаланды,
что я не услышал:*

«Ландыша хочется...» (с. 440).

Наряду с этим данные кругомёты помогают интерпретировать текст, извлечь его смысл, поскольку отсылают к массовой культуре СССР, к разным историческим периодам развития страны, в которые эти песни были популярны, а прецедентное имя Марселя Дюшана и упоминание его знаменитого арт-объекта — к авангардному искусству XX в.

Таким образом, метаграфемные знаки в поэзии А. Вознесенского выполняют акцентно-выделительную, игровую и композиционную функции. С их помощью осуществляется перераспределение текстовой информации, актуализация фоновых знаний читателя, необходимых для интерпретации смысла произведения.

Список литературы

1. Вознесенский А.А. Стихотворения. Поэмы. М.: Изд-во «Э». 2018. 640 с.
2. Зубова Л.В. Языки новой поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
3. Семьян Т.Ф., Смышляев Е.А. Видеопозэзия в формировании нового читателя // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 10. С. 184—188.
4. Фатеева Н.А. Метаграфемика как отражение авангардного мышления // Russian Literature. 2010. V. 67. № 3—4. P. 303—317.
5. Шубина Н.Л. Метаграфемика в «художественном паспорте» А. Белого // Университетский научный журнал. 2016. № 20. С. 42—50.

METAGRAPHEMICS IN A. VOZNESENSKY'S POETRY: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC APPROACH

The paper deals with the text, communicative and pragmatic functions of the metagraphemic marks in A. Voznesensky's poetry. The methods of polysystemic and contextual analysis are employed. The horizontal variant of *krugomets* (the word's repetition with the subsequent fragmentation of a new word) is analyzed. It is viewed as a game means which is based on the usage of metagraphemics in correlation with the phonogram. The metagraphemic means of *krugomets*' formalization, their compositional and meaning-generated functions are described. Besides the pragmatic effect of punctuation marks' reduplication while introducing the quotations into the poetic text is studied.

Keywords: metagraphemics, game means, krugomet, phonogram, text function, poetry, A. Voznesensky.

ДЕЛИБЕРАТИВ НА ФОНЕ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ¹

В статье ставится цель охарактеризовать активные процессы, в которых участвуют предложно-падежные конструкции и предикативные единицы, представляющие собой придаточное изъяснительной конструкции, с семантикой содержания речи, мысли, чувства. Используя для их обозначения термин «делибератив», учитывая результаты обращавшихся к его проблемам исследователей и располагая материалом современных медиатекстов, методом синтаксического анализа удается показать три активных процесса — унификации форм делибератива, повышение активности его свободных форм в медиатекстах, главным образом в паратексте, наконец, процесс формирования новых конструкций с его участием в ответ на запросы языка медиа. Отмечается, что унификацию форм выражения одного смысла в предложении пережили и другие формы, а высвобождение придаточного характерно не только для изъяснительных предложений. Таким образом, рассмотренные активные процессы охарактеризованы в контексте тенденций функционирования современной русской грамматики.

Ключевые слова: русский язык, язык медиа, грамматика, делибератив, сложное предложение, придаточное, унификация форм, новые синтаксические конструкции.

Проблема активных процессов в грамматике относится к вечным, и неизменен интерес к ней лингвистов. В современных условиях функционирования русского языка процессы ускоряются, число факторов, влияющих на них, увеличивается, а их действия пересекаются, усиливаясь или нейтрализуясь. На

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Русская изъяснительная конструкция: полидискурсивная парадигма», получившего финансовую поддержку РФФИ (грант № 20-012-00126 А).

этом фоне представляют интерес процессы, в которые включены формы, получившие наименование *делибератив*.

Термин *делиберативный* известен в русской грамматике, начиная с В.В. Виноградова: в его знаменитом труде так названы отношения, выражаемые предлогами *о*, *про*, и состоящие в указании на предмет речи, мысли, чувства [Виноградов 1972: 540]. В синтаксическом словаре Г.А. Золотовой термином *делибератив* обозначаются предложно-падежные конструкции с соответствующим значением, таких форм представлено в словаре более десятка, из них четыре формы квалифицируются как свободные [Золотова 1988: 221, 336]. Важный шаг в осмыслении этого явления делает Л.Ю. Максимов, включая в число делиберативов и придаточные предложения изъяснительной конструкции, которые оказываются аналогами предложно-падежных конструкций, совпадая с ними по смыслу [Максимов 2011: 108; Грамматика 1970: 701]. Именно в таком понимании говорят о делиберативе синтаксисты, например, [Кошкарева 2015; Конюшкевич 2018].

В настоящей статье функционирование делибератива в современных текстах, главным образом медийных, рассматривается на фоне активных процессов, которые охватывают глагольное управление, сложное предложение с местоименно-союзной связью и синтаксис медиатекстов.

Первый активный процесс определяется тем фактом, что русская грамматика, как было сказано, располагает более чем десятком форм делибератива, зависящих от управляющего глагола. Как указано в синтаксическом словаре, это формы именительного падежа (*Ему пригрезилась весна*), родительного с предлогом *против* (выступать против войны), винительного, в том числе без предлога (*слышать топот*), с предлогом *в* (*веровать в свое право писать*), с предлогом *за* (*быть гордым за кого, стыдно за что*), с предлогом *про* («Про это») и предложного с предлогом *о* (*Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви*) [Золотова 1988: 25, 88, 196, 179,

183, 221, 336]. Общее значение этих разных форм при разных по семантике глаголах, управляющих как словоформами, так и придаточными, — объект рефлексии как «вторичной обработки сознанием чувственной и вербальной информации» [Черемисина 2015: 14].

Современная языковая практика показывает, что основными формами делибератива оказываются *про что* и *о чем*, вытесняя из употребления другие. На это обстоятельство обращал внимание Ю.Н. Караулов на Круглом столе о культуре речи, отмечая «ошибочное распространение конструкции «о том, что» с глаголами речемысли (*рассказал о том, что; рассуждали о том, что; думал о том, что*) на все глаголы передачи информации (*объяснили о том, что; увидели о том, что; убедились о том, что*)» и связывая это с действием аналогии [Культура, [http](http://)]. Как факт функционирования сложного предложения этот момент обсуждается в ряде публикаций. Так, в статье [Пиотровская 2015], построенной на материалах Национального корпуса русского языка, предложения типа *Мы подтверждаем о том, что начинаем заниматься проектом...* квалифицируются как ошибочные, при этом указывается на их массовость; в выводах же автор указывает на то, что «подобные нарушения заложены в синтаксической системе русского языка»: *о том* оказывается свободной синтаксемой, как указывается в словаре Г.А. Золотовой, и она специализирована на выражении делиберативного значения, тогда как другие совмещают это значение с другими [Пиотровская 2015: 104]. Характеризует это явление, обращаясь к языковому сознанию, М.Я. Дымарский: «универсальность этой синтаксемы заставляет носителей русского языка воспринимать ее как прототип синтаксического компонента с делиберативной семантикой. Если это так — неудивительно, что что на роль местоименной словоформы, имеющей делиберативное значение и указывающей на наличие специфицирующего знания, избирается именно О ТОМ — регулярная реализация прототипического делибератива» [Дымарский 2008: 108].

Для понимания причин активности скрепы *о том, что* важно учитывать ее топиальность — способность обозначать именно тему, а не содержание делибератива [Кошкарева 2015]. Этим объясняется ненормативное оформление делибератива в препозиции, что характерно для темы, а глагол с его управляющей силой появляется в тексте позже, и эта его сила уже не ощущается автором: *О том, что мы имеем дело с идеологическим катком, трамбуящим всех под единый формат, демонстрирует письмо в защиту свободы дискуссий, подписанное 150 известнейшими западными интеллектуалами и опубликованное в июле в журнале Harpers. Вернее, демонстрирует не само письмо, а реакция на него* (П. Власов // Культура, 01.08.2020). В этом примере из качественного издания (!) показательно, что автор возвращается в следующем предложении к глаголу *демонстрировать*, но не замечает (как и редакторы), что его объектный распространитель оформлен неправильно: топиальность оказывается сильнее глагольного управления.

Наблюдения над функционированием сложного предложения со скрепой *о том, что*, приводят к выводу: процесс ее выдвижения на первое место можно интерпретировать как тенденцию к унификации форм делибератива. Стоит подчеркнуть, что это происходит не только в рамках сложного предложения, но и в пространстве словосочетания: *Приятно, когда человек понимает о своем невежестве* (Фейсбук, 02.03.2020) — ср. нормативное *понимать что*; *Подводя итог о перспективах дальнейшего будущего, эксперты сделали вывод* (Monavista Daily, 22.10.2020) — ср. *подводить итоги чего*.

Единственная форма делибератива, которая выдерживает конкуренцию с *о чем*, это форма *про что*, которая воспринимается как менее официальная, что хорошо видно в таком примере: *При этом потребность в общении с соотечественниками никуда не девается. Это не про самовар и березки, не про помощь с работой, это вообще не про материальное. Это про*

то, что жизнь в незнакомом мире очень выматывает, особенно поначалу (А. Боголепова // Газета.ру, 15.08.2020). Одно из последствий активности формы *про то* — появление у нее нового значения, которое квалифицируется как «делиберативно-определяющее» [Клобуков 2015], его можно наблюдать, например, в предложении: *И получается, семейное обучение — это вроде и про выбор, но еще не про альтернативу* (Газета.ру, 07.10.2018).

Таким образом, процесс унификации форм делибератива проявляется в сложном предложении и в распространении глаголов в рамках простого, это явление оценивается прежде всего с позиций культуры речи, тогда как за ним стоит «борьба» конструктивного и семантического, как кажется, с перевесом семантики. Конечно, ситуация не пришла к такому состоянию, чтобы делибератив выражался одной формой, но число конкурирующих форм явно стремится к уменьшению, в первую очередь в устной речи, но и в печатных текстах тоже, как показывает материал в [Пиотровская 2015].

Второй активный процесс, связанный с делиберативом, можно видеть в обновлении функционирования зависимых форм. Стоит отметить, что делибератив рассматривался в контексте синтаксических новаций конца прошлого века, когда наблюдалась активизация свободных словоформ в художественных и газетных текстах [Акимова 1990: 26—27]. Наблюдения показывают, что эта тенденция продолжает действовать, в чем убеждает данные медиатекстов. Так, делиберативы выступают в роли выделенной темы: *Сначала про термины. Внятного научного определения постмодернизма (постмодерна) нет, поэтому я предпочитаю, так сказать, профанное определение* (А. Иванов // Горький. Медиа, 04.09.2020) и заголовков медиатекста, которые активно использует «Яндекс Дзен» (потому в скобках указывается только дата публикации): *Опять про Беларусь. Несколько иная картина, чем стараются навязать* (20.10.2020); *Про неудобную жизнь южных корейцев глазами*

русского (20.10.2020), *О Пушкине, ограблении в Африке и телевидении* (08.09.2020); *Об уходе Михаила Жванецкого со сцены* (26.10.2020).

Важно подчеркнуть, что активный процесс высвобождения зависимых форм захватывает теперь и предикативные единицы, выступающие в роли придаточных изъяснительной конструкции. Так, например, «Яндекс Дзен» регулярно использует такие заголовки: *Как правильно есть сливу с пользой для здоровья* (31.06.2020); *Как всего один гаджет поможет сэкономить место в квартире и прибрать вообще всё* (07.09.2020); *Почему кошка кусается, когда ее гладят* (15.08.2020); *О чём расскажут глаза кошки* (30.08.2020).

В «Известиях» делибератив сопровождает традиционный заголовок текста, эксплицируя его тему, что можно продемонстрировать публикациями одного дня — 26.10.2020: *Один для всех: почему тест на COVID делают не каждому заболевшему; Под опросом: почему «Слуга народа» провалилась на местных выборах; Нетехнические риски: чем грозит установка пиратских программ.*

Третий случай использования предикативного делибератива культивируется в «Газете.ру», где в материалах рубрики «Мнения» стандартно присутствует подзаголовок, который включает имя автора и делибератив (предикативный или нет). Эту конструкцию нельзя отнести ни к одной синтаксической единице, разве что к предложению с эллиптированным предикатом речи типа *рассуждает*. Вот три таких подзаголовка к авторским колонкам одного автора: *Алена Солнцева о новых правилах «Оскара», борьбе с привилегиями и недостижимом всеобщем равенстве* («Подавляющее меньшинство», 13.09.2020); *Алена Солнцева о том, каким будет кино будущего* («Мир изменит не ковид, а интернет», 25.10.2020); *Алена Солнцева об уроках истории и о том, как перестать делать из революционеров героев* («Мы протестуем или бунтуем?»), 11.10.2020). Как показывают эти примеры, стандартным оказывается формула «автор +

делибератив», а форма последнего варьируется — предложно-падежная конструкция, придаточное изъяснительной конструкции с местоимением *то*, а то и тот и другой в сочинительном ряду.

Надо сказать, что такая новая конструкция используется и в роли самостоятельного заголовка, например: *Кирилл Жаров — о том, как турецкий президент возвращает османское наследие, напоминая о величии предков* (ИТАР ТАСС, 14.07.2020); *Сын Сергея Фургала — об аресте отца, Дегтяреве и встрече с Жириновским* (Сноб, 23.10.2020).

Таким образом, приведенные данные говорят о двух активных процессах. Один продолжает тенденции изменения синтаксиса и может быть обозначен как процесс высвобождения зависимых форм, к которым теперь относятся и придаточные предложения. Другой активный процесс обнаруживается в языке медиа — в формировании новых синтаксических конструкций, которые характерны для паратекста медиатекста [Шмелева 2010], здесь «высвободившиеся» формы используются в роли заголовков и подзаголовков, при этом медийные институции культивируют разные формы паратекста, в чем нельзя не увидеть креативное языковое поведение редакторов.

Итак, рассмотрение делибератива в широком понимании позволяет увидеть три активных процесса в русской грамматике. Первый из них состоит в унификации форм делибератива, при этом семантика оказывается более существенным фактором, чем валентности глагола, требующего определенной формы. Этот процесс касается синтагматики глагола, в частности управления, и показывает изменение значимости факторов, а именно повышение значимости семантического фактора. Унификация форм делибератива — не единственный процесс такого рода, ранее пережили унификацию формы выражения объекта отношения, выражаемые при предикатах типа *отношение, уважение, отвращение*; так в последнем случае объект оформлялся родительным падежом с предлогом *от*, что объясняется морфемной структурой имени; пример такого

использования находим во фразе из «Записных книжек» П.А. Вяземского: *Я всегда имел отвращение от шарлатанства и ханжества*; сегодня мы говорим *отвращение к* так же, как *отношение к, уважение к*. И здесь можно говорить о том, что семантический фактор оказывается важнее, чем формальный, возможно, речь идет о довольно мощном процессе, это требует особых исследований.

Второй активный процесс, начало которого отмечено Г.Н. Акимовой в конце прошлого века, касается синтаксических связей, которые ослабляются, что создает впечатление «разорванности синтаксиса» в медиа, описанное в начале нынешнего века [Стексова 2003]. Важно отметить, что делиберативные формы оказываются не просто сегментированными с отделением точкой, но освобождаются, и начинается их свободное функционирование вне предложения — в пространстве текста. В последнее время это происходит и с придаточными предложениями — делиберативными, как показано в настоящей работе, и с определительными, которые стали самостоятельно использоваться вместе с определяемым словом, формируя заголовки типа «Город, которого нет» [Шмелева 2019].

Наконец, изучение делибератива показывает активные процессы в синтаксисе языка медиа, в частности, формирование новых конструкций, востребованных в позициях заголовка и подзаголовка.

Поставив вопрос о соотношении эти трех активных процессов, можно сказать, что грамматические процессы предоставляют новые возможности, которыми пользуется язык медиа, ориентируясь на интересы читателя и необходимость его привлечь к чтению текста. Так, не отвергая классические заголовки, «Газета.ру» культивирует обозначение темы авторских колонок в подзаголовках вместе с обозначением фамилии автора; тогда как «Ивестия.ру» включает экспликацию темы в заголовок, делая его сложным, двуступенчатым. И то, и другое обеспечивается свойствами свободного делибератива, который воспринимается как «представитель» изъяснительной

конструкции, которая легко восстанавливается читателем. Так, заголовки типа «О чём расскажут глаза кошки» понимаются как «Здесь вы можете узнать, о чём расскажут глаза кошки», что устанавливает доверительные отношения между автором и адресатом, а их культивирование можно назвать одним из активных процессов моделирования медийной коммуникации.

Список литературы

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. 614 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.
4. Дымарский М.Я. Функционирование соотносительных слов в изъяснительных конструкциях // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте: колл. монография / под ред. С.Г. Ильенко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 86—119.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. 440 с.
6. Клобуков Е.В. Поговорим про *ПРО* и *О*, или Особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 1—15.
7. Конюшкевич М.И. Коварный делибератив, или эффекты корреляции предложно-именно и союзно-предикативной синтаксем // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / редкол. М.И. Конюшкевич и др. Гродно, 2018. С. 59—63.
8. Кошкарева Н.Б. Делиберативная скрепа *о том, что* и модель изъяснительных сложноподчиненных предложений // Вестник Новосибирского государственного университета: научный журнал. 2015. Т. 14. Вып. 9. Филология. С. 126—137.
9. Культура речи и языковая практика: мат-лы круглого стола 18.12.2007. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_609

10. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка) / под. ред. А.А. Бурова, К.Э. Штайн. Ставрополь, Пятигорск, 2011. 675 с.
11. Пиотровская Л.А. Синтагматические связи слов со значением речемыслительной деятельности: вопросы синтаксической нормы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (268). С. 102—104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25411408>
12. Стексова Т.И. Тенденция к «разорванности синтаксиса» на страницах современной прессы // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 81—85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17670143>
13. Черемисина М.И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то* // Вестник Новосибирского государственного университета: научный журнал. 2015. Т. 14. Вып. 9. Филология. С. 11—24.
14. Шмелева Т.В. Текст и паратекст в современной массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. Конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20—23 марта 2010 г.): тр. и мат-лы / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 579—580.
15. Шмелева Т.В. Неопознанный синтаксический объект // Новые горизонты русистики. Донецк, 2019. № 8. С. 25—33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41443711>

© **T.V. Shmeleva**

DELIBERATIVE IN THE BACKGROUND OF ACTIVE PROCESSES IN RUSSIAN GRAMMAR

The aim of the article is to identify active processes in which deliberative is involved — various forms with semantics of the content of speech, thought, feeling (prepositional-case constructions and predicative units, which are an explanatory clause). Having the material of modern media texts and taking into account the results of researchers who have addressed the problems of deliberative, the method of syntactic

analysis manages to see three active processes — unification of forms of deliberative, an increase in the activity of its free forms in media texts, mainly in paratext, and finally, the process of forming new constructions with the participation of deliberative. It is shown that the unification of the forms of expression of one meaning in a sentence has survived other forms, and the release of the subordinate clause is noted not only for explanatory sentences. Thus, the considered active processes are characterized in the context of trends in the functioning of modern Russian grammar.

Keywords: Russian language, media language, grammar, deliberative, complex sentence, subordinate clause, unification of forms, new syntactic constructions.

© **Щеникова Елена Викторовна**
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТКЛОНЕНИЯ
ОТ НОРМЫ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ
СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ
(на материале словосочетаний
с именами существительными *кот/кошка*)¹**

Цель работы заключается в выявлении специфики ненормативного использования собирательных числительных в интернет-коммуникации. Материалом для исследования послужили тексты форумов, блогов, комментариев к блогам, относящиеся к периоду 2016—2020 годов. Анализ материала осуществлялся главным образом с применением описательного и сопоставительного методов. Коротко охарактеризовано отражение в специальной литературе нормы, регулирующей употребление имен числительных в сочетании с наименованиями животных. На основе сопоставления с данными, ранее полученными при анализе текстов, представляющих художественный и публицистический дискурс, а также форумный дискурс 2007—2015 годов, рассмотрены стилистические, семантические, а также некоторые формальные особенности включения собирательных числительных в интернет-тексты. Высказано предположение о влиянии языковой/речевой аналогии на появление ненормативных словосочетаний.

Ключевые слова: интернет-дискурс, форумный дискурс, язык блогосферы, имя числительное, собирательные числительные, на-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

именования животных, кошки, литературная норма, кодифицированная норма, отклонения от нормы.

Собирательные числительные (далее — СЧ), как известно, относятся к группе грамматических категорий, функционирование которых в значительной степени охватывается кодифицированной нормой — и в частности, это касается использования числительных для указания на количество животных. Не останавливаясь на вопросе о лакунах, все же имеющих место в системе нормативного регулирования (данный вопрос достаточно подробно был рассмотрен нами ранее: [Щеникова 2015в]), обратимся к той позиции употребления СЧ, которая регулярно (хотя и не всегда) отражается в нормативных справочниках, учебных пособиях и т.п., а именно к количественно-именным словосочетаниям с отношениями восполнения, включающим имена существительные — узуальные наименования взрослых животных. При обозначении данной позиции в научной/учебной/справочной литературе, как правило, применяются более свернутые формулировки, нежели представленная выше («с названиями животных» [Тихонов 2002: 291; Энциклопедический словарь-справочник 2008: 16], «со словами мужского рода — названиями животных» [Мамонов, Розенталь 1957: 75] и т.п.), однако вывод о прямом регулировании кодифицированной нормой сочетаний лишь с типовыми наименованиями животных в рамках указанных синтаксических конструкций со значительной степенью очевидности вытекает из приводимых нормализаторами текстовых иллюстраций: «нельзя сказать <...> “двое насекомых”» [Современный русский язык 2012: 115]; «нельзя: *трое котов, двое медведей, четверо кур, десятеро уток*» [Шнайдерман 2003: 88]. Вполне вероятно, что соответствующие нормы могут быть субъективно перенесены на другие типы синтаксических конструкций с контактным расположением числительного и существительного; однако говорить об обязательности подобного «транспонирования» было бы некорректно.

Если применительно к сочетаниям СЧ с наименованиями детенышей животных встречаются заметные разночтения в интерпретации нормы (ср., например: «Собирательные числительные также *употребляются* в сочетании <...> с существительными, называющими детенышей животных (ср.: *двое зайчат, семеро козлят* и т.д.)» [Пантелеев 2021: 96]; «*В разговорной речи* собирательные числительные сочетаются с названиями детенышей животных» [Балалыкина 2003: 126; см. также: Мамонов, Розенталь 1957: 75]; «*Не соответствуют литературной норме* сочетания собирательных числительных с названиями молодых животных <...>; они имеют *разговорно-просторечную* окраску» ([Плещенко 1999: 120]; см., например, также: [Розенталь 1987: 175] — во всех цитатах полужирный курсив наш. — *Е.Щ.*), то относительно сочетаний с наименованиями взрослых животных нормализаторы на протяжении многих лет обнаруживают значительно большую степень единодушия: «Собирательные числительные не употребляются <...> с существительными мужского рода, обозначающими предметы и животных (кроме детенышей)» [Современный русский язык 1992: 133]; «сочетания собирательных числительных <...> неправомерны — с названиями взрослых животных, птиц, рыб» [Голуб 2004: 262]; «с названиями взрослых животных используются только количественные числительные» [Балалыкина 2003: 126]; «*три вола* (а не “*трое волов*”)» [Грамматика русского языка 1952: 381]; «*двое сыновей*, но не *пятеро волков*» [Морфология современного русского языка 2013: 322].

Несмотря на значительную стабильность и непротиворечивость нормативных предписаний, формирующих представление о стабильности самой нормы, в русской речи уже долгое время отмечаются регулярные отклонения от нее. Судя по формулировкам, представленным в уважаемых источниках начала 1980-х годов, в указанный период и ранее такие отклонения еще не носили массового характера: «*Гораздо реже, но встречаются* отступления от нормы и в сочетании с наименованиями животных» [Граудина 1980: 236]; «такие

соединения, хотя они и не рекомендуются, *не исключены и* в употреблении *встречаются*» [Русская грамматика 1980: 575] (в обеих цитатах полужирный курсив наш. — *Е.Щ.*). Подобные формулировки можно выявить и в значительно более поздних работах: «С существительными жен. р. — названиями лиц и названиями животных собирательные числительные, как правило, не сочетаются, хотя *иногда* они и *встречаются* (полужирный курсив наш. — *Е.Щ.*) в речи» [Вольская 2013: 99]. Однако введение в научный оборот интернет-текстов, открывающих доступ к множественным пластам неформальной коммуникации, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отклонение от рассматриваемой нормы имеет заметно больший масштаб.

Мы разделяем мнение о том, что на современном этапе развития интернет-дискурса требуются точечные описания его отдельных проявлений, обобщение которых в дальнейшем позволит сделать корректные выводы о состоянии/развитии системы в целом. В связи с этим в рамках данной статьи позволим себе ограничить рассмотрение ненормативной синтагматики СЧ их сочетаниями с именами существительными *кот* и *кошка*. Выбор указанных существительных во многом обусловлен широкой представленностью и популярностью в сети Интернет различных по характеру ресурсов, посвященных соответствующим животным. В процессе рассмотрения и обсуждения пользователями Сети коты/кошки периодически подвергаются счету, и далеко не всегда задействуемые при этом вербальные средства отвечают требованиям кодифицированной нормы. На наш взгляд, представляется важным описать условия и, по возможности, выявить причины ненормативной синтагматики числительных именно в тех позициях, где она является наиболее очевидной.

К исследованию нами были привлечены тексты форумов (главным образом — <https://mauforum.ru>, <https://mainecoon-forum.ru>), а также блогов и комментариев к ним (<https://murkotiki.com/>

blogs, <https://koshkanasha.ru/blog>, <https://blog.tomeow.ru/>, <https://catpost.ru/>, <https://koshke.info/>, <https://upet.com>, <https://zen.yandex.ru/koshka>, <https://zen.yandex.ru/id/5ee3fda67641122779a4aaf4>, https://zen.yandex.ru/media/pro_koshek, <https://zen.yandex.ru/craft-diystudio>, <https://zen.yandex.ru/media/petclub/>, <https://zen.yandex.ru/media/zoomama> и др.) за последние 5 лет. Причем, несмотря на существенно меньший охват ресурсов первого типа, подавляющее большинство фактов ненормативного употребления СЧ было выявлено именно в сфере форумной коммуникации.

Далее представим результаты анализа ненормативной синтагматики СЧ в указанных текстах в сопоставлении с результатами, ранее полученными нами при обращении к текстам СМИ, художественной литературы, а также к текстам форумов 2007—2015 гг.

В проанализированных нами художественных произведениях отступления от рассматриваемой нормы характеризуются ярко выраженной стилистической мотивированностью и связаны, главным образом, с формированием комического абсурда. В СМИ стилистические основания для ненормативной синтагматики СЧ оказываются более «размытыми»: функция создания комизма при указании на количество животных здесь сохраняется, однако он (комизм) приобретает в целом более мягкие формы; кроме того, СЧ в публицистических текстах используются «как эмоциональные средства некомического снижения» [Щеникова 2015б: 142], причем отрицательная оценка, как правило, выражается не по отношению к считаемым животным, а по отношению к ситуациям, в которых те функционируют (сами животные, соответственно, представляются в положительном либо в нейтральном ключе). Анализ форумных текстов, опубликованных в 2007—2015 гг., позволил выявить ситуацию стилистической неопределенности в сфере ненормативной синтагматики СЧ при указании на количество животных: с одной стороны, она «может иметь вполне традиционные семантико-стилистические основания — прежде всего,

создание комизма» [Щеникова 2015а: 556], с другой стороны, для включения СЧ в текст во многих случаях «не требуется создания заметных стилистических эффектов — бывает достаточно общего разговорного (слегка игрового, но не явно комического) тона высказывания» [Щеникова 2015а: 556]; спектр эмоционально-экспрессивных состояний, которые демонстрируются пользователями Сети при нарушении нормы, чрезвычайно широк — от возмущения и раздражения до сочувствия и радости. В интернет-текстах последних лет обозначенная тенденция получила своеобразное развитие.

Чувства и эмоции интернет-пользователей, отраженные в контекстах с ненормативным употреблением СЧ, по-прежнему очень неоднородны, однако не столь разнообразны, как в текстах предыдущих лет. Отметим, в частности, возмущение (*В общем что бы пройти курс из противовирусного в 21 день мне на **троих котов** нужно 4 упаковки фамвира, а это 16т.р. Просто б**ть потрясающе, у меня слов нет* — таufogum.ru, 12.09.2017; здесь и далее авторские орфография, пунктуация и графика (за исключением лишних/недостающих пробелов при знаках препинания) сохранены), одновременно проявляемые возмущение — по отношению к оппоненту — и заботу — по отношению к животным (*кот — 15 лет — это уже как старик 80-летний... С ним все что угодно может быть. и уход за ним нужен и внимание, как к **троим котам**...* — таufogum.ru, 14.01.2018), благодарность в сочетании с некоторой восторженностью (*Если бы не она, я бы похоронила **троих кошек*** — mainесооп-fogum.ru, 16.04.2020). СЧ встречаются и в комически окрашенных контекстах (*Вот никто из моих **троих котов** не умеет столь качественно и эффективно препарировать мозг, как это делает Вулкаша* — таufogum.ru, 11.09.2020); однако комизм в большинстве случаев является чрезвычайно умеренным, а рассматриваемые числительные, на наш взгляд, не относятся к ключевым средствам его формирования (*Коты загнаны в одну из комнат и закрыты там. Вечером **двоих котов** надо помыть — мы же... та-дам! в субботу идем на выставку* —

mauforum.ru, 25.04.2019; *Тут мои пазлы не сходятся, стереотип ломается. В доме ведь и кошки есть, почему он кота выбрал в мамки, этот сын полка (в питомнике сосал маму и еще **двоих кошек**, у которых котята были)?* — mainesoon-forum.ru, 28.07.2020).

При этом в форумном дискурсе 2016—2020 годов по сравнению с дискурсом предыдущих лет увеличивается количество слабоэмоциональных и безэмоциональных контекстов, обнаруживающих ненормативную синтагматику числительных. Выражаемое рационально-логическими, семантическими средствами отношение к сообщаемому (как правило, не к считаемым животным, а к иным объектам или ситуациям в целом) так же, как и в случае с эмоционально маркированными контекстами, может быть не только отрицательным, но и положительным. Так, СЧ, с одной стороны, были выявлены в сообщениях о хорошо налаженной коммуникации с заводчиком (*я о том что, мне с заводчицей повезло. до сих пор консультирует меня по всем моим **троим кошкам** и просто дружески общаемся* — mauforum.ru, 15.12.2017), об удачно проведенной медицинской процедуре (*Я прививала дважды своих **двоих котов** пуреваксом, <...>, всё было в порядке* — mauforum.ru, 23.05.2019), а с другой — в сообщениях, где констатируется смерть животного (*Сегодня внезапно умер один из моих **пятерых котов*** — mauforum.ru, 02.05.2019); обозначаются обеспокоенность/сожаление по поводу сложившейся ситуации — эпидемиологической, экономической (*я естественно очень часто у нее бываю, а у самой дома **двое котов** — это им несёт какую-то опасность?* — mainesoon-forum.ru, 14.10.2019; *И вопрос по питанию: Кормим **двоих кошек** мясом и субпродуктами, но сейчас когда подрастают еще три котенка кормить только мясом становится накладно* — mainesoon-forum.ru, 17.07.2019) и др. Особо отметим, что ненормативное употребление СЧ стало гораздо более заметным в темах/контекстах медицинской направленности, где интернет-пользователи в целом редко прибегают к речевым аномалиям (поскольку те значительно повышают риск

возникновения неуместного (ввиду серьезности обсуждаемых вопросов) комизма): *Сейчас лечу этой смесью **двоих кошек**, у которых насморк и чихание. Данная смесь подойдет для закапывания больной кошке?* (mauforum.ru, 08.04.2016); *Я **двоих своих кошек**, которые у меня были до котов, так и кастрила в месяцев 9—10* (mauforum.ru, 06.12.2017); *Мильбемакс (таблетки) — пользуюсь последние несколько лет, **четверым котам**, проблем не было ни разу* (mauforum.ru, 31.05.2017); *У меня иной опыт, гранулема у **четверых кошек**, двое из них мать и дочь, после стерилизации все прошло* (mainесооn-forum.ru, 19.02.2018). Как наглядно демонстрируют приведенные примеры, игровой потенциал СЧ в подобных контекстах стабильно не реализуется, что позволяет сделать предположение о начинающейся перестройке в нормативной и стилистической подсистемах русского национального языка, во всяком случае в тех сегментах, которые имеют выход в форумное коммуникационное пространство.

Однако нельзя утверждать, что интернет-пользователи совсем не владеют нормой и/или не чувствуют стилистические нюансы, связанные с употреблением СЧ. В этом плане значимым видится тот факт, что словосочетания по модели «СЧ + наименование взрослого животного» не были отмечены нами в текстах блогов, авторы которых позиционируют себя как эксперты в области кормления, лечения, регулирования поведения кошек и т.п. Предположим, что подчеркнутое соблюдение нормы (интуитивно или осознанно) воспринимается ими как средство, позволяющее выйти за пределы категории «как все»; а отклонение, напротив, как речевое действие, которое могло бы привести к имиджевому снижению, разрушить создаваемый ими образ эксперта («неграмотная речь») (судя по характеру метатекстовых реакций на «речевые оплошности» [Брагина 2019: 8]) вызывает у интернет-пользователей представление «о низком культурном уровне говорящего или пишущего и о его невысоком социальном статусе» [Брагина 2019: 8]).

Семантическая специфика СЧ (если она в принципе признается исследователями) традиционно раскрывается через присвоение словам этого разряда двух сем (оттенков): совокупности и лица.

В рамках нашей выборки в публицистических текстах отклонение от нормы в связи с реализацией семы лица почти не встречается и не несет существенной концептуальной нагрузки. В художественных текстах подобные отклонения не имеют массового характера, однако при этом относятся к группе тех средств, которые позволяют раскрыть суть авторской картины мира. Последнее в значительной степени роднит художественный дискурс с интернет-дискурсом (и главным образом — с его форумной разновидностью). В интернет-дискурсе (обоих рассматриваемых периодов) кошки и коты нередко позиционируются как члены семьи, дочери/сыновья своих владельцев, обладатели интеллекта, сопоставимого с человеческим, носители человеческих черт характера и т.п. Личностное представление животных может особо подчеркиваться за счет иных вербальных средств в пределах того контекста, где использовано ненормативное числительное: *На моём блоге вы увидите много фото и видео про моих Любимцев: самки волнистого попугая Пташу, африканских улиток ахантина Боба и Сенди, а также я могу выкладывать посты двоих котов: Марсика и Чибрика, когда буду у бабушки в гостях (upet.com, 02.11.2020); А через год к нам прибудился серенький котенок <...> Естественно, Солька в штыки! А мудрая Дорушка взялась опять его воспитывать! Конечно, накладно содержать **троих кошек!** Но, куда деваться (zen.yandex.ru/media/pro_koshek, 02.11.2020). Однако чаще подобное мировидение транслируется лишь в «фоновом» режиме, служа при этом устойчивой базой для параллельной экспликации идеи совокупности.*

Основания для группировки котов/кошек в целом коррелируют с теми, которые ранее были выявлены нами в пределах художественного и публицистического дискурсов. Представим

смысловые оттенки, которые главным образом обращают на себя внимание в интернет-текстах 2016—2020 годов.

В первую очередь выделим такое основание для объединения животных в группы, как привязка к субъекту. Очень часто посредством СЧ обозначается количество кошек, которые принадлежат одному хозяину. В одних случаях данная информация никак не актуализируется в пределах высказывания, включающего ненормативное числительное, раскрывается посредством широкого контекста или даже относится к области фоновых знаний: *Невинная прореженность волос над глазами, которая не беспокоила первый месяц привела к безостановочной чесотке и заражению ещё **двоих котов*** (mainesoon-forum.ru, 21.03.2020). В других случаях в предложении присутствуют соответствующие вербальные маркеры: *Сотрудница рассказывала, как она делала прививки **шестерым котам** ее сестры* (mauforum.ru, 05.03.2017); *Кстати, сейчас у родителей живут **четверо котов*** (mainesoon-forum.ru, 05.12.2019); *у самой дома **двое котов*** (mainesoon-forum.ru, 14.10.2019) (в последних двух примерах прослеживается также группировка животных по положению в пространстве). Типовыми актуализаторами рассматриваемого смыслового оттенка выступают личные и притяжательные местоимения 1 лица, а также возвратно-притяжательное местоимение *свой* в составе ряда шаблонных конструкций: *у меня **трое котов** британцев и собака* (zen.yandex.ru, 09.11.2020); *У нас **четверо прекрасных кошек*** (mauforum.ru, 16.02.2020); *к моменту появления котенка мы своих двоих взрослых **кошек** еще не стерилизовали* (mainesoon-forum.ru, 30.03.2019); *Не может же быть у **двоих моих котов** настолько редкое заболевание, что ни один ветеринар не может ни найти причину, ни вылечить!* (mauforum.ru, 16.08.2018); *У **двоих моих** **кошек** был разный результат и разный антибиотик* (mainesoon-forum.ru, 19.01.2020). Как показывают последние примеры, фонетический фактор (который в художественном дискурсе может значительно ограничить употребление СЧ, в том числе нормативное) в интернет-

текстах оказывается достаточно слабым и СЧ свободно включаются даже в контексты медицинской направленности, несмотря на формирование стилистически неуместной рифмы (ср.: *двоих моих кошек — *двух моих кошек*).

Действие, направленное на нескольких животных и/или обусловленное их наличием, также регулярно отмечается как основание для включения СЧ в текст: *прививку в этом году только собиралась сделать всем **троим кошкам**, но вот помешала болезнь Феди* (mauforum.ru, 02.08.2019); *Надо иметь талант, что б «втюхать» **четверых котов**, вместо одного* (mainesoon-forum.ru, 26.04.2018). Периодически данное основание для группировки котов/кошек дополнительно поддерживается общностью того или иного присущего им свойства, признака: *И тут спустя год выяснилось что Алеся — дочка Ларисы — пристраивает **двоих оставшихся свободных кошек*** (mainesoon-forum.ru, 28.01.2019); *В прошлом году мы нашли отличных хозяев **шестерым брошенным котам*** (mainesoon-forum.ru, 06.01.2019). Довольно типичное для проанализированных нами художественных текстов комплексное основание «действие и связанное с ним положение в пространстве» на материале блогов и форумов встречается, однако значительно реже: *везли **двоих кошек** в самолете долгим перелетом, но очень давно* (mauforum.ru, 26.08.2019).

Наконец, отметим объединение животных по признаку совместности использования/потребления чего-либо: *Раньше мои **двое котов** ели Акану и Ориджин* (mainesoon-forum.ru, 28.01.2019). Глагольными формами такое объединение, впрочем, задается достаточно редко. Интернет-пользователи прибегают к непрямым средствам указания на общность действия. Так, например, для МАУ-форума, типичны конструкции, построенные по модели «на + количественно-именное словосочетание» (используются при обсуждении расхода продуктов, наполнителя, лекарств и т.п.): *Соответственно, если **на троих котов** иметь два таких гаджета, расход будет ещё медленней происходить* (mauforum.ru, 01.08.2019); *Комбо в этот раз ку-*

пила, тоже большую для собак **на пятерых котов** (mauforum.ru, 16.08.2018).

Гендерные признаки животных (в отличие от гендерных признаков лиц) в формулировках рассматриваемой нами нормы, как правило, не отражаются (к числу приятных исключений в этом плане относится процитированная выше работа Н.Н. Вольской [Вольская 2013: 99]); однако к словосочетаниям СЧ с существительным *кошка* могут дополнительно применяться запретительные высказывания типа «собираательные числительные не сочетаются: 1) с именами существительными женского рода» [Валгина 2001: 216]. Несмотря на совокупное воздействие двух запретительных норм, количество словосочетаний со словом *кошка* в рамках нашей выборки лишь незначительно уступает количеству словосочетаний со словом *кот*. Можно предположить, что это отчасти обусловлено традицией использования слова *кошка* как агендерной (по Н.Д. Голеву [Голев 2013: 17, 18 и др.]) лексемы.

В заключение отметим, что в форумных текстах 2016—2020 годов по сравнению с текстами предыдущего периода сузился круг лексем, регулярно задействуемых в ненормативных словосочетаниях с существительными *кот/кошка* (СЧ от *шестеро* до *десятеро* в такие словосочетания почти/совсем не включаются, в то время как для текстов 2007—2015 гг. они являются пусть не слишком частотными, но не уникальными). Кроме того, в целом несколько уменьшилось количество ненормативных словоупотреблений рассматриваемого типа. Однако уровень их стилистической мотивированности при этом упал. В ряде случаев единственным стилистическим сигналом допустимости употребления СЧ является, видимо, сам факт построения текста в пределах форумного дискурса.

Список литературы

1. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Ч. 1. Имена. Наречия. Категория состояния. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. 172 с.

2. Брагина Н.Г. Речевые оплошности в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 5—13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39556349>
3. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2001. 527 с.
4. Вольская Н.Н. Морфология русского языка: В помощь редактору. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2013. 176 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211064621.html>
5. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология 2013. № 6 (26). С. 14—28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20708005>
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2004. 448 с.
7. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1952. 720 с.
8. Граудина Л.К. Вопросы нормализации литературного языка. М.: Наука, 1980. 288 с.
9. Мамонов В.А., Розенталь Д.Э. Практическая стилистика современного русского языка. М.: Искусство, 1957. 176 с.
10. Морфология современного русского языка / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 640 с.
11. Пантелеев А.Ф., Шейко Е.В. Современный русский язык. Морфология. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2021. 352 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1145164>
12. Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Основы стилистики и культуры речи / под ред. П.П. Шубы. Минск: ТетраСистемс, 1999. 240 с.
13. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика. М.: Высшая школа, 1987. 399 с.
14. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
15. Современный русский язык. Словообразование. Морфология / под общ. ред. И.А. Киселева. Минск: Вышэйша школа, 1992. 350 с.
16. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология / сост. Л.П. Казанская Р.А. Кан. Тольятти: ТГУ, 2012. 238 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/140096>

17. Тихонов А.Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-трейд, 2002. 464 с.
18. Шнайдерман Л.А. Морфология современного русского языка. Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ун-та, 2003. 254 с.
19. Щеникова 2015а — Щеникова Е.В. Ненормативная синтагматика собирательных числительных в интернет-коммуникации (на материале форума любителей домашних животных) // Научное наследие академика В.И. Борковского и современная русская словесность: мат-лы междунар. науч. конф., 8—11 сентября 2015 г. / отв. ред. Д.Ю. Ильин. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2015. С. 550—557.
20. Щеникова 2015б — Щеникова Е.В. Ненормативная синтагматика собирательных числительных в текстах публицистического стиля // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры: сб. докл. II междунар. конф., 17—20 июня 2015 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 140—145.
21. Щеникова 2015в — Щеникова Е.В. Проблемы описания литературной нормы в сфере синтагматики собирательных и количественных числительных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 254—262.
22. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. Т. 2 / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 840 с.

© *E.V. Shchenikova*

**SOME PECULIARITIES OF DEVIATION
FROM THE NORM WHEN USING COLLECTIVE
NUMERALS IN INTERNET DISCOURSE
(based on the word combinations
with the nouns *кот/кошка*)**

The aim of the paper is to identify the specific features of non-normative use of collective numerals in Internet communication. The research is based on the texts of forums, blogs, and comments to blogs for the period 2016—2020. The analysis of the material was carried out mainly with the use of descriptive and comparative methods. The reflection in the special literature of the norm governing the use of numerals in combination with

the names of animals is briefly described. Based on the comparison with the data previously obtained from the analysis of texts representing literary and journalistic discourse, as well as the forum discourse of 2007—2015, stylistic, semantic, and also some formal features of the use of collective numerals in Internet texts are considered. An assumption has been made about the impact of language/speech analogy on the emergence of abnormal word combinations.

Keywords: Internet discourse, forum discourse, blogosphere language, numeral, collective numerals, names of animals, cats, literary norm, codified norm, deviations from the norm.

ВОПРОСЫ РЕГИСТРАЦИИ ПСЕВДОАНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

В настоящей статье рассматриваются вопросы лексикографического описания 25 псевдоанглицизмов, активно употребляющихся в современном русском языке. Особое внимание уделяется проблемам представления этимологической справки о данных лексемах в русских словарях. Этой разновидности языковых контактов в русской лингвистике уделяется совсем небольшое внимание. Заимствования такого типа в русских словарях описываются неадекватно: либо нет никакой информации об их происхождении, либо лексикографами приводятся несуществующие английские формы в качестве их прототипов. С привлечением материалов зарубежных источников доказывается, что некоторые псевдоанглицизмы пришли в русский язык через французское или немецкое посредство. В конце статьи делается предложение ввести новую лексикографическую помету *псевдоанглицизм*, которая способствовала бы более однозначной презентации этих лексем в русских словарях.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствование, язык-источник, заимствующий язык, язык-посредник, англицизмы, псевдоанглицизмы, русская лексикография.

1. Термин *псевдоанглицизм* описывает явление, которое возникает, когда заимствующий язык использует лексические единицы языка-источника для того, чтобы создать в заимствующем языке неологизм, являющийся неизвестным в языке-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» (РЯИК) в рамках научного проекта «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков» (№ 20-512-23009).

источнике [Onysko 2007: 52]. Этой разновидности языковых контактов в русской лингвистике уделяется совсем небольшое внимание. В словаре-справочнике «Теория заимствования в основных понятиях и терминах» Е.В. Маринова определяет *псевдоанглицизм* как «слово, образованное в русском языке от основы и аффикса английского происхождения и по своим внешним признакам похожее на англицизм» [Маринова 2013: 168].

Более широкое понимание данного термина можно найти в статье А.И. Дьякова. По мнению автора, следует учитывать и семантические факторы: под *псевдоанглицизмами* понимаются а) «заимствованные любым языком единицы английского языка, которые имеют отличительное от языка-источника значение, они используются в таких контекстах и ситуациях, в которых никогда не используются в английском языке»; б) «русские словообразования, созданные при помощи комбинации английских морфем или подражания английской форме слова или его фонетическому облику» [Дьяков 2012: 115].

В зарубежных исследованиях выделяются следующие типы псевдозаимствований: 1) лексические, т.е. комбинации английских лексических единиц для создания слова, не существующего в английском языке; 2) морфологические, т.е. сокращение композита или устранение одного из компонентов английского выражения; 3) семантические, т.е. присвоение нового значения существующему ранее английскому слову [Pulcini 2002: 163].

Наиболее подробная классификация предложена итальянским лингвистом Кристиано Фуриасси, установившим восемь категорий псевдозаимствований: 1) композиты, созданные на основе двух лексических единиц, существующих самостоятельно в английском языке, комбинация которых представляет собой оригинальную продукцию заимствующего языка; 2) дериваты, включающие лексические и грамматические элементы английского языка; 3) эллипсис, т.е. сокращение английского композита устранением одного из его компонентов;

4) «*clipping*», т.е. сокращение английских слов отбрасыванием суффикса; 5) семантические сдвиги (метафора и метонимия); 6) эпонимы, 7) топонимы и 8) торговые марки, употребляемые обобщенно [Furiassi 2010: 38—52].

2. В настоящей статье рассматриваются вопросы лексикографического описания 25 псевдоанглицизмов, активно употребляющихся в современном русском языке. Особое внимание уделяется проблемам представления этимологической справки о данных лексемах в русских словарях. На основе вышеупомянутой классификации К. Фуриасси анализируемые псевдоанглицизмы можно отнести к следующим типам:

1) композиты: *бизнес-леди* (англ. *businesswoman*), *фейс-контроль*, *шоп-тур*, *лонгселлер* (англ. *long-time bestseller*);

2) дериваты: *баннермейкер* (англ. *banner designer*), *бренд-мейкер* (англ. *brand creator*), *гейммейкер* (англ. *game developer*), *клипмейкер* (англ. *music video director*), *татумейкер* (англ. *tattoo artist*), *трендмейкер* (англ. *trendsetter*), *сейфинг* (англ. *providing safe deposit boxes*), *автогол* (англ. *own goal*), *автостоп* (англ. *hitchhiking*), *антистеплер* (англ. *staple remover*);

3) эллипсис: *кемпинг* (англ. *camping site*), *паркинг* (англ. *parking lot*), *смокинг* (англ. *smoking jacket*), *холдинг* (англ. *holding company*), *боди* (англ. *bodysuit*), *тайм* (англ. *half-time*);

4) «*clipping*»: *хеппи-энд* (англ. *happy ending*);

5) семантические сдвиги: *киллер* (англ. *hit man* или *contract killer*), *олдтаймер* (англ. *classic car* или *vintage car*), *шоу-вумен* (англ. *female TV presenter*);

6) торговые марки: *скотч* (англ. *adhesive tape*).

2.1. При сравнении лексикографической регистрации композитов, созданных в русском языке от английских лексических элементов, в разных словарях наблюдаются значительные расхождения в подаче сведений об их происхождении.

В ряде лексикографических изданий нет никакой информации об этимологии неологизма *бизнес-леди* [Скляревская 1998: 86; Скляревская-Ваулина 2004: 59; Скляревская 2006: 125; ССИС 2009: 32]. Указание на язык-источник часто отсутствует даже

в словарях иностранных слов — за исключением одного, в котором отмечается, что данная лексема образована от более ранних английских заимствований *бизнес* и *леди* [НСИС 2008: 129]. Предполагаемая английская форма *business lady* встречается только в двух словарях [Григоренко 2009: 47; Дьяков, [http](#)].

В отличие от предыдущего примера, большинство русских лексикографов убеждены в том, что в английском языке существует композит *face control* [Скляревская 2006: 1042; НСИС 2008: 896; Шагалова 2009: 789; Шагалова 2011: 618—619; Шагалова 2017: 479—480]. Однако такое выражение не фиксируется ни в одном из основных толковых словарей английского языка [OED; Merriam–Webster]. Нами обнаружено всего лишь два словаря, составители которых избежали этого слова-фантома: *face* ‘лицо’ + *control* ‘проверка’ [Комлев 1999: 375; ИСА3 2016: 124].

Не менее интересно словарное описание инновации *шоп-тур*. В этимологическом разделе ряда лексикографических изданий приводятся не существующие английские формы *shop tour* [Шагалова 2009: 886—887; Шагалова 2017: 541—542], *shoptour* [ИСА3 2016: 139] и *shopping tour* [Скляревская 1998: 678—679; Скляревская 2006: 1082; ССИС 2009: 454]. В то же время во многих словарях упоминаются лишь англоязычные элементы, легшие в основу русского неологизма, без уточнения того, что новый композит был создан в языке-источнике или в заимствующем языке: *shop* ‘магазин’ + *tour* ‘поездка’ [Комлев 1995: 134; Комлев 1999: 411; Крысин 2000: 800; СТС 2001: 939; НСИС 2008: 978; Крысин 2009: 308].

Представление новообразования *лонгселлер* в русской лексикографии вызывает дальнейшие проблемы. На основе словарных данных можно прийти к выводу, что это настоящий англицизм в русском языке, соответствующий англ. *long-seller* [Комлев 1999: 209; НСИС 2008: 480; ССИС 2009: 224; Шагалова 2009: 370; Шагалова 2011: 308; Шагалова 2017: 237]. Данная лексическая единица на самом деле зафиксирована

в «Словаре европейских англицизмов», но там снабжена звездочкой, указывающей на неанглийское происхождение слова [DEA 2001: 189]. В действительности название *Longseller* возникло в немецком языке [Onysko 2007: 54]. Оно включено и в онлайн-версию толкового словаря «Duden» (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Longseller>). При этом регистрация данной лексемы в английской лексикографии отсутствует. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в русском языке нововведение *лонгселлер* представляет собой заимствование немецкого псевдоанглицизма *Longseller*.

2.2. Одним из самых продуктивных словообразовательных элементов, участвующих в создании многих псевдоанглийских дериватов в русском языке, является формант *-мейкер*. Он представлен и в настоящих англицизмах заимствующего языка: например, *имиджмейкер* (< англ. *image-maker*), *кингмейкер* (< англ. *kingmaker*), *маркетмейкер* (< англ. *market maker*) и *хитмейкер* (< англ. *hitmaker*).

В рассматриваемой группе лексических инноваций выделяется широко известный неологизм *клипмейкер*. В «Словаре европейских англицизмов» он отмечается звездочкой, поскольку в предполагаемом языке-источнике такое слово не существует [DEA 2001: 61]. Несмотря на это, в большинстве русских лексикографических изданий в качестве этимона приводятся графические варианты данного псевдоанглицизма: *clip-maker* [Крысин 2009: 124; ССИС 2009: 159; Крысин 2012: 148; ИСАЗ 2016: 51], *clip maker* [Григоренко 2009: 191; Шагалова 2009: 308; Шагалова 2017: 203], *clip-maker* [Крысин 2000: 851; НСИС 2008: 382]. Другой способ подачи этимологической справки об анализируемой лексеме прослеживается лишь у немногих авторов: *clip* ‘клип’ + *maker* ‘создатель’ [Комлев 1995: 57; Васюкова 1999: 296; Комлев 1999: 173; СТС 2001: 273; Складаревская-Ваулина 2004: 107].

Происхождение остальных псевдоанглийских дериватов с компонентом *-мейкер* (*баннермейкер*, *брендмейкер*, *гейммейкер*, *трендмейкер*) также объясняется в русской лексикографии

«словами-призраками», не употребляемыми в языке-оригинале: *banner maker* [Григоренко 2009: 38], *brand maker* [Григоренко 2009: 66; Шагалова 2009: 108; Шагалова 2017: 81—82], *game maker* [Григоренко 2009: 98] и *trendmaker* [ИСАЗ 2016: 117]. Единственное исключение — нововведение *татумейкер*, которое описывается по-разному в двух словарях, регистрирующих его: *tattoo maker* [Григоренко 2009: 401—402] и сочетание более раннего заимствования *тату* с англ. *maker* [НСИС 2008: 828].

В некоторых случаях английский суффикс *-ing* способствует появлению русских дериватов, формально напоминающих лексические единицы английского языка, но отличающихся от них семантически. Финансовый термин *сейфинг* ‘услуга по хранению ценностей в арендованной сейфовой ячейке’ представляет собой межъязыковой омоним англ. *safing*, поскольку он был создан в русском языке от прежнего заимствования *сейф*, а не от английского прилагательного *safe* ‘безопасный’, как существительное *safing* ‘обеспечение безопасности’ [OED, <http>] в языке-оригинале. В этом аспекте неологизм *сейфинг* также можно причислить к псевдоанглицизмам в русском языке.

В отличие от примеров, рассмотренных выше, отдельные псевдоанглийские дериваты (*автогол*, *автостоп* и *антистеплер*) не имеют структурно аналогичных соответствий в английском языке. Данные лексемы возникли путем префиксации в других европейских языках. В этом процессе заметна посредническая роль французского языка, в котором псевдоанглицизмы *auto-stop* и *autogoal* употребляются активно. Первое название было создано на французской почве [DEA 2001: 10], а второе, наверное, заимствовано из итальянского языка [Furiassi 2010: 140]. Неологизм *антистеплер*, в свою очередь, можно отнести к собственным новообразованиям русского языка [Дьяков 2012: 115]. В русской лексикографии нет никакой информации о происхождении изучаемых трех слов.

2.3. Классические примеры сокращения английских композитов в европейских языках (*camping*, *parking* и *smoking*) также

получили распространение в русском языке. Данные случаи эллипсиса, однако, в русских словарях описываются неоднозначно. В качестве этимона для лексем *кемпинг* и *паркинг* предлагаются сокращенные формы *camping* и *parking*, называющие в английском языке только действия, тогда как русские существительные обозначают определенные места (ср. англ. *camping site* и *parking lot*). Для слова *смокинг* приводится устаревший композит *smoking jacket*, который в английском языке заменен более современными выражениями *dinner jacket* (в британском варианте) и *tuxedo* (в США). На основе словарных данных можно убедиться в том, что все эти примеры эллипсиса в русский язык пришли через французское посредство [DEA 2001: 47, 226, 292].

Русскому спортивному термину *тайм* в английском языке соответствует название *half* [Merriam-Webster, <http>]. Оба слова восходят к английскому композиту *half-time*, однако они были сокращены по-разному: в английском языке сохранился первый компонент, а в русском — второй (интересно отметить нем. *Halbzeit* и венг. *félidő*, которые являются кальками полного английского выражения). В русской лексикографии обычно указывается лишь основное значение существительного *time* ‘время’, а явлению эллипсиса должное внимание не уделяется и в этом случае.

Аналогично представлены во всех русских словарях неологизмы *боди* и *холдинг*. В качестве источников этих новолексем упоминаются англ. *body* и *holding*, несмотря на то, что семантически к ним более подходят английские композиты *bodysuit* и *holding company*, из которых они были извлечены при заимствовании.

2.4. Самым известным и распространенным псевдоанглицизмом в европейских языках можно считать форму *happy end*, восходящую к англ. *happy ending*. Сокращенная форма *хенни-энд* давно уже укоренилось и в русском языке. Подобно предыдущим примерам, грамматическое изменение (в данном случае устранение суффикса *-ing*) произошло не в языке-источнике, а в каком-либо другом языке Европы (французском или немецком),

выступившем в роли посредника. Некоторые из этих псевдоанглицизмов даже приобрели статус интернациональных слов: например, *autostop*, *smoking* и *happy end* встречаются в ряде языков мира [Furiassi 2010: 66—67].

2.5. В отдельную группу псевдоанглицизмов входят заимствования, которые формально совпадают с лексическими единицами языка-источника, но их значение в русском языке модифицировано до такой степени, что оно уже существенно отличается от английского оригинала. Эти семантические сдвиги охватывают процессы расширения или сужения значения.

Например, неологизм *шоу-вумен* обозначает ‘ведущую телевизионного шоу’. Данное новообразование русского языка зафиксировано всего лишь в двух лексикографических изданиях [Григоренко 2009: 485; НСЗ-90: 1306—1307]. В качестве этимона в них единогласно приводится англ. *show-woman*. По данным Оксфордского словаря английского языка, это существительное на самом деле употребляется в языке-источнике, но в несколько ином значении: ‘женщина, работающая в цирке’ [OED, [http](http://)].

Аналогичный сдвиг произошел и в семантике заимствования *киллер*, пользовавшегося особой популярностью в 1990-е годы. В русской лексикографии его прототипом почти всегда считается английское слово *killer*, несмотря на то, что в заимствующем языке *киллер* применяется исключительно к профессиональному убийце. В то же время рассматриваемая лексема в английском языке такого значения не имеет, в данном смысле используется совсем другое наименование *hitman* [OED, [http](http://)] или *hit man* [Merriam-Webster, [http](http://)]. Единственный словарь, решающий проблему этимологизации неологизма *киллер* независимо от других русских изданий, возводит его к англ. *contract killer* [ИСАЗ 2016: 51]. Это выражение действительно отмечается в толковых словарях английского языка в интересующем нас смысле [CED, [http](http://)]. Таким образом, появление специального значения у русского нововведения *киллер* можно объяснить не только сдвигом в семантической структуре заимствования (не все ‘убийцы’, лишь ‘наемные’), но и как результат сокращения

композиата *contract killer*. К тому же, по всей вероятности, английский прототип подвергся эллипсису не в русском, а в немецком языке, в котором существительное *Killer* обладает тем же значением, как и русское слово *киллер* (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Killer>).

Недавнее заимствование *олдтаймер* ‘автомобиль, построенный в ранний период развития техники’ зарегистрировано в двух словарях иностранных слов [Комлев 1999: 252; ССИС 2009: 293]. Согласно мнению авторов этих изданий, оно соответствует английскому слову *oldtimer*. Однако в языке-источнике *old-timer* может обозначать только ‘опытного человека, работавшего в одном месте в течение многих лет’ [OED, [http](http://www.oed.com)]. Переход от категории одушевленности к неодушевленности (‘лицо’ > ‘автомобиль’), видимо, произошел в немецком языке, где *Oldtimer* является многозначным словом, охватывающим оба из этих значений (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Oldtimer>). Следовательно, неологизм *олдтаймер* представляет собой не прямое заимствование из английского языка, а скорее псевдоанглицизм, пришедший в русский язык через немецкое посредство.

2.6. О происхождении слова *скотч* в большинстве русских словарей не содержится достоверная информация: в них либо вообще отсутствует этимологическая справка [Шагалова 2009: 644; Шагалова 2011: 497—498], либо встречается ошибочное объяснение на основе английского омонима *scotch* ‘надрез’ [Крысин 2000: 650; Крысин 2009: 238—239; Крысин 2012: 317]. В действительности, источником этой лексической инновации русского языка является торговая марка *Scotch (tape)* [НСИС 2008: 782], превратившаяся в нарицательное имя путем метонимического переноса [Furiassi 2010: 39]. Как предполагают составители «Словаря европейских англицизмов», процесс семантического развития данной лексемы был завершён во французском языке, из которого изучаемый псевдоанглицизм впоследствии перешел в русский язык в готовом виде [DEA 2001: 270—271].

3. Рассмотренный выше список псевдоанглицизмов ни в коем случае не является исчерпывающим. Необходимо провести дальнейшее исследование для того, чтобы выявить десятки или, может быть, сотни других аналогичных лексических единиц в русском языке. В настоящей статье были представлены лишь предварительные результаты анализа псевдоанглицизмов в лексикографическом аспекте. Но уже на этом небольшом материале (25 слов) стало видно, что заимствования такого типа в русских словарях описываются неадекватно: либо нет никакой информации об их происхождении, либо приводятся не существующие английские формы в качестве их прототипов. Особенно в тех случаях, когда в этимологическом разделе словарной статьи даются только отдельные иноязычные компоненты, введение новой лексикографической пометы *псевдоанглицизм* способствовало бы более однозначной презентации этих лексем в русских словарях, как это предложила Л.А. Нефедова в недавно опубликованной статье о псевдозаимствованиях в немецком языке [Нефедова 2013: 123].

Список литературы

1. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов (с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления). М.: АСТ-Пресс, 1999. 640 с.
2. Григоренко О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. Воронеж: Научная книга, 2009. 517 с.
3. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru>
4. Дьяков А.И. Уровни заимствования англицизмов в русском языке. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки 2012. № 2. С. 113—124.
5. ИСАЭ — Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. М.: ФЛИНТА, 2016. 148 с.
6. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М.: Изд-во МГУ, 1995. 144 с.

7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 672 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 2000. 856 с.
9. Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2009. 320 с.
10. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2012. 416 с.
11. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2013. 240 с.
12. Нефедова Л.А. Псевдозаимствования в современном немецком языке: проблема презентации в толковом словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 121—123.
13. НСЗ-90 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. СПб.: Д. Буланин, 2014. Т. 3. 1360 с.
14. НСИС — Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
15. Складаревская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 702 с.
16. Складаревская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
17. Складаревская Г.Н., Ваулина Е.Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. СПб.: СПбГУ, 2004. 224 с.
18. ССИС — Черкасова М.Н., Черкасова Л.Н. Современный словарь иностранных слов. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 470 с.
19. СТС — Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001. 960 с.
20. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI в.). М.: АСТ: Астрель, 2009. 944 с.
21. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ: Астрель, 2011. 768 с.
22. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2017. 576 с.
23. CED — Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>

24. DEA — Görlach M. (ed.) A Dictionary of European Anglicisms. A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages. Oxford: OUP, 2001. 352 p.
25. Furiassi C. False Anglicisms in Italian. Monza: Polimetrica, 2010. 257 p.
26. Merriam-Webster — Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com>
27. OED — Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>
28. Onysko A. Anglicisms in German. Borrowing, Lexical Productivity, and Written Codeswitching. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. 392 p.
29. Pulcini V. Italian // Görlach M. (ed.) English in Europe. Oxford: OUP, 2002. P. 151—167.

© S. Janurik

ON THE REGISTRATION OF PSEUDO-ANGLICISMS IN MODERN RUSSIAN LEXICOGRAPHY

The aim of the present paper is to analyze how pseudo-English loanwords are registered in modern Russian lexicography. This is a rather new and quickly developing research field in European linguistics, however, in Russia, it has received hardly any attention so far. These lexical items are usually treated as real English borrowings in Russian dictionaries, despite the fact that they are not used in the source language in the form they are presented by lexicographers. It is also pointed out in the paper that some pseudo-Anglicisms have been transferred into Russian through one of the main intermediary languages of Europe (French or German). The author claims that a new lexicographic marker *Pseudo-Anglicism* should be introduced in order to unambiguously demonstrate the origin of these lexical items in Russian dictionaries.

Keywords: language contact, borrowing, source language, recipient language, intermediary language, English loanwords, pseudo-Anglicisms, Russian lexicography.

ЗАМЕТКИ ОБ УНИВЕРБАЦИИ И ДИМИНУЦИИ НА ОСНОВЕ ИХ ФОРМАЛЬНОГО СХОДСТВА¹

Суффиксы *-к(а)* и *-ик* могут служить, с одной стороны, средствами стяжения двух или нескольких слов, с другой стороны, они часто обозначают уменьшение размера предмета. Следовательно, семантический анализ производных слов позволяет рассматривать два разных словообразовательных способа в рамках их формального единства: вопрос об универбации, а также проблематику диминутивных дериватов. Опыт педагогической практики показывает, что формы компрессивного словообразования зачастую затрудняют адекватное понимание. В случае универбации именно «главное слово» мотивирующего сочетания, тем самым важный компонент реализуемого значения свернутых номинаций является формально невыраженным. Таким образом, само значение универбата остается скрытым иногда даже при учете контекста. С позиции венгерских учащихся остановимся на следующих вопросах: на стилистической характеристике и на многозначности универбатов, на проблеме разграничения омонимичности и многозначности дериватов, образованных с помощью данных суффиксов и, касательно диминутивов, на вопросах ослабления или утраты уменьшительной функции таких дериватов и расширения их лексического значения.

Ключевые слова: универбация, многозначность, омонимичность, диминутив, изменение значений.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

1. Проблема универбации при обучении иностранных учащихся

Изменения, наблюдаемые в русском языке с конца XX века, проявляются на разных уровнях описания языка — фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса (см.: [Юдина 2010]). Анализируя активные процессы, лингвисты, как правило, в той или иной степени, распространяют свои исследования и на способы компрессивного словообразования [Земская 1987: 113—117, Земская 2000: 90—141; Валгина 2001: 144—145; Юдина 2010: 106—107]. Присоединяясь к изучению данной темы, мы поставили перед собой цель направить внимание на такие моменты, которые представляют особые трудности для венгерских учащихся. Одна из основных трудностей проявляется в том, что универбаты и диминутивы являются в своем внешнем виде сходными (иногда создаются и омонимы). В этой деривации суффиксы *-к(a)* и *-ик* могут выполнять совершенно разные семантические функции: с одной стороны, они участвуют в образовании свернутых единиц типа *визитка* и, с другой стороны, в создании слов со значением уменьшения (например, *головка*). Эти словообразовательные приемы могут и «совпадать», создавая омонимичные формы: ср. диминутив *фигурка* ('фигура маленького размера' — например, *шахматная фигурка*) и компрессивное образование *фигурка* ('фигурное катание'). Сначала мы обратимся к рассмотрению вопроса «компрессии» слов.

Словообразовательный способ, нацеленный на стяжение двух или нескольких слов, получил общепринятое название в форме термина «универбация» и созданный таким образом дериват называется универбатом (короче и универбом). Ввиду того что в устной речи, предпочитающей формы языковой экономии, постоянно возникают новые универбаты, или же существующие уже такие дериваты приобретают новые значения, явление универбации обычно описывается в рамках изучения разговорной речи [Земская 1987: 113—114, 117] или в связи с появлением новых слов [Лопатин 1978; Говердовская

1992; Répási 1999: 55—63]. В то же время при акцентировке языковой экономии и непринужденной разговорности мало говорится о том, что универбация — на самом деле, не новое явление в русском словотворчестве, более того, этот способ деривации восходит к самому древнему периоду славянских языков. Со ссылкой на польский источник А. Холлош замечает, что «этот специфически разговорный способ словообразования сложился еще в общеславянскую эпоху» [Холлош 1992: 90]. В статье автора представлены универбаты, собранные из русских текстов XVI—XVIII веков, и выявлено, что бо́льшая часть таких слов имеет профессионально-терминологический характер [Холлош 1992: 91—96]. Можно полагать, что именно раннее наличие универбации послужило благоприятным фоном для ее распространения и в последующие века.

1.1. Заметки к стилю универбатов. При характеристике универбации высказывается такое общепринятое мнение, что данные дериваты употребляются преимущественно в разговорной речи. Остановимся на этом вопросе подробнее.

1) Универбаты характеризуются разнообразием стилистической окраски (обычные пометы при них: *оказ.*, *прост.*, *индивид.*, *професс.* или просто *разг.*). Некоторые из них со временем превратились в стилистически нейтральные лексические единицы: *маршрутка*, *электричка*, *зачетка*, *подземка* (в значении ‘метро’), *мобильник*, *парусник*, *грузовик*, причем соответствующие исходные словосочетания характеризуются разной степенью официальности или искусственности: *маршрутное такси*, *электропоезд* (← электрический поезд), *зачетная книжка*, *подземная железная дорога*, *мобильный телефон*, *парусное судно* и др. Уже давно приобрел статус самостоятельного слова в нейтральном стиле универбат *открытка*, вытеснив его первоначальное мотивирующее словосочетание *открытое письмо*. Подобно этому, словом нейтрального стиля стала и *зажигалка* (‘прибор для зажигания огня’), а в значении ‘зажигательная бомба’ это слово уже потеряло свою актуальность.

2) Затрудняет стилистическую оценку то, что расширение семантического потенциала некоторых универбатов нередко позволяет выделить и окказиональные значения, которым присуща бóльшая степень разговорности. Ср., например, слово *подземка* в своем обычном ('подземная железная дорога') и более частном употреблении типа 'подземный бар/клуб'. Показательным примером может быть и слово *раскладушка*, которое в своем традиционном понимании 'раскладная кровать'/'раскладной стул', в сущности, имеет уже нейтральный стиль, но его новое значение 'раскладной телефон' кажется пока окказиональным.

3) Помимо разговорности многие универбаты характеризуются в той или иной степени и стилем профессионального жаргона. Такие дериваты неодинаково воспринимаются представителями данной профессии и теми носителями языка, которые не осведомлены в данной области. Например, слова *Иностранка*, *Ленинка*, *Тургеневка* как разговорные названия соответствующих библиотек, для исследователей являются понятными наименованиями даже без контекста, а в случае других профессий это не обязательно так. Подобным образом, для преподавателей какого-либо иностранного языка или для тренеров по разным видам спорта слово *нулевик* ('начинающий с нуля') менее окказиональное (и тем самым менее разговорное), чем для тех, кто никакого отношения не имеет к таким видам деятельности. Ярким примером для иллюстрации рассматриваемого явления представляется универбат *испанка*. В его наиболее распространенном значении 'испанский грипп' данное слово можно считать общепонятным. Ср.: *Доктор сказал, что у нее испанка — это ужасный грипп, от которого в каждом доме умирают люди* (М.М. Зощенко, *Перед восходом солнца*). Но в отличие от этого примера, вряд ли все понимают данный универбат в значении шахматного жаргона: 'испанская партия', точнее 'испанский дебют шахматной партии'. На окказиональный характер такого рода употребления указывает и то, что на письме обычно заключают данную форму в кавычки: *Дебют-*

ная партия поединков достаточно многообразна, но в «испанке» мне не удавалось до сих пор выиграть (Г. Каспаров, Два матча. М., 1987. С. 177).

1.2. К многозначности универбатов. Многозначные дериваты создаются потому, что многие из таких единиц могут быть сведены к разным исходным словосочетаниям, т.е. отдельные дериваты мотивируются разными определительными конструкциями. Чтобы наглядно показать это явление, также можно обратиться к примеру *испанка*. Помимо значений ‘испанский грипп’ и ‘испанская (шахматная) партия’ могут развиваться и другие значения, восходящие к разным мотивирующим сочетаниям: ‘испанский танец’, ‘испанская песня’, ‘испанская шляпа’. См., например, в следующем контексте: *Мне было неполных четыре года, когда я, как и все, с гордостью носил «испанку» — высокую пилотку с кисточкой спереди — точно такую же, как героические бойцы республиканской Испании* (Александр Городницкий, «И жить еще и надежде»).

У слова *гражданка* различаем следующие значения: 1) в профессиональном употреблении (с оттенком окказ.): ‘гражданский шрифт’ (гражданица), введенная Петром I, 2) в речи военных: ‘гражданская (то есть не военная) жизнь’: *На войне, как и на гражданке, Вова был все так же бодр, шепеляв, словоохотлив и нагл* (Вацлав Михальский, Храм Согласия). 3) ‘гражданская война’ (1918—1920): *Когда-то я воевал на гражданке, потом учился, был секретарем партийного бюро...* (А. Галич, Матросская тишина). Универбат *двушка* интересен тем, что его первоначальное значение оттеснилось на задний план. Раньше, примерно до 90-х годов это слово употреблялось лишь как сокращение сочетания ‘двухкопеечная монета’, а в настоящее время оно чаще всего обозначает ‘двухкомнатную квартиру’ (см. это слово в объявлениях на квартиры). На наших глазах расширился семантический потенциал и универбата *читалка*. Помимо его просторечного употребления (‘читальный зал’) развилось новое значение: ‘устройство для чтения электронных книг’. Разумеется, что новая форма употребления в

первое время стала принятой прежде всего среди пользователей компьютерной техники.

Из многочисленных примеров видно, что одни универбаты являются понятными и без контекста, а другие — семантически сильно обусловленными ситуацией. Последние, в разных контекстных условиях, могут получать разные интерпретации. Характер такого рода различия представлен следующими примерами: 1) Слово *поллитровка* (прост.) понимается как *водка*, а не «какая-нибудь жидкость» полулитрового объема. 2) Универбат же *нулевка* явно многозначен: в разных разговорных ситуациях он может быть отнесен к семантически не связанным между собой денотатам, — его возможные интерпретации объединяются лишь общим значением числительного *нуль*. Ср.: ‘стрижка наголо’, ‘нулевая ничья (0:0)’, ‘нулевой класс или подготовительная группа’ (*класс нулевка*, *группа нулевка*) и ‘ничтожный человек’.

1.3. Проблема разграничения омонимичности и многозначности. С опорой на традиционное понимание явления омонимии и полисемии, попытаемся предложить решение проблемы различения данных феноменов. С одной стороны, если исходить из того, что универбату соответствуют разные словосочетания с разным содержанием, то при первом приближении трудно отрицать явление омонимичности. С другой стороны, однако, рассматриваемые универбаты все-таки интуитивно воспринимаются как многозначные единицы, так как конкретные значения объединены некоторым общим значением соответствующего мотивирующего слова (*испанский*, *гражданский*, *нуль* и др.). При этом, конечно, у каждой единицы могут реализовываться разные потенциальные значения под воздействием данного контекста. Проиллюстрируем сказанное на примере слова *пятиминутка*. Это слово может относиться к различным видам деятельности, которые примерно длятся 5 минут. Таким образом, *пятиминутка* может быть и свободной программой по фигурному катанию (выражаясь универбатом, «по фигурке»), но она может обозначать и пятиминутный

период совсем других событий (напр., *Последняя пятиминутка матча была особенно напряженной*). Однако, как кажется, несмотря на факт разных номинаций, мы интуитивно чувствуем единство слова, правда, при разграничении многозначности и омонимичности трудно исключить субъективный компонент носителя языка.

Многозначность и омонимичность в некоторых случаях можно разграничить не только на семантической основе (исходя из того, в какой степени дериваты семантически связаны между собой), но и, более объективно, исходя из словообразовательной функции данного суффикса. Очевидно, что мы имеем дело с явлением омонимичности, если формально одно и то же производное слово может употребляться как в роли универбата, так и в роли диминутива. Например, слово *фигурка*, как уже указывалось выше, может иметь не только значение ‘фигура небольшого размера’, но, особенно в профессиональном жаргоне, и значение ‘фигурное катание’.

Более сложный случай представляет дериват *стенка*. Здесь суффикс, помимо своей диминутивной функции, в той или иной мере изменяет и лексическое значение производящего слова. Правда, при изменении получаются такие типы употребления, которые связаны между собой, они выводятся друг из друга. Ср. слово *стенка* в сочетаниях: *стенки желудка, сосуда, ящика, шведская стенка, составить стенку* (например, в футболе), *игра(ть) в стенку* (в футболе), *поставить к стенке* (‘расстрелять’). В этих случаях наблюдается многозначность диминутива *стенка*. В значении же ‘предмет специальной мебели, имеющей множество секций’ данный дериват является универбатом, так как его можно свести к сочетанию *стенная мебель*. Следовательно, в случае деривата *стенка* логично усмотреть также распад на омонимы.

2. О диминутивах, образованных суффиксами *-к(а)* и *-ик*

Вопросы, связанные с уменьшительными функциями данных суффиксов, также привлекают внимание исследователей

последних десятилетий (см., в частности, [Протасова 2001, Рацибурская 2015, Виноградова, Петрова 2015]). В современных исследованиях при описании диминутивов внимание направляется в первую очередь не на фактор уменьшения (что можно считать само собой разумеющимся), а на субъективно-оценочные значения этих слов, на эмоциональную сторону диминуции, т.е. на положительное или, реже, на пренебрежительное отношение говорящего к предмету или лицу, а также и на стилистическую модификацию рассматриваемых образований. Ниже мы не касаемся этих аспектов, вместо этого, фокусируем внимание на примерах, свидетельствующих об изменении лексического значения данного деривата. Трудности в понимании таких слов могут возникать потому, что семантические сдвиги по сравнению с мотивирующим словом при образовании диминутива с помощью данных суффиксов наблюдаются сравнительно редко, само это явление (которое мы здесь условно называем «лексикализацией») нельзя считать системным.

2.1. Об изменении значения. Некоторые диминутивы развивают новые лексические значения (отсутствующие в производящем слове), и тем самым они могут выступать в качестве самостоятельной лексической единицы (напр., *спинка* ⟨стула⟩, *стенка* ⟨для гимнастики⟩, *косточка* ⟨рыбы⟩). Бросается в глаза, что к данному виду словопроизводства, в основе которого лежит название принципиально другого предмета, часто прибегает русская медицинская терминология при наименовании разных органов и костей (см.: [Варга 2014]), но такие примеры, как увидим ниже, встречаются спорадически и в других сферах жизни. Процесс перехода в другую номинацию может произойти как на фоне уменьшения предмета (таких случаев большинство), так и независимо от этой функции суффикса. Следующие производные значения создаются на базе уменьшения предмета, обозначенного мотивирующим словом: *голова* → *головка* (*головка* *мышцы*, *кости* или *гвоздя*), *шар* → *шарик* (*шарик* *игрушечный*, *стеклянный*; в мед.: *красные кровяные шарики*), *яйцо* (*яйца*) →

яички (в мед.: ‘парная мужская половая железа’), **стена** → **стенка** (*шведская стенка*; *стенка в футболе*, *стенки сосудов, желудка, ящика*), **кость** → **косточка** (*косточки рыб*; *фруктов*).

В отличие от приведенных примеров, роль уменьшительного суффикса при «лексикализации» диминутива может значительно отступить на задний план, она может быть даже полностью снята. Сначала обратимся к словообразовательной модификации *сеть* → **сетка**. Заметим, что в сочетании *рыболовная сетка* не создается новой номинации, поскольку в этом же значении употребляется и мотивирующее слово: *рыболовная сеть*. Однако в сочетаниях *сетка от комаров*, *теннисная* или *волейбольная сетка* (и вообще в значении спортивной принадлежности) употребляется только диминутив. Сходный пример семантического сдвига представляет образование **носик** в сочетании *носик чайника* или *кофейника*. Кроме того что основу производного значения здесь представляет метафорический перенос, видимо, размер предмета не имеет особого значения — *носик чайника* несомненно больше, чем *нос человека* (ср.: [Драгичевич 2015: 90]).

Также изменяется значение в результате диминуции *шея* → **шейка**, причем данный дериват входит в разные словосочетания, создавая разные номинации. Предметы, обозначаемые данным словом, в одних случаях могут быть связаны с уменьшением (*шейка зуба*, *шейка матки*), в других же случаях они как будто независимы от размера: *шейка теннисной ракетки*, *шейка бедра*, *шейка рельса*, — у каждого из перечисленных примеров важно переосмысление того значения, которое свойственно производящему слову. Подобно примерам, приведенным выше, безразличным кажется фактор размера и при «лексикализации» образования **спинка**: *спинка стула*, *дивана* или *кровати* (ср. *спина человека*). Несколько иначе обстоит дело с диминутивом **садик** в значении ‘детский сад’, так как в этой форме, хотя и собственно уменьшительное значение не выражено, суффикс **-ик** в указанном значении все-таки сохраняет функцию ласкательности. При понимании диминутива *садик* в

иностранной аудитории может вызвать трудности и следующий факт: из возможности реализации значения 'детский сад' отнюдь не следует утрата значения 'маленький сад'. В этой связи недвусмысленность контекстов оказывается не одинаковой для изучающих русский язык как иностранный. Ср., в частности, следующие цитаты, взятые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): — *В пять. В садике у больницы. Устроит? — Вполне, — ответил я* (В. Белоусова, Второй выстрел); *Буду в море купаться, в садике цветы посажу, кур заведу* (И. Грекова, Дамский мастер); *У меня у сына в садике карантин, — ответил Игорь...* (А.Б. Сальников, Отдел // «Волга»); *Сегодня он был дома один. Родители на работе. Ванька — в садике* (М. Тырин, Будет немножечко больно). Следует заметить, что при «лексикализации» диминутивов сохранение значения производящего слова наблюдается в сравнительно многих случаях, как и в следующем предложении: *Босые ноги неслышно ступали по красному ковру, только косточки потрескивали* (Юрий Петкевич, Явление ангела).

Что касается венгерских эквивалентов при диминуции, то и в этом отношении можно указать на существенные различия по сравнению с русским языком. Во-первых, в русском языке словообразовательный прием диминуции наблюдается гораздо чаще, чем в венгерском. В живой разговорной речи такие формы, как *стульчик, билетик, тарелочка, водичка* и т.п. весьма распространены и они считаются естественными, тогда как в венгерском языке соответствующие диминутивы употребляются лишь в ограниченной мере (они воспринимаются менее естественными формами). Следовательно, при переводе, как правило, обычными эквивалентами русских диминтивов являются простые бессуффиксные формы слова. Во-вторых, при семантическом изменении диминутива новому значению могут соответствовать разные способы выражения: 1) В качестве эквивалента употребляется в венгерском языке не диминутив, а простая производящая форма (без уменьшительного суффикса): *шведская стенка* → *bordásfal*, *стенки желудка* → *gyomorfal*,

сетка от комаров → *szúnyogháló*. 2) В качестве эквивалента русского диминутива иногда выступает другое слово (с другим корнем): *косточка* (только в уменьшительной функции) → *csont, csontocska*, но *косточка* ⟨рыбы⟩ → *(hal)szálka, косточка* ⟨фруктов⟩ → *(gyümölcs)mag*; или же *ручка* (ласкательная форма слова *рука*) → *kéz, kezecske*, но *ручка* ⟨дверная⟩ → *kilincs, ручка* (как письменная принадлежность) → *toll*. Кроме того, другими словами передаются почти все сочетания, создающие новые номинации: *ручка чемодана, ручка корзины* или *ручка лопатки*. В соответствии с изменением значений, указанным выше, с точки зрения эквивалентности аналогичный пример представляет и появление новой номинации у диминутива *садик* — ср.: *садик* = *kis kert, kertecske*, но в значении ‘детский сад’ — *óvoda*. Данное различие объясняется следующей причиной: в русском языке наименование «детский сад» возникло в результате семантического калькирования немецкого слова *Kindergarten*, в то время как в венгерском языке для обозначения данного учреждения изначально употреблялось слово *óvoda*.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Варга Э.К. Диминутивы в русской анатомической терминологии // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф., посвящённой к 75-летию высшего филологического образования в Республике Хакасия 24—25 ноября 2014 г. / отв. ред. В.П. Антонов. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. С. 15—17.
3. Виноградова В.Н., Петрова З.Ю. Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha 2015. С. 412—426.
4. Говердовская Е.В. Новые имена существительные в лексике современного русского языка // Русский язык в школе. № 3—4, 1992. С. 46—51.

5. Драгичевич Р. Недеминутивные значения деминутивов // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Praha 2015. С. 88—101.
6. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. 238 с.
7. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия*; ред. Е.А. Земская, М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90—141.
8. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления // Н.З. Котелова (ред.), *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград, 1978. С. 72—80.
9. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru>
10. Протасова Е.Ю. Деминутивы в современном русском языке // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая сер. V. Русский язык: система и функционирование*. Тарту, 2001. С. 72—88.
11. Рацибурская Л.В. Деминутивы в текстах современных российских массмедиа // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Praha 2015. С. 331—337.
12. Холлош А. Универбация и русский литературный язык (К истории универбаций с суффиксом *-ка*) // *Труды по славяноведению. Szlavisztikai tanulmányok*. Ed.: Nyomárkay I. et al. Budapest, 1992. С. 90—98.
13. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.
14. Répási Gy., *Szavak a beszédben, szavak a nyelvben* [Слова в речи, слова в языке]. Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 1999. 247 с.

© J. László

NOTES ON UNIVERBATION AND DEMINUTION ON THE BASIS OF THEIR FORMAL SIMIPARITIES

The Russian suffixes *-k(a)* and *-ik* can serve, on one hand, as means of compression of two or sometimes several words, on the other hand, they often denote a reduction of the size of an object. Consequently, the

semantic analysis of derived words allows us to consider two different derivational methods within the framework of their formal unity: the issue of univerbation, on one hand, and the problem of diminutive derivatives, on the other hand. The experience of teaching practice shows that the forms of compressive word formation often make adequate understanding more difficult. In the case of univerbation it is “the important component” of the motivating collocation and therefore the component of the realized meaning of the compressed nominations which is formally unexpressed. Thus, the meaning of the univert itself sometimes remains hidden even when the context is taken into consideration. From the point of view of Hungarian students, we will focus on the following specific issues: on the stylistic characteristics and on the polysemy of univerts, on the problem of differentiating the homonymy and polysemy of derivatives formed with the help of the mentioned suffixes, as well as, regarding diminutives, on the issues of weakening or loss of the diminutive function of such derivatives and the extension of their lexical meaning.

Keywords: univerbation, polysemy, homonymy, diminutive, change of meanings.

Научное издание

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ**

Сборник научных статей

Подписано в печать 26.01.2021. Формат 60×88/16.
Усл. печ. л. 54,64. Уч.-изд. л. 42,06.
Тираж 500 экз. Изд. № 5196. Заказ № 0000.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано с предоставленных готовых файлов
в полиграфическом центре ФГУП Издательство «Известия»
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6.
Контактный тел.: (495)650-38-80
izv-udprf.ru

Отпечатано в типографии ИП Симаков С.В.
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1